СОЦИАЛДЕМОКРАТ

№№ 1—58

1908-1917

ВЫПУСК

I

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛДЕМОКРАТ

№№ 1—58

1908—1917 гг.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—9

1908—1909 гг.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА • 1933

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.

Большевистские газеты являются одним из важных источников изучения истории нашей партии и истории пролетарской революции. Имея в виду доoктябрьский период, можно сказать, что большевистская нелегальная пресса является одним из *основных* источников изучения истории партии и борьбы за диктатуру пролетариата. Газета «Социал-Демократ», к переизданию полного текста которой приступает ИМЭЛ, вначале была нелегальным органом ЦК РСДРП выбранного на V (Лондонском) съезде в 1907г., т. е. органом еще формально объединенных в то время в одной партии — большевиков и меньшевиков.

Как известно, V (Лондонский) съезд (май 1907 г.), где большинство было у большевиков, провел в уставе партии, как и большевики провели на III съезде партии, положение о единоцентрии, т. е. о назначении редакции ЦО Центральным комитетом. Внутрипартийная борьба большевистского и меньшевистского центров после V съезда, саботаж меньшевистской частью ЦК решений съезда и отказ меньшевиков от работы в ЦК, не дали возможности быстро реализовать решения съезда об издании Центрального органа. Четвертая конференция в ноябре 1907 г. приняла жесткую резолюцию против дезорганизующей партийную жизнь «работы» меньшевиков и потребовала от ЦК сделать все возможное для немедленного издания Центрального органа. Надо сказать, что за время от V съезда до сентябрьского пленума ЦК 1908 г. самый состав редакции ЦО менялся неоднократно (*Ленин*, Соч., т. XII, стр. 472 и т. XIV, стр. 494).

В виду указанной дезорганизации общепартийной работы и работы ЦК меньшевиками и в виду усиливавшейся реакции, дело с изданием Социал-Демократа» тормозилось. Только в начале 1908 г. (февраль) удалось подготовить № 1, но почти весь тираж его был арестован полицией в типографии (в Вильно и затем в Петербурге). Лишь немногие экземпляры этого номера удалось спасти от жандармерии. Пришлось почти все основные статьи, корреспонденции и хронику «Социал-Демократа» перепечатать в большевистском «Пролетарии» («Нужно ли бросить лозунг «Долой третью Думу»»; «Старые тенденции и уроки жизни»; «К организационным вопросам» и др., см. «Пролетарий» № 26 от 1 апреля и № 27 от 8 апреля 1908 года). С провалом номера одновременно была провалена и редакция (арест Рожкова и др.). Обстоятельства требовали перевода за границу всей работы по подготовке к изданию ЦО. На пленуме ЦК в сентябре 1908 г. была вновь предпринята попытка возобновить издание «Социал-Демократа». Пленум определил состав ЦО из трех человек. Избранными на пленуме были Ленин и Б. Горев, а третий член редакции должен был быть делегирован от польских социалдемократов. Для содействия редакции ЦО была избрана также постоянная, из шести лиц, комиссия печати. Попытка эта ни к чему не привела — большевистский орган «Пролетарий» и меньшевистский «Голос Социал-Демократа» выходили, а ЦО формально единой РСДРП наладить не удавалось.

Такая медлительность с выпуском ЦО дала основание V общерусской конференции в декабре 1908 г. специально вынести решение о Центральном органе. В резолюции отмечалось, что «конференция выражает сожаление по поводу того, что за все время от Лондонского съезда появился всего один номер ЦО, и настаивает, чтобы ЦК в самом ближайшем времени приступил к изданию Центрального органа» (см. «ВКП в резолюциях», ч. I, изд. 1932 г., стр. 154). И тут же на пленуме ЦК, собравшемся в январе 1909 г. непосредственно вслед за окончанием конференции, был намечен состав редакции из трех большевиков, одного меньшевика и одного поляка, причем в случае невозможности осуществления такой комбинации намечена была другая — два большевика, один бундовец и один поляк. Редакции предложено было в течение одного месяца подготовить очередной номер. Осуществился первый вариант состава редакции, а именно: из В. И. Ленина, Зиновьева, Каменева — от большевиков, Мартова — от меньшевиков и Мархлевского — от поляков. За период от январского пленума ЦК 1909 г. до январского пленума 1910 г. этим составом редакции было выпущено 9 номеров. На «Объединительном» пленуме ЦК (январь 1910 г.), в силу господствовавших на нем «примиренческих» настроений, вопреки Ленину, боровшемуся против беспринципного «объединительства», предостерегавшему от «примиренческих» иллюзий и указывавшему на неизбежный крах этих иллюзий в ближайшее время, было принято решение о роспуске фракционных центров, о закрытии большевистского «Пролетария» и меньшевистского «Голос Социал-Демократа», как фракционных органов. Наряду с «Социал-Демократом» решено было издавать дискуссионный сборник. Это решение было осуществлено изданием «Дискуссионного Листка» в виде приложения к «Социал-Демократу». Первый номер «Дискуссионный Листок» вышел 9 марта 1910 г., а последний — 25 мая 1911 года. Всего вышли только три номера, которые мы

также включаем в текст соответствующих выпусков настоящего издания «Социал-Демократа».

В редакцию «Дискуссионного Листка» входили по одному представителю от всех существовавших в РСДРП течений и по одному от национальных организаций.

Редакция же «Социал-Демократа» январским пленумом ЦК 1910 г. была утверждена в новом составе: от большевиков — Ленин и Зиновьев, от меньшевиков — Мартов, Дан и Варский — от поляков. Фактически весь 1909 г. редакцию вели большевики, как продолжали вести и после пленума ЦК 1910 года. Представители меньшевиков (двое из пяти) саботировали работу редакции, а после пленума 1910 г. почти никакого участия в ней не принимали. Остальные три члена редакции так охарактеризовали работу меньшевиков: «Они одновременно сидят в органе партии и в органе, ликвидирующем партию... Это и создает фальшивую позицию, ту — если можно так выразиться — своеобразную *азефовщину* — для ликвидаторских целей, которая толкает их к самым недостойным поступкам» («Социал-Демократ» № 23 от 14 сентября 1911 года).

Борьба Ленина и большевиков с дезорганизаторской линией меньшевиков и Троцкого за боевую, монолитную партию — после «примиренческого» пленума ЦК, борьба в редакции по целому ряду статей, в которых большевики во главе с Лениным вели беспощадную разоблачительную линию либерально-буржуазной природы ликвидаторства, — все это привело к выходу из редакции Мартова и Дана.

Статьи *Ленина* «Заметки публициста», «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» и др. сыграли крупнейшую роль в борьбе против ликвидаторства справа и «слева», примиренчества и троцкизма, этой гнуснейшей в то время российской разновидности центризма.

К такого же рода статьям и материалам в борьбе за партию, разоблачавшим ликвидаторов, — относится «Письмо с Кавказа» т. *Сталина*, бичевавшее ликвидаторскую сущность теории и практики тифлисских меньшевиков (письмо помещено в № 2 «Дискуссионного Листка»). Меньшевистская часть редакции «Социал-Демократа» добивалась непомещения «Письма с Кавказа», правильно поняв, что уничтожающей критикой тифлисских меньшевиков т. Сталин ярко вскрывал сущность общероссийского ликвидаторства. Или еще корреспонденция т. Сталина в «Социал-Демократ» № 23 от 14 сентября 1911 г. (за подписью «К»), где т. Сталин вскрывал природу «планов» строительства партии ликвидаторами — этих идеологов и практиков столыпинской «рабочей» партии. Тов. Сталин писал о докладе видного меньшевика-ликвидатора на собрании рабочих представителей от крупнейших предприятий Петербурга. Главною мыслью доклада меньшевика было доказать, что рабочему классу «никаких организаций в партийном смысле *не нужно*, а только необходимо сосредоточить всю работу на открытой арене — для этой цели предполагается создание («самочинно») «инициативных» групп, которые занимались бы исключительно открытой работой: организация докладов и собраний (публично, по закону 4 марта — так вот Столыпин и разрешит!) по вопросам: государственное страхование, петиция, избирательная кампания в IV думу и муниципальным вопросам, как-то: удешевление трамваев, водоснабжение и пр.» (см. названный номер «Социал-Демократа»). Из этого т. Сталин делает вывод, что вопрос борьбы с меньшевиками поставлен ребром: партийная нелегальная организация, использующая легальные возможности или «инициативные» легальные группы, ведущие работу исключительно на почве столыпинских законов.

Конечно, ликвидаторской постановке вопроса о строительстве такой партии собравшиеся представители петербургских рабочих дали жестокий отпор.

Тов. Ленин в статье «От редакции», сопровождающей корреспонденцию т. Сталина, писал, что эта заметка «заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить». Письмо т. Сталина фактами отношения рабочих к ликвидаторам разоблачало и опровергало все «доводы» примирителей и соглашателей, особенно соглашателей и «примирителей» типа г-на Троцкого. «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели», — писал Ленин в связи с этой корреспонденцией, — вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группы Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства» (там же).

В годы реакции и подъема «соглашательство» троцкизма было линией на ликвидацию пролетарской партии, а следовательно, это было ликвидацией революционной линии борьбы с царизмом и буржуазией, это была линия на столыпинскую «рабочую» партию. Позднее, после победы диктатуры пролетариата, в восстановительный период, «левые» фразы троцкизма о внутрипартийном режиме, о «термидоре», о сверхиндустриализации и т. д., были линией на ликвидацию диктатуры пролетариата, на усиление капиталистических элементов в нашей стране и реставрацию капитализма. В настоящее время троцкизм превратился в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Ленинская непримиримая партийность побеждала. В декабре 1911 г., после чрезвычайно напряженной борьбы Ленина и ленинцев с ликвидаторами всех разновидностей и беспринципным «примиренчеством» всех оттенков, в том числе представителей главного Правления ПСД, ушел из редакции и представитель от ПСД — Ледер, который работал в редакции, заменив по решению Правления ПСД — Варского. «Социал-Демократ» с этого времени стал чисто большевистским органом, основным редактором которого с тех пор стал Ленин, а секретарем редакции — Н. К. Крупская. До империалистской войны «Социал-Демократ» выходил с большими перерывами,

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестая (пражская) конференция в январе 1912 г., окончательно закрепившая победу над ликвидаторством в рабочем движении нашей большевистской партии, в специальном решении подтвердила правильность принципиальной линии редакции «Социал-Демократа» и вместе с тем выразила пожелание о большем внимании со стороны редакции к статьям пропагандистского характера и большей популярности и доступности статей для рабочих.

В период империалистской войны «Социал-Демократ» занял и проводил боевую ленинскую линию по всем вопросам войны, строительства партии и борьбы с социал-шовинизмом и центризмом II Интернационала. В резолюции конференции заграничных большевистских секций РСДРП (февраль 1915 г.) отмечается полная солидарность «с идейным направлением ЦО и с его позицией в вопросе о войне». Выражая надежду на ускорение выхода ЦО, конференция вместе с тем осудила проект «левой» группы большевиков, находившихся в Божи (божийцев), предлагавших издавать новую газету, наряду с «Социал-Демократом», в которой по сути предполагалось по коренным вопросам революции и империалистской войны проводить другую линию, отличную от линии ЦК,— линию «лево-оппортунистическую».

В начале войны издание было перенесено в Женеву и номера стали выходить более регулярно, в среднем, примерно, не реже одного раза в месяц. А всего за время войны вышло 26 номеров, с 33 по 58. Последний, № 58, вышел 31 января 1917 года.

Таковы краткие сведения о вехах этой газеты, изучение которой даст каждому большевику богатейший материал об идейной и практической борьбе нашей партии с ликвидаторством всех видов, как проявлением буржуазного влияния на пролетариат. Вместе с переиздаваемой ИМЭЛ большевистской легальной газетой «Правда» (1912 — 1914 гг.) полный комплект этой газеты составит серьезный вклад в дело постановки изучения истории большевистской партии на научные большевистские рельсы.

Все переиздание «Социал-Демократа» составит пять выпусков.

Текст первого выпуска подготовлен к печати т. *Б. Л. Мельничанской*.

Август 1933 г.

Список сокращенных слов.

Ал. Моск.	— Алексея Московского.
арест.	— арестантские.
Бак. к-т Б. К.	бакинский комитет.
б-ки б-ков б-кам	большевики-ов-ам.
б-ких б-ская	большевистских-ая.
бурж.	— буржуазный.
вн.	— внутренних.
в окт.	— в октябре.
Главное Пр. П. С. Д.	— главное правление Польской социалдемократии.
«Г. С. Д.»	— «Голос Социал-Демократии».
Гор. район Г. р.	Городской район.
Г. Д. Гос. Дума	Государственная дума.
госуд. госуд. строй государств.	государственный (строй).
Гр. Осв. Тр.	— группа Освобождение труда.
Дальн. р.	— Дальницкий район.
деп.	— депутат.
деят.	— деятелей.
евр.	— европейский.
Екат.	— Екатеринослав.
зар.	— заработная.
зав.	— заводских.
зав. ком.	— заводские комитеты.
загр.	— заграничных.
З. Б. Ц. К.	— заграничное Бюро Центрального комитета.
З. Бюро	— заграничное Бюро.
избират. собр.	избирательные собрания.
И. К. Н. Р.	исполнительная комиссия Невского района.
И. К.	— исполнительный комитет.
И. К. М. К.	— исполнительная комиссия Московского комитета.
каз.	— казенных.
к.-д.	— конституционные демократы (кадеты).
конфер.	конференции
кооп.	— кооперативный.
крест. банк	— крестьянский банк.
лат.	— латышский.
лонд.	— лондонский.
м-ки м-ков м-ками	меньшевики-ов-ами.
м-ского	— меньшевистского.
м-скими	— меньшевистскими.
моск.	— московские.
М. К-та М. К.	Московского комитета.
М-ва Мин. вн. дел	министерство внутренних дел.
«Моск. Вед.»	— «Московские Ведомости».
«Н. доп.»	— «необходимое дополнение».
нефтепром.	— нефтяная промышленность.
неф-ков	— нефтяников.
н-сы (Эн-эсы) н-сах	народные специалисты-ах.
О. Ком. Од. Ком. Од. К. Одес. Ком. Одесск. Ком.	Одесский комитет.
обл.	— областные.
Орг.-ции орг.-циями орг-ции	организаций-ями- ии.
парл.	— парламентский.
парт. парт.	партийная-ые.
пер. гр. пересып. гр.	пересыпская группа.
П. С. Д.	— Польской социал-демократии.
пролет. прол.	пролетарии-ской.
пром.	— промысловое.
П. К.	— Петербургский комитет.
П. П. С.	— Польская социалистическая партия.
«Прол.»	— «Пролетарий».
Проток. Ком.	— протокольная комиссия.
профес. проф. орг.	профессиональная (организация).
р. собрания	— районного собрания.
Р. К.	— районный комитет.
р-на р-не	района-е.
р-ная	— районная.
р. с.	— районный совет.
расш.	— расширенная.
Р. С. Д. Р. П.	— Российская социал-демократическая рабочая партия.
«Рус. Слово»	— «Русское Слово».
сов.	— совет.
«С.-Д.» С.-д.-ой	социал-демократическая-ой.
с.-д.-ия соц.-дем. с-д.-ии с-дем.-ию	социал-демократия-ии-ию.
с.-д-их	— социал-демократических.
Таврич.	— таврический.
Тиф. К-та	— тифлисского комитета.
финл.	— финляндский.
Ц. К-т	— Центральный комитет.
ц-ами ц-ов	цекистами-ов.
Ц. О.	— Центральный орган.
Ц. Р. К.	— Центральный районный комитет.

РОССIЙСКАЯ СОЦIАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТIЯ

Пролетарiи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Соцiаль-демократъ

Центральный Органъ Россiйской Соц.-дем. Раб. Партiи.

№ 1.	Февраль 1908 г.	№ 1.

ОТЪ БЮРО Ц. К.

Бюро обращается ко всѣмъ мѣстнымъ, областнымъ и нацiональнымъ организацiямъ съ настоятельной просьбой тщательнѣе освѣдомлять Ц. К. о рабочемъ движенiи на мѣстахъ и дѣятельности нашихъ комитетовъ и группъ. Бюро напоминаетъ т.т. постановленiе послѣдней всероссiйской конференцiи, обязующее всѣ мѣстныя организацiи присылать въ Ц. К. ежемѣсячные подробные отчеты. Все присылаемое въ той или другой формѣ будетъ использовано на страницахъ Ц. О.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ц. К. убѣдительно проситъ мѣстныя организацiи присылать 10% взносы. Матерiальная помощь Ц. К-ту со стороны мѣстныхъ организацiй до сихъ поръ была крайне скудна.

Бюро Ц. К.

Товарищи рабочiе!

Черезъ глухiя стѣны тюрьмы прорвался къ намъ вашъ пролетарскiй привѣтъ, прорвалась вѣсть о вашей славной забастовкѣ 22-го ноября.

Тамъ, въ темномъ застѣнкѣ, слуги самодержавiя, захватившаго вновь рвущуюся къ свободѣ страну,—огражденные штыками, вершили свой тайный судъ надъ нами, вашими представителями, а въ нашемъ лицѣ надъ новой рождающейся Россiей. И въ это же время при яркомъ свѣтѣ дня пролетарiатъ, движущiй всю новую Россiю на борьбу со старымъ порядкомъ,—окруженный вражескими штыками, открыто осудилъ это судилище самодержавiя.

Мы, представители рабочаго класса, которымъ самодержавное правительство бросило обвиненiе въ заговорѣ, мы явились на судъ и бросили правительству вызовъ—судить насъ открыто, чтобы показать странѣ, кто подъ покровомъ тайны готовилъ и осуществилъ заговоръ противъ народа, мы ли, которые открыто шли противъ самодержавiя и открыто звали народъ на борьбу, опираясь на его завоеванiя,—или

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «СОЦИАЛДЕМОКРАТ» № 1, ФЕВРАЛЬ 1908 ГОДА.
Уменьшено.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Соціалъ-демократъ

Центральный Органъ Россійской Соц.-дем. Раб. Партіи.

№ 1.	Февраль 1908 г.	№ 1

ОТ БЮРО Ц. К.

Бюро обращается ко всем местным, областным и национальным организациям с настоятельной просьбой тщательнее осведомлять Ц. К. о рабочем движении на местах и деятельности наших комитетов и групп. Бюро напоминает тт. постановление последней всероссийской конференции [1], обязующее все местные организации присылать в Ц. К. ежемесячные подробные отчеты. Все присылаемое в той или другой форме будет использовано на страницах Ц. О.

Вместе с тем Ц. К. убедительно просит местные организации присылать 10% взносы. Материальная помощь Ц. К-ту со стороны местных организаций до сих пор была крайне скудна.

Бюро Ц. К.

Товарищи-рабочие [2]!

Через глухие стены тюрьмы прорвался к нам ваш пролетарский привет, прорвалась весть о вашей славной забастовке 22-го ноября [3].

Там, в темном застенке, слуги самодержавия, захвативщего вновь рвущуюся к свободе страну, — огражденные штыками, вершили свой тайный суд над нами, вашими представителями, а в нашем лице над новой рождающейся Россией. И в это же время при ярком свете дня пролетариат, движущий всю новую Россию на борьбу со старым порядком, окруженный вражескими штыками, открыто осудил это судилище самодержавия.

Мы, представители рабочего класса, которым самодержавное правительство бросило обвинение в заговоре, явились на суд и бросили правительству вызов — судить нас открыто, чтобы показать стране, кто под покровом тайны готовил и осуществил заговор против народа: мы ли, которые открыто шли против самодержавия и открыто звали народ на борьбу, опираясь на его завоевания, — или же те, кто в это время незримо для народа собирал силы, чтобы внезапным ударом отнять эти завоевания и снова ввергнуть страну во мрак реакции и произвола.

Правительство отвергло наше требование. Оно отказалось открыть двери суда и приступило к небывалому еще в истории тайному суду над народными представителями, осуществлявшими волю пославшего их народа. В таком судилище нам нечего было делать, и мы предпочли вернуться обратно в тюрьму, предоставив слугам правительства вершить свой суд перед пустыми скамьями подсудимых.

Каторжный приговор правительства был предрешен, конечно, заранее. Вы, товарищи, вы показали в эту минуту, что предрешен и другой приговор, приговор истории и над нашим делом, и над теми, кто борется с нами. Вы показали, что не замрет мощное движение рабочего класса. Несмотря на самый тяжкий экономический гнет, несмотря на бешеную политическую реакцию, вы все же развернули наше славное пролетарское знамя. Ваша забастовка в такую тяжелую годину послужит лучшим ответом реакции. Сто тысяч забастовавших петербургских рабочих, а с ними рабочие с различных концов России сказали громко, что они попрежнему готовы на борьбу за полное народовластие, за социализм. Пусть правительство мстит вам арестами и высылками. Пусть капиталисты мстят вам штрафами и расчетами. Пролетариату, сознавшему свои интересы, не страшен никакой враг. Пролетариат был и останется на славном посту передового борца нашей революции.

Как бы ни беснавалась реакция, победа, товарищи, за нами! Не покладая рук, сомкнувшись в тесные ряды, будем работать мы над нашим великим делом за освобождение труда от ига сомодержавия и от цепей капитализма.

Братский горячий привет вам, товарищи, шлем мы из стен тюрьмы. В далеких тундрах Сибири, в каторге и казематах мы, товарищи, всегда будем с вами. Рабочему классу, делу его борьбы мы отдадим все свои силы.

Да здравствует наша борьба, да здравствует наша победа!

Да здравствует Российская Социал-демократическая Рабочая Партия!

1) П. Измайлов, 2) Ир. Церетели, 3) В. Ломтатидзе, 4) И. Кириенко, 5) И. Миронов, 6) В. Баташев, 7) Д. Белановский, 8) Е. Петров, 9) И. Петров, 10) Н. Кацианшвили, 11) В. Анисимов, 12) Г. Махарадзе, 13) И. Нагих, 14) Ив. Марев, 15) К. Канделаки, 16) А. Вагжанов, 17) Ив. Юдин, 18) М. Фомичев, 19) А. Виноградов, 20) Г. Белоусов, 21) М. Вочковский, 22) Н. Голованов, 23) Н. Аникин, 24) Г. Федоров, 25) Вахрушев, 26) К. Рубан, 27) В. Серов, 28) Н. Лопаткин, 29) Чащин, 30) Джапаридзе.

Ближайшие задачи с.-д. рабочей партии в России.

Приступая к изданию центрального ргана, мы считаем необходимым наметить ближайшие задачи партии, оценив существующее положение, учтя опыт прошлого и приняв во внимание перспективы на будущее.

Каждый класс современного общества имеет свои интересы, защиту которых без всяких урезок должна взять на себя партия, представляющая этот класс. Отказаться от полной защиты этих интересов партия не может просто потому, что в таком случае она перестала бы существовать, как таковая. Но, само собою разумеется, у класса и выражающей его интересы партии могут быть задачи двоякого рода — ближайшие и конечные. Конечная задача пролетариата и его партии — социал-демократии — завоевание социализма. Ближайшая его задача — обеспечение возможно более полной политической свободы, необходимой для открытой, широкой организации масс и для скорейшего и легчайшего торжества социализма. К максимуму политической свободы и стремилась социал-демократия в России во время великой освободительной борьбы.

Но революция может прекратиться и без достижения пролетариатом его ближайших классовых задач, доступных ему еще в буржуазном обществе. Для ее прекращения достаточно осуществления *объективных* ее задач, осуществления того минимума, без которого не может существовать сколько-нибудь упорядоченное капиталистическое общество.

Таких *главных* объективных задач — две: разрешение (хотя бы частичное) аграрного вопроса и осуществление (хотя бы неполное) основных начал политической свободы.

Разрешены ли эти объективные задачи революции в настоящий момент в России? И — что еще важнее — могут ли они быть разрешены при данных условиях мирным путем?

Бюрократически-помещичьи землеустроительные комиссии определили размеры земельного голода в России в 51 миллион десятин. Правительство составило земельный фонд в 13 мил. десятин, что равняется только 25% того, что нужно. Из этих 13 мил. продана едва 1/40 часть, остальное или сдается в аренду, или эксплуатируется хозяйственным путем за счет крестьянского банка. Но в аренду банковскую землю берут туго, а хозяйствен. эксплуатация дает в среднем 1/18 коп. чистого дохода с десятины, тогда как сам банк платит за выпускаемые им процентные бумаги по 6%, фактически даже более, потому что курс бумаг не превышает 90% номинальной их стоимости. Затем — землеустроительные комиссии ведут дело бюрократически-мертвенно: знаменитые отрубные участки большею частью распланировываются без осмотра и хозяйственной оценки на местах, просто при помощи карты, линейки и карандаша; в результате получаются участки без леса и, что еще хуже, без воды. Понятно, их никто не покупает, а если кто и купит — покупка послужит новым и горшим источником недовольства. Наконец, и проданная земля идет часто богачам, а не безземельным: многоземельные скупили пятую часть проданной из фонда земли.

Ясно: аграрный вопрос по выработанной правительством программе не может быть разрешен в смысле хотя бы объективно-необходимого минимума, т. е., другими словами, в смысле обмана крестьян и обеспечения интересов ликвидирующих часть своей земли помещиков. А может ли отступить от этой программы и перейти хотя бы к принудительному отчуждению земли по пониженной оценке большинство в третьей Думе или подобном ей представительном учреждении? Очевидно, нет, если не будет нового революционного подъема.

Итак, *одна объективная задача революции не может быть разрешена мирным путем.*

То же самое надо сказать о другой — о демократическом этрое. Достаточно приглядеться к думскому большинству, достаточно обратить внимание на отношение его хотя бы к такому недемократическому проекту местного самоуправления, который внесен правительством, чтобы понять, что оно без крайней необходимости, т. е. *без борьбы, без революции*, не уступит в данном вопросе.

Может ли социал-демократия при таких условиях отказаться от революционно-демократических задач, от революционно-демократических лозунгов? Нет, ни в каком случае! Пока не исчерпаны все революционные возможности, старые лозунги и старые задачи остаются во всей силе: слишком дорого и слишком долго платится народ за реформистский обман, особенно в октябристской его форме, чтобы можно было легкомысленно отказаться от революционных путей или по крайней мере отодвинуть их на второй план. Да и пролетариату и демократии жить, дышать нельзя в удушливой атмосфере октябристских «реформ».

Итак, *перед партией пролетариата попрежнему во всей полноте и широте стоят революционно-демократические задачи*, осуществление которых — первый крупный шаг вперед в победоносной борьбе за социализм.

Но как лучше всего, с наибольшею надеждою на успех, осуществить эти задачи? Здесь необходимо учесть опыт прошлого, особенно недалекого прошлого.

В период огромного революционного подъема, во время крайнего возбуждения масс, под дыханием грандиозных всеобщих забастовок и кровавых восстаний партия, естественно, направила главные свои усилия непосредственно в область политических отношений и вопросов. Политические вопросы составляли главное содержание партийной агитации и пропаганды, хотя, конечно, и тесно связывались с классовыми экономическими интересами пролетариата и вообще широких народных масс. Но короткие дни свободы не дали возможности закрепить и углубить в надлежащей мере сознательность масс, не в состоянии были окончательно связать неразрываемою нитью политические задачи с насущными, повседневными, глубоко затрагивающими эти массы, экономическими нуждами. Теперь *одной из настоятельнейших, ближайших задач является развитие экономической организации масс и их экономической борьбы.*

Профессиональные союзы и кооперативы — могучие средства для этого. Сюда поэтому и должна быть направлена энергичная работа партийных организаций и действующих в связи с ними отдельных товарищей. Понятно, что для социал-демократии необходимо здесь стремиться к боевой деятельности, направлять экономические организации пролетариата на дорогу классовой борьбы, твердо памятуя о единстве рабочего движения. Усиленной работе в данной области учит нас не только недалекое прошлое, но и прошлое более отдаленное — дореволюционное: под знаменем социалдемократии прошли все стачки в России, особенно с 1896 года, и это послужило основой для той популярности, которой пользуется партия в широких рабочих массах, привыкших видеть в ней действительную защитницу своих насущных, правовых интересов.

Но этого мало. Социал-демократия всегда была и будет сильна не только тем, что она ведет упорную, непримиримую политическую и экономическую борьбу и организует массы, — она сильна еще и тем, что опирается в своей программе и тактике на научные выводы и обобщения, она богата сокровищами теоретической мысли. Отсюда вытекает еще одна — *культурно-просветительная задача партии.*

Она не только весьма серьезна, но и очень сложна. Сюда относятся прежде всего первостепенной важности задачи, выпадающие на долю теоретиков партии. Революция дала огромный материал, который надо собрать, привести в порядок, осмыслить, анализировать и осветить при помощи марксистского метода. Теоретические и практические последствия такой работы неоценимы и неисчислимы.

Но эти последствия не могут и не должны остаться в тесном кругу партийных теоретиков или вообще в партийных верхах. Нет, социал-демократы всегда не на словах только, но и на деле стремились к демократизации науки, несли в массы свет научного знания. Они обязаны теперь особенно энергично работать в области культурного просвещения масс, — в клубах, обществах образования и самообразования, в воскресных и вечерних классах, в

народных университетах. Во всех этих учреждениях великий революционный принцип классовой борьбы должен составлять основу с.-д. просветительной работы.

Наконец, в специально-политической области в распоряжении партии имеется еще средство, которое не в силах оказалась вырвать у нее реакция. Это средство — думская трибуна. Пускай в деятельности с.-д. думской фракции встречаются пробелы и недостатки, пускай даже подчас приходится признать прямые политические ошибки, — при всем том, эта деятельность имеет большое значение. Голос социал-демократа и в 3-й Думе выражает интересы пролетариата и широких народных масс. От партии зависит в значительной степени сделать этот голос более сильным, уверенным и слышным всему народу. Необходимо для этого обсуждать каждый важный акт думской жизни в рабочих собраниях и кружках, снабжать фракцию материалом для запросов и законопроектов и т. д.

Развивая широкую политическую агитацию на основе революционно-демократических лозунгов, организуя массы в профессиональные союзы и кооперативы, углубляя и развивая экономические конфликты, просветляя классовое сознание пролетариата, пользуясь думской трибуной для защиты интересов пролетариата и демократии, наша партия имеет широкое поле для приложения своей энергии. Деятельная работа во всех этих отношениях, несомненно, обеспечит прочные и верные успехи рабочему движению в России, а следовательно, и политическому освобождению страны.

Нужно ли бросить лозунг «долой третью Думу»?

В некоторых партийных организациях возникла мысль о необходимости начать массовую агитацию под лозунгом «долой третью Государственную Думу». Предполагают, что тогда, когда агитация эта развернется достаточно широко, и скажутся заметные результаты, партия отзовет из третьей Думы с.-д. фракцию. Понятно, какую важность имеет этот вопрос, и мы считаем необходимым на него отозваться.

Прежде всего — о лозунге «долой третью Думу». Взятый сам по себе в таком обнаженном виде, он совершенно не состоятелен; это—Дубровинский, черносотенный лозунг, за которым прячется, с которым органически связана мысль о необходимости уничтожить всякое народное представительство. Мы, социалдемократы, не имеем права говорить так. Выставляя отрицательное требование, мы необходимо ставим рядом с ним и известное положительное,— мы говорим: «Да здравствует Учредительное Собрание». Так мы говорили, бойкотируя выборы в первуюДуму, так мы должны были бы говорить и в том случае, если бы решили бросить лозунг — «долой третью Думу».

Итак, мыслим только более развитой лозунг: «долой третью Думу, да здравствует Учредительное Собрание».

Эта формула может и должна быть оценена с двух точек зрения, — как общий лозунг, содействующий политическому воспитанию масс, и, что не менее важно, — одушевляющий собою всю думскую и внедумскую политическую работу социал-демократии, и, как конкретный практический призыв к определенным действиям, имеющий силу и значение для данного момента, как практическая директива.

В первом смысле этот лозунг безусловно справедлив. Наша партия никогда не отказывалась от лозунга «Учредительное Собрание» и потому должна указывать всегда в своей агитации и пропаганде: долой не только третью Думу, но все Думы, и да здравствует Учредительное Собрание. Объективные задачи революции в России не разрешены, и потому отказ от революционного лозунга был бы преступлением для пролетарской партии, призванной стоять во главе революционного движения. И не только в агитации и пропаганде имеет значение этот лозунг, но и во всей политической деятельности партии в Думе и вне Думы, потому что он одушевляет всю нашу политическую работу и политическую программу, не является внешним украшением, а составляет внутреннюю сущность социал-демократической партии в России. Это не только «программный пункт» или «практический тезис», это — политический лозунг.

Другое дело — тот же лозунг, как практическая директива для данного момента. Прежде всего — на чем такая директива базируется? Ответ мы находим в мнениях тех организаций, оторые склонны его выставить: эти организации указывают, что Дума успокаивает массы, прикрывает новыми формами старое самодержавие и тем ослабляет, даже совсем уничтожает народное движение.

В этом выражается, несомненно, чересчур высокая оценка общественной роли третьей Думы. Где у этой Думы «новые формы»? Какое она прикрытие самодержавия? Каким успокоительным средством может служить эта Дума неспособная разрешить хоть бы отчасти объективные задачи революции? На все эти вопросы можно дать только отрицательные ответы. Первая Дума при известных условиях могла быть успокоительным средством, потому что она противопоставляла революции реформу. Третья Дума, не не только контрреволюционная, но к реакционная. Все жалкие октябристские потуги заранее безнадежны и выеденного яйца не стоят.

Итак, неверно, что существование третьей Думы задерживает революцию. Не в существовании третьей Думы надо видеть причину временной задержки бурного движения, а в этой временной задержке надо видеть причину существования 3-й Думы.

Но этого мало. Существование третьей Думы не только не вредит развитию революции, но приносит ей огромную пользу. Объяснимся.

Кажется, можно считать общепризнанным, что наша революция не страдала недостатком стихийной энергии. Чего ей недоставало, — это надлежащей организованности и полной сознательности масс. Дни свободы и следующее за ними время положили основу для этой организованности и сознательности. Но дело, конечно, далеко не закончено. Надо продолжать работу в том же направлении, действуя всеми доступными средствами. К числу этих средств принадлежит, несомненно, третья Дума. И притом — говорим это без всяких колебаний — это одно из лучших средств.

Третья Дума не только не прикрывает самодержавия, но обнажает его; раскрывает его гниющие, отвратительные язвы и — что особенно важно для нас социал-демократов, — представляет собою ряд наглядных иллюстраций, ярко живописующих классовую подкладку существующего режима и общественную роль разных классов и выражающих их интересы партий. В самом деле: сопоставьте дебаты об ответном адресе [4], в которых крайние правые остались в меньшинстве против октябристов и рабски поплевшихся за ними кадетов, с декларацией правительства, прениями по ее поводу и позорной импотенцией Думы, оказавшейся не в силах притти ни к какому решению, — и вы увидите удивительно-колоритную картину, дающую богатейший материал для с.-д. пропаганды. Разве не в состоянии раскрыть глаза самым бессознательным, серым массовикам из крестьян яростные выкрики крайних правых о самодержавии, поддержанные властным и строгим окриком Столыпина в его декларации, жалкие потуги октябристов создать какую-то фикцию, угодничества кадетов?

И чем дальше, тем колоритнее становится Дума, тем более махровыми делаются цветы, произрастающие на этой ядовитой почве, отравленной хищничеством и паразитизмом: Правые и октябристы дружно отстаивают бюджетное бесправие Думы, несмотря на то, что в октябристской программе значится расширение бюджетных прав. Кадеты стараются пришить заплату, оставаясь строго в тесном стойле, отведенном для законодательства о бюджете нарушенными самим же правительством 3-го июня 1907 г. «основными законами». Но правые и октябристы не унимаются, не могут сдержаться: им мало того, что они в комиссию о государственной обороне не пустили не только социал-демократов и трудовиков, но даже и кадетов, — председатель комиссии Гучков, с общего согласия комиссии, вносит предложение о предоставлении комиссии

объявлять свои заседания закрытыми для остальных членов Думы, не входящих в состав комиссии. И здесь разыгрывается подлинная черносотенно-октябристская вакханалия при благосклонном сочувствии правительства. Черносотенцы устами Замысловского, Бобринского и их сторонников объявляют изменниками всех, кто не правее кадетов, а октябристы устами Гучкова им вторят, стараясь принять в то же время по возможности любезное выражение лица, которое на деле превращается в отвратительную гримасу, столь же мало подходящее к этой кулаческой партии, как мало подходит корове седло. Разве во всем этом не видно, что кричащие об измене лицемеры, призывавшие в 1905 г. Вильгельма в Польшу, жаждут за закрытыми дверями комиссии государственной обороны, тайком от народа, замыслить и выполнить новую преступную войну, растратить народные деньги на армию, флот, подряды и поставки и поделить между собою награбленное народное достояние? Кадеты, польское коло и мирнообновленцы (прогрессисты) и здесь оказались верны себе: они, правда, в виде протеста отказались от голосования, но против чего они протестовали? Не против того, что думское большинство захотело тайком от народа решить вопросы внешней политики и финансов, потому что только эти вопросы, а не военно-технические, могут быть предметом обсуждения комиссии, а против того, что их, тоже членов Думы, устранили от участия в тайном от народа деле. В самом деле: ведь в своих декларациях эти партии признали, что у депутатов могут быть тайны от народа в вопросах обороны. Они не хотели знать, что только народ может спасти страну от военных авантюр — все равно крепостнические они или капиталистические, — что только он один может помешать расхищению казны. Они на все пошли бы и все скрыли бы от народа, если бы октябристы и правые бросили им кусок — допустили их в секретную комиссию.

Нельзя, наконец, не указать и на то, что с.-д. фракция заявила себя сторонницей полноты бюджетных прав демократического народного представительства, представила яркую картину бюджетного бесправия Думы и поддержала оппозиционные предложения кадетов о расширении бюджетных прав, оставив за собою право вносить поправки и дополнения. В вопросе о закрытии дверей комиссии об обороне с.-д. указали, что не признают тайн от народа, указали думскому большинству на грядущий грозный народный суд, заклеймили патриотическое лицемерие правых и октябристов и в своей декларации осветили свою точку зрения. Эти выступления нашей фракции, отделившие ее от всех буржуазных партий, имеют большое агитационное значение.

Итак, думское большинство с циничной откровенностью обнажает классовую подкладку существующего режима; либерально-буржуазная оппозиция обнаруживает в третьей Думе свое бессилие — не внешнее, а внутреннее убожество своей оппозиционности, половинчатости и уступчивости, готовность пожертвовать интересами народа ради ничтожной выгоды своей; социал-демократия бдительно следит за тем, что совершается в Думе, и с думской трибуны разъясняет народу смысл всего совершающегося, выставляя свои революционные требования.

Ясно: третья Дума не прикрывает самодержавия, а обнажает его, показывает скрытые пружины, им двигающие, подчеркивает и делает для всех очевидной классовую борьбу, совершающуюся в стране.

Что же будет, если провозгласить лозунг «долой третью Думу и да здравствует Учредительное Собрание» в качестве практической директивы в данный момент? Что означает эта практическая директива? Это — призыв к всеобщей стачке и восстанию. Есть ли для этого теперь данные? Их нет еще. И потому призыв будет только фразой, которая бесплодно замрет, в лучшем случае вызвав несколько местных вспышек. А между тем если бы — предположим невозможное в данный момент — этот волшебный фонарь, изображающий нам с чрезвычайною наглядностью всю гниль опор существующего режима и тем внушающий массам глубокое сознание в необходимости революционной борьбы, — эта третья Дума была уничтожена, осталось бы опять то же самодержавие, прикрывающее канцелярской тайной классовую свою подкладку. Конечно, и в этом случае исход был бы тот же: революционная борьба неизбежна. Но при думе сознательность, и след. и организованность масс будут достигнуты скорее и легче. И потому рано кидать практический призыв к уничтожению третьей Думы. Мы не зарекаемся от этого призыва. Когда придет время, партия развернет в этом смысле агитацию во всей широте и полноте. Теперь же необходимо для целей политической агитации использовать важнейшие моменты деятельности Думы. Они дают обильный агитационный материал для критики существующего строя и буржуазную партию для распространений и утверждений в массах лозунга Учредительного Собрания со всеми связанными с ним пунктами нашей программы...

К дебатам о расширении бюджетных прав Думы[5].

В течение трех заседаний, 12, 15 и 17 января шли прения в Гос. Думе по вопросу о расширении бюджетных прав ее. Партия кадетов за подписью 40 членов Думы внесла проект такого расширения. Представители всех партий высказались по этому поводу. От имени правительства две длинных речи держал министр финансов. Высказался и представитель с.-дем. рабочей партии. И прения закончилось *единогласным* (*«Стол. Почта»** от 18 января говорит так) принятием предложения *октябристов:* передать законопроект о расширении бюджетных прав Гос. Думы в комиссию, *«не касаясь объема этого изменения»*, т. е. изменения правил 8 марта, особенно стесняющих бюджетные права Гос. Думы.

Каким образом могло получиться такое странное явление? Каким образом в 3-ей Думе, в Думе черносотенных зубров, *единогласно* прошло предложение октябристов, соответствующее по существу дела желанию правительства и сделанное *после* первой речи министра финансов, который наметил как раз такой исход дела. По существу, проект к.-д. неприемлем; в частностях — отчего же не изменить закона. Так заявил министр черносотенцев. Согласно этому заявлению редактировали свое предложение октябристы, подчеркнув, что *не касаются объема изменений закона*.

Что октябристы сошлись с черносотенным министром, это не удивительно. Что кадеты сняли свою редакцию (в которой ни слова не было, конечно, о том, что они *не касаются* объема изменений, ими же самими указанных!), это также не удивительно для всех, знающих природу партии к.-д. Но чтобы с.-д. могли участвовать в *единогласии* подобного рода, — это невероятно, и нам хочется думать, что *«Стол. Почта»* сказала неправду, что с.-д. за резолюцию октябристов не голосовали.

Впрочем, тут есть более важный вопрос, чем вопрос о том, голосовали с.-д. за октябристов или нет, именно вопрос об *ошибке*, несомненно сделанной соц.-дем. депутатом Покровским 2-ым. На этой ошибке и на действительном политическом значении прений 12, 15 и 17 января мы и намерены остановить внимание читателей.

Российская Г. Дума не имеет бюджетных прав, ибо отказ в бюджете не останавливает *«по закону»* приведение бюджета в исполнение. Этот закон, изданный контр-революционным правительством после поражения декабрьского восстания (20 февраля 1906 г., пресловутые «основные законы»), есть *издевательство* над народным представительством со стороны черносотенцев, царя и помещиков. А «правила» 8 марта 1906 года еще более *подчеркивают* это издевательство, создавая кучу мелочных стеснений *рассмотрения* бюджета в Думе и устанавливая даже (в ст. 9), что «при обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключены *или изменяемы* такие расходы и доходы, которые внесены в проект на основании действующих законов, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших». Разве это не издевательство? Нельзя *изменять* ничего, соответствующего и законам, и штатам,

и расписаниям, и просто высочайшим *повелениям!!!* Не смешно ли толковать после этого о бюджетных правах российской Г. Думы?

Спрашивается теперь, каковы *были* задачи действительно борющейся за свободу буржуазной демократии перед лицом такого положения вещей? Каковы задачи рабочей партии? — мы говорим в *данной* статье только о задачах парламентской борьбы и парламентских представителей соответственной партии.

Очевидно, что вопрос о бюджетных правах Думы *надо* было поднять в Думе, *чтобы вполне выяснить* и перед русским народом и перед Европой черносотенное издевательство царизма, чтобы показать *все бесправие* Думы. Непосредственно-практическая цель такого выяснения (не говоря уже об основной задаче *всякого* демократа—раскрытия правды перед народом, просвещения его сознания) определялась еще вопросом о займе. Черносотенное правительство царя не могло удержаться после декабря 1905 г., не может держаться теперь без *помощи всемирного капитала международной буржуазии* в виде займов. И буржуазия всего мира дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышом, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат.

Таким образом *только* выяснение всей правды могло быть целью возбуждения вопроса и прений в Думе. Практическое реформаторство *не* могло быть в данное время и при данной обстановке целью *демократа*, ибо, во 1-х, ясна невозможность реформ на почве данных основных законов о бюджетных правах Думы, во 2-х, нелепо было бы предлагать для Думы черносотенных зубров и московских купцов расширение *ее* прав, прав такой Думы. Русские кадеты (которых только невежды или простачки могли считать демократами), конечно, не поняли этой задачи. Возбудив вопрос, они *поставили его сразу* на фальшивую почву *частичной* реформы. Мы не отрицаем, конечно, возможности и необходимости иногда для демократа и для социал-демократа возбуждать вопрос именно о частичной реформе. Но в такой Думе, как 3-ья, в такой момент, как настоящий, по такому вопросу, как бюджетные права, изуродованные до смешного *неприкосновенными* основными законами, это было нелепо. Кадеты могли поднять вопрос в виде частичной реформы — мы готовы сделать даже такую уступку, — но не могли демократы *так* трактовать этот вопрос, как делали кадеты.

Они напирали на так называемую *деловую* сторону вопроса, на *неудобства* правил 8 марта, на невыгодность их даже для правительства, на историю того, как писались разные идиотские законы против Думы в идиотских канцеляриях Булыгина, Витте и прочей шайки. Всего рельефнее *дух* кадетской постановки вопроса передан в следующих словах г. Шингарева: «Никаких посягательств (на ограничение прерогатив монарха) в проекте, который мы внесли, нет, никаких задних мыслей (!!) в нем нет. В нем есть лишь стремление *ради удобства работ Думы*, ради ее достоинства, ради необходимости совершить ту работу, *к которой мы призваны*» (курсив наш: стр. 1263 оффиц. стеногр. отчетов, засед. 15 января 1908 г.).

Подобный субъект вместо просвещения сознания народа *затемняет* его, ибо говорит явную ложь и бессмыслицу. И хотя бы этот г. Шингарев со всей своей кадетской братией политиканов искренно верил в «пользу» своей «дипломатии», мы никоим образом не можем изменить этого неизбежного вывода. Демократ должен раскрывать перед народом *пропасть* между правами парламента и прерогативами монарха, а не притуплять его сознание, не извращать *политической борьбы*, сводя ее *к канцелярскому исправлению* законов. Ставя *так* вопрос, кадеты показывают этим *на деле*, что они — конкуренты чиновников царя и октябристов, а не борцы за свободу, хотя бы даже за свободу одной крупной буржуазии. *Так* говорят только пошло-либеральничающие чиновники, а не представители *парламентской оппозиции*.

В речи представителя с.-д. Покровского 2-го — мы с радостью должны признать это — явно сказывается *иной* дух, дается иная *принципиальная* постановка вопроса. С.-д. сказал прямо и ясно, что народное представительство в 3-ей Думе он признает *фальсифицированным* (мы цитируем по «*Стол. Почте*» от 18 янв., ибо не имеем еще в своем распоряжении стенограф. отчетов этого заседания). Он подчеркивал не мелочи, не канцелярскую историю закона, а разоренное и угнетенное состояние народных масс, миллионов и десятков миллионов. Он заявил правильно, что «о бюджетных правах Г. Думы нельзя говорить без иронии», что мы требуем не только права перекраивать весь бюджет (чиновник с доходным местом, Коковцев, всего больше спорил в Думе против чиновников без доходного места, Шингарева и Аджемова, по вопросу о допустимости и *пределах* «перекраивания»), но и «перестраивать всю финансовую систему», «вотировать отказ в бюджете правительству». Он закончил не менее правильным и обязательным для члена рабочей партии требованием «полноты народовластия». Во всех этих отношениях Покровский отстаивал добросовестно и правильно с.-д. точку зрения.

Но он сделал при этом печальную ошибку, — судя по газетным известиям, сделала ее *вся* с.-д. фракция, дав такую директиву своему оратору. Покровский заявил: «*Мы поддерживаем предложение 40, как клонящееся к расширению бюджетных прав народного представительства*».

К чему было это заявление о поддержке предложения, заведомо невыдержанного принципиально, заведомо неполного, заведомо подписанного непринципиальными и неспособными проявить хоть каплю твердости людьми, — предложения, заведомо практически никчемного? Это была не поддержка борющейся буржуазии (формула, которою многие любят оправдывать свою политическую бесхарактерность), а поддержка *шаткости* либерально-октябристской буржуазии. И что это так — это сейчас же доказали *факты*. Сами кадеты доказали это, *сняв* с голосования свое предложение и *присоединившись* к октябристскому: «передать в комиссию, *не касаясь объема изменения закона*»(!). В сотый и тысячный раз «поддержка» кадетов привела к обману поддерживающих. В сотый и в тысячный раз *факты* вскрыли все убожество, всю недопустимость тактики поддержки либеральных, кадетских предложений, идущих *по линии* и т. д*.

Если бы кадеты вместо присоединения к октябристам внесли *на голосование* заявление, в котором ясно и точно говорилось бы о бессилии Думы в финансовых вопросах, о фальсифицированности народного представительства, о разорении страны самодержавием и неминуемом финансовом крахе, об отказе представителей демократии ручаться за займы при таких условиях, — это был бы честный шаг буржуазных демократов, — акт борьбы, а не акт тупоумного лакейства. Такой акт мы обязаны были бы поддержать, не забывая оговорить особо и самостоятельно свои социал-демократические цели. И такой акт принес бы пользу делу просвещения народа и разоблачения самодержавия.

Провал Думой такого заявления, бешеный скандал черной сотни против такого предложения был бы исторической заслугой демократии и вероятным этапом новой борьбы за свободу. А теперь кадеты паки и паки *провалили* себя. Товарищи с.-дем. в Думе! Берегите честь социалистической рабочей партии, не давайте проваливать себя поддержкой подобного либерализма!

* * *

Один необузданный правый отступил в Думе от тактики октябристов — замазывать разногласия, подманивать кадетов на соглашения. Коваленко, черносотенец, прямо

---

* «Безголовая» газета «Столичная Почта» устами некоего г. Сатурина заявляет: «оппозиция совершенно разумно (!) голосовала за нее» (за октябристскую резолюцию). «Благодаря этому поправка» (т. е. резолюция, не предрешающая объема изменений) «и была принята единогласно» (18 янв. стр. 4, «Из залы заседаний»). Да здравствует единогласие российских безголовых либералов с октябристами и министрами черносотенного царя!

высказался в Г. Думе 12 января за то, чтобы и в комиссию не вносить проекта к.-д. (стр. 1192 стеногр. протокола). Но голосовал этот герой, видимо, с октябристами: храбр он был только на словах. В своей речи он *превосходно* иллюстрировал *действительное* положение дел, согласившись ⁷ в доказательство необходимости особых полномочий на такой пример: «Назовем, положим, восстание в Москве, посылку карательных отрядов. Разве было тогда время у правительства соблюдать обычный ход»... (стр. 1193). Жаль, что с.-д. не *ловят* этих искорок правды у черной сотни. Вы правы, коллега депутат, — надо было сказать ему. Тут не до обычного хода. Бросим же лицемерие и признаем, что мы переживаем не «обычный ход», а *гражданскую войну;* что правительство не управляет, а воюет, что состояние России есть состояние с трудом сдерживаемого восстания. Это будет правда, а правду полезно почаще напоминать народу *!

Н. Ленин.

Старые тенденции и уроки жизни*.

В данной заметке мы хотели обратить внимание читателя на некоторые из последних фактов из жизни с.-д. фракции. Эти факты сводятся к поведению фракции во время так называемой милюковской недели. Мы имеем в виду восстановление практики общих совещаний всей думской оппозиции, а также ту маленькую симфонию газетных сообщений и опровержений, которая разыгралась вокруг факта участия с.-д. — в общем совещании оппозиции.

Три «скандала» окрасили думскую неделю и создали ту атмосферу, в которой старая идея «единой оппозиции» стала при помощи некоторых верных, хотя и бессильных рыцарей ее подавать, как будто, некоторые признаки жизни. Прежде всего демонстративное отсутствие с.-д. в думе в тот момент, когда она собралась почтить память венценосного вора, деспота португальского. Отсутствие с.-д. ** было «скандалом» с точки зрения всей думы, от г. Пуришкевича до г. Милюкова. Затем единодушное признание всею же думой, за исключением с.-д. (и трудовиков?), необходимости тайн думских комиссий от народа. Это было явной изменой народу со стороны тех, кто пытался народную свободу сделать своим знаменем. С точки зрения с.-д. трогательное единение г. Пуришкевича с г. Милюковым в этом пункте, если и не было неожиданным, за то было достаточным поводом, чтоб сосредоточить на нем внимание народа. Но в промежутке между этими моментами единения Пуришкевича и Милюкова назрел и лопнул настоящий скандал без кавычек. Пуришкевич не пустил Милюкова в ту комиссию, тайны которой сам Милюков поклялся оберегать от народа. Мало того, Пуришкевич, придравшись к пустякам, нашел возможность захлопнуть дверь в таинственную комиссию перед Милюковым так демонстративно и грубо, что вызвал недовольство даже г. Гучкова.

Таким образом, политический смысл параламентской недели по существу достаточно ясен: и маленькая демонстрация по поводу португальской охраны и крупная демонстрация по поводу русской «охранной комиссии» обнаружили тесную близость взглядов третьей Думы, исключая с.-д., указав вместе с тем, что между гг. Пуришкевичем и Милюковым существуют некоторые разногласия по поводу того, где провести разграничительную черту между достойными и недостойными: у порога с.-д. фракции или правее.

Не менее ясно, что позиция с.-д. была здесь самым ходом событий резко разграничена от линии так называемой третьедумской оппозиции. И Пуришкевич, и Гучков, и Милюков единодушно и единогласно признали необходимость тайн от народа. С.-д. утверждают, что никаких тайн от народа быть не должно. В этих пределах между Пуришкевичем и Гучковым, с одной стороны, и Милюковым, польским коло и мирнообновленцами, с другой, произошло недоразумение: Милюков, коло и мирные обновители утверждали, что они достаточно заявили свою благодарность, чтоб быть выделенными из «непосвященной черни» и быть достойными доверия господ министров, а Гучков решил наказать их за старые грехи и заставить постоять у дверей тайны. Мы называем это недоразумением, ибо нет никакого сомнения, что, несмотря на внешнюю грубость в обращении гг. Пуришкевича и Гучкова с г. Милюковым, и тот и другой прекрасно знают, что Милюков заслуживает доверия в таком деле, которое должно быть тайной от народа. Повторяем, инцидент с недопущением в комиссию Милюкова, коло и обновителей есть только педагогический прием правых...

Какова же должна была быть относительно недоразумения позиция единственной фракции думы, которая представляет там интересы самого народа? Ясно, что она должна была остаться в стороне от домашней ссоры Гучкова с Милюковым.

Когда Милюков, Дмовский и Соколов просили Гучкова пустить и их в комиссию тайн от народа, с.-д. фракция должна была заявить не только о том, что она недопускает никаких тайных комиссий, но и о том, что она клеймит печатью позора тех, кто в эту комиссию просится, так и тех, кто ее устроил и в ней сидит.

В конце концов такое разделение и получилось, когда ораторы разных фракций с думской трибуны были призваны заявить свое отношение к тайнам от народа Кадеты, коло и мирнообновленцы почти в одинаковых выражениях заявили о их безусловном признании необходимости хранения государственной тайны народными представителями *... от народа. Сверх того эти же господа совершенно ясно указали в своих декларациях, что единственный мотив, который заставляет их воздерживаться от голосования, это «оскорбительное недоверие думского большинства к оппозиционным партиям*», иначе говоря, г. Милюков не хочет голосовать за закрытие дверей, потому что он «оскорблен» недоверием г. Гучкова.

В то же время декларация с.-д. совершенно ясно указывала, что они слагают с себя всякую ответственность и отказываются участвовать в голосовании, потому, что закрытые двери призваны лишь прикрывать частные соглашения царского чиновничества и буржуазии за спиной народных масс. Вся же декларация в целом совершенно ясно говорит о том, что подобные сделки могут быть расстроены лишь вмешательством самого народа.

Непроходимая пропасть лежит, таким образом, между позицией тех, кто «оскорблен тем, что и его не позвали участвовать в сделке с социал-демократией, которая ничуть не склонна оскорбляться недоверием к ней г. Гучкова и царских министров. Она и не заслуживает этого доверия. С.д.-тия выступила в этом вопросе как воюющая сторона, остальная «оппозиция», как та часть буржуазии, которая рвется и жаждет соглашения. Непроходимая пропасть лежала в этот момент, как и всегда, в среде тех, кто сидит левее октябристов, и эту пропасть чувствовала «Речь», когда, свидетельствуя о единодушном выступлении оппозиции, указывала лишь на декларации кадетов, коло и мирнообновленцев и ни единым словом не упоминая о декларации с.-д. Кадетский официоз прекрасно понимал, что декларация с.-д. клеймила одинаково перед лицом народа и Гучкова и Милюкова.

Но фракция сама допустила шаг, который стушевывал определенность ее выступления, и нашлись люди, которые принялись по столь, казалось бы, неподходящему поводу муссировать идею «единой оппозиции». Поистине они не могли выбрать более неудачного момента. Конечно, с внешней своей стороны момент, пожалуй, был и достаточен, чтоб в некоторых головах, заранее испорченных иллюзией «единой национальной оппозиции», пропагандой, которая еще недавно велась так горячо, эта идея оживи-

---

* Редакция считает нужным заметить, что критикуемый автором образ действий фракции по вопросу о расширении бюджетных прав Думы целиком был одобрен думской комиссией Ц. К-та ⁸.

** Отсутствовали также и трудовики. Но последние умеют так присутствовать и отсутствовать, что заметить их образ действий невооруженным глазом чрезвычайно затруднительно.

* Из кадетской декларации.

лась. Инцидент Пуришкевич-Милюков и механическое подавление меньшинства в думе давали достаточно поводов для того, чтоб вновь поднять возню вокруг пустого места координации тактики оппозиционной группы. Тем более, что эта возня единственная пожива для публицистов полукадетских, полу-трудовических, полу-марксистских газет. После всего вышеизложенного о сущности разыгравшихся в думе инцидентов совершенно, однако, ясно, что сама возня вокруг «единой оппозиции» могла начаться только при сознательном игнорировании действительных группировок в думе. Для того, чтобы иметь возможность толковать об «единой оппозиции», надо было старательно затушевать внутреннюю сущность позиции кадет относительно октябристов и с.-д.-ов относительно кадет и всеми силами сосредоточить внимание на внешних фактах. Что внешняя сторона имела сильное влияние доказывает уж то, что впервые за трехмесячное существование Думы социал-демократы нашли возможным пойти на общее совещание с кадетами, мирнообновленцами и польским коло. Присутствие коло и мирнообновленцев на этом совещании, конечно, сильно упрощает вопрос. Резолюция Лондонского Съезда, ясно и специально говорящая о недопустимости «каких бы то ни было переговоров» с коло, избавляет нас от необходимости останавливаться на этом обстоятельство, тем более, что резолюция Ц. К., публикуемая в этом № Ц. О., не оставляет никаких сомнений. Вопрос о мирнообновленцах (прогрессистах тож) может быть также снят с очереди, ибо тот же Лондонский съезд в резолюции «об отношениях к непролетарским партиям» категорически квалифицирует эту партию как такую, с которой с.-д.-тия «должна вести самую беспощадную борьбу», а из подобной классификации никоим образом не может вытечь допустимость каких бы то ни было переговоров. Вся характеристика этой партии в резолюции весьма недвусмысленным образом протестует против причисления этой партии к оппозиции, хотя бы ее внешнее положение в тот или другой момент и заставляло ее творить минутную «оппозицию его величества». Но и оставляя в стороне вопрос о коло и мирнообновленцах, мы принуждены констатировать, что фракция, отправившись на совещание с кадетами, сама подала повод к лживым и клеветническим относительно с.-д. разговорам об «однородной тактике» оппозиции. Мы смело говорим о клеветническом и враждебном с.-д.-тии характере известий о каком-то изменении тактики, ибо при данных конкретных условиях всякая попытка действительно согласовать тактику кадет и социал-демократов была бы явным отступлением от основных принципов самостоятельной пролетарской политики. Как показали мы выше, пропасть между позицией кадет и с.-д. в последние дни в думе вырисовалась до того рельефно, что только сознательные враги самостоятельной пролетарской политики могли отыскать здесь удобный повод для возобновления проповеди «единой оппозиции». *Таких* врагов российский пролетариат имеет вполне достаточно. Социальные условия, в которых протекает русская революция, создали отнюдь не малочисленные группы, видящие главное условие торжества своих идей в отказе пролетариата от постоянной и упорной борьбы с буржуазными оппозиционными партиями за самостоятельную линию политического поведения. В этой среде всякая видимость политического сближения пролетарской и буржуазной партий приветствуется, раздувается, становится исходной точкой целого ряда чрезвычайно глубокомысленных комбинаций. Окруженная подобной средой, с.-д.-ческая фракция должна была бы проявить особую и сугубую щепетильность в том, что на языке нашей вихляющейся между кадетами и с.-д.-ами интеллигенции называется «единодушным выступлением оппозиции». Этой щепетильности, по существу имеющей большое политическое значение, наша фракция не проявила. Если остановиться не только на ее декларации, прочитанной в думе, а и на всех ее предшествующих и последующих действиях, то окажется, что она действительно подала повод для ликования «Товарища» и «Речи» на тему об объединении оппозиции. Она, во-первых, участвовала в совещании всей оппозиции. Она, во-вторых, далеко не исполнила своей прямой задачи в выступлении по поводу предложения Гучкова. Ее декларация должна была быть дополнена обстоятельной и прямой критикой позиции, занятой партией к.-д. Этого сделано не было: с.-д. с думской трибуны не упустили[10] случай разоблачить весь торгашеский, лицемерный, продающий интересы народа характер кадетского отношения к тайнам гг. Столыпина и Гучкова от народа. И на это справедливо указывает резолюция Ц. К., обращенная к его думской комиссии, которая, конечно, не меньше фракции виновата в этом существенном упущении. Чтобы не возобновлять всем еще памятных споров и чтоб не ссылаться на весь дух Лондонских резолюций, явственно противоречащий практике совещаний всей оппозиции, мы укажем только, что практическая ценность этого совещания равна нулю. Декларации кадетов и с.-д. с самого же начала обнаружили, как мы уже указали, такую пропасть между ними в отношении к Гучковскому предложению, что никаких реальных результатов никакое совещание дать не могло. И заранее можно было предполагать, что это совещание для с.-д. принесет только вред, затушевывая, хотя бы отчасти, всю глубину той принципиальной пропасти, которая и в данном случае лежала между к.-д. и с.-д. Мы не должны, далее, скрывать от себя, что подобные совещания кой-кому очень на руку. Когда г. Милюков по поводу все того же совещания пишет: «когда оппозиция объединяется, она, естественно, объединяется на минимальной программе наиболее умеренной из партий, входящих в ее состав», и опять-таки на основании того же совещания рисует соблазнительную картину того времени, «когда революционность» с.-д. окажется также трудно доказывать, как теперь революционность кадетов («передовица «Речи»[11] от 2. II); когда, далее, «Столичная Почта» уж несколько №№ подряд твердит о «*новом сознании*» (курс. «Ст. Почты»), которым определится поведение представителей с.-д. фракции в 3-ей думе» и скорбит о *слишком* (курс. наш) *резком отпечатке*», который наложило на партии недавнее прошлое, сиречь революционная борьба, — то вожделения этих господ выступают довольно явно.

И, надо сказать, с.-д. фракция виновата уже тем, что дала хотя бы внешнюю возможность этим господам открыть свои нудны объятья. Ц. К. совершенно прав, категорично установив, что *допустима лишь информация и лишь через специальную делегацию* при условии предварительного решения фракции по возбужденному вопросу. Старые тенденции к созданию «единой оппозиции», которые могли еще в эпоху революционного подъема иметь хотя бы подобие идеи революционной, теперь явно становится прикрытием не менее старой мечты «Речи» и «Товарища» о *нереволюционной социал-демократии*. Это реакционная мечта—мечтой и останется, но и в таком виде она требует самой определенной и резкой борьбы, поскольку она способна проникать и в наши ряды. А уроки жизни, в виде милюковско-гучковской недели и опыта первого совещания всей оппозиции, будут все чаще вскрывать ее реакционно-утопический характер даже для тех, кто не научился еще под внешностью событий политических комбинаций различать их сущность — ожесточенную борьбу классов.

Провокация черносотенцев и социал-демократия.

В заседании 8 февраля Госуд. Дума обсуждала, между прочим, подписанный 180-ю правыми и октябристами законопроект «о вспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойнических действий революционных партий и лиц».

Черносотенные ораторы в своих речах очень сильно и резко подчеркнули провокационное значение своего законопроекта. Правительство, в лице товарища министра внутренних дел Макарова «с чувством глубочайшего удовлетворения приветствовало» эту наглую провокацию. Кадеты не постыдились заявить о своем частичном сочувствии черносотенному проекту. Даже трудовики в своих речах говорили о том, что «сама идея, поставленная в основу

этого законопроекта, симпатична». Одни только социалдемократы правильно оценили черносотенную провокацию и ярко осветили правительственную политику.

С.-д. депутат Покровский 2-ой, постоянно прерываемый правыми и председателем Думы, указал в своей прекрасной и сильной речи, что в борьбе, которую вел весь народ за свободу против самодержавия, слуги самодержавия потерпели во много раз меньше, чем борцы за свободу: последних убито и ранено более чем в четыре раза больше, чем первых; кроме того, сосланы в каторгу, тюрьмы и ссылку сотни тысяч, лишены мест десятки тысяч учителей, почтово-телеграфных и железнодорожных служащих. Указав на карательные экспедиции и погромы, Покровский объявил деятельность правительства разбойною и, бросив черносотенцам упрек, что они заботятся не об успокоении страны, а о своем успокоении, закончил заявлением, что политика черносотенцев и правительства «известная истинно-русская политика-провокация».

Другой с.-д. депутат, Кузнецов, сказал: «молчание русского народа не значит, что все подавлено», и внес от имени с.-д. фракции следующий переход к очередным делам: «принимая во внимание 1) что правительство стремится всеми силами подавить организованную, планомерную политическую борьбу; 2) что своей разрушительной войной против народа во имя признания преимуществ кучки крепостников и хищников оно вызывает и развивает такие нецелесообразные методы борьбы, как террор; 3) что эта война правительства с народом разрушает производительные и культурные силы страны, вызывая погромы, карательные экспедиции, казни, ссылку борцов за освобождение народа в каторгу, переполнение тюрем; 4) что данный законопроект представляет собою опыт поддержания провокационной политики правительства со всеми ее гибельными для страны последствиями, — Гос. Дума отвергает законопроект и переходит к очередным делам».

Наконец, третий с. д. Косоротов отметил, что по законопроекту привилегированные палачи — высшие чиновники, получающие тысячные оклады, получат почти все, что ассигнуется на пособия, и мелким сошкам останутся только жалкие гроши; и здесь, следовательно, все заберут привилегированные охранители спокойствия помещиков и толстосумов, т. е. такие же помещики и толстосумы.

Мы горячо приветствуем с.-д. фракцию по поводу ее выступления 8 февраля. Устами с.-д. ораторов в этот день говорили пролетариат и лучшая, сознательная часть крестьянства и городской бедноты. Одни только социал-демократы оказались на высоте положения и сказали правдивое и смелое слово от имени широких народных масс, заклеймив черносотенцев, октябристов и правительство за их позорную провокацию и оттенив трусость и убожество буржуазной «оппозиции». С.-д. фракция может быть вполне уверена в том, что на ее стороне сочувствие народа.

О профессиональных союзах.

Профессиональная комиссия Ц. К. [12] от имени Центр. Комит. на-днях выпустила следующее письмо:

«Развитие экономического и политического движения пролетариата и у нас в России привело уже к необходимости разделения труда в единой борьбе рабочего класса за полное освобождение от капиталистического гнета. Руководство экономической борьбой, находившееся дотоле в руках С.-Д. партии, оказалось необходимым выделить в особую функцию и передать специальным организациям — профессиональным союзам, во главе которых в большинстве случаев стали люди, выдвинутые из массы предварительной работой С.-Д.

Наступившая политическая реакция развязала руки капиталистам. По всему флангу наступают они на рабочий класс и сделанные им за последние годы завоевания. Одна из борющихся сторон объявляет войну, и пролетариат вынужден обороняться. Оборонительная экономическая борьба в ближайшее время предстоит огромная и трудная — в этом не может быть никакого сомнения.

Возможна также и наступательная борьба в некоторых отраслях промышленности и ремесла, и готовиться ко всей этой борьбе необходимо.

Все экономическое положение страны властно диктует массовую борьбу пролетариата с буржуазией и необходимость прочных экономических организаций, руководящих этой борьбой. Всякое замедление, всякое сужение и ограничение борьбы сулит еще большее укрепление буржуазии и еще более наглую эксплуатацию масс. Все это говорит за то, что никто из социалдемократов не может относиться безучастно к делу профессиональных организаций; С.-Д., как партия, заинтересована в том, чтобы начатое ею и переданное затем профессиональным организациям дело экономической борьбы велось в том же самом направлении, в каком ведется и остальная ее деятельность, т. е. по пути к социализму. Вместе с тем и сами союзы, поскольку их члены втянуты в общепролетарскую борьбу, заинтересованы в том, чтобы иметь влияние на направление деятельности политической партии пролетариата. Еще более очевидна необходимость единства действий и тесной связи между С.-Д. партией и профессиональными союзами в моменты политических переворотов при осуществлении нашей конечной задачи — социальной революции. Профессиональная деятельность, в случае ее оторванности от обще-пролетарских интересов и идеалов, обречена на бессилие и вырождение в деятельность узко-корпоративную.

Этими соображениями была вызвана резолюция о профессиональных союзах, принятая на Лондонском съезде[13]; эти же соображения легли в основу резолюции о союзах международного социалистического конгресса в Штутгарте [14]. К усиленной работе в профессиональном движении *«в духе Лондонской и Штутгартской резолюции, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с социал.-демокр. партией»*, — призывает и последняя резолюция Ц. К., принятая единогласно [15].

Этот пункт резолюции должен внести единство действий в работу с.-д. в союзах и сильно облегчить им борьбу с элементами, усилия которых направляются на разрушение влияния С.-Д. Он является центральным пунктом резолюции, т. к. он определяет собою все дальнейшее развитие профессионального движения. Революция Ц. К. указывает также и путь, каким следует достигать установления связи между партией и союзами: только внутренней пропагандистской и организационной работой внутри союзов, без нарушения единства экономической борьбы, она рекомендует достигать такой тесной идейной связи.

Этим самым она устраняет всякие толки о том, что партийность союзов рекомендуется проводить, механически наклеивая «ярлык». Резкое изменение политической атмосферы в октябрьские дни и дальнейшие относительные свободы вызвали быстрый рост профессиональных организаций; профессиональные союзы с лихорадочной поспешностью втягивали в свои ряды широкие массы, едва успевая даже записывать вновь поступавших, часто не будучи в состоянии выдать своевременно членские книжки. На молодые организации нахлынула масса дел, а перед деятелями новичками выдвинулось бесчисленное множество вопросов, справиться со всеми оказалось трудно. В то же время долгое пребывание в подполье вызвало реакцию, и преобладало желание захватить массу как можно шире. Не хватало ни времени, ни сил вести работу вглубь и закреплять за собою уже приобретенное. Характер большинства проф. организаций был митинговый; сплачивающая жизнь союзов сосредоточивалась почти исключительно на их верхушках, т. е. в правлениях и делегатских собраниях, а на низах члены союза оставались до сих пор несплоченными. Тесные полицейские рамки не дозволяли по большей части проф. союзам развить достаточно энергичную деятельность, результаты которой были бы ясны широким массам и приучили бы их дорожить проф. организациями. Все это сделало союзы в высшей степени неустойчивыми, легко поддающимися разрушению, что ярко обнаруживается как во время выступления союзов, так и благодаря переживаемому теперь периоду гонений на них. Быстро развивавшиеся иногда до очень солидных размеров, наши

союзы исчезают с лица земли, стоит лишь какому-нибудь сатрапу закрыть их. К нелегальному существованию они оказываются совершенно неприспособленными и, побившись некоторое время, они испускают дух. Да и незакрытые союзы, за очень редкими исключениями, раз им нельзя развивать своей боевой деятельности, представляют из себя очень жалкое зрелище разбитого механизма с рассыпавшимися частями, отнюдь непригодного для руководства какими-нибудь выступлениями.

Возникает вопрос: как поправить дело? Ц. К. в той же резолюции говорит, что на первую очередь выдвигается в настоящее время задача сплочения масс, организованных в проф. союзы, путем создания организационных ячеек по предприятиям. Во всех существующих легальных союзах, а также там, где можно еще вновь основать таковые, Ц. К. рекомендует организовывать такие ячейки на всех фабриках, заводах, ремесленных и торговых предприятиях. Втянутые в организационную жизнь, заинтересованные в судьбе своей организации, массовые члены союзов безусловно смогут оказать большее сопротивление разрушающим союзы силам, чем теперь. Но как быть в тех случаях, когда союзы уже закрыты, и там, где нет никакой надежды на легальное существование?

Есть очень много городов, где самодержавные начальники отказывают зарегистрировать какую-либо рабочую организацию, раз только они подозревают возможность какой бы то ни было боевой деятельности. В таких случаях Ц. К. рекомендует приступить немедленно к организации нелегальных профессиональных союзов. Невозможность в целом ряде городов, в виду полицейских репрессий, существования легальн. професс. союзов вызвало предложение заменить их обществами взаимопомощи, трезвости и т. д. Поскольку речь шла бы только о названии организации, никто, конечно, не станет возражать против таких обществ. Необходимо поэтому всеми силами стараться, чтобы дело ограничивалось только переменой названия, чтобы такие общества не становились самоцелью, ибо сами по себе они не могут принести сколько-нибудь серьезных улучшений экономической жизни рабочих и не могут, хотя бы в отдаленной степени, заменить боевых професс. союзов. С.-д. могут брать на себя инициативу в деле создания таких обществ только в том случае, когда в наличности есть уже боевая нелегальная професс. организация, которую в том или в другом случае может удастся прикрыть легальным общ. взаимопом. и т. п. Легальн. общ. взаим. могут быть для нас ценны лишь постольку, поскольку они явятся прикрытием для действительных боевых эконом. рабоч. организаций. Но участвовать в общ. взаим. и др. для с.-д. необходимо во всяком случае, если только по этому пути — как пути наименьшего сопротивления — пойдут хотя бы сколько-нибудь значительные слои рабочих. Участвовать в них важно с целью общей пропаганды в них и с целью разъяснения, что эти общества не могут заменить боевых професс. союзов и что рамками таких обществ не может быть ограничена организованная деятельность пролетариата. Рекомендуя путь нелегальных профессиональных союзов, Ц. К. сознает, что это будет путь наибольшего сопротивления, но он предлагает его потому, что считает этот путь при данных условиях наиболее продуктивным и целесообразным. Необходимость сплочения членов союза по предприятиям Ц. К. подчеркивает и при организации нелегальн. проф. союзов. Он говорит, что в основу каждого нелег. союза должна быть положена организация возможно большего числа рабочих, не только с.-д., но и всех поддающихся организации пролетариев в проф. ячейку данного предприятия. Само собой разумеется, что эти проф. ячейки по предприятиям должны быть друг с другом связаны и подчинены центр. правлению союза. Все с.-д., работающие на данном предприятии, должны входить в такую ячейку сплоченным ядром. Чем больше они проявят инициативы и энергии при создании таковой ячейки, тем устойчивее создастся организация. С.-д. в настоящее время являются людьми с наибольшим конспиративным и организационным опытом; их организации, несмотря на все их недостатки, оказались наиболее устойчивыми. Если члены партии приложат все свои усилия к созданию проф. организаций, такие нелегальные проф. союзы представят, конечно, большую силу, нежели существующие ныне в некоторых местах нелегальн. остатки бывших легальных союзов. Нелегальным союзам, разумеется, не следует оставлять борьбы за легальность. В данной области попытки необходимо делать постоянные, и, когда они, раньше или позже, увенчаются успехом, создавшиеся при нелегальном существовании ячейки сослужат огромную службу легальному союзу, они будут фундаментом для него и сделают его гораздо более устойчивым во всех отношениях на будущие времена. Борьба за легальность должна вестись не только путем перекраивания устава и многократной подачи его на регистрации. Завоевание этой легальности зависит в очень значит. степени от усилий самих рабочих. Если рабочие сумеют проявить достаточно инициативности и энергии, чтобы нелегальным образом повести серьезную экономическую борьбу, если они, напрягши все усилия, поведут вместе со всей политической партией дальнейшую энергичную борьбу за широкую политическую свободу — это и будет самым реальным шагом по пути к завоеванию и легальности союзов.

Нельзя не подчеркнуть особо, что как нелегальным, так и легальным проф. союзам необходимо придать своей деятельности боевой характер, причем, разумеется, всегда нужно считаться с данным состоянием сил.

Только боевая тактика может приносить непосредственное улучшение положения пролетариата и только тогда может исчезнуть замечающаяся апатия пролетариата и то печальное бегство из союзов (включая сюда и легальные союзы) не только малоразвитых, но и передовых рабочих и членов партии, — бегство, которое так вредно отражается на работе союзов.

Перед Р.С.-Д.Р.П. таким образом стоят в связи с профессиональным движением следующие задачи:

1) Придать деятельности союзов более яркий боевой характер и направить всю с.-д. агитацию в духе Лондонской и Штутгартской резолюций.

2) Укрепить распадающиеся неустойчивые организации.

3) Создать вместо исчезнувших новые прочные профессиональные организации.

Осуществление всех этих целей может быть достигнуто только тогда, когда с.-д. в союзах перестанут вести свою работу без всякой связи друг с другом, образуют всюду в союзах тесные группы, предварительно выясняющие себе очередные вопросы жизни союзов и направляющие свою деятельность в с.-д. духе, под руководством местных партийных центров. Отсутствие такой связи принесло уже большой вред и привело, напр., в СПБ. к целому ряду нежелательнейших осложнений. Достаточно указать, что по этой причине при подготовлении однодневной забастовки 22 ноября многие союзы оставались безучастны и даже вели агитацию против нее, а 9 января[16], наоборот, изолированно бастовали рабочие печатного дела, на которых теперь обрушилась масса репрессий. С другой стороны, можно привести не мало примеров, когда экономические выступления протекали без участия в них партии, как таковой, хотя отдельные соц.-дем. принимали в них деятельное участие. Центр. Ком. призывает всех соц.-дем. приступить во всех профессиональных организациях легальных и нелегальных, как в целом союзе, так и в отдельных его частях, к организации вышеуказанных групп. В каждой местной организации все такие группы должны быть объединены и находиться в тесной организационной связи с местным партийным центром. Каждая партийная организация должна обращать большое внимание на деятельность профессиональных союзов и заботиться о том, чтобы все ее члены были членами професс. союзов, а поступая в союзы, стремились к тому, чтобы все члены союза становились членами партии.

Объединение деятельности соц.-демокр. в союзах может быть достигнуто только после очень большой затраты энергии, а благодаря непрофессиональному типу партийных организаций, вообще говоря, совершенно целесообразному, вероятно, будет вызывать на первых порах затруднения.

В первую очередь могут быть, однако, без труда поставлены следующие задачи:

1) Собрания С.-Д., входящих в правление или в деле

гатское собрание союза, для предварительного обсуждения важнейших вопросов, как профессиональных, так и партийных.

2) Обсуждение на районных и других партийных собраниях важных общепрофесс. вопросов.

3) Что является уже более трудным — собрания общегородские, районные, подрайонные соц.-демокр. данной профессии для таких же обсуждений;

4) — что благодаря организации наших союзов по отраслям промышленности, а не по профессиям, является вполне исполнимым — обсуждение професс. вопросов на заводских и фабричных социал.-дем. собраниях.

5) Создание сколько-нибудь демократически избранных соц.-демократами членами союзов, постоянных руководящих С.-Д. комиссий по отдельным союзам и общегородских, или организация дела С.-Д. руководства в другой форме, вытекающей из местных условий.

Все эти объединения С.-Д. внутри професс. организаций, как на низах, так и на верхах ее должны осуществляться постепенно и на первых порах могут носить достаточно свободный характер в зависимости от местных условий.

С.-Д. должны являться в союзах с заранее заготовленным обязательным решением отнюдь еще не по всем и всяким вопросам. Это могло бы привести к нежелательным осложнениям в союзах, где соц.-дем. линия должна вестись с большим тактом и особой осторожностью. Все эти объединения имеют задачей сплотить соц.-демокр. в союзах для *общего* направления профессиональной работы в соц.-дем. духе, для предварительного обсуждения и установления *основных* принципиальных линий ее, для разрешения *важнейших* вопросов, выдвигаемых повседневной борьбой.

Вместе с тем с.-д. необходимо выдвигать перед рабочими, входящими в партии, все злободневные вопросы экономической борьбы и фабрично-заводской жизни.

Этими повседневными вопросами должны вплотную заняться все партийные организации. Вместе с с.-д. группами из профессиональных союзов и при их помощи они сами должны вмешиваться на деле в экономическую жизнь рабочих масс: вести борьбу против сверхурочных работ, против ухудшений условий труда, призывать от имени партии к сборам во время экон. забастовки в пользу бастующих, призывать к забастовкам, солидарности, организовать помощь безработным и т. д.

В союзах одной из важных задач в данный момент является организация культурно-просветительной работы. Соц.-дем., работающие в союзах, должны и тут быть в первых рядах и все дело поставить на классовую почву. Своим общероссийским партийным аппаратом мы можем и должны стараться облегчить союзам областное и общероссийское объединение. Мы должны помочь союзам быть возможно более осведомленными о каждой данной отрасли промышленности, мы должны помочь им поднять професс. союзн. литературу на должную высоту и т. д.

Дружная рука об руку работа партийных и профессион. организ. укрепит те и другие, приведя к взаимному облегчению работы и способствуя скорейшему объединению широких масс под знаменем социализма».

По предложению професс. ком. Ц. К. постановил созвать в ближайшем будущем общероссийскую конференцию с.-д., работающих в профессиональных союзах.

[Г. *Зиновьев*].

К организационным вопросам.

Резко изменившиеся условия работы выдвигают перед партией ряд новых организационных вопросов. В настоящей статье мы намерены затронуть некоторые из них с тем, чтобы открыть дальнейшее их обсуждение.

Одним из самых больных вопросов в очень многих партийных организациях является вопрос о бегстве интеллигентов из партийных рядов. Интеллигенты, как известно, дезертируют за последнее время массами. Одни делают это с ясным челом, точно совершая акт величайшего мужества. Другие, покидая партию в трудный момент, ссылаются на «печальную необходимость» и часто искренно вопрошают: какая же де может быть работа, к чему приложить свои руки? Огромная часть той интеллигенции, которая хлынула к рабочим в 1905 году и которая, в сущности, воодушевлялась *только* идеей политической свободы, теперь взапуски бежит от пролетариата. Облетели первые цветы, и когда опять временно победила реакция, когда рабочий класс и его партия снова загнаны в подполье, — эта интеллигенция дезертирует. Для продолжения работы, для кропотливого неустанного труда над созданием и расширением *рабочей социалистической*, т. е. Рос. Соц.-Дем. партии, осталась только часть той интеллигенции, которая действительно спаяла свою судьбу с судьбой пролетариата, действительно перешла на точку зрения рабочего класса.

Однако, нет худа без добра. В целом ряде мест, ввиду бегства интеллигенции, ответственная работа переходит в руки передовых рабочих. И в таких организациях дело, по нашим сведениям, спорится весьма недурно. Так, мы знаем в некоторых пунктах центральной России, — в Сормове, в Саратовской окружной орг., на Урале, в некоторых пунктах Крыма, в Петербурге и т. д., — где работу взяли в свои руки сами рабочие, дело пошло сравнительно хорошо. Нужно только, чтобы передовые слои рабочих получили точное представление о положении вещей, нужно перестать охать и вздыхать по поводу «отсутствия людей», перестать плакаться о том, что «ах зачем бежит интеллигенция», ах почему Ц. К. не присылает работников. Революция выдвинула достаточное количество ассимилированных нашей партией рабочих. На них, на местные рабочие силы, должна опираться организация, в их среде нужно найти руководителей.

Нужно поставить себе задачу на каждой фабрике, на каждом заводе, в каждой мастерской создать и упрочить хотя бы небольшие, *но чисто партийные с.-д. комитеты и группы*. Пусть эти группы будут теперь малочисленны, но пусть входят туда самые влиятельные рабочие, пусть группы эти чутко прислушиваются также к экономической жизни рабочих, пусть вмешиваются во все фабрично-заводские злобы дня, пусть стараются в той или иной степени обслужить все многосторонние потребности рабочих и давать ответы на все повседневные мелкие и мельчайшие вопросы, интересующие рабочих, — и группы эти сохранят свое прочное влияние. Если нам удастся выйти из полосы нынешней реакции с чисто партийными коллективами на всех предприятиях, где скучены рабочие, дело наше будет выиграно. При первом подъеме революционной волны эти наши партийные группы, которые будут высоко держать знамя революции и социализма, опять окажутся вождями миллионов рабочего класса, как это было в славные октябрьские дни. И очередная организационная задача партии в целом заключается в сохранении и упрочении этих чисто партийных групп. Конечно, всюду, где есть хоть малейшая возможность создавать массовую организацию, организационно сплачивать широкие слои рабочих, — это надо непременно делать. Но не надо смущаться тем, что наши чисто партийные рабочие коллективы будут — узкого состава. При настоящих условиях только они смогут выдержанно направлять рабочую борьбу. Сейчас дело идет *от беспартийности к партийности*. Беспартийные заводские и фабричные организации за последнее время начали хиреть и деморализоваться. Мы говорим тут, разумеется, не о профессиональных союзах, имеющих определенные функции, а о беспартийных заводских и фабричных комитетах и кассах, которые получили большое распространение в некоторых городах после 1905 г. Эти беспартийные организации, сыгравшие в свое время очень крупную роль, теперь начинают приносить большой вред и проваливаются в глазах рабочих. Несомненным знамением времени является недавний позорный провал беспартийного комитета Семянниковского завода в СПБ. Комитет этот, избранный в свое время на основе всеобщего избирательного права, сделав ряд гнусностей, кончил тем, что вопреки рабочим поднес директору завода Гиппиусу благодарственный адрес за «благодеяния рабочим». Провал Семянниковского комитета — не случайность. В такую пору, когда сами массы рабочих не проявляют достаточно ак-

тивности, сами не следят, не контролируют своих выборных, в эпоху тяжелой политической и экономической реакции, беспартийные группы упомянутого типа, не связанные никакой программой, никакой партийной дисциплиной, никаким почти контролем, и соблазняемые агентами капитала, — неизбежно должны деморализоваться.

Главной нашей организационной задачей поэтому должно быть, повторяем, создание, упрочение и сохранение всюду чисто партийных групп. Жизнь прекрасно подтвердила основную мысль резолюции Лондонского съезда о беспартийных организациях. Теперь всякому должно стать ясно, что таковые возможны и целесообразны только в моменты революционного подъема и острой борьбы.

Выше мы сказали, что партийным группам необходимо обратить особое внимание на *экономическую* жизнь рабочих. К этому нас тем более обязывает наступательная тактика капиталистов. Возникает вопрос, в какие же организационные отношения нам нужно стать к профессиональным союзам там, где таковые существуют.

Прежде всего, конечно, не следует вернуться целиком к старине и попросту взвалить на плечи партийных организаций руководство всей экономической борьбой. Но, с другой стороны, не следует тут также ограничиваться только призывами записываться в професс. союз, а самим умывать руки. Не возлагать все надежды на професс. союз и не вести с ним конкуренции, а *согласовать* свою деятельность с ними и прежде всего сорганизовать внутри них всех с.-д. Подробные наши взгляды на этот счет читатель найдет в письме профессиональной комиссии Ц. К., помещаемом в настоящем номере. В связи с проектом организации с.-д. внутри проф. союзов возникает вопрос о том, не грозит ли нам это возвратом к цеховой форме организации. Мы думаем, что нет, и полагаем, что опасения в данной области преувеличены. Наша территориальная форма организации, несомненно, должна быть и будет сохранена. Более или менее оформленная организация с.-д. в проф. союзах будет ее только дополнять. Опасность тем меньше, что и сами союзы у нас организуются, согласно лозунгу с.-д., не по цехам, а по предприятиям, т. е. и союзы кладут в основу боевую единицу — целую фабрику, целый завод и т. д. От проведения плана организации с.-д. в союзах и сближения партии с союзами мы можем ожидать только благоприятных результатов.

Особое внимание мы бы рекомендовали обратить на усиление письменной агитации, приобретающей в настоящий момент особое значение. Во многих пунктах организации уже изжили кризис и осилили все трудности. Урал издает 8 газет, Крым — 2 газеты, Одесса — 1 газету, в Екатеринославе скоро выходит газета, значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций. На постановку этого дела нужно не пожалеть сил. Оно сейчас — одно из наиболее важных.

[*Г. Зиновьев.*]

Условия развития кооперативного движения в России.

Рост классовой борьбы знаменуется у нас, как и везде, растущим разнообразием форм рабочего движения. Еще так недавно, лет пять-десять тому назад, с.-д. партия сосредоточивала в своих руках руководство как политической, так и экономической борьбой пролетариата. Постепенно от общего ствола рабочего движения начали отделяться одна за другой могучие ветви.

Сначала отделились профессиональные союзы, взявшие на себя защиту интересов рабочего, как производителя; теперь начинают развиваться кооперативы, организующие рабочих, как потребителей. Профессиональное движение, упорно развивающееся несмотря на все правительственные репрессии, достаточно уже доказало свою жизнеспособность. Возникает вопрос, живы ли ростки кооперативного движения, имеются ли достаточные условия для их развития, или же оно представляет собою преходящее явление, как думают некоторые.

Кооперативы ставят себе непосредственной целью борьбу с мелким посредничеством. В западной Европе последнее вытеснялось в значительной мере конкуренцией со стороны крупных магазинов. У нас крупные универсальные магазины только еще начинают прививаться. Крупный капитал бросается прежде всего в ту область, которая сулит ему наибольшие барыши, — в область промышленности, где интересы капитала заботливо охраняются правительством, путем премий и покровительственных пошлин, с одной стороны, и угнетения рабочих организаций — с другой. Здесь капитал может развернуться во всю ширь своего хищничества, пользуясь грандиозным взяточничеством чиновников и непроницаемой тьмой бюрократических канцелярий. Неудивительно поэтому, что и торговый капитал получил у нас иное развитие чем в Западной Европе. Основной чертой как в промышленности, так и в торговле является хищничество. И это хищничество идет по всей линии сверху до низу, а расплачивается за все потребитель. Сравнительно слабое развитие городской жизни и недостаточное развитие железнодорожного сообщения отдают потребителя в полную власть мелкого посредника, а отсутствие свободного и сколько-нибудь демократического местного самоуправления лишает потребителя всякой защиты от эксплуатации его посредническим капиталом. Надбавка в 100 и даже в 150% сверх оптовой цены далеко не является у нас редкостью *, особенно в захолустных местах, где лавочник фактически является монополистом.

Итак, мы вряд ли ошибемся, если скажем, что нигде посредническая прибыль не достигает такой высоты, как у нас в России. А это значит, что у нас имеется в наличности, пожалуй, даже в большей степени, чем в Зап. Европе, один из объективных экономических факторов, необходимых для возникновения и развития широкого кооперативного движения.

На этой почве и вырастает теперешнее кооп. движение. Но непосредственным толчком к его возникновению послужило чрезвычайное повышение цен на предметы первой необходимости, начавшееся еще в 1906 г. Это повышение цен сильно ударило по тощему карману рабочего и впервые заронило в нем мысль о борьбе с посредничеством путем кооперации. Та же причина, как известно, вызвала коопер. движение и в большинстве западно-европейских стран. Ею обусловливается массовый характер движения, а невозможность скорого устранения основной причины — высоты посреднической прибыли ** — создает объективно прочную почву для развития кооперации и в будущем.

Особенно благоприятствует развитию кооперативов скученность и однородность потребительской массы. Оба эти условия имеются на лицо во многих промышленных центрах России; о создании новых таких центров озаботится развитие самой промышленности.

Говорят, что наши кооперативы обречены на гибель вследствие низкого уровня заработной платы: при низкой зар. плате, говорят, нам неоткуда взяться капиталу, необходимому для кооперативов. История кооперации, однако, опровергает это утверждение. Низкая заработная плата бельгийских рабочих в начале 80-х годов не помешала тому, что тогда именно было получено начало цветущим ныне кооперативам, «Вперeду», «Народному Дому» и др. напр. Когда рочдэльские ткачи основывали свою потребительную лавку, их заработная плата была очень низка. Что касается отсутствия капиталов, то потребительная кооперация тем и отличается, что к ней можно приступить почти без всяких капиталов. Посмотрите, в самом деле, с какими незначительными капиталами было приступлено к организации некоторых крупнейших кооперативов, насчитывающих теперь десятки тысяч членов и миллионы капитала:

---

* См. Рейтлингер. Обзор полож. и деят. потребит. обществ в России. СПБ. 1899.

** Разумеется, укрепившись, кооперация начинает бороться не только с высокой посреднической прибылью на предметы массового потребления.

Бельгийское потр. общ. в Генте «Вперед»		57 р.
» » » » Брюсселе «Народный Дом»		166 »
Французское » » » Лилле «Союз»		8 » 80 к.
Английское » » » Рочделе		280 »

Откуда же берутся кооперативные капиталы? Продавая продукты *по обычным рыночным ценам* и имея определенный *широкий* круг покупателей в лице своих членов, кооператив сберегает всю ту громадную прибыль, которая обыкновенно попадает в карманы посредников. Возьмем, например, гентский кооператив «Вперед». Чтобы сделаться его членом, достаточно внести 25 сантимов (около 10 коп.). Пай в размере 3 р. 80 к. выплачивается путем постепенного вычета из причитающихся рабочему дивидентов на забор. При 10 000 членов и общей продаже в 3 мил. франков прибыль составляет громадную сумму. Брюссельский кооператив «Народный дом» при 20.000 членов (пай 3 р. 80 к. уплачивает в четыре приема) получает ежегодно более 115.000 руб. прибыли. Ежегодные отчисления из прибыли способствуют постоянному накоплению кооперативного капитала.

Низкая заработная плата может, правда, мешать *быстрому* росту кооператива. Но это имеет и свою хорошую сторону. Слишком быстрый рост кооператива зачастую сказывается болезненно на его развитии. Только при *длительной* упорной работе может накопиться опыт, отсутствие которого оказалось роковым для многих кооперативов. Если во главе английских кооперативов стоят люди, обладающие несомненным талантом области организации кооп. дела, то этим английские рабочие обязаны главным образом тому, что кооперация в Англии развивалась естественно, без скачков, на протяжении более 60 лет. Если наши кооперативы должны сделаться пролетарскими организациями, то во главе их должны стать рабочие. И необходимый для этого опыт они должны почерпнуть в самой же коопер. работе. Конечно, и у нас тоже неизбежны крахи кооперативов, вследствие отсутствия умелых руководителей, но эти неудачи послужат лучшей школой для сформирования кадров опытных кооператоров.

Приступая теперь к организации пролетарских кооперативов, мы пользуемся долгим и долгим опытом наших заграничных товарищей. Богатый международный опыт воспринимается нами как нечто готовое и предохранит наши кооперативы от многих роковых ошибок.

Но здесь на сцену вытупает специфически российское условие — проклятое самодержавие. Если у нас запрещено кормить голодных крестьян, то есть ли гарантия, что дадут полуголодным рабочим организовывать свое потребление? Конечно, такой гарантии, пока здравствует самодержавие, не существует. Вполне возможно, что как только наши сатрапы поймут организующую роль кооперативов, они наложат на них то здесь, то там свою мертвящую лапу. В лучшем случае правительство будет всячески тормозить развитие кооперативов и препятствовать их культурной работе. Но движение, имеющее достаточно глубокие корни в экономическом положении пролетариата, не может остановиться. С своей стороны мы должны неустанно вкоренять в сознание рабочих, что нормальное развитие кооперации возможно только в свободной политической атмосфере. И в таком случае правительственные гонения явятся только фактическим подтверждением нашей агитации и послужат лишь к усилению нашего влияния в массах. Полицейские рогатки всевозможного рода явятся, конечно, слепой помехой развитию кооп. движения; с ними надо заранее считаться; здесь, как и в професс. движении, придется вести упорную борьбу за расширение действующего права. Но разве такие же рогатки не воздвигались в свое время на пути кооперативов за границей? Это, однако, не отклонило наших заграничных товарищей от участия в коопер. движ. с самого момента его зарождения.

Некоторые товарищи указывают, далее, на то, что наше кооперативное движение не может иметь прочного успеха в смысле усиления классовой позиции пролетариата, вследствие слабого развития наших проф. союзов. При этом ссылаются на авторитет Каутского, который в своей брошюре о потребительных товариществах между прочим говорит: «Безумно было бы стараться способствовать социалистическому движению насаждением потребительных обществ там, где общественные отношения настолько отстали, что сильные политические и профессиональные организации не находят почвы для своего существования». Мысль несомненно верная. Но здесь речь идет об «отсталости общественных отношений, т. е. о слабом развитии классовой борьбы. Правда, наши проф. союзы еще слабы, а наша партия, вынужденная жить в подполье, не может развернуть всех своих сил. Но значит ли это, что наши классовые интересы обострены менее, чем, например, в 80-х годах в Бельгии, когда возникло большинство ныне цветущих кооперативов, и что наш пролетариат отличается меньшим классовым самосознанием, чем пролетариат тогдашней Бельгии? Мы склонны скорее думать, что обострение классовой борьбы у нас сильнее, чем оно было в Бельгии 80-х годов или в Австрии и Германии около того же времени. Быстрый расцвет профессионального движения в после-октябрьские дни и упорное развитие движения в наши дни показывает, что при сколько-нибудь благоприятной политической атмосфере проф. союзы быстро превратятся в крупную силу, а что они станут под знамя соц.-демократии, — за это ручается вся история нашего проф. движения, за это ручается наша работа в союзах. Итак, об «отсталости у нас общественных отношений», в смысле слабого развития классовой борьбы, говорить не приходится. А если так, то нам нечего бояться того, что кооперативы вследствие слабости проф. союзов, превратятся в буржуазные учреждения. У нас тем меньше основания бояться этого, чем энергичнее будет наше участие в кооперативном движении, чем чаще мы будем брать на себя при надлежащих условиях инициативу и руководство пролетарскими кооперативами.

Но не отвлекут ли кооперативы рабочих от проф. движения? Указания на «отвлечение сил» делались при возникновении всякой новой формы рабочего движения и большей частью оказывались несостоятельными. Мы думаем, что и в данном случае страхи излишни. Конечно, в тех или иных местах (и именно там, где участие с.-д-ии будет наименьшим) возможно временное ослабление проф. движения, но только временное. Жизненный опыт и наша неустанная агитация за проф. союзы, как за *боевые* организации рабочего класса, быстро внедряет в массу сознание того, что расцвет кооперации *при ослаблении проф. движения* не улучшает, а ухудшает положение пролетариата. В общем и целом, рост кооперации должен оказаться не тормозом, а толчком к дальнейшему развитию проф. движения. Поскольку кооперативы увеличивают организованность масс, поскольку они приучают рабочих к солидарности и увеличивают денежные ресурсы рабочего класса, они не могут не оказаться благотворными для развития профессион. союзов.

Судя по всему, кооперативное движение получит у нас, несмотря на все препоны, широкое распространение. С.-д. должны с самого же начала принять в этом движении энергичнейшее участие. В тех местах, где имеется уже сколько-нибудь развитое проф. движение, с.-д. должны брать на себя инициативу при основании новых кооперативов. Мы видели, что условия для развития коопер. движения у нас имеются, но мы видели также, с какими трудностями приходится ему считаться. Поэтому, беря на себя инициативу (а это мы должны сделать, как рабочая партия, считающая развитие кооперативов делом необходимым и своевременным), мы должны в то же время неустанно разъяснять массам, в какой мере мы берем на себя ответственность, какие условия (экономические и политические) необходимы для процветания кооперации, как одной из опор рабочего движения вообще. При упорной вдумчивой работе успех кооперации в конце концов неизбежен: возможны временные неудачи; быть может, на первое время их будет немало. Но и эти неудачи при верном курсе нашей работы пойдут на пользу с.-д-ии. Всегда и всюду с массами и впереди их — таков должен быть наш лозунг.

Из партии.

Деятельность Центрального Комитета.

В течение декабря, января и начала февраля Ц. К. принял следующие главные постановления: 1) разослать по организациям письмо с призывном доставлять для думской фракции материалы для запросов и законопроектов, касающиеся преследований рабочих, профессиональных союзов и печати, незаконных действий властей, локаутов, стачеки т. д. (письмо разослано); 2) разослать по организациям письмо депутатов с.-д. 2-й Гос. Думы (письмо разослано и кроме того печатается в начале этого номера Ц. О.); 3) учреждена при Ц. К. комиссия по профессиональному и кооперативному движению; 4) учреждена при Ц. К. комиссия по культурно-просветительной работе среди пролетариата; 5) принята резолюция о профессиональных союзах; 6) принята резолюция о кооперативах; 7) учреждено при Ц. К. временное бюро по объединению работы среди военных организаций; 8) в каждом заседании Ц. К. обсуждал вопросы думской тактики социал-демократии; в частности по поводу выступления фракции по вопросу о закрытии дверей думской комиссии по государственной обороне и совещаний оппозиции, по этому случаю Ц. К. принял следующие резолюции: «Ц. К. считает недопустимым, в виду постановления Лондонского съезда, участие членов с.-д. фракции в таких совещаниях с оппозицией, в которых принимают участие члены польского коло [17], как это случалось в последнем совместном совещании оппозиции»; «на общие информационные совещания оппозиционных групп, без народовых демократов [17] и мирнообновленцев, фракция, в случае нужды, может послать с информационными целями делегацию из 2-3 лиц после того, как фракция приняла уже решение по вопросу, подлежащему обсуждению»; «Ц. К. ставит на вид думской комиссии Ц. К-та, что в выступлении по поводу Гучковского предложения необходимо было представить обстоятельную критику позиции к.-д.» Ц. К. признал также недопустимым для с.-д. депутатов голосовать за мирнообновленца при выборах во вторые товарищи председателя Думы. Окончательное решение фракции по этому вопросу соответствует этому постановлению Ц. К.; 9) Ц. К. постановил созвать в апреле конференцию с.-д., работающих в профессиональных союзах; 10) Ц. К. постановил: напечатать в заграничных газетах, что партия не ответственна за тифлисскую, как и другие, экспроприации, что Лондонский съезд признал экспроприации недопустимыми, что Ц. К. предпринял расследование по поводу участия членов партии в тифлисской экспроприации, и что против виновных будут приняты решительные меры.

Деятельность с.-д. думской фракции.

В январе и начале февраля с.-д. думская фракция сделала следующие важнейшие выступления: 1) по вопросу о том, следует ли поступающие поземельные сборы в первую очередь направлять в земские кассы и только уже после покрытия земских сборов покрывать сборы правительственные, с.-д., вопреки правительству и большинству Думы, настоявшим на том, чтобы пополнялись и земские и казенные сборы одновременно, отстаивали передачу в первую очередь сумм сбора земству; деп. Воронин указал в своей речи на мотивы этого: отметив черносотенно-октябристский характер земств, он вместе с тем указал на то, что некоторые из них делают кое-какую культурную работу; кроме того он указал, что правительство хуже земства уже потому, что у земства нет военных судов, оно не казнит, не ссылает на каторгу, не заключает в тюрьмы, не имеет своей армии и полиции, не содержит генерал-губернаторов и жандармов; речь Воронина сильно урезана и сокращена в буржуазной прессе; 2) по вопросу о продлении на 2 года уменьшенной ассигновки на содержание комиссии по разграничению земель забайкальского казачьего войска (с.-д. деп. Войлошников) указал, что замедление в этом разграничении произошло по вине сената, который в течение нескольких лет не мог решить четыре спорных дела; чтобы поторопить сенат и заставить комиссию скорее закончить дело, с.-д. внесли поправку: продлить ассигновку только на один год, а не два. Поправки были отвергнуты большинством, но собрали более ста голосов. Характерно, что буржуазная пресса не обмолвилась ни одним словом о выступлении деп. Войлошникова и внесенной им от имени фракции поправке; 3) по вопросу о расширении бюджетных прав Думы выступил деп. Покровский. Он указал, что предложение к.-д. о реформе правил 8 марта с.-д. считают недостаточным и, поддерживая его, оставляют за собой право вносить дополнения и поправки; он развил взгляд с.-д. на бюджетные права народного представительства: отметил, что с.-д.-ия стоит за полноту бюджетных прав демократического представительства; наконец, он характеризовал яркими чертами бюджетное бесправие Думы, могущей сколько-нибудь влиять на распоряжение всего 9% бюджета; 4) по вопросу о выкупе у владельцев земли, арендуемой у них в городах западного края по преимуществу городской беднотой, с.-д. Кувьмо в своей речи разъяснил, что с.-д. стоят за безвозмездное отчуждение всей городской земли в руки городского самоуправления, демократически-устроенного; но так как в данном случае речь идет только о части владельцев, а не о целом классе, то с.-д. будут голосовать за выкуп по невысокой цене и за распространение этого на всю Россию; 5) по вопросу о закрытии дверей комиссии о госуд. обороне с.-д-ы (Чхеидзе и Гегечкори) развили тот взгляд, что не может быть политических и финансовых тайн не только от депутатов, но и от народа, и вскрыли классовую подкладку октябристского предложения, имеющего в виду выгодный дележ добычи между правительством и богатой буржуазией. В этом смысле была составлена и декларация с.-д.-ов, в которой они заявили, что в виде протеста отказываются от голосования предложения октябристов; 6) по вопросу о внесенном правыми и октябристами законопроекте о выдаче миллиона на пособие «пострадавшим от разбойных действий революционных партий» с.-д. (Покровский, Кузнецов, Косоротов) заклеймили разбойную и провокационную деятельность правительства и внесли в этом смысле формулу перехода к очередным делам с предложением отвергнуть законопроект; 7) с.-д. фракция, к которой присоединились трудовики и мусульмане, внесла запрос о действиях новороссийского генерал-губернатора Пржевальского, отобравшего паспорта у рабочих новороссийского порта и заменившего их квитанциями с фотографическими карточками и бляхами с номерами для ношения на шапках, результатом чего были забастовки рабочих. Запрос еще не рассматривался Думой.

Резолюция Ц. К. о кооперативах.

1. Потребительные товарищества, объединяя рабочих, как потребителей в борьбе с эксплоатацией со стороны мелких посредников и улучшая при определенных условиях материальное положение рабочих, является одной из форм массовой организации пролетариата.

2. Быстрое развитие кооперативного движения в России за последнее время служит одним их признаков неудержимого стремления рабочего класса к организации, столь необходимой в интересах его классовой борьбы. В виду этого все партийные организации обязаны обратить усиленное внимание на кооперативное движение. С.-д. обязаны принимать участие в существующих кооперативах и содействовать их развитию. Брать же на себя инициативу в основании новых кооперативов следует лишь там, где существует сколько-нибудь развитое профессиональное движение, являющееся основным условием их нормального развития. Не следует также забывать, что кооперативное дело, являющееся в России новым и чрезвычайно трудным, связано с громадной ответственностью.

3. При этом необходимо укреплять в организации потребит. товарищества строго и последовательно проведенные демократические начала, малые размеры вступительных взносов и паев, право каждого пайщика, независимо от количества паев, только на один голос, установление

условий труда по соглашению с профессиональными союзами, уничтожение дивидендов на пай и премии на забор, обращение прибыли на просветительные, профессиональные и политические нужды рабочего движения и на расширение кооперативного предприятия, без чего грозит опасность превращения кооперативов в потребительные общества чисто буржуазного типа.

В интересах единства и широты рабочего движения необходимо привлекать потребительные товарищества к совместным действиям с профессиональными союзами и с.-д. рабочей партии и непосредственным участием членов с.-д. партии содействовать возможно тесному сближению всех видов рабочей организации, причем необходимо разъяснять, что кооперативы не могут заменить боевых пролетарских организаций, и самым решительным образом бороться с попытками ограничить организованную деятельность пролетариата рамками кооперативов.

В интересах воздействия на кооперативы в с.-д. духе, с.-д. должны в каждом кооперативе составлять сплоченную группу, находящуюся в тесной организационной связи с местным партийным центром.

Что касается производительных товариществ, то, принимая во внимание:

а) что в капиталистическом строе самостоятельные производительные товарищества не в состоянии выдержать конкуренции со стороны частных предприятий и поэтому неминуемо гибнут или же превращаются в акционерные компании;

в) что поэтому наблюдающееся за последнее время в России усиленное стремление к созданию производ. товариществ, особенно при данных политических условиях в России и при данном состоянии рабочих организаций, грозит нанести серьезный вред политической партии и массовым экономическим организациям пролетариата, Ц. К. полагает, что производительные товарищества допустимы лишь, как отделения при потребительных товариществах, причем к этим отделениям применимы все вышеуказанные положения относительно потребительных кооперативов. (Принято единогласно).

Ц. К. постановляет: во 1-х усиленная работа с.-д. в профессиональном движении, предписываемое всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лондонской и Штутгартской резолюции, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признании нейтральности или беспартийности профессиональных союзов. Наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союза с с.-д. партией. Признание профессиональных союзов с.-д. должно быть результатом исключительно пропаганды и организации с.-д. внутри профессиональных союзов и не должно нарушать единства экономической борьбы пролетариата.

Во 2-х. Профессиональные союзы не успели в большинстве случаев создать сплоченные организационные ячейки в отдельных предприятиях, что обнаружилось во время различных выступлений пролетариата, так и после них. Поэтому репрессии правительства привели не только к закрытию массы союзов, но к полному разрушению некоторых из них, в виду чего на первую очередь выдвигается в настоящее время задача создания таких сплоченных организационных ячеек. Без таких ячеек нельзя ни построить устойчивые профессиональные союзы, ни руководить экономической борьбой пролетариата.

В 3-х. В существующих легальных профессиональных союзах и также там, где можно, еще вновь основывать таковые, эти ячейки должны быть организуемы на всех фабриках, заводах и торговых предприятиях, т. е. должны быть созданы первичные организации. Члены с.-д. партии должны образовать сплоченные группы во всех таких организациях для систематического воздействии на них в с.-д. духе, под руководством местных партийных центров.

4. Там, где полицейские репрессии совершенно разбили легальные профессиональные союзы и где исчерпаны все возможности для возобновления их на легальной почве, необходимо немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов. В основу каждого нелегального союза, как и в основу легальных союзов должна быть положена организация возможно большего числа рабочих в профессиональную ячейку данного предприятия, причем внутри этой ячейки необходимо организовать особо профессиональную группу с.-д. данного предприятия. Для объединения всей с.-д. работы в профессиональных союзах необходимо организовать профессиональные группы с.-д. каждой профессии, объединяющие с.-д. профессиональные группы отдельных предприятий. Все эти группы должны быть объединены и вести свою работу в тесной организационной связи с местным партийным центром.

5. Что касается легальных обществ такого типа, как общества взаимопомощи, как общество трезвости и т. д., то необходимо образовать в них сплоченные группы с.-д. для ведения партийной работы среди возможно более широких масс пролетариата. При этом необходимо разъяснять, что такие легальные общества не могут заменить боевых профессиональных союзов и что рамками таких обществ не может быть ограничена организованная деятельность пролетариата.

6. Нелегальные союзы должны вести упорную работу за легальность, причем легальное существование не должно принимать боевых задач профессиональной организации пролетариата.

Корреспонденции [18].

ОМСК. *Вопр. 1.* Работа до сих пор вялая благодаря общим политическим условиям в Сибири. Местная же причина упадка с.-д-ой работы кроется в факте неудачно проведенной жел.-д. забастовки, которая возникла, вопреки высказываемым взглядам с.-д., стихийно; с.-д-тия должна была принять участие в нроведении ее, раз она возникла. 2-ое, — аресты и высылки (120 ч.) понизили окончательно настроение и лишили возможности дальнейшего ведения работы.

Из нижеследующих ответов будет ясно виден характер текущей работы.

Сформированы 3 коллектива па ж. д., в городе и у солдат, которые и выделили Омск. К. в составе 10 ч. двухстепенной подачей голосов, и кооптации еще двух.

Вопр. 2. Условия для работы сравнительно благоприятны — есть ж.-д. мастерские и депо, механический завод (до 200 ч.), паровая мельница (до 150 ч.), табачная фабрика (до 100 ч.), судовые команды, грузчики и много мелких предприятий; везде есть спрос на литературу и на пропагандистов; есть союзы: торгово-промышленных служащих, портных, булочников и кондитеров, столяров и типографщиков.

Во всех исполнительных органах проф. союзов имеются парт. члены, но ими положение не используется, благодаря общему упадку организации.

Вопр. 3. Была одна местная городская конференция, собранная в целях выбора коллектива, способов оживления работы и пр. В настоящее время заседает съезд-конференция организаций, входящих в состав Сибирского Союза Р.С.-Д.Р.П., куда представителя не посылали, вследствие позднего сообщения о времени его заседания в связи с слабостью самой организации.

Вопр. 4, 5, 6, 7, 8, 9. Акмолинская обл. с ее центр. городом Омском лишены права избрания в Г. Думу своего депутата.

Вопр. 10. Существ. след. союзы: а) легальные (см. ответ на вопр. 2); б) нелегальный — союз ж.-д. рабочих. Из союзов по рубр. а) наибольшую жизнь проявил союз торгово-пром. служащих: он устроил бухгалтерские курсы для членов всех омск. союзов, входил в разбор конфликтов между служ. и хозяевами (организ. забаст. в 1906 г.), устроив различ. предприятия в целях денежных сборов, имеет свое собственное помещение, где бывают общие собрания и заседают члены правлений всех омских союзов. Но с января прошл. года стала замечаться внутренняя дезорганизация, выражающаяся в борьбе членов разных партий, интерес к работам союза ослабел и численность общих собраний пала.

Что касается других мелких союзов, то помимо внутренней организац. работы, внешних проявлений жизни не заметно.

Союз ж.-д. рабочих (нелегальн.) находится под исключительным влиянием с.-д., но внутренняя жизнь его вялая. Забастовка 1907 г. (февр.-март), окончившаяся неудачно, неправильное расходование сумм, репрессии администрации резко подействовали в смысле упадка его. До забастовки число членов его — 1200, в кассе до 4000 р., а в настоящее время число членов и суммы выражаются в десятках.

Вопр. 11. Три, они удовлетворяют до некоторой степени потребности безработных. Исключительное влияние с.-д. обусловливается принадлежностью к партии входящих в них членов — за исключением портных.

Вопр. 12. Активных идеологов синдикализма нет. Рабочие этим движением не затронуты.

Вопр. 13 и 14. Было несколько человек так называемых «анархистов» неизвестного типа, но они имели влияние лишь на некоторых безработных. Из проявлений отмечено несколько экспроприаций и грабежей, число их увеличивается и они принимают форму хулиганских выступлений.

На некоторых из их собраний оппонентами выступали с.-д. и с.-р. о большим успехом.

Вопр. 15. Зарегистрировано 160, из них 80 ч. на ж. д., 60 в гор. и 20 солдат. Число членов союзов, платящих взносы, до 500 человек.

Вопр. 16. На 15 рабоч. 1 состоит членом союза, а на 44 — 1 принадлежит к с.-д. партии.

Вопр. 17 и 18. С начала зимы работало 6 кружков низшего типа, в союзе учащихся 1 среднего типа и 1 такой же среди рабочих; в течение лета работ. 3 круж. для подготовлен. агитаторов и пропагандистов, котор. на время слились, в виду временного выезда из города руководителя и передачи дела другому товарищу, обремененному посторонней работой.

Вопр. 19. Организована группа пропагандистов, большинство из них по составу начинающие. Работу группы тормозило отсутствие квартир. Оживление заметно, но в определенную форму, стойкую и ясную, группа во вылилась. Состав группы в начале в 10 человек, ожидается в ноябре обновление.

Вопр. 20. Форма обучения агитации, массовки, агитация на заводах и фабриках и летучки, агитация экономического и общего характера.

21. Работа велась местными силами, принимая по временам кустарную форму. Профессионалов нет уже $1^{1}/_{2}$ месяца, ощущается в этом большой недостаток.

23. Партийных легальных и нелегальн. издательств нет.

24. Редко и неаккуратно через вторые руки. Нужна непосредственная связь.

25. Работа среди крестьян велась в прошлом году в предвыборную кампанию, теперь нет.

26, 27, 28. До Лондонского съезда по местам работа велась энергично, масса селений и доселе не платит податей, широко распространялась литература — Выборгское воззвание; туда послали вместо крестьянского начальника жандарм шт.-капит. для репрессий. Связи с с.-д., за последними арестами и высылками, прекратились.

30. Неплатеж податей, недовольство против властей и скрытое и явное.

34 и 35. Организация професс. парт. ячейки. Летом было стремление произвести бунт, но он потерпел неудачу. С.-Д. высказывались против ввиду того, что выступлению не соответствовало общее политическое положение России (1 июля 1907 г.),

36. — Нет.

37. С.-р. распространяют более широко. С.-д. нет.

38. См. раньше.

29. Наличность в наст. мом. 102 р.

УРАЛ. В ближайшем будущем предстоит 5-ая общеуральская конференция. Областным комитетом намечен следующий порядок дня.

1) Отчет областного комитета.
2) Отчет делегатов смест.
3) 3-я Государственная дума и тактика о.-д. фракции.
4) Об отсрочке партийного съезда.
5) Празднование 1 мая.
6) Закрытие заводов и уральская безработица.
7) Профессиональное и кооперативное движение на Урале.
8) Задачи с.-д. работы на Урале в текущий момент.
9) Порядок дня общероссийск. конференции.
10) Выборы О. К. и делегатов на В. К.

Ц. К. делегировал на конференцию своего представителя.

С. ПЕТЕРБУРГ. 17 февраля состоялось заседание вновь переизбранного П. К., присутствовало с решающими голосами 10 чел., 4 с совещат., один представитель Ц. К. и представит. от профес. комисии.

Порядок дня был след.: Доклад Ц.К.; 2) доклад П. К.; 3) о профес. союзах; 4) о думской о.-д. фракции; 5) о безработных. Выборы в исп. ком., в прес. ком. и т. п.

По вопросу о профес. союзах была принята след. резол.: «В виду общего положения и наступательной тактики капиталистов, которые самым решительным образом стремятся отнять у рабочих все завоевания и восстановить хищнические формы эксплоатации во всей их оголенности, П. К. считает в настоящий момент особо необходимым обратить усиленное внимание всех партийных заводских и фабричных групп на экономическую жизнь рабочих, на все повседневные конфликты труда с капиталом, на все фабрично-заводские злобы дня. Главной задачей в этой области следует поставить организацию отпора капиталистам, организацию обороны и расширения завоеванных улучшений условий труда. Работа эта должна вестись рука об руку с профес. союзами и для этого прежде всего необходимо достигнуть организации с.-д. в проф. союзах как на верхах их, так и по фабрикам и заводам. Всею партийной работой на фаб. и завод. должны, разумеется, руководить парт. завод. союзы и комитеты. Но эти чисто партийные группы должны во всех значительных вопросах привлекать к совещаниям всех рабочих, сочувствующих с.-д., и прежде всего членов проф. союз. и стремиться к возможному организационному сближению с ними; что касается ближайших организационных задач, то П.К. одобряет те шаги, которые разработаны проф. ком. Вместе с тем П. К. считает необходимым указать, что эта работа с.-д. в области экономической борьбы, так же, как и вся деятельность Р.С.-Д.Р.П. среди широких рабочих масс, должна быть направлена к единой цели — увеличению политической и социальной силы рабочего класса.

По вопросу о безработных единогласно было постановлено прекратить работу по восстановлению старого сов. безраб. и было высказано пожелание отправить памятную записку в Гор. Думу и поднять в той или иной форме вопрос о безработных в Государ. Думе. Проведение в жизнь этих решений было поручено проф. ком. По вопросу о созыве особой конфер., посвященной вопросу о безработице, решено не высказывать окончательного решения и передать вопрос для обсуждения в проф. комис.

Комис. коопер. при П.К. постановили слить с профессион. комис.

МИНСК. Работа в Минской группе восстановлена после Рожд. после 4-месячного упадка ее. Имеются коллегия пропагандистов, финансовая и типографская группы. Две недели назад при выпуске первого листка тип. провалилась благодаря случайности, но сейчас снова восстановлена и конфискованный листок выпущен в 2 тыс. для города и пригородов. Прокл. дает анализ современного момента, доказывает, что революция не окончена, ибо не уничтожены силы, вызвавшие ее, и заканчивается призывом к рабочим продолжать борьбу в рядах Р.С.-Д.Р.П. Работа ведется среди рабочих жел.-дор. мастерских, кожевников, обойных фабрик и ремесленников — кружковая и листковая. Деятельность профес. союзов сильно затруднена. Администрация закрывает их при всяком удобном случае и производит повальные аресты при первой попытке забастовочного

движения. Такой тактикой администрации жизнь профессион. союзов постепенно убивается и физиономия их, как боевых организаций, сильно коверкается. Более революционно настроенные рабочие от них отстраняются и все более сочувствуют образованию нелегальных союзов, находя, что при нынешних условиях только такие союзы смогут проводить более боевую тактику. Организация предполагает о своем отношении к легальн. и нелегальн. союзам высказаться в особом листке. Деятельность Бунда тоже оживляется после длительного перерыва. На-днях будет общее совещание представителей группы и Бунда для выработки условий совместной деятельности.

Кулебаки. Кулебацкая организация — одно из звеньев, входивших во Владимирскую Окружную Организацию. В последнее время за отсутствием интеллигентных работников Окружная организация умерла. Но рабочие партийные гнезда, в изобилии рассеянные по округе, в большинстве случаев без интеллигентных сил, без литературы, даже без всякой связи с партийными центрами, не желают умирать и высоко держат пролетарское знамя. К таковым принадлежит и Кулебацкая Организация. Попрежнему здесь сильное влияние с.-д., и завод во все выдающиеся моменты обществ. и политич. жизни идет попрежнему за организацией. Число организованных не уменьшается, а даже увеличивается и достигло в настоящее время 275 чел. Со стороны рабочих огромный интерес к научным занятиям. Требуют кружков. Но интеллигентных сил нет, приходится вести пропагандистскую работу самим же рабочим, наиболее сознательным. Подано между прочим заявление о регистрации Общества Просвещения, но пока никаких результатов.

С Урала. Неоднократные наши просьбы к вам и присылка работников до сих пор не увенчались успехом. В этом письме мы намерены дать краткий очерк состояния партийной работы на Урале, чтобы воочию доказать вам, как необходимо удовлетворить нашу просьбу из соображений не местно-уральских, а партийных вообще.

Всеобщий подъем пролетарского настроения, жажда знания и стремление к организации, охватившее пролетариат России в 1905 году, на Урале сказался лишь годом позже. Период Drang und Sturma[19] мы пережили в 1906 году. Теперь же переживаем упадок, характерный для всей России. Этот упадок выражается в понижении боевой энергии пролетариата, в заметном охлаждении к партийной работе и в частности в ослаблении партийных организаций благодаря отливу членов. Но в то время как этот процесс по России привел в конце концов во многих местах к полному разрушению местных организаций, на Урале он лишь ослабил их. У нас нет ни одного крупного промышленного центра, где бы функционировавшая в 1906 году организация в 1907-8 гг. прекратила свое существование. Товарищи, не находящие удовлетворения в партийной работе, элементы, избегающие вообще нелегальных организаций и связанного с ними риска и примкнувшие к партии лишь в момент подъема и существовавшей в это время во многих местах фактической свободы, все эти элементы покинули наши партийные организации и формально, следовательно, перестали быть членами партии. Но они не теряют связи с организацией ни идейно, ни организационно, поскольку пополняют собой профессиональные союзы, почти все фактически партийные.

Но профессиональное движение возможно на Урале далеко не во всех местах. Остается единственный цемент, сплачивающий вокруг партии и ушедших от нее членов и всю массу сочувствующих, — это местная газета. Потребность в местных нелегальных социал-демократических органах огромна, интерес к ним и влияние их весьма велико, но литературных сил у нас почти нет. Например, Областной комитет издает три газеты «Уральский Рабочий», «Крестьянскую газету» и «Солдатскую газету», а постоянных литераторов для ведения этих газет только два. Местные газеты возникали и возникают очень часто, но очень быстро прекращают свое существование временно или постоянно за недостатком литературных сил. Из местных газет назову существующие 1) «Пермский рабочий», 2) «Вятский рабочий», 3) «Борьба», издание Тагильского комитета, 4) «Уфимский рабочий», 5) Бюллетени Ижевского комитета. Скоро начнут выходить газеты в Екатеринбурге, Челябинске и Златоусте, но вероятно скоро умрут за недостатком литераторов.

Примыкающие к Уралу организации Поволжья и Сибири, где партийная работа почти прекратилась, обращаются к нам с просьбами о литературе и организационной поддержке. Но, к сожалению, мы не управляемся со своей работой, чтоб помогать другим районам. А между тем только прочно стоящие организации Урала могли бы восстановить и укрепить организации в громящих[20] с Уралом областях.

Наконец товарищи из Ц. К. должны помнить, что нигде в России экономические условия не благоприятствуют в такой степени развитию среди пролетариата эс-еровских утопий и анархических настроений, как у нас на Урале. Кризис уральской промышленности, специфически уральская безработица, охватывающая около 50 процентов населения, мелкая собственность, связывающая рабочих и неизбежно влияющая на склад их психики, вот объективные причины, затрудняющие с.-д. И если теперь на Урале социал-демократия самая сильная организационно и единственная влиятельная партия среди местного пролетариата, то этому, рядом с другими причинами, она обязана в значительной степени численным и качественным перевесом идейных сил в сравнении с другими революционными партиями. Но наши идейные силы тают, как снег, работники бегут или садятся, а заместителей нет. В виду всего вышеизложенного Уральский Обл. комитет убедительно просит Ц.К. прислать на Урал в самом непродолжительном времени хотя одного хорошего литератора.

Перечень полученных в Ц. К. партийных изданий.

1) Избират. листок. Одесских с.-д. организаций (Р. С.-Д. Р. П. и Бунд).

2) Листок Центр. Областного бюро рабочих союзов по обработке волокнп. московск го района. «Ко всем рабочим прядильных, ткацких, отбельных и ситценабивных фабрик Московско-промышл. района» (июль 1907 г. призыв к забастовке).

3) Листок комиссии по организации безработных: «Безработным и работницам — о безработице» (Москва).

4) Листок № 15 Барнаульского К-та: «Кто под судом?» (отпечатано в 500 экз.).

5) Листок Барн. К-та «Союз трудящихся».

6) Листок № 16 Барн. К-та «Т-щи рабочие и граждане», декабря 907 г. (отп. в 500 экз.) (о сборе денег в помощь депутатов с.-д.).

7) Денежный отчет Барн. к-та за окт. 907 г. (отп. в 50 экз).

8) Денежный отчет Барн. к-та за ноябрь 907 г. (отп. в 50 экз.)

9) Избират. листок Красноярского к-та сент. 907 г. (отп. в 3 000 экз.).

10) Кассовый отчет комис. при красноярск. к-те по оказан. помощи бегл. и заключ. в тюрьме с 20 июля по 1 дек. 907 г.

11) Кассовый отчет красноярского к-та с 15-го окт. по 1 дек. 907 г.

12) Газета «Борьба» № 1 орган устюгской группы Р. С.-Д. Р. П. декабрь 907 г.

13) Избират. листок уфимского к-та «Товарищи рабочие, граждане, солдаты» сент. 907 г. (отпеч. в 3 000 экз.).

14) Листок уфимского к-та: «К членам партии» июль 907 г. (отпеч. в 2 000 экз.) (о необходим. взносов).

15) Листок уфимск. к-та № 1 «К крестьянам» (в 5 000 экз.).

16) Листок уфимск. к-та № 2 июнь 907 г. (в 10 000 экз.).

17) Газета «Уральский Рабочий» орган уральск.обл. к-та Р. С.-Д. Р. П. № 2 — субб. 2 дек. 907 г. (Уфа).

18) Газета «Рабочий» Уральск. облас. и екатеринбургского союзного к-та Р. С.-Д. Р. П. № 2. 18 февр. 907 г.

19) Газета «Уфимский рабочий» еженед. издание уфимского к-та.

№ 1 80 экз. 906 г.

№ 2 — 150 экз. 906 г.

№ 19 — 19 апр. 907 г.

№ 20 — 6 мая 907 г.

№ 22 — 24 июня 907 г.
№ 23 — 22 июля 907 г.
20) «Солдатская газета» издание уральского обл. к-та № 3 — 13 июля 907 г. (Уфа).
21) Программа Р. С.-Д. Р. И. — изд. уральск. к-та (напеч. в 3 000 экз.).
22) «Кто под судом» изд. барнаульск. к-та.
23) Отчет барнаульск. к-та за октябрь 907 г.
24) «Рабочий Листок» № 2 изд. вятского к-та.
25) «Борьба» № 1 орган устюгской группы Р. С.-Д. Р. П.

Изд. Ц. К.

1) Резолюция о професс. союзах (на мимиогр.).
2) Вопросы о професс. движ. по поводу запроса с.-д. фракции (мимиогр.).
3) Листок профессионально-кооперативной комм. при Ц. К. (гект.).
4) О суде над с.-д. фракцией (гект.).
5) По вопросу о созыве съезда (мимиогр.).
6) Об образов. военного бюро при Ц. К. (мимиогр.).
7) От бюро Ц. К. «Ко всем парт. орг.» (о необход. периодич. отчет и корресп.).

В пользу депутатов 1-ой и 2-ой Госуд. Думы поступило и передано по назначению

От Одесского К-та	15 р.	
» Черниговск. организации	31 »	50 к.
» Велик. Устюга »	15 »	—
» Н. черев. В. »	100 »	—
Через П. К.	58 »	13 к.
Итого	219 р.	63 к.

Объявление о выходе газеты

ПРОЛЕТАРИЙ

орган С.-Петербургского и Московского комитетов Российской Соц.-демократической Рабочей Партии.

Газета в формате 8 стр. будет выходить еженедельно по средам при прежнем составе сотрудников.

Цена отдельного № — 25 сант. (10 коп., 20 пф., 2 с половиной пенса). Цена № при покупке в экспедиции — 20 сант.

Подписка непосредственно через контору редакции принимается на следующих условиях: В пределах Швейцарии: на 1 мес. 75 с.,на 3 мес. 1 фр. 90 с. За границу: на 1 месяц 90 с., на 3 мес. 2 фр. 40 с. В Россию: на 1 мес. 1 фр. 50 с. (60 коп.), на 3 мес. 4 фр. 50 с. (1р. 80 к.).

При подписке через почту bureaux ou dépots comptables достигается значительное удешевление. Подписка через почту за границей принимается только по одной четверти года.

Адрес экспедиции и редакции для сношений из-за границы D. Kotliarenko, rue Garoline, 27₁. Genève (Suisse).

На корреспонденции, предназначаемой для редакции, должна быть приписка на конверте: «Для редакции». Rédacteur-responsable: Emile Nicollet, rue de Carouge, 3 Genève.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ОРГАНА

ГОЛОС СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА.

Выходит раз в месяц в формате in 4°, размером в 12 — 16 страниц. Цена номера — 20 сантимов. Подписка за границей на 12 номеров с доставкой и пересылкой — 2 фр. Первый № выйдет к 1-му марта.
Адрес редакции: Paul Axelrod. Genève (Suisse).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Имеется в виду 3-я Общероссийская конференция РСДРП, происходившая с 18 (5) по 25 (12) ноября 1907 г. в Котке (Финляндия). Подробнее конференции см. Ленин, Соч., т. XIV, прим. 50.
(См. резолюции 3-й Общероссийской конференции в книге «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК», часть I, изд. 4-е, стр. 134 — 137).

[2] Первоначальный проект воззвания, был послан в тюрьму осужденным социалдемократическим депутатам II Государственной думы. Церетели от имени депутатов внес некоторое смягчение в текст. Ему же принадлежит вставка о «народовластии».

[3] Забастовка 22 декабря 1907 г. — протест против суда над думской социалдемократической фракцией. До забастовки большевики выпустили листовку к рабочим, призывающую к забастовке. Листовка была напечатана отдельным оттиском и помещена также в № 20 «Пролетария» 1907 г. В забастовке участвовало до 100 000 рабочих. Меньшевики держали себя в стороне от этого призыва к массовому выступлению.

[4] Социалдемократическая думская фракция постановила не присутствовать при обсуждении адреса. Этот шаг фракции встретил осуждение ЦК, указавшего на то, что фракции следовало выступить при обсуждении адреса с изложением своего собственного взгляда на положение страны.

[5] Статья эта перепечатана в большевистском органе «Пролетарий» (№ 27, 8 апреля (26 марта) 1908 года. Там эта статья снабжена следующей припиской, также написанной Лениным:
«В настоящее время Дума приступила к обсуждению самой росписи. Блок реакционеров с лже-оппозиционными предателями народной свободы успел показать себя в первый день прений. В легальной прессе та же картина: новоевременцы приветствуют объединение в с е х, кроме «левых фанатиков», читай социалдемократов и трудовиков... «Наша Газета» безголовой компании захлебывается от восторга. «Деловой» день, который «примиряет» с «недостатком рассмотрения бюджета по отдельным сметам»...
«Оппозиция» тянется в обозе откровенной реакции. Здесь как раз на депутатов рабочего класса и демократии падает ответственная и почетная роль подлинных представителей ограбляемого народа. К несчастью, первые бюджетные выступления наших думских товарищей крайне неудачны, глубоко ошибочны. В ближайшем № «Пролетария» мы подробно рассмотрим эти ошибки и наметим необходимую о нашей точки зрения линию поведения социалдемократов в бюджетных прениях и голосованиях». В следующем номере «Пролетария» (№ 28) помещена статья «С партией или без партии», в заключительной части которой говорится, что думской фракции надо поставить ультиматум. Этот заключительный абзац статьи, очевидно, написан членом редакции «Пролетария» А. Богдановым, который, не уведомив Ленина о своих дополнениях, прямо послал статью в набор.
Подробнее об ошибках думской фракции см. Ленин, Соч., т. XII, прим. 61.

[6] «Столичная Почта» (1906 — 1908) — преемница газет «Товарищ» и «Наш Век». Ежедневная газета полукадетского, полуменьшевистского направления, издавалась в Петербурге при ближайшем участии Кусковой, Ходского, Тотомианца.

[7] Здесь, повидимому, опечатка, должно быть: «сославшись».

[8] Примечание от редакции сделано по настоянию меньшевиков, членов редакции (Мартов, Дан). В думской комиссии ЦК были в большинстве меньшевики.

[9] Повидимому, автором статьи является член ЦК Гольденберг (Мешковский), большевик.

[10] Здесь опечатка: слово «не» — лишнее.

[11] «Р е ч ь» — центральный орган кадетской партии; ежедневная газета, выходила в Петербурге с 8 марта (23 февраля) 1906 года.

[12] Профессиональная и кооперативная комиссия существовали при Центральном комитете. В состав профессиональной комиссии ЦК входили Г. Зиновьев и В. Ногин. Повидимому, туда входили также Рожков, и от меньшевиков — Бройдо.

[13] Резолюция Лондонского съезда напоминала партийным организациям и социалдемократам, работающим в профессиональных союзах, об «одной из основных задач социалдемократической работы в них — содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства социалдемократической партии, а также установлению организационной связи с ней». См. резолюции Лондонского съезда в книге «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов Ц.К.», часть I, изд. 4-е, 1932 г. стр. 123.

[14] Штутгартский конгресс продолжался с 18 по 23 августа 1907 года. Социалдемократическая подсекция русской секции на конгрессе раскололась при обсуждении этого вопроса. Представитель меньшевиков Плеханов принципиально отстаивал нейтральность профсоюзов. Большевик Луначарский (Воинов) отстаивал антинейтралистскую позицию Лондонского съезда.

Резолюция Штутгартского конгресса установила, что «рабочий класс должен стремиться к тому, чтобы во всех странах создавалась и упрочилась тесная связь между партией и профессиональными союзами» (см. Ленин, Соч., т. XII, стр. 443).

[15] Резолюции ЦК о профессиональных союзах и кооперативах приняты на заседаниях ЦК в конце декабря 1907 г. и в начале января 1908 года. Авторами резолюции о профсоюзах были Зиновьев, Рожков и, возможно, Ногин. Под давлением петербургских рабочих — меньшевистские члены ЦК в России Жордания, и Горев (Гольдман) лицемерно голосовали за большевистский проект резолюции, принятый единогласно, но когда о ней узнали вожди меньшевиков за границей (Мартов, Дан), они повели яростную борьбу против единой резолюции ЦК, продолжая отстаивать идею нейтральности профсоюзов.

[16] Здесь, повидимому, опечатка, следует читать — не «9 января», а «9 ноября» (22 ноября).

[17] Коло — объединение польских депутатов национально-демократической партии. Резолюция, принятая Лондонским съездом по вопросу о польской национал-демократической фракции, причисляет ее «к тем думским группам, с которыми социалдемократическая фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения».

[18] Ряд фактов и сообщений в корреспонденциях использованы Лениным в статье «На прямую дорогу», напечатанной в № 26 «Пролетария» (см. Соч., т. XII, стр. 169 — 171).

[19] Период Drang und Sturm'а — период бури и натиска.

[20] Здесь, повидимому, должно быть «граничащих».

„СОЦИАЛЬДЕМОКРАТ“

Центральный Орган

Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

ВРЕМЕННЫЙ АДРЕС:

M-r KOTLIARENKO (для Ц. О.), Rue Antoine Chanin 8 III. Paris XIV.

ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ГРУППАМ Р. С.-Д. Р. П.

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет партии в продолжение долгих месяцев делал ряд попыток поставить издание Ц.О. в России. В силу неслыханно-тяжелых условий работы, это не удалось.

На последнем пленарном заседании Ц.К. постановил перенести издание Ц.О. заграницу. Второй номер «Социальдемократа» (1 № вышел в Петербурге) выйдет не позднее 1 февраля ст. ст., и в дальнейшем Ц.О. будет выходить регулярно.

Редакция обращается ко всем организациям и группам, ко всем заводским и фабричным ячейкам, ко всем отдельным членам партии с просьбой присылать в Ц.О. корреспонденции о рабочем движении и деятельности нашей партии на местах, хронику профессионального, кооперативного и просветительного движения, революции, отчеты, листки, газеты и пр. материалы, освещающие все стороны движения среди рабочих, крестьян, армии и т. д.

Наш Ц. О. сможет выполнить свою задачу только в том случае, если все местные организации, все товарищи без различия фракций и направлений, помогут ему присылкой сведений, материалов, статей, отзывов и т. п. Пусть же товарищи исполнят свой долг!

Пересылать материалы можно: *из-за границы* по указанному временному адресу; *из России* через петербургское бюро Ц.К. и *за границу* по имеющимся у товарищей заграничным партийным и частным адресам.

С с.-д. приветом

Редакция «Социальдемократа».

Цѣна 25 сант.
Prix 25 cent.

ПАРИЖЪ, Среда 28/10 Февраля 1909 г. № 2

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ — ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

На дорогу.

[illegible]

ЦѢНА 25 САНТ.
PRIX 25 centimes

ПАРИЖЪ, Среда 28/10 Февраля 1909 г. № 2.

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

На дорогу.

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые — именно: состоящие наименее из пролетариев — развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада, элементов внутри партии стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать *ее* дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать, — и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой, даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое ликвидаторское течение). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. [1] выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русск. раб. движ. после победы контр-революции. Решения конференции, напечатанные в особом «Извещении»[2], изданном Центральным Комитетом нашей партии», утверждены Ц. К-том и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии. В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания *всеми* партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Эта основная причина заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелкобуржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению главным образом в надежде на близкое торжество буржуазнодемократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте), и в области тактики («укорачивание лозунгов»), и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контр-революции, но и потому что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма; — указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе попрежнему наша партия; — оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики; — выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним; — решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации; — признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок; — таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов в их политической группировке остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перевороту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организац., но, несмотря на весь гнет, несмотря на черносот. Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудовиков, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в 3-ей Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных бржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм, поддержать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба попрежнему ведется — говорит резолюция — за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие попрежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и Столыпинская аграрная политика знаменуют новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. [3] Плутократическим самодержавие было давным давно, буржуазным — по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии — оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места наряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и

крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой па патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя, якобы, конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять па себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистка средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионных, неискушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьба за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Пот почему 3 Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых революционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социалдемократической тактики, — говорит одна из резолюций конференции, — подтверждена опытом массовой борьбы 1905 — 1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К° работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого действительно массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем, — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905-м году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указывали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе — если искать примеров в истории — к опыту немецких с.-д. при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на конференции было два «отзовиста», не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на конференции этого добивались некоторые делегаты)[4]. Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки — отступления от *политической линии* партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии, — партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западноевропейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в романских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны оразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области, — чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д. фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в Р.С.-Д.Р.П. констатированы конференцией по этому вопросу: одно — переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое — более или менее родственное ликвидаторству — переносящее центр тяжести на нелегальные и полулегальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции, по частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятельности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны Р.С.-Д.Р.П. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitlaufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т. е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собою вытекает и линия организационной политики, принятая конференцией. Укрепление нелегальной партий-

ной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание и первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей соц.-дем. движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех нолулегальных и по возможности легальных организаций, поддерживание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и организационной работы среди масс», т. е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело *классового* сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, — за то между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная классовая программа; и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться таким образом в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою *партийную* линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контр-революции, но никакая сила в мире не устранит массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрыто, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения, — везде и всегда будут идти впереди массы сознательные партийные эсдеки, везде и всегда будут они сплачиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку», и на востание в 1905» и на выборы в 1906 — 1907 г., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустьи, пусть бешенствует реакция, — ни одного шагу не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

[Ленин.]

Тов. Арчил Леванович Джапаридзе*.

Джапаридзе не было 30 лет, когда он сошел в могилу, на пути из одной тюрьмы в другую. Чахотка уже подтачивала его силы — еще тогда, когда он с несокрушимой энергией отдавал целые дни и добрую часть ночей той думской работе, на которую поставила его воля кавказского пролетариата. Тюрьма и неприветливый петербургский климат доканали его. Последней надеждой мелкнул перевод на «юг», не на простор, не на солнце, не на свежий воздух, а в такую же душную каменную клетку в Севастополь, где томился уже, тоже тяжко больной — друг покойного и товарищ его по думской работе, Викентий Ломтатидзе. Эта надежда не осуществилась. В арестантском вагоне под Курском друзья и соратники почившего — Церетели и Махарадзе — приняли его последний вздох, его последнее проклятие режиму виселицы и каторги и последнее приветствие пролетариату, делу которого он служил всю свою недолгую жизнь.

Главным полем революционной деятельности Джапаридзе был Кавказ. Особенно кипучий характер эта деятельность приобретает с 1904 года, когда, после исключения из московского университета и недолгого пребывания во Франции, он стал членом Тифлисского Комитета. Арестованный за участие в демонстрации, он, по освобождении, переселяется в Батум, где остается до августа 1905. В марте этого года он принимает участие в I конференции кавказских организаций, а в августе того же года — во II, на которой его выбирают в члены Областного Комитета. В то же время он снова становится членом Тифлисского комитета и на этих двух ответственных постах принимает участие в руководстве всей той сложной и огромной работой, которая выпала на долю кавказских организаций в революционные дни. В ноябре 1905 года он является в качестве одного из кавказских делегатов на всероссийскую меньшевистскую конференцию, принципиально решившую вопрос об объединении двух фракций. На выборах в I Думу он проходит выборщиком от г. Тифлиса. В сентябре 1906 года IV съезд закавказских организаций единогласно выбирает его в областной комитет, причем Джапаридзе не оставляет и своей работы в качестве члена Тифлисского Комитета и пишет в грузинских с.-д. органах. В 1907 году его выбирают от Тифлисской губернии депутатом во II Государственную Думу. Здесь он сейчас же занимает принадлежащее ему по праву место одного из лидеров фракции. В апреле-мае мы его встречаем уже на Лондонском съезде, но мысль о необходимости возможно скорэе вернуться к своему посту ни на минуту не покидает его. При первой возможности он возвращается в Петербург, чтобы вписать еще несколько славных, последних страниц в историю деятельности с.-д. фракции 2-ой Г. Д. и лицом к лицу встретить удар врага.

Когда правительство потребовало выдачи с.-д. депутатов, и разгон Думы был уже несомненен, друзья и даже политические противники Джапаридзе уговаривали его скрыться. Все знали, что на него, как и на Церетели и других лидеров фракции, с особенной злобой обрушится правительство, которое так больно чувствовало наносимые ему социалдемократами удары. Знал это и сам Джапаридзе, как знал и то, что тюрьма будет для него могилой. И все же он, измученный лихорадкой, теряющий голос от горловой чахотки, ослабевший физически, решил спокойно и смело встретить грозившую опасность. Это решение было продиктовано не чувством отчаяния и безнадежности и не чувством равнодушия и усталости человека, подтачиваемого смертельною болезнью. Оно было продиктовано ясным сознанием долга, несокрушимым желанием умереть, но не сдаваться, до конца довести начатое дело. Ночь со 2-го на 3 июня Джапаридзе, вместе с некоторыми другими членами фракции и товарищами, не принадлежавшими к ее составу, провел за составлением воззвания на случай ожидаемого разгона Думы *. И — черта, характерная для Джапаридзе, — только одна «личная» мысль тревожила его в эту ночь — это мысль о судьбе его старого товарища, члена 1-ой Г. Д., Рамишвили, накануне арестованного на его квартире. В то же время, в предвидении ареста и суда, Джапаридзе задумывался уже и о том, чтобы и самый суд превратить в акт революционной борьбы. А с момента ареста все его мысли были поглощены

* Текст этого воззвания, к сожалению, пришлось уничтожить во время одного из многочисленных в эту ночь обысков.

стоящим процессом. С первого же дня он начал по этому вопросу разговоры и переписку и с товарищами по заключению, и с «волей», энергично добивался всяких указаний и мнений по этому поводу, редактировал воззвание спубликованное с.-д. депутатами после разгона Думы, составлял проект заявления на суде, словом, до самой последней минуты стоял на своем посту действительного вождя фракции. И если, несмотря на закрытые двери, на фальсифицированный обвинительный акт, на беззастенчивую грубость и продажность судей, среди гробового молчания либерального общества, выступление наших товарищей на суде и славная забастовка 22 ноября прозвучали гордым вызовом и беспощадной угрозой торжествующему насилию, то огромная доля заслуги в этом деле принадлежит и Джапаридзе.

Джапаридзе похоронили 26 декабря в Тифлисе, а похороны его обратились в грандиозную демонстрацию. Прорывая полицейские запреты, тысячные толпы рабочих с венками в руках провожали до могилы своего избранника. Были возложены венки и от кавказских партийных организаций. На могиле говорились речи, и наряду с представителями рабочих выступали представители крестьян и мелкого городского населения — живое свидетельство того обаяния, которое завоевала себе социал-демократическая фракция 2-ой Думы во всех угнетенных слоях народа.

Так своею смертью Джапаридзе еще раз послужил тому делу, которому служил всею своею жизнью. Тифлисская демонстрация ярким лучом прорезала нависшую тьму и показала, что живы те силы, на развитие которых возлагал все свои надежды покойный Джапаридзе. День грядущей победы этих сил будет днем победы дела Джапаридзе, и революционный пролетариат не забудет тогда вплести лавры в тот терновый венец, с которым сошел в могилу один из лучших его слуг.

Наша думская фракция.

В своей недавней резолюции о современном моменте и задачах думского с.-д. правительства, резолюции, являющейся в столь многом перепевом первой декларации, с которой фракция выступила в начале своей деятельности и которая вызвала справедливое недовольство во всех без различия партийных кругах, — наша фракция заявляет: «Она (т. е. фракция) сознает, что история возложила на нее почетную ответственность быть непосредственной преемницей той фракции 2-ой Государственн. Думы, которую контр-революция посадила на скамью подсудимых и послала на каторгу».

Так ли это, действительно ли является наша нынешняя фракция не на словах только, а по своей работе, преемницей нашей 2-ой фракции*, посланной на каторгу? Мы думаем, что непосредственными преемниками 2-ой фракции, наши нынешние думские представители являются пока только в том отношении, что они упорно стремятся повторить одну из крупнейших ошибок ее: мы говорим об отношении с.-д. в Думе к либеральной оппозиции.

Большинство нашей второй фракции, как известно, считало, по крайней мере в начале своей деятельности, своей главной задачей объединить против правительства всю оппозицию, включая сюда и кадетов. Большинство второй фракции не учитывало в то время того *факта*, что в ряде важнейших для социал-демократии вопросов либералы *уже* заняли враждебную революционному движению позицию, *уже* перешли на сторону контр-революционного правительства, которому они, прикрываясь ореолом «освободительного движения», оказывают наиболее ценную для него поддержку. Большинство 2-ой фракции не видело еще тогда, что именно для последовательной и решительной революционной борьбы против правительства социал-демократии *необходимо* направить свои удары также против контр-революционной либеральной буржуазии и сделать все, что можно, для привлечения на сторону революции единственно возможного временного союзника пролетариата — революционное, в силу своего настоящего социального положения, крестьянство.

Кроме всех прежних уроков революции, нашей 2-ой фракции понадобились еще наглядные уроки из области борьбы в самой 2-ой Думе, чтобы понять и принять ту аксиому, что в нашей буржуазно-демократической революции пролетариат, а стало быть и социал-демократия, в своей борьбе за полное низвержение старого строя и замену его демократической республикой, может «вместе бить» только в союзе с революционным крестьянством против правительства *и* либеральной буржуазии. Но кадеты скоро преподали нашей фракции и в самой второй Думе прекрасные уроки и придвинули ее вплотную к революционно-социал-демократической тактике. Когда гг. кадеты объявили «анти-конституционным» и «бунтовщическим» предложение

Собакевичи и Маниловы контр-революции.

(Политическое Обозрение).

Не останавливаясь ни перед чем в своей борьбе с революцией, ее традициями и ее духом, практикуя методы прямого физического истребления своих врагов и сделав петлю палача неизбежным условием своего существования, правительство в союзе с большинством 3 Думы по-своему пытается разрешить ряд вопросов, оставленных в наследство «победителям» революцией. По той нервности, с которой производятся эти попытки, можно судить, насколько слаба у нынешних хозяев России уверенность в благоволении к ним истории.

Русская революция и, в связи с ней, осложнение международного положения поставили старый абсолютизм перед такими задачами, разрешить которые он не в силах; а отказаться от решения их он, под страхом полной изоляции, не может. При этих условиях неизбежно то, что ни к какому вопросу абсолютизм не может подойти, не обжигая себе пальцев, а, с другой стороны — что его попытки решения вносят новые элементы недовольства в самые различные слои населения.

О том, как обожгло себе пальцы российское императорское правительство, попытавшись принять участие в судьбах балканского вопроса, рассказывал 12 декабря в Думе г. Извольский.

Предчувствием того, что такая же судьба очень легко может постичь попытки правительства в области самого жгучего для него внутреннего вопроса — вопроса аграрного — проникнута речь Столыпина, произнесенная им 10 января на собрании непременных членов губ. присутствий и землеустроительных комиссий, т. е. на собрании чиновников, специально приставленных к задаче насильственного разрушения общины и насаждения частной собственности в деревне.

Речь Извольского явственно показала, что, несмотря на искреннее желание, несмотря даже на полное сознание того, что само дело укрепления абсолютизма неразрывно связано с ведением достойной «Великой России» внешней политики, — что эта задача не по силам контр-революционному правительству. Вполне естественно поэтому, что империалистический либерализм гг. Милюкова, Струве, «Слова», либерализм, который все свои «творческие» силы употребил на то, чтоб создать атмосферу национальных задач, национального подъема, в которой легче всего Бисмарки ликвидируют революцию, — что этот либерализм остался очень недоволен и ролью и тоном российских дипломатов. Министру внешних дел в кабинете г. Столыпина пришлось «представителям нации» сказать, что тот внутренний кризис, который не был ликвидирован революцией, не сможет найти себе исхода на международной арене, что

нашей фракции для установления действительных размеров необходимой «продовольственной помощи» голодающей России и для установления действительного контроля за расходованием сумм на эту помощь — послать депутатов на места и на местах создать для этого специальные комитеты, — они сами толкнули нашу фракцию на борьбу против либералов, причем известная часть трудовиков пошла за социал-демократами. Когда, при обсуждении вопроса о помощи безработным пролетариям, кадеты предложили исключить рабочих, лишившихся заработка благодаря забастовкам, наша 2-ая фракция при всем своем желании изолировать правительство, должна была направить свои удары против кадетов, к которым правительство само «всецело и всемерно присоединилось». Когда при обсуждении бюджета и контингента армии кадеты ретивее всех служили службу контр-революционному правительству Столыпина и «товарищ» Родичев заслуживал искреннюю похвалу от «товарища» Пуришкевича, наша фракция, вопреки своему горячему желанию объединить всю оппозицию, в силу [7] вещей должна была разъединять ее и обрушить свои удары на головы таких защитников народной свободы, которые вредят ей больше явных врагов ее. Трудовики же и их левое крыло, с.-р., колеблясь и путаясь, все же часто шли в этих случаях за с.-д.

И так дело дошло до самого последнего заседания 2-ой Гос. Думы. Перед самым разгоном, когда меч контр-революции уже был занесен над самой головой Думы и когда, казалось бы, «оппозиции» больше чем когда-нибудь следовало бы «объединиться» и «изолировать реакцию», — и в этот момент нашей фракции в силу объективного положения вещей пришлось вести отчаянную борьбу не только против правительства, но и против кадетов, настаивавших на полном послушании этому правительству и холопском соблюдении «законности». Словом, вопреки своей теории, наша 2-я фракция *на практике* часто шла путем, позднее признанным нашим Лондонским съездом, путем, уже ранее намеченным революционной социал-демократией. Наша фракция, конечно, в том или другом случае платила весьма серьезную дань своей ошибочной теоретической точке зрения; борьба между ее практикой и ее теорией, разумеется, отражалась значительными колебаниями и очень вредными ошибками. Но второй фракции принадлежит тем не менее та заслуга, что она во многих случаях не оставалась глуха к голосу жизни, что она не цеплялась за ошибочную догму там, где это явно грозило обесцветить позицию с.-д., обессилить ее последовательно-революционную критику.

Наша третья фракция [8] сходится со второй в том отношении, что разделяет ее теоретическую ошибку, но расходится с ней в том, что самые яркие уроки практики, что самые настойчивые голоса жизни, что самые убедительные предостережения до сих пор проходили для нее, к сожалению, почти бесследно. Борьба с к.-д. в 3-ей Думе, разумеется, не менее необходима, чем была во 2-ой. Пусть не говорят нам, что дело изменилось потому, что во 2-ой Думе кадеты были хозяевами положения, а в 3-ей они являются только оппозицией. Если дело изменилось, то только в том отношении, что кадеты за это время стали еще более контр-революционными, что тактика их стала тем вреднее для дела революции и стала тем опаснее в 3 Думе, где кадеты еще больше стараются окружить себя ореолом гонимых и угнетаемых «борцов».

Выступая в 3 Думе — Думе контр-революции и сделки царизма с известными правящими слоями — исключительно против «безответственного» правительства, направляя свои стрелы только против Столыпинской шайки и тех думских групп, которые стоят еще правее Столыпина, наша фракция фактически содействует кадетам, распространяющим иллюзию, будто все зло в том, что у нас нет «настоящей» конституции, будто во всем виновато одно правительство. Обрушиваясь только на правительство, проведшее переворот 3 июня и думское большинство, явно опирающееся на этот переворот, наша фракция затушевывает то обстоятельство, что кадеты оправдали надежды правительства, что и они являются «людьми 3 июня», что последний избирательный закон * рассчитан на включение в число контрагентов старой власти также и кадетов, только на худших для кадетов условиях, — что только благодаря избират. закону 3 июня кадеты имеют еще столь непомерно большое представительство в 3 Думе. (Если между 1-ой и 2-ой Думой кадеты потеряли до половины депутатских мест, то после 2-ой Думы, где они с такой полнотой развернули свою тактику борьбы с народной свободой, кадеты при старом избирательном законе свелись бы к еще меньшой группе, чем во 2 Думе, к явному, быть может, ничтожному меньшинству).

* Правительство, прикрываясь избирательный закон 3 июня, явно обеспечивало себе два большинства: октябристско-черное и октябристско-*кадетское*. И последнее большинство Столыпин уже не раз пускал в ход в 3 Думе.

всякая попытка решить его на международной арене скорее вызовет к жизни Россию революционную, чем «Великую Россию» Струве и Гучкова. Это было открытое заявление правительства о своей неспособности компенсировать убытки буржуазии и буржуазного либерализма во внутренней войне успехами международной погони за рынками. И хотя г. Милюков сделал все, что от него зависело, чтоб позолотить пилюлю г. Извольского, хотя он и помог своим голосованием удалению с трибуны Думы тов. Покровского, хотя он и присоединился к одобрительной формуле октябристов, хотя он и написал в том же тоне передовицу «Речи» о речи министра, — он вскоре должен был уступить «общественному мнению» и вернуться на позицию контрреволюционного национал-либерала, подталкивающего царского министра к погоне за иностранными рынками. Вполне одобрив в первой же статье речь Извольского и упрекнув его даже в излишнем стремлении защищать себя, «Речь» через несколько дней уже пела в унисон со всей буржуазной печатью от октябрисского «Голоса Правды» до желающего казаться левее кадетов «Слова». Орган московских купцов и фабрикантов писал об «удивительной робости тона» и о том, что Извольский говорил так, «словно нет у нашей дипломатии прочной почвы под ногами»; «Слово», не связанное ни высоким положением главы «оппозиции Его Величества», ни положением органа правительственной партии — и тем точнее отражающее настроения господствующих и близких к господствованию групп, — весьма «радикально» кричало о достоинстве России и о том, что «речь г. Извольского произнесена, и тем лучше для Австрии». Корректная в разговорах с министрами, «Речь» журила русскую дипломатию за «кунктаторство», и даже Суворин, вспоминая денежки, которые он заработал на «национальном одушевлении» и «славянских» симпатиях в войну 77 — 8 гг. позволил себе проявить «холодность» по отношению к речи министра.

Чем же вызвана эта «холодность»? Ни чем иным, как откровенным заявлением царского министра, что российский абсолютизм не может взять на себя руководства внешней политики русского капитализма и не чувствует себя достаточно сильным, чтобы гарантировать ему победы на иностранных рынках.

Неприспособленность самодержавия к тем задачам, которые ставит перед ним буржуазное развитие России, прежде всего, должна была проявиться на арене международной борьбы за рынки, и речь Изволвского, — равно как и вся роль русского правительства в балканском вопросе, — знаменует только то, что почва российской революции совсем неблагоприятна для либеральных мечтателей о революции, ликвидированной по-Бисмарковски.

На этой-то почве при все более выясняющейся неспособности самодержавия разрешить задачи капиталистического развития России — создается в рядах буржуазной оппозиции формула ее отношения к скандалящимся на каждом шагу созидателям «Великой России».

Отсутствие борьбы против кадетов в 3-ей Думе делает абсолютно *невозможной* последовательную, выдержанную соц.-дем. агитацию в ней. Это нежелание вести борьбу против либеральной оппозиции, осложняемое робостью перед перспективой остаться одинокими, изолированными *внутри* Думы, это неумение показать, насколько либеральная буржуазия еще больше придвинулась к контрреволюционному правительству, эта неспособность учесть то обстоятельство, что крестьянство (даже т. н. «правое» крестьянство) попрежнему вынуждено требовать всей земли и, значит, остается объективно революционным, — являются основным, первородным грехом нашей третьей фракции. А что либеральная буржуазия действительно стала еще более контр-революционной — этому дает поистине блестящие подтверждения партия к.-д.

Ее явная поддержка внешней, империалистской политики правительства, ее явный переход на *национал*-либеральные рельсы, ее укорачивание своих и без того укороченных (в интересах помещиков) требований в аграрном вопросе, ее голосование за внешние займы, за ассигновки на тюремщиков, ее отношение к армии и к вопросу о «национальном могуществе», ее фактический отказ даже от требования назначения ответственного перед Думой министерства, ее гнусное лягание по адресу революции и революционных партий, ее заигрывания с октябристами, — все это *факты*, достаточно громко говорящие о том, куда передвигается и передвинулась уже либеральная буржуазия. И нужно поистине иметь глаза, чтобы *не* видеть, а уши, чтобы *не* слышать для того, чтобы после всего этого сделать, — как это делает наша фракция в своем отчете за первую половину 2-ой сессии, не пытаясь, между прочим, привести хотя бы одного факта из [внутридумской] борьбы, — вывод, что: «силою обстоятельств они (т. е. кадеты) как бы сдвигаются *влево*»... Сказать так, значит ничего не понять из современной политической обстановки, значит не видеть даже того, что происходит в стенах самой Думы, значит судить на основании мелких внешних конфликтов (вроде того, что из факта вызова на дуэль Гучковым Милюкова делать заключение о непроходимой пропасти между октябристами и кадетами), значит не понимать, что все «большие» «парламентские» столкновения являются в сущности семейной ссорой, которая именно потому порой так и обостряется, что она — семейная.

До тех пор пока наша фракция не станет планомерно и сознательно разоблачать также контр-революционную сущность кадетов, до тех пор пока она не откажется от борьбы только с одним «реакционным правительством», до тех пор пока фракция не даст себе полного отчета о роли различных классов в нашей революции, до тех пор пока она не станет в своей агитации проводить на этот счет обязательную для нее, как и для всех других партийных организаций, точку зрения лондонского съезда, до тех пор ее деятельность не будет соответствовать политической линии нашей партии, до тех пор фракция будет питать недовольство среди партийных рабоч., до тех пор она будет плодить конфликты между партией в целом и ее думским представительством.

И далее — самый *метод* работы фракции. Фракции необходимо усвоить себе, что *партия ждет от нее прежде всего и исключительно помощи в деле агитации и пропаганды*. И на своем последнем съезде, и на общепартийных конференциях — в том числе и на недавно закончившейся — *партия решительно высказалась против пути т. н. положительной работы, «серьезной» «законодательной» деятельности нашей фракции в Думе 3 июня*. Простых, популярных социалистических речей и развития наших революционных политических требований с трибуны перед возможно более широкими массами пролетариата и крестьянской бедноты — вот чего ждет от вас партия. Излагайте в доступных рабочему и крестьянину, солдату и матросу выражениях основы нашего великого социалистического учения! Пусть не смущают вас уверения некоторых из ваших «сведущих» лиц, будто это повторение азбуки социализма — узко, недостойно «истинных» парламентариев и просто «смешно» в 3 Думе. Простые социалистические речи покажутся смешными лишь гг. кадетам и мелкобуржуазным ревизионистам, но только не рабочим массам. И именно в 3 Думе, в Думе контр-революции, в цитадели злейших врагов рабочего класса, под злобные завывания рыцарей черной сотни, под хихиканье кадетских «просвещенных» буржуа, — проповедь великих заповедей социализма со стороны депутатов от рабочего класса должна была бы быть тем более страстной, тем более вдохновенной. Поменьше внимания к внутри-думским комбинациям и к мнению «истинных» парламентариев, побольше внимания к простому, «серому» рабочему! Дайте партии прежде всего *социалистические* речи, достойные перепечатки, широкого распространения среди масс. Разверните широкую пропаганду нашей программы-минимум, используйте тот невиданно-богатый агитационный материал, который дает вам сама 3-я Дума, выдвиньте

Русская буржуазия по необходимости учитывает весь тот вред, который приносят ей эти одни за другим выдвигающиеся «скандалы». Поскольку попытки самодержавия приспособиться к задачам буржуазного развития оканчиваются фиаско — они неизбежно содействуют накоплению элементов нового революционного кризиса. И перед этой угрозой, угрозой революции буржуазия неизбежно влечется на путь предъявления к наличному правительству требований более активной, более обдуманной, более устойчивой контр-революционной политики. «Правительство делает хорошее дело, но делает его неумело и с риском вызвать на сцену новую революцию» — так можно сформулировать общее настроение после речей Извольского и вышеупомянутой речи Столыпина. Таков общий тон и итоговых статей всех почти легальных газет за 908 год.

«Хорошее дело» — это ликвидация революции и решение выдвинутых ею задач сверху «парламентскими» договорами и «парламентской борьбой» между людьми, отгородившимися от народа стенами Таврического Дворца и министерских кабинетов. «Хорошее дело», это — с одной стороны успех idee maitresse (главной идеи) г. Столыпина, столь неоднократно воспетой к.-д. и в речах, и в печати, — с другой стороны, — т. н. усиление влияния на ближнем Востоке, над чем больше всего опять-таки потрудились к.-д., озабоченные введением бассейна Черного Моря в сферу влияния московских и донецких капиталистов и заводчиков.

«Неумелость» же правительства вести и довести до благополучного конца это хорошее контр-революционное дело, это — отражение в либеральных головах объективной невозможности для русской контр-революции выполнить буржуазные задачи.

Стоит перебрать те упреки, которые буржуазная контр-революция посылала контр-революции бюрократической за последнее время, чтобы убедиться, что единственная идея, которой жила оппозиция, это — идея о том, что те методы осуществления *общих* задач, которые практикует Столыпин, способны вновь вызвать «безумные дни 905 года».

Оппозиция Милюкова, это — те же домашние сцены, как и праздничные увеселения Гучкова, переодевающегося в оппозиционера на время закрытия Думы.

Мы уже видели, как в форме «неумелости» и «робости тона» данного министра явилась перед глазами контр-революционной буржуазии неспособность правительства представить интересы русского капитала на ближнем Востоке. Точно также громадной важности социальный факт — неспособность и даже больше: неуверенность в возможности разрешить по-Столыпински аграрный вопрос рисуется либеральным друзьям целей Столыпина в виде неудачной редакции тех или других статей закона.

В своей последней речи по аграрному вопросу, произнесенной перед практиками сего дела 10/I с. г., Столыпин, заручившись уже думским одобрением своей линии в этом вопросе, должен был коснуться самого острого вопроса: практического осуществления закона, и тут сразу на-

полностью наши революционные общие лозунги, говорите о местных нуждах, т. е. излагайте горе и страдания рабочих и безземельного крестьянства в тех или других углах России, но распрощайтесь поскорее с подсказываемыми вам вредными, губительными тенденциями к методу «серьезного» законодательства. Сводите все ваши речи — в том числе и по местным вопросам — к общему положению вещей, к невозможности разрешить наш кризис иначе, как путем новой революционной борьбы, зовите народ в каждой своей речи, в каждом заявлении к борьбе, разъясняйте пролетариату и крестьянству истинный характер нынешнего контр-революционного блока и составных его частей, словом, усвойте поскорее *агитационный* метод работы, ибо для него, и *только* для него, партия послала вас в Думу 3 июня, ибо только этот путь — сколько бы ни издевались враги революционной социал-демократии над «митинговой» точкой зрения — сроднит вас с рабочими массами, даст вам их сочувствие и поддержку.

Нашу мысль о методах работы мы иллюстрируем на двух примерах из области деятельности фракции: подготовке ее к выступлениям по аграрному вопросу и подготовке ею законопроектов о свободе стачек и 8-часовом рабочем дне. Готовясь к выступлению по вопросу о законе 9 января [9], фракция, благодаря стараниям некоторых из ее непомерно «сведущих» людей [10], занялась разработкой тезисов о выходе из общины, которых в поте лица выработали целых 10. Такую «законодательную» работу, как выработку тезисов о том, каким большинством голосов община может вне момента передела отказать «в выделе к одному месту», и о том, при каких условиях для собственника «обязательно подчинение общему севообороту и общему выпасу» и т. п. материях (смотр. отчет фракции), при настоящих условиях нельзя не признать по меньшей мере бесполезной. Такую работу, как выдумыванию условий для выхода из общины при царстве Столыпина, можно было предоставить господам кадетам. Нашей же фракции, кроме принципиальных речей, оставалось только, если было технически возможно, внести краткий законопроект из нескольких пунктов, сводящийся к назначению земельных комитетов на основе всеобщего избирательного права для проведения конфискации без выкупа всех помещичьих, удельных и монастырских земель, согласно нашей программе. Это, наверное, показалось бы «смешным» очень многим глубокомысленным парламентских дел мастерам, но это имело бы большое агитационное значение и помогло бы нам в нашей работе среди рабочих и крестьян.

Но эти положения «отделяют позицию с.-д. фракции от других соседних с нею думских групп, являющихся тоже противниками указа 9 ноября» (напр., трудовики), — пишет фракция в своем отчете. Ошибаетесь, товарищи, отделиться от этих групп вы должны были и могли, только развернув всю нашу аграрную программу, т. е. сделав то, чего вы не выполнили, «вследствие болезни назначенного оратора», как пишете вы в своем отчете. Вам опять-таки следовало меньше прислушиваться к спорам ваших словоохотливых сведущих лиц о пресловутых тезисах и побольше думать об общей, программной, агитационной стороне дела. Тогда и болезнь товарища не имела бы таких серьезных последствий...

В противоположность подобного рода «законодательным» работам, в практике нашей фракции при обстановке 3-ей Думы должны преобладать законопроекты вроде того, который посвящен вопросу о свободе стачек *. Этот законопроект, состоящий из нескольких пунктов и написанный простым и ясным языком, содержит в себе два положения: во-первых, все рабочие России пользуются полной свободой стачек; во-вторых, предприниматели и администрация, если они чинят препятствия рабочим, подлежат строгой ответственности и возмещают убытки. Этот законопроект очень не нравился «сведущим» ревизионистам («Смешно» — говорили они — рабочие по этому проекту получают право бастовать, а предприниматели только право сидеть в тюрьме за противодействие стачкам»), но очень понравился, напр., петербургским рабочим.

Фракция имеет в своем распоряжении такого же характера законопроект о 8-часовом рабочем дне, но она, к сожалению, его до сих пор не внесла только потому, что в течение года сведущие лица все составляют докладную записку к нему...

Вот два типа законопроектов, речей, всей постановки работы: аграрные тезисы и законопроект о свободе стачек. Из них фракция должна сознательно и без колебаний избрать последний тип.

Сколько-нибудь успешными были именно те выступления нашей фракции, которые исходили из метода, называе-

* Этот законопроект разработан еще 2-ой фракцией. Следовало бы нашей нынешней фракции побольше заимствовать у своей предшественницы в **этом**, «митинговом», на взгляд некоторых, направлении.

ткнулся на кардинальнейший пункт всей своей политики. К чему приведет на деле закон 9 ноября — к увеличению ли средневековой запутанности земельных отношений в деревне (чересполосица и т. д.) и на этой почве к неизбежному повторению и усилению революционно-демократического крестьянского движения типа 1905 — 6 годов, или же, несмотря на все, к созданию чисто-буржуазного крестьянского землевладения и «слоя государственно-сознательных земледельцев»? Г. Столыпин должен был признать, что то, что до сих пор сделал указ 9 ноября, только «видимый успех», и особенно подчеркнуть, что действительный успех закона в столыпинских целях будет зависеть именно от того, как решится на месте борьба между полукрепостнической чересполосицей и чисто буржуазным отрубом. Здесь именно должна произойти последняя битва Столыпина с земским начальником против паупериэованного мужика.

Какова же позиция наших либералов в этой битве? Они там, где Столыпин, и они предлагают ему свой опыт и своих юристов, для того, чтобы победа в этой битве осталась именно на его стороне. Допускаемая здесь критика ограничивается спором, как удобнее и скорее может Столыпин добиться своей победы.

Оппозиция считает, что ее задача заботиться о правильном оформлении верной идеи в удачный и жизненный закон. От идеи до реальных форм закона и его удачного применения — развивают они мысль г. Столыпина — дистанция огромного размера. И сюда-то, в эту сторону, т. е. в сторону критики тех статей указа и думского законопроекта, которыми укрепляемая собственность отводится к одному месту, и должны быть направлены теперь все удары оппозиции в Г. Думе, *если только оппозиция решит стать на реальную почву, а не останется в области политики и теоретизирования* («Слово» перед. 121i). Политика, ее направление — дело Столыпина, оппозиция должна лишь заботиться о ее «удачном применении», о редакции статей, дабы обезопасить себя от неудачного и опасного применения «хорошей идеи» «неумелыми» чиновниками.

При этом разделении труда, установившемся в русской политической жизни, когда Столыпин пытается разрешать задачи капиталистического развития России, а либерализм охраняет его от опытов неудачных и могущих привести к последствиям прямо-противоположным — к обострению революционных возможностей, — политическая работа оппозиции сводится ни к чему иному, как к укатыванию дорожек для приспособляющейся монархии.

Вся ограниченность буржуазии, ставшей контр-революционной, выражается в этой попытке найти для столыпинских целей не столыпинские методы их осуществления. Что столыпинские методы опасны, содействуя нарастанию элементов политического кризиса, — это ясно по временам даже для октябристов, что рейнботовщина и пр. связана с методами управления Столыпина, ясно даже для «Моск. Еженедельника», но что столыпинские цели

мого нами агитационным: в первую сессию — речь Покровского о вознаграждении пострадавших от революции, речи по финляндскому запросу, во 2-ую сессию — аграрные речи, речи рабочих об оттяжке Думой рабочего вопроса, речи по кавказскому запросу, прерванная речь после выступления Извольского, запрос о действиях Ляхова — дали агитационный материал и несомненно найдут отклик в рабочей среде.

Из деятельности фракции за первую половину второй сессии партия может с чувством удовлетворения отметить исправление некоторых ошибок: фракция не колебалась при выборах президиума и внесла не дурное заявление о своем отказе участвовать в этих выборах в Думе 3-го июня; по вопросу об ассигновке новых 6 миллионов по министерству народного просвещения фракция решила ныне воздержаться от голосования; фракция приготовила отчет избирателям и кое-что сделала в области внедумской работы.

Жаль только, что фракция наряду с этим сделала столь вопиюще плохое выступление по вопросу о займе на 450 мил., что она в начале сессии не выступила — согласно предложению нашего Ц. К. — с общей программной речью для исправления первой декларации, что она не выступила с разоблачением шовинистической кампании при запросе о реферате Погодина, что она в формуле по аграрному вопросу пропустила указание о конфискации *без выкупа*, что она мало отзывалась на животрепещущие вопросы дня (холера и проч.).

Недавно состоявшаяся партийная конференция дала фракции ряд практических указаний и наметила ряд необходимых выступлений по разным вопросам (наступление капитала, положение армии, безработица и голодовки, внешняя политика правительства, национал-либерализм кадетов и пр. и т. п.). Конференция призвала далее всю партию оказать содействие фракции в ее трудной работе. Думская работа партии, безусловно имеющая при нынешних обстоятельствах известное значение, должна быть поднята на должную высоту. Пусть захлебываются от злорадства по поводу ошибок нашей фракции господа эсэры,* которых их группа во второй Думе, избранная и работавшая при несравненно более благоприятных условиях, покрыла несмываемым позором. Наша партия, конечно, не станет утаивать и прикрывать ошибок своего думского представительства, как это делали гг. эсэры при 2-й Думе. Она будет работать над своей фракцией выдержанно и терпеливо и открытой принципиальной постановкой вопросов, самым серьезным воздействием она добьется того, что подчиненная ей фракция займет достойную рабочего класса революционно-социал-демократическую позицию. Наши организации и прежде всего рабочие соц.-дем. уделят делу постановки думской работы партии больше внимания, чем это делалось до сих пор, они усилят свой контроль над фракцией, будут делать ей систематические указания и, не затушевывая ее ошибок, давать деловую и систематическую критику их. Но они не ограничатся этим, они постараются осведомлять широкие круги рабочих о деятельности их депутатов, они будут снабжать фракцию необходимыми ей материалами, они будут всячески сближать фракцию с рабочим классом и ставить ее работы на должные рельсы.

Не разочаровываясь при первых ошибках и не останавливаясь перед трудностью задачи поднять фракцию на ту же принципиальную высоту, на которой стоит наша партия в целом, наши теперь чисто рабочие организации, — памятуя, что, например, и немецким социал-демократам решение этой задачи далось очень не легко, — твердой пролетарской рукой [11] поставить дело социал-демократической агитации и с думской трибуны в духе программы, тактики и традиций Р. С.-Д.Р.П.

[Г. Зиновьев.]

* См. с.-ровское «Знамя Труда» № 14 и др.

Крах революционного авантюризма.

Правительство наскоро опровергает выяснившийся из дела провокатора Азефа факт прямого соучастия русской полиции в целом ряде террористических актов последних лет — в том числе в убийствах Вячеслава Плеве и Сергия Романова.

Русскому правительству не остается другого исхода, как печатать голословные опровержения, которым все равно никто не поверит. Ибо факт остается установленным: с самого начала возрождения организованного политического террора в России руководителем всего террористического дела являлась личность, состоявшая постоянным «сотрудником» гг. Плеве, Дурново, Лопухина, Святополк-Мирского, Коваленского, Зволянского, Вуича, Трусевича, Макарова, Столыпина и всех других, фигурировавших за это время в роли высших руководителей российской политической полиции.

Неопровержимо установлено, что эта личность — когда человечество устанет вспоминать Иуду из Кариота, оно назовет Азефа из Боевой Организации — что эта личность направляла руку целой серии исполнителей удавшихся и неудавшихся террористических актов, о большинстве которых, во всяком случае, полицейские центры

недостижимы вне столыпинской практики, — это мешает понять «оппозиции» ее классовое положение. Она гонится в объятия Столыпина стремлением разрешить задачи, поставленные революцией, вне методов массовой и решительной борьбы; и тащится в хвосте Столыпина ее судьба, независимо от того, что идет она за ним, упираясь и пытаясь придержать его за фалды.

Именно в один из таких моментов у консервативного публициста вырвалась фраза, правильно характеризующая современное положение: «В России установилась временная диктатура чиновника, заслоняемого Думой от протестующего народа». Эта диктатура — неизбежный результат неудачи установить диктатуру революции, и вне этой дилеммы нет выхода, сколько бы ни искала его буржуазная ограниченность, разочарованная Извольским и напуганная смелыми экспериментами Столыпина. От этой дилеммы либеральный публицист готов бежать куда-угодно, и две попытки спрятаться от колючих противоречий послереволюционного периода, принесенные последним месяцем, заслуживают быть отмеченными здесь. Одна попытка принадлежит барской фантазии мирнообновленца, другая — сотруднику газет «левее кадет», в данный момент «Слова».

Напуганный *практикой* столыпинской контр-революции, трясущийся при мысли о том, что «реакция неизбежно воскрешает революцию», — контр-революционный мирнообновленец зовет всех, «кто не хочет возвращения пережитой нами смуты», объединиться на почве «народно-русского самосознания» «во имя охранительных задач», во имя того, между прочим, чтоб создать и охранять «сильную, крепкую и единую власть» против Столыпина, который-де «может так разрушить правительственную машину, что потом ее не соберешь».

Эта барская фантазия контр-революционера, желающего отграничить себя от практиков контр-революции — от Думбадзе, Гершельмана и прочих, естественно встречает сочувственный отклик в среде обывателя, и контрреволюционный обыватель в ответ на сомнения кн. Трубецкого несет свой рецепт. Не желая непосредственно мараться в грязной контр-революционной практике, он предоставляет ее специалистам, сам уходя вон из политики в литературщину, в «религиозно-философскую» болтовню, в интеллигентскую болтовню о богоискательстве и помогая «специалистам» *лишь* своим высоко-моральным поплевыванием на революционные методы действия. Делая вид, что он желает бороться с контр-революцией, обыватель на самом деле желает как можно скорее покончить с революцией, хотя бы прежде всего в области нравственных начал. «Едва ли можно отрицать, что многое из того, что совершалось за эти годы под влиянием даже благородных мотивов, оказалось скомпрометированным именно потому, что в средствах борьбы от-

были хорошо осведомлены, что агент политической полиции Азеф организовал убийство Георгия Гапона, — агента главы правительства Витте. Что петербургское охранное отделение пыталось терроризацией г. Лопухина помешать раскрытию провокаторской роли Азефа. Что арестом того же Лопухина Столыпин теперь пытается затушить разразившийся скандал.

Все это установлено неопровержимо. И для оценки политического значения разыгравшегося скандала уже неважно, входило ли в расчеты Рачковского довести покушение на Плеве и Сергия до удачного конца, как не важно, руководился ли в этом случае Рачковский своими собственными соображениями или в заговоре с ним и Азефом были те или иные «высокие особы» или целые камарильи. Начавшиеся разоблачения, надо полагать, продолжатся и позволят судить о том, какая из гипотез является наиболее правдоподобной. Но, что бы ни обнаружилось впоследствии, оно не изменит факта, имеющего решающее значение во всей этой истории: агонизирующее самодержавие могло существовать, лишь опираясь на террористические заговоры и деятельно их поощряя руками своих полицейских агентов. Самодержавие могло длить свою агонию, лишь давая убивать отдельных самодержцев и подходя подчас вплотную к самой «венчанной главе» своего богдыхана. Губы Молоха самодержавия, оказывается, были помазаны во время политических оргий реакции не только кровью рабочих, солдат, крестьян, интеллигентов, евреев, но и кровью великих князей и министров. Кровь — особый напиток, думали еще во времена Шекспира. И сознание тех подлинных «уз крови», которые, как выясняется, связали воедино шайку правящих Россией контр-революционеров, вольет жгучую отраву во все монархические души.

В заметке, помещенной в парижских газетах, И. А. Рубанович предостерегает от доверия к уже складывающейся легенде, согласно которой из дела Азефа вытекает-де тот факт, что вся Партия С.-Р. есть не что иное, как продукт полицейской провокации. Надо надеяться, что никому из революционеров не придет в голову доказывать на основании дела Азефа, что весь русский революционный терроризм есть продукт полицейского творчества. Русский терроризм есть одно из следствий доведенного до крайней остроты противоречия между пережившими себя формами политического и правового строя и далеко переросшим их гражданским сознанием населения. Сознание этого противоречия неизбежно вызывает террористические проявления, когда объективные условия или достигнутая теми или иными слоями населения степень сознательности не дают последним возможности организовать планомерное социально-политическое движение. Живучесть русского терроризма — в социально-политической отсталости, раздробленности, а потому и беспомощности народа.

Систематический террор, как боевая *тактика* революционной партии, стремящейся утилизировать стихийный терроризм и его организации подчинить революционную борьбу самого народа, являлся анахронизмом в тот момент, когда был написан на знамени возродившихся социалистов-народников. Он был анахронизмом потому, что объективное развитие русского общества уже наметило те общественные силы, которые способны и должны совершить революцию, а, следовательно, могут преодолеть свою собственную социально-политическую беспомощность — этот продукт старой русской истории. Террор, как боевая тактика, в начале XX века был анахронизмом потому, что Россия уже созрела для *буржуазной революции*, для революции, в которой ломка политических форм совершается в процессе классового самоопределения некогда «сплошного» населения, в процессе борьбы между обособившимися классами.

Через 20 лет после 1 марта террористическая тактика могла *только* внести спутанность в сознание передовых элементов различных общественных классов, шедших каждый своим особым путем к тому фокусу, в котором интересы всех их непримиримо сталкивались с старым государственным порядком — к всероссийской буржуазной революции. Теперь видимые успехи террористической тактики лишь задерживали процесс классового сплочения и политического самоопределения буржуазного «общества», отписывавшегося от собственной борьбы денежной подпиской в пользу «Б. О.», лишь дезорганизовывали передовые отряды пролетарской армии, отвлекая их от дела организации масс на путь авантюристских выступлений, лишь задерживали развитие политического сознания передовых групп крестьянства, питая в них традиции анархического применения «своих средствий» вместо организованной борьбы, деморализовали демократическую и социалистическую интеллигенцию, убивая в ней сознание революционного значения «мирной просветительной» работы социалистической агитации, развивая в ней вкус к заговорщической романтике и авантюристскому удальству и вырабатывая индивидуалистический культ над массами подвизающегося революционера.

И именно потому, что централизованный, систематический террор (а впоследствии также партизанский, децентрализованный террор), являясь анахронизмом, мог оказывать только *реакционное* влияние на развитие действительной революции, именно поэтому он *мог* в вихре борьбы революционных и контр-революционных сил стать одним из рычагом в руках героев реакции. *Историческая ненужность* для революции, — террористическое заговорщичество, сплачивавшее вокруг себя известные революционные силы, соприкасавшиеся, поэтому с революционным движением в целом и, вместе с тем, притягивавшее к себе наиболее авантюристские элементы самой революционной армии, должно было, рано или поздно, стать ареной успешных экспериментов для авантюристских же элементов старой России. Вслед за красивым романтиком Гершуни в террор шел холодный авантюрист Азеф, сопровождаемый шефом провокации — Рачковским.

Не провокация породила террористическое заговорщичество; но террористический авантюризм — это последнее слово заговорщичества — явился той *единственной* почвой, на которой должно было столь пышным цветом расцвести полицейское провокаторство.

брошены были нравственные начала» (В. Голубев в «Сл.» 7 янв. [12]).

И естественно, что обыватель подменяет всякую действительную борьбу проповедью новой, контр-революционной толстовщины: «необходимо прежде всего признание за нравственными началами первенствующего значения, *основы* всех средств и способов борьбы».

Идея о генерал-губернаторе высокой нравственности — вот единственная живая идея нашей «оппозиции», вот единственный пункт, по которому она поддерживает спор с Столыпиным.

Идея о том, что контр-революционное дело могло бы делаться более нравственными генерал-губернаторами, заползает иногда со страниц «М. Еж.», «Речи» и «Слова» и в головы октябристов — в отличие от прочих только по праздничным дням, — и тогда в ответ на все эти воздыхания о лучших путях контр-революции со стороны кадет, мирнообновленцев и пр. раздается спокойная и поучительная речь практика контр-революции. Такой ответ дал Столыпин со страниц «Нового Времени» [13], когда песню о хороших генерал-губернаторах запел и г. Гучков. «Вы недостаточно уясняете себе общее положение в стране» писал Столыпин октябристам («Н. В», 7 янв.), и только поэтому «шокируетесь тем, что правительство больше занято репрессивной деятельностью, чем осуществлением свобод». «Вы допустили в наказе Думы такие правила, которые дают оппозиции силу тормозить каждое дело. Вы не сумели широко использовать свое положение хозяина в Думе». Иначе говоря — в деле контр-революции, поучал Столыпин, недопустимы никакие сантименты, никакие барские фантазии насчет «чистеньких» губернаторов, никакие ламентации насчет «нравственных способов борьбы».

Поймут ли это господа, желающие делать контр-революцию в лайковых перчатках? Поймут ли они, что нельзя осуществлять контр-революционных целей без союза с черносотенными подонками общества, без порабощения монархии дикой шайке диких помещиков? Мы не возлагаем надежд на понятливость господ кадетов, господ Голубевых и пр. и т. п. Но мы видим, что объективные противоречия контр-революционного периода с ясностью, недопускающей колебаний, выдвигают перед широкими массами народа диллему: диктатура неумытых генерал-губернаторов, диктатура черной сотни, оберегающая интересы помещиков и неспособная выполнить исторические задачи буржуазного развития, или диктатура революционных классов, пролетариата революцион. слоев крестьянства?

[Л. Каменев.]

Ибо — не забывайте! — если к террору был приставлен Рачковский, и к массовому движению был в свое время прикомандирован царизмом плачевной памяти Зубатов. В 1897 году этот муж писал: «чем интересуется революционер, тем должна интересоваться политическая полиция». Революционеры тогда «интересовались» классовой борьбой пролетариата; политическая полиция в течение 8 лет «интересовалась» ею, наводнила рабочее движение и рабочие организации провокаторами, участвовала в актах классовой борьбы, поставляла временных вождей рабочим массам — Слеповых, Шаевичей, Гапонов — и... в результате ее усилий не «зубатовщина» пожрала революционное движение масс, а революционное движение масс проглотило и переварило все яды зубатовщины и гапоновщины, извлекло из Зубатовых и Гапонов, пытавшихся эксплоатировать рабочее движение, все, что можно было из них извлечь для развития самого движения. Контр-революционный авантюризм — имя же ему всегда провокация — был в дребезги разбит классовой борьбой. И провокатору Азефу, когда он организовывал убийство продавшегося полиции Гапона, пришлось иметь дело с политически-мертвым человеком, переставшим быть даже опасным для революции.

Отношение революционного авантюризма — заговорщичества — к действительному революционному движению и его интимная связь с авантюризмом реакционным — провокаторством — были в ярких красках обрисованы свыше полвека назад Марксом в его рецензии из книги Шеню и де-ля-Годда, из которых последний вплоть до февраля 1848 года исполнял роль Азефа в бланкистских организациях тогдашней социально-революционной французской партии.

Маркс характеризует тот период в развитии французского заговорщичества, когда оно перестало уже примыкать к движению либеральной буржуазии (период карбонарий), а прониклось социально-революционными тенденциями и искало точки опоры в рабочем движении.

«С развитием пролетарских заговоров почувствовалась потребность в разделении труда. Члены общества стали делиться на случайных заговорщиков, т. е. рабочих, занимавшихся заговором лишь как побочным занятием рядом с своей постоянной профессией и готовых по приказу вождей явиться на сборный пункт, и на заговорщиков по профессии, которые посвящали всю свою деятельность заговору и жили этим. Эти последние образовали посредствующий слой между рабочими и вождями и часто даже контрабандным путем пробирались в разряд вождей... Само собой разумеется, что эти конспираторы не ограничиваются тем, что, вообще, организуют революционный пролетариат. Их дело состоит именно в том, чтобы предвосхитить революционный процесс развития, искусственно толкать его к кризису, импровизировать революцию тогда, когда нет на лицо условий для революции. Единственным необходимым условием революции является для них достаточная организация заговора. Они — алхимики революции и в полной аналогии с прежними алхимиками обнаруживают такую же идейную растерянность и ограниченность кругозора. Они хватаются за всякие изобретения, которые, по их мнению, должны произвести революционное чудо: самовозжигающиеся бомбы, адские машины с магическим действием, восстания, которые должны действовать тем более поразительно и чудесно, чем меньшее рациональное основание они под собою имеют. Занятые этим прожектерством, они не имеют перед собой никакой иной задачи, кроме ближайшей цели низвержения существующего правительства, и глубоко презирают теоретическое разъяснение рабочим их классовых интересов. Отсюда — их непролетарское, а плебейское недоверие к «сюртучникам» (habits noirs), к тем, более или менее образованным, представителям идейной стороны движения, от которых, как официальных представителей партии, они, однако, не могут никогда стать независимыми...

«Главной характерной чертой в жизни заговорщиков по профессии является их борьба с полицией, к которой они стоят в таком же отношении как и воры и проститутки. Полиция терпит заговоры и притом не только как необходимое зло. Она терпит их, как легко поддающиеся наблюдению центры, в которых сосредоточены самые революционные, наиболее склонные к насилиям элементы общества, как мастерские восстания... она терпит их, наконец, *как место рекрутирования ее собственных политических шпионов*. Совершенно так же, как самые умелые ловцы мошенников, гг. Видоки и К°, вербуются из класса высших и низших жуликов, шантажистов и злостных банкротов, и часто вновь возвращаются к их прежнему ремеслу, так и низшая политическая полиция рекрутируется из среды профессиональных заговорщиков. Заговорщики беспрестанно остаются в соприкосновении с полицией; они каждую минуту приходят в коллизию с нею; они охотятся за шпионами так же, как шпионы охотятся за ними. Нужно ли удивляться тому, что так часто совершается маленький прыжок от профессионального заговорщичества к оплачиваемому полицейскому шпионству, прыжок, столь облегчаемый необеспеченностью и тюрьмой, угрозами и обещаниями?.. Эти завербованные из заговорщиков шпионы большей частью вступают в сношения с полицией *с добрым намерением провести ее*. В течение некоторого времени им удается играть двойную роль, но затем они все более и более подпадают под последствия своего первого шага; однако, часто полиция действительно вводится ими в обман» *.

Данная Марксом характеристика не устарела и через 50 с лишком лет и, читая ее, так и воображаешь, что перед тобой изображение среды, в которой, как рыбы в воде, плавают большие и малые Азефы.

«По мере того, замечает Маркс, как парижский пролетариат стал сам выступать как партия, эти заговорщики теряли свое руководящее значение, они рассеялись и нашли себе опасных соперников в лице тайных пролетарских обществ, которые имели своей целью не непосредственное восстание, а организацию и развитие пролетариата... История с бомбами 1847 года, в которой полиция была более непосредственно замешана, нежели во всех прежних историях, рассеяла, наконец, самых упорных и бессмысленных заговорщиков и вовлекла все их прежние секции в пролетарское движение».

Эпохи контр-революции часто бывают эпохами подведения итогов. После того, как заговорщической романтике нанесен ряд тяжелых ударов (напомним: раскол в Р. Р. S.; краткую, окончившуюся банкротством историю максимализма; безусловное фиаско польской террористической партии «Пролетариат», до корня зараженной провокацией; «лбовщину», завершившую развитие с.-р.-ского терроризма на Урале; напомним ликвидацию на Лондонском съезде «партизанства» и «экспроприаторства» в рабочем движении),— можно надеяться, что история с Азефом, «в которой полиция более непосредственно замешана, нежели во всех прежних историях», и у нас также рассеет «самых упорных и бессмысленных, старых заговорщиков». Надо надеяться, надо стремиться к тому, чтобы кризис революционной романтики, при котором мы присутствуем, не был затушеван ни дипломатами из среды партийных вождей, старающимися уменьшить в глазах публики размеры катастрофы** и свести все дело к «маленьким недостаткам механизма», ни теми «левыми»*** группами террористов, которые видят корень зла в недоглядевших «сюртучниках» из ЦК средства исцеления (см. их «Революционную Мысль») видят в децентрализации террора, т. е. в устранении последних гарантий против пропитания всей революционной среды очагами полицейской провокации.

В «вовлечении в прямое пролетарское движение», в участии в классовой борьбе пролетариата и только в ней — выход для тех, увлеченных терроризмом, элементов, которые способны понять великий урок краха революционной романтики.

Л. Мартов.

Джапаридзе во второй Думе.

Понять и оценить заслуги Джапаридзе перед русским рабочим движением и русской социал-демократией — значит, прежде всего, понять значение работы, выполненной им во второй Государственной Думе. Дума была тем поприщем, на котором развернулись во всей силе — увы, не надолго! — энергия, мысль и талант почившего товарища.

Джапаридзе был рожден борцом. Но этого мало. Революционер до мозга костей, он был одним из тех, кому дана сила неразрывно связать свое имя с новым крупным шагом вперед в развитии своей партии и своего класса. Джапаридзе пришлось встать в передние ряды именно тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс делали такой крупный шаг вперед, завоевывая для своего дела новую арену — думскую трибуну.

Работа была трудная, но она оказалась Джапаридзе по плечу. Приходилось собственными усилиями добиваться разрешения трудной проблемы парламентской деятельно-

* Nachlass, III, s. 426 — 432.

** См., напр., воззвание Ц. К. П. С.-Р., напечатанное в L'Humanité.

*** См. объявление «парижской группы с.-р.». — Чем бессмысленнее принцип, тем «левее» представляется его последовательное доведение до абсурда.

сти социал-демократии в противоречивой исторической обстановке, где наличность представительного учреждения сочетается с сохранением азиатского деспотизма, а отсутствие массового движения — с незакончившимся революционным кризисом, и где классовая борьба пролетариата ведется в рамках буржуазного общества, не стряхнувшего еще с себя оков крепостничества. Такого положения не знала Западная Европа, и потому с.-д. думская фракция не имела перед собою готового шаблона.

Деятельность фракции в 1 Думе также давала мало материала для выработки думской тактики, т. к. эта деятельность была рассчитана на возможность скорого и бурного подъема революции и потому носила характер почти исключительно прямого призыва к революционным действиям масс.

К 1907 году положение слишком изменилось, чтобы этой перемены мог не заметить «имеющий уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видеть». Стало очевидно, что новый подъем революции — дело не завтрашнего дня, и что, следовательно, используя думскую трибуну для дела подготовки революции и подготовки рабочего класса к революции, невозможно ограничиться одним повторением примитивных форм деятельности с.-д. фракции в 1 Гос. Думе. «Дума без народа бессильна, но она может быть использована для воспитания народа во время революции», говорил Джапаридзе в своей речи на Лондонском съезде и прибавлял: «недостаточно произнести речь с думской трибуны, чтобы воспитать народ»; «только серьезная работа в Думе может сплотить народ вокруг нее и сделать ее орудием дальнейшей борьбы народа».

Этой «серьезной работе» и посвятил последние месяцы своей жизни «на воле» Джапаридзе. Обвеянный пороховым дымом кавказских восстаний, он верно понял, какое колоссальное значение для дела социал-демократической пропаганды, агитации и организации, для всей революционной борьбы рабочего класса и для всего дела русской революции будет иметь завоевание и целесообразное использование пролетариатом думской трибуны. И весь свой недюжинный ум, свою честную, неустрашимую мысль, свою железную настойчивость вложил этот пламенный революционер в работу, маленькую и невидную на первый взгляд, но закладывавшую несокрушимый фундамент всей будущей парламентской тактики русской социал-демократии.

Эта тактика, как бы ни были различны ее конкретные проявления, всегда будет исходить из того, начало чему положила деятельность 2-ой думской фракции. И поскольку завоевание думской трибуны социал-демократией сопряжено с колоссальным расширением содержания, плоскости деятельности и силы воздействия классового рабочего движения, и само это движение, и подвергающиеся его влиянию слои населения всегда будут с признательностью возвращаться мыслью к той горсточке социал-демократических депутатов, которые сумели своею грудью проложить новые пути и своим трагическим концом засвидетельствовали революционность своего дела.

И посреди этой горсточки одной из наиболее светлых точек будет сиять облик почившего Джапаридзе. Ибо он был одним из инициаторов, одним из настоящих вождей — и потому одним из первых работников — в выполненном второю думскою фракциею деле расширения и углубления революционной пролетарской борьбы.

В этом — его право на бессмертие.

Ф. Дан.

От редакции. Наш взгляд на значение и характер работы втородумской с.-д. фракции выражен в статье «Наша думская фракция». Не вступая в подробный разбор неправильной, по нашему мнению, позиции тов. Ф. Дана, заметим только, что: 1) объявление задним числом деятельности с.-д. фракции в первой Думе «примитивной» — по меньшей мере странно и характеризует коренную ошибочность взглядов автора на значение парламентаризма в революционной обстановке, и 2) т. Дан явно переоценивает роль 2 Гос. Думы и т. н. «серьезной работы» в ней социал-демократов. Лондонский съезд в своих резолюциях дал иную оценку парламентских задач с.-д. вообще и в частности того, что либералы называют «митингованием». Ошибка т. Дана теперь больше чем когда-нибудь разъяснена самой жизнью.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Из Германии.

В настоящее время Германия переживает крайне напряженный политический момент, и рабочему классу предстоит тяжелая борьба.

Отличительным признаком современного положения вещей является, как и раньше, блок консерваторов и либералов, на который опирается правительство. Таким образом слова о «сплошной реакционной массе», каковую представляют из себя буржуазные партии, начинают оправдываться в буквальном смысле слова. Конечно, если верить свободомыслящим, все обстоит отлично: правительство, мол, вынуждено было сделать уступки немецкой буржуазии, либералы принимают участие в управлении страной и, таким образом, подорваны основы юнкерского полицейского государства. Но все эти фразы — пустой звук, реакция продолжает царить, полицейское государство остается таким же, каким и было, господами положения являются попрежнему юнкера, только свободомыслящие поступились своими принципами: во время выборов в рейхстаг шли до конца с правительством, теперь покорно плетутся под ярмом и вынуждены делать вид, что с удовольствием слушают, как свистит около их ушей юнкерский кнут.

Возьмем, напр., закон о собраниях и союзах. Положение вещей стало просто невыносимым. Каждое из 26 «отечеств» имело свои особые законы на этот счет, некоторые из этих законов были изданы еще до 1848 г. Необходим был имперский закон, который бы положил конец подобному положению вещей. Закон был выработан, свободомыслящие санкционировали его. Закон этот крайне реакционен. Правда, самые худшие и смешные постановления, которые содержались в прусских, саксонских и баварских уложениях — в том числе запрещение женщинам участвовать в политических собраниях — отменены; но полицейский произвол в деле надзора за собраниями и распущения их остался; уличные демонстрации попрежнему запрещены. Для некоторых государств — Вюртемберга, Бадена, Гессена — новый закон означает прямое ухудшение; даже в Пруссии закон ухудшил положение вещей в том отношении, что затруднил образование организаций рабочей молодежи. Кроме того, прусско-германское правительство воспользовалось этим поводом, чтобы нанести новый удар полякам: в округах, где поляки составляют не более 60% населения, на собраниях запрещено говорить по-польски. Так как в немецких промышленных городах живут многие тысячи польских рабочих, то этот удар вместе с тем направлен и против рабочего движения: вышеназванное постановление чрезвычайно затрудняет политическую и профессиональную организацию этих рабочих. Что подобного рода закон противоречит всем либеральным и демократическим принципам — совершенно ясно. Но буржуазные герои либерализма и демократии принимает его без всяких оговором. Один из их вождей, вюртембергский демократ Пайэр (к-рый теперь, когда он возведен в дворянское звание, величается «фон» Пауэр), заявил просто-напросто, что левая принимает закон потому, что «не желает быть отстраненной от участия в правлении страной». Другими словами: буржуазная левая отказывается от своих принципов, голосует за реакционные законы и называет это участием в управления страной!

Та же самая история, что с законом о союзах, повторяется постоянно: буржуазные либералы и демократы одобряют все, что пожелает полицейское государство. Впрочем, одной цели они достигли: изменения закона о биржевой игре в пользу спекулянтов. Таким образом, измена принципам оплачена чистоганом.

Неимоверно смешную роль играла затем эта буржуазная левая в известном ноябрьском инциденте, когда парламент обсуждал идиотскую внешнюю «политику» Вильгельма II. Тогда они вели себя прямо, как лакеи, и хотя трудились не для Вильгельма II, а для государственного канцлера Бюлова, но достаточно ползали па брюхе и перед императором. Инцидент, однако, не закончен: сейчас Бюлов в немилости, весьма вероятно, что ему дадут пинка. Тогда песенка блока спета.

Да и юнкера по горло сыты союзом с либералами, и они требуют отставки Бюлова. Либералам предстоит, однако, оказать еще одну услугу правительству: империи нужны деньги; нужно не менее 500 миллионов марок новых налогов ежегодно, чтобы можно было продолжать безумные траты на вооружение на суше и на море. Понятно, на первом плане стоят косвенные налоги: водка, пиво, табак облагаются более высокой пошлиной, вводится налог на газ, электричество и газетные объявления и — ради приличия — на наследства. В программе свободомыслящих и демократов стоит требование ограничения милитаризма, этим требованием они не в малой степени поднадували избирателей. Точно также в их программах значится требование введения прямых имперских налогов (до сих пор прямые налоги взимались только отдельными государствами) и облегчения масс от бремени чрезмерных налогов на предметы потребления. Между тем, эти герои уже благородно отказываются от своих программных требований и соглашаются с планами правительства. Лишь налог на газ и электричество они «принципиально» отказываются признать на том основании, что этот налог неудобен для крупной промышленности, а они на то и в парламенте, чтобы блюсти интересы крупной промышленности и плутократии. Что же касается юнкеров, то они шуток шутить не любят: налог на наследства угрожает земельной ренте, и они полны бешенства. Таким образом, в данном случае блок трещит по всем швам, так как тут резко сталкиваются материальные интересы различных групп собственников. Пока дело шло об измене народным интересам, буржуазный либерализм преодолевал свою щепетильность, теперь, в вопросе о налоге, дело не так просто: надо внимательно следить за тем, какой оборот оно примет.

Что подобного рода ситуация давала соц.-дем. блестящий повод для агитации — само собою разумеется, и едва ли надо добавлять, что наши немецкие товарищи использовали его самым основательным образом. Разоблачения социал-демократов относительно невероятных выходок Вильгельма II в области внешней политики помогли раскрыть глаза даже самым политически индиферентным рабочим на ужасную опасность, которая заключается в том, что своими глупыми поступками монарх может вызвать войну. Инцидент был использован, и едва ли будет преувеличением сказать, что эти события и их освещение соц.-дем. в парламенте, прессе и на собраниях послужили подрыву престижа монархии более, чем какие иные, имевшие место в течение последних лет.

Еще более материала для агитации дал правительственный проект относительно налогов. 500 миллионов новых налогов, которые почти целиком ложатся на широкие массы, — не шутка. Особенно в Германии, где положение рабочего уже и так, благодаря косвенным налогам и в особенности ввозным пошлинам на зерновые хлеба и мясо, не из легких.

И все это выступает особенно рельефно, благодаря политической продажности буржуазных партий. Благодаря бесстыдному отказу от всех либеральных и демократических принципов, благодаря беспримерному унижению буржуазной левой, становится до ощутительности наглядным, насколько диаметрально противоположны интересы рабочих, с одной стороны, и интересы буржуазных партий, с другой. Необходимо поэтому употребить все средства, чтобы разъяснить этот факт тем рабочим, которые идут еще на удочку этих либеральных пустозвонов, а таких рабочих в Германии еще миллионы.

Столь же важное значение, как вопросы имперской политики, имела для рабочих борьба за избирательное право в Прусский и Саксонский ландтаги. Вопрос об участии в выборах в Прусский ландтаг давно был предметом горячего спора. Четыре партийных съезда один за другим обсуждали этот вопрос, пока на партийном съезде в Майнце, в 1900 году, не было принято решение участвовать в выборах, причем в резолюции было сказано, что в соглашения с буржуазными партиями можно вступать лишь с разрешения правления партии. Во время дебатов выдвигалось то соображение, что при существующем избирательном праве для социал-демократии было, как казалось, невозможно добиться мандатов собственными силами *, во-вторых, то, что ландтаг имеет лишь второстепенное значение. Последний аргумент особенно выдвигал покойный Либкнехт, который считал, что лучше дать ландтагу, где тон задают ландраты, разлагаться, а не поднимать его значение в глазах массы, принимая участие в выборах в реакционное учреждение, являющееся послушным орудием в руках правительства. Напротив, Бебель и другие указывали на то, что этот ландтаг обсуждает чрезвычайно важные вопросы и говорили, что необходимо путем участия в выборах мобилизировать массы против прусской реакции. Взгляды Бебеля взяли верх. Первый опыт был чрезвычайно поучителен, так как, хотя на выборах осенью 1903 г. и не было получено ни одного мандата, предвыборная борьба дала возможность развернуть в высшей степени плодотворную агитацию. Еще важнее было то, что предприниматели не посмели чинить неприятности рабочим, которые открыто заявили себя социал-демократами: надежным оплотом явилась тут профессиональная и политическая организация рабочих. До избирательных соглашений дело не дошло, так как оправдались слова тов. Адольфа Гофмана: «свободомыслящие выберут чорта, лишь бы он не был социал-демократом».

При выборах в июне 1908 года социал-демократы получили семь мандатов, без всяких компромиссов, собственными усилиями. Противники подняли крики о терроризировании. Конечно, социал-демократы воспользовались своей силой: они пригрозили бойкотом лавочникам, избирающим по второму классу, в том случае, если они встанут на сторону реакции. Это было сильнодействующее средство, но оно принесло пользу: теперь о необходимости тайного голосования больше всего кричат лавочники.

Деятельность наших 6 товарищей (т. Либкнехт не может использовать свой мандат, так как отбывает в тюрьме свой срок) блестяща. Они стоят лицом к лицу с реакционной массой, которая проявляет почти те же зоологические свойства, что и большинство третьей Думы. Это, однако, нисколько не мешает им выполнить ту работу, которую ждет от своих парламентских представителей революционная социал-демократия: они подвергают самой уничтожающей критике полицейское государство и капитализм. После такого успеха идея бойкота выборов в ландтаг была навсегда отброшена в Германии. И мы думаем, что нашим «отзовистам» следовало бы поближе изучить историю участия в выборах в прусский ландтаг.

Что же касается либерализма, то он проявляет себя в этих реакционных парламентах, насколько это возможно, еще более пошло и собачьи - прислужнически, чем в рейхстаге. Нисколько не думая о том, чтобы искать в социал-демократах союзника против составляющего большинство юнкерства, именно либералы пускают в ход против наших товарищей самые низкие средства. Между прочим им принадлежит план при помощи юридического крючкотворства объявить недействительными мандаты берлинских социал-демократов, чего им, впрочем, достигнуть не удалось.

Не следует думать, что социал-демократия удовлетворилась своим успехом на выборах, она со всей энергией борется за отмену реакционной системы выборов. Средством борьбы служат главным образом уличные демонстрации. Особенно внушительные размеры приняли уличные демонстрации в Берлине, где они были вызваны поведением правительства и буржуазных партий в прусском ландтаге.

В Саксонии, самом развитом в промышленном отношении государстве Германии, борьба за избирательное право в ландтаг стоит также на первом плане. В 1896 году саксонское правительство при помощи буржуазных партий произвело государственный переворот, отменив всеобщее избирательное право и заменив его таким, которое почти совершенно исключало возможность представительства для социал-демократических рабочих. Тогда социал-демократия сделала громадную ошибку, не мобилизовав массы против этого политического ограбления. Эта ошибка может быть отчасти оправдана лишь тем, что царившая в то время всеобщая политическая апатия заставляла сомневаться, последуют ли массы призыву к борьбе. Во всяком случае поведение социал-демократии в этот момент не представляет собою славной страницы ее истории, тем более, что Саксония всегда считалась цитаделью партии.

Но вот уже три года, как рабочий класс в Саксонии стал вести борьбу за избирательное право в ландтаг, и здесь также демонстрации были одним из главнейших средств борьбы.

Следствием этих демонстраций было крушение реакционных планов не делать никаких уступок рабочему классу. После долгой торговли с буржуазными партиями утвержден новый избирательный закон. Он основан на всеобщем, прямом и тайном избирательном праве, но вводит множественный вотум; в зависимости от возраста, обладания собственностью и степени образования избиратель может иметь до 4-х голосов. Понятно, рабочие не удовлетворятся таким законом, и борьба будет продолжаться.

Уличные демонстрации, которыми социал-демократия отозвалась как на общеполитические вопросы, так и на вопрос об избирательном праве в прусский и саксонский ландтаги, суть такого рода явления

* В ландтаг выборы происходят на основе косвенной трехклассной системы: третий класс составляют избиратели, платящие наименьшее количество прямых налогов, к ним-то и принадлежит платящая такие налоги часть рабочих: два первые класса, к которым принадлежат богатые избиратели, всегда образуют большинство. Кроме того подача голосов открытая.

в борьбе немецкой социал-демократии, которых нельзя недооценивать. Несколько лет тому назад никто не поверил бы, что это чисто революционное средство сможет применяться в Германии. Если теперь вдруг в Германии массы появляются на улицах под предводительством социал-демократии, то это не случайность и не результат только изменения во взглядах вождей. Это сделалось «само собой». С одной стороны, политические противоречия обострились до крайности, с другой — повысилась революционная энергия масс. Должна была выдвинуться новая форма борьбы. Одной из причин напряжения революционной энергии — как это не раз уж было отмечено в Германии — является захватывающий пример героической борьбы российского пролетариата.

Невольно возникает вопрос, как эти политические события повлияли на идейную борьбу внутри социал-демократии. С момента своего возникновения «ревизионизм» всегда выдвигал необходимость сближения с буржуазной левой. Еще Бернштейн в своих «Предпосылках Социализма» в 1899 г. рекомендовал «соблюдать меру в объявлении войны по отношению к либерализму», и практики, с Фольмаром во главе, с течением времени все более и более тяготели к компромиссам с буржуазными партиями. Когда оппортунисты отстаивали на партийных съездах участие в выборах в ландтаг, они считали само собой разумеющимся, что это участие поведет к компромиссам. Либерализм и буржуазная демократия поспешили демонстрировать перед всем миром свою политическую продажность; они до такой степени проституировались, что привели в изумление своих даже самых резких критиков. Можно было бы думать, что это в корне излечит оппортунистов от их мечты о возможности компромиссов. Ничуть! В «эру блока» Бернштейн находит уместным проповедывать необходимость разумного соглашения между социал-демократией и либерализмом (статья «Свободомыслящие и наша пресса», Socialistische Monatshefte[14] от 3 июля 1908 года), а какой-нибудь Мауэрбрехер разглагольствует «о желании осуществить парламентаризм, которое должно проявиться в том, что социал-демократы будут стремиться достигать совместно с либералами общих результатов, хотя бы ценою принципиальных уступок» (Soc. Monatshefte от 17 декабря 1908 года). Кальвер, Шиппель, Кампфмейер и *вся компания* поют ту же песню.

Повидимому, оппортунизм является следствием неизлечимого умственного недуга. Иначе оппортунистов излечил бы совершенно этот период славного выступления революционной социал-демократии и беспримерного упадка либерализма.

Но ревизионизм неизлечим не только в вопросе об отношении к буржуазным партиям. Давид, Кальвер, Шиппель продолжают «пересмотр» теории Маркса, и в период острого кризиса, в период, когда рабочие на собственной шкуре испытывают последствия капиталистического хозяйства, охранительной таможенной политики, хозяйничанья синдикатов, эти светочи науки толкуют о смягчении и даже мирном устранении зол капиталистического хозяйства. Дело дошло до того, что в парламенте противники систематически выступают против социал-демократических ораторов с органом ревизионистов «Soc. Monatshefte» в руках. Следствием этого было то, что однажды со скамей социал-демократов раздался возглас: «Берите себе Кальвера; «Soc. Monatshefte» — журнал юмористический!». Действительно, скоро нельзя будет говорить всерьез о ревизионистских вывертах.

Так как задача социал-демократов учиться на опыте других стран, мы скажем нашим отечественным оппортунистам: «о тебе сказка сказывается!». Опыт немецких товарищей по отношению к свободомыслящим сходен целиком с опытом по отношению к кадетам.

Не грех бы надеяться, что горький опыт немецких оппортунистов хоть чему-нибудь научит их русских собратьев.

И. Карский [Ю. Мархлевский.]

Из партии.

Из деятельности Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Сообщаем некоторые из подлежащих оглашению постановления нескольких заседаний сокращенного состава Ц. К-та и пленарного его заседания, состоявшегося вслед за общепартийной конференцией,

Ц. К. сокр. сост.[15] постановил запросить думскую фракцию, по каким причинам она не выступила при запросе о запрещении прений на реферате Погодина со своей самостоятельной точкой зрения.

В начале 2 сессии Ц. К. рекомендовал фракции, в случае выступления Столыпина, ответить речью, в которой «необходимо дать критику всей политики правительства, изложение целей социал-демократии и исправить ошибки, допущенные фракцией в первой ее декларации; необходимо выразить отношение с.-д. к национальному вопросу (в частности — к еврейскому); желательно дать общую оценку 3 Думы и указать, в чем видят с.-д. свою задачу в III-ей Думе».

Ц. К. предложил фракции *воздержаться* от голосования по вопросу о новой ассигновке 6 миллионов министерству народного просвещения, выступив с предварительной мотивировкой воздержания.

Ц. К. по вопросу о законопроекте мин. финансов постановил: фракция, давши исчерпывающую критику законопр. и указавши на некоторые вносимые им частные улучшения (распространение страхов. на профессиональн. заболевания и включение в число страх. торгов. служ.), — должна внести основную поправку против предоставления права распоряжения страховыми суммами чиновникам и, по отклонении этой поправки, — голосовать *против* законопроекта, выступив с декларацией, объясняющей мотивы голосования.

Постановлено выпустить от Ц. К. письмо по организациям о деятельности фракции за половину последней сессии.

На одном из собраний Ц. К. заслушан доклад о студенческой забастовке и поведении с.-д. студенчества.

Постановлено отправить агентов Ц. К. на юг, в центральную Россию и на Урал для подготовки общерос. конференции.

Постановлено допустить на общерос. конференцию представителя С.-Д. П. Литвы с совещательным голосом.

В связи с подготовкой с.-д. работниц к женскому съезду, Ц. К. выработал следующую резолюцию:

«I. Женский вопрос в среде буржуазии и в среде пролетариата существенно отличны между собой. Буржуазные женщины, требуя имущественного, правового и политического равноправия, стремятся в сущности к свободе конкуренции; достижение их требований предполагает борьбу с мужчинами; конечная цель движения — всестороннее осуществление принципа частной собственности, равное участие с мужчинами в деле сохранения современного экономического строя и политического господства буржуазии. Работницы, напротив того, борются с свободной конкуренцией; осуществление их требований предполагает совместную, бок о бок, с рабочими борьбу за общие цели пролетарского движения; их конечная цель — ниспровержение политического и экономического господства буржуазии и замена института частной собственности социалистическим строем.

II. Эта противоположность буржуазного и пролетарского женского движения отнюдь не устраняется тем, что в России в настоящий момент идет еще борьба за завоевание элементарных политических свобод. В ходе общественного движения в России сознательный пролетариат и его партия уже решительно обособились от всех партий буржуазии, и, поэтому с.-д-ия в сфере пробуждающегося женского движения ставит своей задачей поднять женский пролетариат до своего уровня и слить его с общепролетарским движением в отношении идеологии, целей и средств борьбы.

III. Ц. К. находит необходимым использовать женский съезд, как одну из легальных возможностей, отнюдь не жертвуя принципиальной определенностью своих выступлений и решительно отвергая преувеличение этих по существу скромных возможностей в ряду средств партийного сплочения во всех областях партийной деятельности.

Задачей партийных делегатов на съезде Ц. К. ставит: сплотить пролетарские элементы съезда и с самой трибуны съезда провозгласить, как общие цели социал-демократии, так и отношение ее к т. н. «женскому движению». В этих целях Ц. К. рекомендует с.-д. участникам съезда;

а) принимать энергичное участие в подготовке съезда, добиваясь того, чтобы в составе пролетарской секции (в частности от профессиональных союзов, кооперативов, клубов и т. д.) была возможно более многочисленная строго партийная социал-демократическая группа, ставящая себе задачу проводить на съезде партийные директивы; б) в самом начале работ съезда соц.-дем. делегация от своего имени и всех примкнувших к ней элементов выступает с открытым заявлением о характере и цели своего участия, требуя особой пролетарской секции съезда; в) отклонение этого требования с.-д. группа разъясняет с трибуны, как наличность явного принципиального разрыва между съездом и его пролетарскими элементами; г) этот разрыв с.-д. группа демонстрирует на всех вопросах, обсуждаемых съездом; д) демонстративный разрыв со съездом и уход с него Ц. К. признает безусловно обязательным по вопросу о социальной политической платформе женского движения, при этом с.-д. делегация заявляет свои социалистические и политические цели».

Эта резолюция в силу не вошла, так как член Ц. К.— меньшевик, принимавший в начале деятельное участие в обсуждении резолюции, оставшись недовольным ее окончательным текстом, счел возможным отказаться от дальнейшего участия и тем уничтожил кворум в заседании, бывшем неполным по составу.

Ц. К. далее признал, что, если бы возникла необходимость, он вправе запретить членам партии агитацию за отозвание думской фракции *вне пределов партийных организаций*.

Далее Ц. К. сокращенного состава принял еще ряд внутри-организационных и др. постановлений.

Из решений, принятых на последнем *пленарном* заседании Ц. К. опубликовываем следующие:

Ц. К. постановил утвердить резолюции общепарт. конференции: об отчетах, о текущем моменте и задачах партии, по организационному вопросу о партийном съезде, о думской с.-д. фракции, об объединении на местах с национ. организац.

Постановлено принять к сведению и руководству резолюции конференции: о заграничных делах, об издании Ц. О., об объединении с С.-Д. П. Литвы и др.

Ц. К. назначил комиссию, которой поручено собрать материал и представить доклад будущему пленуму Ц. К. по вопросу об объединении с С.-Д. П. Литвы.

Ц. К. принята следующая резолюция: Ц. К. обращает внимание Областного Комитета Каквазских Организаций на необходимость объединения с армянск. с.-д. организациями в возможно ближайший срок, что обязательно должно быть приведено в исполнение тем более, что с Лонд. съезда прошло больше 1½ лет.

Ц. К. постановлено перенести издание Ц. О. за границу и назначена редакция газеты.

По вопросу о партийном съезде Ц. К. постановлено обратиться к местн. организ. со след. письмом:

Товарищи! В начале 1908 г. Ц. К., в виду приближения определенного уставом срока созыва очередного съезда, обратился к местным организациям с вопросом, не считают ли товарищи возможным отложить съезд. Огромное большинство откликнувшихся организаций высказалось за отложение съезда на некоторое время.

По вопросу о желательном сроке съезда ответы были различны.

Состоявшаяся недавно общепартийная конференция предложила Ц. Комитету произвести новый опрос среди организаций партии для установления срока съезда и желательных изменений в нормах представительства на съезд. (См. резолюцию конференции).

Считая нужным начать дело подготовки необходимого по условиям работы съезда немедленно, чтобы партия имела в своем распоряжении возможно больше времени для предварительного обсуждения порядка дня съезда, Ц. К. обращается ко всем партийным организациям с предложением обсудить вопрос о сроке съезда возможно *скорее* и дать немедленный ответ на опросные листки Центрального Комитета, текст которых печатается ниже. К обсуждению этого вопроса Ц. К. просит привлечь возможно более широкие круги рабочих — членов партии и настаивает на том, чтобы каждый местный комитет или группа, по получении настоящего письма и анкетного листка, выпустили об этом листок к местным рабочим и непременно переслали бы этот листок Центральному Комитету. Присылку этих листков в Ц. К. мы считаем тем более обязательным, что издание их сможет служить до известной степени объективным показателем того интереса, который данная организация проявит к вопросу о съезде.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТОК.

Ц. К. просит организации ответить на следующие вопросы:

1) Число членов организации.

2) Какими признаками данная организация определяла членство.

3) Окончательный срок съезда, желательный по мнению организации.

4) Желательные нормы представительства.

5) Желательные и возможные способы выборов.

6) Желательный порядок дня съезда.

Ц. К. вменяет в обязанность всем партийным органам перепечатать настоящее письмо вместе с вопросами.

Ц. К. принял следующее постановление: все партийные органы должны печатать сообщения, присланные Ц. К-том для опубликования но возможности в полном виде.

О заграничных делах Ц. К. приняты следующие постановления: 1) Ц. К. утверждает решение З. Б. Ц. К. о созыве совещания [14] З. Б. Ц. К. с представителями Ц. К. национальных организаций по вопросу об объединении всех с.-д. групп содействия за границей.

Что касается улажения конфликта за границей, Ц. К. предлагает З. Б. Ц. К. продолжать переговоры на следующих основаниях: 1) созывается общий съезд с.-д. груп за границей, независимо от того, все ли или только некоторые из национальных организаций примут в нем участие; 2) организационное бюро по созыву съезда составляется из представителей обоих течений в русской с.-д. и национальных организациях в равном числе от каждого течения и национальных организаций; 3) организационное бюро вырабатывает модус выборов и созывает съезд. В случае разногласий спорные вопросы разрешает З. Б. Ц. К.; 4) русские с.-д. за границей могут на местах составлять особые группы, но не имеют особого центра и особых съездов; 5) не менее 50% доходов общей группы, после отчисления на местные административные доходы [17], передается непосредственно в З. Б. Ц. К.; 6) центральное учреждение каждой общей местной группы выбирается на общем собрании организованных с.-д. данной местности, принадлежащих к Р. С.-Д. Р. П.

Кроме того Ц. К. принял следующие резолюции: I. Считая нормальной и правильной передачу всех доходов групп содействия Р. С.-Д. Р. П., за исключением местных административных расходов, Ц. К-ту, — что делается у Бунда, П. С. Д. и С.-Д. Л. К.,— Ц. К. вотирует за 50%, как за меньшее зло, ввиду ненормальных отношений в партии; II. Ц. К. констатирует, что в письме З. Ц. Б. Бунда (№ 99) содержится нелойяльность по отношению к Ц. К. партии и предлагает Ц. К. Бунда реагировать на это письмо Центр. Бюро.

Принят еще ряд постановлений, не подлежащих опубликованию.

Общероссийская конференция.

Недавно состоялась общероссийская конференция нашей партии. О ее работах Ц. К-том партии уже выпущено извещение.

Приводим некоторые сведения о важнейших голосованиях на этой конференции (О самих резолюциях, ее составе и пр. см. «Извещение» Ц. К.). Резолюция о современном моменте и задачах партии принята всеми делегатами против 4-х (тт. меньшевиков и двух — из трех — бундовцев; один представитель Бунда присоединился к большинству), воздержавшихся не было. Резолюция о деятельности и директивах с.-дем. думской фракции

принята всеми делегатами против 3-х (одних тт. м-ков). Директивы по организационному вопросу (резолюция, констатирующая наличность двух основных течений в Р. С.-Д. Р. П.), приняты всеми при *одном* воздержавшемся (один из трех бундовцев) и при отказе от голосования тт. ме-ков (заявивших, что они видят в этой резолюции демонстрацию против них). Резолюция по орг. вопр. принята всеми против 6 (т.т. бунд. и ме-ки). Резолюция по отчетам принята всеми против 3 (т.т. м-ки) и при 3 возд. (т.т. бундовцы). Резол. о созыв. парт. съезда принята всеми прот. 6 (бунд. и м-ки). Резол. об объединении на местах — всеми прот. 4-х (бунд. и м-ки). Резолюц. об объединении с с.-д. Литвы — единогласно. Резолюц. об объедин. с «левицей» п. п. с. — всеми прот. 2 (м.-к.) и при возд. 3-х (2 бунд. и 1-п. с.-д.). При этом последний объяснил, что он, разумеется, тоже против объединения, но считает полезным открыть прения, дабы иметь возможность решительно протестовать против проекта объединения с организацией, которая ни в каком случае не может считаться социал-демократической.

Главные резолюции утверждены Ц. К-том и тем самым стали обязательными партийными директивами.

[Г. Зиновьев.]

VI Съезд Польск. Соц.-Дем. [18]

В декабре месяце истекшего года состоялся VI-ой съезд Польской Социал-Демократии, имеющий крупное значение для всей нашей партии. Одна из сильнейших национальных организаций подвела итоги за последние два с половиной года и ответила на волнующие сейчас всю партию вопросы. В тяжелой, неслыханной обстановке пришлось собраться VI-му съезду. Протекшие $2^1/_2$ года со времени 5-го съезда (в июле 1906 г.) совпали с годами упадка революции. И если контрреволюция направила главным образом за последний период свои удары на весь пролетариат, то нашим польским братьям она нанесла самые глубокие раны. Достаточно пробежать отчет Главного Правления С.-Д. П. и Л. за время от 1-го июля 1906 до 1-го октября 1908 г., чтобы видеть ту бездну страданий, которая выпала на долю польского пролетариата. Целые рабочие поселки остались без мужского населения, точно после тяжелой войны, самые высокие цифры казней, высылок, арестов, беспрестанное действие военных судов и т. д. и т. п.

С другой стороны, буржуазия под охраной военно-полевой юстиции вела бешеную атаку против экономических завоеваний рабочих: восемнадцатинедельный локаут в Лодзи, сокращения почти повсюду заработной платы, удлинение рабочего дня, расчеты, организация братоубийственной войны штрейкбрехерами против сознательных рабочих — вот как мстила польская буржуазия за ужас, испытанный ею в 1905 и начале 1906 г. И если в этой атмосфере польской социал-демократии удалось сохранить в своих рядах $^1/_4$ своих членов (на V-м съезде Польск. С.-Д. представляла 18 тысяч рабочих, на VI-ом — только 4 с лишним тысячи), — то это безусловно показывает ее глубокую идейную связь с пролетарскими массами.

Но еще большее значение имеет тот факт, что в переживаемый тяжелый исторический момент, когда направо, в интеллигентском крыле нашей партии, раздаются недвусмысленные ликвидаторские предложения, Польская Соц.-Дем., испытавшая на себе больше всего ударов, вышла со своего VI-го съезда с тем же знаменем *революционной* с.-дии, с той же боевой энергией как и раньше.

В вопросе об оценке текущего момента в связи с тактикой соц.-дем. фракции в Думе она ответила на волнующий сейчас всю партию вопрос.

Съезд указал, что ни одна из объективных задач революции не разрешена, несмотря на попытки правительства создать условия капиталистического хозяйства в деревне; съезд признал, «что основная политическая задача с.-д-тии остается и теперь неизменной», а именно — созыв Учредительн. Собр. путем вооруженного восстания, «завоевание власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства». Но чтобы пролетариат мог успешно выполнить эту историческую роль, его широкие массы должны находиться в тесной организационной связи с социал-демократией, которая должна действовать в смысле дальнейшего развития и укрепления нелегальной соц.-дем. организации, не отказываясь, конечно, где позволяют обстоятельства, от осуществления «демократических форм партийной организации, созданных в период революции»; наряду с этим Съезд полагает необходимым «использование всяких легальных возможностей для агитации и организации масс, поскольку эта легальная деятельность не будет на практике связана с отказом или принижением лозунгов классовой борьбы». Этой частью своей резолюции польск. с.-д. дала достойный ответ тем, которые вздохами по легальной деятельности во что бы то ни стало подменяют необычайно трудную при нынешн. услов. партийную работу.

Во второй, практической, части резолюции съезд рекомендует организацию демонстраций, забастовок частичных и всеобщих, митингов, где это по местным условиям представляется возможным, использование думской трибуны, развитие профессиональных союзов, но только в тесном единении с партией, пропаганду в войсках и т. д. Что касается кооперативов, то съезд принципиально не отказывается от их использования, но в специальной резолюции о кооперативном движении предостерегает всех с.-д. работников от увлечения этой формой деятельности, которая часто служит, особенно при таких тяжелых условиях, как сейчас в Польше, средством «для обмана рабочих, в целях отвлечения их от единственно последовательной дороги классовой борьбы». Главное Правление предлагало несколько другую резолюцию.

Другим очень жгучим вопросом на съезде был вопрос об отношении польской соц.-дем. к нашей фракции в Думе. В этом вопросе между всеми членами съезда было почти полное единство. Польские делегаты стояли на позиции, занятой «Czerwony'ым Sztandar'ом» [19]. Находя совершенно необходимым использование с.-д. трибуны в III Думе, они констатировали большую неудовлетворительность деятельности нашей фракции, объясняющуюся, с одной стороны, «трудностью ее положения в Думе Пуришкевичей и Хомяковых и ее оторванностью от партийных организаций,» но, с другой стороны, и «тем, что она не всегда поступала так, как требуют резолюции лондонского съезда и Ц. К. Партии». Съезд рекомендует фракции воздерживаться от всякой так. наз. «положительной» работы в III Думе, являющейся оплотом реакции, и обращаться в своих выступлениях «через окно Думы к трудящимся массам», раскрывать контр-революционную политику не только правительства и октябристов, но и кадетов, действовать согласно директивам Ц. К., который должен установить самую тесную связь между местными организациями и фракцией и доставлять ей материалы для выступлений. Специально в области польского вопроса съезд предлагает фракции при рассмотрении проекта о самоуправлении Польши разоблачить политику руссификации и осветить вопрос о самоуправлении Польши под углом зрения программы П. С.-Д.

Таким образом, мы видим, что съезд П. С.-Д. сошелся в своей позиции по отношению к фракции с постановлениями недавно состоявшейся общепартийной конференции.

Другим важным вопросом, занимавшим съезд, было выяснение взаимоотношений между партией и профессиональными союзами. Как известно, П. С.-Д. на своем V съезде провозгласила принцип самой тесной связи между партией и профессиональными организациями. Польские соц.-дем. профессиональные организации, в силу условий момента, вынуждены вести нелегальное существование и конкурировать с союзами, организованными легально под прикрытием правительственных штыков и нагаек народной демократией и так называемыми «христианскими» союзами. Неоднократно нашим польским товарищам приходилось выслушивать критику от «нейтралистов», объяснявших слабость польского профессионального движения «партийностью» союзов. VI съезд, указав, что причина недостаточного развития профессионального движения в Польше, как и во всей России, заключается в невозможных полицейских гонениях, подтвердил свои постановления, высказанные еще на V-ом съезде, считая условия для легализации профессиональных союзов неподходящими; съезд призвал всех сознательных рабочих бороться против «польских»* и «христианских» союзов, которые являются для буржуазии одним из средств «вырвать рабочее движение из-под влияния социал-демократии».

Программный вопрос об автономии Польши не вызвал особых дебатов. Польская с.-д. осталась на своей прежней позиции. Противопоставив свое требование автономии Польши всем узким националистическим фразам о восстановлении самостоятельного польского государства, отдельного Учредит. собр. и т. д., съезд вновь отмежевался от всех социал-националистических непрошенных союзников.

В особой резолюции съезд выяснил свое отношение к П. П. С. После формального раскола П. П. С. разложилась на две части:

---

* «Польскими» союзами называются союзы, организованные народовой демократией.

революционную фракцию» и т. н. «левицу». Что касается «революционной фракции», то о ней говорить приходится мало: ее анархистская тактика подвергалась не раз резкой последовательной критике с.-д-ии Польши и Литвы. Но что касается «левицы», то она *формально* как бы стремится, особенно после своего X съезда, усвоить точку зрения с.-д-ии, но *по существу* сохраняет еще множество своих старых вреднейших предрассудков. Съезд П. С.-Д., отвергнув, конечно, всякую мысль о слиянии с «левицей», как с организацией, обратился «ко всем членам левицы П. П. С.» с призывом порвать окончательно с непоследовательной позицией «левицы» и, вступая в S. D. K. P. и Л. «присоединиться к концентрации сил социалистического пролетариата». Аграрный вопрос отложен до след. съезда.

Приняты только некоторые указания насчет лозунгов дня в практической агитации среди сельского пролетариата и пролетаризированной части крестьянства.

Приведем еще некоторые цифры из отчета Гл. Пр. При выборах во II Думу было распространено около 1 мил. воззваний. При выборах в III Думу свыше 200 тысяч. На первых выборах с.-д., несмотря на все гонения, получили большинство в рабочей курии: в Варшаве, Домбровском районе, в Радоме и Лодзи. В Варшаве — 7 000 с лишним голосов и 40 уполномоченных получили с.-д., 3 000 голос. и 18 уполн. — народовцы. В Лодзи 68% и 7 выборщиков с.-д., в Домбровск. районе 13 уполном. с.-д. получили больше 7 000 голос., а кроме них избрано было еще около 15 уполн. с.-д. На съезде уполномоч. от рабоч. Радомской губ. с.-д. имели большинство.

При выборах в III Думу результаты по рабоч. курии были следующие: *Варшава* — 40 П. С. Д., 8 Бунд, 30 И. П. С. (Левица), 22 Н.-Д. 5 беспарт. *Лодзь* — 52 п. с. д., 4 Бунд, 25 — П. П. С., 73 — Н. Д. *Домбровский район* — 20 П. С. Д., 15 — П. П. С., 2 Н.-Д. *Ченстохово* — 9 П. С. Д. 6 П. П. С., 3 Н.-Д. 3 Христ. дем. *Жирардов* — 2 П. С. Д., 1 П. П. С.

Таковы в общих чертах работы съезда, если не считать других более мелких решений. Польская С.-Д. вышла с VI съезда идейно крепкой, вышла при всех неимоверно-трудных условиях, в какие поставила ее российская контр-революция, со старым испытанным боевым знаменем. И в то время, когда все другие политические партии, действующие в Польше, передвинулись вправо; когда одни из них, как народовая демократия, прогрессивная демократия, партия реальной политики или «угодовцы», справляют тризну над иссеченным в предыдущих битвах пролетариатом, другие, социал-националистические, распадаются и растеривают весь свой идейный багаж, — одна с.-д-ия осталась и останется на своих позициях.

И.

Третий съезд С.-Д. Латышского Края.

Недавно состоялся III съезд С.-Д. Л. К., которому пришлось подвести итоги деятельности нашей организации за один из мрачнейших периодов ее существования.

Участвовало на съезде 14 делегатов с решающим и 4 с совещательным голосом. Один выбранный делегат не явился, а одна деревенская организация не успела произвести выборов. На съезде было представлено около 5 000 членов партии.

Был принят следующий порядок дня:

1) Доклады с мест; 2) организационный вопрос; 3) пропаганда и агитация; 4) местное самоуправление; 5) аграрный вопрос; 6) согласование программы.

Первым выслушан был доклад от Ц. К.; после долгих и горячих прений по отчету Ц. К. была принята резолюция, в общем одобряющая его деятельность.

Из практической деятельности Ц. К. интересно отметить, что за последние 14 месяцев, несмотря на все трудности, выпущено значительное количество нелегальной литературы:

25 №№ газеты «Zihna» [20] (Борьба) на латышском языке в количестве 227 500 экз., 6 №№ газеты «Борьба» на русском языке в количестве 18 000 экз., 5 №№ «Штык» на русском языке в количестве 19 000 экз. Кроме того 379 000 воззваний, листков и т. п. на латышском языке, 111 000 на русском, 44 000 на литовском, 6 000 на немецком. Всего вышло газет, листков и т. п. 804 500 экз. Доходы Ц. К. за отчетный период достигли 16 523 р. 59 к., расходы — 16 626 р. 18.

Доклады местных ком-тов дополнили довольно печальную картину, нарисованную докладчиком Ц. К. Повсюду одно и то же: массовые аресты, преследования, значительный отлив товарищей из организаций. В некоторых местах число организованных уменьшилось на 50%. Но такой отлив вовсе не означает распада организации: уходят из партии главным образом разные непролетарские элементы.

В общем можно сказать, что после пережитых бурь организация снова начинает крепнуть и даже местами расширяться.

По второму пункту порядка дня — организационному вопросу — без особых прений были приняты две резолюции: *об укреплении организации* и *о профессиональных рабочих союзах*; в последней съезд, между прочим, *рекомендует* каждому члену партии вступить в соответствующий профессиональный союз (часть съезда предлагала и «*вменить каждому члену партии в обязанность*» вступить и т. д.) и признает необходимым установить организационные связи между партийными учреждениями и профессиональными союзами.

По вопросу о пропаганде и агитации без долгих прений была принята резолюция, которая вменяет Ц. К. и др. парт. учреждениям в обязанность заботиться о поднятии как письменной, так и устной пропаганды, и дает некоторые практические указания в этом направлении.

Самые горячие дебаты вызвал вопрос о местном самоуправлении. Все участники съезда были согласны с тем, что необходимо принять участие в выборах органов местного самоуправления (волостных сходов и городских дум). Разногласия начались при вопросе о том, *каково* должно быть наше участие в этих выборах. Половина съезда стояла за *самостоятельное* выступление с.-д. на выборах, другая половина допускала «технические соглашения» с буржуазными элементами, упуская из виду, что наши цели при участии в выборах могут быть только агитационными. К окончательному решению по этому вопросу съезд не пришел, и местные организации сами должны разрешить вопрос как участвовать в выборах.

По аграрному вопросу приняты без особых прений две резолюции: первая гласит, что С. Д. Л. К. в *особой* аграрной программе не *нуждается*, вторая протестует против «дележа земли», практикуемого в данное время правительством в Прибалтийском Крае в контр-революционных целях.

Последним в порядке дня съезда стоял пункт о *согласовании программы*. Как известно, после объедин. съезда для С.-Д. Л. К. стала обязательной программа Р.С.-Д. Р. П., за исключением аграрных требований этой программы. При объединении С.-Д. Л. К. было поручено согласовать свою программу с программой Р. С.-Д. Р. П. Это было делом прежних Ц. К., которые его не исполнили, и таким образом этот вопрос попал в порядок дня нынешнего съезда. Съезд выразил мнение, что наша бывшая программа (т. е. прогр. Л. С.-Д. Р. П.) формулирована гораздо определеннее, что требования нашей программы (напр. о защите труда и др.) идут гораздо дальше требований прогр. Р. С.-Д. Р. П. и что мы этих требований ни в коем случае не можем уменьшить или отбросить. Но так как изменения в программе могут быть произведены только съездом Р. С.-Д. Р. П., то съезд С.-Д. Л. К. выбрал комиссию из 3-х человек, которой поручил в скорейшем времени разработать проект согласования программ, который должен быть предложен Ц. К-том общепартийному съезду. На съезде были жаркие прения. Часто обнаруживались те же два течения, что у русских товарищей. Однако, до прямого ликвидаторства наше правое крыло не договаривалось: слишком сильно у нас влияние на организацию самих рабочих.

После пятидневных обсуждений и прений съезд закончился выборами членов Ц. К. и Ревиз. Ком. и кандидатов к ним.

М. [Мартын Озолин.]

Конференция Центр.-Пром. Обл.

Перед общепартийной конференцией состоялась *Конференция Центр.-промышленной Области*. На ней были представители Москвы, Моск. Окр. Ком., Иваново-Вознесенского Союза, Нижнего, Сормова, Орла, Кинешмы, Моршанска, Брянска и Владимирского Окружного района. Из 16 делегатов 13 были рабочие. Конференцией выслушаны доклады с мест и приняты резолюции о текущем моменте и отношении к с.-д. думской фракции, о партийном съезде и т. д., произведены выборы на общерос. конф. и в областное бюро.

9 января в нашей агитации.

4-ая годовщина кровавого воскресенья с внешней стороны прошла в России спокойно. Но это не значит, конечно, что память об этом историческом дне, ставшем поворотным пунктом в нашей революции, изгладилась из сердца рабочего класса. Об этом достаточно свидетельствуют те горячие воззвания, которые выпущены к этому дню нашими рабочими партийными организациями.

Мы уже сейчас получили ряд таких воззваний из разных концов России: из Петербурга и Лодзи, из Риги и с Урала и т. д. Наша петербургская организация в своих листках призвала в день 9 января сделать отчисления в пользу наших депутатов, посланных на каторгу. И Пет. Ком. сообщает нам, что эти отчисления прошли успешно почти всюду. Была частичная агитация за забастовку в этот день, но П. К. высказался против призыва к ней. Лодзинский Комитет Бунда подводит в своем листке итоги за 4 года и призывает рабочих к организации и дальнейшей революционной борьбе, несмотря на всю тяжелую обстановку. Ц. К. Латышской с.-дии дает исторический обзор революции за 4 года и зовет к организации и борьбе. Рижский Комитет партии вспоминает вакханалию правительства после 9 января в Прибалтийском крае и зовет к борьбе и т. д.

При нынешних условиях трудно было ознаменовать 9 января крупной манифестацией рабочего класса. Но деятельная агитация нашей партии и тот отклик, который эта агитация встретила среди рабочих, показывают, что при первой объективной возможности, как только рабочий класс оправится от нанесенных ему ударов, — он сумеет отметить день 9 января достойным образом, он не забудет этой даты нашего революционного календаря.

Резолюция о думской соц.-дем. фракции, принятая комитетами: полтавским, кременчугским и Узловым бюро Юго-Западн. дорог.

Принимая во внимание:

I) что использование думской трибуны в целях широкой агитации и пропаганды является в настоящий момент крайне важным для Р. С.-Д. Р. П.;

II) что с.-д. фракция почти во всех выступлениях проявила недостаточную революционность и недостаточную социалистическую выдержанность;

названные комитеты полагают:

1) что отзыв фракции в данное время сыграл бы лишь отрицательную роль,

2) что фракция во всех выступлениях должна руководствоваться постановлениями Ц. К. и резолюциями Лондонского съезда,

3) что фракция должна занять резко-обособленную классовую позицию, противопоставляя ее как «усмирительной» политике правительства, так и соглашательским тенденциям либеральной буржуазии,

4) что фракция должна заняться внедумской работой и непосредственно связаться с широкими массами пролетариата,

5) что все партийные организации должны способствовать работе фракции путем доставления ей нужных материалов.

Настоящая резолюция вынесена первоначально Полтавским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. и по его инициативе подверглась обсуждению в других, названных выше, южных организациях нашей партии. За эту резолюцию голосовали все товарищи без различия фракций *единогласно*, и лишь в Полтавском Комитете один товарищ воздержался.

ВИЛЬНО. После долгой дискуссии и страстной борьбы мнений за нескольких заседаниях Виленский Коллектив Бунда (17 человек) принял по вопросу о характере современной работы следующую резолюцию:

«Не отрицая легальной деятельности, совещание находит, что центр тяжести нашей работы должен быть перенесен на *нелегальную* деятельность, вообще на создание и укрепление нашего организационного ядра. Совещание при этом находит, что и использование легальных учреждений и завоевание в них влияния возможны только в том случае, если мы будем иметь прочное нелегальное организационное ядро (9 за, 3 против, остальные — воздержались).

ЛОДЗЬ. Такая же резолюция принята и Лодзинским Коллективом Бунда. Эта резолюция подчеркивает еще необходимость использовать все политические события в письменной агитации путем листков, необходимость работников-профессионалов, образование кружков и групп и т. д.

РЕЗОЛЮЦИЯ ДУМСКОЙ С.-Д. ФРАКЦИИ

о текущем моменте и задачах соц.-дем. представительства в III Думе.

I.

Россия стояла и продолжает стоять до сих пор перед задачей своего обновления, перед трудной работой коренного изменения всех распорядков своей общественно-политической жизни. Для полного развития производительных сил и вполне свободного развития классовой борьбы необходимы: переход земли из рук крепостников в пользование народных масс, полное раскрепощение личности и устранение административного произвола, демократизация местного самоуправления и суда и освобождение этих учреждений от административной опеки, действительная, полная и всесторонняя защита рабочего класса и свободы его организации и, как венец, но в то же время и необходимая предпосылка всех этих реформ, — уничтожение власти бюрократии и действительный переход этой власти в руки полновластного народного представительства, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Приступая к своей деятельности в третьей Госуд. Думе, социал-демократическая фракция отчетливо сознавала положение, сложившееся для нее, как для представительства пролетариата, в результате совершившегося переворота 3-го июня. Этот переворот передал государственную власть в руки коалиции крупных землевладельцев, крупной буржуазии и бюрократии. Коалиция эта воспользовалась своей властью для создания себе опоры в деревне, содействуя образованию зажиточного крестьянства.

Предпринятое в этих целях аграрное законодательство (закон 9-го ноября, деятельность крестьянского банка и землеустроительных комиссий), дифференцируя крестьянство, усиливая выделение пролетариата и способствуя науперизации части крестьянства, неспособно удовлетворить большинство крестьян и будет вести к развитию и обострению классовой борьбы в деревне и городе. Продолжающийся же промышленный застой, усиливаемый всей правительственной политикой, и полное игнорирование нужд пролетариата будет с своей стороны обострять и усиливать антагонизм общественных классов.

Разорительное и хищническое ведение финансов, традиционно-полицейские приемы управления, подавление всех свобод, стоя в противоречии с развитием производительных сил и делая невозможным нормальное развитие классовой борьбы, показывают полную неспособность правительственной коалиции разрешить самые элементарные задачи буржуазного развития и подготовляет почву для нового подъема народного движения.

II.

Исходя из этих положений и стоя на почве революционной с.-д. тактики, выработанной международным социализмом, фракция в своей деятельности в течение первой сессии стремилась к отстаиванию интересов пролетариата, и разоблачению деятельности правительства и солидарного с ним думского большинства, а также к отграничению от бледного и половинчатого буржуазного либерализма.

К началу 2-й сессии фракция, признавая необходимым использовать слагающиеся внутри Думы комбинации для того, чтобы вырвать что можно у думского большинства в интересах освободительного движения, решила продолжать свою прежнюю тактику принципиальной с.-д. критики действий и законопроектов правительства и думского большинства, и в целях дальнейшего развития этой тактики она решила сосредоточить свое внимание во время предстоящей сессии главным образом на ряде вопросов общего и местного характера, близко интересующих массы рабочего класса и демократических элементов, поскольку интересы последних не противоречат общим задачам социал-демократии. Но ее деятельность должна проявляться главным образом в том, чтобы на практике думской работы во всем ее объеме и во всех ее проявлениях, отстаивая эти интересы, противополагать точку зрения социал-демократии точке зрения всех прочих партий, выдвигая в то же время общие интересы демократии. Неустанно принимая участие в этой думской работе, широко пользуясь своим правом запросов и внесения законопроектов, с.-д. фракция заботится о том, чтобы в настоящие дни полной реакции ее голос звучал по всему пространству России, будя сознание пролетариата и толкая его к организации и борьбе.

С.-д. фракция не скрывает от себя предстоящих ей трудностей на этом пути. Но она почерпает свою силу в сознании, что она часть огромного целого, что она является выразительницей того исторического движения, которое нельзя остановить на продолжительное время никакими полицейскими рогатками. Она сознает, что история возложила на нее почетную ответственность — быть непосредственной преемницей той фракции 2-ой Государственной Думы, которую контрреволюция посадила на скамью подсудимых и послала на каторгу. С презрением отметая клеветы и нападки врагов, она будет идти к единой поставленной цели — к социализму через демократический строй, как российский отряд великой международной армии социалистического пролетариата.

III.

Соц.-дем. фракция признает допустимым голосование за отдельные статьи смет и за отдельные законопроекты или отдельные пункты их и за поправки к ним (правительства и других партий), содействующие культурным, материальным и политическим интересам рабочего класса и демократических слоев населения, поскольку интересы этих последних не противоречат интересам рабочего класса.

IV.

Стоя принципиально за необходимость для фракции внедумской работы в интересах своего сближения с массами и по мере возможности выполняя эту задачу, с.-д. фракция считается с тем фактом, что при настоящих политических условиях внедумская деятельность для нее в высшей степени затруднена.

Вышел в Москве № 7 газеты *«Рабочее Знамя»*[21], орг. Московского, Моск. Окр. Комитетов и Областного Бюро Центрального-Промышленной Области (Декабрь 1908). Содержание его следующее: 1 — Что даст закон 9 ноября: 2 — Из партии; 3 — Хроника; 4 — Забытый уголок; 5 — Письмо в редакцию; 6 — Письмо партийного работника; 7 — Рабочая жизнь. Газета имеет 6 страниц большого формата и на печатана в количестве 12 000 экз.

* * *

Вышел в Тюмени № 4 газеты *«Тюменский Рабочий»* (20 декабря 1908). Содержание номера следующее: 1) — Что дает 3 Дума народу; 2 — Закон 9 ноября; 3 — Рабочая хроника; 4 — Среди приказчиков; 5 — Среди солдат; 6 — К новобранцам; 7 — Иностранная хроника; 8 — Из партии; 9 — Отчет. В газете 8 страниц большого формата. Сверх того к нему вышло приложение, содержащее: 1 — Письмо из Тобольского каторжного централа; 2 — Статью об с.-рах; 3 — Отчет и пр.

* * *

Вышел в Риге № 2 *«Бюллетеня»* Ц. К. С.-Д. Латышского Края (Декабрь 1908 г.). В нем напечатаны (на латышск. яз.) резолюции последнего съезда латышск. с.-д-ии, сведения из партийной жизни, о современном положении, рекр. кампании и т. д.

* * *

Вышел в России № 1 *«Голос Бунда»* (Die Stimme von Bund), орган Ц. К-та Бунда. (На евр. яз.; Декабрь 1908 г.). Приветствуем новый партийный орган.

Газета имеет 12 страниц больш. форм. и содержит следующий материал: 1 — Редакционная передовая — Оппозиция в 3 Думе; 2 — Кончена ли наша революция (за подписью редакции сделала примечание, что по этому вопросу ею открывается дискуссия); 3 — О нашей работе (за подписью); 4 — К вопросу о том, «что делать» (за подписью); 5 — Рабочая хроника; 6 — Из партии; 7 — Некролог тов. Джапаридзе.

Передовая редакционная статья, после оценки роли 3 Думы и главных представленных в ней буржуазных партий, переходит к деятельности нашей с.-д. думской фракции. Газета подчеркивает, что наша партия послала депутатов в 3 Думу только для агитации, только для просвещения масс, а отнюдь не для так наз. «положительной» работы. Разбирая деятельность фракции, «Голос Бунда» указывает, что фракция «не всегда стояла на высоте своей задачи», что она «допустила ошибки, из которых некоторые были столь крупными, что они вызвали справедливое недовольство в рядах партии». Указывая, что был ряд трудностей, мешавших фракции стать на должную высоту (общая политическая обстановка, недостаточное содействие со стороны местных организаций и т. д.), газета подчеркивает, что кроме «бледности и стереотипности» выступлений фракции, были еще ошибки, обусловленные «субъективными факторами, за которые ответственность ложится целиком на одну фракцию». «Мы не станем — говорит «Голос Бунда» — перечислять всех ошибок и промахов фракции, укажем только на некоторые: фракция молчала при обсуждении и принятии Думой адреса царю, она голосовала за 6 с половин. миллионов черносотенному министерству народного просвещения, она была в принципиальном отношении невыдержанной в вопросе о бюджете. В области внутрипартийных отношений мы должны отметить некоторые нежелательные недоразумения организационного характера (между фракцией и Ц. К.) на почве выработки декларации» («Гол. Бунда», стр. 2). Далее газета указывает на недостаточное внимание фракции к национальному вопросу (в частности к еврейскому). Попутно газета высказывается против отзовизма. Указав на то, что его питают, между прочим, ошибки думск. фракции, «Голос Бунда» заключает, что отказаться от думской агитации «только потому, что фракция допустила ряд ошибок, значило бы вместе с водой выплескивать и ребенка». Газета горячо призывает все партийные организации к содействию фракции и установлению тесной связи между ней и рабочими. «Пусть рабочие критикуют ее работу — говорит газета, пусть посылают ей резолюции и т. д., тогда фракция станет на твердую почву», тогда ее работа станет правильнее и плодотворнее.

З. Б. Ц. К.[22] доводит до всеобщего сведения, что печатный документ под заглавием «Протоколы совместных заседаний З. Б. Ц. К. и Ц. Б. Загр. Групп Р. С.-Д. Р. П.» с надписью «только для членов партии» — документ не официальный, составленный без участия З. Б. Ц. К., тенденциозный и искажающий факты. Ввиду этого З. Б. Ц. К. предостерегает все группы содействия Р. С.-Д. Р. П., а также всех членов Партии от признания его официальным документом. Считаем нужным указать особо, что партийного З. Ц. Б., признанного Ц. К., в данный момент не существует.

Заграничное Бюро Центрального Комитета.

В № 7 «Рабочего Знамени», Органа Центр.- Пром. Обл., напечатано следующее письмо в редакцию [23]:

Товарищи! По поручению сторонников меньшевистского течения московской социал-демократии, работающих в Московской организации, довожу до вашего сведения следующее:

Несколько времени тому назад в Москве организовалась группа интеллигентов, которая под флагом работы в легальных учреждениях пролетариата ведет борьбу против Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

На эту группу вряд ли обратили бы внимание, если бы она самозванно не присвоила себе названия — «Группа социал-демократов меньшевиков». Сторонники меньшевистского течения, работающие в Московской Организации, категорически заявляют, что с этой группой ничего общего не имеют и что против всех врагов партии, — как бы они там ни назывались, — будут вести борьбу.

По поручению сторонников меньшевистского течения, с товарищеским приветом.

Алексей Московский [А. Хундадзе].

От редакции «Социал-демократа»: Приветствуем решительное выступление тов. Алексея и тех, от имени кого он говорит. Именно так, товарищи, именно против всех врагов партии, «*как бы они там ни назывались*», необходима самая энергичная борьба. И мы вместе с нашей последней общепартийной конференцией призываем «всех истинно-партийных работников без различия фракций и направлений к самой решительной идейной и организационной борьбе с ликвидаторскими попытками», борьбе, ставящей себе целью привлечение всех элементов, оставшихся социал-демократическими, в ряды партии для работы под контролем партийных учреждений.

ХРОНИКА.

С.-Петербург. *Нарвский район.* Вот уже полтора года, как нет руководителей интеллигентов; изредка появлялись один, два пропагандиста. Вся работа велась исключительно самими рабочими. Она сосредоточилась главным образом на Путиловском заводе. Здесь есть в значительной части мастерских ячейки, есть подрайонные комитеты для ведения работы в мастерских и общий заводский партийный комитет. Есть связи с заводом Тильманса и Се-

строрецким заводом, фабрикой Воронина и др., в этих предприятиях собираются ячейки. Все предприятия объединены в общую районную конференцию. Широкая потребность в литературе, которую не в силах был удовлетворить П. К. при примитивности технини и скудости средств, заставила местную организацию делать сборы среди рабочих специально на литературу. Своими средствами был издан листок о 1-ом мае, о 3-й Госуд. Думе и один номер газеты «Новые Силы» (о современном моменте, о безработице, письмо рабочего и хроника), а в октябре листок о холере. Вопрос о страховании рабочих и вопрос аграрный, в связи с постановкой его в Думе, разбирались почти на всех собраниях. Партийная работа значительно пострадала благодаря массовым высылкам; высланы почти все бывшие выборщики в 3-ю Госуд. Думу, а также много других рабочих. Профессиональный союз металлистов тоже понес тяжкие потери. Много хороших работников с.-д. за проведение забастовки 1-го мая на зав. Тильманса и Харлампова рассчитаны и высланы из Петербурга. У нас давно существует кружок высшего типа (15 чел)., который самостоятельно занимается основными вопросами социал-демократии; читают, отдельные товарищи готовят доклады и выступают перед кружком. Теперь иногда удается залучить интеллигента для чтения отдельных лекций. Недавно читали лекции по рабочему законодательству. Летом устраивались массовки, которые обслуживались самими рабочими. Работу ведут исключительно большевики, есть отдельные единицы из меньшевиков, не увлекающиеся легальностью во что бы то ни стало, один тов. м-к входит даже в расширенный состав П. К. Есть вечерняя техническая школа для рабочих, где иногда читаются лекции, очень умеренные, по истории рабочего движения. Есть и «Лига образования», которая просто умирает от бездеятельности; взносов членских большинство членов не платит, лекции читаются в присутствии полиции; из 400 записанных членов посещают лекции человек 30 — 40. Несмотря, однако, на скромную деятельность «Лиги», в ее помещении часто производятся обыски, а ее библиотека часто значительными частями перемещается в участок. Сбавка расценок по различным системам — истинно русской и американской — делают для рабочих невозможным всякое оуществование. Напр., на Путиловском заводе сбавки во многих местах достигли $^1/_3$ заработной платы. Массовая безработица в районе, крайняя нужда, голод, понятное дело, сильно понижают настроение среди рабочих.

Московский район. С января 1908 г. массовые аресты, высылка лучших активных товарищей, почти совершенно расстроили организационную работу. Слабые, боязливые отстали — работа временно приостановилась. В июне связи с районом восстановились, началась работа на фабрике Механич. Обуви, у Речкина, на зав. Глебова, у Пиптша и др. Устраивали несколько раз обще-районные собрания, обсуждали вопросы о Думе, в связи с работой фракции; есть товарищи, стоящие за отзыв фракции. Интеллигентов в Московском районе нет, а из рабочих очень немногие сами способны руководить организацией. Функционирует районное собрание (человек 15 — 20) из представителей всех предприятий района, оно выполняет функцию районной конференции, хотя не все товарищи являются выбранными, т. к. группы по отдельным предприятиям.собираются нерегулярно по различным причинам. Особенно затрудняет дело отсутствие квартир. Исполнительной районной комиссией был издан на своем гектографе листок с призывом организоваться; обращено особенное внимание на работу в профессиональных союзах, где небольшая группа организованных товарищей ведет довольно значительную работу. В скором времени открывается рабочий клуб, куда удастся, вероятно, привлечь более широкую рабочую публику. За Московской Заставой всего более 9000 рабочих, а между тем нет ни одной вечерней школы, нет библиотеки; масса остается незатронутой, и в дни глухого политического затишья, когда вся жизнь идет пониженным темпом, здесь, на почве общего индиферентизма, страшно развивается пьянство. На заводах настроение унылое.

Петербургский район. Зимой 1908 г. организация петербургского района была разбита полицейскими репрессиями до основания. Осталась незначительная часть товарищей, у которых сложилось общее подозрение против одного из членов организации, и за работу никто из них не брался, боясь все созданное вновь отдать в руки предателей. Так продолжалось месяца полтора... П. Ком. совместно с некоторыми товарищами с заводов Дюфлона, фабрики Леонтьевых и других установил и укрепил организационные связи. Произведены выборы в П. К. На заводе Дюфлон создан заводский партийный комитет, которому пришлось вести упорную экономическую борьбу против сбавки расценок и произвола администрации. Администрация хотела выкинуть за ворота отдельных, самых активных товарищей, но, встретив дружный отпор со стороны рабочих, вынуждена была уступить. Есть клуб «Луч», правление целиком состоит из рабочих, читаются лекции на разные темы (как-то по истории русской литературы, по химии и т. п.) Есть вечерняя техническая школа.

Весной этого года агитация «ликвидаторов» против партии стала уже вполне открытой. П. К. по всем районам противопоставил ей агитацию среди *рабочих* м-ков, призывая их к совместной работе. Незадолго до выборов на общерусскую конференцию м-ки петербургской стороны образовали особую группу в 14 человек, которая выбрала от себя целых трех представителей и послала их в П. К. П. К. опротестовал эти выборы, указав тт. ме-кам, что в районе давно уже имеется партийная организация, которая посылает своих представителей в П. К.; м-кам необходимо прежде всего объединиться с этой организацией и уже совместно с ней послать тех или иных представителей в П. К. М-ки ушли тогда с собрания, внеси заявление, что непризнание их фракционных выборов со стороны П. К. «есть фракционное пристрастие». Предложение объединиться с существующей организацией показалось им чудовищным, до того привыкли они к существованию параллельных фракционных организаций!

Василеостровский район. Районную работу ведет районная конференция из 19 чел. Она регулярно собирается и в значительной части районных предприятий имеет связи. Из конференции выделена для ведения повседневной работы исполн. комиссия из 5 чел. Ведутся кружки на зав. Сим. Гальске, на патронном заводе, у Блоха и др. Есть кружок высшего типа (занимается интеллигент). На районной конференции обсуждался вопрос о 3-ей Гос. Думе и отношении к с.-д. фракции. Значительная часть, 11 против 7, высказалась за отзыв фракции, мотивируя необходимость его недостаточной партийностью фракции, неспособной, по их мнению, вести с.-д. агитацию и пропаганду, и невозможностью выполнить это даже при лучшем составе фракции «по объективным условиям»... Был издан листок с призывом к организации и листок о рекрутском наборе.

Невский район. Здесь с весны 1908 г. работа ведется местными рабочими силами. Есть организационные ячейки на Семянник. зав., Александровском, фабрике Паль, Обуховском зав. и др. Есть районная конференция и районная исполнит. комиссия. Летом устраивались массовки, главным образом, из ткачей, которые очень интересовались профессиональными союзами и их значением для рабочего класса. Среди них какие-то полу-анархисты, полу-эсэры вели агитацию против проф. союзов, проповедуя, как единственное средство борьбы, фабричный террор. Но это течение было, конечно, побеждено.

Летом, в мае и августе, на районных собраниях обсуждался вопрос о текущем моменте в связи с 3 Государственной Думой и отношением к думской с.-д. фракции. Большинство находит пребывание ее в Думе полезным. На Семянниковском, Александр. и Обухов. заводах есть деятельные заводские партийные комитеты. Издан один номер районной местной газеты «Борьба»; вышли листки о сбавке расценок и положении на заводах, о холере и пр. Есть вечерняя школа для рабочих и просветительное общество «Свет», в котором читаются легальные лекции. За последнее время страшно усилилась слежка, обыски, аресты. Работа страшно затруднена.

Выборгский район. Работа ведется крайне слабо. Едва

сохранились связи с орудийным заводом через отдельных товарищей, но организации широкой нет. На Сампсониевской мануфактуре то же. На заводе Леснера есть несколько товарищей. В продолжении всего лета устроено было 4 собрания. Был один представитель в П. К., избранный на общем районном собрании. Теперь он с завода рассчитан. Собрания устроить не удалось и представитель Выборгского района на заседании П. К. не присутствовал. Теперь есть организатор, и работа понемногу начинает укрепляться.

Перед самой обще-русской конференцией группа товарищей м-ков, в продолжении всего лета не принимавшая в районной с.-д. работе ни малейшего участия, собралась в количестве 12 человек и произвела выборы в П. К. Выборы эти П. К. опротестовал в виду их незаконности, как фракционных. М-кам он предложил объединиться с местной районной организацией и совместно произвести выборы представителей в П. К. М-ки это предложение отклонили и демонстративно удалились с собрания.

2-ой Городской район. Общее бегство интеллигенции здесь отразилось особенно тяжело. Отдельных рабочих, способных вести самостоятельную работу, мало. Многие ушли в школы и легальные общества. С ноября прошлого (1907) года до мая месяца никакой работы не велось. П. К. удалось связаться с отдельными мелкими предприятиями и создать группу в 12 человек. Через них связались с Франко-Русским заводом, Росс.-Америк. Рез. Ман., заводом Калинкина, конфектной фабрикой Конради. Теперь здесь ведутся три кружка; у товарищей большой интерес к знанию, они охотно и аккуратно собираются. В кружках разбирался закон 9 ноября о выходе из общины и отношение к нему с.-д., о Думе, о профессиональных союзах. Несколько раз пропагандисту приходилось говорить о разнице и значении легальной и нелегальной работы, так как некоторые товарищи м-ки, занимающиеся исключительно работой в клубах, не советуют ходить в кружки и летом даже устраивали собрания для агитации против нелегальных организаций. Однако эти собрания успеха не имели, так как большинство рабочих главной целью признали укрепление нелегальной с.-д. организации, не отказываясь попутно использовать легальные возможности.

1-й Городской район. Работа ведется здесь непрерывно. Есть районная конференция, избранная от разных предприятий (18 человек) и исполнительная районная комиссия. Ведутся 4 кружка. Есть 4 интеллигента (организатор, 2 пропагандиста и секретарь). Организованных насчитывается до 250 челов. Есть клуб женской взаимопомощи; в нем читаются лекции, которые посещают до 200 человек. Есть кружок высшего типа — 15 человек. Занимаются с интеллигентом по истории социализма и другим вопросам.

День 9 января в СПБ. прошел спокойно. Были выпущены листки. Отчисления прошли почти везде, но почти исключительно на депутатов.

Вопросом, крайне интересующим теперь петербургский пролетариат, является вопрос о государственном страховании рабочих. Исполнительная комиссия П. К. выработала ряд тезисов по этому вопросу. На ближайшем собрании П. К. они будут обсуждаться.

Рабочий.

Саратов. Наш городской комитет состоит почти из одних рабочих, да и вообще всю партийную работу в Саратове ведут одни рабочие. Комитетом обращено большое внимание на экономическую борьбу. Раньше на экономические организации рабочих, существовавшие в большом числе, обращалось недостаточно внимания. Существуют у нас регулярные рабочие кружки пропаганды. Эту отрасль работы можно было бы значительно расширить, но сил пока слишком мало. Без типографии работать очень трудно, а плохое финансовое положение мешает нам оборудовать ее. Ждем помощи со стороны Ц. К.

Профессиональных союзов у нас во время оживления было до 18. Теперь их осталось ничтожное количество, да и деятельность оставшихся страшно придавлена. Союз металлургов ограничивается только самообразованием да выдачей взаимообразно ссуд. Кроме давления администрации сильно мешает ему развернуть свои силы промышленный кризис. Союз портных под влиянием некоего Лушникова, бывшего с.-д., а ныне перешедшего к «братчикам», начинает раскалываться на два лагеря, т. е. часть уходит к черносотенцам. Союз лесопильщиков, где работали раньше очень неумелые руководители из молодых работников, переживает тяжелый кризис и находится накануне смерти. Живописно-малярный и строительный союзы, благодаря тому же Лушникову, слиты с черносотенцами. Другие союзы или умерли своей смертью, или закрыты полицией.

Дали себя знать значительными осложнениями некоторые случайные неприятности: уличен в растрате партийных средств и отлучен за это от с.-д. организации бывший казначей-секретарь Кузьма П-н; провалилась типография и *причиной ее провала, как оказалось, была провокация рабочего Осипова.* Несмотря, однако, на все трудности и несмотря на то, что интеллигенция нас совсем покинула, партийная работа уже сейчас восстановлена во всех четырех районах.

ВИЛЬНО. **Локаут у кожевенников.** Локаут у кожевенников начался в Вильне с 6 декабря, а в Сморгони 22 ноября. Выброшено на мостовую в Вильне 1 000 кожевенников, а в Сморгони 1 500.

Кожевенники в дни свободы добились 8-часового рабочего дня и некоторого самоуправления на фабриках. Теперь хозяева решили отнять у них все это и кроме того понизить заработок на 30%; ввести институт мастеров, причем жалованье мастерам хотят возложить на рабочих же. На каждые 150 выделываемых в отделении кож хотят ввести 1 мастера. Сверх того требуют ответственности рабочих за товар, как днем, так и ночью, и многого другого. Их так много, этих требований, что изобилие их повлияло даже на самых темных рабочих, отбивая охоту от штрейкбрехерства. Все кожевенники, за исключением стариков, решили бороться хоть до весны.

На первом общем собрании (легальном) постановили требовать уплаты за время локаута, обязать фабрикантов завести фабричные инструменты, повысить плату бомщикам и т. д.

Организованы кожевенники недурно: 50% принадлежат к профессиональному союзу. В начале локаута располагали капиталом в 2 905,08 руб. Во время праздников на 3-ей неделе локаута (первая выдача) выдано 843 руб.; женатым по 2 р., холостым—1р. 50 к. и молодежи — 1 р. На следующей неделе выдано 500 р. и, наконец, на этих днях (3-ья выдача) выдано 587 р. Выплачивают купонами, за которые в известных лавках выдавали товар по ценам несколько пониженным. По требованию выдавались и деньги. В данный момент в кассе 1 066 руб. 69 коп. Пожертвования до сих пор получены только от виленских рабочих — 172 р. 93 к. Сборам в Вильне помешали праздники и тот факт, что собирать открыто нельзя, ибо по закону союз не имеет права собирать пожертвований. В данный момент возлагаем надежды на помощь из России и из-за границы.

Кожевенники устроили 2 общих собрания, легальных; теперь в четверг должно произойти третье. Порядок дня: 1) понижение вспомоществований (женатым 1 р., хол. 75 к. и молод. 50 к.); 2) локаут (хотят выяснить, нет ли колеблющихся, а главным образом — поднять настроение масс).

Фабриканты тоже не дремлют. Наиболее ретиво действует Гецов. Он призывает к себе разных рабочих и уговаривает организовать группы желающих работать на новых условиях. Но несмотря на все усилия, несмотря на то, что он платит своим рабочим некоторый % их заработка и несмотря на то, что его рабочие — наиболее темный элемент, агитация его не имеет никакого успеха.

По истечении месяца можно сказать, что рабочие также настойчиво продолжают борьбу, как в начале, и ни на минуту не колеблются. При небольшой поддержке можно с уверенностью сказать, что сумеют постоять еще долго, так что фабрикантам, в особенности более мелким, станет грозить банкротство. При таких обстоятельствах можно рассчитывать на победу, хотя борьба очень тяжела; зима, холод, голод и болезни дают себя чувствовать все больше и больше.

Только помощь, материальная и моральная поддержка рабочих других ремесел и других стран, международного пролетариата, может облегчить нам тяжелую долю в борьбе с капиталом.

Не надо забывать, что виленские кожевенники одни только сумели сохранить завоеванные за время свобод условия труда, так что в данный момент они служат примером для всех прочих рабочих, борясь за лучшую жизнь.

М.

ИРКУТСК. Провалам нет конца. Особенно неистовствовали в связи с открытием памятника Александру III. Забрали около 60 человек. После этого ареста в местной газете было напечатано торжествующее заявление начальника иркутского жандарского управления о том, что «наконец ему удалось ликвидировать иркутскую орган. Р. С.-Д. Р. П.», что в «Иркутске остался только один социал-демократ, но и тот служит-де в охранном отделении».

Торжествовать и издеваться иркутским жандармам, однако, еще рано. В Иркутске уже сейчас вновь составлена группа Р. С.-Д. Р. П., которая по мере сил будет продолжать работу своих предшественников. Активных работников пока мало, большая нехватка в партийной литературе и очень вредна полная оторванность от партийного центра. Но все же кое-что делаться будет.

Из тюрьмы.

Письмо участника Екатеринославского процесса.

Дорогие товарищи!

6-го ноября 1908 года нас вызвали около 70 человек в суд для ознакомления с делом, а 17-го ноября начало слушаться дело, по которому явилось 61 человек с воли, и которым по настоянию гг. обвинителей изменили меру пресечения заключением под стражу; нам затем предъявили всем 100 ст. за исключением одного С. В. Косьмина, который обвин. по 131 ст. Началось чтение обвин. акта. В 5 ч. дня председатель объявил перерыв. В 8 час. утра явились в суд, в 9¼ председатель Лопатин открыл заседание суда, после чего опять гг. обвинители предъявили всем нам 279 ст., за исключением упомянутого Косьмина. Защита протестовала, но вопрос остался открытым, а затем продолжали чтение обвин. акта, после чего перешли к допросу свидетелей. Предполагали, что 8-го закончится допрос свидетелей. Свидетели показывают очень опасно, но обвиняемые, явившиеся с воли, оказались в большинстве членами союза истинно-русских. К ним примкнула большая часть бывших якобы партийных «передовых» рабочих с интеллигенцией и затеяли подачу поздравительной телеграммы ко дню рождения Николая 6-го декабря и отслужение молебна в этот день. Мы, 20 человек, попытались отговорить от подобных вещей, постарались выяснить им, что это есть предательство и т. д. Но наша попытка осталась безуспешной, да и трудно было надеяться на успех: мне лично большинство отвечало: «мы не знаем, кого слушать, вы, соц.-дем., против нашей затеи, а другие с.-д. да еще интеллигенты отстаивают», и при этом указывался ряд лиц, с которыми приходилось говорить и спорить об упомянутом вопросе. Последствия таковы: нас 28 челов. не присоединилось к затее, и остались при своем взгляде, а остальные 105 ч. заявили о своем желании тюремной администрации, которая с радостью ухватилась за предложение. Вышеупомянутые господа соизволили еще неприсоединившихся к ним (28 ч.) оклеветать. После этого, 1-го декабря вечером, на обратном пути с суда, конвойный офицер обратился к нам и сказал: «Господа, предупреждаю вас, что если кто-либо из вас нарушит порядок, то замеченные лица тут же будут расстреляны», а затем приказал конвоировавшим солдатам не подходить на 3 шага к арестованным. Когда же мы прибыли в тюрьму, то после обыска, при входе в корпус начальник тюрьмы сказал: «Если кто из вас вздумает устроить какую-либо демонстрацию, то я не остановлюсь ни перед чем и никто не дойдет туда» — при этом он указал пальцем на верх лестницы корпуса, по которой мы должны входить в свои камеры. Через некоторое время подошел к волчку наших камер дежурный надзиратель (мы сидели в 9-й башне, где нас было 11 чел.) с площадной бранью, стал угрожать и заставлять нас сейчас же лечь спать, а после поверки, как только легли спать, вдруг открылась дверь камеры и зашел помощник нач. со старшим и начал читать список, в котором значились фамилии неподписавших телеграмму. Так как в числе последних оказался только я один из сидящих в 9-й башне, то он приказал моим десяти сокамерникам перейти в 10-ю камеру, а на место их привели из 10-й камеры 11 челов. из числа 28-ми. После этого тюрем. админ. начала пускать все свои средства в ход, чтобы отыграться над нами. И действительно, быстро достигли своей цели: утром 2-го декабря, когда нас должны были вести в суд, под воротами тюрьмы вызвали нас 28 челов. по списку, заковали в кандалы и поставили впереди 105 предателей, для той цели, чтобы подвести нас к расстрелу. Конвоировавшие 2 роты солдат были в боевой готовности, в таком же порядке, как и накануне. В зале суда мы узнали, что конвойный начальник получил известие о том, что мы будто бы хотим броситься на солдат, отобрать винтовки для той цели, чтобы всех подписавших телеграмму подвести под расстрел, поэтому он нас и заковал в кандалы и поставил в первых рядах, чтобы было удобнее стрелять в нас. Таким образом, вышеупомянутые лица создали для нас жизнь прямо невозможную. Если они сумели создать такую ложь, о которой нам говорил начальн. конвоя, то отсюда ясно видно, что делается все это с преднамеренной целью; мы нисчем не гарантированы, что кто-нибудь из них не вздумает устроить провокацию, дабы нас расстреляли.

Тюремная администрация, а также конвойный начальник ясно говорят, что будут расстреляны не те, которые вздумают нарушить порядок, а те кто ранее намечены. Теперь, дорогие товарищи, вы ясно видите, в каких условиях мы (28 чел.) находимся и кто создал их. Но нас это мало страшит, ибо твердо решили подобные вопросы еще в то время, когда не знали партии, а работали только на революц. поприще вообще (я скажу лично за себя: пред вступлением в ряды партии с.-д. я открыл карту жизни революционера, а потому все, что пережил в течение 8 лет, только закрепило мое решение и убеждение и не может быть изменено). Мы предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье-карцере, или быть расстрелянными, чем стать предателями и изменниками нашему общему делу. О, нет! Враги наши этого не дождутся. Правда, нам больно, что часть бывших партийных интеллигентов и передовых рабочих (с.-д. и с.-р. безразлично) изменили в настоящее время общему делу, и не только стали предателями, но и заправилами упомянутой истории. Смотреть на этих мизерных людишек больнее, нежели испытывать производимые над нами истязания. Делегатами от предателей были: В. В. Марков, И. П. Редькин, Д. К. Паранич, А. А. Андрельев, Мельников и др. Они совместно с начальником тюрьмы выработали текст телегр. Николаю, которую послали 5 декабря. А 6-го отслужили молебен, на котором по приглашению предателей присутствовали инспектор и начальн. тюрьмы. Был составлен хор И. Редькиным, который и управлял им на молебне. После молебна все 105 чел. вышли из церкви на ротный коридор, где старший выставил их в круг по 2 чел. Когда к ним вышла тюремная администрация и скомандовала «смирно», то в ответ раздалось «здравия желаем ваше высокоблагородие!» После этого делегаты начали говорить речи, из которых доносились к нам отдельные слова и которых, дорогие товарищи, из-за стыда и боли, переживаемых мною сейчас, не могу повторить, ибо эти слова выходили из уст бывших парт. интеллигентов с.-д. и с.-р. После речей тюремный инспектор им что-то ответил, но нельзя было разобрать, что, так как я в это время стоял возле дверей и проклинал себя, что дожил до такого момента. Мне было известно, что вышеупомянутая компания готовится говорить речи в церкви, но говорила ли она, не знаю. Когда узнаю, напишу обо всем подробно. Да, я знаю, что между предателями есть захваченные волной революции, и мне их жаль, но большей части простить никак нельзя, ведь ни одного интеллигента не осталось, который не присоединился бы к предателям... Ведь это подрыв всей той парт. интеллигенции, которая продолжает стоять на высоте своего призвания в эту тяжелую годину. Поэтому мы думаем, что товарищи не обойдут этот вопрос молчанием и должны по окончании нашего суда принять меры к тому, чтобы выяснить посредством печати, легальной и нелегальной, какие лица сделались предателями и какие нет. Заявляем, что мы объявили предателям бойкот и не желаем ничего общего с ними иметь.

После вынесения приговора мы запели «Отречемся от старого мира». В ответ раздалось «Вы жертвою пали...»

Рабочий *[Ткаченко-Петренко]*.

От редакции: Вот имена тех, в чьих руках не дрогнуло знамя революции и перед лицом смертной казни:

И. Тарчевский, Н. М. Дацун, Е. Н. Черняков, И. Д. Митусов, Г. Е. Евтушенко, А. Зубарев-Кузнецов, А. В. Рабинович, В. П. Григоращенко, М. А. Красненко, В. Петров, Г. З. Троянов, Г. Ткаченко-Петренко, А. Ф. Щербаков, Я. Ф. Красношапка, А. А. Никоненко, А. П. Кощаев, М. К. Шийко, Г. Е. Обухов, Н. С. Федоров, П. А. Бабич, И. Славкин, Ш. Завадский, П. М. Дробышевский, А. А. Вивелько, В. И. Кранопольский, В. Шмуйлович, А. Егерев.

Имена подписавших телеграмму известны из легальных газет.

От редакции: *мы обращаемся ко всем партийным организациям и группам, ко всем отдельным товарищам без различия фракций и направлений с убедительной просьбой регулярно снабжать наш партийный орган корреспонденциями с мест, отчетами, резолюциями, письмами рабочих с фабрик и заводов, местными партийными газетами, листками и пр. Лишь при этом условии Ц. О. партии сможет выполнить свою задачу.*

В З. Б. Ц. К. поступило: В пользу осужденных С.-Д. Депутатов 2-ой Дум. фр.: Через Загр. Бюро П. С. Д. из Напси 6 фр. 15 сант. Из Давоса 28 фр. Всего 34 фр. 15 сант. (деньги отосланы в Россию).

В *Кассу Ц. К.* поступило от Америк. Гр. Сод. Р. С.-Д. Р. П. 1976 фр. 50 сант., от Брюссельской Гр. Сод. Р. С.-Д. Р. П. 165 фр. Всего 2 141 фр.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

5 № во Францпи 1.00; за границу 1 фр. 20 с.; в Россию 2 фр. 50 с.

Временный адрес редакции и экспедиции «СОЦИАЛЬДЕМОКРАТА» *из-за границы:*

M-r KOTLIARENKO, Rue Antoine Chantin 8 III, PARIS XIV,

Administration et imprimerie; 8, rue Antoine Chantin.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Общерусская (декабрьская) конференция РСДРП состоялась (3 — 9 января 1909 г.) 21 — 27 декабря 1908 г. в Париже и прошла под идейным влиянием большевиков. Подробно об этой конференции см. Ленин, Соч., т. XIV, прим. 1; см. также резолюции конференции там же, стр. 444 — 451.

[2] Извещение ЦК РСДРП о состоявшейся общепартийной конференции вышло в Париже в январе 1909 г. в издании Центрального комитета. Редактировал Ленин.

[3] На Всероссийской конференции к резолюции по докладу Ленина о современном политическом положении и задачах партии Дан внес поправку о природе русского самодержавия, что «самодержавие стало не буржуазной, а плутократической монархией, т. е. не связанной с основными силами капиталистического развития, а лишь с магнатами капитала». Большинством всех против 2-х голосов меньшевиков эта поправка была отвергнута.

[4] Делегат от Польской социалдемократии Мархлевский, поддерживая остальную часть резолюции, высказался против перечисления ошибок социалдемократической думской фракции, предлагая характеризовать в резолюции работу думской фракции в положительной форме.

[5] По некоторым данным, эта статья является частью второй статьи в этом же номере о Джапаридзе за подписью Ф. И. Дан. Полемическая часть с примечанием от редакции была выделена особо.

[6] Имеется в виду социалдемократическая фракция II Государственной думы.

[7] Здесь пропущено слово: положения.

[8] Наша третья фракция — социалдемократическая фракция III Государственной думы.

[9] Здесь, повидимому, опечатка — должно быть «9 ноября».

[10] При социалдемократической фракции Думы существовала группа так называемых «сведущих лиц» с совещательным голосом. Думская фракция, среди которой преобладали меньшевики, и меньшевистская часть ЦК привлекли в число консультантов по думским вопросам меньшевиков и даже полукадетов (напр. Потресов, Смирнов, Прокопович и др.). Эти «сведущие лица» не мало толкали вправо работу думской фракции.

[11] В этой фразе пропущено слово «необходимо».

[12] «Слово» — ежедневная умеренно-либеральная газета, издававшаяся в Петербурге с 14 (1) декабря 1904 г. по 14 (1) июля 1906 г., как орган «партии центра», а с 14 июля 1906 г., как орган «Конституционного центра» (мирнообновленцев).

[13] «Новое Время» — субсидировавшийся правительством орган помещичье-чиновничьих и крупнобуржуазных правительственных верхов, официоз. Газета выходила с 1868 по 1917 годы. Редактором был А. С. Суворин, ближайшим участником Буренин.

[14] Sozialistische Monatshefte — Социалистические ежемесячники («международное обозрение социализма»), главный орган немецких бернштейнианцев, выходил с 1897 г. в Берлине. В журнале сотрудничали Э. Бернштейн, Фр. Герц, Эд. Давид, Вольфган, Гейне и М. Шиппель.

[15] После больших провалов в партии и ареста ряда членов ЦК в конце 1907 г. и в начале 1908 г. вместо пленума ЦК, обычно заседавшего в Финляндии, — был выделен ЦК суженного состава из пяти лиц, или «узкий пленум», облеченный всеми правами пленарного состава Центрального комитета.

[16] Заграничное бюро Центрального комитета состояло из пяти членов (большевик, меньшевик, польский социалдемократ, латышский социалдемократ, бундист); с половины 1910 г. большинство в нем принадлежало ликвидаторам, превратившим ЗБЦК в орудие для борьбы с большевиками и для срыва пленума ЦК, на созыве которого большевики настаивали.

[17] Здесь, повидимому, опечатка: вместо «доходы» следует читать — «расходы».

[18] См. Ленин, Соч., т. XIV, прим. 22.

[19] «Czerwony Sztandar» («Красное Знамя») — орган польской социалдемократии, издающийся с 1902 г.; выходил и ныне выходит нелегально. В настоящее время — орган Коммунистической партии Польши.

[20] «Zihna» («Борьба») — нелегальный орган Социалдемократии Латышского края, а с 1919 г. — Коммунистической партии Латвии. До 1919 г. направление «Цин'ы» менялось в зависимости от положения в латышской партии и преобладания в руководстве меньшевиков или социалдемократов, близких к позиции большевиков. Газета издается теперь нелегально.

[21] «Рабочее Знамя» — нелегальная большевистская газета, орган Московского и Московского окружного Комитетов РСДРП. Издавался в Москве в течение 1908 года. Всего вышло семь номеров. Первый номер редактировал С. Я. Цейтлин. Дальнейшие четыре номера редактировал И. И. Степанов-Скворцов. Последние два номера редактировали Д. И. Курский и В. М. Шулятников.

[22] См. примечание 16 в этом номере и в № 5 «Социальдемократ» — письмо в редакцию ЦО за подписью Центрального бюро заграничной Группы РСДРП и ответ ЗБЦК.

[23] К концу 1908 г. размежевание (ликвидаторы и антиликвидаторы) среди меньшевиков в Москве приняло особенно острую форму. Отражением такого размежевания является и данное письмо. Иначе, чем «Социалдемократ», откликнулся на это письмо заграничный меньшевистский центр. В «Голосе Социал-демократа» № 12 1909 г. была помещена статья с ссылкой на письмо А. Московского (Хундадзе), говорящая о непродуманности меньшевиков, которые якобы поддаются на удочку большевиков, спешат размежеваться со своими единомышленниками. Размежевание среди меньшевиков шло все глубже. В № 44 «Пролетария» 21 (8) апреля 1909 г. была напечатана корреспонденция из Москвы «Раскол среди меньшевиков», рассказывающая о собрании меньшевиков, работающих в организации, куда явилась группа меньшевиков, заявивших протест против письма А. Московского. Не найдя поддержки, ликвидаторы заявили о невозможности совместной работы с меньшевиками, работающими в организации, и объявили, что они, «как идейные противники», начнут последовательную борьбу во всех рабочих организациях» (см. второе письмо А. Московского в № 10 «Социалдемократа»).

ЦѢНА 25 САНТ.
PRIX 25 ...

ПАРИЖ, Понедельник 9/22 марта 1909 г. № 3

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

Страхование рабочих или страхование капиталистов[1]?

Если бы еще нужно было доказывать, что все рабочее и так называемое «социальное законодательство» является продуктом развивающегося рабочего движения, что оно тем более служит интересам рабочих, чем настойчивее последние предъявляют свои классовые требования, чем сплоченнее и сильнее их классовая организация, то трудно представить себе более яркое и решительное доказательство, чем история русских законопроектов по страхованию рабочих в течение последних пяти лет.

Каждый новый взрыв рабочего движения давал толчок законодательному «творчеству» наших законодателей: назначалась немедленно правительственная комиссия, приглашались более или менее сомнительные «корифеи науки», спешно и полубезграмотно переводились на канцелярский язык подходящие немецкие или австрийские законы. Чем хуже они были, тем лучше они подходили для «самобытной» России. На подмогу являлись представители «заинтересованных ведомств», т. е. всероссийской охранки и делегаты различных торгово-промышленных организаций — Глезмеры и Вольские. И тщательно отгородившись от, конечно, нисколько не «заинтересованных» представителей рабочего класса, комиссия приступала к выработке законопроекта.

А это дело огромное, которое просто, по-«мужицки» или «дурацки» сделать нельзя. Конечно, требования, которые предъявляются, вполне «справедливы», но они ведь должны быть воплощены не в какой-нибудь белой Арапии, а в данной конкретной, социально-политической обстановке, в данное время и в данных условиях. Настоящее связано с прошлым и чревато будущим. На почве вновь вводимых норм возникают новые, более сложные отношения, которые — так или иначе должны быть регулированы. Мало того. Необходимо сопоставить их с существующим законодательством, приходится — смотри у Петражицкого и Муромцева — затратить невероятное количество «психической энергии», чтобы формулировать необходимые изменения в этом законодательстве. Только невежественные люди могут воображать, что существующие законы можно просто взять, да и — с бацу! — отменить! Нет. Выработка законопроекта требует всегда огромной затраты труда, и жаловаться на медленность законодательной работы правительственных и парламентских комиссий могут только люди, не имеющие представления о том, что такое законопроект.

Но пока комиссия «соображает», «сопоставляет» и «формулирует», пока «корифеи науки» и «просвещенные юристы» в поте лица своего занимаются «социал-реформаторской» деятельностью, «заинтересованные ведомства» занимаются упрочением «порядка». И если в революционном движении произошла заминка, если прилив рабочего движения заменился отливом, то законопроект, — если он к тому времени готов, — поступает на «исправление» в ту же или новую комиссию. Профессор Икс сменяется профессором Игреком, вместо одних чиновников назначаются другие, и вновь начинается — благо социально-политическая обстановка изменилась — все та же огромная работа «сопоставления» и «формулирования», пока не вырабатывается наконец, законопроект — обстоятельный, детальный, все предусматривающий, все регулирующий, — в сотне, другой параграфов которого благополучно возрождается *фактически* отмененное «положительное законодательство».

Вся эта законодательная комедия проделана была при выработке правил 4 марта о собраниях и союзах и повторяется теперь в области законодательства о страховании. Так, составленные еще под свежим впечатлением событий 1905 года законопроекты, в марте 1906 года, подвергнуты были переработке в особом совещании под председательством бывшего министра торговли и промышленности, а теперь издателя «Слова», Федорова. После роспуска первой Думы они поступили на «рассмотрение» нового совещания (в декабре 1906 г. и февр. 1907 г.) под председательством Философова. С роспуском II Думы «социально-политическая обстановка» вновь изменилась. Опять начали «соображать», «сопоставлять» и «формулировать», и, наконец, в июне 1908 г. перед самым концом 1-й сессии III Думы, новые законопроекты получили такой вид, что могли надеяться на одобрение даже октябристской Думы.

Средством борьбы против всех случаев потери трудоспособности может служить, в известных пределах, *государственное страхование рабочих*. Его главной задачей является *обеспечение рабочего* и его семьи *во всех случаях* потери трудоспособности. Именно поэтому нельзя отделять один вид страхования от другого. Страхование на случай болезни, а для работниц — на случай беременности и материнства, страхование от несчастных случаев и профессиональных болезней, страхование на случай инвалидности и старости, страхование вдов и сирот — все эти виды страхования должны быть связаны воедино, чтобы воплотить в жизни такое требование, как обеспечение рабочего и его семьи во всех случаях утраты трудоспособности.

Но чтобы это страхование не превращалось в пародию, чтобы оно не сводилось к уменьшению и без того недостаточного заработка, все расходы по страхованию рабочих должны падать на предпринимателей и государство. Всякие вычеты из зараб. платы, если они идут не на улучшение условий продажи раб. силы или страхование заработной платы от понижения, ухудшают положение рабочего, они понижают его жизненный уровень, ослабляют его организм в борьбе с теми влияниями, которые неблагоприятно отражаются на его трудоспособности. Мало того. Обрушилась ли на рабочего болезнь, сделался ли он жертвою несчастного случая, выбила ли его из рядов рабочей армии профессиональная болезнь или преждевременная старость — он сохраняет право на *весь свой заработок*. Это — минимум того, что должен получать в таких случаях рабочий. Иначе государственное страхование ничем не отличается от жалкой благотворительности, от *общественного призрения*, заменой которого оно так часто является.

Как бы ни было удовлетворительно поставлено страхование рабочих с *материальной* стороны, оно превращается в орудие порабощения, закабаления и развращения рабочих масс, в средство опутать их сетями хозяйской или бюрократической опеки, если страховой фонд находится не в заведывании самих застрахованных рабочих, если регулирование всей деятельности страховых касс находится в руках предпринимателей или чиновников. Без полного самоуправления страхуемых государственное страхование накладывает на рабочих новое ярмо. И наоборот. Самостоятельное заведывание всем страховым делом дает рабочим возможность устранить многочисленные недостатки в организации страхования. Все хорошее, что имеется в практике немецкого страхования, создано самими рабочими, несмотря на вопиющие

недостатки германского законодательства, и только самоуправление позволило им превратить бисмарковские законы, направленные против самостоятельности рабочего класса, против «разрушительных стремлений» социал-демократии, в новое орудие для развития организации и самодеятельности рабочего класса. Поэтому главные стрелы новых реформаторов в области страхования направлены преимущественно против самоуправления застрахованных лиц. И чтобы заставить рабочих отказаться от этого принципа, предприниматели готовы даже увеличить свои «материальные жертвы».

Такой же необходимостью, как полное самоуправление застрахованных рабочих, является *единство* всей страховой организации. Не говоря уже о том, что такое единство сильно сокращает все административные и организационные работы, оно устраняет ненужную путаницу и осложнения, которые неизбежны при разделении всей страховой организации на отдельные, не связанные друг с другом учреждения, и от которых прежде всего и больше всего страдают рабочие.

Это требование настолько ясно, что даже немецкие профессора и немецкие чиновники считают его теперь аксиомой. Так, Посадовский (2 марта 1905 года) заявил в рейхстаге: «Если бы пришлось теперь на-ново создавать страхование рабочих, то ни один разумный человек не подумал бы о том, чтобы создавать особую организацию для страхования на случай болезни, другую организацию для страхования от несчастных случаев и, наконец, третью для страхования на случай инвалидности и старости». А 3 ноября 1908 года австрийское правителвство внесло в рейхсрат законопроект о социальном страховании, в основу которого положен принцип единства страховой организации.

Итак: 1) распространение страхования на все категории наемных рабочих; 2) возмещение всего заработка во всех случаях потери трудоспособности; 3) возложение всех расходов по страхованию на предпринимателей и государство; 4) полное и неограниченное самоуправление страхуемых лиц и единство страховой организации — вот те минимальные требования, которые должны быть осуществлены, если даже мы отделим от страхования во всех случаях *утраты трудоспособности* страхование на *случай безработицы*, на случай утраты возможности продать рабочую силу *.

Как же поступили наши законодатели? Насколько они сумели воплотить требования, выставленные рабочими, в своих законопроектах? Ведь пред ними, как они сами говорят, был «практический опыт стран, где страхование получило наиболее широкое развитие», т. е. Германии и Австрии. Мы видим уже, что этот опыт показывает недостаточность помощи, доставляемой страхованием, и неудовлетворительность его организации, что необходимость его коренной реформы сознана и чиновниками, и профессорами, что все дело страхования находится теперь накануне такой реформы. Можно было бы ожидать, что наши Ликурги постараются использовать этот опыт и, при воплощении этих требований в русскую жизнь, поставить себе задачей избежать недостатков, которые портят новое дело в самом его корне.

Но так могут думать только люди, которые забывают, что всякое государство есть орган классового господства, что всякое правительство есть только исполнительный комитет господствующих классов, что, поскольку речь идет о трудящихся массах, борьба господствующих классов между собой всегда идет за счет эксплоатируемых. Юристы, состоящие на службе у буржуазии, не краснобаи. Защиту интересов рабочего класса они предоставляют его адвокатам и могут только радоваться, если среди его юристов находят людей, которые привыкли считаться не только с требованиями рабочих, но и с «условиями» воплощения этих требований в жизнь в данной социально-политической обстановке, которые становятся на «правовую почву» и хорошо понимают значение «юридической преемственности».

Рабочий класс обнаруживает «сознательность» и неумеренную «притязательность». Он выставляет чрезмерные требования. Отказать в их удовлетворении нет никакой возможности. И на помощь является законопроект.

Если рабочие крупной промышленности, как это было еще до 1905 года, *фактически* добиваются сокращения рабочего дня, если их чрезмерные требования должны быть так или иначе удовлетворены, на сцену является закон 2 июня 1897 года, который не только выставляет это требование, но и разрабатывает условия воплощения этого требования в жизнь в данной социально-политической обстановке. В результате, *фактические* отношения получают *юридическую* формулировку, которая отнимает у рабочих большую часть их завоеваний. Если рабочие крупной промышленности начали *на практике* довольно успешно бороться за полное переложение профессионального риска на фабрикантов, если их «сознательности» и «притязательности» удалось вырвать у предпринимателей целый ряд уступок в области вознаграждения за увечья, то на сцену является закон 2 июня 1903 года, который так удачно разрабатывает условия воплощения «чрезмерных» требований в жизни, что лишает рабочих права на целую треть вознаграждения, признававшегося за ними гражданским уложением, и делает их беззащитными жертвами адвокатов-увечников. Если рабочие *фактически* завоевали себе право союзов и собраний, то на сцену являются правила 4 марта 1900 года, которые так удачно разрабатывают условия воплощения этого требования в жизнь, что правила о свободе союзов и собраний превращаются в закон о запрещении союзов и собраний. И всегда находятся умники, которые, сопоставив эти новые законы с «существующим» законодательством, открывают в них, как Прокопович в законе 2 июня 1903 года, «кое что», или «существенный шаг вперед», или «признание принципа»!

По такому же рецепту составлены новые законопроекты. Если уже так или иначе приходится признать данное требование рабочих, если обещание удовлетворить его несколько уже раз дано было с «высоты престола», то остается только, сопоставив это требование с «существующим законодательством», дать новое имя старым законам и постараться, елико возможно, под прикрытием нового флага, отнять у рабочих и то, чего уже давно добились и что за ними закреплено даже действующими законами. Таким путем, законопроекты по страхованию рабочих благополучно превращаются в законопроекты по страхованию предпринимателей от всех убытков, возлагаемых на них обязанностью лечить рабочих и вознаграждать их во всех случаях потери трудоспособности.

«Обещанный» три года тому назад законопроект страхования на случай инвалидности и старости все еще «разрабатывается». При сопоставлении этого требования с существующим законодательством оказалось, что соответственного закона нет. И если огромной траты труда требует одна только формулировка изменений в действующих законах, то кольми паче приходится поработать над формулировкой совершенно нового закона! Кто доживет — увидит!

Пока представлен только законопроект о страховании от несчастных случаев и на случай болезни. Первый из них должен заменить закон 2 июня 1903 года, второй — раз навсегда покончить со 102 ст. Устава о промышленности (закон 1866 г.), возлагающей на фабрикантов обязанность обеспечить рабочим врачебную помощь и запрещающей взимание за это платы.

Получат ли рабочие что-нибудь новое по этим законопроектам? Рассмотрим сначала законопроект о страховании от несчастных случаев.

Норма вознаграждения увечных рабочих остается без изменения. Кража одной трети заработка, совершаемая по закону 2-го июня 1903 г., будет совершаться и дальше. При определении нормы уплаты увечному и пособий семье, авторы законопроекта просто переписали соответственные статьи старого закона.

Мы не будем перечислять все статьи нового законо-

* Требований разработанных СПБ. Ц. Б. профес. союз., автор, в момент работы над этой статьей, в своем распоряжении еще не имел. *Ред.*

проекта, чтобы доказать, что авторы его почти целиком скопировали старый закон. У нас имеется вполне компетентное свидетельство органа Совета съездов представителей промышленности и торговли.

«Проект по страхованию рабочих от несчастных случаев не представляет собою какого-либо новшества. По содержанию своему, в главных чертах, это тот же старый закон 2 июня 1903 г. с некоторыми только изменениями» *.

Прислужники российских капиталистов скромно умалчивает о некоторых «поправках» к старому закону. Так законопроект предлагает лишить всякого вознаграждения увечных при утрате ими не более 5% трудоспособности. Не трудно себе представить, какое широкое поле откроется деятельности врачей и юристов, когда придется отстаивать интересы фабрикантов и заводчиков! Московским Гужонам и Крестовниковым и этого мало: они хотят себя избавить от расходов и в тех случаях, когда потеря трудоспособности не превышает 10%.

Законопроект дает предпринимателям еще один подарок: если по закону 2 июня 1903 г. пособие выдавалось в течение всего времени из хозяйского кармана, то новый законопроект делает «шаг вперед» и вплоть до тринадцатой недели возлагает расходы на больничные кассы, т. е. на самих рабочих.

О том, что рабочему следует вознаграждение и в том случае, если потеря трудоспособности вызвана профессиональной болезнью, законопроект молчит, хотя авторы его могли бы узнать из внесенного в ту же Думу законопроекта министерства финансов о вознаграждении рабочих и служащих в предприятиях финансового ведомства, что между несчастным случаем и профессиональной болезнью нельзя провести резкой границы.

Главное отличие нового закона состоит в том, что предприниматели обязательно организуются в страховые товарищества, а пострадавший рабочий будет иметь дело не с отдельным хозяином, который может обанкротиться и оказаться неплатежеспособным, а со всеми предпринимателями в данной отрасли промышленности. Это «шаг вперед», могут сказать, так как с образованием страховых товариществ пенсии вполне обеспечены.

Но к управлению делами этих страховых товариществ рабочие не допускаются, в них владыка — хозяйская рука. Если прежде рабочему приходилось иметь дело с агентом частного страхового общества, то теперь он имеет дело с агентом страхового товарищества. Если прежде он мог делать выбор между различными предпринимателями в зависимости от предоставляемого ими вознаграждения в случае несчастья, то теперь пред ним единая предпринимательская организация, в которой уничтожена всякая конкуренция между отдельными заводчиками и фабрикантами. И новый законопроект уже заранее отдает в руки предпринимательских агентов и врачей всю процедуру, посредством которой удостоверяются обстоятельства несчастного случая. И если вспомнить, что право на обеспечение возникает только вследствие несчастья, *постигшего рабочего при осуществлении своих профессиональных обязанностей* в качестве рабочего *того предприятия, в котором он был занят*, то нетрудно понять, что агент страхового товарищества, или полиция постараются, при составлении протокола, доказать, что пострадавший рабочий потерпел увечье не при исполнении служебных обязанностей. Мало того. Взвалив, как мы видели, на больничные кассы содержание увечных в течение первых 13 недель, законопроект оставляет их в руках врачей страховых товариществ. Отказ от «бесплатной» врачебной помощи влечет для увечного полную или частичную потерю вознаграждения. Чем больше удастся врачу стянуть на определении процента утраты трудоспособности, тем меньше должно заплатить страховое товарищество **. Ведь назначение пенсии зависит от товарищества, и если бы рабочий, желающий избавиться от волокиты, которая, как показывает германская практика, царит в этих предпринимательских учреждениях, обратился бы в суд, то он лишается права на судебные издержки. Хочешь не хочешь, а в петлю полезай! Вся эта организация ставит себе целью «ущербить ренту» рабочего (Rentenguetcherei), а сам он становится жертвой «объективного» исследования страховых врачей, которые своим бессердечным и подозрительным отношением к увечным зачастую доводят их до полного нервного расстройства и даже сумасшествия.

Как и по закону 2 июня 1903 г., огромная масса сельскохозяйственных рабочих оставляется на произвол землевладельцев, и принявшая у нас колоссальные размеры эпидемия травматических повреждений будет свирепствовать и дальше, превращая ежегодно в калек и инвалидов десятки тысяч людей. Круг страхуемых от несчастных случаев рабочих расширяется включением рабочих железнодорожных, судоходных (но только по внутренним водам) и трамвайных, но разъяснение, в силу которого действию нового закона будут подчиняться только те предприятия, в которых *при числе постоянно занятых рабочих не менее двадцати* применяются паровые котлы или машины, а равно те, в которых, хотя и не применяются машины, но число постоянно занятых рабочих *не менее 30*, не только исключает всех ремесленников, но и рабочих, занятых в огромном большинстве средних и мелких заведений фабрично-заводской промышленности и т. д. *.

Мы не будем останавливаться подробно на других статьях законопроекта. Из сказанного ясно, что если в нем имеется какое-либо «новшество» в сравнении со старым законом, то оно направлено исключительно против рабочих. Законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев подменен законопроектом о страховании предпринимателей от обязанности возмещать рабочим целиком потерю трудоспособности.

Посмотрим теперь, что дает рабочим законопроект о страховании на случай болезни или, вернее, что он у них отнимает.

В силу ст. 102 Устава о промышленности (закон 1866 г.) воспрещается с рабочих взимание платы за врачебную помощь и на предпринимателей возлагается обязанность устроить больничное помещение — в зависимости от числа рабочих — при фабриках и заводах. Конечно, эта врачебная помощь была организована крайне неудовлетворительно, а рабочим пришлось потратить не мало энергии, чтобы добиться более или менее сносной постановки ее в крупных предприятиях.

Несмотря на все желание правительства и предпринимателей открещиваться от «бытовой, не разделяемой ни одним западно-европейским законодательством точки зрения, что врачебная помощь рабочим составляет прямую и непосредственную обязанность владельцев промышленных предприятий», авторам законопроекта пришлось волей-неволей сохранить этот «неприятный обычай». Оставалось только по возможности превратить эту бесплатную помощь в платную или уменьшить и без того ничтожные расходы предпринимателей. И вот вместо того, чтобы покончить с предпринимательской «экономией» за счет здоровья рабочего, ей теперь открываются новые, еще более широкие перспективы.

Законопроект о страховании на случай болезни отделяет врачебную помощь от пособий на случай болезни. Устанавливаются три вида лечения: 1) Первоначальная помощь при внезапных заболеваниях и несчастных случаях, 2) амбулаторное лечение и 3) больничное лечение с полным содержанием больных и помощью работницам при родах. Первые два вида лечения должны быть оказаны

* «Промышленность и Торговля», № 13, стр. 18.

** По данным Российского Взаимного Страхового Союза, случаи, сопровождавшиеся потерей не более 20 проц. трудоспособности, составили от 75 до 78 проц. общего числа несчастных случаев, а из данных Варшавского Общества Взаимного Страхования видно, что такие случаи поглощают свыше половины всего расхода. Именно в пределах этих 20 проц. может вполне свободно проявляться «рентное» творчество предпринимательских врачей и агентов.

* Практика Главного по ф. и г. д. присутствия достаточно показывает, как легко превратить в ремесленное заведение фабрично-заводское предприятие, занимающее сотни рабочих.

натурой. Предприниматели обязаны сами устраивать амбулатории и приемные покои и содержать медицинский персонал или входить в соглашение с земскими или городскими учреждениями и больничными кассами. Законопроект при этом предупредительно не указывает никаких норм при оказании медицинской помощи. И ясно, что указанное право предпринимателей будет использовано ими всегда, когда это будет выгодно *им*.

Но в еще более выгодное положение ставит законопроект предпринимателей в вопросе о больничном лечении. Он совершенно избавляет их от обязанности устраивать больницы, обязанности, которая возложена на них законом 1866 г. В отличие от первых двух видов лечения, фабриканты и заводчики не *должны*, а *могут* осуществлять его или натурой, или путем соглашения с больничными кассами. Если соглашение не состоялось, если больничные кассы оказались слишком «притязательными», если они недостаточно входят в расчеты предпринимательской экономии, то фабрикантам и заводчикам предоставляется право сплавлять больных рабочих в местные больницы «на общем для местного населения основании». И если такая больница не существует или находится в отвратительном состоянии, то это уже, конечно, не вина просвещенных капиталистов, а местного самоуправления!

Так просто будут предприниматели освобождены от расходов на устройство больниц. Если, по исследованию 1898 года, правильное устройство врачебной помощи с больничным лечением обходится для крупных фабрик, с числом рабочих свыше 500, от 4 до 5 руб. в год на рабочего (для фабрик с числом рабочих от 50 до 100 — до 8 руб. 50 к.), то лечение в местных больницах или врачебных бойнях обойдется в ничтожную сумму. Таким образом, закон 1866 г., «справедливый по основной мысли, но представляющий существенные неудобства», от которых, правда, предприниматели довольно усердно старались избавить себя, благополучно отменяется новым законопроектом *. Прибавим к этому такой крупный «шаг вперед», как возложение всех расходов по больничному лечению рабочих, пострадавших от несчастных случаев, в течение первых 13 недель на больничные кассы, то есть на рабочих, и мы поймем, что законопроект мог бы быть еще выгоднее для предпринимателей только в том случае, если бы они совсем были избавлены от всяких расходов на лечение рабочих. Но что поделаешь с необразованными людьми, которые упорно стоят на «бытовой» точке зрения!

Кроме врачебной помощи рабочим, второй законопроект «предоставляет» рабочим денежные пособия, выдаваемые во время болезни. Именно в отношении этой выдачи «действующий закон не содержит каких-либо прямых по этому поводу постановлений», и в данном случае мы имеем дело с настоящим новшеством. Но мы сейчас увидим, что и в этой «новизне» слышится все та же «старина».

Проект устанавливает, как общее правило, обязательность открытия больничных касс при предприятиях с числом рабочих свыше 400, мелкие же предприятия должны соединяться для образования общих касс. Заведывание делами их принадлежит общим собраниям участников и выборным правлениям касс. Размеры взносов и выдаваемых из кассы пособий устанавливаются общими собраниями. «Такая система, — уверяет нас в своих мотивах к законопроекту министр, — дает возможность самим застрахованным лицам приспособлять, в известных пределах, деятельность касс к живым и разнообразным потребностям рабочих масс»...

«Хорошо поет собака, убедительно поет».

Действительно, при наличности полного самоуправления больничных касс, участники их, т. е. рабочие, совершают поистине чудеса в умении распоряжаться своими средствами. А как обстоит дело в проектируемых кассах? Председателем общих собраний состоит предприниматель. Ему дается право veto [2] по решениям собрании, а также возможность в некоторых случаях, — т. е. в тех случаях, где деятельность касс недостаточно приспособляется к «живым» и «разнообразным» потребностям предпринимателей, — приостанавливать решения как общих собраний, так и правлений касс. Мало того. Предприниматель олицетворяет собою казначея кассы.

Но может быть предприниматели, как и в страховых товариществах, берут на себя покрытие всех расходов? Нет. Эту обязанность они предоставляют рабочим, которые имеют право облагать себя взносами в размере от 1 до 3% заработной платы. К этим официальным вычетам предприниматель прибавляет неофициальный вычет в размере $^2/_3$ взносов рабочих и превращается в полного хозяина больничной кассы. В правлении он всегда имеет два голоса из пяти, и ему достаточно иметь одного «верного» человека, чтобы даже не пользоваться своим правом veto.

Удивительно ли, что после этой карикатуры на самоуправление застрахованных рабочих даже орган Совета съездов представителей промышленности и торговли считает излишними все многочисленные статьи, в которых хозяйский взгляд дополняется недреманным оком всероссийской охраны в лице Думбадзе и Горчаковых?

На кого распространяется страхование на случай болезни? Расширяется ли круг страхуемых лиц хотя бы по сравнению со страхованием от несчастных случаев?

Опыт зубатовщины и гапоновщины показал и правительству, и фабрикантам, как опасно облегчать возможность какой бы то ни было организации рабочих масс. При самых казалось бы неблагоприятных условиях, достаточно соприкосновения сотен и тысяч рабочих, чтобы создать из них готовый очаг пропаганды и агитации. И наши маленькие Бисмарки решили вернуться к более безопасному принципу quieta non movere [3]. Рабочие в ремесленном производстве, торговые служащие, строительные рабочие, транспортные рабочие, рабочие на рыбных промыслах, сельскохозяйственные рабочие, домашняя прислуга — все эти категории наемного труда находятся в несравненно более скверных условиях, чем рабочие крупной промышленности. Но они еще «спокойны», они еще мало «сознательны» и «непритязательны» — и хотя они особенно сильно нуждаются в государственном страховании, они его получат... когда территория России станет меньше, когда исчезнут «бытовые» особенности наших окраин*, когда они станут поголовно грамотными. Обо всем этом позаботится правительство, и тогда «блага» новых законопроектов будут распространены и на них. До тех же пор даже зубатовская организация страховых касс может помочь им организоваться к, чего доброго, *добиться* не только мелкой подачки, но и прав на человеческое существование.

Другое дело — рабочие крупной промышленности. Это — отпетые люди и с ними нужно держать ухо востро. Хочешь не хочешь, а они устроят и без помощи хозяев и правительства — на свои деньги всякий имеет право лечиться — больничные кассы, где, даже при бюрократической опеке, они все же сами будут хозяевами. Так не лучше ли загнать их в обязательные больничные кассы и, собирая с них деньги, отдавать их под полный контроль хозяина и полицейского? Достаточно назвать это государственным страхованием, и не один глубокомысленный осел, наморщивши чело, найдет в этом законе и крупный «шаг вперед», а если и поймет даже, что это только «кое-что» или, вернее, ни то, ни се, то наверное будет «приветствовать отрадный факт провозглашения в высшей степени благотворного принципа государственного страхования».

Но «жизнь не стоит на одном месте». Условия воплощения рабочих требований в жизнь опять изменились, и в то время, как рабочая комиссия третьей Думы все еще собирается приступить к рассмотрению этих законопроектов, совет министров, вновь сопоставив их с существующим «положительным законодательством», пришел к заключению, что принятая в них формулировка нуждается

---

* Одержимый «разъяснительной» горячкой Сенат не вытерпел и поспешил, к великому удовольствию тверских и московских фабрикантов, разъяснить и закон 1866 г.

* На этом основании страхование не распространяется на Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ, кроме Тифлисской и Кутаисской губ.

в новой редакции. Оказалось, что огромная работа, затраченная на законопроекты, затрачена была почти впустую, так как они все же не регулируют всех отношений, возникающих на почве вновь вводимых норм. Но с помощью Крыжановских и Гурляндов надлежащая формулировка была, наконец, найдена. Если же по законопроектам самоуправление страхуемых рабочих сводилось почти к нулю путем мелочной хозяйской и полицейской опеки, то новая формулировка отдает все страхование в руки Толмачевых, Горчаковых, Муратовых и Думбадзе.

«Предоставляется губернатору, как председателю присутствия по делам страхования рабочих, право, в случае несогласия его с решением присутствия, приостанавливать приведение решения в исполнение и опротестовывать его министру торговли и промышленности, одновременно доводя об этом до сведения министра внутренних дел».

«Если губернатор признает деятельность председателя и членов правления больничной кассы по заведыванию ее делами незакономерною или угрожающею общественному спокойствию или безопасности, то он имеет право устранить этих лиц с занимаемых ими должностей». И чтобы окончательно убить всякую возможность для «крамолы» свить себе гнездо в больничных кассах, Брутам из министерства внутренних дел или губернаторам предоставлено право производства ревизии больничных касс и их правлений.

Таким образом, вместо полного самоуправления застрахованных лиц мы получаем полное подчинение их произволу правительственных чиновников. Страхование рабочих превращается в новое средство их обуздания. Правительство и фабриканты получают возможность держать наготове целые армии штрейкбрехеров, воспитанных в духе полного подчинения хозяину и полиции. Во всякое время на страховой фонд, назначенный для обеспечения рабочих, может быть наложена тяжелая лапа полицейского, во главе правления могут всегда быть поставлены черносотенцы. И если в Германии и Австрии профессионально и политически-организованные рабочие сумели использовать самоуправление больничных касс для расширения и укрепления страхования рабочих, если им удалось подготовить своей деятельностью основы для создания действительного, а не призрачного государственного страхования, то проектируемые у нас больничные кассы послужат, наоборот, сильным орудием в руках фабрикантов для борьбы со всякой самодеятельностью рабочего класса. Организация рабочих для страхования от болезни, несчастных случаев и т. д. превратится в средство борьбы с организацией рабочего класса для страхования от понижения заработной платы и удлинения рабочего дня, т. е. с профессиональными союзами.

И как бы ни были велики материальные выгоды, — они, как мы видим, сводятся к нулю,—предоставляемые такого рода страхованием, оно должно быть отвергнуто рабочими без всяких колебаний. За чечевичную похлебку мелких подачек рабочим надели бы на себя новое ярмо. Давая им одной рукою «пряник», правительство готовит для них «скорпионы».

Без полной и неограниченной свободы союзов и собраний, без полного самоуправления застрахованных лиц, государственное страхование рабочих превращается в их государственное прикрепление к фабрикам и заводам, в новое, в тысячу раз худшее, крепостное право.

[Д. Рязанов.]

Таракан во щах.

Казалось, все идет прекрасно. Дума «властно» вмешалась во внешнюю политику и ободрила Извольского к более решительным шагам на Балканах; приняла закон 9 ноября и открыла эру «органического устроения» деревни. На очереди стояло дальнейшее «оздоровление страны». И люди 3 июня уже предсказывали скорое наступление тех дней, когда горшок щей появится на столе у каждого русского крестьянина. Казалось, все идет прекрасно... Как вдруг в том государственном котле, где изготовлялись щи национального благосостояния, оказался — таракан; «Осведомительное бюро» попробовало было его не признать. Но таракан выдался уж слишком матерой: его заметили даже на французской бирже, где незадолго перед тем Коковцов учел эти самые щи — по весьма жалкому курсу. Волей неволей пришлось давать объяснения пред Европой. Так выросли совершенно не предусмотренные думскими режиссерами дебаты об Азефе.

Больше всего взволновались либералы. Они одновременно скорбели и ликовали: ликовали, ибо они «всегда это предвидели», скорбели — за русскую государственность. Но больше все-таки ликовали: мировой азефский скандал одним концом бил по «революции», другим — по

За что бороться

«Цель ничто — движение все», этот бернштейнианский лозунг никогда не пользовался в нашей партии почетной репутацией: напротив, точное определение стоящих перед нами целей отнимало у нас подчас гораздо больше сил, чем фактическое движение, так что содержание некоторых периодов истории нашей партии может быть без затруднения изложено в цитатах из различного рода резолюций о «текущем моменте».

Хороша или плоха эта традиция, но она бессменно царила до Лондонского съезда. Здесь, как известно, произошел серьезный поворот в официальных партийных взглядах на текущие вопросы тактики, закрепленный в ряде конкретных резолюций. Между тем, какого-нибудь нового определения тех *целей*, которым должна быть подчинена вся партийная тактика в целом, на съезде не последовало. Ясно, что то общее определение ближайших целей нашего движения, которое заключается в партийной программе (Учр. Собр. и Дем. Респуб.), уже недостаточно для принципиального освещения нашей тактики с тех пор, как внутри партии наметились самые противоположные воззрения *на социальное содержание* и *роль общественных классов* указанного в программе переворота.

Я не ошибусь, если скажу, что в среде большинства, стоящего на почве решения Лондонского съезда, в течение протекших полутора лет царило изрядное разномыслие в этом вопросе — в вопросе об основной задаче нашего движения *.

Последняя общепартийная конференция в своей резолюции о текущем моменте пыталась положить конец этому разброду, заявив: «целью этой борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционное крестьянство и совершающим буржуазно-демократический переворот» и т. д.

Приходится, к сожалению, констатировать, что немедленно после того, как конференция разъехалась, проявились признаки того, что разброд нисколько не прекращается.

В передовой статье центрального органа (см. С.-Д. № 2), притом в статье, посвященной специально итогам работ конференции, мы читаем:

«Борьба попрежнему ведется — говорит резолюция —

* Достаточно только упомянуть о том, что в течение долгого времени многие, в том числе и тов. Ленин (см. его предисловие к статье Каутского о «перспективах»), решительно отрицали *буржуазный* характер нашей революции, несмотря на то, что, как справедливо напомнил недавно «Пролетарий», признание предстоящей революции буржуазною искони составляло одну из основных черт, отличавших наше миросозерцание от с-р.-ского.

военнополевой столыпинщине; кому же и быть в выигрыше, как не либерализму, который стоит между ними? Набоков готовил новое и безукоризненное определение провокации, Маклаков искал «общей почвы», т. е. общей «большой посылки» для объяснений с министерством («государственность», «законность» и пр.), а Родичев лихорадочно перелистывал речи Мирабо. Увы! жестокое разочарование ожидало их.

В первый момент господами положения овладела растерянность, граничившая с оцепенением. Конечно, совершенно правы ораторы левой, что дело Азефа не единично, а типично и от тысячи других подобных дел отличается лишь масштабом. Можно сказать, что в каждой ложке правительственного умиротворения сидит маленький таракан. Но тем не менее арифметическая сумма всех этих тараканов еще не дает Азефа. Здесь мы имеем именно тот случай, когда количество переходит в качество. Как ни закалились октябристские мозги в огне контр-революции, но и им трудно было переварить тот факт, что страшная террористическая организ. является орудием революции только с одной стороны; с другой же стороны — это лишь кегельный шар в руках охраны, причем роль кегельных болванок выполняют губернаторы, министры и великие князья. Октябристы потребовали десять дней на размышление. «Это дело надо разжевать», откровенно признался их оратор фон-Анреп. В действительности же прошло целых пятнадцать дней, прежде чем они разжевали Азефа.

11-го февраля Столыпин выступил с разъяснениями по предмету запроса. Нужно отдать справедливость этому рыцарю виселицы: он знает своих людей. Он знает своих оппозиционных погромщиков, своих друзей справа, которые всегда простят ему его «конституционный» жест ради трех тысяч виселиц, которые он построил; и он знает своих оппозиционных либералов, своих врагодрузей слева, которые в трудную минуту всегда простят ему его три тысячи виселиц ради его конституционного жеста. И лучше всего он знает своих «без лести преданных» октябристов, эту пьяную от благодарного восторга орду, которая видит в нем Георгия-Победоносца контр-революции, сохранившего за собственниками их собственность и введшего их — за хвостом своей лошади — в зал Таврического дворца. Спасенные от «ужасов» экспроприации, они готовы благодарными языками слизывать не одну только ваксу с его сапог.

Никому так не нужна благородная внешность, как шулеру: она для него то же, что ряса для священника. И чем он наглее, тем большим благородством должен отличаться его жест. Нужно опять-таки отдать справедливость Столыпину: безошибочным инстинктом варвара он быстро ориентировался в чуждой ему обстановке парламентаризма и, не заглянув даже в школу либерализма, он без труда усвоил себе все то, что нужно палачу, чтобы казаться джентльменом. Еще ведь только вчера, во время экзекуций саратовских крестьян, он умел «разговаривать» не иначе, как на языке камаринского мужика. А сегодня — сегодня он парламентарий с головы до ног! И стоит ему сделать движение рукой, натертой до мозолей веревками виселиц, и он — по «Голосу Москвы» — мгновенно рассеивает «те пугливые сомнения, которые, может быть, шевелились» в верных ему третьеиюньских сердцах.

Во всем этом деле правительство, видите ли, заинтересовано в одном: внести «полный свет». Именно поэтому, очевидно, оно в первом своем сообщении начисто отреклось от Азефа, а во втором — призналось во лжи. «В этом зале для правительства нужна только правда». Именно поэтому он, Столыпин, с документами департамента полиции в руках докажет, что чины департамента неповинны «не только в попустительстве, но даже и в небрежности». Азеф? — «такой же сотрудник полиции, как и многие другие». Если он 17 лет состоял параллельно в полиции и в революционных организациях, тем хуже для революции и тем лучше для полиции! Конечно — «*для видимости* и сохранения своего положения в партии» — «сотрудник» должен выказывать сочувствие ее задачам. Но до каких пределов? Этого он, Столыпин, не сказал. И не мог сказать. Ибо это вопрос, который решается чисто эмпирически, от случая к случаю. И если Азефу, такому же сотруднику, как и многие другие, — пришлось — «для видимости!» — оторвать министру голову или раскидать по мостовой мозги великого князя, то в полицейских донесениях Азефа во всяком случае не видно следов не только провокации или попустительства, но «даже и небрежности». «Правительству нужна только правда». Поэтому знайте: раз Столыпин сегодня заявляет, что уличенный провокатор Рачковский «с 1906 г. никаких обязанностей по министерству внутренних дел не исполнял», то завтра Гегечкори докажет, что Рачковский и по сей день состоит помощником начальника охраны в Царском Селе. Если Рачковский оказался слишком отъявленным негодяем, чтоб занимать бросающийся в глаза пост в департаменте полиции, то он все еще достаточно хорош,

---

за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти *пролетариатом и революционным крестьянством*» (курсив мой. Л. М.).

Что «резолюция говорит» не совсем это, видно из того, что формула «пролетариат и крестьянство», предложенная конференции, была *ею отвергнута*, а *вместо нее* принята формула: «пролетариат, опирающийся на революционное крестьянство».

Что резолюция говорит не совсем это, признает и редакция «Пролетария», когда в № 42 замечает:

«Большевики предлагали свою старую, на наш взгляд, лучшую формулировку: пролетариатом *и* революционным крестьянством.., но на конференции прошла худшая формулировка тов. поляков. Товарищам из П. С.-Д. сделана эта уступка, но в основном они разделяют нашу резолюцию, одним из основных положений которой является, конечно, диктатура пролетариата и революционного крестьянства, как б-ки ее всегда понимали».

А кавказская (меньшевистская) делегация в своем отчете (см. стр. 13) утверждает, что резолюция говорит *совсем не это*, ибо «член польской делегации пояснил, что поляки против этой поправки (т. е. против пресловутого «и») и настаивают на своей формуле, отличающей их как от б-ков (захват власти *одним* пролетариатом), так и от тов. Троцкого (буржуазно-демократическое содержание переворота)». Выходит, что польские товарищи вовсе не разделяют «идею диктатуры пролетариата и революционного крестьянства, как б-ки ее всегда понимали». Выходит, следовательно, что последняя идея вовсе не санкционирована конференцией и что, поскольку «товарищам из П. С.-Д. сделана эта уступка», постольку нельзя, разъясняя принятые конференцией решения, выставлять целью нашей борьбы что-либо иное, как *диктатуру пролетариата*, опирающегося на революционное крестьянство. Может быть, это и «худшая формулировка», но она *лучше* выражает идею, руководившую польскими товарищами и одобренную конференцией.

Коренное различие между двумя формулами уже давно с полной ясностью показал т. Троцкий *. «Из всего сказанного ясно как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально-допустимой, «хотим» ли мы или «не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой — по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле. В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо, что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно». И далее (стр. 250): «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, *кто сплотит в ней однородное большинство?*». Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократического

* См. например, в его книге «Наша революция», стр. 253.

чтоб охранять от народной любви священную особу монарха! Ловунг правительства: *правда!* И если Столыпин лжет в думе, как любой полицейский лжесвидетель на политическом процессе, так это потому, что он уверен в своей безнаказанности: он знает своих людей! Он знает, что не только граф Уваров поручится за его «кристальную чистоту», но и причесывающийся «под Мирабо» Родичев не замедлит поклясться в искренности столыпинской *слепоти*. Слепоты! Несчастный Онорэ-Габриэль Родичев! Еслиб ему и его партии хоть десятая доля той политической зоркости, благодаря которой Столыпин сразу *разглядел* бессилие адвокатско-профессорского либерализма!

Наибольшему испытанию в скандале азефовщины подверглись октябристы — и они проявили достохвальную политическую выдержку. Как раз в те дни, когда европейская пресса приступила к разглашению русской полицейско-террористической шехерезады, гучковский «Голос Москвы»[4] формулировал политическое credo[5], более того: объективное историческое положение октябристов с замечательной отчетливостью. Он был провоцирован слева. Литераторы Ходского и Федорова, золотушные демократы, отравленные легальными отбоинами «марксизма», опираясь на разоблачения всероссийского разбоя и воровства торопились внушить торгово-промышленной буржуазии, что для нее единственное спасение — порвать с землевладельческим дворянством и встать на путь принципиальной оппозиции. «Голос Москвы» ответил:

«Ведь, ясно, что *сама по себе* буржуазия недостаточно сильна, чтобы успешно воздействовать на власть; усилия буржуазии в этом направлении должны быть координированы с усилиями других контрагентов.

«Кто же может быть этим союзником буржуазии?

«*Бесхозяйственная* интеллигенция, радикальная печать..? Но ведь это очень проблематический плюс.

«Естественные союзники буржуазии — это другие экономические классы, связанные с нею непосредственным участием в хозяйственной жизни и действительно заинтересованные в подъеме производительности народнаго труда...

«В переживаемый Россией исторический момент в этом заинтересованы все классы русского населения: буржуазия и землевладельцы, крестьяне и рабочие.

«Но, к несчастию, крестьяне и рабочие, поскольку они начинают «сознательно» относиться к окружающему, в большинстве случаев неудержимо поднадают под влияние социалистической пропаганды, идущей из интеллигенции, и в буржуазии видят своего главного политического врага. Вот почему *крестьяне и рабочие, как политические союзники, для буржуазии не существуют*».

«*Для буржуазии*, пока что, остается таким образом *единственный союзник — землевладельцы*... И поэтому соединение в Союзе 17 окт. представителей обоих классов вызвано не случайными причинами, а продиктовано всем ходом русской политической эволюции». («Г. М.», № 13, курс. наши).

Одолеть правительство буржуазия могла бы, лишь опираясь на массы. Но так как массы враждебны ей, то буржуазии остается не бороться с правительством, а обеими руками держаться за него. Этот вывод октябристы последовательно проводят, несмотря на испытание судьбы. Правда, после первых раскатов азефовщины и они позволили себе ахнуть. Но уже очень скоро заставили себя понять, что Азеф ничего не меняет в «ходе русской политической эволюции», ибо он всего-на-всего таракан, неосторожно выплывший на поверхность их же собственных, октябристских щей, и что выплескивать щи из-за таракана противоречит не только интересам, но и национально-бытовым традициям московского купечества. И когда им слева доказывали, что таракан — не случайность, а неизбежность, они отвечали: «что ж? — остается, благословясь, проглотить и таракана». И проглотили, не поморщившись.

В кадетских речах об Азефе было много красивых мест, счастливых выражений и даже мыслей. Но никогда еще безнадежность кадетства не выступала с такой яркостью, как в этих дебатах. По мысли милюковской фракции, запрос должен был оказаться клином, вогнанным в тело третьедумского блока, и, если не повалить министерство, то затруднить для октябристов роль правительственной партии. Оказалось, наоборот. Повторилось то же, что и после прежних разоблачений. Все помои, весь мусор и дрянь, которыми история последних двух-трех лет облила и забросила царское самодержавие, не только не нанесли ущерба контр-революционному союзу, но, наоборот, еще прочнее сплотили его цементом общего позора. Хлеб, украденный Гуркой у голодающих крестьян? Взятка губернатору? Братание царя с осужденными громилами?

населения, другое, — когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют в качестве более или менее почетных заложников представители пролетариата».

Для того, чтобы пролетариат овладел властью, *опираясь* на крестьянское движение, нужны совсем иные политические предпосылки, чем для того, чтобы он овладевал ею *совместно* с крестьянством. Троцкий справедливо говорит (там же, стр. 253): «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Для того же, чтобы крестьянство, совместно с пролетариатом захватило власть *в борьбе со всеми буржуазными классами*, оно должно обладать очень значительной степенью сознательности, должно подняться до сознательного антагонизма с буржуазией в целом.

У Троцкого, как известно, из его формулы вытекает неизбежность того, что пролетариат, овладев властью, будет вынужден «перешагнуть» рамки буржуазной революции. Польские товарищи, а за ними и конференция, в этом пункте отмежевались от Троцкого, обязавшись, что пролетариат у власти ограничится «буржуазно-демократическим переворотом». Это расхождение не мешает, однако, тому, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о *взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть*.

Комментируя резолюцию VI съезда П. С.-Д., легшую в основание интересующей нас резолюции конференции, тов. Ледер (в № 43 «Пролетария»), в свою очередь, заявляет: «Съезд по вопросу о задачах партии в текущий момент не стал ни на точку зрения определенного «большевизма», ни «меньшевизма». Его позиция определилась тем... убеждением, что единственной силой, способной и призванной в России низвергнуть самодержавие и осуществить перестройку его в современное буржуазно-демократическое государство, является пролетариат, которому для осуществления этой задачи придется опереться на широкие слои революционного крестьянства. Этот взгляд отличается *принципиально* (курс. мой. Л. М.) от большевизма, поскольку он не исходит, подобно большевизму, из априорного положения, что раз переживаемая нами революция — буржуазно-демократическая, крестьянская, то, стало быть, руководящая роль в ней принадлежит и пролетариату, и крестьянству; он совершенно радикально отличается от меньшевизма» и т. д.

В том же духе высказывается и тов. War[6] в № 10 «Przeglad S. D.»[7].

И «Социал-демократ», и «Пролетарий»[8] поэтому могут лишь сбить с толку читателей, когда пытаются подменить принятую формулу той, которая была отвергнута, или когда пытаются его убедить *, что обе одинаково выражают одну и ту же «основную идею».

* См. опять в № 43 «Пролетария» в примечании к статье тов. Ледера.

Икона, начиненная взяткой градоначальнику? Дома терпимости, как устои патриотизма? Волосы, поодиночке вырванные во время пыток? Что там еще? Нет ли чего посильнее? Экспроприации под командой полиции? Изнасилование старух казаками? Расстрелы без суда? Наконец: Азеф? Министры, убитые при содействии полицейских террористов?.. Давайте все сюда! Все пойдет в дело: Столыпин с Гучковым выводят здание новой России — им нужен строительный материал!

«Почему — вопрошал Маклаков октябристов и правительство — в деле, где мы как будто исходим из одинаковой позиции, мы начинаем в конкретных случаях говорить на разных языках?» Почему? Недоумение «блестящего юриста» Маклакова разрешил аляповатый политик Милюков. Правительство хочет *«победить»* революцию», но не может: отсюда его слабость. «Кадеты думали иначе: они надеялись *приостановить* революцию»... Исходили, значит, из той же позиции, только метод предлагали другой. Что же, имели успех? Увы! «Правительство, привыкшее опираться на силу, — жаловался Милюков, — считалось с нами, когда видело в нас большую революционную силу. А когда увидели, что мы — только конституционная партия, то в нас надобности уже не оказалось.» Понимал ли Милюков, что говорил? Сознавал ли, какой убийственный итог подводит трехлетней истории своей партии? Она стала спиною к революции, спекулируя на доверии власти, — и это погубило ее. В тщету обратились усилия ее, весь позор ее унижений и предательств не дал ей ни крупицы власти. И речь ее собственного вождя превратилась в жестокую эпитафию на могиле ее «демократического либерализма...

Рядом с поучительной, но нравственно-отталкивающей историей либерального Санхо-Панса, который вернулся к старому разбитому корыту, но уже без старых надежд и возможностей, судьба террористического Дон-Кихота способна была бы вызвать к себе живейшее сочувствие. Если б только этот бедный рыцарь печального образа изъявил решительное намерение очистить свою голову от романтического вздора и понять, что по воле истории, он всегда был лишь оруженосцем при нечистом на руку Санхо-Пансе, который хотел при его помощи стать губернатором острова!.. Но предрассудок терроризма имеет свое упорство и свой энтузиазм. И вместо сочувствия к ошибкам, которые он уже сотворил, он вызывает необходимость активного отпора ошибкам, которые он только готовится сотворить.

Глядите: вместо того, чтобы отбросить прочь негодные доспехи, которыми сумела овладеть рука полицейского прохвоста; вместо того, чтобы засучить рукава и приняться за серьезную революционную работу, романтики террора выбрасывают из своей головы последние крупицы политического реализма, отказываются от организации пролетариата и крестьянства («Р. М.», № 4) и берутся — в который уже раз! — собственными средствами покончить с царизмом. Теперь они уж твердо знают, «как им сесть». Они создадут новую сеть «неуловимых» автономных дружин, они выдумают новые пароли, которых не знает Азеф, и, наконец, самое главное — они сварят большой котел динамита, в полтора раза большей силы, чем динамит азефовский. А чтоб не перепутать паролей и не переварить динамита, они обобьют толстым войлоком окна и двери своей алхимической лаборатории — отныне ни один крик улицы, ни один отзвук фабричного гудка не ворвется к ним и не помешает им приготовлять то колдовское варево, расхлебывать которое придется — увы! — неизвестно кому... Удастся ли им на этом пути совершить еще какое-нибудь «эффектное» предприятие, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что они идут навстречу еще худшему и горшему концу. Сейчас у них может, по крайней мере, оставаться то утешение, что банкротство террористической тактики пало страшным плевком истории на физиономию третьедумского царизма. Но им мало этого великодушия истории. Они снова осмеливаются провоцировать ее о упорством, в котором нет даже дерзости, ибо оно поражено слепотой. И они добьются последнего жестокого пинка! Если крушение Народной Воли вызывает ужас и сострадание (условия трагедии); если азефовский финал террора порождает сострадание и отвращение, то новая попытка гальванизировать разлагающийся труп террористической организации вызовет лишь отвращение и издевательства... В конце концов мы, социал-демократы, имели бы право предоставить мертвым хоронить своих мертвецов, если б у нас в этой среде не было обязанностей по отношению к *живым*. Это прежде всего — рабочие с.-р. Мы пойдем к ним и скажем: «Смотрите, — ваши вожди открыто заявляют, что по условиям своей профессии вынуждены повернуться к рабочему классу спиною; вам, рабочим остается одно: раз на всегда повернуться спиною к этим вождям!».

* * *

Мне сдается, что это не в интересах развития партийной мысли. В определении целей нашей борьбы нужны ясность и точность. «Замазывать» или «заклеивать» те или иные возможные разногласия относительно определения этих целей достойно лишь тех, для кого «цель ничто, а движение — все».

Но вам-то какая печаль? спросят меня, быть может, принципиальные противники. Ведь, для вас, меньшевиков, как для Бланки Кастильской у Гейне, «равно благоухают оба» ответа на вопрос о целях: и диктатура с «и», и диктатура без оного? Отчего же вы, как Шейлок, требуете уплаты по векселю фунта мяса, требуете, чтобы пропагандировалась точь в точь та формула — слово в слово — которая была принята на конференции?

Отвечу коротко: мы — меньшинство — одинаково не разделяем ни той, ни другой формулы*. Но мы, не берясь *защищать* перед рабочими теорию, одобренную большинством, обязаны верно *излагать* ее перед ними. Для одного этого нам необходимо, чтобы официально признанный текст не подвергался произвольным изменениям. А затем мы все, без различия фракций, заинтересованы в том, чтобы раз отвергнутые заблуждения не преподносились рабочим в виде официальных взглядов партии.

Отвержение формулы «диктатура пролетариата и крестьянства» представляет важный шаг по пути освобождения русской социал-демократ. мысли из *народнического пленения*. Потратив не мало усилий на критику этой формулы, мы и впрямь можем считать, что получили от конференции нечто вроде векселя на ее *устранение из партийного обихода*. И мы надеемся, что у товарищей, принадлежащих ко *всем* течениям партийной мысли, найдется достаточно уважения к теоретической истине, чтобы они отвергли всякую попытку свести борьбу *идей* к спору о *словах*, всякую попытку прикрыть эволюцию мировоззрения крючкотворским толкованием формул.

Л. Мартов.

* Свой взгляд на вопрос по существу и на все даваемые ныне разными течениями в партии «формулы русской революции», я изложил еще два года назад в статье, разбиравшей взгляды Каутского. С тех пор мне не пришлось отказаться ни от одной из высказанных там мыслей; напротив, я с удовольствием констатирую, что основную ошибку Каутского (объявление русской революции небуржуазной) в настоящее время не разделяют ни тов. Ленин, защищавший ее в предисловии к «движущим силам и перспективам», ни т. War (см. указ. статью в Przegl., стр. 784).

От ред.: На затронутые в настоящей статье т. Л. Мартова вопросы дает ответ статья тов. Ленина, к существу которой редакция присоединяется.

Еще только два слова в заключение. Сейчас, когда пишутся эти строки, либеральная пресса жалобно скулит по поводу «неудачи» азефского запроса и причин неудачи ищет в речах ораторов левой. Запрос внесен по инициативе нашей партии, и наши товарищи в Думе энергично боролись за его принятие. Но так называемая «неудача» запроса не причиняет нам ни малейшего огорчения, ибо она не задевает нас. Как в подполье мы не ставили с с.-р-ми ставок на Азефа-террориста, так и в Думе мы не ставили с кадетами ставок на Азефа-провокатора. Мы никогда не пытались азефовским динамитом «устранять» или терроризировать министров; и мы не собирались посредством азефовского запроса низвергать или перевоспитывать Столыпина. И потому мы не причастны к похмелью обеих неудач. В подполье и в Думе мы совершаем одну и ту же работу: просвещаем и объединяем рабочих. На этом пути нет ни провалов, ни неудач. И когда придут большие события, они сторицей воздадут социал-демократии за каждое ее усилие.

Н. Троцкий.

К будущему съезду фабрично-заводских врачей.

(Письмо из Москвы).

На 1 — 7 апреля т. г. Московское общество фабричных врачей созывает «1-ый всероссийский съезд фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности». Так как в общей периодической печати программа съезда, кажется, опубликована не была, позволю себе здесь сокращенно изложить ее: 1) противохолерные мероприятия; 2) санитарное состояние рабочих жилищ; 3) рабочий день. Детский и женский труд; 4) травматические повреждения (экспертиза, закон 1903 г., осмотр рабочих); 5) методы промыслового санитарного исследования; 6) страхование рабочих; 7) промысловая медицинская помощь и санитарный надзор; 8) инспекция труда с точки зрения промыслового законодательства и охраны жизни и здоровья рабочих; 9) санитарная обстановка работ; 10) удаление отбросов производства; 11) пищевое довольствие рабочих; 12) физическое развитие и состояние здоровья различных профессий. Заболеваемость и смертность рабочих; 13) алкоголизм и заразные болезни среди рабочих и борьба с ними; 14) промысловая медицинская перепись. Его правовое положение и защита его профессиональных интересов; 15) воспитательно-образовательные учреждения для рабочих и их семей; вспомогательные учреждения для рабочих. Приюты для неизлечимо-больных и престарелых.

Эта программа затрагивает чрезвычайно важные области жизни рабочего класса, и необходимо уже теперь поставить вопрос о том, как должны отнестись к съезду наши рабочие организации. Слишком насущные интересы рабочих затронуты будут съездом и достаточно злободневные и выдвинувшиеся на первый план вопросы (о страховании, о рабочем дне, о женском и детском труде и т. д.) будут на нем обсуждаться, чтобы рабочий класс мог оставить этот съезд без своего внимания и представительства. Необходимо широкое обсуждение всей программы съезда в рабочих собраниях, в профессиональных союзах, в профессиональной печати. Необходимо, чтобы наши профессиональные союзы получили на съезде возможно более полное представительство, и столь же необходимо, чтобы это участие рабочих на съезде было организовано, чтобы на съезде получило выражение мнение наиболее заинтересованных в этих вопросах рабочих масс. И также полезно было бы, чтобы в съезде приняла участие и наша думская фракция. Такое участие ее дало бы ей богатый материал для будущей борьбы в Госуд. Думе по законопроектам о страховании и др. и вместе с тем дало бы ей общение с представителями рабочих организаций именно при обсуждении этих злободневных для рабочих вопросов. На участии в съезде членов нашей думской фракции надо особенно настаивать. Фракция уже совершила большую ошибку, не принявши участия в интересовавших рабочих съездах: вросветительном, кооперативном и женском, и было бы весьма губительно, если бы у нее вошел в обыкновение подобный отказ от такого, правда, имеющего ограниченное значение, средства общения с рабочими массами.

Мы не можем, конечно, обманываться насчет результатов, которые может дать съезд. Определяемый произволом предпринимателей и находящийся в исключительной зависимости от капиталистов состав фабрично-заводского медицинского персонала не позволяет существовать никаким иллюзиям на этот счет. Наемный слуга капитала, играющий почти всегда недвусмысленно-предательскую роль по отношению к рабочим во всех их столкновениях с капиталистами, в лучшем случае бессильный что-либо сделать при современной частно-правовой организации

Цель борьбы пролетариата в нашей революции.

В печатаемой выше статье т. Мартов задевает чрезвычайно важный вопрос или вернее ряд вопросов, относящихся к цели борьбы пролетариата и социал-демократии в нашей революции. Задета история этих вопросов в нашей партии, задето отношение их к основам марксизма и к народничеству, задеты взгляды всех оттенков, высказанные по этому поводу, — задеты все стороны вопроса и не выяснена ни одна. Чтобы ответить по существу, приходится дать систематический очерк всех сторон вопроса.

I.

Начнем с истории обсуждения этого вопроса русской социал-демократией. Поставлен он в начале 1905 года большевиками и меньшевиками. Первые решили его «формулой»: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (ст. «Вперед» № 14, от 12 апреля 1905 года). Вторые решительно отвергали такое определение классового содержания победоносной буржуазной революции. Третий съезд (большевиков) в Лондоне в мае 1905 года и одновременная конференция меньшевиков в Женеве дали официальное выражение взглядов обеих частей партии. При этом, сообразно духу той эпохи, в резолюциях обе части партии ставили не теоретический, общий вопрос о цели борьбы и о классовом содержании победоносной революции вообще, а более узкий вопрос о временном революционном правительстве. Резолюция большевиков гласит: ...«Осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство;.. в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса». Резолюция меньшевиков: ...«Социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Отсюда видно, что в свою официальную резолюцию сами большевики на чисто большевистском съезде *не включают* ничего подобного «формуле»: диктатура пролетариата и крестьянства, а говорят *только* о допустимости участия во временном правительстве и о «призвании» пролетариата «сыграть руководящую роль» (рез. о воор. восст.). «Формула»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», высказанная в большевистской печати до III съезда, повторяется в брошюре «Две тактики» после этого съезда, и ни единому человеку не приходило в голову обвинять большевиков за несоответствие их комментариев с их резолюциями. Ни единому человеку не приходило в голову требовать

фабричной медицины, фабрично-заводский врач ни в коем случае не может быть признан для настоящего времени исполнителем «особенной общественной функции врачевания рабочих», о чем болтают буржуазные демократы, — у нас в России в большей степени, чем где-либо.

Общественная организация промысловой медицинской помощи и санитарного надзора взамен теперешней ее полной зависимости от капитала — это должно явиться первым требованием рабочих на съезде, исходным пунктом их критики всей настоящей постановки фабрично-заводской медицины. Не лечение рабочих в земских и городских лечебницах за счет предпринимателей, как это предлагают некоторые проекты предпринимателей, — но передача оплачиваемого предпринимателями института фабрично-заводской медицины из-под всякого непосредственного ведения и контроля капиталистов в ведение и под контроль местных демократических самоуправлений с участием в этом контроле и ведении представителей непосредственно-заинтересованных рабочих.

По остальным вопросам программы съезда придется, конечно, развить всестороннюю критику теперешнего положения дел, критику внесенных в Госуд. Думу и предложенных правительством законопроектов, не отступая ни на шаг от требований нашей программы-минимум, и именно ее делая нашей боевой платформой на съезде. Можно ожидать, что на съезде против этой программы будет ожесточенная борьба со стороны всего буржуазного большинства съезда. И дело социал-демократов—участников съезда разоблачить пытающихся говорить «от имени рабочих» и «во имя их» буржуазных «друзей рабочих», провести на съезде ясные линии разграничения, твердо и определенно высказать требования российского рабочего класса, выраженные по данным вопросам в экономической части нашей программы-минимум, и этим отграничиться от оппортунистических социал-демократов, реформаторствующих «применительно к Столыпину». И вместе с тем отграничиться от всякого социал-реформаторства резким констатированием полной недостаточности какой бы то ни было постановки медицинской помощи для «исправления» губящих жизнь и здоровье рабочих условий капиталистического строя. Критика современного положения медицинской помощи рабочим, постановка его в связь с создавшимся соотношением сил в стране, борьба против правительственных и буржуазных законопроектов, борьба с социал-реформаторством различного калибра, энергичное отстаивание нашей рабочей программы-минимум в связи с общей социалистической критикой капиталистического строя — таковы, в общем, главные задачи социал-демократов на будущем съезде. Не детализирую своих положений и не разбираю отдельных вопросов программы съезда, ибо настоящим своим письмом добиваюсь именно лишь поставить эти вопросы перед рабочими, привлечь к широкому их обсуждению и к представительству на съезде возможно более широких масс рабочих.

Представляющуюся, повидимому, легальную возможность — очень скромную по размерам — необходимо использовать для с.-д. пропаганды и агитации. В дело это должна вмешаться наша партийная организация и не предоставлять этого нашим ревизионистам, которые, выслуживаясь перед либералами, станут потом упрекать рабочих и работниц в «митинговости», в преступном и «узком» желании «отмежеваться» от либералов, как это делают теперь некоторые господа после женского съезда.

Вопрос этот обсуждался в Исп. Ком. Московского Комитета партии. Решено поднять этот вопрос и обсуждать программу съезда в с.-д. ячейках профессиональных союзов, в самих профессиональных союзах, в Центральн. Бюро и т. д. Постановлено образовать Организационную Комиссию для подготовки к съезду и для организации с.-д. на съезде и их выступлений. Постановлено сообщить об этих решениях Ц. К., П. К. и ред. Ц. О. и «Пролетария». Общая линия подготовительной работы принята в основном та же, какая намечена в настоящем письме.

Г. Е. [Н. Скрыпник.]

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Английская социалистическая партия.

Подобно социалистическим партиям других стран — английская социалистическая партия распадается в данный момент на глубоко расходящиеся между собой направления. Но в то время, как в других странах суще-

буквального совпадения резолюций политически борющейся массовой партии и формул марксистского определения классового содержания победоносной революции.

Другой важный вывод из нашей исторической справки: весной 1905 года обе части партии сводили *центр тяжести* спорного вопроса к *завоеванию власти* пролетариатом и революционными классами вообще, совершенно не входя в вопрос о том, каковы при этом могут или должны быть отношения между этими завоевывающими власть классами. Меньшевики, как мы видели, отвергают одинаково цель захватить и цель разделить власть. Большевики говорят о «руководящей роли пролетариата в революции» (рез. о воор. восст.), о «допустимости» участия с.-д. во временном правительстве, о «неуклонном охранении независимости с.-д., стремящейся к полному социалистическому перевороту» (рез. о врем. рев. прав.), о «поддержке» революционного движения крестьян, об «очистке революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», о том, чтобы «развивать революционное самосознание крестьян и доводить до конца их демократические требования» (рез. об отн. к крест. дв.). Никаких других «формул» об отношении пролетариата и крестьянства в резолюциях большевистского съезда 1905 года нет.

Перейдем к проектам резолюций, выработанным обеими фракциями год спустя, перед Стокгольмским съездом. Эти проекты особенно часто забываются или игнорируются в печати вообще и в нашей партии в частности, и это особенно жаль, ибо значение их в истории тактических идей социал-демократии громадно. Именно эти проекты резолюций показывают, какие уроки вывели из опыта октябрьской и декабрьской борьбы 1905 года обе части партии.

Большевики пишут в проекте резолюции о классовых задачах пролетариата: ...«довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства, придавая политическую сознательность его стихийной борьбе против помещичьего государства и крепостнического землевладения» (повторено в проекте резолюции к Лондонскому съезду, см. «Пролетарий» № 14, 4 марта 1907 г.).

Итак «формула», которую здесь сами большевики избрали для себя, гласит: пролетариат, *ведущий за собой* крестьянство. Никакой другой формулы для выражения идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в резолюциях большевиков нет. Этот факт нельзя достаточно сильно подчеркнуть, ибо на забвении его или на умалчивании о нем построена вся попытка т. Мартова представить значение резолюции, принятой на декабрьской конференции 1908 года, в совершенно неверном свете.

Меньшевики в своем проекте резолюции (перепечатано из «Парт. Известий» в Докладе Ленина, стр. 68 — 70) называют задачей пролетариата «быть двигателем буржуазной революции» — заметьте: не «вождем», не «руководителем», как сказано в большевистской резолюции, а двигателем! — и указывают в числе задач его «массовым напором поддерживать те оппозиционные шаги буржуаз-

ствует единство организации, — в Англии в области организации царит такая полная анархия, что английский социалист с трудом может даже перечислить все социалистические организации.

Единственный путь выяснить дело себе и иностранным товарищам — это рассматривать эти партии в их историческом развитии. Две старейшие английские социалистические партии — это Социал-демократическая Партия (S. D. P.) и Общество Фабианцев. Соц. дем. Партия с самого начала заняла непримиримо враждебную позицию по отношению ко всем буржуазным партиям, в особенности к либеральной партии; она придает большое значение классовой борьбе, называет себя революционной партией и партией марксистской. Последнее отрицал Энгельс, который утверждал, что Социал-демократическая Партия (S. D. P.) не понимает духа марксизма. Противоположностью S. D. P. являлось Общество Фабианцев, которых можно охарактеризовать, как основоположников современного социалистического ревизионистского движения. Несомненно, ни одна из ревизионистских групп, за исключением, может быть, Турати, не формулировала принцип ревизионизма с такой ясностью, как Фабианцы. Отрицая классовую борьбу и экономическую теорию Маркса, они стремятся достиг путь социализма не путем борьбы рабочего класса, а путем «всеобщего просветления умов», более того, путем проникновения социалистическими идеалами двух наличных политических партий. Они доходят до того, что во время выборов никогда не выставляют своих собственных кандидатов, члены их организации выставляются в кандидаты или либеральной партией, или другими социалистическими организациями. В настоящий момент члены Фабианской Исполнительной Коммиссии заседают в Лондонском Совете Графства (муниципальном учреждении, являющемся представителем большей части Лондона) — в качестве прогрессистов или либералов, несмотря на то, что Общество Фабианцев ныне примыкает к так называемой Рабочей Партии, единственная цель которой обеспечить политическую независимость труда от обеих крупных буржуазных политических партий, и которая поэтому обязывает все организации, примыкающие к ней, действовать независимо от этих партий. Но политическая независимость Рабочей Партии, видимо, признается вполне совместимой с вхождением отдельных ее членов в либеральную партию, от влияния которой прежде всего Раб. Партия ставит целью освободить рабочих. Общество Фабианцев доходит даже до того, что отрицает необходимость партийной прессы. К чему тратить деньги на партийную прессу? Гораздо лучше перетянуть на свою сторону буржуазную прессу — по крайней мере ее представителей, журналистов и издателей. Другими словами, Общество Фабианцев проводит в жизнь не классовую борьбу, а теорию «проникновения». Все общество необходимо до такой степени пропитать социалистическими идеалами, что не только обе буржуазные партии будут проводить социалистические меры, но и социалистические принципы, надо надеяться, будут незаметно признаны буржуазными политиками, и таким образом, мало-по-малу будет достигнут социализм. В настоящее время многие из фабианских писателей стали отвергать теорию проникновения.

Общество Фабианцев и Социал-демократическая Партия были основаны около 1884 г. Так как ни одна из этих партий не имела сколько-нибудь значительного успеха, то через десяток лет была основана Независимая Рабочая Партия, — которая открыто ставила себе специальную цель — привлечь к участию в политической жизни рабочий класс и в особенности трэд-юнионистов. Тут уместно будет напомнить некоторые главные факты. В 1840 — 50 годах английский рабочий класс начал политически организоваться и, действительно, основал политическую партию и формулировал ее программу, правда, чисто политического характера, не заключавшую никаких экономических требований. Хотя это движение развивалось под влиянием неосознанного социализма, — он ни разу не проявил себя с достаточной ясностью, — и движение умерло. Его убили отчасти недостаток сознательности, отчасти хитрая политика правящих классов, которые сумели внести рознь в рабочее движение, отчасти же тот факт, что английские трэд-юнионисты нашли для себя более выгодным образовать рабочую аристократию, чем принять участие в общей борьбе за освобождение всего класса. Правящие классы представлены двумя крупными буржуазными партиями, которые в то время обе всеми силами искали поддержки рабочих, и землевладельцы были рады отмстить промышленной аристократии за уничтожение хлебных законов проведением фабричного законодательства.

Результатом этого было то, что в течение 20 лет ни звука не было слышно о самостоятельном выступлении рабочих.

ной демократии, которые не противоречат нашим программным требованиям, могут содействовать их достижению и стать исходной точкой для дальнейшего движения революции вперед».

Разногласие сведено, следовательно, самими фракциями большевиков и меньшевиков к противопоставлению: «вождь» и «руководитель» революции, «ведущий за собой» крестьянство, *или* «двигатель революции», «поддерживающий» те или иные шаги буржуазной демократии. Добавим, что эту резолюцию победившие на Стокгольмском съезде меньшевики *сами сняли* вопреки протестам и настояниям большевиков. Почему это сделали меньшевики, — на этот вопрос читатель может найти ответ, если он узнает следующее место из того же проекта резолюции меньшевиков: «целесообразное выполнение задачи быть двигателем буржуазной революции возможно для пролетариата лишь таким путем, что, организуясь сам, пролетариат своей борьбой втягивает все новые и новые слои городской буржуазии и крестьянства в революционную борьбу, демократизируя их требования, толкая их к организации, и тем самым создает условия для победы революции».

Это — явная половинчатая уступка большевикам, ибо пролетариат рисуется здесь не только как двигатель, но отчасти по крайней мере как руководитель, ибо он «втягивает» и «толкает» крестьянство и новые слои городской буржуазии.

Далее. По вопросу о временном правительстве проект меньшевистской резолюции гласит: «Социал-демократия, при условиях общереволюционного подъема в стране, должна повсюду содействовать образованию советов рабочих депутатов, побуждать и другие элементы революционной демократии к образованию таких же органов, содействовать объединению всех этих органов в общие беспартийные организации революционной борьбы народа, выдвигая перед ними те общенациональные задачи революции, которые с точки зрения пролетариата могут и должны быть решены в данный момент революцией» (стр. 91 там же).

Этот забытый проект меньшевистской резолюции показывает ясно, что под влиянием опыта X-XII-05 года меньшевики совсем запутались и сдали позицию большевикам. В самом деле, разве совместимо цитированное место с следующими пунктами того же самого проекта: «с-д-ия, не должна ставить своей задачей захвата власти и диктатуры в современной буржуазной революции» (стр. 92)? Это последнее положение строго принципиально и вполне повторяет (за исключением указания на «раздел власти») резолюцию 1905 г. Но оно стоит в непримиримом противоречии с опытом X-XII-05, каковой опыт *сами* меньшевики *сводят* к *объединению всех органов* пролетариата и *«других элементов рев. демокр.»* в «общие беспартийные организации революционной борьбы народа»! Ибо если советы рабочих депутатов «объединяются» с *такими же* органами революционной демократии в беспартийные организации революционной борьбы народа, то ясно, что пролетариат *ставит* себе задачей «захват власти и диктатуру», *участвует* в деле такого захвата. Резолюция сама говорит, что «главнейшая задача» революции — «вырвать государственную власть из рук реакционного правительства». Боясь слова, чураясь «захвата власти

Около 1870 г. вопрос о юридических правах трэд-юнионов стал боевым вопросом.

Рабочие увидели, что ни одна партия не поможет им добиться права коалиций, и решили послать в парламент членов своего собственного класса. Так и сделали, и в результате английские рабочие получили все, чего желали, в отношении свободы союзов. К несчастью, рабочие члены парламента были избраны не как сторонники известной платформы, даже не как представители рабочего класса, а как рудокопы и пр., т. е. как представители той или иной отрасли промышленности. Люди, несвязанные никакой платформой, выходящей за пределы интересов данной профессии, в силу уже одной своей беспомощности, принуждены были примкнуть к той или иной политической партии, и немудрено, что эта партия оказалась либеральной партией. В этом не было ничего удивительного, потому что сами они были в сущности либералы, но надо выяснить, почему они стали самыми несамостоятельными членами либеральной партии. Не касаясь того факта, что некоторые из них, вероятно, в экономическом отношении зависели от либералов, у них не было своих собственных взглядов, отличавшихся чем-либо от либеральных, и во всех вопросах, за исключением специальных вопросов их профессии, они были очень мало осведомлены и, что еще важнее, свою неосведомленность и незнание они ставили не в вину капиталистическим классам, которые лишили их класс возможности приобрести знания, а винили в этом лишь самих себя.

Социал-демократическая Партия и Общество Фабианцев были основаны в период промышленной депрессии, и им удалось провести в парламент лишь еще одного представителя от рабочих, теперешнего министра, бывшего одно время членом социал-демократической партии — Джона Бернса. Но большинство трэд-юнионистов оставалось совершенно незатронутым социалистическим движением. Тогда была основана Независимая Рабочая Партия (J.L.P.), чтобы выполнить то, чего не выполнила Социалистическая Партия (J. D. P.). Однако, J. L. P. в теоретическом отношении пошла за Обществом Фабианцев — она отвергает экономическую теорию Маркса, равно как и классовую борьбу, хотя и занимается организацией рабочего представительства, — независимого от буржуазных партий. Понятно, что она не имела большого успеха. Такая путаная программа не в состоянии была отвлечь пролетариат от его старого верноподданничества. Однако, с течением времени правящие классы сами вызвали основание Рабочей Партии, напав на столь дорогое для рабочих право коалиции. Произошло это нападение в форме судебного постановления высшего апелляционного суда Англии — палаты лордов — и на практике сводило право коалиции на нет. Это постановление вызвало негодование в рядах английских рабочих и повело к образованию так называемого Комитета Рабочего Представительства—теперь известного под именем Рабочей Партии, который должен был явиться независимой от обеих буржуазных политических партий парламентской организацией рабочих депутатов. В Рабочую Партию вошло значительное число трэд-юнионистов, а также три вышеупомянутые английские социалистические организации: Независимая Рабочая Партия, Социал-демократическая Партия и Общество Фабианцев. Социал-демократ. Партия вышла оттуда спустя два года, на том основании, что новая партия дважды отказалась от какого бы ни было признания социалистической программы и классовой борьбы. Социал-демократическая партия в данном случае сделала большую ошибку. Совершенно справедливо, что, отказываясь признать классовую борьбу, Рабочая Партия затрудняла сама себе дорогу, но было также несомненно и то, что она должна к ней притти, и если бы S. D. P. правильно усвоила Коммунистический Манифест, она поняла бы, что ее долг не оставлять новую партию, а работать внутри нее. Результат получается оригинальный, так как, хотя S. D. P. отказывается присоединиться к Рабочей Партии, как таковой, местные ее организации примыкают к местным организациям Рабочей Партии, и то, чего не может сделать центральная организация, сделано уже ее местными организациями. Более того, член S. D. P., Виллиям Торн (Thorne), депутат, входит, в качестве трэд-юниониста, в Рабочую Партию, а тов. Квельч, самый решительный противник присоединения S. D. P. к Рабочей Партии, даже присутствует на конференциях Рабочей Партии и в качестве трэд-юниониста выступает в защиту социал-демократических резолюций. Это происходит потому, что S. D. P., как таковая, не имеет своих представителей на конференции, ее члены попадают на конференцию в каком-либо другом качестве,— отчего получается известная путаница. С другой стороны, мы видим, что Общество Фабианцев представлено там точно также, тогда как члены его в качестве членов либе-

---

и диктатуры», отрекаясь от этих страшных вещей самым решительным образом, меньшевики *вынуждены были признать* после 1905 года, что «объединение» советов рабочих депутатов с другими «такими же» органами революционной демократии неизбежно вытекает из хода вещей и что такое *объединение* дает «*общие* беспартийные» (неточно; надо было сказать: беспартийные или междупартийные) «организации революционной борьбы народа». Эта *общая организация* и есть временное революционное правительство! Меньшевики боялись точного и прямого слова, заменяя его *описанием*. Дело от этого не меняется. «Орган революционной борьбы народа», «вырывающий государственную власть» у старого правительства, это и называется временным революционным правительством.

И если меньшевики вынуждены были учесть опыт X-XII-05- путаясь и сбиваясь, то большевики прямо и ясно сделали свои выводы. Большевистский проект резолюции о временном правительстве гласит: ...«в этой открытой борьбе» (конца 05 г.) «элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти — советы рабочих депутатов в СПБ.., Москве и др. городах, советы солдатских депутатов в Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и др. городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском Крае» (с. 92). Разрозненность и зачаточность этих органов обусловили неуспех, — говорится дальше, и временное революционное правительство определяется как «орган победоносного восстания». «Перед пролетариатом, — продолжает резолюция — в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объединяющего центра этого восстания в виде временного революционного правительства». Дальше повторяется почти буквально резолюция III съезда 1905 года.

Приведенные места из проектов революции обеих фракций перед Стокгольмским съездом дают возможность поставить вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства на конкретную историческую почву. Всякий, кто желает дать прямой и ясный ответ на этот вопрос, должен считаться с опытом конца 1905 г. Уклониться от прямого расмотрения этого опыта— значит не только игнорировать самый ценный материал для русского марксиста, — мало этого: это значит также осудить себя неизбежно на «крючкотворское» толкование формул, на «замазывание» и «заклеивание» (по удачному выражению т. Мартова) сути принципиальных разногласий, осудить себя неизбежно как раз на такое беспринципное ковыляние в вопросах теории и практики «диктатуры», которое лучше всего выражается формулой: движение — все, цель — ничто.

Опыт конца 1905 года бесспорно установил, что «общереволюционный подъем в стране» создает особые «организации революционной борьбы народа» (по ме-ской

ральной партии заседают в парламентах и других учреждениях, и один или два по меньшей мере члена трэд-юниона находятся в подобном же положении, так что ясно, что независимость Рабочей Партии есть далеко неполная независимость. Особенность положения заключается в том, что в то время, как Общество Фабианцев входит в Рабочую Партию, — отдельные члены Общества фабианцев в парламенте являются фактически членами других парламентских групп, как, напр. (Steadman) являлся либералом-«трудовиком», Чиоза-мани, Олден, Рендолл были либералами. Результатом образования Рабочей Партии было то, что в рабочую группу вошло не менее 31 члена парламента, вдобавок к 22 так называемым «либералам-трудовикам», которые, впрочем, были более либералами, чем сами либералы. Благодаря сенсации, вызванной в правящих классах этим успехом Рабочей Партии — партия одержала победу, принудив правительство удовлетворить ее требования относительно свободы союзов. Это, может быть, единственная действительная победа, которую одержала партия.

В самом деле, ужас правящих классов Англии перед Рабочей Партией был так велик, что палата лордов, только что презрительно отвергшая билль, на выработку которого либеральная партия и правительство затратили много времени и сил, — эта самая палата лордов не посмела отвергнуть требования Рабочей Партии, и хотя лидеры и возражали против требований Рабочей Партии, они не призывали к голосованию против и рекомендовали своим единомышленникам не мешать проведению этих требований. Затем Рабочая Партия стала все более и более превращаться в простой прихвостень либеральной партии; члены Рабочей Партии голосуют за все меры либерального правительства. Либералы, не обращая никакого внимания на отчаянное положение рабочих масс, на безработицу, тратят все время в парламенте на придумывание совершенно пустяковинных мер реформирования закона о выдаче патентов (на торговлю спиртными напитками). Вся реформа в этой области сводится этим биллем к закрытию нескольких кабаков, к полному запрещению открывать кабаки по воскресеньям и к ряду других мер, полную ничтожность которых доказал опыт. А социалистические члены Рабочей Партии вместо того, чтобы развить свою социалистическую точку зрения и показать всю безнадежность подобного репрессивного законодательства,— поддерживают правительство в его нелепой политике и, что еще хуже, позволяют ему расточать драгоценное время бог знает на что, когда на очереди стоит жгучий вопрос о безработице. Мало того. Рабочая Партия не сумела дать достойного ответа на наглые и оскорбительные замечания изменника Джона Бернса, продавшего либеральной партии свои убеждении за 2 000 ф. стерлингов в год и теперь требующего соблюдения экономии. Рабочая Партия тогда только почувствовала задетым свое чувство чести, когда независимый социалист Виктор Грейсон, потеряв терпение слушать, как палата зря тратит время, устроил шумный протест, во время которого он упрекал членов Рабочей Партии, что они предали его в начатой им борьбе. Тогда члены Рабочей Партии, которые молчаливо глотали все оскорбления Бернса и ничего или очень мало имели что сказать по поводу презрительного обращения с ними правительства, вдруг стали чрезвычайно чувствительны и напали на Грейсона. Я не буду входить в разбор того, насколько прав или не прав был Грэйсон, но поведение членов Рабочей Партии было в высшей степени комично. Весьма возможно, что Грэйсон выбрал ошибочный путь, но рабочая группа является ответственной, поскольку она сама вызвала его тем, что не сделала ничего, чтобы принудить палату начать обсуждение этого вопроса.

Самый бессмысленный упрек, который делался Грэйсону рабочей группой, это тот, что он отсутствовал во время парламентских заседаний, на которых по общему признанию не обсуждалось решительно ничего важного. По случаю-де своего отсутствия Грэйсон не может, видите ли, считаться компетентным в тех вопросах, которые тогда обсуждались! Как будто нет газет и стенографических отчетов, чтобы следить за тем, что происходит в парламенте!

Этот упрек совершенно под стать похвальбе Мак-Дональда — секретаря Рабочей Партии и известного ревизиониста, — что он принимал участие в большем числе голосований, чем какой бы то ни было другой член рабочей группы. Голосование в британском парламенте очень сложный процесс, на который уходит около 30 минут, и так как эти голосования имели большей частью совершенно незначущие результаты и касались билля о патентах, то Мак-Дональд заслуживает скорее порицания за то, что тратил время на такие пустяки. Тот факт, что этим можно хвастаться, а равно и упрек, брошенный Грэйсону, показывают только, как глубоко погрязла Рабочая Партия в

формулировке; «зачаточные органы новой, революционной власти», по большевистской). Так же бесспорно то, что эти органы в истории русской буржуазной революции созданы были, во-1-х, пролетариатом, во-2-х, «другими элементами революционной демократии», причем, простая справка с составом населения России вообще и Великороссии, в особенности, показывает громадное преобладание крестьянства в числе этих других элементов. Наконец, не менее бесспорна и историческая тенденция к объединению этих местных органов или организаций. А из этих бесспорных фактов неминуем вывод, что победоносная революция в современной России *не может быть* чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. От этого неминуемого вывода иначе, как путем «крючкотворства» и «заклеивания» разногласий, уклониться нельзя! Если не выхватывать обрывков вопроса, если не отрывать искусственно и произвольно города от деревни, одной местности от другой, если не подменять вопроса о диктатуре *классов* вопросом о составе того или другого *правительства* — одним словом: если рассматривать вопрос действительно *в целом*, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства.

Но закончим сначала вопрос о партийной истории рассматриваемой «формулы» прежде, чем идти дальше. Мы видели, каково было точное изложение взглядов обеих фракций в 1905 и 1906 г. В 1907 г., накануне Лондонского съезда, меньшевики выдвинули сначала один проект резолюции об отношении к буржуазным партиям («Народная Дума», 1907, № 12 от 24-III-07), потом на самом съезде внесли другой. В первом проекте говорится о «комбинировании» действий пролетариата с действием других классов, во-втором,—об «использовании» движения других классов «для целей» пролетариата и о «поддержке» пролетариатом известных «оппозиционных и революционных шагов» других классов, о «соглашениях» с.-д.-тии «в отдельных определенных случаях» с либеральными и демократическими классами.

В большевистском проекте, как и в принятой Лондонским съездом резолюции, говорится о том, чтобы с.-д. «принуждала их (народнические или трудовые партии, «более или менее близко выражающие интересы и точку зрения широких масс крестьянской и городской мелкой буржуазии») становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.» и о «вытекающих отсюда совместных действиях», которые должны «служить лишь целям общего натиска». В резолюции съезда, в отличие от проекта большевиков, вставлены еще по инициативе одного поляка слова: «в борьбе за доведение революции до конца.» * Получилось и здесь самое ясное подтверждение идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая диктатура и есть «совместное действие» этих классов, «*доведших* или доводящих революцию до конца»!

II.

Достаточно бросить общий взгляд на историю партийных мнений по вопросу о диктатуре пролетариата и

парламентском кретинизме. Конечно, было бы странно ждать от трэд-юнионистов, не претендующих на звание социалистов, чтобы они защищали в парламенте социалистические взгляды, но от людей, которые принадлежат к социалистическим организациям, мы могли бы ожидать, что они не упустят случая развить в парламенте социалистическую точку зрения, чтобы выяснить ее по крайней мере избирателям. Но если официальный орган Независимой Рабочей Партии — «Лидер Рабочих», являющийся выразителем мнения лидеров Рабочей Партии, защищавший их при всех обстоятельствах, соглашается, что в этом отношении они не сделали всего того, что должны были сделать, если уж «Лидер Рабочих» должен это признать — значит дело обстояло очень плохо.

Что касается до недавней конференции Рабочей Партии, то надо признаться, что оппозиция со стороны таких людей, как Тиллет, Бернгард Шоу и пр., не может быть принята всерьез. Тиллет слишком часто менял свою позицию, а Шоу представляет собою более или менее комичную фигуру и вызывает смех каждый раз, как начинает говорить. Тов. Квелч, который говорил с большим авторитетом, чем кто-либо из его сторонников, чувствовал себя связанным сознанием того, что попал на конференцию с заднего крыльца (т. е. не как представитель с.-д. партии).

Во всяком случае, на конференции дело приняло благоприятный для Исполнительной Комиссии (т. е. для теперешнего правления Рабочей Партии) оборот; несомненно отчасти это произошло благодаря ловкой закулисной игре, на которую вожаки Рабочей Партии большие мастера, и которую облегчает сложный регламент конференции. На деле лидеры всегда могут подавить всякую оппозицию и сделать невозможным проведение резолюций, не входящих в их расчеты. Но принимая все это во внимание, нельзя не признать все-таки, что критики «рабочей группы» на конференции Рабочей Партии обманули возлагавшиеся на них ожидания. Как никак, а победа осталась на конференции за оппортунистами, как мне кажется, отчасти благодаря слабости противников оппортунизма. Грэйсон, заседающий в парламенте в качестве независимого социалиста, агитирует за образование Независимой Социалистической Партии, независимой от Рабочей Партии. По-моему, один факт, что он может делать такого рода предложение, показывает его недальновидность. Но это обстоятельство не лишает значения его критику оппортунизма.

Проблема, выдвинувшаяся благодаря слабости Рабочей Партии в английском парламенте, существует также и в других странах, где в парламентах имеются социалдемократические фракции. Перед всеми парламентскими фракциями стоит опасность упустить из виду, что они должны вести в стенах парламента классовую борьбу, и опуститься до уровня простой чисто парламентской группы.

Askew.

ИЗ ПАРТИИ.

Состоялось два заседания Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (сокращен. состава). Подлежащие опубликованию решения его будут сообщены в след. ном.

* * *

Вышел в Варшаве № 164 «Червонного Штандара», органа Польской С.-Д.

* * *

Вышел в Риге № 3 «Бюллетеня», изд. Ц. К. Латышск. С.-Д.

* * *

Вышел за границей № 1 «Откликов Бунда», орг. Загр. Ком. Бунда (по-русски).

Из Думской с.-д. фракции.

I.

Фракция продолжает свою работу над составлением рабочих законопроектов, которые она признает могучим средством к тому, чтобы оживить интерес рабочих к политич. жизни и дать толчок к их организации. Законопроекты разрабатываются при деятельном участии и представителей проф. союзов, в силу постановления фракции в начале второй сессии. В настоящее время уже почти готовы законопроекты о свободе стачек и о 8-часовом рабочем дне. На-днях

крестьянства, чтобы видеть, до какой степени во вред себе заговорил т. Мартов о крючкотворстве и о движении без цели. В самом деле, первый вывод этой истории — тот, что сами большевики *ни одного разу* не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее *ни одному человеку* не приходило до сих пор в голову отрицать, что *все* большевистские проекты и резолюции 1905-7 годов *всецело* построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства. Отрицать это смешно. Отрицать это, значит именно крючкотворствовать, заслонять пустыми придирками к словам *суть* вопроса. Пролетариат, *«присоединяющий к себе»* массу крестьянства, — говорил Ленин в «Двух тактиках» («За 12 лет», с. 445); пролетариат, *«ведущий за собой»* массу крестьянства, — говорит проект резолюции большевиков в 1906 г.; «совместные действия» пролетариата и крестьянства «в борьбе за доведение демократической революции до конца», — говорит резолюция Лондонского съезда. Неужели не очевидно, что мысль всех этих формулировок одна и та же? что эта мысль выражает именно диктатуру пролетариата *и* крестьянства? что «формула» — пролетариат, *опирающийся на* крестьянство, *остается всецело в пределах* той же самой диктатуры пролетар. и крест.

Тов. Мартов из кожи лезет вон, чтобы опровергнуть последнее. Начинается дискуссия — по поводу *«и»*. Нет «и», отклонили формулу с «и»—восклицает т. Мартов—не смейте теперь вставлять этого «и» в неподписанных статьях Ц. О.! Опоздали, опоздали, любезный тов. Мартов: вам надо бы обратиться с такой претензией ко *всем* большевистским органам *всей* революционной эпохи, ибо все эти органы говорили всегда о диктатуре пролетариата и крестьянства и говорили на основании резолюций, *оного «и»* не содержащих. Тов. Мартов проиграл поднятую им принципиальную кампанию по поводу «и», проиграл ее не только потому, что истек срок давности, но и потому, что ее величество логика неуклонно подводит под злосчастное «и»: *и* «присоединение» *и* «ведение за» *и* «совместные действия» *и* «опирающийся на» *и* «при помощи» (это последнее выражение стоит в резолюции VI польского с.-д. съезда).

Но большевики спорили же против «опирающийся на» — продолжает свою принципиальную дискуссию тов. Мартов. Да, спорили, но не потому, чтобы здесь отвергалась диктатура пролетариата и крестьянства, а потому что порусски эта «формула» не очень удачна. Опирается обыкновенно более слабый на более сильного. Буквальное повторение польской формулы «пролетариат *при помощи* крестьянства» для большевиков вполне приемлемо, хотя еще лучше было бы, может быть, сказать: «пролетариат, ведущий за собой». Можно спорить по поводу всех этих формул, но делать из *такого* спора «принципиальную дискуссию» есть просто курьез. Отрицать, как пробует тов. Мартов, что «опирающийся на» входит в понятие *совместного* действия — значит давать образец крючкотворства. Говорить, что завоевание власти «пролетариатом, опирающимся на крестьянство», есть завоевание власти «*одним* пролетариатом», как говорят цитируемые т. Мартовым, тт. Дан, Аксельрод и Семенов, значит смешить читателя. Если мы скажем: Мартов и Потресов, *опираю-*

вам будет сообщено подробно об этих проектах, равно как о попр., выраб. фракцией к проекту о нормальном отдыхе торг. служ. Сейчас же скажем только о спорах, возникших при обсуждении пункта 5 законопроекта о свободе стачек. — Первоначально этот пункт был формулирован приблизительно так. «Должностные и частные лица, препятствующие рабочим осуществлять право стачек, наказываются тюр. заключением до 6 м. Тому же наказанию подлежат владельцы и управляющие предприятий, согласившиеся между собою не принимать рабочих на работу за участие в стачках или мешающие приисканию ими работы, или самостоятельно учиняющие такое деяние. Увольнение за участие в стачке считается за деяние, подлежащее такому же наказанию». Один представитель профессиональных союзов предложил развить первую часть параграфа в том смысле, что такому наказанию подлежат все лица, которые угрозами и насилиями препятствуют рабочим осуществлять право стачек. Это предложение неожиданно вызвало бурные дебаты. Бернштейнианцы П. и С., к которым по явному недоразумению присоединился деп. Чх., яростно воспротивились этому предложению. Их аргументы: 1) мы устанавливаем две меры, назначая за угрозы забастовщикам более строгое наказание, чем за обычные угрозы, рассматриваемые мировыми судьями; 2) предлагаемый параграф якобы направлен против штрейкбрехеров, которых-де нужно привлекать к рабочему движению не строгими карами, а убеждением; 3) право труда такое же законное право рабочих, как и право стачки.

Всем им возражал т. С.: 1) о двух мерах здесь не может быть речи, ибо препятствование стачке есть нарушение не частного права, а публичного: наказание же за нарушение публичного права должно быть строже, чем за нарушение права частного; бурж. партии не смогут возражать против нашего требования, ибо действующее законодательство обычно налагает более строгие кары за нарушения норм. публ. права, чем частного (пример: наказания за активный бойкот думских выборов). Мы предлагаем не наказывать строже за *угрозы забастовщикам*, а за угрозы *по поводу проведения ими стачки*, а это совсем другое дело; драка в пьяном виде во время стачки не влечет за собой усиленной санкции, а избиение и угрозы рабочему с целью принудить его к прекращению стачки должны караться особенно строго. Тем более, что с точки зрения пролетариата право стачки есть одно из важнейших публичных прав. 2) Этот пункт направлен не против штрейкбрехеров, а против наемных бандитов капитала и полиции. Для нас безразлично, будет ли этот бандит, продавшийся полиции или хозяевам, рабочим, или профессором, или адвокатом: под действие этого пункта подходят и Сашка Половнев, когда он придет с дубиной или револьвером срывать стачки, и Булацель или Дубровин, когда они теми или иными угрозами будут препятствовать рабочим осуществлять свободу стачек. Далее, не вводя этого пункта, мы в сущности уничтожаем смысл всего 5-го параграфа, ибо какой смысл грозить фабрикантам и полиции 6 мес. тюрьмы, когда они могут сами устраниться, нанявши вместо себя бандитов из черной сотни? Предлагаемые противниками слова: «агенты предпринимателей неудобны, ибо на рабочих каждый раз будет лежать обязанность доказать, что данное лицо есть *агент* фабриканта, а это в большинстве случаев нелегко будет доказать. Поэтому лучше сказать: «всякое должностное и частное лицо, которое угрозами и насилиями препят. раб. осущ. право стачек»: сюда подойдут и хозяева, и их агенты (сторожа, управляющие и пр.), и полицейские, и наемные громилы; 3) о свободе труда говорить в нашем собрании не приходится: предоставим это октябристам и министрам. Может быть, с абстрактно-возвышенной точки зрения право труда есть столь же законная вещь, как и право стачки: в этом нас по крайней мере уверяет Клемансо. Но с нашей пролетарской точки зрения мы знаем, что свобода труда есть просто гнусный предлог капиталистов и их приспешников мешать борьбе и организации раб. класса.

Справедливость требует признать, что в отстаивании свободы труда наши два бернштейнианца остались в блестящем одиночестве. Никто из депутатов их не одобрил, и даже представители профес. союзов отреклись от этого положения, хотя и в недостаточно резкой и открытой форме. Все присутствовавшие депутаты — рабочие (кроме одного, и то не понявшего, в чем дело) согласились с мнением т. С., к которому примкнула и половина представителей проф. союзов. Другая половина, не примыкая к аргументации П. и С., все-таки находила этот пункт опасным, так как он якобы способен вызвать раздоры в среде рабочих (упорно повторялась глупость о том, будто пункт направлен против штрейкбрехеров, хотя он ясно говорит о насилиях и угрозах); они даже указывали на то, что этот пункт якобы способен привести к тому, что неразвитые рабочие, желающие против воли организации или союза устроить стачку, будут привлекать к суду по этому пункту сознательных рабочих, которые станут удерживать товарищей от неразумной забастовки.

На этот странный аргумент им отвечали: 1) это редкий случай, а закон предусматривает не исключения, а обычное: обычным же является, что передовые рабочие устраивают забастовки, а срывают их неразвитые; 2) что сознательные рабочие не станут применять к своим товарищам угроз и насилий даже в случае неосновательных стачек. Кроме вышеупомянутых трех, на этом собрании рабочей комиссии больше сведущих лиц не было, не считая представителей профессиональных союзов. Большинством одного голоса принят все-таки пункт об угрозах и насилиях, но окончательное слово принадлежит еще общей комиссии, а затем и самой фракции.

щиеся на Череванина, Прокоповича и Ко, ликвидировали идею гегемонии пролетариата в революции, поверит ли нам кто-нибудь, что Мартов и Потресов *одни* ликвидировали эту идею, *без* Череванина, Прокоповича и Ко?

Нет, товарищи, дискуссию в Ц. О. не следует сводить к крючкотворству. Нельзя подобными средствами увернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство Р. С.-Д. Р. П., поляки и большевики в том числе, решительно стоят 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевания власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство. Кто хочет дискуссии по существу вопроса, тот должен попытаться оспорить хоть единое из этих трех положений. Тов. Мартов ни единого из них по существу не разбирал. Т. Мартов забыл сказать читателю, что *по каждому* из этих трех положений меньшевики стоят на точке зрения, *отвергаемой* партией, что к числу *отвергнутых партией заблуждений* относится именно меньшевизм и только меньшевизм! Политика меньшевиков в революции была как раз движением без цели и потому движением *зависимым* от шатаний партий к.-д., — была таковой именно потому, что меньшевики не знали, нужно ли пролетариату стремиться к роли вождя? нужно ли ему стремиться к завоеванию власти? нужно ли ему иметь при этом в виду помощь какого-либо определенного класса? Незнание этого неминуемо и неизбежно осуждает политику социал-демократов на блуждания, на ошибки, на беспринципность, на зависимость от либералов.

Конференция не похоронила «диктатуру пролетариата и крестьянства» и не выдала вексель на ее устранение из партийного обихода, а, наоборот, *подтвердила* ее, сделала *еще шаг* к более полному ее признанию. Лондонский съезд признал: 1) роль пролетариата как «вождя в буржуазно-демократической революции» и 2) «совместные действия» пролетариата и крестьянства, «служащие лишь целям общего натиска», действия, между прочим, и по «доведению революции до конца». Оставалось только признать целью борьбы в данной революции завоевание власти пролетариатом и крестьянством. Это сделано конференцией в формуле: «завоевание власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство».

Говоря это, мы вовсе не отрицаем и не затушевываем разногласий между большевиками и поляками. Польские с.-д. имеют полную возможность излагать эти разногласия и в своих отдельных изданиях на русском языке, и на страницах большевистских газет и в Ц. О. И польск. с.-д. начали уже пользоваться этой возможностью. Если тов. Мартов достигнет той цели, которую он преследует, именно, чтобы польские с.-д. вмешались в наш спор, то все и каждый увидят нашу солидарность с П. С.-Д. против меньшевиков во всем основном, увидят, что расходимся мы лишь в частностях.

[Ленин.]

(Продолжение следует.)

О последующей судьбе законопроекта и окончательной его редакции сообщим.

II.

Месяца три тому назад рабочая комиссия, по предложению представителя Ц. К. партии, решила образовать специальную подкомиссию для выработки законопроекта о 8-часовом рабочем дне. Эта подкомиссия первоначально состояла из 6 человек; из них двое в самом начале работ были арестованы. Таким образом осталось 4 человека, которые, пользуясь всем материалом на русском и иностранных языках, выработали прилагаемый законопроект, охватывающий рабочих, занятых в промышленных и торговых заведениях, а также в горных и строительных промыслах. Составители проекта заранее сузили применение закона этими категориями рабочих, так как введение 8-часового дня для сельскохозяйственных рабочих и рабочих, занятых в домашней промышленности, и для транспортных рабочих требует предварительной разработки вопроса, материалами для которого подкомиссия в данный момент не располагала, и, во-вторых, потому, что, по мнению ее, эти категории должны, в силу особых своих условий, быть охвачены особым законопроектом. Второе обсуждение проекта состоялось в рабочей комиссии 2 февраля, причем против данного проекта высказывались как раз те лица, которые при составлении вышеупомянутой подкомиссии вообще высказывались против ее образования и против внесения собственных законопроектов, предлагая ограничиваться внесением поправок к законопроектам других партий и правительства. При этом ссылались на судьбу прежних наших проектов, которые лежат уже чуть ли не два года и никак не могут быть использованы, а также на то, что теперь уже внесены в думу разные законопроекты, вроде закона о страховании и о рабочем дне торгово-промышленных служащих, и что необходимо сосредоточить силы на разработке этих конкретных, уже выдвинутых вопросов. Главными представителями этой тенденции являются сведущие люди из профессиональных союзов. Казалось бы, что они должны приветствовать такие начинания, но факт остается фактом.

Как бы там ни было, но во время прений атака на проект велась под предлогом его неполноты и несовершенства. Переходим к изложению прений. Вопрос был поставлен так: имеем ли мы дело с законопроектом или с декларацией? Предлагаемый проект для декларации слишком узок, так как не охватывает всех категорий рабочих, а для законопроекта слишком детален. Большинство склонялось к тому, чтобы ограничиться декларацией и внести туда все категории наемного труда: характерно, что в пользу декларации высказывались представители профессиональных союзов, вообще стоящие на «практической» точке зрения; на этот раз они вдруг оказались строгими принципиалистами. Противники законопроекта приводили следующие аргументы: при настоящем политическом положении нам необходимо вносить декларацию, так как рассчитывать на принятие проекта теперь не приходится, при этом, однако, один из самых ярых защитников декларации доказывал, что для торговых служащих необходимо сделать исключение, и что вопрос о них должен подвергнуться особому обсуждению. В подтверждение приводилась декларация Парвуса и Гэда; но из слов другого единомышленника этого оратора обнаружилось, что это была вовсе не декларация, а настоящий законопроект, который охватывал исключительно промышленный пролетариат, как это сделано и в проекте подкомиссии. Другие противники проекта настаивали на включении сельских, транспортных и пр. категорий рабочих. Один дошел даже до того, что заявил, будто вопрос о 8-часовом дне еще не решен в положительном смысле среди всех социал-демократов: что есть социал-демократы, которые допускают, что при некоторой конъюнктуре 8-часовой день неосуществим даже для промышленных рабочих, а имеет лишь агитационное значение. Но имен привести не мог; все остальные были против этого мудреца.

На это защитники проекта возражали: 1) по вопросу о включении транспортных рабочих можно бы сойтись с оппонентами, хотя известные затруднения предвидеть заранее можно; поэтому составители проекта и предпочли включить рабочих, занятых в депо и железнодорожных мастерских, и выделили рабочих тяги (например, невозможно установить в настоящее время две смены для кондукторов; то же самое в сельскохозяйственных работах); 2) если бы даже такое объединение было возможно, то для целого ряда отраслей промышленности нет совершенно достаточных материалов, на основании которых можно было бы защищать с трибуны законопроект как практическое предложение; 3) предложение Парвуса — декларация. Предлагаемый проект достаточно разработан, но это, конечно, не значит, что он не может иметь агитационного значения; как раз наоборот; 4) для выработки декларации вовсе не было нужды в той работе, которую проделала подкомиссия. Последней было поручено выработать именно законопроект, а не декларацию. Все, что можно было сделать в этой области, она сделала, но не ее вина, что технические условия не дали ей возможности распространить законопроект на все категории рабочих; 5) депутат Кузнецов указал, что нельзя откладывать проекта в долгий ящик; вдобавок эта привычка расширять проекты до бесконечности приводит к тому, что «мы очень много обещаем, во ничего не исполняем».

После прений начались предложения: 1) перенести голосование по первому пункту на следующий раз — отвергнуто; 2) целесообразно ли включать: а) сельскохозяйственных рабочих; б) транспортных рабочих, в) домашних рабочих — принимается, ввиду того, что такое исключение нецелесообразно, включить все эти категории в законопроект.

Тогда подкомиссия заявляет, что она не может взять на себя переработку всего проекта сообразно с внесенными поправками, и предлагает избрать новый состав для этой работы, причем после коллективного отказа прибавляет, что отдельные члены, конечно, войдут в новую подкомиссию, которая должна состоять из сведущих лиц по аграрному вопросу, железнодорожному хозяйству и пр.; 3) предлагается в следующем заседании выслушать докладную записку (которая не была выслушана) и тогда выяснить точно, что делать с подкомиссией, дополнить ли ее новыми членами или отстранить ее вовсе, как не справившуюся с возложенной на нее работой, и доклад сдать в архив и проч. Страсти разгораются и предложение принято.

Пока трудно решить, имел ли этот провал законопроекта принципиальное значение или же определенная группа проводила тут какую-нибудь сепаратную линию. Несколько странное впечатление производит принципиальность некоторых лиц, обыкновенно таким пороком не отличающихся, а примыкающих к открытым бернштейнианцам.

Не мешает прибавить для правильности перспективы, что и среди членов подкомиссии, в сущности, преобладают элементы, которые за исключением одного лица немногим отличаются от своих оппонентов в смысле направления. Но подкомиссия выполняла задачу, намеченную фракцией (то есть внесение собственных законопроектов в целях агитации и пробуждения рабочих), тогда как противники, повидимому, не считают этого нужным, а предпочитают плестись в этом отношении за правительством и другими партиями. Есть ли это влияние открытых ревизионистов — пока сказать трудно.

Из других занятий фракции за истекшие дни отметим обсуждение выступления Бел. по аграрному вопросу, которое уже вам известно из стенограммы, а также дальнейшее обсуждение выступления по запросу о деле Азефа. Окончательно решено, что Покровский выступит с обоснованием нашего запроса, причем будет развивать ту мысль, что кадеты, в сущности, замазали вопрос своей формулировкой, в доказывать, что дело Азефа представляет логическое звено в нашем политическом строе, то есть что провокация составляет неотделимую часть самодержавного строя. Чхеидзе поручено развить наш взгляд на революцию и на задачи массового движения и показать, что к с.-д., как таковым, дело Азефа не имеет никакого отношения. Наконец Полетаев поставит вопрос о провокации еще шире и свяжет с непосредственной политической провокацией в узком смысле слова провокацию агентов власти к погромам и т. п. Другие ораторы от фракции выступят, если понадобится возражать представителям правительства и большинства.

О подготовке бюджетных выступлений сообщим в следующем письме.

К.

Из тюрьмы.

СОВРЕМЕННАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

МОСКВА. В Хамовнической части чуть не ежедневно казни. Руководят ими: пристав Абросимов, помощник пристава Муханов, смотритель хамовницкой тюрьмы Сорин, *палач Жабин*, он же фельдшер приемного покоя Хамовнической части, священник-старик соседней церкви Николая Чудотворца. Казни совершаются в 2 часа ночи.

Бывшие палачи — на виду. *Бурмин*, живет в доме Батиева, Хамовницкий плац, *Артюшин* — Хамовники, Воздвиженский пер., д.

Бахвалова, *Нефедов* — охраняет г. Шелапутина (Олсуфьевский пер. соб. дом, — военный в отставке), занимает у него сторожку и в то же время место старшего сторожа в Хамовнической части. Нефедов сам рассказывает, что у него положены деньги в банк и на жену и на детей (дети, кажется в гимназии), сколько бывает у него гостей (и даже околоточные, как он похваляется); ездил, говорит, к Троице Сергию, «от греха теперь чист», а «капитал нажил небольшой, да и еще мог бы поработать». Теперешний палач Жабин берет по 25 рублей за голову, а в приемном покое зверски обращается с больными; за казни в провинции платят по 100 руб., кроме дороги и расходов. Пристав Абросимов предлагает по 3 рубля пожарным и городовым за голову, чтобы помогали вешать. Некоторые сразу отказываются, некоторые соглашаются, но скоро отказываются: «совесть, говорят, мучает, во сне являются». Одна женщина присутствовала, как вешали, сошла с ума и была в сумасшедшем доме.

Чье сердце не содрогнется от казней в Хамовнической части: есть еще совсем мальчики — таких палач берет под мышки и надевает петлю. Другие всходят сами на эшафот (т. е. на табуретку — эшафота нет, есть дровяной сарай) и накидывают себе петлю. Недавно привезли днем *троих*, ночью повели в дровяной сарай и вешали одного на глазах другого (так всегда). Седой старик сам встал на табуретку, растегнул рубашку, выправил седую бороду и, надев петлю, сказал: «меньше мучиться». Одна девушка еврейка не хотела идти в сарай, на дворе стала сопротивляться; ее задушили руками тут же на дворе... Всего не перескажешь.

Рабочий.

ХРОНИКА.

МОСКВА. Рогожский район. Район подразделяется на 5 подрайонов, но работа фактически ведется регулярно только в трех: Таганском, Заводском и Железнодорожном.

В *Таганском* подрайоне имеется 15 предприятий, с 10 из них имеются и поддерживаются связи. В январе, после некоторого перерыва, в 8 предприятиях были проведены заводские собрания, на которых обыкновенно присутствовало от 4 — 9 чел. На трех предприятиях были выбраны заводские комитеты, а на остальных, ввиду малочисленности, выборы произведены не были, а организовались заводские группы. Было собрано подрайонное собрание и выбран подрайонный комитет. Из кружков ведется пока только один, низшего типа. На-днях организован кружок высшего типа (предприятия мелкие).

В *Заводском* подрайоне работа ведется на 4-х предприятиях. Гужон, Гакенталь, Перепуд, Константинов. На всех этих предприятиях, за исключением зав. Гакенталя, имеются оформленные орган., которые нельзя сказать, чтобы функционировали вполне правильно. Одна из главных причин — это отсутствие квартир. У Гакенталя после некоторого перерыва организация снова начинает функционировать. За лето и осень она несколько раз восстановлялась, но, просуществовав некоторое время, распадалась. Объясняется это тем, что многие рабочие, которые раньше работали активно в парт. организации, теперь относятся к ней крайне индиферентно. Часть из них вообще ничего не делает, а часть ушла в кооператив и о какой бы то ни было организации слышать не хочет. Те же рабочие, которые проявляют некоторую активность, слишком малочисленны, так что пока оделали мало. На тех же предприятиях, где существуют партийные организации, собрания проводятся довольно часто. За последнее время удалось создать подрайон. комитет, в который входит по 1 — 2 представителя с каждого предприятия.

Самодеятельность, за некоторым исключением, проявляется очень слабо. Вся работа лежит на организаторах. Некоторое исключение в этом отношении составляет организация в депо курской ж. д., где создана довольно сплоченная организацион. ячейка, которая довольно дружно работает. Оформлено 2 кружка: 1 высшего типа (12 чел.) и 1 низшего (11 чел.). Выбран заводский комитет из 6 человек. В ноябре заводск. ком. выпустил листок с призывом к организации (на мимеографе) в количестве 250 экз. Предметом обсуждения почти на всех собраниях служит вопрос о создании самостоятельного железнодорожного района, в который входили бы все железнодорожные организации московского узла, комитет которого мог бы приступить к изданию своего органа. Вопрос этот выдвинулся благодаря тому, что «Раб. Знамя» не может уделять много места на своих страницах с.-д. организациям, а создание такого органа дало бы сильный толчок к расширению и укреплению парт. орг. на жел. дор.

Начинает оформляться организация и на Нижегородской жел. дор. На-днях должно состояться 2 собрания.

В остальных подрайонах работы регулярной фактически не ведется. Поддерживаются только связи.

Работа пропагандистская ведется не блестяще. Оформлено в районе 10 кружков, но за отсутствием пропагандистов они собирались очень нерегулярно. В ноябре начали было проводиться кружки на зав. Гужона, на ж. д. (один высш., 1 средн., 1 низш.), но собрались они всего несколько раз: нет пропагандистов. Организаторы же не имеют возможности вести систематическую пропаганду, так как чисто практическая работа отнимает все время. Только на-днях удалось составить пропагандистскую коллегию из 8 ч. и дело, надо полагать, пойдет лучше. Парт. литература расходится довольно хорошо («Раб. Знамя» 600 экз.). Большой спрос на «Пролетарий». Приходится очень трудно, не имея никакого руководящего органа, который, кроме всего, давал бы возможность знакомиться с характером и состоянием работы парт. органив. на местах в России.

Начинает наблюдаться некоторый интерес к Думе и в связи с этим требуют более широкого и всестороннего освещения позиции, на которую должна стать с.-д-ая фракция. Отзовистское течение, хотя и появилось было, но теперь почти совсем заглохло: рабочие дали отпор.

Вообще же положение дел заставляет желать лучшего. Два пробела — недостаточность пропагандистских сил и отсутствие партийной литературы — являются одной из главных причин, мешающих более правильной постановке работы уже в тех рамках, в каких она теперь ведется.

Р. К. состоит из 12 чел., выбранных на районном собрании осенью. За последние 2-3 недели Р. К. собирался 3 раза. 2 собрания были посвящены чисто-практическим вопросам, а на третьем был заслушан доклад об общероссийской конференции.

МОСКВА. *Бутырский район* разбит на три под-района: Мещанский, Мариинский и Тверской. Имеется районный комитет и исполнительная комиссия его; образована корреспондентская группа из 7 чел. Районный комитет собирается нерегулярно, от 5 — 9 чел. Имеется секретарь и один работник на содержании района; другой профессионал состоит на содержании М. К. Что касается работы на местах, то она распределяется следующим образом: в *Мещанском* подрайоне ведется работа в 3 предприятиях: 1) фабрика Кокушкина — 30 чел. организованных, литература расходится 30 — 40 экз. платно (газеты) и 100 и больше — бесплатно (листки); 2) развесочная Перлова организованных — 12 чел., литература платной — 25 экз., неплатной — 80 экз.; 3) портные от Сухаревской Башни организ. 10 чел., литературы платной 10 и неплатной 40 — 50 экз. Имеется связь с городской водокачкой, куда передается литература.

В *Мариинском* подрайоне работа ведется на 4 предприятиях: патронный, дробильный, Леман и платошники. Имеется один кружок. Как в первом, так и во втором подрайоне работа ведется слабо: сильно мешает отсутствие квартир, последнее время мешали и праздники. Более обеспечен квартирами и лучше идет дело в мещанском подрайоне. У портных там идет довольно регулярно кружок низшего типа; у перловцев изредка удается созывать кружок высшего типа и до января довольно часто шли заводские собрания. В январе же, благодаря изменившимся условиям, устроить такого нельзя было. На фабрике Кокушкина последнее заводское собрание было в декабре — теперь нельзя было собрать из-за сверхурочных работ. Литература передается здесь аккуратно и аккуратно поступает за нее плата, но членские взносы, летом поступавшие с здешних предприятий ежемесячно, за последнее время почти совсем прекратились.

В *Мариинском* подрайоне налажен всего один кружок, у Лемана. На дробильном заводе, после введения обысков и других стеснений у рабочих большое стремление к организации, но квартир невозможно подыскать. Можно образовать небольшой кружок, но недостаток квартир и, как выразился один товарищ из подрайона, склонность к праздному настроению служит большим препятствием. Просят больше нелегальных книг об аграрном вопросе, религии и т. п.

В *Тверском* подрайоне имеются связи с 6 предприятиями: Миусская подстанция — где происходят довольно регулярно заводские собрания, у Кроля было в последнее время два собрания, но последний расчет сильно помешал регулярной работе. У Сну, Рама, Реномэ, на Брест. ж. д. поддерживаются связи и передается литература. Членские взносы поступают вяло; работа во всем подрайоне страдает за отсутствием квартир.

В общем, во всем бутырском районе с самой осени, когда прекратилась возможность собираться на вольном воздухе, дела сильно

ухудшились. Район — самый слабый во всем городе. Самими рабочими составлен прекрасный листок с характеристикой момента и призывом к организации и к борьбе.

Иваново-Вознесенск. Ивановский рабочий, как и все русские рабочие, переживает теперь далеко незавидное для него время. Особенно оно дает себя чувствовать теперь после сравнительно хороших условий труда 1905 — 6 гг. Штрафы и увольнения за каждый пустяк наблюдаются на всех фабриках. Там, где, случается, бывают порядочные браковщики и мастера, их увольняют или же переводят на другую работу — так на фабрике Зубкова приемщика путанки за то, что мало бракует, перевели к ватер-клозету. Часто штрафы превышают денной заработок рабочего; недавно был случай на фабрике Фокина — работница оштрафована на 50 к., а денной заработок — 39 коп. — и ей еще кажется, что легко отделалась — так обычны здесь высокие штрафы! На фабрике т-ва Иваново-Вознесенской Мануфактуры штрафы доходят до 2-х и 3 рублей, и из 4 000 ткачей трудно найти извернувшегося от штрафа. Ут к и основы почти везде выдаются из очень плохого материала; требуют же выработки чистой и без браку — иначе штраф. Штрафы теперь чисто новая кара египетская! Штрафуют по всякому поводу и без всякого повода. Штрафуют и увольняют именно для того, чтобы подавить рабочих. Так, на фабрике Н. Дербенева был выдан расчет рабочему, заподозренному в том, что дал другому рабочему брошюру «Пролетарская Борьба в России».

Надо указать, что при помощи штрафов фабрикант вносит еще раздоры в среду рабочих. Например: — выдача утка почти всюду производится на вес, а это значит, что если у ткача не хватит выданного количества утка на известное количество кусков, то его или штрафуют, или чаще увольняют, подозревая в краже. На этой почве получается масса столкновений между рабочими. Бывали случаи, что у ткачихи не хватает фунта—двух початок; не зная причины, она подозревает в краже свою соседку; начинаются споры, рознь — а между тем причины нехватки лежат чаще всего в обвешивании конторою.

За последнее время заметен переход рабочих — даже на ситцевых фабриках — с месячной платы на поштучную. Первое время рабочий охотно шел на это, потому что давали хороший расценок, и рабочий зарабатывал чуть ли не вдвое прежнего. Но затем фабрикант объявляет рабочему расчет и предлагает новые условия и понижает расценки. В результате — работы требуется больше прежнего, а плата значительно ниже. Этот способ эксплоатации практикуется особенно на фабр. Грязнова.

Но самое характерное явление в жизни Иваново-Вознесенских рабочих, что служит теперь главною злобою дня у рабочих, это повсеместное увольнение стариков, даже тех, кто проработал на одной фабрике 20 или более лет. На одних фабриках уже начался этот расчет, на других, как у Антона Галдурина, будут увольнять после Пасхи.

Точно обух висит над головою у рабочего и давит ему мозги. Только медленно растет сознание и рабочие постепенно начинают понимать необходимость объединения и профессионального и политического. Но все-таки «земля вертится», и жизнь рабочая не стоит на одном месте.

Рабочий.

ШУЯ, Владимирской губ. Расцвет хлопчатобумажной промышленности, достигший своего апогея в 1907 г., породил в Шуйском уез. много мелких предприятий спекулятивного характера, владельцы которых рассчитывали, повидимому, быстро использовать временное повышение цен на хлопчатобумажные товары, а затем примириться даже и с гибелью предприятия. Поэтому фабрики строились в деревне в расчете на дешевизну рабочих рук, а машины ставились сборные, кое-как снаряженные. Теперь, когда расцвет промышленности грозит уступить место депрессии, когда, вследствие уменьшения сбыта, цены на хлопчатобумажные товары начинают падать, эти мелкие предприятия станут первыми жертвами обостряющейся конкуренции; но тяжести борьбы мелкого капитала с крупным, конечно, прежде всего лажатся на плечи рабочих мелких предприятий. Это пришлось испытать рабочим в Ченцах, селе Ш. у. Здесь недавно возникла небольшая ткацкая фабрика. Чтобы сохранить барыши при наступившем понижении цен, фабрикант сбавил плату рабочим. Вспыхнула забастовка. Фабрика была закрыта. После двух недель безработицы, рабочие вынуждены были согласиться на 10% урезку и без того нищенского заработка (8 — 9 руб. в мес.). Расценки оставлены те же; 10% вычтены из общего заработка. Еще до Рождества среди шуйских рабочих стали циркулировать слухи о сокращении производства на всех фабриках. И после Рождества, действительно, на фабрике Терентьева объявлена работа только в течение 5 дней в неделю. На других пока ничего не предпринимается, но можно ожидать того же, так как сбыт очевидно затрудняется, начинают работать в запас. На фабрике Т-ва Шуйской мануфактуры на складах уже скопились значительные запасы товаров. Зловещие слухи об общем сокращении производства, о том, что многих товарищей выкинут, волнуют рабочие массы, заставляют их обращаться за указанием и разъяснением положения в организации. Общее мнение таково, что необходимо итти на уступки при стремлении фабрикантов уменьшить число рабочих дней, но не допускать выкинуть товарищей и сокращения заработной платы (уменьшить расценку или уничтожить выдачи 15% общего заработка, которые практиковались до сих пор). Высказываются за необходимость объединения под таким лозунгом всей области.

Гусь (Влад. губ.). Работа здесь шла хоть и медленным шагом, но не останавливаясь. Устраиваются беседы, образовались кружки самообразования, в которых рабочие совместно читают литературу и обсуждают встающие вопросы. Но сильно мешал успешным занятиям недостаток литературы. Из Москвы ее присылают и редко, и мало, а уж в соседние подле Гуся фабрики и совсем мало попадает. Своя нужда всегда виднее и в Гусе всегда больше литературы, чем в окрестности. Сильно мешает то, что нет никаких указателей, что читать, чтобы не было беспорядочного чтения, а одно вытекало из другого.

Но если число организованных было небольшое, так это вовсе не потому, будто у рабочих нет стремления организоваться. Но гусевским товарищам трудно самим справляться со всею работою и быстро развить ее. Когда, напр., приехали два новых товарища, работа быстро пошла вперед и число организованных за короткое время увеличилось почти вдвое и вся деятельность оживилась. Вступает в организацию много новых, а из тех, кто был в группе в 905—6 году, очень многие отстали от работы. Необходимо было бы, чтобы из Москвы периодически приезжали товарищи, привозили литературу, осведомляли о положении дел в Москве и во всей партии. Это дало бы весьма сильный толчок движению и дало бы ему новые силы.

За последнее время, после того как гусевская организация выпустила листок на своей технике, очень усилились полицейские преследования. Начались обыски, и жандармерия хвалится, что теперь она с корнем вырвет все зло. Особенно ищут технику. Но ничего покуда не забрано. А «вырывают с корнем» нас уже который раз, да все вырвать не могут!

Рабочий.

ВИЛЬНО. Отлив общественной волны и вызванный им упадок настроения в массах все же не привел к полной ликвидации наших организационных ячеек. До декабря 1907 года велась у нас во всех районах живая работа, но начиная с 1908 г. в работе нашей организации наступило затишье, которое продолжалось почти до августа сего года. Особенно пострадал городской ремесленный район, в котором из всего бывшего остались одни развалины. Только около $3^1/_2$ месяцев, как он начал вновь функционировать, благодаря энергии некоторых товарищей. Некоторые старые члены коллектива, долго стоявшие в стороне от движения, теперь вновь втянулись в организационную работу. В начале приступили к восстановлению работы 4 товарища. На первом совещании городской сходки был выработан план постановки работы в городском районе. Взялись мы за работу довольно энергично и результаты получились осязательные. В рабочей массе заговорили о возобновлении деятельности нашей организации. Каждая неделя приносила все новые связи, которые оставалось только использовать и расширить. В течение месяца нам удалось сорганизовать городскую сходку, в которую теперь входят представители всех почти профессий: от приказчиков 2, двое от конторщиков. 2 портнихи, 1 заготовщик, 1 ювелир и 1 сапожник. Сходка эта ведет сравнительно крупную работу. Растет число примыкающих. За последнее время было проведено несколько кружков, на которых участвовало по 15, 20 и более человек.

Что касается других районов, а именно заводских, из которых наиболее крупным является лукишский район, то там работа только сократилась, но никогда не была окончательно ликвидирована хотя бы временно. Кожевенники — душа этого района, — все время находящиеся в первых рядах виленской организации, в критический момент не отхлынули от организации. Лукишским районом руководят очень влиятельные кожевенники, пользующиеся большой популярностью в широкой массе кожевенников. Наших членов в районе

около 200 человек. Работу в этом районе ведет фабрично-заводская сходка. Скоро у нас начнет функционировать городская конференция, объединяющая деятельность всех районов. Кроме этих организационных учреждений у нас существует исполнительный орган, называющийся Виленским Комитетом Р. С.-Д. Р. П., в состав которого входят 4 б-ка, 1 примиренец и 1 м-к. Широкой пропаганды у нас не ведется за недостатком пропагандистов.

Финансовые средства у нас небольшие. А средства нам теперь необходимы, так как у нас решено издавать нелегальный орган на польском и русском языках. Техника у нас недурно оборудована, и к издательской деятельности можно приступить немедленно.

Иногда происходят открытые лекции.

На совещаниях Виленского Комитета много раз разбирался вопрос об объединении с литовцами, причем этот вопрос был разрешаем в положительном смысле; условия объединения ясно выражены в проекте, посланном на рассмотрение Ц. К. В широких кругах той и другой организации замечается сильное желание слиться. У литовских с.-д. имеются крупные связи на некоторых заводах и фабриках, где работают преимущественно поляки и литовцы.

Перед общепартийной конференцией виленской организацией был обсужден порядок дня ее, причем по вопросу о современном моменте была вынесена резолюция, рекомендующая наряду с использованием т. н. «легальных возможностей», вступить в подполье и строить прежде всего нелегальные организационные аппараты партии, стараясь при этом создать сплоченные ядра сознательных рабочих, которые могли бы стать во главе рабочего движения. Резолюция указывает, что причины, вызвавшие русскую революцию, *не ликвидированы*, что раньше или позже будут созданы условия для радикального разрешения конфликта, происходящего между революционным народом и старой властью; что мы переживаем только временное затишье, после которого неизбежно должен последовать подъем, к которому следует готовиться, что революционно-демократические требования, пропагандированные в революционный период, и в настоящее время не потеряли своей конкретной ценности, что их нужно попрежнему стараться внедрять в умы демократии и т. д.

По вопросу о т. н. «отзовизме» единогласно была принята резолюция, категорически отвергающая точку зрения «отзовистов», указывающая на необходимость участия соц.-дем. фракции в Гос. Думе, для использования ее как трибуны в интересах агитационной деятельности в момент затишья, когда многие другие пути влияния на широкие слои населения отрезаны. Резолюция также трактует о необходимости установления тесной связи между соц.-дем. организациями с соц.-дем. фракцией, о подчинении последней постановлениям центральных учреждений нашей партии. По вопросу о просветительных обществах решено использовать существующие просветительные общества в интересах партийной работы, вступать туда с целью отрезать влияние либералов на известную часть пролетариата.

По вопросу о профессиональном движении была подчеркнута необходимость тесного сближения политических организаций с профессиональными союзами, вступления членов политической организации в профессиональные союзы и образования там своих групп.

По вопросу о кооперативном движении была принята резолюция в духе мнения Каутского.

Профессиональное движение в Вильне более развито, чем в других городах сев.-зап. края. Здесь существуют 3 легальных союза: союз кожевенников, приказчиков и заготовщиков. Последний близок к распадению благодаря индиферентному к нему отношению со стороны заготовщиков. Союзы приказчиков и кожевенников — нейтральны, но фактически в них преобладают соц.-дем. Союз приказчиков имеет более 400 членов, а союз кожевенников — 600 записанных членов.

В. О. здесь не существует пока. Связи потеряны.

У Бунда восстановлен «коллектив».

Объединения всех соц.-дем. в Вильне до сих пор не произошло. Эта задача стоит на очереди.

Г.

О порядках в Арханг. дисципл. флотском экипаже.

В 1907 г. открыт в Архангельске дисц. флот. экипаж для содержания осужденных по суду в дисцип. батальон нижних чинов флота. Несмотря на отмену телесного наказания для всех лиц, не лишенных всех прав состояния и т. д. (а там именно и отбывают срок наказания те нижние чины флота, которые не лишены прав), там в самых широких размерах введены «административным порядком» (каждый раз спрашивают разрешения губернатора) розги, там заключенные под страхом розог лишены единствен. предоставленного им законом права доводить до сведения высшего начальства о «незакономерных» действиях своего непосредственного начальства во время ежегодных инспекторских осмотров, там при помощи розог и угроз револьвером заставляют давать желательные для начальства и следственной власти показания. Из многочисленных примеров укажем лишь на следующие факты.

I. С ноября 1907 г. по август 1908 г. было бито розгами не менее 30 ч. Вот фамилии некоторых из них: Федоров — 50 ударов за удар утюгом шипова. Зимоглядов — 50 ударов за то, что убеждал команду протестовать против широкого применения карцера. Силин (матрос Каспийского экипажа) — 25 ударов за «грубый» ответ офицеру. Скопкаев — 30 ударов за смех во фронте. Нелюдин — 50 ударов за обругание квартирмейстера (младшего унтер-офицера) Кабалина, Курагин — 25 ударов за побег с рыбной ловли (тотчас же был задержан). Фролов и Иванов — оба за побег по 50 ударов.

II. Когда заключенные, лишенные возможности, благодаря чтению начальством писем и другим мерам, каких-либо сношений с внешним миром, а также и невозможности заявлений на испыт. смотрах, решились протестовать против порок, не дав бить матроса Цветкова (во время протеста никаких насильственных действий со стороны заключенных не было; они лишь не вышли из столовой во время обеда; порка Цветкова предполагалась после обеда), то начальство, назначив по этому поводу следствие, во время допроса в лице шт.-кап. Ясинского, вызывало по одному всю команду и под угрозой смерти (угроза револьвером) заставляло сознаваться в подстрекательстве. Таким образом добились «чистосердечного признания» у 18 чел., которых потом нещадно били розгами и, предав затем их военно-морскому суду Кроншт. порта, сослали всех на разные сроки в каторгу. Цветкова же, которого не давали бить, на вечную каторгу.

Если паче чаяния в дисциплинарном экипаже назначают «либеральн.» офицера, который лишь изредка применяет репрес. меры и вообще разбирается в средствах наказания, то таковой офицер является, по выражению заключ., «бельмом в глазу». Был факт удаления из д. э. одного такого офиц. за вышеуказанное «преступление». Фамилии его мы не знаем. Кондукторам (помощникам офицеров) командир экип. без стеснения заявляет, что кто из них в течение недели никого не накажет, тот будет изгнан. Наказывают нижних чинов даже за письма, присылаемые им из дому, если в этих письмах родные имеют смелость писать про то, что делается в деревнях.

Вот письмо одного матроса: «Режим наших военных тюрем, в частности Арх. ф. д. э. Несмотря на отмену телесных наказаний, там все-таки применяются в самых широких размерах розги. Например, в течение моего пребывания (10 месяцев) было бито не менее 20 чел. (дальше идут вышеназванные фамилии). В общем жизнь в батальоне самая невыносимая, я не могу даже выразить, до чего унижен человек; за каждый пустяк (не так встал перед офицером или квартирмейстером) карцер и мордобитье. Карцер — это сырые, подвальные одиночки, после 20 — 30 суток сидения только самые сильные не заболевают, а у слабых даже приключается чахотка. При мне было три таких случая. Один помер, а одного отправили домой еле живого, и третий остался в лазарете при смерти»...

От редакции: *мы обращаемся ко всем партийным организациям и группам, ко всем отдельным товарищам без различия фракций и направлений с убедительной просьбой регулярно снабжать наш партийный орган корреспонденциями с мест, отчетами, резолюциями, письмами рабочих с фабрик и заводов, местными партийными газетами, листками и пр. Лишь при этом условии Ц. О. партии сможет выполнить свою задачу.*

Отложены по недостатку места несколько статей, заметок и корреспонденций. Следующий № Ц. О. выйдет через 2 недели.

Ред.

Временный адрес редакции и экспедиции «СОЦИАЛДЕМОКРАТА» *из-за границы*:
D. KOTLIARENKO, Rue Antoine Chantin 8, PARIS XIV.

Адрес Заграничного Бюро Центр. Комитета тот же с припиской для З. Б.

Лично по понедельникам, средам и пятницам от 3 до 5 час. дня.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Статья написана по предложению редакции «Социалдемократа» в связи с кампанией профсоюзов против правительственного законопроекта о страховании рабочих.

[2] Veto — право запрещения.

[3] Quieta non movere (латинская фраза) — не приводить в движение того, что находится в покое.

[4] «Голос Москвы» — орган октябристов — ежедневная газета, выходившая в Москве с 1906 по 1913 год.

[5] Credo — символ веры.

[6] War — речь идет о т. Варском.

[7] «Przegląd S. D.» («Социалдемократическое Обозрение») — теоретический орган Социалдемократии Польши и Литвы, издавался с 1907 — 1910 г. под редакцией Л. Иогихеса-Тышко, при участии Розы Люксембург, Мархлевского и др. Вышло всего 19 номеров.

[8] «Пролетарий» — орган большевиков и большевистского центра. Издавался с 3 сентября (21 августа) 1906 г., сначала в Выборге, потом с февраля 1908 г. в Женеве и с января 1909 г. в Париже. Все время существования газеты редакцию возглавлял т. Ленин. Остальные члены редакции: — Богданов, Дубровинский, Зиновьев, Каменев участвовали в разное время. 11 декабря 1909 г. издание «Пролетарий» прекратилось на 50 номере. После январского пленума ЦК 1910 г. большевики перевели свою литературную деятельность в Ц. О. РСДРП («Социалдемократ»).

[9] Вставка сделана членом польской делегации Мухиным («Будовничий») к 4 пункту резолюции «Об отношении к непролетарским партиям». Вставка принята была единогласно. Впоследствии меньшевики пытались истолковать эту формулировку в свою пользу.

Цѣна [illegible] сант.
PRIX [illegible]

ПАРИЖ, Суббота 21/3 апреля 1909 г.

№ 4

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. — ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

Бюджет и оппозиция.

Прошел еще один год. Положение черносотенного «народного» представительства «укрепилось»: народ оказался *еще* не в силах уничтожить его; в правительстве *уже* победило то «левое» крыло его, которое мирится с существованием 3-ей Думы, где с.-д. и трудовики говорят революционные речи, ибо считает ее одним из важнейших «устоев» современной монархии.

«Народное» представительство вновь обсуждает бюджет. Этот момент во всех представительных собраниях всех парламентских стран является — по правильному замечанию газеты «Россия» — моментом наивысшего напряжения политической мысли всех парламентских групп, своего рода экзаменом на аттестат политической зрелости. Посмотрим же, каковыми оказываются результаты этого экзамена для наших политических течений.

О крайних черносотенцах и черносотенцах умеренных, — октябристах тож — мы можем здесь не распространяться. Высшее напряжение политической мысли первых ознаменовалось только парой внеочередных скандалов г. г. Маркова и Пуришкевича. Вторые дали «деловую», «положительную» и «дружественную» критику бюджета устами г. Алексеенко, выслали на трибуну — предварительно сговорившись с г. Столыпиным — для произнесения «левой», «конституционной» речи г. Мейендорфа и, наконец, инсценировали «историческое», «делающее эпоху» выступление г. Гучкова в закрытом заседании по вопросу о положении армии, которая-де еще недостаточно укреплена для успешной борьбы против внешних и внутренних врагов господ помещиков и денежных тузов.

Как же действовала «наиболее зрелая», истинно парл. партия к.-д., чем определялась ее позиция?

«В освещении вопроса о финансовом положении России, о руководстве ее государственным хозяйством *почти стирается грань* между оппозицией и центром, грань столь резкая в чисто политической области», — пишет о партии «народной свободы» с достохвальной откровенностью ее центральный орган «Речь», оценивая бюджетные прения (№ 46 от 17 марта, передовая).

Что касается «столь резкой» грани между октябристами и кадетами в чисто политической области, то теперь больше чем когда-нибудь позволительно на этот счет усумниться. *В основном* обе эти политические группы все больше сближаются между собой, стоя одинаково на почве контр-революции. Не веруя в политические чудеса и исходя из точки зрения классовой борьбы, социал-демократия — еще задолго до произнесения кадетами столь откровенных речей, как речь Милюкова в азефских прениях, задолго до столь откровенных заявлений, как только-что выписанное, — не могла не указывать, что из общности многих экономических интересов, из близости в кардинальном вопросе «о руководстве государственным хозяйством России», из общего страха перед социально-политич. притязаниями российского пролетариата, для к.-д. вытекает неизбежное сближение с группами, представляемыми гг. октябристами, по крайней мере и в основных вопросах политической жизни, — что позволяет обеим этим группам сходиться и на поверхностной и мелочной критике бюджета. И это давно уже поняли также гг. октябристы и октябриствующие: Гучков и Бобринский охотно делают «общеславянскую» политику с гг. Родичевыми, Милюковыми и Маклаковыми; Крестовников, Рябушинский и К° охотно устраивают «экономические» (N. B. — *чисто экономические*, в них нет ни грани политики, ибо тут начинается «резкая грань»...) собеседования с г. Струве, который открыто идет «на выучку» и на службу уже не к капитализму, а к капиталистам, а в последние дни делает шаг к украшению своей «Великой России» гирляндой... антисемитизма. Октябристы с кадетами оттого так яростно и спорят иногда о мелочах, что они так тесно спаяны в основном. И в особенности верхние слои, — руководители обеих групп: соревнование министериаблей вчерашнего дня и министериаблей дня нынешнего порою приводит обе стороны к остервенению, и люди, за деревьями не видящие леса, часто в этих случаях конструируют коренное противоречие и начинают верозать в «резкую грань».

Общий тон речей кадетских ораторов, если не считать патетических взвизгиваний г. Родичева одинаково против революции и против реакции, был совершенно «деловой». В этом отношении они могли вполне удовлетворить Столыпинскую «Россию», которая настоятельно предупреждала против «разговоров вообще» и сурово требовала суждений «по деловым вопросам». В этой области кадеты оказались, конечно, на высоте своего призвания. Мелочная юридическая критика, грозные требования о выделении государственного контроля в самостоятельное ведомство, не подчиненное объединенному совету министров, спор с г. Коковцовым по вопросу о том, в какой момент удобнее было бы заключить тот или иной заем, — тут кадеты, как у себя дома. И недаром они заслужили похвалу «положительных» октябристов.

Все требования гучковской «комиссии обороны» кадеты, конечно, удовлетворяют беспрекословно. В прошлом году октябристы вздумали отказать в ассигновке на флот, и кадеты мужественно к ним присоединились. Ныне Гучков с компанией решили дать $7^1/_2$ миллионов тому же «ведомству Цусимы» на Балтийский флот, и кадеты, ни мало не колеблясь, заявляют: «Гос. Дума не может отказать в испрашиваемом кредите, раз от ассигнования его зависит правильная постановка обороны в Балтийском море. (Одобрение в центре)» (Речь Челнокова). Гучков потребовал 40-миллионной ассигновки на армию, и кадеты через Бабянского заявляют немедленно, что они голосуют за военный кредит. «Несомненно, — в самом военном министерстве имеются лучшие желания и стремления»... «Только теперь, после объединения министерства с генеральным штабом, станет возможной работа по организации армии», — говорит партия «народной свободы» по этому случаю. Кадеты идут дальше: они обвиняют Гучкова в излишней «левизне»: Гучков «с ревностью неофита идет гораздо дальше, чем требуется обстоятельствами дела». Но... «будем искать нового счастья и жадно схватимся за слова Гучкова о том, что без духовного подъема не может быть возрождения армии» — пишет «Речь» (1/14 марта, передовая) по поводу «исторического» выступления Гучкова.

И после всего этого происходит «событие», на первый взгляд совершенно необъяснимое: кадеты, как самые последние «безответственные», «митинговые» соц.-демократы, предлагают отвергнуть целиком весь бюджет по ведомству министерства внутренних дел... Кадеты, только что подавшие голоса за заем, кадеты, которые вчера голосовали за специальную ассигновку пенсий тюремщикам и которые завтра подадут голос за все обычные кредиты тюремному ведомству, полиции и пр., кадеты, готовые по мановению

Гучкова голосовать за самые чудовищные ассигновки, кадеты в первый раз за всю свою парламентскую практику отчаиваются на такой безумно смелый шаг, как отклонение всего бюджета мин. внутр. дел!.. Как объясняют сами кадеты этот свой безответственный шаг, что, по их собственным словам заставило их пойти по этому пути? — «Это, во-первых, тот упорный и упрямый отказ, который противопоставляется правительством всякой попытке Гос. Думы заставить его изменить свой курс»... «Далее формула к.-д. констатирует, что и впредь не может быть надежды на изменение курса».., «преследование[1] коего привело Россию к великой катастрофе 1904 — 5 годов»: «К этому прибавились откровенные разговоры министров с представителями фракций о крайне затруднительном международном положении, и отголоски этих разговоров в признаниях лидера большинства и военного министерства». Таково объяснение самих к.-д. Но указываемое в формуле к.-д. противоречие между всей внутренней политикой и «коренными началами конституционного строя» *не ново* — признает сама «Речь». Ясно, что не в нем тут дело, ибо тогда к.-д. должны были бы всегда голосовать против бюджета. Объяснения приходится искать в другом месте, умысел другой тут был.

Было ли это голосование местью Столыпину за его всенародное разоблачение гнусных переговоров к.-д. с Треповым об условиях явного перехода на службу к царизму?

Было ли оно ответом на неприглашение к.-д. на последнее совещание представителей фракции с министрами, о которых говорят выше гг. кадеты и которое они со злобой квалифицировали, как недопустимое *«тайное»* совещание,— точно «совещание» Милюкова с Треповым не было тоже по меньшей мере тайным?

Было ли оно ответом на учреждение под председательством Столыпина особого совещания по вопросам о судостроении, из которого исключены пламенные патриоты-кадеты и о котором Гучков в «Голосе Москвы» написал: «Ура, поворотный момент!», а кадеты в «Речи» подали желчную реплику о «победе» Гучкова и Столыпина.

Была ли тут еще какая-нибудь чисто закулисная игра, пока скрытая от гласности?

Было ли, наконец, тут желание более дальновидных контр-революционеров сделать предостережение Столыпину по поводу его «нецелесообразной» политики, действительно способной вновь привести к великим катастрофам 1904 — 5 годов, столь ненавистным нашим либералам?

Вернее всего, что тут оказали влияние *все* эти мотивы и что в результате *всей* этой комбинации получился этот неожиданный зигзаг к.-д.

Сами кадеты придавали своему шагу огромное значение. Они, смиренно вотировавшие правительству кредиты и займы в то время, когда их голос действительно имел крупное значение для западно-европейского капитала, теперь надеялись потрясти мир — или, по крайней мере, биржевой курс — известием об их отказе в ассигновке мин. внутр. дел. Но уже очень скоро сами кадеты вынуждены были разочарованно признать: «Вотум фракции народной свободы прошел недостаточно замеченный и, очевидно, непонятый большинством 3 Думы. Его политическое значение покажет будущее». И, действительно. Кроме размагниченных простачков из «Нашей Газеты» никто сколько-нибудь серьезного значения жесту растерянности кадет не придал. Только «Россия»[2] огрызнулась: «утешим кадет, — мы заметили их вотум и приветствуем за откровенную революционность»... к.-д. «сами на себя возложили и вытекающие отсюда последствия» («Россия», 27 февраля), т. е. — не только на министерский портфель не можете вы, господа, рассчитывать, не только на приглашение в «совещание», но и на допущение в переднюю — за такую дерзость — оставьте мечты!

Так «грозный» жест кадет на правой стороне пропал бесследно. Полноте грозить «самыми ужасными катастрофами», «роковым исходом»! «Неужели они не понимают, что в настоящую минуту уже никто, и даже собственные же их почитатели не относятся к подобным приемам иначе, как с нескрываемой иронией?» — так ответил им Столыпин устами газеты «Россия» («Россия», 19 марта). Надо надеяться, что и на левой стороне такое «полевение» кадет не введет в заблуждение даже фанатиков «общенациональной оппозиции».

Речи трудовиков, если не считать пары речей депутатов-крестьян, были довольно бесцветны. Основной недостаток — нерешительность и перенесение центра тяжести на мелкие детали и второстепенные частности. Один из лидеров трудовой группы, г. Розанов, в противоположность с.-д. ораторам, даже удостоился похвалы от кадетской «Речи» за большую «деловитость» его выступления. Мы не говорим тут об основной ошибочности и беспрограммности трудовической позиции, обрекающей трудовиков на колебания и путаницу во всех крупнейших вопросах. В вопросе об ассигновке на армию и флот они все же пошли за с.-д. депутатами и в общем выразили настроение революционного крестьянства.

Правильную позицию заняли соц. дем. депутаты. В этом году не было никакой речи насчет поддержки «скромных» требований кадет и октябристов по вопросу о расширении бюджетных прав Думы. Жизнь лишний раз показала, что даже только расширение тех или иных прав Думы, или, вернее, уничтожение полного бесправия ее, — не достигается присоединением к наиболее скромным и наиболее «реальным» требованиям умеренных партий. В бюджетной кампании нынешнего года наша фракция преследовала исключительно агитационные цели. И агитационный метод работы дал ей крупный успех, увеличившийся еще тем, что наши ораторы, наконец, поняли необходимость решительной критики к.-д. партии.

Тов. Покровский в своей общей вступительной речи дал уничтожающую критику царскому бюджету, построенному на спаивании населения и варварском, нигде неслыханном, угнетении рабочих масс. Он дал картину современного политического положения, охарактеризовал правящие в черной Думе партии большинства, высмеял неизлечимое тяготение кадет к «лойяльной» болтовне, заклеймил их явно предательские голосования, выяснил, что только борьбой, а не «общественным мнением» может быть уничтожен современный порядок, и звал к этой борьбе всех способных бороться.

Он заявил от имени нашей фракции, что — в отличие от западно-европейских с.-д., голосующих против всего буржуазного бюджета в целом, но подающих голоса за ассигновки на культурные потребности — она будет вотировать и против сумм, предназначенных якобы на такие потребности, а на деле идущих в карманы гг. Гурко или в распоряжение гг. Шварцев (оратор сослался на ассигновку «на народное образование»). В заключение он звал депутатов от крестьян присоединиться к представителям рабочего класса для совместной борьбы и голосования против бюджета.

Тов. Чхеидзе остановился на результатах возвещенных 17 октября «свобод» и массой необычайно ярких цифр и фактов нарисовал картину разрушительного шествия контр-революции.

Поистине прекрасна была речь тов. Белоусова. Он говорил языком, действительно достойным представителя революционного пролетариата, языком революционного с.-д. С цифровыми данными в руках он превосходно доказал помещичьи-дворянский характер правящих сфер. Его вывод, что «именно объединенный совет дворянства имеет своим аппаратом министерство внутренних дел», — базировался на прочном фундаменте. Характеризуя смету расходов, он определенно и решительно заявил, что «о действительном сокращении многих из них можно будет говорить только тогда, когда будет вместо третьей Думы *«Учредительное Собрание»* (см. стен. отч.). Перечислив важнейшие требования нашей программы-минимум, оратор заключает: «Понятно усиленное гонение правительства и его агентов на партию рабочего класса, социал-демократическую рабочую партию, потому что наша партия эти перечисленные мною требования доводит до логического конца, доводит до того, что действительно нужно народу и что может дать только полное благополучие и настоящий порядок в стране, — *до демократической республики*». «У власти теперь стоит дворянская камарилья, а не народные избранники» — бросил в лицо черной Думе рабочий депутат. Ныне «благонадежен тот, кто молчит, платит,

готов при первой надобности кричать «ура» и «здравия желаем». Неблагонадежны — все остальные». «Но, гг., за отливом следует и прилив. В 1905 г. грозная рука пролетариата и крестьянства начертила старому порядку грозные слова: «Мани, факел, фарес»*, и не спастись ни вам, ни министерству внутренних дел, ибо настанет година свободы и грозное народное движение сметет этот гнусный старый порядок, и там, где было кладбище, возродится свободная демократическая жизнь» — так закончил свою сильную речь представитель соц.-демократии тов. Белоусов.

Большое агитационное значение имели и речи других с.-д. ораторов, например, речь тов. Захарова по смете почт и телеграфов и нек. друг.

Жаль только, что не всегда в речах постановка вопроса достаточно связана была с нашей программой максимум — с социализмом, — и что общая формула перехода была недостаточно разработана и принципиально обоснована.

Но в общем речи наших депутатов, если вычесть отдельные неудачные места, были самыми принципиальными из произнесенных в Думе и могут получить большое значение в партийной агитации. Это были именно те простые социалистические речи, доступные рядовому рабочему и крестьянину, солдату и матросу, которые партия на своей конференции признала единственно необходимыми, в особенности речь тов. Белоусова. Сколько бы ни иронизировали наши ревизионисты насчет «простецкой» точки зрения, бюджетные выступления еще раз показали, что только этот агитационный метод приносит фракции успех не среди специалистов парламентского дела, а *среди рабочих масс*.

Ставши на путь агитационный и давши критику не только правительства и правых, *но и кадет*, фракция смогла выразить точку зрения партии. Неудивительно, что после *этих* ее речей завыли насчет «левого митинга» и «Голос Москвы», и «Новое Время», и «России». Неудивительно, что кадетская «Речь» обрушилась на с.-д. с не меньшей злобой, чем «Новое Время»*. «Что может быть благодарнее в 3-ей Думе, как не ругать партию народной свободы!» «Удивительно, как начинают воскресать старые приемы, как желают повторять старые ошибки». «Речь с.-д. ...во исполнение директив, свыше данных, подогрета нравоучением по адресу кадет» — так злобствовала «Речь» (№ 48). Исполнение «директив, свыше данных», т. е. продиктованных партией своему думскому представительству, выдвигается как нечто, уязвляющее нашу фракцию. Буржуазным болтунам, как и парламентским кретинам из оппортунистов, подчинение фракции партии кажется чем-то чудовищным...

Наша партия имеет основания быть довольной последними бюджетными выступлениями своей фракции. То обстоятельство, что на фракцию обрушивается вся реакционная и вся кадетская печать, что ее последними выступлениями будут недовольны оппортунисты с.-д., должно послужить фракции одним из доказательств правильности и революционности занятой ею позиции.

[Г. Зиновьев.]

К юбилею центрального органа германской с.-д.**

(«Vorwärts»[4] и международная революция).

Юбилей «Vorwärts'а» является праздником не только для немецкой, но и для международной социал-демократии. Международное значение центрального органа нашей партии возросло в той же мере, в какой возросло и международное значение самой этой партии.

Если вначале, в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия, передовыми борцами международного пролетариата были английские рабочие, чартисты, а затем в течение сороковых годов наряду с ними французские социалисты, то с 1870 г. центром международной борьбы за освобождение раб. класса сделался пролетариат в Германии. Не то, чтобы немец. социал-демократия стремилась руководить этой борьбой. Напротив, если ей можно сделать тут в чем-либо упрек, так разве в том, что она слишком мало интересовалась социал-демократическим движением других стран.

Но начиная с 1870 г. немецкий рабочий класс делал быстрые успехи, его политические и экономические организации росли быстрее, чем в какой-либо другой стране, и стали образцом для различных рабочих партий, вошедших в состав нового Интернационала, основы которого начали складываться приблизительно около того времени, когда стал выходить «Berliner Volksblatt» («Берлинский Народный листок»).

Но для англосаксонских и романских стран с их своеобразными условиями и глубоко вкоренившимися традициями политической и социальной борьбы, немецкий образец никогда не мог иметь того громадного значения, какое он имел для других европейских наций, главным образом для *Австрии* и *России*.

Австрийская социал-демократия всегда находилась в тесном единении с немецкой, а в начале, в 1870 г., она была связана с ней даже организационно. Старый центральный орган немецкой социал-демократии, лейпцигский «Volksstaat» («Народное Государство», впоследствии переименованный в «Vorwärts»), предшественник теперешнего «Vorwärts'а», в сущности был также центральным органом и австрийской соц.-дем., и то расстройство, которое внес вначале в Германии в дела партии закон о социалистах, отразилось также и еще в большей степени на Австрии. Новый подъем немецкой социал-демократии, выразившийся, между прочим, в создании «Berliner Volksblatt», подготовил и новый подъем австрийской соц.-дем., которая в то время (в конце 1888 и начале 1889 г.) вновь конституировалась в теперешней своей форме на Гайнфельдском конгрессе.

Почти столь же тесные отношения существовали между немецкой соц.-дем. и русской, первые основы которой были заложены в период возникн. «Berliner Volksblatt» товарищами, не только лично близко стоявшими к немецкой соц.-дем., но изучавшими ее историю и литературу усерднее и понимавшими ее лучше, чем многие немецкие соц.-дем. того времени.

Русское революционное движение переживало тогда такое мрачное время, которое ни в чем не уступало теперешнему. Однако, тогдашнее положение дел коренным образом отличалось от теперешнего. И тогда, как и теперь, светлое победное ликование сменилось внезапным крушением всех надежд и неутешным отчаянием. Но положение победителей и побежденных было тогда иное.

Тогда терроризм Народной Воли, благодаря тому, что деятели ее соединяли в себе поразительную смелость и презрение к смерти с государственной мудростью и проницательностью, все плотнее и плотнее наступал на царизм, пока в 1881 году ему не удалось достигнуть высшего предела — убить Александра II. Но именно этот высший предел и обнаружил слабость Народной Воли. За ней не стояло никакого класса, это была просто кучка решительных и самоотверженных борцов. Все, что было в их силах, они сделали, но большего, как убить царя, они не могли. Это могло бы повести к победе лишь в том случае, если бы вызвало массовое выступление могучего революционного класса. Между тем все осталось спокойно. И всему свету стало очевидно, как мало общественных сил крылось за террористическими актами, ясно стало, что терроризм был отчаянием бессилия. Царизм опять осмелел, между тем, как у его противников падала все более и более вера в свои силы и уверенность в победе.

Но лишь слабые и жившие иллюзиями опустили руки. Для сильных и самостоятельно мыслящих элементов период реакции был периодом ревизии их взглядов. Это были не пустые сомнения ревизионизма, а выработка цельного теоретического миросозерцания, которое вело к хорошо обоснованной и сознающей свои цели энергичной боевой тактике.

Как выше было уже сказано, возникновение русской социал-демократии совпадает со временем основания газеты «Berliner Volksblatt». Как и австрийская, русская социал-демократия росла и крепла одновременно и в тесном общении с немецкой.

Однако, успехи русской соц.-дем. объясняются не одним тем обстоятельством, что она встала на общую теоретическую почву с немецкой. Ее успехи объясняются также происходившим в это время преобразованием России.

* Интересно отметить, что кадетский зигзаг «влево» (отверж. бюджета мин. внутр. дел) совпал не с политикой приспособления с.-д. к кадетским лозунгам, а с позицией решительной критики к.-д. в Думе со стороны нашей фракции. Это лишний раз показывает, насколько ошибочна тактика, построенная исключительно на «поддержке», «объединении оппозиции» и т. д.

** Статья эта, которая помещается также в юбилейном номере Ц. О. германской соц.-дем. «Вперед» («Vorwärts»), любезно прислана для нашего Ц. О. тов. К. Каутским. Ред.

Не только революционные элементы, но и государственная власть значительно изменилась с 1881 г. Терроризм и русско-турецкая война обнаружили такую слабость царизма, что у него были все основания к тому, чтобы реформироваться и реорганизоваться, дабы овладеть новыми орудиями власти. Если Крымская война повела за собой отмену крепостного права и другие либеральные реформы, то теперь дело шло о превращении России в промышленную страну. Государственная власть всеми силами стремилась создать широкую капиталистическую промышленность. Сделать это ей удалось, но вместе с тем она создала и значительный промышленный пролетариат, следовательно, сильный революционный класс. Содействовать капиталистической промышленности государственная власть могла только при наличности крупных денежных сумм. Она черпала их частью за границей, частью выжимала из сельского хозяйства, которое она явно разоряла.

При теперешнем контр-революционном режиме положение вещей совершенно иное, чем то, которое создалось после краха 1881 г. Теперешний режим не означает ни реформирования, ни реорганизации государства. Период государственной помощи промышленности миновал, в промышленности застой, несмотря на пособия отдельным кучкам капиталистов; любимым детищем правительства стало теперь сельское хозяйство. Но правительство покровительствует ему лишь в том отношении, что способствует пролетаризации мелких крестьян в интересах дворянства и крупного крестьянства. Конечно, это могло бы содействовать возникновению крупного капиталистического хозяйства, но ему нужны не только *пролетарии*, но и *капиталисты*, а их-то и нет. Правительство не может их дать. Правда, оно делает заем за займом, но тратит их не на сельское хозяйство, а просто на покрытие растущего дефицита. Администрация, более чем когда-либо, высасывает все средства из населения, как промышленного, так и сельского. Контр-революция означает безграничный произвол не только центрального управления, но всех чиновников, которые обкрадывают страну более нагло, чем когда-либо.

Контр-революционный режим даже и при наличности более или менее значительных революционных сил может существовать довольно долго без посторонней поддержки, раз он берет на себя выполнение известных, выдвинутых революцией, требований, ставших необходимыми для дальнейшего общественного развития. Это имело место по отношению к Наполеону III, к Бисмарку, к Александру II, это не имеет места по отношению к теперешней контр-революции в России.

Если она продолжает еще держаться, то она обязана этим не своим собственным силам, а поддержке иных, более сильных элементов, которые постигли, какое громадное значение приобрел для западно-европейского капитализма русский абсолютизм, и какая опасность грозит капитализму со стороны пролетариата, если этот абсолютизм падет. Контр-революция победила и господствует в России благодаря вмешательству Западной Европы, которое, ныне, правда, заключается не в посылке солдат, а в подписке облигаций, но является не менее действительным, чем вооруженное вмешательство прежних времен.

Поражение революции в России не дает поэтому права западно-европейским социалистам свысока смотреть на слабость и ошибки российского пролетариата, т. к. вместе с ним потерпел поражение и пролетариат Западной Европы, поскольку он не смог сделать невозможным вмешательство своих правительств — в особенности во Франции и Англии — в пользу царизма.

Царизм падет в тот момент, как Европа перестанет оказывать ему поддержку.

То же самое видим мы и в *Пруссии*. Здесь мы также имеем господствующий класс, юнкерство, который давно оказался бы банкротом в экономическом и политическом отношении без постоянной помощи со стороны капитала, который политически поддерживает его, помогает ему использовать в своих интересах законодательную власть.

До сих пор еще водятся люди, питающие иллюзию, что возможно объединить против юнкерства и царизма силы капиталистического класса с силами пролетариата, ибо-де юнкерство и царизм отнимают часть капиталистической прибыли. Такие иллюзионисты забывают, насколько развито классовое самосознание у буржуазии. Она ценит юнкерство и царизм, как самых злых и сильных сторожевых псов всей капиталистической системы, охотно тратит кое-что на их кормежку и смотрит сквозь пальцы, когда непослушные псы заворчат иной раз на своих собственных хозяев или стянут у них со стола какой кусок.

Царизм в России, юнкерский режим в Пруссии, капитализм в Западной Европе это тройка, идущая в одной упряжи; чтобы свалить одну из лошадей, надо попытаться остановить всю тройку. Упадет одна, свалятся и другие.

Борьба за избирательное право в Пруссии, революция в России, пролетарская борьба во Франции и в Англии находятся в самом тесном взаимодействии; каждый борец, борясь в своей области, борется вместе с тем и за дело всех других, ни в одной из этих областей не может быть крупной, прочной победы, если одновременно с этим не будет одержана победа в остальных областях.

Пожелаем же нашему центральному органу, который с самого начала был интернациональным органом, стоять и впредь на высоте тех задач, которые вытекают из вышеуказанной международной ситуации.

К. Каутский.

Цель борьбы пролетариата в нашей революции *.

(Окончание).

III.

Что касается тов. Троцкого, которого тов. Мартов заставил участвовать в устроенной им дискуссии третьих лиц, дискуссии всех кроме дискутанта, то мы решительно не можем здесь входить в полное рассмотрение его взглядов *. Это требовало бы особой большой статьи. Задевая ошибочные взгляды т. Троцкого, приводя обрывки этих взглядов, т. Мартов поселяет в читателях целый ряд недоразумений, ибо обрывки цитат не разъясняют, а запутывают дело. Основная ошибка т. Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые т. Мартов *повторяет*, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дела в этом запутанном виде, в котором излагает его тов. Мартов, покажем, по крайней мере, неправильность этих, заслуживших одобрение т. Мартова, рассуждений т. Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создает самостоятельную могучую партию». Это очевидно неверно ни с обще-теоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. «Коалиция» классов *вовсе не* предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах о вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов *вовсе не* предполагает *ни* того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, *ни* того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию! Теоретически это ясно из того, что во 1-х, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во 2-х, создание крестьянских партий особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что «могучая самостоятельная» партия может явиться, например, лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась *десятки и сотни раз* в самых различных формах без «всякой могучей самостоятельной партии» крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было «совместное действие», скажем, совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов или железнодорожного стачечного комитета или крестьянских депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно *беспартийны* и тем не менее «коалиция» *классов* безусловно имела место в каждом совместном действии

* См. «С.-Д.» № 3.

Рабочая группа на женском съезде.

(письмо из петербурга).

В декабре прошлого года здесь, в Питере, был так называемый «первый всероссийский женский съезд». Он вызвал массу толков не только в «обществе», но и в наших партийных организациях и среди рабочих. Профессиональные союзы уже за несколько месяцев начали подготовку докладов на этот съезд. Решено было его использовать для агитации, организации и т. д. Повели агитацию среди женского пролетариата, по клубам, союзам и пр. и удалось всколыхнуть эту довольно инертную и мало организованную массу.

Каждая работница хотела выложить накопившееся у нее горе перед этим съездом, «перед всем пролетариатом». Хотя и говорилось очень часто, что этот съезд «ничего не даст», что «мы идем только для агитации», но все-таки иллюзии были на лицо. С этими иллюзиями сплетались ноты с другой стороны. Отдельные ме-чки, наиболее последовательные, видели в съезде *«оппозицию»*, которую нужно *поддержать*, подтолкнуть и т. д., *вместе* голосовать «за более левые резолюции, председательницу» и т. д. К счастью большинство рабочей группы так не думало. Пролетарский инстинкт работал там, где не хватало убеждения. Большинство работниц (хотя многие из них считалися ме-ками) держало себя и до съезда и на самом съезде определенно резко по отношению ко всякого рода соглашениям, толканиям и т. д. *кадетов, с кадетами, через кадетов*, во всех падежах и формах...

В числе делегаток были и эсерствующие, выбраны были они из кое-каких клубов и *беспартийные*. Рабоч. группа не желала считаться с ними так, как мы этого хотели бы. Никаких директив! вот что каждый раз приходилось слышать представителю П. К., посланному в эту группу. В начале эта линия была не резко очерчена, но по мере усиления нашего давления, требований выдержанности, принципиальности, все более отговаривались беспартийностью. «Вы, П. К., пришли для дезорганизации, для съедения чужого пирога, мы подчиняемся только союзам, нас выбравшим, и никому больше». Если слушать с.-д., надо звать с-р-ов, а еще есть беспартийные. Одним словом, игнорирование партии, что характерно для всех тех легальных учреждений, в которых засели м-ки... В организации вопрос о женском съезде обсуждался мало. Поведение с.-д. в этом вопросе имеет значение прецедента и начала определенной линии, и было бы желательно обсуждение этой резолюции в партийной прессе. Серьезное обсуждение необходимо тем более, что здесь собираются создать беспартийную рабочую организацию, спачала, вероятно, женскую. Попытки уже сделаны. Вдохновительницей является г-жа Е. Кускова, которая влияла на рабочую группу через некоторых называющих себя с.-д.-чками интеллигенток, принимавших участие в предсъездовской кампании, бывших на съезде и примкнувших с правом голоса к группе работниц. По всем принципиальным вопросам они клонили группу к крайнему оппортунизму и, имея за собой некоторых работниц из некоторых клубов — очагов антипартийной агитации, — брали очень часто верх во время того или другого голосования внутри группы, как впоследствии будет видно из изложения. Возвращаюсь к ходу «событий».

Уже накануне съезда возник вопрос, что лучше, принципиальное разграничение позиции с самаго начала в виде декларации и затем иллюстрирование на ряде конкретных, частных вопросов, или — работой в секциях, — «практическое» и «не митинговое», «шаг за шагом» выяснение своей линии, а в конце вывод из работ в виде всего навсего «особого мнения» или даже без оного. Мы считали необходимым в первую голову общий доклад о женском движении с нашей точки зрения на первом общем собрании. Не приступать к работам в секциях, не выяснив смысла и цели присутствия работниц на съезде.

Но организационное бюро съезда, умышленно или нет, неизвестно, не допустило чтения этого доклада в первом общем собрании.

На другой день оказалось, что изменить порядок дня первого общего собрания съезда невозможно, так как градоначальник уже его утвердил, и что съезд не в силах изменить его, но за то: 1) можно взять слово для приветствия — дается 10 минут, — и выяснить цель нашего участия на съезде; 2) можно прочесть предполагавшийся доклад на другом общем собрании, 15 числа. Но каково же было мое состояние, когда я, сидя на общем собрании, слышу целый ряд речей о единении всех женщин, о лучшем будущем, о «безразличии классов» и т. д., а не слышу речи от имени работниц, которая внесла бы диссонанс в это «единое» настроение, указала бы на вред этого «единения» для пролетариата. В качестве представителя партийной организации (П. К.) я требую у руководительниц группы, чтобы кто-нибудь выступил. Мне отвечают: неудобно, несвоевременно и т. д. При помощи

таких организаций. Крестьянская партия при этом намечалась, зарождалась, возникала — в виде «Крестьянского Союза» 1905 года или «Трудовой Группы» 1906 года — и *по мере* роста, развития, самоопределения такой партии, коалиция *классов* принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями. Например, после разгона первой Думы были выпущены следующие *три* призыва к восстанию: 1) К армии и флоту; 2) Ко всему российскому крестьянству; 3) Ко всему народу. Под первым воззванием подписались с.-д. думская фракция и Комитет Трудовой Группы. Обнаружилась ли в этом «совместном действии» *коалиция двух классов?* Конечно, да. Отрицать это значит именно крючкотворствовать или превращать широкое научное понятие «коалиции классов» в узкое юридическое, почти-нотариальное, я сказал бы, понятие. Далее, можно ли отрицать, что этот совместный *призыв* к восстанию, подписанный думскими депутатами от рабочего класса и крестьянства, сопровождался совместными *действиями* в частичных местных восстаниях представителей обоих классов? Можно ли отрицать, что совместный призыв к общему восстанию и совместное участие в местных и частичных восстаниях обязывает сделать вывод о совместном образовании Временного Революционного Правительства? Отрицать это значило бы крючкотворствовать, сводить понятие «правительства» исключительно к законченному, оформленному явлению, забывать о том, что законченность и оформленность проистекают из незаконченности и неоформленности.

Далее, второй призыв к восстанию подписан *Ц. К-том* (меньшевистским!) Р. С-Д. Р. П., тоже партии С.-Р., Всероссийским Крестьянским Союзом, Всерос. Железнодорожным и Всерос. Учительским союзом, кроме Ком. Трудовой Группы и с.-д. фракции, а под третьим призывом к восстанию стоит подпись П. П. С. и Бунда плюс все предыдущие подписи, кроме трех союзов.

Вот вам оформленная политическая коалиция партий и беспартийных организаций! Вот вам «диктатура пролетариата и крестьянства», *провозглашенная* в виде угрозы царизму, в виде призыва ко всему народу, но еще неосуществленная! И в настоящее время едва ли много найдется с.-д., которые бы согласились с меньшевистским *С.-Д.* 1906 года, № 6*, где говорилось про эти призывы: «В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым» (срав. *Прол.*, № 1, 11 авг. 06, и № 8, 23 нояб. 06 года). Боевое соглашение нельзя противопоставлять политическому блоку, ибо оно входит в это последнее понятие. Политический блок осуществляется в различные исторические моменты то «боевым соглашением» в деле восстания, то парламентским соглашением насчет «совместных действий против черносотенцев и против к.-д.» и т. п. Идея диктатуры пролетариата и крестьянства нашла свое практическое выражение в течение всего хода революции в тысяче форм, начиная от подписи манифеста

работниц мне удается склонить группу к необходимости выступления; затем подымается вопрос о содержании. Я наскоро составляю речь и предлагаю прочитать ее. Группа интеллигенток — м-чек составляет с своей стороны бесцветную, неясную речь и передает для прочтения одной работнице.

Вот эта речь (наша декларация!!):

«Я воспользуюсь данным мне словом для того, чтоб отметить этот съезд, как показатель того, что если на верху все спокойно, внизу идет работа. Настоящий съезд — результат борьбы работниц и рабочих. Залог успеха то, что работница пришла на этот съезд, здесь продолжает свою борьбу (которую она должна вести рука-об-руку со всем организованным пролетариатом).» Место, обозначенное скобками, приписано по моему категорическому требованию. Была борьба против этого.

Как видите, абсолютное отсутствие принципиальности, отграничения нашей линии; ни капли диссонанса не желали они внести в эту «торжественную минуту».

Дальше пошла работа по секциям. Тут предстояли выборы президиума. Все сходились на том, что нужно выставить свою вице-председательницу. Дальше ме-ки, как и нужно было ожидать, вместе с «примкнувшими» предложили голосовать, в случае провала своей кандидатки, за более левую, дабы «гарантировать себе свободу слова» и т. п.

Группа работниц категорически была против этого, но мне удалось вначале собрать лишь 14 голосов против 16 и лишь после, когда вспомнили, что перебаллотировок во время выборов президиума не бывает и может быть разговор лишь о снятии своих кандидатов, на что не решились даже крайние правые, из нашей группы из боязни навлечь на себя неудовольствие работниц, находивших в этом недопустимое «соглашение», вопрос сам по себе был исчерпан, и мы выставили в двух секциях, в которых только и работали, именно в секциях политической и экономической, своих вице-председательниц, каковые и прошли. В полит. секции первым был доклад Бередникова С. Е. об участии женщины в земском самоуправлении. Он высказался за уравнение женщины в правах с мужчинами в земстве. Тов. К. выступает горячо против него, указывает на цензовый характер изб. права в земск. самоупр., считает необходимым *коренное* изменение изб. пр. и указывает на то, что «без всеобщего, равного и тайного избирательн. права женщина не может стать равноправной с мужчиной в земстве». Это было первое выступление от имени с.-д. Атмосфера начала накаливаться. Но, что оригинальнее всего, собранием принимаются при смехе некоторых обе резолюции, Бередникова и наша. В группе слышны возгласы неудовольствия: почему К. выступила, не спросясь, зачем так резко? Почему от имени с.-д., когда группа беспартийная и т. д. Одним словом, испугались как бы не изолировать «революцию», вместо того, чтоб изолировать «реакцию», но явное сочувствие работниц этому «резкому» выступлению оказалось сильнее нодовольства «кадетствующих дам из группы».

Во второй секции также была у нас победа. Из доклада г-жи Еремеевой «Работа женщины в деревне» выяснилось, что она считает основным злом крестьянского хозяйства «расстояние между полем и домом» и общинное владение. «Необходимо приблизить поля к дому, создать хутора» говорила другая докладчица. На эти доклады необходим был хороший отпор с нашей стороны. Выступила работница, которая указала на то, что положение крестьянки тесно связано с общ. состоянием крестьянск. хозяйст. и т. п. и никакие филантропические затеи, никакая интенсификация ни к чему не приведут без коренного разрешения аграрного вопроса.

Ввиду того, что мы ожидали выступления членов думской фракции на другой день в связи с докладом Шингарева: «Права женщин в земелвном вопросе и в области местного самоуправления», мы решили оттянуть принятие резолюции. От имени рабочей группы предлагается не выносить окончательной резолюции «ввиду тесной связи между вопросом о положении крестьянки и вопросом аграрным, который будет обсуждаться завтра». *Предложение принимается*. Далее идет доклад Половцевой: «Женщина в кустарной промышл.» Поются дифирамбы кустарн. пром. В ней «проявляется национальный гений». Она существует в России издавна, не может быть убита фабрикой, так как ее существование вызывается особенностями нашего климата и т. д. и т. п.

Против этого доклада мы выставили ряд ораторов, которые доказывали отсталость куст. пром., большую эксплоатацию, в особенности труда женщин и детей, чем на фабрике и т. д.

Мы грянули сразу. Буржуазная публика, мало знакомая с этим вопросом, мало догадливая и возмущенная чересчур бесстыдной идеализацией жизни крестьянки — что-то не слышала она о тех идиллических картинах, которые рисовала Половцева, — голосует почти вся за довольно приличную резолюцию.

Первый день показал, что организованное выступление,

о неплатеже налогов и о взятии обратно вкладов (декабрь 1905 г.) или от подписи призывов к восстанию (июль 1906 г.) и кончая голосованиями во II-ой и в III-ей Думах в 1907 и 1908 годах.

Точно так же неверно второе заявление т. Троцкого, приводимое т. Мартовым. Неверно, что «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство» и т. д. Это особенно неверно, когда т. Мартов приводит это как довод против диктатуры пролетариата и крестьянства. Т. Троцкий в этом рассуждении сам допускает «участие представителей демократического населения» в «рабочем правительстве», т. е. допускает правительство из представителей пролетариата и крестьянства. На каких условиях допускать участие пролетариата в правительстве революции, — вопрос особый и по этому вопросу, очень может быть, большевики не сойдутся не только с Троцким, но и с п. с. д. Но вопрос о диктатуре революционных классов никоим образом не сводится к вопросу о «большинстве» в том или ином революционном правительстве, об условиях допустимости участия с.-д. в том или ином правительстве.

Наконец, всего более неверно третье из приводимых т. Мартовым мнений т. Троцкого, которое кажется т. Мартову «справедливым»: «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, — ни предполагать сохранение в революционный период хоти бы обычной несознательности и пассивности крестьянства. Факты из истории русской революции показывают, что первая же волна подъема, в конце 05 года, сразу толкает крестьянство к такой политической организации (Всерос. Крестьянский Союз), которая несомненно являлась зародышем особой крестьянской партии. В I-ой и во II-ой Думах, несмотря на истребление контр-революцией первой смены передовых крестьян, крестьянство — на этот раз впервые в общенациональном масштабе, в всероссийских выборах — сразу кладет основание «Трудовой Группе», несомненному зачатку особой крестьянской партии. В этих зародышах и зачатках много неустойчивого, неопределенного, шаткого, это несомненно, но если начало революции создало такие политические группировки, то не подлежит ни малейшему сомнению, что революция, доведенная до такого «конца» или вернее до такой высокой степени развития, как революционная диктатура, создаст более оформленную и более сильную революционно-крестьянскую партию. Рассуждать иначе значило бы предполагать, что у взрослого человека некоторые существенные органы могут остаться младенческими по величине, форме, степени развития.

Во всяком случае вывод т. Мартова, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть, есть поразительное несоответствие с фактами,

принципиальная выдержанность, не мешает влиянию даже на публику широкую. Успех был поразительный. Настроение по всем данным *левое*. 12 декабря общее собрание. Шингарев читает доклад и уезжает в Думу. Поэтому прений нет, резолюций аграрных не принимают. Фон-Рутцен читает доклад: «Законодательные предположения Партии Народной Свободы в области равноправия. Прения по этому докладу далеко отошли в сторону. Впервые скрестились две точки зрения: «равноправие» и с.-д., классовая борьба, пролетариат, социализм, капитализм — вот что теперь раздавалось с кафедры.

Тов. К. дает горячую отповедь Фон-Рутцен, прямо призывавшей в ряды к.-д. партии, под ее крылышко. Раздаются голоса вообще против внесения «партийности» на этом съезде. Атмосфера настолько накаляется, что слышны шикания. Мешают говорить работнице Ив. Забывают о всяких резолюциях и закрывают бурное собрание.

Сейчас же едут на Спасскую улицу занимать места в 3-ей секции к 6 часам. Наша группа идет на собрание «свое» — подумать о прошлом и будущем. К 6 часам приходим в общество — на Спасской; нас не пускают. Зал заполнен. Публика протестует. Пропускаются лишь «свои». Работниц пропускать не хотят, так как «это единственное средство отгородить себя от этой группы, желающей только сорвать съезд», — слышно у дверей. Внутрь удалось проникнуть лишь немногим из нашей группы, во-время пришедшим. Доклады предполагались следующие: Мирович — Амстердамский женский конгресс, иначе говоря, ушаты помоев на голову с.-д., Дикштейн — Женский вопрос в различных государствах.

Г-жа Мирович так ненавидит с.-д., что мы считали необходимым дать пищу ее ненависти и повести атаку в полном порядке. Борьба все-таки была жаркая, но, к сожалению, народу было мало: не более 125 человек. Публика, возмущенная закрытием дверей 3-ей секции и простояв четверть часа на морозе перед закрытым подъездом, ушла на вторую секцию, где *по предложению работниц прошла резолюция протеста* против организационного бюро и требование повторить доклады 3-ей секции.

Во второй секции в этот день обсуждается вопрос о проституции. Выступила с докладом г-жа Покровская. Благонравие, нравственное уравнение мужчины и женщины, уничтожение регламентации, требование невинности от мужчины до брака, воспитание сыновей, а для всего этого законодательные права женщины, как *панацея* от всех зол, — вот содержание ее доклада. Доктор Омельченко, выступая с контр-докладом, пугнул «свободной семьей» будущего. Пытаясь марксистски обосновать борьбу с проституцией, Омельченко предложил резолюцию, вполне для нас приемлемую. Секция *ее отвергла*, приняла «нравственную» резолюцию г-жи Покровской и начала баллотировать по пунктам. «Необходимо уничтожение регламентации» — работницы не против. «Необходима борьба с посредниками, через законодательство». «Кто против?» — спрашивает председательница. Рабочая группа, считая это все бессмыслицей, не может, однако, голосовать против, она воздерживается к удивлению «дам». Далее идет пункт: «Для этого необходимы законодательные права женщин». Кто против — сидит. Работницы не поднимаются. Смех, удивление, злорадство. Требование: считайте воздержавшихся! В конце концов надоедает эта комедия и группа уходит с собрания. Воздержание не было мотивировано. Никто от группы не выступал, поэтому поведение ее было совершенно непонятным для публики.

13-го прочитала свой доклад тов. К. на тему: «Женщина и политика». В этом докладе выяснилась принципиальная позиция с.-д. Масса фактического материала об отношении с.-д. к женскому движению иллюстрировала основные мысли т. К.: «Женщины тоже делятся на классы, идут в свои партии. Призывы к единению — это призывы назад. Съезд показывает, что это невозможно. В России политическое развитие женщины шагнуло настолько вперед, что уже невозможен успех «феминизма».

Против выступает целый ряд ораторов. В заключительном слове т. К. разбивает с легкостью все доводы (очень часто просто клевету) оппоненток и, между прочим, употребляет выражение, вызвавшее массу толкований: «Приветствую этот съезд за то, что он дал нам возможность раскрыть политическую дифференциацию женщин. Спасибо ему за это» — вот приблизительно та фраза, которой закончила под гром рукоплесканий свое возражение т. К. Удача ее выступления была очевидна, что закрепилось принятием резолюции, которую мы предложили. Не имея под рукой этой резолюции, вызвавшей скандал впоследствии, я вынужден только рассказать на память ее содержание:

«Женщины различных классов должны бороться за осуществление своих задач вместе с теми социальными группами, которые заинтересованы в том же самом.

«Они должны бороться вместе с ними за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право в высшие законодательные учреждения страны, облеченные всей

есть попытка поистине «высосать» из *слова* то, что на конференции вовсе не обсуждалось, не приводилось, не имелось в виду.

IV.

Задевая Каутского, т. Мартов опять-таки в немногих словах сосредоточивает такое обилие неверностей, что для ответа ему по существу неминуемо приходится рассказывать читателю чуть ли не все с начала.

Совершенно неверно, что «многие в том числе и Ленин и предисл. к статье Каутского о «Перспективах», решительно отрицали буржуазный характер нашей революции», и точно также неверно, что Каутский «объявлял русскую революцию небуржуазной». Дело было совсем иначе.

Плеханов обратился с вопросами ко многим представителям международной социал-демократии, причем в 1-ом вопросе спрашивал об *«общем характере»* русской революции, а во 2-ом о «поведении с.-д. партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему борется за политическую свободу» [7]. В такой формулировке вопросов заключалось уже две ошибки т. Плеханова против марксизма: первая ошибка — смешение «общего характера» революции в смысле *ее общественно-экономического содержания* с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросов, не могут *даже непосредственно* выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа. Вторая ошибка — смешение вопроса о роли крестьянства в нашей революции с ролью буржуазной демократии вообще. На самом деле и крестьянство и либералы подходят под научное понятие «буржуазной демократии», но отношение пролетариата к этим двум разновидностям «буржуазной демократии» неизбежно должно быть существенно различным.

Каутский сразу заметил ошибки тов. Плеханова и *исправил их* своим ответом. В смысле общественно-экономического содержания революции Каутский не только не думал отрицать ее буржуазный характер, а, напротив, решительно признал таковой. Вот относящееся сюда заявление Каутского в тех самых «Перспективах», которые так глубоко неправильно излагает т. Мартов:

«Теперешняя революция (в России) может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Запад. Европе. Поэтому нельзя себе представить, чтобы теперешняя русская революция повела уже к введению социалистического способа производства, даже если бы она временно и предоставила соц.-демократам кормило правления» (стр. 31 перевода под ред. Н. Ленина). В предисловии Ленина именно это место имеется в виду, когда говорится (стр. 6 там же): «Нечего и говорить, что основные положения *всех* русских с.-д. о *несоциалистическом* характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма и мелкого крестьянского производства и т. д. *целиком*

полнотой государственной власти, и в органы местного самоуправления».

Последний пункт я привел точно. Эта резолюция была прочитана, и, как было принято на 3-ей секции, не баллотировалась, а просто передана была в организационное бюро съезда для «окончательной редакции» и для внесения вместе с другими резолюциями на последнее общее собрание. Но так как эта резолюция была принята шумными аплодисментами, а другой прочитано не было, то резолюция рабочей группы считалась принятой.

После принятия резолюции полицейский бросился к кафедре, потребовал от президиума резолюцию, но последний отказался выдать. В другой секции — экономической — наши работницы читали ряд докладов: о положении различных отраслей труда, о женском труде, страховании и т. д.

Тут с нами произошла история, вызвавшая массу шума в рабочей группе. Рабочая группа (конечно, действовала ее часть — наиболее оппортунистическая) присоединилась к резолюции кадета о страховании рабочих и фабричной инспекции.

Группа, узнав об этом, возмутилась (в лице работниц) за этакое неподчинение дисциплине... «Решено, ведь, было итти самостоятельно, ни к кому не присоединяясь. А тут мы пошли во хвосте к.-д.» говорило возмущенно большинство работниц.

Вечером мы обсуждаем «итоги дня». Несколько работниц заявляют о своем недовольстве редакционным бюро группы, «вследствие того, что оно идет во хвосте Кусковой, кадетов и т. д., которые влияют на наших интеллигенток». Но тут же приходится прервать и перейти к другому не менее важному вопросу. Как я уже упоминал, во 2-ой секции были доклады о положении крестьянки. Мы связывали ее положение с положением (правовым и экономическим) всего крестьянства в России. Мы обещали внести аграрную революцию после доклада Шингарева, но тогда страсти так разгорелись, что ни о каких резолюциях речи быть не могло. Считая необходимым обязательно выступить или по крайней мере внести мотивированную резолюцию об «аграрном вопросе», я предложил группе резолюцию следующего содержания: «считая, что положение женщины крестьянки тесно связано с положением всего крестьянства вообще, и что более или менее серьезное улучшение ее положения возможно лишь в связи с общим подъемом крестьянского хозяйства, подъемом, невозможным без коренного разрешения аграрного вопроса и полной демократизации государственного строя, — соединенное собрание секций женского съезда считает необходимым: 1) полное уничтожение сословно-крепостнических отношений; 2) безвозмездный переход всех земель в руки крестьян; 3) уничтожение тяготеющей ныне над крестьянством нашей налоговой системы и радикальное изменение всей финансовой политики государства. Кроме того, ввиду все увеличивающегося расслоения крестьянства и выделения из него сельского пролетариата, необходимо распространение всех видов законодат. охраны труда (в том числе страхов. безработн., больных, увечных, инвалидов и стариков, вдов и сирот, беременных и матерей) на сельскохозяйствен. рабочих и крестьян, занятых в домашней промышленности».

Резолюция эта встретила сильный отпор со всех сторон. Одни говорят: «группа беспартийна, а вы хотите навязать ей соц.-дем. программу».

Другие указывают на то, что среди с.-д. существует масса направлений по аграрному вопросу, а потому-де группа, не имея возможности обсуждать эти направления, не может предлагать никакой резолюции; да и кроме того с.-р.-овки откажутся-де участвовать в группе, если мы предложим с.-д. программу. Восстанут и синдикалистки. (А тех и других было всего несколько чел.).

Этот эпизод характерен для теперешнего «шатания», для тех трудностей, которые приходилось претерпевать, — среди этой неустойчивой массы. Приходилось давать уроки партийной дисциплины, даже считающим себя членами партии.

В конце концов большинством 13 голосов против 11 или 10 прошло мнение: не выносить никакой резолюции.

Со мной были одни работницы и одна из тов. м-ков (т. Г.). Возмущенный этим фактом, подавлением мнения работниц, — действительных представительниц, голосами Mitläufer'ок [8] интеллигенток, трудно отличимых от г-жи Кусковой, я заявляю, что если партийная организация от меня потребует, то я предложу всем тем, кто хочет стоять под знаменем партии выступить из группы и внести самостоятельно свою резолюцию. Мое заявление вызвало колоссальный шум и протест.

«Диктатор, раскольник, дезорганизатор. Вот только что может делать П. К.» — посыпалось со всех сторон.

Тов. Г. (м-ка) присоедилась ко мне. Однако, для меня и для работниц раскол группы был крайним средством и, думая как-нибудь все-таки провести резолюцию, я старался не обострять положения.

(курсив Н. Ленина в предисловии) разделяет Каутский».

Утверждение т. Мартова, что Ленин решительно отрицал буржуазный характер нашей революции, решительно противоречит истине. Ленин говорит как раз обратное. Каутский решительно признал нашу революцию буржуазной по общему характеру в смысле общественно-экономического содержания революции.

«На первый вопрос» Плеханова, — писал там же Каутский, — «мне кажется, нельзя ответить просто в том или ином смысле. Время буржуазных революций, т. е. революций, движущей силой которых явилась буржуазия, миновало, миновало и для России... Буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным» (стр. 29). Читатель видит, что Каутский с полнейшей ясностью определяет здесь, о чем идет речь, — с полнейшей ясностью говорит о буржуазной революции *не* в смысле общественно-экономического содержания, *а* в смысле революции, «движущей силой которой является буржуазия».

Далее. Вторую ошибку Плеханова Каутский поправил тем, что ясно и определенно размежевал «либеральную» и крестьянскую буржуазную демократию. Каутский признал, что «в общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии», что «без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы» (стр. 31). Интересно отметить, — по тому неинтересному вопросу об «*и*», который наполняет принципиальную дискуссию т. Мартова, — что Каутский в этой же статье, т. е. в 1906 году употребляет *на одной странице* и выражение «*опереться*» («на какой класс может опереться русский пролетариат?») и выражение»: *союз пролетариата с другими классами* в революционной борьбе должен прежде всего [9] основываться на общности экономических интересов» (стр. 30).

Не обвинит ли т. Мартов К. Каутского в том, что он в 1906 году, предвидя декабрьскую конференцию Р. С.-Д. Р. П. 1908 года, задался целью «сбить с толку читателей», «замазать и заклеить» разногласия между б-ками и польскими с.-д., «крючкотворствовать» и т. п.?

Заметим, что, защищая идею союза пролетариата и крестьянства в буржуазной русской революции, Каутский в сущности не выдвигает никакой «новой» идеи, а всецело идет по стопам Маркса и Энгельса. Маркс писал в 1848 году в «Новой Рейнской газете» [10]: «Крупная буржуазия — речь идет о немецкой буржуазии после 18 марта 1848 г. — «антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т. е. перед рабочими и демократической буржуазией» (см. третий том изданного Мерингом собрания сочинений Маркса; по-русски вышли пока только два тома). «Немецкая революция 1848 года — писал Маркс 29 июля 1848 года — есть лишь пародия французской революции 1789 г... Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян...

На следующий день, отказавшись от выступления по вопросу об алкоголизме, руководительницы группы занялись выработкой «левой резолюции» по аграрному вопросу. Несколько участниц съезда, в том числе октябристки, главным образом докладчицы по вопросу о положении крестьянки, предложили г-же Кусковой, а та с своей стороны «представительницам» нашей группы в президиуме выработать вместе резолюцию о положении крестьянки. Член президиума от нашей группы, А. Г., оказывается в этой группе. На мой вопрос, как она туда попала, она заявила: «я действую здесь как частное лицо и только, поэтому никаким вашим директивам не подчиняюсь».

Г. Кускова предложила свою резолюцию. Содержание — абсолютно кадетское: крестьянам необходимы политические права. *Интенсификация* сельского хозяйства. Наделение землей на *государственный счет* малоземельных и безземельных и т. д. Взяв за основу эту резолюцию, А. Г. вместе с одной м-чкой, составили свою и предложили этому «частному совещанию». Некоторые пункты были *продиктованы* мною против их воли. Не будучи в редакцион. бюро, мне приходилось прямо насильно, не обращая внимания на ругань и возмущение, навязывать им свое мнение. Всякая резолюция, исходящая от представителя П. К., не принималась редакцион. бюро, даже если она была по смыслу одна и та же. Принять резолюцию П. К-иста, значит признать партийное руководство, а это боже избави. Такова логика наших «нейтралистов». В окончательном виде резолюция, принятая А. Г. + меньшевичка (товарищ М. + г-жа Кускова), — следующая: признавая, что тяжелое угнетенное положение женщины-крестьянки находится в неразрывной связи с общим состоянием *сельского хозяйства* (не хотели *крестьянского!*) страны и что только разрешение всего аграрного вопроса, *интенсификация сельскохозяйственного промысла, поднятие культурного* уровня населения и приобретение широкими слоями населения *политических прав* может раскрепостить крестьянство, в том числе и женщину крестьянку, съезд считает необходимым: 1) **полное наделение землей крестьян малоземельных** и **безземельных**... дальше, как в моей резолюции, приведенной выше. Подчеркнутые места проведены г. Кусковой. Сделав уступки с своей стороны, она потребовала от нас признания этих пунктов— говорили нам «представительницы» вечером на нашем групповом собрании.

«Представительницы» ставлю в кавычках, так как никем не уполномоченные, они впоследствии (на другой день) говорили нам, что выступали там (в этом пресловутом *частном* совещании), как представительницы группы рабочей, а потому будет-де весьма неудобно, если вдруг рабочая группа выдвинет свою резолюцию. Нельзя из-за мелочей (это насчет программных поправок) ставить нас, «представительниц», в глупое положение.

Безвозмездный переход земель вместо какого-то «полного наделения» (по всей вероятности нынешней Гос. Думой) — это не стоящая разговоров мелочь... Несколько работниц, возмущенные этой политикой «интеллигенток, которые плетутся в хвосте кадетов», заявляют о своем уходе из группы и тут же прибавляют, что отдельно от группы они выступать не будут, «чтобы окончательно не позорить группы». Конечно, публика набрасывается на меня, предполагая здесь мои козни. Я же, наоборот, выступил крайним противником раскола теперь, когда осталось еще одно заседание съезда.

Но мне трудно было переубедить работниц. Теперь они меня обвиняли в том, что я чересчур уступаю «этим кадеткам». Видя, что своей резолюции мне по аграрному вопросу не удастся провести, я предложил поправки. Основная поправка: заменить пункт о «полном наделении» «безвозмездным переходом всех земель в руки крестьян». Моя поправка голосованием была провалена. Идея «единой оппозиции» крепко засела в головах «беззаглавцев» [11]. С грустным чувством оставляли мы собрание. Дело организации работниц в недостойных руках. 15 дек. соедин. собр. секций. Предстоял доклад т. А. К.: «Женщина работница в современном обществе». После него можно было прочитать резолюцию. Но т. А. К. сама не читала своего доклада. Президиум, воспользовавшись случаем, счел недопустимым прения и, значит, чтение резолюций в отсутствии докладчицы. (Доклад А. К. читала работница В. [12]). Конечно, мы могли бы все-таки предложить резолюцию в виде резюмэ к докладу. Но мы внизу спорили насчет редакции этой самой главной резолюции — нашей «декларации». Опять мной была предложена резолюция, к тому же нарочно составленная по тезисам т. А. К. Но она принята редакцион. бюро не была. Сомневались — можно ли буржуазному съезду предлагать социалистическую резолюцию? Покуда мы спорили, доклад был кончен, потом резолюцию прочитать уже не пришлось. Резолюция моя не была к тому же принята — как полагалось. Решили выставить только тезисы (они не баллотируются).

Как я уже упоминал, в группе вопрос об уходе со съезда не был определенно выяснен. Резолюция, принятая группой

Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян»...

Маркс ясно противополагает здесь по отношению к *буржуазной* революции контр-революционную буржуазию в союзе с реакцией рабочему классу плюс демократическая буржуазия, т. е. главным образом крестьянство. И нельзя думать, что этот взгляд объясняется незаконченностью социалистического мировоззрения Маркса в то время. 44 года спустя, в 1892 году Энгельс писал в своей статье «Об историческом материализме» (N. Z., XI, т. I, по-русски — в сборнике «Исторический материализм»): ...«Во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация и крестьянская война 16 века в Германии, английская революция 17 века и французская — 18-го) «боевой армией являются крестьяне... Исключительно благодаря вмешательству крестьянства» (йоманри — в английской революции) «и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот».

Следовательно, особенность русской буржуазной революции состоит только в том, что вместо бывшего на втором месте в 16, 17 и 18 вв. плебейского элемента городов, — в 20 веке выступает на первое место пролетариат.

V.

Заключаем. Тов. Мартов задел крайне важный вопрос, который заслуживает обстоятельнейшей дискуссии на страницах Ц. О. партии. Но этот вопрос нельзя «задевать», его надо разбирать по существу, опираясь не только на учение Маркса и Энгельса, но и на опыт русской революции в 1905 — 7 годах.

Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение с.-д.-ов, вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi-марксисты должны бы были обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905 — 7 годов *каждым* крупным поворотом событий давал *практическое* подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и «боевые» и парламентские, были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть *роль вождя* в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы *совместные действия* пролетариата и крестьянства, что без *завоевания политической власти* революционными классами не может быть победы. Отказ от этих истин осуждает социал-демократов неизбежно на шатания, на «движение без цели», на проповедь беспринципных соглашений от случая к случаю, а на деле это и означает кадетское пленение, т. е. зависимость рабочего класса от либерально-монархической, контр-революционной буржуазии.

[Ленин.]

для руководства (она была одобрена Ц. Б. проф. союзов и межклубной комиссией), гласила: уйти со съезда только в том случае, если будут «зажимать рот», ставить препятствия свободе агитации. До сих пор, кроме мелких придирок и сокращений прений, не было таковых «препятствий», поэтому уходить было бессмысленно, если придерживаться резолюции группы. Моя точка зрения, приведенная в *нашей* резолюции, была несколько иная. Она ставила вопрос принципиально. Т. К-ал и еще кое-кто стояли на такой точке зрения: если съезд присоединится к так называемому «международному женскому совету» и образует «национальный женский совет», как то предложить думала г-жа А. П. Философова в этот день (15 дек.), — то нам больше оставаться нечего. Но свою точку зрения она не старалась провести в группе. «Запротоколируем каждый раз свое *особое мнение* и достаточно — говорили некоторые тов. (А протоколов как раз и не вели. Попавшее в газеты все, что можно узнать извне о съезде). Уходить не нужно — так думали представители Ц. Б. Что же думали работницы? Они *чувствовали*, что работы группы идут на убыль, что кульминационным пунктом был доклад т. К. и что после этого доклада в сущности нам нечего было делать на съезде. *Теперь* буржуазный съезд уже мог использовать нас, а не мы его.

Такова была картина состояния группы перед докладом Философовой: «Значение международного женского совета и национальных советов». Она предложила съезду «выразить пожелание» о скорейшей организации органа, объединяющего всех женщин России и связанного с таковыми же организациями Запада.

Мы прочли следующее заявление: «Единая социально-политическая организация, объединяющая женщин различных экономических слоев (классов) общества, *вредна* для женского рабочего движения.

«Освобождение женщины работницы, как женщины других классов общества, возможно лишь вместе с коренным преобразованием современного общественного строя, которое будет результатом борьбы всего рабочего класса, без различия пола». На это заявление, конечно, не обратили никакого внимания.

Г-жа Кускова *по-своему* хотела защитить нас. Она заявила, что нет еще устава, он мало или совсем не известен публике, что этот съезд только — информационный, и нет никакой надобности давать предпочтение одному направлению и т. д. в этом духе. Но все эти доводы наших «благожелателей» ни к чему не привели. *Пожелание выразили.* Ведь этого добивались главным образом организаторы съезда.

Им формально передали руководство женским движением. Они за собой теперь имеют авторитет съезда. Итак, съезд хотя только пожеланием, все-таки оформил свою физиономию. Уходить или не уходить — возник вопрос.

Да ведь это только *пожелания*, можно ли на это обращать внимание, уход будет непонятен и т. д. слышалось в группе. Так как предстояло принятие резолюций, уже окончательных, и так как известно было, что политическая резолюция наша, принятая на 3-й (политич. секции) оглашена быть не может (по полицейским соображениям — говорили организаторши съезда), то я согласился не «бунтовать» «публику» (как выражались), но взял слово от организационного бюро группы, что оно уже «не будет чинить препятствий» к уходу после отказа от принятия нашей политической резолюции.

Слово дали, но, не сдержали его. Была пущена по рукам резолюция моя и представителя Ц. Б. для собирания подписей. Но нужно сделать маленькое отступление. Дело в том, что для выработки окончательной резолюции были избраны из среды съезда «*на помощь*» «организационному бюро» несколько лиц, в том числе г. Кускова и А. Г. Эта комиссия большинством голосов не сочла возможным читать резолюцию, принятую на 3-ей секции (где говорилось о *законодат. учрежд., облеченном всей полнотой государ. власти*); аргумент. — полицейские условия. Но все-таки резолюция необходима. Это самое главное. Выработали свою, где говорится о *всеобщем* избирательном праве *без дальнейшего*. «Выборные» протестовали и ушли из «комиссии». Мы, конечно, не могли согласиться «на всеобщее», так как мы все время выступали против «равноправия», а стояли за «четырехвостку». «Всеобщее» можно было понимать разно. Вот почему, когда председательница г-жа Тыркова заявила о выработке своей резолюции и предложила принять ее, Кускова выступила с следующим предложением: так как долженствующая быть предложенной резолюция выработана без участья лиц, выбранных съездом, основой резолюции является не та, которая обсуждалась и принята в секции (а уважать работы секции необходимо, иначе бессмысленно было делиться на секции), а совершенно иная, не обсужденная на съезде, составленная случайными людьми, а так как съезд по полицейским условиям не может выслушать настоящую резолюцию, она предлагает или совсем не читать и не принимать резолюций, или *молча* присоединиться к резолюции 3-ей секции. Подобное заявление от имени рабочей группы — автора резолюции — я и набросал, прибавив «в случае, если это не пройдет, то мы уходим демонстративно, мотивируя свой уход явным игнорированием съездом рабочей группы». Этот конец и вызвал разногласия в группе, и потому пришлось собирать подписи. «Правая» предложила такой конец: «мы вносим особое мнение и остаемся на съезде».

Конечно, было ясно, что нашего «особого мнения» прочитать не дадут, поскольку в нем будет заключаться что-нибудь из запретной резолюции. *Все работницы (за исключением 2 — 3) стояли за мою резолюцию.* Но собирая подписи, объясняя в чем дело, споря, мы не успели выработать подробную мотивировку ухода, и должны были довериться С-ой.

Сторонницы Кусковой были против ухода, мотивируя так: «мы предлагаем съезду согласиться с нами. Но съезд суверенен. Поскольку мы участвуем на съезде, мы должны подчиняться его воле, если он решит не так, как мы думаем, то мы должны подчиниться, уходить нечего».

Мотивировка ухода у С-ной вышла довольно вялой. Вместо демонстративного ухода, группа выходит по 2 чел., по одиночке, через несколько минут. Многие продолжают сидеть, подавленные, возмущенные, вместо того, чтобы встать и уходить. Постепенно, однако, выясняют себе положение дел и уходят. Одна из руководительниц группы, т. М., поднимается на кафедру и хочет объяснить подробнее публике, не разобравшей, в чем дело. Неудачно. Уход не удалось мотивировать достаточно принципиально. Буржуазная публика торжествовала. «Хотели сорвать съезд — не удалось», «сами не понимают, что делают», и т. д. — слышалось со всех сторон. Об этом «скандале» все вкривь и вкось толковали. Сочувствующие собирали подписи под каким-то заявлением.

Так кончилась наша работа на съезде. Было еще одно общее собрание без прений, торжественное, и тем закончился съезд.

Что же далее делала наша группа? Читала доклады (разных направлений), собралась еще несколько раз, решала вопрос о своем дальнейшем существовании. Она расцущена, но при Ц. Б. образовалась «женская комиссия». Некоторые женщины, считающие себя партийными, хотят организовать «группу при партии для работы среди женщин» по образцу германскому. Одним словом, намечается интерес к работе среди женского пролетариата и идут разговоры об особой женской организации.

Член П. К.

Рабочая группа на женском съезде и социал-демократия.

Со времени закрытия женского съезда прошло уже немало времени, но до сих пор еще не прекращаются попытки подвести итоги съезда и разобраться в наметившихся на нем тенденциях. Как предсъездовская кампания в рабочей среде, как обсуждение тех или других шагов в частных совещаниях самой сорганизовавшейся группы во время съезда, так и отчеты рабочих представительниц

своим избирателям сопровождаются страстными дебатами, находящими себе отклик и в печати.

Все данные говорят за то, что поведение «рабочей группы» не отличалось вполне выдержанным проведением какой-либо определенной линии. Новизна дела, условия выборов, состав группы, наконец, то обстоятельство, что эта группа явилась представительницей такого слоя пролетариата, который принимал сравнительно малое участие в политически-сознательном движении,— вполне, конечно, объясняют неопределенность и неясность общей линии группы на съезде. Скорее надо отметить, что — несмотря на эти обстоятельства — в общем и целом группа сумела подчеркнуть и в ряде определенных конкретных вопросов и в области принципиальных вопросов особое положение, особые цели и особую тактику пролетарки перед лицом буржуазного женского движения. Пролетарское представительство на первом женском съезде и то отмежевание от задач буржуазного феминизма, которое закреплено поведением пролетарских элементов на съезде, несомненно усилит и облегчит непосредственную работу социал-демократии в среде женского пролетариата. И поэтому нам кажется совершенно правильной позиция, занятая петербургским комитетом нашей партии, решившим:

> «Своим участием в предсъездовской кампании, а также и на съезде... способствовать организации на съезде сплоченной группы пролетарок, которая, стоя на строго-классовой точке зрения, выяснила бы прежде всего нашу принципиальную позицию и кроме того выдвинула бы и защищала в полной мере, не стушевывая резкой противоположности интересов различных частей съезда, все требования пролетарок, отнюдь не останавливаясь перед неизбежным конфликтом и отсюда вытекающим демонстративным уходом этой группы со всеми примкнувшими к ней пролетарскими элементами» (из резолюции, принятой П. К-том).

Систематическому осуществлению этих задач, в общем несомненно легших в основу поведения и совпавших с настроением пролетарских элементов группы, мешали, однако, не только указанные выше, более или менее внешние обстоятельства, но и та внутренняя борьба в группе, которая своим исходным пунктом имела поход некоторых элементов группы из Mitläufer'ов против «резкости» выступлений и против выдвигания задач «размежевания» пролетарской и буржуазной части съезда.

Подробное описание этой внутренней борьбы читатель найдет в печатаемом в этом № письме из Петербурга. Нетрудно установить, что в группе происходила борьба 2-х, или, если угодно, трех тенденций. С одной стороны стояли пролетарские элементы группы, тенденция которых в общем совпадала с сознательной линией партийной организации и давала последней возможность неоднократно одерживать победы над другой тенденцией, отражавшей настроение интеллигентского, все время ведшего линию поддержки кадетских элементов съезда, оппортунизма. На крайнем правом крыле приютилось то течение, за которым уже установилось в партии название ликвидаторского. Это ликвидаторское течение и здесь, как и в других областях партийной жизни, связывало свою линию не только с вопросами организационными, но и с вопросами тактики и, как видно, из рассказа петербуржца о борьбе по поводу аграрной резолюции, даже программы. Из этой группы шли вопли против вмешательства в действия рабочей группы партийной организации, против «размежевания», «резкости» выступлений. Здесь заботились, главным образом, о том, чтобы «провести грань» между правокадетскими и левокадетскими элементами, полагая, что этой задаче служит прежде всего «тактичное» прикрывание социал-демократической позиции и замена ее общедемократической платформой, которая дала бы возможность собрать вокруг нее все оппозиционные октябристской правой элементы. Этой группе принадлежала руководящая роль в борьбе с пролетарской частью «рабочей группы» и с партийной организацией, стремившейся отлить настроение пролетарок в сознательно проводимую политику.

Линия этой группы и ее неудача в борьбе с тенденцией пролетарских элементов нашла себе выражение в ряде статей, подводящих итоги деятельности рабочей группы на съезде. В этом отношении особенно характерна статья W., нашедшая себе приют на стр. газ. «Гол. С.-Д.» и даже встретившая поддержку редакции последней.

Те ошибки, те колебания, которые обнаружили работницы, конечно, не подрывают утверждения, что в общем и целом тенденция к социал-демократической постановке вопросов была жива у работниц. В этом характерный показатель того, как широко укоренились в головах даже наиболее отсталых слоев пролетариата уроки пережитого подъема. И нет ничего удивительного, что именно эта тенденция, этот результат усвоения уроков революции, стала мишенью критики, вызывала и вызывает наиболее озлобленные выходки ликвидаторов. Вместо того, чтобы подхватить, развить и осмыслить, дать соответствующее выражение тому «классовому инстинкту», о котором пишет член П. К.-та, тому «чувству классового антагонизма», в котором видит корень зла т. W. (из № 12 «Голоса С.-Д.»), ликвидаторы под косвенным влиянием, а иногда в прямом союзе с г-жей Е. Кусковой, повели с этим «чувством» планомерную борьбу, естественно распространившуюся на представителя партийной организации, стремившемуся к выполнению поставленной выше задачи.

В общем и целом пролетарская тенденция возобладала, и отсюда тот гнев, то злопыхательство относительно рабочей группы, которые сквозит в статьях Ерманского и W. Хорошо рассчитанный план поддержки левых элементов, подмены социал-демократической платформы — платформой общедемократической не удался лицам, приготовившимся к «руководительству» группы, хотя самое их положение и еще другие условия обеспечивали им, казалось, максимум возможного влияния. Чем же объясняют огорченные «руководительницы» и присоединившаяся к ним газ. «Голос С.-Д.» свою неудачу в борьбе с партийной организацией и рабочими элементами группы?

«Чувство антагонизма ложилось в основу съездовской тактики и благодаря ему требования большевиков находили подготовленную почву», так пишет тов W. на страницах упомянутой газеты.

Нас удивляет только, как это до сих пор никто из друзей автора не объяснил ему, что, если его так огорчает «чувство антагонизма», то ему следовало бы искать прибежища для своих оскорбленных чувств отнюдь не в «рабочих группах». А то мы опасаемся, что подобные группы и в дальнейшем не дадут ему никакого удовольствия. Бороться с «чувством антагонизма» «рабочих групп» к буржуазным группам, жаловаться на это чувство, на его «резкость», на его «нежизненность», на «абстрактность» социалистических формул — как это делает в дальнейшей части своей статьи т. W., к которой присоединился «Голос С.-Д.», — и во всем этом видеть причину успехов большевиков — это значит подписывать себе смертный приговор, как работнику пролетарского социализма.

Чем же, однако, недовольны редакция «Голоса С.-Д.» и W? Поводов для недовольства у них достаточное количество; во 1-х, конечно, это — «официальные представители», которых по мнению W. был «даже большой излишек», хотя, казалось бы, трудно говорить об излишках при наличности *одного* «представителя»; во 2-х это — «слишком резкое и настойчивое демонстрирование примитивного представления о «классовых противоречиях», хотя опять-таки, казалось бы, с.-д.-ту нечего горевать о подобном демонстрировании, когда оно на первых порах вызвано даже чисто внешней обстановкой и отливается сначала даже в «примитивное представление» о классовых противоречиях; в 3-х это — уже упомянутое «чувство антагонизма» между пролетарской и буржуазной частью съезда; в 4-х это — «внешняя резкость» выступлений, которая, по соображениям W., оттолкнула некоторые буржуазные элементы съезда, вначале «выражавших сочувствие группе аплодисментами», хотя вряд ли автор серьезно рассчитывает на то, что это «сочувствие» пошло бы дальше случайных аплодисментов, ежели бы «внутренняя» резкость была облечена в гладкие и улыбающиеся фразы. Надо в самом деле предполагать совершенными Иванушками в

политике тех, кого собираешься вести за собой, чтобы думать, что их можно уловить на удочку внешней мягкости, не жертвуя принципиальной резкостью. И не откровеннее ли поэтому было бы прямо сказать, что недовольство вызвано не *формой*, а самым *содержанием* выступлений, слишком резким на взгляд некоторых... социал-демократов.

Мы, однако, не кончили перечня поводов для недовольства «рабочей группой» со стороны W.

Недовольны W. и единомышленники и тем, что слишком настойчиво подчеркивался вопрос о «размежевании», недовольны они и тем, что «рабочая группа» «злоупотребляла общими формулами социализма, указывая на него как на *единственный* (курс. наш) способ излечения общественных язв», ибо это «не очень понравилось дамам», как пишет W. по поводу выступлений одной работницы. «Не очень понравилось дамам» и многое другое в выступлениях «рабочей группы» и это, в свою очередь, не нравится W. «Голос С.-Д.» разъясняет: надо стремиться к тому, чтобы передовые элементы пролетариата *заняли такую позицию, которая позволила бы им увлечь на путь более решительной борьбы демократические слои оппозиции»*... (курс. наш).

Очень хорошо...

Правда, какая такая существует особая, специальная позиция пролетариата, отличная от его общей позиции, которая позволяла бы ему «увлечь» и т. д., где ее искать и чем надо было пожертвовать рабочей группе на съезде, чтоб ее «занять» — этого не указывает «Голос С.-Д.» Но уже приведенных поводов недовольства W. достаточно, чтоб убедиться, что «резкость» выступлений и вопросы «размежевания» должны быть прежде всего принесены в жертву этой рекомендуемой «Голосом С.-Д.» позиции.

Мы хотя и отчасти лишь перебрали поводы недовольства некоторых элементов группы и некоторых соц.-дем. ее общим поведением.

Быть может рельефнее всего они сведены в следующем месте ее статьи: «В результате сплетения всех этих факторов тактика нашей рабочей группы в большинстве случаев была чисто «немецкой». Она или трактовала о специфических рабочих вопросах: охране труда, страховании, материнстве и беременности, положении разных профессий и т. д., или в вопросах общего характера стремилась, прежде всего, «отмежеваться», подчеркнуть, что есть «вы» и «мы» и что все язвы и болезни общественного строя излечит только социализм». «Голос С.-Д.».

Кратко говоря, не поводы, а уже причина недовольства рабочей группой кроется в том, что ни в конкретных, «специфически рабочих вопросах», ни в вопросах общего характера и вопросах «излечения общественного организма» группа не нашла возможным жертвовать тем, что «не понравилось дамам» и пожертвование чем *единственно* могло осуществить гениально поставленную задачу оторвать левокадетские элементы женского съезда от его правокадетских элементов.

Та горечь, та энергия и тот горячий тон, с которым ведется теперь кампания против «рабочей группы», уже сами по себе показывают, как далеко было ее пролетарское большинство от этой тенденции. Пытаясь как-нибудь ныне объяснить свою неудачу, W., справедливо указывая, что «и большевистская линия не получилась безукоризненно прямой», неоднократно ссылается на большевистское влияние и на то, что в рабочей группе «предложения большевиков находили подготовленную почву».

С этим злокозненным влиянием петербургской организации вообще произошла странная вещь. Петербургская организация была, в силу разных причин, поставлена в самое затруднительное положение в смысле непосредственного влияния на группу. По самому своему составу группа *отнюдь* не была большевистской... Но в большей своей части она была рабочей, и здесь разгадка неудачи W. и родственных этому автору элементов.

В той борьбе различных тенденций, которую мы отметили выше, пролетарские элементы — сбивчиво, колеблясь, с трудом высвобождаясь из-под влияния непартийных и не социал-демократических течений — все же явно тянули в сторону партии и ее тактики.

Теперь тов. Михайлова в «Голосе С.-Д.» пытается представить, что в борьбе этих антипартийных элементов с рабочими представительницами группа фактически заняла какую-то среднюю, но определенную позицию. Однако тот же «Голос С.-Д.» прекрасно вскрыл действительное положение дела, когда сейчас за ст. тов. Михайловой, статьей, старающейся представить, что в конце концов «все благополучно» и смазывающей острые углы в жизни группы, поместил явно ликвидаторскую статью W. и именно к последней присоединился.

Статья тов. А. Михайловой хочет показать, что «тактическое большинство состояло преимущественно из меньшевиков» и что «это последнее направление явилось на съезде руководящим». Т. Михайлова несколько отстала. Она все еще думает встретить поддержку со стороны меньшевизма, намечая свою тактику в таких словах: «необходимо отчетливо проводить свою соц.-демократическую точку зрения, не страшась своей классовой позицией отпугнуть колеблющиеся души демократок». Увы! т. Михайлова, такая тактика, как показывают статьи W., «Голоса С.-Д.», Ерманского и прочих, к сожалению, называется ныне тактикой элементарной, митинговой, примитивной и как еще... Это — тактика, зиждущаяся на осмысливании «чувства антагонизма» и дающая успех ортодоксальной социалдемократии, когда ей приходится соприкасаться с действительно рабочей средой, хотя бы *рабочие*-меньшевики сохраняли в ней «фактическое большинство».

И не потому ли жалуется «Голос С.-Д.» на влияние «официальных представителей» в рабочей — даже по преимуществу ме-ской — группе, что здесь произошло это совпадение живой тенденции рабочего класса с тем, что «Голос С.-Д.» называет «мертвящей тенденцией большевизма». Не представляется ли, при нынешнем развале, некоторым группам нашей партии, что «резкое и настойчивое» подчеркиванье представлении о «классовых противоречиях» есть специфическое достояние большевизма. Можем их успокоить — это специфическое достояние революционной соц.-дем., и люди, отгораживающиеся от этого «бестактного» представления, отгораживают себя не от большевизма только, а вообще от с.-д. И естественно, что, когда они это делают, они оказываются в конфликте со всякой данной «рабочей группой», как и в противоречии с тенденцией движения всего рабочего класса в целом. Партия может быть довольна как тем толчком к работе организации женского пролетариата, который дан пролетарскими элементами группы, так и обнаружением на данном частном случае пропасти между действительной тенденцией развития пролетариата и проповедью оппортунистических и ликвидаторских элементов, находящей себе, к сожалению, приют в социал-демократических изданиях.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Французская почтово-телеграфная стачка.

Мало сказать общеизвестную истину: Франция — страна мелкой буржуазии. Необходимо для большей полноты и точности прибавить: а также мелкого и среднего чиновничества, другими словами, мелкой буржуазии самого худшего сорта. Французский чиновник — бюрократ — не просто мелкий буржуа: это мелкий буржуа с претензиями, с уверенностью в завтрашнем дне. Это мелкий буржуа, которому разрешается на досуге помечтать о «блестящих» перспективах, о «повышении» на несколько ступенек по мелкобуржуазной лестнице. Бюрократическая, обмундированная мелкая буржуазия, причалившая к тихой пристани сытой обеспеченности, от отсутствия которой так трагически страдает мелкий буржуа «в штатском», обыкновенно смотрит свысока на меньшую братию, на взволнованное и бунтующее пролетарское море.

Sauve mari magno alterius...

Эти слова поэта о том, как «приятно» созерцать с тихого берега тонущего ближнего, были еще до самого недавнего времени вполне применимы к мелкому и среднему почтовому чиновничеству. Когда в 1906 г. почтальоны, эти чиновники по мундиру и рабской зависимости от начальства, но страшно угнетенные пролетарии по своим крайне тяжелым условиям жизни, когда эти почтовые парии впервые

объявили стачку, почтовые чиновники-бюрократы отказались подать руку помощи «тонущим»: дело почтальонов было проиграно.

Условия жизни развивали консервативный дух в многочисленной армии мелкой почтовой бюрократии. Почтовым чиновникам обеспечен кусок хлеба. Им также обеспечена безбедная старость. Они получают не обычную рабочую плату, а «жалованье». Они занимают известное общественное «положение». А ловким и начальству покорным представляется возможность «отличиться», выйти в «люди». Чтобы добиться «места» в почтово-телеграфном ведомстве, надо порядочно пошататься по передним депутатов и министров, заручиться связями, рекомендациями. В результате: образование чистейшего типа самодовольного, претенциозного, мелкого буржуа. Чиновничество — столп и опора того мелкобуржуазного строя, который держит в своих цепких руках современную Францию, где сверху донизу, с вышины правительственных сфер до рабочих и социалистических низов, все заражено мертвящим мелкобуржуазным духом.

Этой мелкобуржуазной идиллии нанесен теперь серьезный удар. Правительству Клемансо-Бриана-Вивиани принадлежит бессмертная заслуга, состоящая в том, что почтовое и телеграфное чиновничество, выведенное из терпения мелкими и крупными притеснениями, приобщилось к обще-пролетарской борьбе. Консервативные чиновники восстали против своего непосредственного начальства, товарища министра Симиана. «Чиновники» обратились в обыкновенных демонстрантов, в простых стачечников.

В центральное телеграфное бюро, помещающееся на улице Grenelle, которое связывает Париж со всем миром, врываются агенты полиции с префектом во главе, производят там настоящую расправу «на русский лад». Почтенный французский помпадур, Его Ничтожество Симиан, правая рука реакционного министра Барту, набрасывается как бешеный, на телеграфистов и телеграфисток, обливая их помоями площадной ругани. Стачечная волна разливается по всей Франции. Нормальная жизнь прекращается. Биржа приуныла. Правительство теряет голову. Палата депутатов тоже. Одним словом, настоящее светопреставление в мелкобуржуазным духом.

Почтово-телеграфная стачка, продолжавшаяся немногим более недели, богата интересными эпизодами, которых по недостатку места мы касаться не можем. Проследим, однако, ход стачки. Она была вызвана, между прочим, министерским циркуляром, регулирующим периодическое повышение в чине, связанное с прибавкой жалованья. Первоначальное жалованье мелкого почтового чиновника — около 800 франков, или около 300 руб. в год, — ничтожно. Вся его надежда на периодическое — через каждые 3 года — «повышение». Вопрос о повышении есть поэтому для него вопрос жизни. Для высшей почтовой администрации в этой области открыт широкий простор для всевозможных злоупотреблений. Для этого ему стоит только поставить это повышение в зависимость от «отличного поведения», от своего рода свидетельства о благонадежности. Упомянутый Симиан широко пользовался своим правом регулировать периодический рост почтового жалованья. При нем и по его указаниям широко применялась система административных «отметок», закрывавших доступ к «повышению» неблагонадежным элементам. Это вызывало крайнее неудовольствие. Ассоциация почтово-телеграфных чиновников (P. T. T.), в которой числится 30 000 членов, посылала делегации за делегациями к Симиану, который отказывался удовлетворить требования служащих. Собрание чиновников, узнав о резко-отрицательном ответе, полученном от Симиана их последней делегацией, устроило как-то неожиданно манифестацию в центральном телеграфном бюро улицы Grenelle, где и произошла вышеупомянутая бурная сцена.

Чиновнику-стачечнику приходится рисковать большим, чем обыкновенному пролетарию. Несмотря на это, почтово-телеграфная стачка прошла замечательно дружно. Правительство, опираясь на почти единогласный протест палаты против стачки чиновников, не скупилось на угрозы. Но оно оказалось бессильным перед солидарностью стачечников. Нервная система капиталистического общества отказалась функционировать: всему общественному организму угрожал паралич. Почтово-телеграфные чиновники оказались сильнее правительства и палаты, вместе взятых...

В начале стачки Клемансо гордо заявил: не уступлю! Он, очевидно, полагал, что у его подчиненных не хватит смелости для массового, хотя бы мирного бунта. Когда же стачка стала совершившимся фактом, правительство вступило в переговоры с стачечниками. Сам факт переговоров с восставшими против начальства чиновниками представлял уже частичную капитуляцию правительства. Дальше неопределенных обещаний оно все-таки не пошло. Ссылаясь на конституцию, по которой только палате полагается давать отставку министрам, правительство формально отказывалось выбросить за борт Симиана, как того требовали стачечники. Но оно дало ясно понять, что Симиан уйдет. Отсутствие Симиана на переговорах со стачечниками, его молчание в палате, более чем холодное отношение к нему министров и палаты ясно указывали на то, что виновник стачки «морально» отставлен от должности.

Стачечный комитет, веря в искренность правительства, решил прекратить стачку. Интересно, что против прекращения стачки высказался лишь представитель почтово-телеграфных *рабочих*, которые вообще остались верны до конца движению и представляли самый активный, самый энергичный и дисциплинированный элемент стачки. Когда члены стачечного комитета явились на многотысячное собрание с предложением прекратить стачку, против него поднялась настоящая буря протестов. Раздались оскорбительные крики по адресу комитета.

Всякая другая стачка была бы окончательно деморализована и разбита этим роковым шагом комитета. Ряды стачечников были бы расстроены. Произошел бы раскол, и деморализация охватила бы ряды борющихся. Этого, к счастью, не случилось. Комитет понял свою ошибку, чистосердечно в ней раскаялся. Стачку решено было продолжать.

Правительство потерпело поражение своей попыткой расколоть и деморализовать стачечников. Оно пошло на дальнейшие переговоры. Социалистическая фракция, которая *одна*, хотя без особенного блеска и энергии, защищала дело стачечников, внесла запрос в палату. Клемансо воспользовался этим запросом, чтобы с трибуны заявить о своих добрых намерениях по отношению к стачечникам. А во время переговоров с делегатами стачечного комитета он торжественно обещал никаких увольнений и вообще репрессивных мер не предпринимать. По отношению же к Симиану он ясно дал понять, что его отставка — вопрос времени. «Вы меня понимаете: я не могу, я не должен вам этого сказать». Стачечники приняли это за официальное обещание.

На этот раз они не делали шагу без разрешения самих стачечников, которые почти беспрерывно заседали в числе 8 — 10 000 в громадной зале Tivoli. Члены комитета ограничивались изложением положения дела, хода переговоров, да робкими советами. Даже после заявления Клемансо, собрание стачечников решило не прекратить стачку, а ожидать появления «Официальной Газеты» с текстом речи Клемансо. И прекращение стачки было решено собранием в Tivoli только на следующий день после социалистического запроса и смиренных заявлений гордого Клемансо, скромно поджавшего свой лисий хвост.

Сами стачечники определили час и порядок возобновления работы. Молча и торжественно отправились телеграфисты в центральное бюро улицы Grenelle и при дружных криках: ура! приступили к работе. Дисциплина и порядок были соблюдены до конца.

Никогда я не видел во Франции такой стачки. Ни лишних фраз, ни криков. Речи были кратки, сильны и содержательны. Ораторы выслушивались молча. Тысячи повиновались, как один человек, общим лозунгам, принятым решениям. Анархисты пытались повернуть в свою сторону стачку, советуя свой излюбленный sabottage, в данном случае — порчу телеграфа и машин. Но их молча и с достоинством удаляли. Порча телеграфа вызвала бы негодование общественного мнения, в общем расположенного к стачечникам, и сыграла бы на руку правительству. Социалисты и не пытались овладеть движением, предпочитая предоставить его себе самому... Стачечники вряд ли допустили бы вмешательство «политиков»: появление депутата Аллеманя, делегата парламентской социалистической фракции, на трибуне залы Tivoli встречено было не особенно сочувственно со стороны руководителей движения. Приходится сожалеть только о том, что в самой палате социалистические депутаты во время самой стачки недостаточно энергично боролись с большинством и правительством. Это объясняется общими условиями французской социалистической жизни, о которых сейчас не можем распространяться.

Когда стачка уже окончилась и в почтово-телеграфном бюро стал водворяться порядок и закипела работа, правительство вздумало отомстить стачечник. за одержанную ими моральную победу. В последней афише стачечников, в которой выражается категорическое нежелание служить под начальством Симиана, правительство нашло предлог для возбуждения преследования против главарей стачки. Правительство, очевидно, испугалось криков руководящих органов буржуазной прессы о «первой победе революции». Но руки оказались коротки у Клемансо. Стачечный комитет, еще не распущенный, заявил свою твердую решимость начать борьбу снова. Палата на этот раз серьезно испугалась и чуть не свергла министерство. Правительство еще раз капитулировало, отказавшись от преследования стачечников. Оно только себя напрасно опозорило, показав свою злую

волю, готовность на вероломство и свое полнейшее бессилие в борьбе с прекрасно сплоченными и решительными почтово-телеграфными служащими.

* * *

Анархо-синдикалисты, дезорганизаторы французского рабочего движения, кричат о победе «революционного» синдикализма, «прямого воздействия» и т. д. Ничего подобного. Почтово-телеграфные служащие победили *пока*, потому что они употребили как раз метод, противоположный «методу» анархо-синдикалистскому. Они опирались на *солидную* организацию и приступили к борьбе с серьезными силами, с полными кассами — и без пустых фраз.

Почтово-телеграфная стачка, это — урок для республиканского правительства, не склонного отказаться от монархических приемов правления. Это урок и для самих чиновников, в большинстве шедших за изменившими им буржуазными партиями. Они теперь знают, что они, как и весь пролетариат, могут только рассчитывать на себя и на социалистическую партию, которая во время *последнего* эпизода стачки была уже вполне на высоте своей задачи, заставив вероломного Клемансо *окончательно* капитулировать перед стачечниками.

Стачка будет иметь и тот результат, что крепче сплотит различные категории почтово-телеграфных служащих (чиновников, почтальонов и рабочих). Проектируется уже федерация всех этих категорий. Она также знаменует шаг к пролетарскому единству всех эксплоатируемых: пролетариев в мундирах и пролетариев в штатском. Капитализм живет разъединенностью пролетариата. Сплоченность и единство пролетариата — смерть капитализма.

Х. Л. Раппопорт.

ИЗ ПАРТИИ.

Из Думской с.-д. фракции.

III.

Сообщаем о подготовке бюджетных выступлений. 15 февраля окончательно обсуждалось общее выступление по бюджету. Покровский изложил свою речь. В ней характеризовалась традиционная финансовая политика правительства, сводящаяся к истощению народных средств, к преобладанию непроизводительных расходов. Итоги финансовой политики в двух словах таковы: подождем с культурными расходами, а расходы на военные надобности своевременны (свыше 100 миллионов лишних расходов по военному ведомству, а по народному просвещению только 11 миллионов). При этом роль Государственной Думы такова, что центр отмалчивается и расписывается. Практика прошлого года показала, что никаких материальных приобретений для народного хозяйства от третьей Думы нет, а есть лишь разве моральные — в том смысле, что обнаружилось отношение Думы к народному карману и народным интересам.

Проект речи вновь вызвал оживленные дебаты. Сначала указывалось на необходимые дополнения. Прежде всего в смете имеется замаскированный дефицит, скрытый, благодаря переносу ряда обыкновенных расходов в смету расходов чрезвычайных; сюда относятся расходы на усиленное довольствие солдат и подобные расходы, отнесенные к рубрике расходов, якобы вызванных японской войной. Но и указанный дефицит в 150 мил. может усилиться благодаря возможным расходам на народное продовольствие, ибо недород 1908 г. более, чем в 1907 г. А между тем министр об этом не упоминает.

Деп. Кузнецов настаивает на придании речи менее специально-технического характера и более принципиально-социалистического характера. Нас, говорит он, порицали за то, что в наших бюджетных выступлениях недостаточно громко и ясно звучали соц.-дем. ноты; на это же указывал здесь при первом обсуждении речи Покровского и сведущее лицо, т. С. Раз мы говорим не столько для Думы, сколько для широких масс, то мы не должны гнаться за особенной ученостью, а должны выдвинуть и наглядно развить несколько пунктов, которые бы особенно говорили уму и сердцу этих масс. Поэтому, говоря о доходах, необходимо указать на способ их получения, указать на карательные экспедиции, с помощью коих выколачиваются налоги. Необходимо, далее, подчеркнуть преобладание в нашем бюджете косвенных налогов. Говоря о расходах, следует особенно остановиться на милитаризме и т. п. явлениях, придающих нашему бюджету специфическую окраску. При этом необходимо задеть вопрос о текущем моменте и о возможной войне и осветить отношение наше к этому вопросу; далее надо характеризовать тактику кадет и их роли в балканской политике. Словом, заключает Кузнецов, придать всему выступлению более принципиальный, а вместе о тем, злободневный характер.

Кузнецова, ставшего на принципиальную точку зрения, поддерживает т. С. В прошлый раз все остановились на том, говорит он, что речи необходимо придать принципиальный с.-д. характер. Некоторых это требование испугало в том отношении, что они подумали, будто принципиальность почему-то связана с трафаретностью. На самом деле ничего подобного нет. Конечно, известная доля не трафаретности, а постоянства, если хотите, повторений здесь неизбежна. Этого бояться нечего, ибо, как сказал Прудон, повторение есть сильнейшая риторическая фигура. Развивать наше принципиальное отношение к явлениям современного общества нам придется всегда — вплоть до его уничтожения, но это не значит, что мы должны всегда выступать с одинаковыми шаблонными речами. Напротив, раз с критикой бюджета нам приходится выступать ежегодно, мы должны постараться, чтобы наши речи давали каждый раз новые иллюстрации нашим основным положениям. Вот почему необходимо, во-первых, чтобы общая речь по бюджету охватывала всю политику правительства в целом, а, во-вторых, чтобы она по возможности каждый раз исходила при этом из настоящего положения вещей. Только в таком случае она, имея принципиальный характер, будет не академической, а политической, и вместе с тем интересной для самых широких слоев. Вот почему в ней никак нельзя ограничиться вопросами только финансовой и внутренней политики, а необходимо коснуться и внешней политики. Иначе выступление не будет иметь целостного характера и критика бюджета не будет проведена всесторонне. Напрасно опасаться, будто нельзя связать внешней политики с критикой бюджета. Уже не говоря о том, что выступление Покровского по внешней политике было насильственно прервано (месяц тому назад при его речи по балканскому вопросу), что бюджет мин. иностр. дел уже принят Думой и нам не скоро удастся вернуться к внешней политике правительства, а значит уже по тому одному необходимо задеть иностранную политику. Но нам не приходится даже выискивать для этого искусственных предлогов. Подойдя к этому вопроcу мы можем с двух сторон: 1) сам министр финансов указал, что рост расходов и дефицит в смете вызваны японской войной. Следовательно, мы имеем право утверждать, что новая война окончательно подорвет или, по крайней мере, нанесет сильнейший удар народному хозяйству; 2) характеризуя нашу внутреннюю политику, мы должны указать, что она заключает в себе постоянную опасность внешних осложнений; 3) пока власть остается в руках крупных помещиков и капиталистов à la Гучков, остается в силе старый характер русской внешней политики захватов, династических и классовых войн. Русское государство по традиции всегда использовало все силы народа для «блестящей» внешней политики; этот характер пренебрежения народными интересами в интересах привилегированных кучек оно сохранило до сих пор. С другой стороны, реакция наша отлично понимает, что пока она не возьмет где-нибудь реванша за японское поражение, ей не удастся восстановить в целостном виде старого режима, о чем она помышляет денно и нощно. Недаром шайка Гучкова в прошлом году муссировала недоразумения на турецкой границе и провоцировала войну с Турцией. Не напрасно правительство, несмотря на всю свою слабость, хотело вмешаться в балканские дела. Хорошо что Франция отказалась за ним последовать по этой дорожке, временно опасность как будто предотвращена. Но мы ни на минуту не гарантированы, что при первой надежде на реванш реакция не затянет страну в какую-нибудь новую авантюру. Словом, необходимо построить речь так, чтобы она одновременно была и строго принципиальной, и современной, т. е. политической в лучшем смысле этого слова.

Деп. Чхеидзе поднимает новый вопрос (этому вопросу редакция должна была бы, по нашему мнению, посвятить особую статью). Он говорит: наше выступление было бы особенно убедительно, если бы могли доказать, что при следовании по старому пути нашему финансовому хозяйству грозит неминуемый крах, не в силу каких-нибудь внешних условий, а в виду внутренних, его же собственных свойств. Тогда наша критика, по его мнению, была бы неотразимой. А то мы можем каждый год с ученым видом знатока доказывать, что наша финансовая система имеет такие-то и такие-то недостатки, а машина будет себе скрипеть из год в год, хотя и скверно, но все-таки работать, а Коковцов будет смеяться попрежнему над речами о «последней» народной копейке. Чхеидзе ссылается на Каутского. Россия, говорит он, превратилась в колонию, эксплоатируемую европейским капиталом; но этот капитал не должен содержать для укрощения своих жертв большой армии и полиции. Эту заботу взяло на себя правительство и высшие классы: за это они получают в свою пользу часть при-

бавочной стоимости, выкачиваемой из русского народа, своего рода комиссионный процент. Русская буржуазия сама по себе слаба, и нельзя рассчитывать, что при таких условиях народного хозяйства она скоро пришла в конфликт с правительством. Поэтому старая финансовая и вообще политическая система может, при всей гибельности для народа, существовать долго, если в ней самой не заключен зародыш ее собственной гибели.

Ему возражает т. С.: нельзя построить все выступление на доказательстве такого положения, вдобавок, быть может, самого по себе неверного. Гибель какой-нибудь системы от внутренних причин нельзя понимать в таком безусловном, механическом смысле. Когда мы говорим, что капитализм сам в себе носит элементы своей гибели, то мы понимаем это утверждение в таком смысле, что он ставит массу трудящихся в положение невыносимое и побуждает их активно вмешаться в функционирование общественной машины. 8-часового рабочего дня мы ждем не от самопроизвольного развития капитализма, а от активности организованного пролетариата. Именно создание таких условий, при которых активное вмешательство масс делается необходимым, и означает, что данная система несла в себе зародыш погибели. То же самое с бюджетом, который погибнет вместе со всей системой, коей он служит. В стороне от него, хотя и под его влиянием, создаются и накопляются силы, которые в один прекрасный день положат ему конец. Верно, что мы можем отстаивать мысль о том, что наша финансовая система имеет свои пределы в платежеспособности населения и в кредитоспособности господствующей системы. Но это еще не дает нам права безусловно утверждать, что эта система погибнет от собственных внутренних недостатков помимо активного вмешательства народных сил...

К.

Еще о VI съезде Польской Социал-демократии*.

Съезд продолжался 9 дней. Кроме работ в пленарных заседаниях, работали шесть избранных съездом комиссий. Дискуссии по поводу печатного *отчета Главного Правления* продолжались более полутора дня, причем делегаты выражали свою полную солидарность с тактической позицией Главного Правления, дискуссия же вращалась почти исключительно вокруг некоторых частностей его деятельности в организационной области и окончилась простым переходом к очередным вопросам.

Два дня пленарных заседаний съезд посвятил вопросам о задачах партии в связи с текущим моментом и о *тактике соц.-дем. фракции в Государствен. Думе*, после чего проекты резолюции были переданы в комиссию. Заметим, что попытка одного русского товарища-гостя придать резолюции о фракции наполовину «отзовистский» характер не нашла никакой поддержки на съезде. Присоединяясь к главным тезисам, представленным и развитым референтом по вопросу о *задачах партии*, съезд принял резолюцию, в которой между прочим говорится:.. «главная политическая задача С.-Д. остается неизменной. Она состоит в том, чтобы неустанно внедрять в сознание широких рабочих масс убеждение, что политическое переустройство России на основах действительной демократии может быть достигнуто только революционным путем; что течение событий от разгона первой Гос. Думы подтверждает это воззрение сильнее, чем когда-либо прежде, — что для осуществления этой задачи необходимо завоевание в открытой борьбе власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства и созыв Учредительного Собрания»...

«Эта агитационная работа... должна опираться на всех приобретениях, уроках и опыте революционного периода. Следовательно, прежде всего необходимо: сохранить самую тесную политическую и организационную связь с широкими массами пролетариата.., укреплять и расширять партийную организацию, которая при настоящих условиях может быть только нелегальной, сохранить и развить — поскольку это возможно при нынешних полицейских условиях — демократические формы партийной организации, созданные во время револ..; использовать все легальные возможности для агитации и организации масс, поскольку эта легальная деятельность не будет на практике связана с отказом от лозунгов классовой борьбы или их принижением ради легальности и массовой формы движения и поскольку существование и влияние нелегальной партии на эту легальную работу будет придавать последней социал-демократический характер.» При теперешнем положении, ставящем непреодолимые препятствия для легальной деятельности организации, съезд находит необходимым: 1) вызывать массовую деятельность и активные выступления пролетариата в форме демонстраций, общих или частных забастовок, митингов и т. п., где это будет признано возможным и целесообразным при данном положении —между прочим особенно старательно подготовлять первомайский праздник и революционную годовщину 9 января; 2) расширить нелегальную издательскую деятельность партии, ...воздействовать на рабочую массу в самых широких размерах при помощи воззваний и листков; с.-д. должна использовать конфликты между буржуазными партиями, все важнейшие политические события и проявления правительственной и буржуазной реакции, равно как и внешней политики абсолютизма для расширения сознания масс, поддержания в них боевого духа и привлечения их в активному участию в событиях дня; 3) использовать с.-д. фракцию в Гос. Думе для защиты интересов польского пролетариата и деятельность фракции вообще для агитации среди рабочих масс; расширять и создавать там, где их еще нет — на фабриках, и в мастерских, в деревнях и в помещичьих колониях с.-д. группы, как центры агитации, обеспечивающие влияние и связь с рабочей массой и как основные организационные кадры партии, могущие — при оживлении движения политической жизни — сплотить широкие массы пролетариата и отчасти малоземельного крестьянства под знаменем С.-Д.; 5) основывать и расширять проф. союзы в тесной связи с партией и комбинировать обе формы рабочего движения — экономическую и политическую — везде, где это может увеличить силу выступления пролетариата; 6) систематически организовать пропаганду, имеющую задачей выработку подготовленных с.-д. агитаторов, влиять в с.-д. духе на просветительные учреждения, устраиваемые буржуазной интеллигенцией»..; 7) вести систематическую пропаганду и агитацию в войске.

По вопросу о *тактике с.-д. фракции*, съезд, очертив в резолюции характер и значение 3-ей Гос. Думы, отметив бесплодность всякой так называемой положительной работы с.-д. в этой Думе и подвергнув критике выступления с.-д. фракции, «1) находит, что «позитивная» деятельность с.-д. фракции в Гос. Думе, т. е. ее выступления с самостоятельными законопроектами и запросами, равно как ее декларации, должны иметь в виду прежде всего агитационные цели и носить характер обращения «через окно» Гос. Думы к трудящейся массе; 2) что фракция должна пользоваться всяким случаем для того, чтобы антипролетарской и антинародной политике правительства и буржуазных партий противопоставлять требования с.-д. программы, выступая не только против реакционного блока в Думе, но и не в меньшей мере против контр-революционной сущности партии к.-д.; 3) ждет от фракции, что она впредь будет действовать в самом тесном согласии с Ц. К. — единственным ответственным руководителем партии — и в согласии с постановлениями партийных съездов, в особенности Лондонского Съезда, — избегая всякой фракционной политики. Фракция должна стараться сохранить живую связь с партией, давать избирателям отчеты о деятельности Думы, ведя — кроме неизбежной в данных условиях нелегальной агитации — агитацию на легальных собраниях, поскольку их устройство будет возможным, обращаясь к избирателям при посредстве печатных изданий и пользуясь вообще всяким случаем для возбуждения политического интереса среди широких масс путем легальных выступлений; 4) обращает внимание Ц. К. на необходимость создания правильно организованной связи между фракцией и местными партийными организациями и профес. союзами»..; съезд поручает Главному Правлению установить постоянные сношения с комитетом фракции для осведомления ее положения в Польше и потребностях польского пролетариата.

Вопросы *профессионального и кооперативного движения* тоже занимали съезд в продолжение двух почти дней. Съезд почти единогласно констатировал, что практический опыт вполне подтвердил правильность позиции, занятой V съездом П. С.-Д. по вопросу о взаимном отношении партии и профес. союзов, и что упадок нелегальных с.-д. союзов в Польше, точно так же, как и исчезновение легальных союзов в Польше и России, имели исключительной причиной соединенную атаку контрреволюц. правительства и капитала. Съезд признал необходимым далее поддерживать и развивать с.-д. профес. союзы и высказался — подобно V съезду — в принципе за желательность их легализации, но только при наличности более благоприятных для развития легальных союзов политических и полицейских условий, причем и тогда легальные с.-д. союзы не должны понижать своего боевого характера и внутренняя идейная и политическая связь с партией не должна быть нарушена. При этом съезд самым решительным образом отверг предложения одного товарища, клонившиеся в

* Даем место еще некоторым, более полным и точным сведениям о VI съезде П. С.-Д. (см. С.-Д. № 2). *Ред.*

конечном выводе к тому, чтобы ослабить или затушевать позицию, занимаемую П. С.-Д. в этом вопросе. Что же касается *кооперативного* движения, то съезд единодушно присоединился к принципиальной оценке этого движения, данной в проекте резолюции в духе революц. С.-Д., но при этом незначительным большинством голосов отклонил ту часть резолюции в проекте Гл. Правления, которая разрешала членам партии — при исполнении определенных условий — активное участие и выполнение руководящей роли в кооперативном движении уже в настоящее время. Съезд решил, что господствующий в Польше правительственный террор, как и общее политическое положение, не дают партии повода призывать *в настоящий момент* своих членов к агитации в пользу устройства кооперативов.

Относительно мало времени занял стоявший в порядке дня съезда вопрос об отношении к *обеим фракциям П. П. С.* После дискуссии съезд принял резолюцию, в которой признает необходимым самым решительным образом выступать против анархистской тактики и социал-националистического направления т. наз. «революционной» фракции П. П. С.; что же касается «левицы» П. П. С., съезд, констатируя факт разложения этой организации под влиянием революционных событий и с.-д. критики, устанавливает факт, что «левицу» нельзя ни в каком случае причислить к с.-д. организациям, и видит в дальнейшей с.-д. критике ее половинчатости и оппортунизма самое действительное средство для ускорения перехода ее членов в ряды С.-Д.

В порядке дня съезда стоял также вопрос о точном обосновании и формулировании требования *автономии Польши*, ввиду того, что требование это в программе П. С.-Д. не только не имеет ничего общего с тем же требованием, принятым во время революции всеми буржуазными партиями, а после и П. П. С., но прямо и принципиально им противоположно. Нам невозможно остановиться в нескольких словах на этом сложном вопросе и мы предпочитаем поэтому вернуться к нему при случае на столбцах Ц. О.

Из других программных вопросов, стоявших на очереди VI съезда, надо отметить еще вопрос об *аграрной программе Р. С.-Д. Р. П. и требованиях П. С.-Д. в пользу сельского населения в Польше*. Первый вопрос съезд признал недостаточно выясненным в польской с.-д. печати, по второму же вопросу, выслушав доклад и после прений, съезд из предложенного докладчиком проекта резолюции принял только ту ее резолютивную часть, которая содержала в себе практические указания, т. е. лозунги для с.-д. агитации и пропаганды среди сельского пролетариата и полупролетаризованной части крестьянства. На съезде обсуждался также вопрос о *позиции П. С.-Д. внутри Р. С.-Д. Р. П.*, причем съезд единодушно высказался за тактическую линию, которую проводило до сих пор в этом вопросе Гл. Правление, и принял резолюцию, по которой ближайшей задачей П. С.-Д. в рядах Р. С.-Д. Р. П. остается и впредь: 1) стремление к тому, чтобы партия, как целое, стояла на почве революционной с.-д., 2) борьба против всех фракционных стремлений, направленных против единства партии и содействие сохранению этого единства.

Наконец, VI съезд занимался еще целым рядом *организационных вопросов*, принял некоторые изменения в организационном уставе П. С.-Д., ряд практических резолюций (о школе агитаторов, об объединении заграничных групп П. С.-Д. с группами содействия Р. С.-Д. Р. П. и т. д.).

В общем можно сказать, что VI съезд, подведя итоги революционному периоду и дав директивы по всем важнейшим вопросам, выдвигаемым современным политическим и экономическим положением, представляет — наряду с I и V съездами П. С.-Д. — один из важнейших этапов в ее внутреннем развитии.

W. [А. Варский.]

ХРОНИКА.

С.-Петербург.

Вопрос о государственном страховании в СПБ. проф. союзах.

Среди мелких технических дел, которыми, по большей части, заняты сейчас проф. союзы, выделяется вопрос о государственном страховании, обсуждаемый на всяческих собраниях почти всех союзов. Нельзя сказать, чтобы обсуждение министерских законопроектов в отдельных союзах давало какой-нибудь новый материал к оценке законопроектов, но агитационное значение его довольно значительно, так как заставляет союзы хоть немного отходить от мелочей повседневной деятельности, нередко слишком поглощающих теперь внимание союзов. Руководство этим обсуждением взяло на себя центр. бюро. Сначала ц. б. занялось критическим рассмотрением законопроектов, результатом чего явилась выработка тезисов о государственном страховании. На этой почве никаких сколько-нибудь серьезных разногласий между представителями различных партий и фракций не создалось, спорным вопросом оказалась *тактика* по отношению к законопроектам. Левое крыло ц. б. считало, что предрешать вопрос об отношении нашем к новым законам, когда они войдут в жизнь, — преждевременно. Сейчас нам важно развить вокруг законопроектов агитацию, причем центральным местом обсуждения должна быть критика законопроектов, вскрывание истинной сущности их; выводом из критики является утверждение, что новые законы скорее ухудшат, чем улучшат, положение рабочих, и потому рабочим необходимо оказывать всякое противодействие утверждению министерских проектов. Сторонники другого мнения в ц. б. не соглашались, прежде всего, с тем, что законы не внесут никакого улучшения в положение пролетариата; они настаивали далее, что необходимо выдвигать при обсуждении не столько критику данных проектов, сколько указание на важность вообще для рабочего класса государственного страхования, правильно организованного, и на изложение принципов страхования, устроенного в интересах рабочих. Большинство ц. б. оказалось на стороне первого мнения. Был намечен затем целый ряд практических шагов по организации агитации о страховании, но все практические решения (образование группы представителей от союзов для изучения законопроектов и т. п.) остались на бумаге, кроме издания листка о страховании.

Обсуждение законопроектов по союзам было облегчено возможностью легального обсуждения, так как и на общих собраниях и на делегатских градоначальник разрешал ставить на повестку вопрос о страховании, а присутствующий на собрании пристав часто допускал довольно широкую и прямую постановку вопроса. В союзе *текстильщиков* законопроект был самым детальным образом рассмотрен правлением на нескольких собраниях. В союзе *деревообделочников* на всех собраниях секций, на делегатских собраниях, делались доклады о гос. страховании и т. д. В целом ряде союзов (напр. металлисты, конфетчики) делались доклады на общих собраниях. Некоторые союзы (картонажники, экипажники и др.) выясняли и выясняют, какой % рабочих их отрасли производства в СПБ. подпадает под закон о страховании, причем в некоторых отраслях оказывалось, что подавляющее большинство рабочих будет исключено от участия в страховании; напр., у кузнецов подпадут под закон только 4 заведения.

Каких-нибудь определенных решений, резолюций союзов обыкновенно не выносят, ограничиваясь обсуждением докладов и принятием практических решений о постановке агитации о страховании.

П—ов.

Москва. *Пресненско-Хамовнический район.* В обоих подрайонах — и в Пресненском, и в Хамовническом — действуют правильно подрайонные собрания. Кружков 4 и намечаются еще несколько, связей имеются 18. На последнем подрайонном Хамовническом собрании обсуждались вопросы о постановке работы, о руководстве чтением отдельных членов организации, устройстве библиотеки и др. Принято решение: «ввиду того, что как только уходит работник, работа во всем подрайоне распадается, и для того, чтоб восстановить связи, тратится не мало сил и времени, необходимо восстановление работы путем создания подрайонных коллективов по одному, по два представителя от фабрики и завода; эти заводские представители, в свою очередь, создают заводской коллектив или заводское собрание — каждый на своем предприятии, где он работает; заводские представители распространяют литературу и передают книги для чтения».

По вопросу о руководстве чтением отдельных членов организации пришли к такому заключению: «ввиду того, что квартирные условия очень скверны и кружки собираются нерегулярно, необходимо установить систематический подбор книг по разным вопросам и установить вопросники на каждую книгу. Каждый читающий член организации должен будет давать письменные ответы, передаваемые в пропагандистскую коллегию, которая будет давать добавочные разъяснения. Это будет ведать тоже подрайонный коллектив, который будет тесно связан с организатором подрайона, посещающим все собрания».

Относительно библиотеки решено устроить одну общую районную, которою ведает ответственный районный библиотекарь совместно с подрайонными, выбираемыми на подрайонных коллективах или подрайонных собраниях.

На последнем собрании районных работников выяснилось, что в подрайонах всюду говорят о настоятельной необходимости созвать районное собрание и выбрать новый районный комитет.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Харьков. 2½ года назад здесь, на табачной фабрике Кальфа и на других фабриках, рабочими были сделаны значительные завоевания, сильно улучшившие тяжелые условия труда на табачных фабриках. Улучшения были закреплены коллективными договорами. Несколько экземпляров рабочих договоров, заключенных рабочими различных фабрик, были отданы осенью 1906 г. тов. Василию (большевику), который после этого уехал и сейчас, кажется, находится за границей. В настоящее время, когда предприниматели, нарушая договор, вводят на ф. бриках худшие условия труда и когда рабочие ссылаются на договоры, хозяева просят договоры предъявить, чего рабочие сделать не могут, не имея их под рукой. Ввиду этого группа рабочих табачников, входящих в местную организацию Р. С.-Д. Р. П., просит через Вашу газету товарища Василия, если до него дойдет настоящее письмо, сообщить через редакцию, где можно достать упомянутые договоры, буде они находятся в целости.

По поручению группы рабочих табачников, секретарь городского района, К.

САМАРА. Кто арестован, кто выслан, кто сам удрал по добру по здорову, но большинство приютилось, — сидят по своим углам и ни гу-гу. И живет эта сознательная публика больше воспоминанием прошлого; никак не хочет обернуться к настоящему, посчитаться с ним как с неизбежным, не хочет подумать и о будущем. «Вот были деньки свободы! Эх, сколько народу-то собиралось в народном доме! Как ораторы-то говорили! А помнишь, как ходили снимать с работы на жигулевский завод, и ворота железные не помогли! А собрания за Волгой! Паромы-то полны народу были!» От всех этих воспоминаний до сих пор еще не может отделаться самарский рабочий. За днями свобод пережили и период профессиональных союзов. Целый ряд профессий объединились в союзы. Публика ухватилась за возможность более широкой организации. Но не надолго. Скоро расправились и с профессиональными союзами. Теперь их нет уж ни одного. «Забирай-ка ихних учителей-то!» командовал полицейский чин, указывая на портреты Маркса и Энгельса на стене в правлении железоделателей при обыске. И вот опять у разбитого корыта. Еще хуже. Прежде хоть какая-нибудь, да была организация. Все нет, нет, да угостят каким-нибудь листком или газеткой, а теперь ничего. Не с кем поделиться своими невзгодами, не откуда услыхать чего-нибудь нового. Чувствуется полнейшая оторванность, одиночество.

А жизнь рабочего становится все тяжелее и тяжелее. Безработица и разрозненность рабочих позволяют капиталистам еще больше накладывать свою лапу на рабочего. Особенно отличаются в этом мелкие предприниматели. Пользуясь безработицей, они, не стесняясь, предлагают слесарям 50 — 60 к. Да и везде заработная плата понижена. На какую-либо борьбу за улучшение своего экономического положения рабочие выступать не решаются. За весь прошлый год у нас в городе только в двух местах была попытка отстоять старый расценок. Но в обоих случаях кончилось поражением рабочих. Первый случай это забастовка грузчиков хлеба. Все они собрались на хлебной площади перед купеческой биржей, чтобы предъявить свои требования. Но сейчас же на выручку купцам явился полицеймейстер и пригрозил грузчикам, что он сейчас же начнет их высылать, как безработных, если они не примутся за работу.

Второй случай, это — забастовка бондарей в жигулевском пивоваренном заводе. Не согласившись на понижение расценок, они забастовали. Но здесь также явилась полиция и арестовала одного бондаря и запретила собираться на заводском дворе. Сходив к фабричному инспектору и попытавшись еще вступить в переговоры с администрацией завода, бондари приняли новые условия.

Но не только материальные притеснения приходится нести рабочим. Нет, над ними издеваются, топчут в грязь их человеческое достоинство.

Недавно в железнодорожных мастерских был пойман вор. Как вы думаете, кто? Инженер какой-нибудь с десятитысячной растратой? О нет! В проходной был задержан ученик Крайнев 16 лет, который хотел пронести медь. За это ученика заставили стать на самое видное место, в руках он должен был держать украденную медь, и в это время проходили мимо него все рабочие мастерских. Такого издевательства Крайнев не выдержал и на другой день покончил с собой за городом.

В жигулевском пивоваренном заводе, что красуется на берегу Волги, администрация до того обнаглела, что самая отборная ругань у мастеров и приказчиков здесь введена в обычай, нисколько не стесняясь присутствием женщин-работниц. Но этого мало. Здесь практикуется кулачная расправа. Об одной такой кулачной расправе потерпевшим было подробно описано в редакцию газеты «Волжское Слово», но кадетская газета видимо побоялась связываться с местным тузом, с которым «сам губернатор» в хороших отношениях. Как дешевы у нас не только рабочая сила, но и жизнь рабочего, можно видеть из следующего:

На жигулевском пивоваренном заводе существует обычай, кроме месячных рабочих, каждый день нанимать еще поденных, которым ежедневно выдается плата в 50 коп., а за следующий день опять производится наемка на один день. И так каждое утро. Дешево и мило. С такими рабочими меньше церемоний, — никаких книжек, никаких условий. Распределяют таких рабочих по всему заводу. Осенью в прошлом году надо было разобрать огромный деревянный сарай. Вместо того, чтобы поручить это дело плотникам, администрация завода посылает разбирать приказчика с поденными рабочими. Полнейший невежа в постройке, приказчик заставил разбирать не с того, с чего нужно, и в начале работы весь этот сарай рухнул и зашиб несколько человек, в том числе одному оторвало нос, другой через некоторое время умер от тяжких ушибов. У последнего осталась жена и четверо детей. Попробовала было жена обратиться за помощью в завод, но получила отказ. И это за один полтинник. Дешево немного.

Но все ведь это такие мелочи! Во всяком случае об этом не говорят и не пишут.

Вот, когда купец пивовар Вакан поссорился с владельцем бань Челышовым (членом гор. думы), и чтобы оскандалить последнего, как трезвенника, подослал к нему в баню своих молодцов с водкой, то об этом говорил весь город и много, очень много писалось в газетах. И не только наши «благодетели» буржуа считают мелочами все то, что касается жизни рабочих, мы и сами-то привыкли смотреть на все это, как на мелочи. Да и понятно. Кругом так много разных ужасов, связанных с подавлением революции (сколько у нас было одних смертных казней). Так внушительна тюрьма-крест на краю города, что по-неволе перекрестишься и скажешь: «хоть и плохо живется, а слава богу, что еще не там...».

Но, конечно, не все так рассуждают.

«Нет, лучше жить в тюрьме рабом,
«Чем быть свободным человеком,
«И упираясь в стену лбом
«Не смея спорить с рабским веком...» —

говорят другие.

И теперь уже некоторые сознательные товарищи поняли необходимость образовать хоть небольшое ядро партийных, вполне надежных рабочих, чтобы можно было приступить в кое-какой работе и первым делом организовать получение руководящих органов. На эту задачу сосредоточены наши силы.

Рабочий.

ВОЛОГДА. Сначала о состоянии местной организации. Кое-какая работа ведется исключительно в городе: мастерские жел.-дор. (около 700 чел.)—составляют один район; депо ж.-д. и вокзал (200 рабочих и несколько сот мелких служащих Вологодского узла) — 2-ой район; городские рабочие (типографщики и ремесленники разного рода, главным образом, столяры), а также приказчики — 3-ий район. За последний год организация сохранилась только в городском районе, на жел. дороге остались только единицы. Вся организационная жизнь в двух первых районах выражается в очень редких (раз в три — четыре недели) собраниях из 6 — 8 человек, на которых обсуждаются какие-нибудь особо выдающиеся вопросы из партийной жизни, напр. о конференции центрального района (к которому причисляет себя Вологда) или о партийном съезде. Взносы собираются с 8-х, 4-х человек. Несколько раз пытались возобновить кружки пропаганды, но пока безуспешно.

Интерес к партии и к партийным делам поднялся было около нового года, когда в ж.-д. районах было распространено два номера «Рабоч. Знамени» (по 50 экз.) и 3 или 4 №№ «Тюменского Рабочего» (по 20 экз.).

На нелегальные газеты спрос громадный и, хотя полученные №№ были очень плохи (напр. «Тюменск. Рабочий» в январском № сумел только *рассказать* о событиях 9 января), рабочие брали его на расхват (за деньги). О каких бы то ни было собраниях с массовой публикой и мечтать не приходится — летом были попытки такого рода, но

абсолютно безуспешные. Понижение расценок в мастерских (оплата труда там сравнительно очень высокая) вызвала было некоторый подъем: состоялись два или три собрания по 70—80 челов., организованных самими рабочими, по никаких осязательных результатов эти собрания не дали, все попытки использовать их для расширения



Рабочій **Иванъ Өедоровичъ Петровъ** (онъ же Иванъ Өедоровъ, онъ же Гриша Петровъ), бывшій членъ московской с.-д. организаціи и московскаго профессіональнаго союза по металлу, объявляется **провокаторомъ**.

Московск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
О. Б. Центр. Пром. района.

и укрепления хотя бы профессиональной организации не повели ни к чему. Профессиональный ж.-д. союз существует, но только номинально. Собирает взносы, выдает ссуды, печатает отчеты и только. Собраний членских не существует, даже бюро собирается только через два месяца.

Государственной Думой интересуются мало. О деятельности с.-д. фракции не знают почти ничего. По части кооперации всякого рода в городе очень слабо: есть жалкая «потребилка» при железнодорожных мастерских, но она влачит жалкое существование и скоро или окончит свои дела, или сделается казенной лавкой.

В деревнях крестьянские кооперативы, наоборот, растут, как грибы, и насчитываются десятками. В этом росте кооперативного движения и сказывается только сейчас некая жизнь в деревне, но за пределы купли-продажи эти деревенские лавки не выходят. Подробнее о деревне сообщить ничего не можем, так как непосредственных связей мало. Об с.-р.-ах в Вологде ничего не слышно; говорят будто бы несколько месяцев назад появился денежный отчет Вологодского Бюро Всероссийского политико-профессионального Союза, но нам даже и отчета этого видеть не пришлось; о деятельности же этого союза и говорить не приходится.

Кончая письмо, привожу общий единодушный вопль, раздающийся со всех сторон: *нелегальная рабочая газета*. Пока не будет популярной газеты, близкой к рабочей среде, крупной партийной работы здесь не будет.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ

Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. за декабрь 1908 г.
(По независящим обстоятельствам отчет за ноябрь выпущен не был и выйдет позже).

ПРИХОД:

Остаток к 1 декабря (фонд на технику) 311 руб.; от Серафимы 50 р.; от неизвестного на «Рабочее Знамя» 100 р. 6 к.; через Е. Е. 15 р.; получено от торговых служащих 12 р.; от Замоскворецк. района за «Раб. Знамя» 6 р.; от Финансовой Комиссии 396 р.; от М. Н. на «Раб. Знамя» 25 руб.; от Г. С. для заключ. 15 р. 75 к.; от Г. заимообразно 20 р.; от М. Н. заимообразно 50 р.; от союза учащихся для Б. (политического) 14 руб. Итого 1 014 руб. 31 коп.

РАСХОД:

Техника 383 руб.; малая техника 11 р.; содерж. профессионалов 243 р.; субсидия 3-м районам 30 р.; заимообразно М. О. К. 25 р.; в тюрьму от «г. с.» 15 р. 75 к.; на покупку и перевозку книг 60 р.; организационных расх. 20 руб. 25 к.; Ярославцу 3 р.; долг торг. пром. служ. 25 р.; С. и Г. 125 р.; секретар. расходы 22 р. 75 к. Всего 963 руб. 75 коп.

Остаток на 1 янв. 1909 г. 51 руб. 6 коп.

Итого 1 014 руб. 31 коп.

ОТ РЕДАКЦИИ: За недостатком места отложены статьи: О работе с.-д. в деревне; Партия и профес. союзы; письмо из Москвы (Коронный суд и рабоч. организ.) и ряд корреспонденций с мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь, повидимому, опечатка — следует читать: «приведение».

² «Россия» — ежедневная полицейско-черносотенная газета. Издавалась в 1905 — 1917 годах. С 1906 г. (при П. Столыпине) стала официальным органом министерства внутренних дел и издавалась на казенные средства. В приложении к газете издавались стенографические думские отчеты.

³ Смысл этого выражения, взятого из библейской легенды, здесь таков: самодержавному строю предстоит неминуемая гибель.

⁴ «Vorwärts» («Вперед») — центральный орган германской социалдемократии. Основан в 1884 году. Легально стал выходить с 1891 года. Первым редактором его был В. Либкнехт, при котором «Vorwärts» занимал революционную позицию. Впоследствии, при Гильфердинге, «Vorwärts» все больше приспособлялся к интересам германского империализма, дойдя до систематического предательства интересов рабочего класса. Ныне «Vorwärts» является главным органом социал-фашизма и злейшим врагом СССР.

⁵ Мартов привлек к участию в дискуссии третьих лиц: Троцкого, польскую делегацию на декабрьской общепартийной конференции 1908 г. и Каутского, оставаясь сам как бы в стороне от дискуссии. В связи с дискуссией Мартов привел в своей статье несколько цитат из книги Троцкого «Наша революция», посвященной вопросу об оценке движущих сил русской революции. В этой же статье Мартов сослался на поправку польской делегации к пункту заключительной части резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой декабрьской конференцией, и затронул взгляды Каутского, изложенные в его брошюре «Движущие силы и перспективы русской революции».

[6] Ленин цитирует статью без подписи «Блок крайней левой», помещенную в «Социалдемократе» № 6 16 (3) октября 1906 года.

[7] Г. В. Плеханов разослал 11 октября 1906 г. видным социалистическим деятелям Запада анкету (см. «Летописи Марксизма» № 1, 1926 г., стр. 80, изд. Ин-та Маркса и Энгельса). Ответы опубликованы в журнале «Современная Жизнь» (ноябрь 1906 г., стр. 206) под заглавием: «Мнения западно-европейских социалистов о современном общественном движении в России».

К. Каутский ответил на эту анкету статьей «Движущие силы и перспективы русской революции», которая вышла в русском издании с предисловием Ленина.

[8] «Mitläufer'ом» — попутчик.

[9] На 30-й странице русского перевода брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» сказано не «прежде всего», а «главным образом». Приведенные в немецком тексте слова «vor allem» более соответствуют данному здесь Лениным переводу.

[10] «Новая Рейнская Газета» («Die Neue Rheinische Zeitung») существовала менее года, с июня 1848 г. до мая 1849 года. Газета издавалась в Кельне и прекратилась на № 301 из-за преследований со стороны властей. В состав редакции входили: К. Маркс, Энгельс, Фрейлиграт и др. «Новая Рейнская Газета» откликалась на все основные вопросы, выдвигаемые революционным моментом, и была, по определению Ленина, «доныне остающимся лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата». Статьи из «Новой Рейнской Газеты» перепечатаны в «Сочинениях К. Маркса, Ф. Энгельса», т. VII, изд. И-та Маркса и Энгельса.

[11] Здесь имеется в виду Кускова, участвовавшая в издании журнала «Без заглавия». Журнал вел систематическую борьбу против большевизма, выступая прямым противником классовой политики пролетариата, поддерживая либералов в борьбе против партии и меньшевиков в их борьбе против большевиков.

[12] А. К. — Коллонтай А. М. вынуждена была, ввиду усилившейся слежки за ней, скрыться из Петербурга во время съезда. Доклад был прочитан работницей Волковой.

Цѣна 25 сант.
Prix 25 cent.

ПАРИЖ, Четверг 23/6 мая 1909 г.

№ 5

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

К первому мая.

Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П. обратился со следующим первомайским воззванием к пролетариату России:

Товарищи!

20 лет тому назад рабочий социалистический конгресс в Париже объявил день 1 мая международным социалистическим пролетарским праздником.

С тех пор из года в год рабочие празднуют 1 мая. Везде, где проснулись уже к новой жизни пролетарские массы, в этот день старому миру предъявляются непреклонные пролетарские требования, подводятся итоги всего международного рабочего движения.

Они прекрасны, эти итоги! Веет от них мощью лавины, неуклонно катящейся вперед и вперед, непрерывно нарастающей в своем движении.

Там, где 20 лет тому назад под красным знаменем пролетариата стояли тысячи, теперь мы видим сотни тысяч. За это время пролетариат успел в некоторых странах завоевать всеобщее избирательное право, успел выдвинуть на передовые посты повседневной политической борьбы — парламенты — сплоченные группы своих вождей и представителей.

На последних выборах в различные парламенты за социалистических кандидатов было подано более 5 миллионов голосов, а социалистические депутаты считаются теперь десятками во всех парламентах. 20 лет тому назад только в крупных отраслях промышленности существовали рабочие профессиональные союзы, с тех пор экономические организации пролетариата возникли почти во всех отраслях производства и объединяют теперь не менее 5 миллионов рабочих. За эти же годы почти во всех городах Европы пролетариат создал мощные кооперативы, которые служат европейским рабочим такую важную службу, особенно в моменты крупных стачек.

И за эти годы международный пролетариат наступал на своего врага — буржуазию — во всех областях жизни. В своей литературе, на своих съездах он поднимал и решал все вопросы мировой и национальной жизни, освещая светом социалистического сознания все, что есть темного в старом буржуазном обществе. За эти годы освободительная социалистическая проповедь вышла далеко за пределы фабрик, заводов, лавок, ферм и проникает все глубже и глубже в армию, в университеты и в школы.

И из года в год, 1 мая международный пролетариат подводит итоги свои делам-завоеваниям и с новой силой, от имени все более широких масс выставляет свои международные требования:

8-часового рабочего дня.
Долой войну!
Долой постоянную армию!

Да здравствует всенародное вооружение!

И снова бросает темным и отсталым свой бодрый и светлый призыв:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В этом году международный пролетариат шлет свой привет пролетариату Персии и Турции, пробуждающемуся на наших глазах к новой жизни. В этом же году он с особенной силой подымет свой голос для протеста против милитаризма — в этом году, когда буржуазные правительства Европы стоят друг против друга вооруженные с ног до головы, готовые броситься друг на друга из-за дележа чужих земель.

Каждый год международный пролетариат на деле поддерживает свои требования: тысячи и тысячи фабрик и заводов пустуют в этот день, рабочие массами сходятся, собираются на площадях и улицах, торжественными шествиями подтверждают свою готовность всеми средствами бороться за великие социалистические идеалы — за равенство и братство людей и народов. В этот день могучая пролетарская пресса в миллионах экземпляров газет, журналов, брошюр громко и открыто говорит о том, что пролетариат всех стран стал на борьбу за полное освобождение и не сложит оружия пока не совершит своей социалистической революции и не воздвигнет на развалинах старого мира светлое царство социализма.

Поистине может гордиться своими победами международный пролетариат. Он может быть непоколебимо уверен в том, что нет уже на земле силы, способной остановить его победоносное шествие вперед.

Товарищи! В тяжелых, небывало тяжелых условиях приходится российскому пролетариату встречать в этом году день 1 мая. Было время, и не так давно, когда под его могучим напором начал был отступать исковой враг народной России, когда, казалось, были завоеваны, наконец, те условия, за которые приходится бороться сейчас российскому пролетариату. Но это время прошло и цепи тяжкого рабства снова опутали с ног до головы российский пролетариат. Замолк шум великой борьбы, его сменило молчание покорности.

Полтора года тому назад, в ноябре 1908 года, пролетариат Петербурга и других городов нашел в себе еще достаточно силы для открытого выступления и, по призыву Центр. Комитета Российской Социал-демократической Партии, заявил забастовкой свой протест против подлой комедии суда над социал-демократией 2-ой Государственной Думы.

С тех пор, товарищи, не было больше в России крупных проявлений массовой борьбы.

Товарищи! Только глупец и малодушный могут отчаяться в великом деле пролетариата вообще, и российского пролетариата в частности. Мы знаем, что в истории пролетариата бывали моменты упадка; они наступали тогда, когда победа доставалась врагу. Царям и буржуазии Западной Европы иногда тоже удавалось наносить тяжкие удары и поражения пролетариату. И рабочим приходилось тогда выпускать из рук завоеванное, приходилось снова спускаться в подполье, восстановлять свои организации, — залечивать свои раны. Но никогда, товарищи, соединенным силам правительства и капитала не удавалось задушить на долгие годы рабочее движение. Проходило немного времени, и снова перед буржуазией вставал грозный враг, готовый к новой борьбе, к новым победам. Все современное общество, вся современная жизнь постоянно толкают пролетариат на борьбу. Потому что, когда пролетарский кулак перестает бить изо дня в день по толстой броне, защищающей капитал, всегда и везде происходит одно и то же: буржуазия хищно набрасывается на рабочих и спешит отнять у них их завоевания. Не только для новых побед, но для того, чтобы удержать старые.

пролетариат должен быть наготове, чтобы дать отпор. Таков железный закон классовой борьбы: кто не наступает, тот тем самым отступает.

Каждый год бездействия — это не просто год бездействия — нет, это всегда неизменно год тяжелых потерь. Даже ничтожные улучшения добываются только упорной борьбой, но достаточно хотя бы временно опустить руки, чтобы потерять многое.

Товарищи! Позади нас почти два года бездействия. Взгляните: что осталось от недавних богатых завоеваний?— почти ничего! И что дала пролетариату жизнь без борьбы? Прекратило ли свои преследования, свои насилия правительство? Прекратил ли свое наступление капитал? Нет, как раз наоборот. Все силы враждебные пролетариату воспользовались его бездействием, чтобы отнять у него завоевания 1904-5 годов.

Бешеными преследованиями обрушилось правительство на Социал-демократическую Рабочую Партию, на рабочие союзы. Пролетариат был совершенно лишен права собраний, у него вырвали сильнейшее орудие борьбы — его прессу. Вместе с правительством свирепствовал капитал, снова удлиняя рабочий день, понижая расценки, вводя снова штрафы. Правительство вносит в Думу законопроект, который урезывает даже старые законы. А большинство господской Думы идет еще дальше правительства по этому пути. Чуть не каждый день возникают в стране новые хозяйские союзы, объединяющиеся во всероссийский союз капитала — совет съездов представителей торговли и промышленности. Одна из главнейших задач его — борьба с трудом.

В трогательном единении «работают» в господской Думе царское правительство, крупный капитал и крепостническое дворянство. Там не иначе, как с проклятием на устах, говорят о пролетариате представители этой святой троицы; там куют новые цепи для пролетарских масс. Мир невозможен в современном обществе!

Товарищи! Пролетарской партии не пристало обманывать себя и других, не пристало рядиться в пестрые наряды иллюзий. Надо прямо, открыто сказать: дело пролетариата — дело борьбы за свободу, за социализм — это великое дело переживает теперь в России тяжелое время, и только сам пролетариат может вдохнуть в него прежнюю мощь. Только покончив со своим теперешним бездействием, только прочно укрепив свои партийные организации, свои союзы, сможет он снова начать борьбу за улучшение жизни. И к этому-то укреплению пролетарских организаций и к восстановлению их там, где они разрушены, призывает вас, товарищи, Центр. Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

Конец бездействию!

Тяжелые, мрачные годы с полной ясностью показали, чего может ждать российский пролетариат от нашей черносотенной законности. Ничего кроме гнета, ничего кроме ухудшения своего положения. Вне борьбы, борьбы упорной, массовой, нет спасения. И борьба снова должна закипеть. С разных концов России приходят уже вести о том, что начинают оживать рабочие массы, начинают снова интересоваться великим вопросом пролетарской борьбы. Да будут же эти вести первыми ласточками возрождения пролетарских организаций! Зовем мы вас, товарищи, с бодрой верой в великое пролетарское дело, приняться за укрепление Соц.-Дем. Рабочей Партии, за восстановление боевых экономических организаций пролетариата.

Довольно молчали мы, довольно бездействовали, уступая нашим врагам пролетарские завоевания, купленные кровью наших братьев. Вспомните, товарищи, когда пролетариат поднимался всей своей массой, перед ним трепетали все сильные мира сего. Только в массовом братском согласии, только в массовой борьбе — ваша победа.

Мы знаем как тяжелы теперь условия борьбы, но мы знаем, что нет таких препятствий, с которыми не смог бы пролетариат бороться, раз он понял, что вне борьбы нет выхода. Мы не можем организоваться и выступать на защиту своих прав открыто, легально? Отсюда один вывод: мы должны создать крепкие тайные организации. 30 лет тому назад германское правительство ввело исключительный закон против социалистов и запретило все открытые социалистические организации. Чем ответил ему германский пролетариат? Он использовал все легальные возможности, которые ему остались. Но он покрыл страну сетью тайных организаций, создал знаменитую «красную почту», которая по всей стране распространяла социалистическую литературу, звавшую рабочих к организации, к борьбе. Сумеет, -должен суметь приспособиться к российским условиям и российский пролетариат.

Товарищи! Везде, где возможно, бросайте работу 1 мая, везде, где возможно, собирайтесь и обсуждайте тот вопрос, важнее которого нет теперь для российского пролетариата: вопрос о том как укрепить наши партийные организации, как готовиться к новой борьбе. На первых порах вас может быть будет мало: но важен пример. И ваш бодрый призыв не заглохнет в молчании, братские груди подхватят его.

Да здравствует 1 мая!

Да здравствует великий праздник труда, борющегося за социализм, за освобождение всего человечества, за действительное равенство, за действительное братство!

Да здравствует Международная, да здравствует Российская Социал-демократия!

Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Да здравствует новая борьба за наши старые требования — за Учредительное Собрание, за Демократическую республику!

Да здравствует Социализм!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Итоги съезда фабрично-заводских врачей.

Ход и исход недавно закончившегося съезда фабрично-заводских врачей окончательно доказали, насколько неправы были те с.-д., которые прямо отказывались принять в нем участие или обнаруживали на этот счет колебания.

Вопреки отчаянным условиям существования наших партийных и профессиональных организаций, мы видели на съезде 52 рабочих делегата от проф. союзов С-П-Б., Москвы, Киева, Екатеринослава, Баку, Тулы, Серпухова, Коломны, Твери и Иваново-Вознесенска. Рабочая делегация выступала сплоченнее и принципиальнее нежели на всех предыдущих съездах, и это значительно увеличило ее успех.

Результаты съезда окончательно показывают, что возражения насчет хитро расставленных социал-реформаторских сетей для уловления рабочих, насчет опасности «сотрудничества» рабочих с буржуазными элементами, того сотрудничества, которое действительно может привести к притуплению классовых противоречий, — бьют мимо цели. В действительности в социал-реформаторских сетях запутались не рабочие, а именно те буржуазно-реформаторские элементы, которые собирались уловлять рабочих. И от того «сотрудничества», которое в действительности имело место, не поздоровилось именно тем, кто на притупление классовых противоречий рассчитывал. Съезд принудили к закрытию именно за речи рабочих о классовой борьбе, именно за то, что рабочая делегация резко выделяла свою классовую позицию, именно за то, что никакого «сотрудничества» не получалось и получиться не могло. Вся наша либеральная и реформаторствующая печать буквально взвыла по поводу результатов съезда. Словесные ламентации по поводу недостаточной корректности частного пристава Строева (присутствовавшего в качестве представителя полиции на съезде) лишь прикрывали тот вздох облегчения, который рвался из груди наших либералов. Не только «Голос Москвы» обиделся на рабочих за то, что они, вместо «делового» обсуждения тех «реформ», на которые мог бы расщедриться А. И. Гучков, заговорили о какой-то «классовой борьбе и классовой розни». Газета «Речь» тоже заговорила о «хаосе», внесенном рабочими, о том «хаотическом, сказочно-грубо-бестолковом характере», который благодаря «узости» и «фанатичности» рабочих принимал съезд. (Речь № 93). «В постановлениях «съезда фабричных врачей»

(съезд поставлен даже в ехидные кавычки) фабричные врачи имели, как кажется, далеко не первенствующее значение» — писало с пеной у рта «Слово». По поводу принятой резолюции рабочей делегации о постановке больничного дела то же «Слово» пишет, что выраженное резолюцией требование осуществимо «лет через 200». А по поводу другого требования рабочей делегации — выбора фабричных инспекторов рабочими — эта газета наших доморощенных «социал-реформаторов» желчно вопрошает: «почему же после этого фабрикантам не требовать, чтобы фабричные инспектора избирались бы фабрикантами». «Подобные дебаты и резолюции», такие «мечты отдаленного будущего», вместо «делового обсуждения жгучих вопросов со стороны сошедшихся на нейтральной почве представителей разных общественных групп» повергают газету «Слово» в несказанную «грусть» («Слово» № 76 г.). И чтобы окончательно дорисовать картину социал-реформаторского Katzenjammer'a[1] на страницах буржуазной печати, писатели из «левой» «Нашей Газеты»[2] издают глубоко-меланхолические вздохи по поводу того, что не удалось «устранить накопившиеся недоразумения» «на нейтральной почве», на съезде, на котором, «ведь не зажигательные речи говорились, не агитация велась»... («Наша Газета» № 81, ст. Прокоповича).

Рабочие грубой пролетарской рукой сорвали «праздник примирения», они показали еще раз свою верность классовому знамени, они сумели в конкретных вопросах фабричной медицины и санитарии выдвинуть принципиально-программные требования с.-д. Больше того: определенной и резкой постановкой вопроса они сумели разделить буржуазные элементы съезда и часть его увлечь за собой. Действуя отнюдь не применительно к «единству всей оппозиции» — в каковом случае неизбежно принижение пролетарских задач и требований — рабочая делегация своей тактикой лишний раз доказала, что и так называемые «реальные» результаты достигаются вовсе не «умеренностью», «практической» постановкой вопроса, выдвиганием взамен принципиальной «декламации» точки зрения «реальной политики» и т. п. И именно тактика последовательного и резкого — столь не нравящегося нашим ревизионистам — отмежевания пролетарской позиции от буржуазно-демократической помогла рабочей делегации сыграть до известной степени роль гегемона на этом съезде. Именно эта тактика дала рабочей делегации возможность отвоевать 2-3 десятка буржуазно-демократических голосов из числа врачей — противников социал-демократии.

Мы не имеем еще сведений о той борьбе тактических направлений, которая имела место внутри рабочей делегации. Мы знаем только, что она была. Тактическая равнодействующая до известной степени обрисовывается из декларации, выработанной рабочей делегацией в результате жаркой борьбы тактических платформ. Эта декларация по случайным причинам на самом съезде прочитана не была и до сих пор нигде не опубликована. Вот текст ее:

«Мм. Гг.! После приветствий и речей различных общественных учреждений, ученых обществ и организаций капиталистов позвольте и мне, представителю профессиональных рабочих организаций, выразить всероссийскому съезду фабрично-заводских врачей и представителей промышленности наши пожелания и ожидания.

«На данном съезде, большинство которого состоит из фабрично-заводских врачей, по своему положению зависимых от капитала, к участию в котором привлечены различные крупно-капиталистические организации, а также правительство, в лице его чиновников — фабричных инспекторов, мы, делегаты профессиональных рабочих организаций, представляем интересы труда, интересы того рабочего класса, жизни и участи которого касаются все поставленные в программу съезда вопросы.

«Нас немного здесь, — но самое присутствие на съезде, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, довольно численной рабочей делегации показывает Вам, мм. гг., с каким интересом встретили профессиональные союзы известие о созыве съезда по вопросам фабрично-заводской медицины и санитарии, насколько важным считаем мы поставленные здесь на обсуждение практические вопросы.

«А эти условия посылки сюда делегатов были действительно тяжелы. Постоянные полицейские стеснения и запрещения, закрытия профессиональных журналов, запрещения обсуждать вопросы съезда на общих и делегатских собраниях союзов и т. п., и т. п. — чрезвычайно мешали успешной подготовке союзов к данному съезду. Непрерывный ряд правительственных репрессий все более закрывает рабочим организациям пути открытой деятельности и открытой организованной защиты интересов рабочего класса. Именно тогда, когда законом 3-го июня политические права рабочих сведены на нет, когда сенатскими разъяснениями фактически отменяется институт фабричной медицины, когда правительство вносит в 3 Гос. Думу целый ряд законопроектов, все более изменяемых в сторону интересов предпринимателей и постепенно отнимающих у рабочих добытые долгой и упорной деятельностью завоевания.

«Именно тогда, когда крупный капитал организуется в громадные тресты и по всей линии наступает против рабочих, усиливая политическую реакцию экономическими преследованиями, пользуясь силами правительства для окончательного подавления рабочего класса, ухудшая его положение и отнимая все добытые во время открытого движения завоевания.

«Именно ввиду этого для нас особенно важно участие на этом съезде и энергичная работа на нем. Мы посланы сюда рабочими организациями для того, чтобы деятельно работать по всем стоящим здесь вопросам. Для того, чтобы всем правительственным и буржуазным законопроектам и пожеланиям противопоставить действительные интересы рабочих, их реальные классовые нужды. Нисколько не обманываемся мы относительно практических результатов съезда, — ибо мы знаем, что исполнение всех его пожеланий зависит от отношения капиталистов и правительства, что осуществления всех встающих перед ними задач рабочие могут ожидать исключительно от своей самостоятельной классовой борьбы, от сплочения своих сил и понимания своих интересов самими заинтересованными массами.

«Но поставленные здесь вопросы достаточно важны для нас, хотя мы и сознаем, что никакие частные улучшения в области медицины, санитарии и т. п., никакие социальные реформы в рамках капиталистического общества не могут избавить рабочих от губящих их жизнь и здоровье условий капиталистического строя. Известным образом улучшая положение рабочих и тем содействуя развитию классовой их борьбы, социальные реформы нисколько не ослабляют зависимости наемного труда от капитала, но еще рельефнее выдвигают нашу конечную цель — широкое преобразование общества и обобществление производства.

«Раскрыть действительные пожелания рабочего класса, выяснить реальные классовые интересы рабочих, противопоставить половинчатой политике социал-реформаторства последовательную политику пролетариата и тем вскрыть непримиримость интересов труда и капитала, — вот что поручили нам пославшие нас сюда профессиональные организации.

«Большей выясненности действительности, большей ясности требований различных общественных групп и классов, большей определенности во взаимных отношениях — вот то, что мы пожелаем данному съезду и что мы говорим ему в качестве своего приветствия».

Декларация эта страдает только одним недостатком: в ней недостаточно обрисовано современное *политическое* положение и не подчеркнуты современные *политические* задачи рабочего класса. Но в общем в ней несомненно удовлетворительно формулирована позиция сознательного пролетариата по отношению к стоявшим на очереди вопросам. Такие декларации, такие выступления, какие были сделаны некоторыми рабочими на съезде, показывают, что нам нечего опасаться создания плохих традиций совместного участия с буржуазными элементами на таких съездах, на которые рабочий авангард идет — вопреки мнению наших ревизионистов—именно для *агитации*, именно для «зажигательных речей», а не для «делового сотрудничества». Слов нет, при сколько-нибудь нормальных условиях развития рабочего движения социал-демократия должна была бы выступить против участия рабочих в общих с буржуазной

демократией съездах. Это одинаково относилось бы и к кооперативному съезду, где рядом с представителем пролетарского кооператива мы видели представителя офицерского или просто буржуазного кооператива, и к съезду женскому, где рядом с работницами мы встречали и госпож Милюковых и пр. Но при современных условиях существования рабочей партии и рабочего движения «использование» таких легальных возможностей, как упомянутые съезды, не только законно, но и обязательно. Вся обстановка, все объективное положение таковы, что именно мы можем использовать эти социал-реформаторские потуги, а не социал-реформаторы нас.

Съезд фабрично-заводских врачей получил сверх того и известное политическое значение. Он является несомненно одним из симптомов складывающегося политического оживления. Настроение врачей, несомненно выражающих настроение известных слоев буржуазной интеллигенции, оказалось весьма оппозиционным. Не случайно то, что при всей растерянности этой интеллигенции, наиболее «левая» часть ее так или иначе потянулась за рабочими. Не случайно и то, что эта часть не стала на позицию «бережения» съезда во что бы то ни стало и не остановилась перед преждевременным закрытием съезда в ответ на зажимание рта рабочим. Симптоматического значения «полевения» этих элементов отрицать нельзя.

Наша партия и проф. союзы, сумевшие использовать самый съезд, должны теперь продолжить это использование, ознакомив возможно шире рабочих с работами съезда, с позицией, занятой на нем рабочей делегацией, с ролью соц.-дем. на нем. Как нельзя более уместно было присутствие на этом съезде представителя нашей думской фракции, и настоящий шаг ее на этом пути можно только приветствовать. Рабочие сумели дружно и сплоченно провести определенную линию на самом съезде. Они должны суметь провести ее и дальше в возможно более широкой *агитации* по поводу съезда.

[Г. Зиновьев.]

В тисках противоречий.

Русская пресса наполнена разговорами о «полевении» буржуазии, о недовольстве промышленности, о капитале, пошедшем на выучку к либеральной науке. Характернее всего в этих толках то, что при наличности громадной, сравнительно, *литературы*, созданной в несколько недель вопросом о «левении» буржуазии, приходится констатировать почти полное отсутствие каких бы то ни было *фактов* в области политического движения нашей буржуазии. И это противоречие невольно вызывает мысль о том, что вся эта газетная и журнальная литература и политика скорее выражает желание узреть, наконец, левеющую буржуазию, чем отражает какие-либо объективные изменения в ее политической линии.

Максимум, что можно сейчас констатировать, это — с одной стороны, — что видимо наступает похмелье, которым нашему капиталу придется расплачиваться за недавние розовые иллюзии быстрого «возрождения» России на костях задавленной революции. Еще столь недавно это «возрождение» казалось почти равным подавлению революции. Двухгодичной практики оказалось достаточно, чтобы убедиться, что у «возрождения» имеется другая сторона и перед этой-то стороной — перед объективными задачами исторического развития России — русская буржуазия третьедумского периода оказалась в трагической позе того мудреца и смельчака, что умер с голоду между двумя стогами сена. Этому Буриданову ослу уподобляется наша буржуазия и тем, что эта позиция заставляет ее мечтать о тех заманчивых и обольстительных перспективах, которые открылись бы и ей при решимости на тот или другой шаг.

Ибо, именно с этого момента, когда — за исчерпанием задач подавления — открылись задачи «возрождения», датируют усиленные разговоры о поднятии производительных сил, о внешней политике, о Великой России, о национальном могуществе... Мечты, которые расцветают тем ярче, чем слабее способность к их реализации.

Широкий расцвет буржуазной, империалистической и националистической мечты у *идеологов* русского капитала — вот то второе, что можно и должно констатировать в области пресловутого «полевения». Трусливое топтание на месте в области практики и широкая мечта о внешнем рынке, мечта, переливающаяся всеми огнями буржуазной мощи и державности, у идеологов — вот сегодняшняя стадия «полевения». Тут несомненное противоречие, но то ли это противоречие, которое способно в своем развитии двинуть вперед нашу промышленную буржуазию, оторвать ее от контр-революции, от союза со Столыпиным и передвинуть на новые рельсы к роли *движущей силы* общественного преобразования? Не только бывший министр, г. Федоров, бывший демократ г. Струве, бывший трудовик г. Жилкин

ХРОНИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

в России и заграницей.

(Вместо введения).

Социал-демократия и профессиональные союзы в России.

Несмотря на все старания правительства уничтожить последние следы «дней свободы», несмотря на военное положение, чрезвычайные и усиленные охраны, профессиональные организации продолжают вести — зачастую незаметную, но упорную и систематическую — борьбу за свое существование. Чтобы уничтожить профессиональные союзы, необходимо вырвать с корнем рабочее движение. А на такой подвиг трудно решиться даже Столыпину. «Охота смертная», но судьба запроса о профессиональных союзах [3] в Государственной Думе показала, что даже октябристы не могут примириться с гололобовской откровенностью, что им необходим фиговый листок, чтобы прикрыть свою наготу. Скрывается ли за этим решением тайная надежда, что Столыпин так же «блестяще» разнесет оппозицию, как он это сделал в вопросе об Азефе, является ли это решение принять запрос просто результатом «каких-нибудь тактических соображений», как об этом заявил в своей «неуместной» речи Гололобов, — эта лицемерная тактика показывает, как трудно даже в таком парламенте», как наша Государственная Дума, обходиться без «европейского» костюма. Конечно, когда правительство, с документами в руках, докажет октябристам всю «закономерность» своих действий, тогда октябристы с чистой совестью отвергнут неудобный запрос социал-демократической фракции.

Литературные охранники из «России» заранее торжествуют. Они уже с восторгом перечитывают доклады своих коллег, «агентов осведомительной службы». Забегая вперед, они уже приподнимают завесу с «ужасной картины», которую представляет собою профессиональное движение.

«Пользуясь рабочим людом, как пушечным мясом, нагло залезая в карманы рабочих, порабощая личность рабочего, насильничая с бесцеремонностью, которой нет имени, организаторы рабочих союзов, под флагом профессионального движения, частью просто устраивали собственные делишки, частью же «объединяли массы для определенно-революционных целей».

И как это ни «ужасно», в той навозной куче, которую представляют собою «статьи» добродетельных Лукиных и Гурляндов, имеется зерно правды.

Действительно, в своей деятельности в среде профессиональных союзов социал-демократия преследовала «определенно-революционные цели». Еще хуже. Именно потому затрачивала она и затрачивает столько энергии на поддержку и развитие профессионального движения, что профессиональные союзы — даже постольку, поскольку они ограничиваются «культурными задачами» и «поднятием материального благосостояния и развитием духовного мира» рабочих масс — совершают великое революционное дело.

строят именно на этом свои надежды на умеренный прогресс для капиталистической России. Даже часть нашей партии держится этого ошибочного мнения, которое выразил недавно с особенной рельефностью один товарищ, сказавший, что буржуазный переворот не может завершиться, пока буржуазия не сделается *его* «движущей силой».

Чтобы не выходить за пределы событий последних дней, мы для решения поставленного выше вопроса о характере противоречия между буржуазной мечтой и политической практикой буржуазии возьмем только последний материал.

В эти дни проблемы внешней политики, а в связи с ними вопросы «национальной мощи» созидаемого Столыпиным, здания «обновленной России» и национализма tout court[4] — явились той скалой, на которой отмеривалась высота политического разумения различных командующих групп.

Вопросы внешней политики таковы, что в известные моменты для буржуазии они являются поистине вопросами жизни и смерти. Русская крупная промышленность, при усиленном сотрудничестве царского фиска, уже успела разрушить свой внутренний рынок. Эпоха контр-революции чисто внешними методами успела довести этот естественный в стране развивающегося только капитализма процесс разрушения рынка до крайнего предела. Целый ряд данных говорит за то, что этот предел граничит уже с тем «безвыходным положением», о котором Энгельс писал, что оно «находит себе, однако, исход у стран более или менее способных к соперничеству с другими на открытом мировом рынке в героических средствах торговой политики, т. е. в насильственном открытии себе новых рынков.» Большинство внешних рынков, однако, уже разобрано и закреплено, а еще не закрепленные представляют собою объекты и арену самой ожесточенной свалки интересов крупнейших капиталистических государств. В эту свалку втягивается Россия и втягивается тем неизбежнее и тем острее, чем смелее становится власть контр-революции и чем более оттягивается в ней коренная революция земельных и политических отношений. То, что у торжествующей контр-революции в России с первых же ее шагов оказались полные руки международных осложнений, поэтому, как нельзя более естественно. Так же естественно, что состояние и боевая готовность армии является, по существу, центром внимания и наиболее больным местом руководящих буржуазных кругов — от Струве, закончившего свой манифест о «Великой России» призывами к «абсолютно-сильной» армии, и до Гучкова, в своем качестве представителя интересов «хлопчатобумажного патриотизма», нашедшего силу для критики современного состояния императорского воинства.

Все то, что развернулось в международных отношениях за период, отделяющий эти два выступления, способно было только обострить вопрос и поставить его на конкретную почву. Наступательная политика Германии и Австро-Венгрии в области ближне-восточных рынков выяснила, кто является реальным соперником, и газетная война с Германией, которую еще шестнадцать месяцев тому назад не осмелился назвать г. Струве, стала центром самопознания русской буржуазии. Из этого противопоставления себя Германии вытекло не только новейшее славянофильство, апология национализма и «державности» и «гуманный» шовинизм русского либерализма, но рядом с неожиданной смелостью критиковать дефекты армии, в нем же нашла себе почву широко ведущаяся пропаганда «забвения прошлых недоразумений между народом и властью», пропаганда единения «нации» и правительства. Во всей легальной прессе эти лозунги кочуют со страниц «Нового Времени» на страницы «Речи» и из «Московского Еженедельника» переходят в «Нашу Газету», подготовляя для царского правительства в широких кругах общества опорные пункты в случае какой-либо международной авантюры. В феврале «Русская Мысль» в статье своего редактора заявляла уже откровенно, что России не удастся сохранить нейтральную и независимую позицию перед лицом осложнений, грозящих международному положению в результате соперничества на мировом рынке Англии и Германии. «При современном напряженном политическом положении», писала «Рус. Мысль»[5], Россия должна выбирать». «В сущности выбор уже сделан. Ввести Россию в фарватер германской политики уже невозможно, и *это противоречило бы жизненным интересам России*». России не гарантирована от нападения Германии, таков был вывод статьи буржуазного журнала, призванной осветить с широкой точки зрения «жизненных интересов» России вообще международное ее положение.

Но уже в марте тот же автор делал практические выводы из своих общих положений, говоря, на страницах «Московского Еженедельника»: «в настоящее время положение таково: наших антагонистов, Австрию и Германию, никакой уступчивостью не своротишь с пути (N. B. пути запирания рынков для русского капитала на бл. Востоке). Единственное, что может положить предел их домогательствам, это, — наоборот; твердость и уверенность в своей правоте».

И предъявляя российской социал-демократии такое «обвинение», ее ставят в «безвыходное» положение: даже без помощи Азевых Столыпин легко может сослаться на резолюции как стокгольмского, так и лондонского конгресса. Обе они ставят вне всякого сомнения «вину» российской социал-демократии. От профессионального движения она может отречься так же мало, как профессиональные союзы от нее: в полном смысле этого слова они являются ее родным детищем.

С этой точки зрения приобретает особенно важное значение резолюция о профессиональных союзах, принятая в прошлом году Ц. К. Против нее выдвигают целый ряд возражений: ее стараются «дискредитировать» и с точки зрения «догмы», ей пророчат недолговечное существование на основании истории, ее несостоятельность доказывается и целым рядом практических соображений. Теория осуждает ее, как порождение «привычки смотреть на вопрос рабочего движения под углом узких интересов партийной политики данного момента, вместо того, чтобы напротив свою партийную политику устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом». История показывает, что «с тех пор как возникло в России профессиональное движение пролетариата, социал-демократия пытается формулировать свое отношение к нему и не может остановиться окончательно на какой-нибудь твердой позиции»: следовательно, та же судьба ждет-де и указанную резолюцию. Практика доказывает, что проведение этой резолюции в жизнь грозит-де целым рядом нежелательных последствий, что Ц. К. в этой резолюции стал окончательно на новый путь — путь опасных экспериментов — и только сыграет в руку тех, кто желал бы «видеть распущение недавно еще столь могучих, массовых профессиональных организаций» и т. д. и т. д.

В той или иной форме эти аргументы повторяются одинаково и некоторыми «партийцами», и иными «профессионалистами». И мы считаем тем более необходимым предпослать нашим хроникам критический разбор всей этой теоретической, исторической и практической аргументации, что таким путем нам удастся установить точку зрения, с которой мы будем рассматривать главные явления в области профессионального движения в России и за границей.

Начинаем с теории.

I.

«Профессиональные союзы не должны превращаться в орудие узко-партийных целей... К профессиональному движению нужно подходить без всяких предвзятых фракционно партийных тенденций: вопросы профессионального движения, профессиональной борьбы и организ. никогда не должны решаться под углом зрения интересов партийной организации *... Свою партийную политику социал-демократия должна устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом».

Действительно, существует целый ряд вопросов профессионального движения и организации, которые с точки зрения социал-демократии являются — употребляя этический термин — адиафорными[6], но они принадлежат к области специальных, узко технических вопросов. Таковы вопросы о форме и классификации взносов, о сроках и

* Все эти аргументы сгруппированы в ст. т. Мартова, напечатанной в «Голосе Социал-демократа» № 4 — 5. Поэтому, в дальнейшем изложении мы пользуемся его формулировкой этих аргументов.

А так как в международных отношениях и «твердость» и «правота» требуют доказательств, то передовая статья этого же № (12-го, 21 марта) поясняет мысль нашего автора в совершенно определенном предложении: «Не пора ли бросить малодушные, преувеличенные и опасные для нас толки о нашей слабости?.. Во всяком случае для целей войны мы можем располагать по меньшей мере трехмиллионной армией... Разуверились ли мы в русской доблести? Но думать, что при столкновении с немцами в нас не проснется стихийный могучий патриотизм, может только тот, кто считает Россию мертвой... Если же правительство боится беспорядков внутренних в случае мобилизации, то против этого есть верные средства (!!)»...

У «Московского Еженедельника» хватило смелости договорить до конца то, что у других мечтателей о рынках трусливо прячется за нытьем об «унижении», о «державности», о «кольце германизма»...

«Верные средства» для внутренних врагов, трехмиллионная армия к «патриотическое и национальное правительство», поднятое на щит «стихийным, могучим патриотизмом», пробужденным в массах «немцем», и в результате — национальное и экономическое могущество во вне и могущество преданного монархии капитала, осуществившего эту грандиозную программу внутри ее.

Это ли не бисмарковская программа возрождения России?

Но... и тут начинаются те «но», которые превращают эту программу в утопию зарвавшегося идеолога, перескочившего в своей фантазии те реальные рамки, в которых движется политика его класса.

Войну с Германией за рынки мог предложить русским командующим классам только подобный идеолог, ибо подобная война подразумевает, включает в себя: во-1-х преодоление внутри России традиционной и естественной германофильской политики династии и крепостников и, во-2-х, поддержку революций на всем востоке.

Победа крайних демократических элементов во всех государствах балканского полуострова, распадение националистически-турецкого господства в оттоманской империи или непрекращающаяся там гражданская война, как средство обеспечить тыл, наконец, отвлечение Англии, которая, конечно, не могла бы спокойно смотреть на победы России, восстанием в Индии — вот те предварительные условия, которые должна осуществить русская... контр-революция, чтобы иметь возможность с надеждой на какой бы то ни было счастливый исход допустить столкновение с Германией.

Но если русская революция разбудила Восток, то только она и может содействовать на Востоке победе революции. Только русская революция сможет помочь Востоку по-революционному порвать со своим прошлым, а тем самым и с варварскими методами эксплоатации капитализмом Запада.

С своей стороны и революционный Восток может явиться союзником лишь русской революции.

И вот эту-то программу буржуазный шовинизм хочет подсунуть «Белому Царю», чтобы в конце концов получить... революционные перспективы войны с Германией, ибо при подобной обстановке всякая война с Германией должна будет вызвать на поверхность все революционные силы России.

Нет, поэтому, ничего более естественного, как нежелание тех, в чьих руках в России действительно находится армия — дворянства и династии — ни на шаг отступить от столь еще недавно скрепленной русской революцией дружбы и ближайшего сотрудничества с Германией императора Вильгельма.

Ибо этот союз продиктован не только династическими интересами, а прекрасно усвоенным соображением, что только союз этих двух реакционнейших сил Европы способен поставить оплот революционной силе Востока и юго-востока Европы.

Германофильская политика Петергофа, которая уже чуть не привела к отставке «англофила» Извольского и к замене его министром с одобрения Вильгельма, «священная дружба» с Германией, о которой кричит ежедневно вся черносотенная печать и для заявления которой «правые» на последних заседаниях Думы пренебрегли всякими покровами «славянофильства», которую, наконец, на «съезде славянских обществ России» провозгласил руководитель «Совета Объединенного Дворянства» г. Гурко — эта дружба к Германии — выражение реальной необходимости для русской черносотенной реакции. И эта необходимость в германской дружбе не может для нее прекратиться, покуда ее реальным врагом останется русская революция, т. е. до смерти.

Вот этот-то реакционный союз пришлось бы русской буржуазии преодолеть прежде всего, если бы она действительно осмелилась взять на себя исторические задачи русской революции.

Но для нее это — бремена неудобоносимые!..

Ей так же страшна революция в России, ей на этот случай так же необходима дружба ближайшего соседа и ей так

способах взимания, о формах союзного счетоводства, о способах хранения сумм и т. д. и т. д. Но нет почти ни одного другого вопроса профессиональной организации, решение которого «под углом зрения интересов» социал-демократии не являлось бы безусловно необходимым, если только мы не хотим, чтобы профессиональная деятельность «руководилась исключительно узким эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом». И странно было бы требовать от социал-демократии, чтобы она не использовала свое влияние в определенном направлении. Таковы, например, вопросы о строении союзов, о предпочтительности союзов по профессиям (цехам) или по производству, централизованных или местных и т. п. и т. п. Социал-демократия обязана осуществлять принципы классовой солидарности и классовой политики во всей деятельности профессиональных союзов, она должна заботиться о том, чтобы в деле их строительства не был заложен ни один элемент цеховых организаций — и она не должна решать вопросы профессионального движения под углом зрения своих интересов»?! Неужели именно теперь, когда, говоря словами Штутгартской резолюции, «все более и более расширяется та область классовой борьбы, в которой успех может быть достигнут лишь при единодушном, совместном действии партии и профессиональных союзов», мы откажемся от права решать вопросы профессионального движения под «углом зрения интересов партии» и проводить наши решения во всей практике профессиональных союзов? Такое идолопоклонство пред «профессиональным движением, как таковым», привело бы в действительности к укреплению тех элементов, которые присущи всякой профессиональной организации по той простой причине, что профессиональная борьба объединяет рабочих только, как продавцов специфического товара, и создает как общность экономических стремлений с другими классами буржуазного общества, стремлений улучшить условия продажи своих товаров, так и общность соответствующих этим стремлениям идеологических форм.

Вот почему «массовый» характер профессиональных организаций нисколько не исключает возможности развития и — при определенных исторических условиях — укрепления целого ряда особенностей, борьба с которыми безусловно необходима «под углом зрения интересов» социал-демократии.

Как бы быстро и интенсивно ни развивалось профессиональное движение — в зависимости от степени развития крупной промышленности и концентрации рабочих масс в ее центрах — для него все таки имеются пределы, их же не прейдеши, оно заключено в рамки, из которых оно само по себе, как таковое, никогда не может выбраться. Оно тем сильнее, чем больше оно охватывает данную *профессию*, профессиональный союз представляет тем более могучую организацию, чем больше вошло в него членов данной *профессии*. *Объединяющая* сила профессиональной организации тем больше, чем сильнее она *разъединяет* пролетариат по отдельным профессиям. Поэтому, «массы», с которыми имеют дело профессиональные союзы, проникнуты зачастую всякого рода цеховыми предрассудками, исключающими иногда возможность солидарного действия с остальными «массами». С этими тенденциями можно и должно бороться, но они существуют, и от них не отговоришься никакими фразами об особых специфических преимуществах профессиональных союзов. Работа социал-демократической организации состоит именно в том, чтобы превращать разрозненные «массы», из которых состоит рабочая масса данной страны, в «массу», проникнутую сознанием своих *классовых*

же ненавистна победа революции на Востоке, чтобы она могла всерьез взять ту программу, которая, суля ей рынки, ведет к ним через революцию и дает нокуда только революцию.

В самом деле. Никакие «верные средства» не могут гарантировать от того, что война с Германией—если уж допустить историческую возможность вести ее для «Белого Царя», — что эта война необходимо превратится во всероссийский и—даже шире —в европейский пожар. Локализировать, а также удержать подобную войну на ступени столкновения двух императорских армий — об этом теперь не нозволяют мечтать социальные отношения внутри всех европейских государств, та классовая война, которая составляет сущность каждого из них и которая при всякой европейской войне вспыхнет невиданным пожаром целого ряда европейских революций.

С другой стороны, напряженность соперничества мировых капиталистических держав дошла до того предела, когда одной доброй воли к миру, одного страха перед раскрывающимися перспективами уже недостаточно, чтоб удержать их от вооруженного столкновения. При подобных условиях не исключена возможность и того, что история заставит крепостническую реакцию в России — вопреки ее непосредственным интересам и прямому нежеланию — своим столкновением с Германией открыть серию революционных потрясений.

Как мы указывали выше, нодобная война быстро переросла бы свою первоначальную ограниченную форму и в современном положении нельзя найти никаких гарантий от того, что это столкновение не послужит исходным пунктом той войны, которую революционный Восток принуждев будет вести против сил международной реакции, для которой порабощение — экономическое и нолитическое — Востока давно уже стало условием существования.

Что касается России, то в таком своем качестве эта война, зачатая под знаком приобретения рынков для русской буржуазии, должна будет с небывалой остротой выдвинуть вопрос о переходе революционной власти в руки демократии.

К этому ведет как логика самого развития подобной войны, так и все международное положение, так и внутреннее состояние России. И *сущность* подобиого положения вещей ведет к тому, что сама эта, буржуазией подталкиваемая, развязка современного положения раз навсегда закрыла бы перед рус. буржуазией — роль «движущей силы» буржуазной революции. Тем сильнее бьет она схему г. Струве, но которой буржуазия является тоже «движущей силой», но уже не бурж. революции, а буржуазного реформированья росс. империи.

Когда в 1859 году Марксу и Энгельсу представлялась возможность войны Германии с Бонапартом и Россией, Энгельс писал Лассалю: «Vive la guerre»[7], если французы и русские нападут на нас одновременно, если мы будем почти-что тонуть, тогда, в таком самом отчаянном положении, все партии, от господствующей теперь до Цица и Блюма, должны будут оказаться негодными и нация должна будет ради своего спасения обратиться, наконец, к самой энергичной партии». Нет необходимости обсуждать сейчас правильность тогдашнего лозунга Энгельса («Да здравствует война!»), чтобы признать совершенную правильность его взгляда на роль «самой энергичной» партии.

Вот это-то противоречивое положение, — когда неизбежная ногоня за внешним рынком, необходимо ведя к революционной ситуации, обещает передать роль «движущей силы» в руки революционной демократии, — и обессиливает в конец движение русской буржуазии в рассматриваемой нами области.

Она, конечно, не может нерестать мечтать о внешних рынках и о борьбе с «кольцом германизма», но у нее заранее отнята всякая *способность* стать на путь практического осуществления ее мечты. В современной обстановке всякие «героические средства», даже энгельсовские «героические средства торговой политики» для нее опасны и недопустимы.

Этим дан ответ на вопрос о характере противоречия между желаниями русской буржуазии, столь ярко заявленными в ее прессе, — и ее практической политической позицией. Это не то противоречие, которое двигает вперед и заставляет изменить нрактику. Скорей, наоборот, при неспособности — объективной — к изменению своей контрреволюционной позиции, этот отрыв мечты от практики лишь сильнее подчеркивает неспособность рус. буржуазии решить стоящие перед капиталистическим развитием России задачи. И в той области, которую мы взяли для иллюстрации положения нашей буржуазии, ясно, что она не сможет сделать ни единого шага к осуществлению схем своих идеологов, и, оставляя за собой право ворчать на рус. дипломатию, на дефекты армии, на Германию, она в то же время не посмеет оторваться от ее руководства и не скинет с себя руководительства германофилов из Петергофа. Ибо этот шаг, повторяем, немедленно вырвал бы из ее рук руль дальнейших событий, отдав их во власть

интересов, *в социал-демократическую массу*. Работая среди самых «конкретных» рабочих самых разнообразных профессий, она превращает их в «отвлеченных» от всяких национальных, местных и профессиональных интересов, но проникнутых сознанием своих классовых интересов. Что эта работа нисколько не мешает развитию «профессионального движения, как такового», что она, наоборот, дает даже усиленный толчок его развитию, достаточно показывает не только практика Германии, Австрии, скандинавских стран, Польши, но и России.

Процесс социал-демократической организации пролетариата является более сложным и более трудным делом, чем процесс его экономической или политической организации. *Настоящее* ложится таким тяжелым гнетом на каждого рабочего, что требуется уже очень высокая степень развития, сильный энтузиазм, готовность к жертвам, чтобы стать членом организации, в которой интересы *настоящего* подчиняются интересам будущего, которая не приносит никаких *осязательных* результатов. И очень часто упорная работа, затрачиваемая на дело социал-демократической организации пролетариата, *проявляется* в более интенсивном росте числа членов профессиональных союзов и числа избирателей, чем в числе членов социал-демократической партии. Отсюда иллюзии лидеров профессионального движения и парламентских «вождей» рабочего движения, часто делающихся жертвами «профессионального» и «парламентского» кретинизма.

Считая главным фокусом своей деятельности социал-демократическое воспитание рабочего класса посредством разоблачения классового характера всего современного общества и государства, социал-демократия руководит всеми формами, в которых проявляется деятельность рабочего класса. Она руководит как экономической, так и политической борьбой пролетариата, и, поэтому, она борется и должна бороться за «гегемонию» во всех организациях пролетариата, в том числе, разумеется, и в проф. союзах.

Социал-демократия — носительница классового движения пролетариата — *соподчиняет* их своей главной организации — социал-демократической, объединяющей пролетариат для осуществления его главной цели, присущей ему в отличие от *всех* других классов буржуазного общества, обусловливающей *принципиальную* противоположность между всеми требованиями *рабочей* демократии и *буржуазной* даже в рамках современного общества. Этой целью, этим классовым интересом пролетариата, является уничтожение классового характера всего современного общества. Организации пролетариата во имя идеи социальной революции, его социал-демократической организации должны *одинаково подчиняться* — и только в этом смысле они одинаково необходимы и равноценны — как политическая, так и экономическая борьба пролетариата. И только эта организация пролетариата, его *классовая* организация par excellence[8], в основе которой лежит не профессиональный союз и не союз избирателей, а *социал-демократический* союз, и может, и должен «*использовать*», в интересах своей основной задачи, как экономическую, так и политическую организацию пролетариата, как профессиональные союзы, так и все другие организационные ячейки, в которых отливается стремление пролетариата к объединению, только она и может и должна решать *все* вопросы массового рабочего движения «под углом зрения своих интересов».

И если социал-демократия должна бороться со всякими «политическими» односторонностями, то так же энергично она должна бороться

тех «народных страстей и ненавистей», о которой уже писала «Рус. Мысль» в цитированной выше статье — прокламации. Та же обработка общественного мнения под цвет заостренного в сторону «германизма» национал-либерализма, которой с таким упорством предается буржуазная печать и буржуазные политики, может послужить только в пользу царизма, если ему придется все же обнажить оружие. Эта пропаганда, которой столь усиленно пытаются придать национально-оппозиционный характер, прежде всего, спекулирует на тот ужас, который охватывает крепостническую реакцию перед лицом международных осложнений с их революционными перспективами, пытаясь на этой почве улучшить для себя условия союза помещичьей и крупно-капиталистической контр-революции.

Это, не исключает, конечно, того, что буржуазия русская всегда будет, так или иначе, порываться к тому или другому решению стоящих на очереди вопросов. Это значит только, что развитие общественных отношений, отведет рус. буржуазии не роль «движущей силы», завершающей переворот, а все ту же роль Буриданова осла.

И если ей суждено стоять как раз посередине между двумя стогами, то можно лишь предположить, что с течением времени она будет настолько же дальше от сегодняшней столыпин. формулы контр-революции, насколько далеко отойдет от своего сегодняшнего состояния народное движение.

Во всяком случае, даже то оживление, которое можно было констатировать по поводу вопросов внешней политики, не столько свидетельствует о каком-либо «полевении буржуазии», сколько — как всякое оживление в России при современных условиях — подчеркивает коренное противоречие между задачами революционной демократии и практикой рус. буржуазии всех оттенков.

Внешней политике царизма и буржуазии партия пролетариата должна противопоставить широкую пропаганду революции, как единственного действительного исхода из современного положения.

[Л. Каменев.]

По поводу «пожелания» г. Дымши.

В 66-ом заседании Государствен. Думы членом польского Коло Дымшей была предложена по смете министерства юстиции формула, которая, принимая бюджет этого министерства, выражала в то же время пожелание, чтобы при назначении в Царстве Польском на судебные должности не считалась препятствием принадлежность к польской национальности. По этому поводу тов. Гегечкори было заявлено от имени с.-д. фракции, что фракция, будучи согласна с пожеланием Дымши по существу (хотя она и считает его слишком узким), будет однако голосовать против него, так как польское Коло в то же время принимает смету.

Главное Правление Социал-демократии Польши и Литвы, партия сознательной части польского пролетариата, считающей с.-д. фракцию также и своим представительством, рассмотрев вышеуказанный инцидент, пришло к следующим заключениям:

1. Мы выражаем убеждение, что с. д. фракция поступила вполне правильно, когда, исполняя элементарный долг истинной оппозиции, голосовала против бюджета Министерства Юстиции, как одного из главных органов классового господства вообще и правительственной системы белого террора в частности, — не считаясь при своем голосовании с жалким по своей робкой половинчатости пожеланием Польского Коло.

2. Мы клеймим самым решительным образом политику Полвского Коло, как узкую классовую эгоистическую политику польской реакционной буржуазии, лишь прикрывающуюся внешностью патриотизма и защиты национальных интересов. Мы констатируем, что пожелание Польского Коло об «осуществлении равноправия национальностей» при назначении на оудебные должности сводится в действительности к желанию обеспечить несколько десятков казенных мест «обездоленным» кандитатам на таковые польского происхождения, и что голосование Польского Коло за смету того самого министерства, глава которого па робкое «пожелание» польских депутатов ответил им рядом пощечин, заявляя с беспримерным цинизмом, что самые скромные пожелания поляков и впредь будут попираться правительством ногами — голосование, выражающее доверие г. Щегловитову в то время, как население Царства Польского изнемогает под гнетом судебной гильотины Столыпина — Щегловитова—Скалона, обнаруживает во всей ее непривлекательной наготе лицемерную, лакейскую и насквозь реакционную политику Польского Коло в Думе, рассчитанную на одурачивание избирателей в Польше и на выслуживание перед властями контрреволюции в России.

3. Мы констатируем дальше, что травля, поднятая против нашей фракции за ее голосование во всей буржуаз-

---

и против всяких «экономических» увлечений, не боясь никаких упреков в том, что она стремится превратить профессиональные союзы в «орудие узкопартийных целей». Все наши защитники «массового рабочего движения», начиная от «рабочедельцев» и кончая «рабочесъездовцами», упорно забывают, что оно может принимать различные формы, иногда очень уродливые, что восставать против них не значит еще восставать против *массового* рабочего движения, что имеется еще форма тоже *массового* рабочего движения, *социал-демократическое* рабочее движение, интересы которого должны стоять для нас на первом плане.

Вот почему нельзя требовать от социал-демократии, чтобы она отстаивала или выдвигала принцип *нейтральности* или *беспартийности*. Профессиональные союзы могут до поры до времени быть *непартийными*, они могут быть *формально* не приписаны к социальдемократической партии, но от них нельзя требовать, да и по самой сущности своей они не могут быть равнодушны к вопросу о том, какую партию они должны поддерживать с точки зрения своих интересов. Они не могут не вести агитацию среди своих членов, чтобы последние поддерживали ту партию, которая, без всяких колебаний и компромиссов, отстаивает интересы рабочего класса.

Принимая активное участие во всей деятельности профессиональных союзов, социал-демократы развивают в их членах классовое сознание и воспитывают классовую солидарность, они органически связывают союзы с партией. Превращается ли эта *органическая* связь в *организационную*, закрепляется ли она только путем *личной унии* или также *формально*, в каких учреждениях выражается организационная взаимозависимость — эти вопросы решаются — всегда под углом зрения *партийн. интересов* — в зависимости от данных условий времени и места. Профессиональные союзы имеют свою определенную сферу деятельности, которая совершается в рамках данных юридических и политических условий, и бывают обстоятельства, когда партии иногда несравненно выгоднее отказаться от *организационной* зависимости профессиональных союзов, чтобы сохранить и укрепить свою *органическую* связь с ними. Но и в этом случае отказ в данный момент развития рабочего движения от организации «партийных» союзов предполагает постоянную и неуклонную борьбу в защиту партии и ее политики.

Правда, бывают условия, при которых не только во имя «единства профессиональной организации», но и во имя *единства социал-демократической организации*, социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, приходится отстаивать их «нейтралитет» по отношению к *различным фракциям одной и той же партии*. Но это eine Noth (необходимость), из которой нельзя делать eine Tugend (добродетель), и которую уже во всяком случае нельзя возводить в принцип.

II.

Российская социал-демократия действительно долго не могла «остановиться окончательно на какой-нибудь твердой позиции», поскольку речь шла о формулировке ее отношения к профессиональному движению пролетариата. Но история этих отношений, излагаемая тов. Мартовым, страдает крупными пробелами. В его изложении она превращается в обвинительный акт против «большевиков»...

До середины 90-х годов, когда русские социал-демократы занимались преимущественно пропагандой идей научного социализма.

ной польской и части либеральной русской печати с кадетской «Речью» во главе, представляет собой новый акт борьбы против всякой последовательной оппозиционности, способствующей лишь усилению позиции правительства и лишний раз разоблачающий половинчатость и двуликость русского либерализма и польского национализма.

4. Мы выражаем, наконец, сожаление, что в противовес пожеланию Дымши, так же как и в качестве вывода из прений по смете Министерства Юстиции, с.-д. фракцией не было внесено собственной формулы перехода, в которой было бы указано, что все те язвы нашего судебного дела, которые превращают судебное производство в судебную расправу правительства и правящих классов с неудобными для них элементами, равно, как и проявлявшееся в частности в царстве Польском стремление превратить суд — наряду со всеми другими органами правительственного механизма — в орудие национального порабощения Польского народа, могут быть устранены не иначе, как путем переустройства государства на самых широких демократических началах, обеспечивающих также автономию Царству Польскому, и осуществление в судебном строе всего государства принципа избирательности судей при полном равноправии всех национальностей во всех общественных и государственных учреждениях.

5. Сообразно с этим мы видим — в отличие от с.-д. думской фракции — «узость» «пожелания» Польского Коло не в том, что пожелание это было направлено только в пользу поляков с исключением других национальностей, а в том именно, что оно сводилось к предложению жалкой паллиативной лжереформы там, где может оказать действие только радикальное оперативное лечение.

От ред. Ответ Дашинского и К° дан в письме Гл. Правл. С.-Д. П.П. и Л. к вашей думской фракции. К этому ответу и к резолюции П. С.-Д. редакция в общем присоединяется. Не печатаем этого письма как и ответа нашей думской фракции потому, что они приведены в легальной печати.

Агитация против смертной казни.

Общественное мнение России, уже несколько лет восстающее против смертной казни, вылилось теперь в агитацию против смертных приговоров в форме собирания подписей под особую протестующую резолюцию, а сознательный пролетариат приглашается присоединить к ней свои подписи. Эта резолюция известна читателям из легальной печати. Петербургский комитет нашей партии, как видно из печатаемых ниже «тезисов», выступил против этого любезного предложения и поступил совершенно правильно.

Несомненно общественное мнение, как писал еще Лассаль, составляет в известных пределах тоже часть конституции и служит орудием борьбы. И как бы ничтожно ни было это орудие — в данном случае это все же есть борьба против нынешнего правительства, управляющего Россией при помощи виселиц. Но из этого вовсе не вытекает, что сознательный пролетариат должен просто присоединиться к общественному мнению, вести эту борьбу в той же форме, с тем же содержанием. Так называемое общественное мнение есть всегда мнение высших классов, но оно никогда не есть сознательное мнение порабощенного класса. Это во-первых. Задача же социал-демократии во всякое время состоит не в том, чтобы сливать мнение рабочего класса с мнением даже самой прогрессивной, даже самой революционной буржуазии и, таким образом, объединять в одно целое интересы этого класса с интересами других, а наоборот — даже тогда, когда эти интересы для известного исторического периода формально одинаковы, социал-демократии должна внести в сознание рабочего класса понимание его особой в каждом случае задачи, пропитать его протест социалистическим содержанием, создать особое мнение пролетариата и отгородить его таким образом от так наз. общественного мнения.

Во-вторых, борьба русского либерализма против смертной казни имеет свое определенное, программное и тактическое содержание, а любезное приглашение либеральной буржуазии по адресу рабочего класса, чтобы тот присоединился к ее борьбе в форме простой дачи своих подписей, имеет определенную политическую цель. Простое требование отмены смертной казни представляет собой такое же орудие борьбы, как либеральное ходатайство об амнистии перед абсолютизмом в конце 1904 и начале 1905 г. Этот лозунг вполне соответствовал своеобразной борьбе либеральной буржуазии, это было самое яркое выражение ее половинчатости, ее стремления к примирению с властью на почве взаимных уступок. Но в то же время это был либеральный способ собирания несознательных рабочих масс для борьбы против абсолютизма. Добиться на деле амнистии таким образом не удалось. Власть дала амнистию не тогда, когда ее требовало общественное мнение, а тогда, когда произошел первый штурм на власть в виде октябрьской забастовки, когда народ добивался не амнистии, а разрушения

когда их организационная деятельность сводилась к выработке элементов для будущей организации Российской Социал-демократической Рабочей Партии, вопросы экономической борьбы очень мало занимали их внимание. Но, после стачек 1896-7 годов период пропаганды окончательно сменяется периодом так назыв. «агитации». Тогдашние социал-демократы создали специально приспособленную для практических нужд движения «экономическую» идеологию *. В области организационной деятельности «экономисты» до некоторой степени осуществили тот «монизм» политической и экономической организации, который мерещится адептам современного синдикализма. В основу всей партийной организации ставились «кассы», «цехи», превращавшие каждого рабочего в прирожденного члена социал-демократической партии. Вся социал-демократическая деятельность сводилась к экономической борьбе с фабрикантами и к организации стачек.

В следующий период, «искровский», экономические задачи несколько отодвинулись на задний план. Тогда же, в виде реакции прежнему увлечению экономической борьбой, — стало замечаться недостаточно внимательное отношение к профессиональному движению. «Искра» и многие искровцы стояли на точке зрения признания *политической нейтральности* профессиональных союзов. И т. Плеханов *формально* прав, говоря, что он является в этом отношении хранителем традиций старой «Искры» *.

Так подготовлена была резолюция о профессиональном движении, принятая будущими «большевиками» и «меньшевиками» в 1903 году.

Второй съезд не успел еще закончить свои работы, как разразились июльские события, вместе с ростовской стачкой открывшие новую эру в российском рабочем движении.

Экономическая борьба превращалась в политическую, стачка, девизом которой являлась «копейка на рубль», превращалась в грандиозную демонстрацию, массовые митинги, и, наоборот, тщательно подготовленная демонстрация завершалась целым рядом экономических стачек, политическая борьба превращалась в экономическую. Наконец, *экономическая и политическая борьба сливаются в массовую стачку против политического режима.* 9 января и события, последовавшие за ним, показали опять, что, становясь во главе экономической борьбы пролетариата, социал-демократия лучше всего может воспрепятствовать возникновению и укреплению различных форм «чисто рабочего движения».

Но несмотря на то, что профессиональное движение развивалось среди рабочих прямо пропорционально развитию социал-

* Наиболее яркое отражение она нашла в анонимной брошюре «об агитации» и в брошюре «Рабочее дело в России» тов. Мартова. Разновидностями этой идеологии являются «рабочедельчество» и направление «Рабочей мысли».

* В предисловии к сборнику своих статей «За 12 лет», в котором перепечатано и «Что делать» — это credo «искризма» — тов. Ленин оговаривается, что взгляды его на профессиональное движение изменились с тех пор: он убедился, что нельзя отстаивать принципиально нейтральность профессиональных союзов.

абсолютизма, и когда народные массы собирались штурмовать нолитические тюрьмы. И рабочий класс в тот момент, конечно, тоже боролся за оевобождение пленных политических борцов, но именно поэтому он не просто присоединял свою подпись под либеральными ходатайствами и протестами, а развертывал настоящую борьбу с самыми широкими революционно-демократическими требованиями.

На этом нримере видно все бессилие тактической мысли либерализма, не желающего открытой народной борьбы и вследствие этого не умеющего понять, что общественным мнение не только нельзя победить абсолютизм, но даже добиться амнистии в эноху борьбы, без какой-нибудь хотя бы и частичной фактической победы народа. Тактику либерализма можно уподобить предложению одной неприятельской армии, требующей от другой выдачи пленных. Но это возможно только на почве взаимного обмена пленными п только после того, когда между двумя неприятельскими армиями наступило перемирие или когда война совсем прекратилась.

Это же желание мира выражает собой и либеральное требование отмены смертной казни. Тут такое же бессилие тактической мысли, как и в требовании амнистии у коварного и непобежденного врага, или как требование ответственного министерства у торжествующей власти абсолютизма. Либеральный протест против смертной казни есть больше всего попытка ухватиться за соломинку, чтобы хоть сколько-нибудь поднять свое в конец нодорваное влияние среди мало-мальскн широких народных слоев. Он больше всего обнаруживает полное бессилие либерализма в настоящий момент. Этот нротест у либералов имеет свое политическое назначение. Из опытов российской революции социал-демократня должна была убедиться, что, если бы даже была желательна победа одних только половинчатых либеральных лозунгов, то нужно, чтобы народная борьба шла дальше этих лозунгов; что кто желает амнистии, тот должен звать народ на штурм абсолютизма; кто действителвно желает даже только кадетского министерства, тот должен выступать против половинчатости этого лозунга и дать народной борьбе более решительный лозунг разрушения всей власти абсолютизма. И смертная казнь, применяемая против революционеров, или просто для запугивания народа, поскольку она нужна для политических целей теперешней власти, может быть отменена лишь вместе с падением этой власти, или тогда, когда само правительство убедится, что ему не грозит более никакая опасность со стороны народа.

Это социал-демократия и обязана открыто сказать народу и тогда, когда вопрос о смертной казни поднимается в Гос. Думе, и тогда, когда он поднимается теперь в форме собирании нодписей под либеральным протестом. Но этого либеральный протест не говорит. Все лицемерие буржуазной тактики заключается не только в том, что она вопрос о смертной казни ставит на почву гуманности, человеческой природы и т. н., а особенно в том, что она нарочно умалчивает о политической стороне вопроса. «Общественное мнение», «человеческая природа» всей либеральной Европы со вздохом облегчения нринимало известия о зверских расправах с нарижскими коммунарами 71 года. И та же «человеческая нрирода» либералов возмущается виселицами, находящнмися не в их руках, а в руках абсолютизма.

Либеральный протест не говорит о том, что в России действует виселица контр-революционная. А сказать *контр-революционная* виселица — это значит сказать все, чего нет в либеральной резолюцин против смертной казни. Политнческая сторона вопроса и состоит теперь не в том, что надо бороться против виселицы вообще как постоянного правого института, против которого с.-д. борется принципиально и у нас и во всех других странах. Против смертной казни, как «правового» института, *последовательную* борьбу ведут только социал-демократы, точно так же, как только с.-д. ведут носледовательную борьбу против ряда других «правовых» институтов буржуазного строя. Так в недавних думскнх прениях по вопросу о наказаниях за конокрадство именно некоторые либеральные печальники об отмене смертной казни допускали усиление репрессий, и к ним присоединился даже один крестьянин трудовик. И только с.-д. были против таких усилений, стоя на своей принципиальной точке зрения.

Но у нас в России сейчас вовсе не стоит вопрос о смертной казни вообще, о смертной казни, как о «правовом институте». Так вопрос о смертной казни стоит теперь в Франции, и кровожадные хулиганы из «России» очень умно и справедливо воснользовались «человеческой природой» — этой вечной истиной русских либералов, — которая дала им лишь возможность сравнить русское правительство с правительством и палатой франц. реопублики и показать этим, что русское самодержавие в этом отношении не хуже республиканской демократии, тоже отвергшей требование отмены смертной казни. Нет, в России вопрос стоит так, что надо бороться против *контрреволюц*. виселицы, как выражения белого террора аб-

демократической пропаганды, теоретическое пенимание все еще отстает от нрактического опыта, все еще не может сделать надлежащие выводы из указанных фактов. Подъем революционной волны заставляет одних — главным образом большевиков — по выражению женевского «Вперёда» «сосредоточить все овои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком». Другие — главным образом меньшевики — увлекаются легальными — зубатовскими и полузубатовскими обществами взаимопощи и — к великому удовольствию присяжного писателя министерства финансов — заявляют на страницах новой «Искры» (№ 108), что профессиональные союзы являются «наиболее целесообразной организацией рабочих масс».

Октябрьские дни, практика советов рабочих депутатов и интенсивная деятельность социал-демократов в профессиональном движении заставили изменить традиционное отношение к профессиональным союзам. За некоторыми, совершенно ничтожными исключениями, главными организаторами и деятелями профессиональных союзов являлись социал-демократы, не всегда, правда, принадлежавшие к одной из главных фракций. Практика профессиональных союзов показывала, как нелепа была бы попытка навязать им — в особенности со стороны социал-демократов — догмат *нейтральности*. И уже к весне 1906 года мы — ни среди «большевиков», ни среди «меньшевиков» — не встречаем защитников нейтральности, которая становится лозунгом кадетов и социалистов-революционеров. Но — в особенности в Петербурге — практика советов рабочих депутатов вынуждает социал-демократов отстаивать принцип *нейтральности* по отношению к *социалистическим партиям*. Последовательное проведение его представителями обеих фракций в громадном большинстве случаев давало возможность социалистам-революционерам «жать» там, где они не «сеяли», и проникать в профессиональные союзы, в организации которых они не принимали никакого участия.

Как бы то ни было, к весне 1906 года, когда собрался объединительный съезд, в социал-демократической партии не осталось ни одного приверженца «нейтрализма». Не было также и защитников немедленного *партийного оформления* союзов. Таким образом, на Стокгольмском съезде была принята единогласно при 2-х воздержавшихся известная стокгольмская резолюция:

Единогласное принятие этой резолюции «меньшевиками» и «большевиками» показывает, что разногласия между обеими фракциями по этому вопросу не были особенно велики. Предложенная «большевиками» резолюция также говорит о том, что «все организации партии должны способствовать образованию *беспартийных* профессиональных союзов». Одинаково считая нецелесообразным устраивать партийно-оформленные союзы, как «большевики», так и «меньшевики» считали также неудачным и термин «нейтральный». К сожалению, комиссия, выбранная на съезде для редакции резолюции, остановилась на таком же неудачном термине, как «беспартийный», предложенном и большевиками. Уже тогда, в органе петербургского Центр. Бюро профессиональных союзов, указывалось, что новый термин будет вызывать такие же недоразумения, как и термин «нейтральный» *.

* Н. Рязанов, Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах. Проф. Союз, 1906, № 18 — 19.

солютизма, как средства запугивания населения. Это значит, что надо побороть раньше контр-революцию, для чего после первой победы народа могут понадобиться революционные виселицы, как могут возникнуть и контр-революционные виселицы, торжествующей буржуазии, обещающей, напр., в лице г. Струве расправиться с революционным народом на улице.

И все-таки с. д. должна поддерживать это общественное мнение, как выражение либеральной оппозиции. Но поддержать либеральную оппозицию, толкать ее влево, втягивать ее в борьбу не значит поддерживать просто ее лозунги *. Наоборот с.-д. толкает вперед общественное мнение, подчеркивает борьбу либерализма лишь тогда, когда раскрывает половинчатость его лозунгов, когда бичует его нерешительность, когда зовет народ на борьбу против либерализма, непоследовательного и лицемерного, когда против его примиренческих лозунгов выдвигает решительные лозунги борьбы.

И так, очевидно, думали, и авторы «тезисов», желающие поддержать и усилить народное движение против смертной казни не простым поддержанием кадетского лозунга, а наоборот — критикой этого лозунга и выдвиганием решительного лозунга борьбы за уничтожение власти белого террора. Таково должно быть содержание с.-д. борьбы против смертных казней, и эту борьбу с.-д. должна вести на рабочих собраниях, на митингах и где возможно помощью народн. уличных и др. демонстраций.

[А. Варский.]

Новый этап турецкой революции.

Реакционное влияние европейской и русской дипломатии не могло помешать турецкой революции сделать новый этап в своем развитии и перешагнуть через тот компромисс, которым завершился младотурецкий военный переворот в июле прошлого года. Контр-революционное влияние «европейского концерта» до известной степени парализуется взаимным подсиживанием двух антагонистичных групп держав с Англией и Германией во главе. Это соперничество, сопровождавшееся интригами и контр-интригами в Константинополе, ускорило первую преждевременную попытку турецкой контр-революции, два месяца тому назад, когда младотурки еще были в обладании всей своей силой и могли легко и не прибегая к насилию победить своих противников. Свержение Киамил-Паши, казалось, закрепило власть младотурок, но и на этот раз, как и в июле прошлого года, страх перед предстоящими внешними осложнениями в связи с политикой России, Болгарии и Австрии, удержал младотурок от решительного использования победы. Между тем, противоречия, заложенные в основании этой военной революции, не устраненные компромиссом с султаном и постоянно питаемые контр-революционной политикой держав, продолжали развиваться. Компромисс с султаном, опасение гражданской войны, которая усилит натиск европейских держав на дезорганизованную Турцию, парализуют реформаторские намерения младотурок, с самого начала более, чем скромные и ограниченные самым тесным буржуазно-либеральным кругозором. Вся законодательная энергия турецкого парламента направилась в сторону возрождения армии и флота. В области социальных вопросов он не пошел дальше запрещения стачек и узаконения палочной расправы над бродягами, «не желающими работать». В области национального вопроса не сделано ни одного решительного шага даже в том весьма скромном направлении, которое младотурки наметили в своей программе и которое не идет дальше уравнения в гражданских и политич. правах. Тем самым должно было начаться охлаждение к делу революции демократических низов и угнетенных национальностей Турции, — охлаждение, на почве которого связанные с этими национальностями элементы турецкой интеллигенции (т. наз. «Либеральный Союз», стоящий за автономию христианских народностей), увлекшись борьбой с националистской политикой младотурок, сыграли в руку султанской контр-революции.

А контр-революции было как нельзя более кстати ограничение

* И наша думская с.-д. фракция поступила вполне правильно, не присоединившись к октябристской формуле о введении смертных казней «в норму», формулу, за которую ухватились все либералы и либеральствующие. Все нападки на нее за это буржуазной печати с «Нашей Газетой» во главе только показали, что фракция поступила на этот раз совершенно правильно. И нельзя не выразить сожаления по поводу того, что этот совершенно правильный шаг встретил возражения и в с.-д. печати. «Голос Соц.-демократа», — газета, которая до сих пор умалчивала о конкретных шагах фракции и о всех действительно крупных ошибках ее — теперь впервые заговорила об ее практической деятельности для того, чтобы осудить шаг, как раз никакого осуждения незаслуживающий. («Гол. С.-Д.» находит, что, при невозможности внести собственную формулу, фракция должна была при голосовании октябристской формулы воздержаться, а не голосовать против, как это сделала фракция.) Мы надеемся, что фракция будет и дальше в этом вопросе проводить точку зрения партии, т. е. «поддерживать» оппозиционные течения *так*, как это всегда понимала революционная соц.-дем. *.

Там же были отмечены и другие недостатки этой резолюции: 1) слишком категорическое признание возможности *прочного* улучшения положения рабочих масс в результате экономической борьбы, 2) партийная санкция одного способа легализации профессиональных союзов, 3) неясность формулировки взаимоотношений между партией и профессиональными союзами.

Но признав необходимость поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и считая при данных условиях нецелесообразным организовать *партийно-оформленные* союзы, резолюция решительно отвергает принцип «нейтрализма» и вменяет в обязанность членам партии «постоянно укреплять среди членов профессиональных союзов их *классовую солидарность* и *классовое сознание*», иными словами, вести социал-демократическую пропаганду, и, следовательно, принимая участие во *всей* деятельности союза, решать вопросы профессионального движения «под углом зрения интересов партии».

Странно, поэтому, видеть в резолюции Лондонского съезда 1907 г. «диаметральную противоположность» стокгольмск., как это делают т. Мартов и некоторые русские профессионалисты. Скорее эти оппоненты лонд. резолюц. сами сделали *шаг назад от* стокгольмской резолюции. Правда *редакция* лондонской резолюции до некоторой степени носит следы работы на-спех. Приходится также сожалеть о том, что она принята без всякого доклада и без всякой мотивировки, как и резолюция Стокгольмского съезда, что, поэтому, члены партии, не бывшие на съезде, при критике этой резолюции, должны опираться только на текст.

Но, что говорит резолюция *по существу*?

«Подтверждая резолюцию объединительного съезда о работе в проф. союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них — содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также установления организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Где же тут «диаметральная противоположность» Стокгольмской? Последняя также настаивает на необходимости «содействия признанию профес. союзами идейного руководства социал-демократической партии». Что же касается установления «организационной связи», то, не говоря уже о большевиках, «меньшевики» и те профессионалисты, которые теперь высказываются против нее, старались все время установить ее в той или другой — и часто очень нецелесообразной — форме. Что она *фактически* существовала — доказывается всей историей профессионального движения — не только в Москве, Харькове, Одессе, но и в Питере.

Если т. Мартов и некоторые профессионалисты усматривают в ней *обязательность* немедленного парт. оформления проф. союзов, то это — ошибка, легко объясняющаяся отсутствием мотивировки. Такое решение было бы так же странно, как и решение устраивать только *непартийные* союзы. Навязывать его товарищам из П. С. Д. было бы так же нелепо, как если-бы наши товарищи из П. С. Д. хотели навязать его всей партии. И не только странное, но и прямо удручающее впечатление производит аргументация противников партийно-оформленных союзов, с торжеством указывающих на тяжелое положение польских соц.-дем. союзов!

И если мы дорожим достигнутым — пусть лишь формальным —

младотурецкой реформаторской деятельности делом «возрождения армии и флота». Ибо это возрождение, сопровождаемое увольнением безграмотной части офицерства и муштрованием солдат в духе современной европейской военной системы, должно было вызвать и вызвало недовольство среди самой солдатской массы.

Таким образом, военная революция 1908 года, не сумевшая перерасти свою форму и опереться на население, подготовила вторую контр-революционную попытку, которая разрешилась солдатским бунтом 13 апреля, отнявшим у младотурок Константинополь.

Однако условия для победы контр-революции далеко еще не назрели, и ныне оставшиеся верными младотуркам войска взяли столицу. Если на этот раз победа турецких революционеров не привела к простому восстановлению положения, созданного прошлогодним компромиссом, то отнюдь не в силу желаний самой млад.-тур. партии. Инстинктивно чувствуя, что каждый новый этап в развитии революции заставляет ее искать опоры вне узкого круга «западнических» верхов мусульманского общества, интересы которых эта партия выражает, она и теперь не прочь была разрешить конфликт с султаном новым компромиссом и, пожалуй, даже отвлечь революционную страсть идущих за ней масс в сторону преследований левой оппозиции, скомпрометировавшей себя в событиях 13-го апреля. Но сама контрреволюция сделала невозможным такой компромисс. Старо-турецкая партия успела в течение года собрать свои собственные массы — массы реакционные — которые не могли остановиться на полпути и увлекли за собою свою партию на путь вооруженного сопротивления младотурецкой армии. В проистекшей 23 — 25 апреля в Константинополе открытой вооруженной борьбе младотурки получили свое революционное крещение и, вопреки первоначальным своим оппортунистическим планам, вынуждены свергнуть, а, может быть, и казнить султана и сжечь за собою мосты «лояльности» и «умеренности».

Пока эта революционная задача может быть в данных условиях осуществлена лишь в форме офицерской диктатуры и более или менее сурового революционного террора. Но дальнейшая судьба младотурецкой партии и всей революции зависит от того, заполнится ли эта форма революционным содержанием, использует ли партия свою диктатуру и свою террористическую борьбу с поверженными реакционерами для того, чтобы связать с делом переворота народные массы, объективно заинтересованные в социальной и политической реформе. В противном случае, оторванная от прогрессивных масс, военная диктатура фатально осуждена на вращение в порочном кругу, пока внешний толчок или новое накопление контр-революционных элементов не приведут ее к окончательному крушению.

Пролетариат Запада и России кровным образом заинтересован в том, чтобы капиталистические и царское правительство не бросали палок развитию турецкой революции, которая, будучи важным этапом в деле возрождения эксплоатируемого Европой Востока, ускоряет момент пролетарской революции уже тем, что знаменует собой начало конца империалистского периода в развитии мирового капитализма. Пролетариат заинтересован в том, чтобы дипломатия и буржуазия не мешали расправе младотурок с турецкими контр-революционерами и не отвлекали их от борьбы с реакцией попыткам эксплоатировать турецкую «смуту» для расхищения турецких владений.

В частности же, русский пролетариат должен зорко следить за царизмом и имущими классами. Если в настоящий момент царизм, в согласии с реакционным русским дворянством, отказался от «активной славянской политики», боясь быть вновь втянутым в международные осложнения; если он, поэтому, склонен искать себе «компенсации» в Персии, куда уже вступил русский военный отряд, то политические представители русской буржуазии — как левооктябристские, так и мирнообновленческие и кадетские — вновь усиленно шумят о «славянских» задачах России и фактически подготовляют общественное мнение к тому, чтобы в момент, когда, независимо от сознательного желания царизма, он окажется втянутым в международный конфликт и попытается учесть в свою пользу международные осложнения, он мог опереться у себя в России, если не на прямое сочувствие демократических масс населения, то на их растерянность и непонимание объективного значения так называемых «освободительных» и «цивилизаторских» военных и дипломатических походов двуглавого орла. Не мешает припомнить, что если во время русско-японской войны царизму не удалось сбить с толку народные массы и приобрести их симпатии, то отнюдь не не вине русского либерализма, который и тогда, как и теперь, спекулировал на то, что царизм, втянутый в вихрь мировых бурь, будет вынужден искать себе опоры в имущих классах. В 1904 — 5 гг. расчеты либерализма были обмануты успехами русской революции; да и построены были они на слишком шаткой основании *дальневосточного* империализма, для которого царская Россия просто экономически не доросла. В настоящее время, та-же спекуляция ведется во имя империалистской политики на ближнем Востоке, где шансы России, во всяком случае, благоприятнее чем у Тихого океана. Ведется она после победы контр-революции, сковавшей на время развитие самостоятельного политического движения народных масс. Поэтому, буржуазный либерализм может питаться надеждой, что, втянув Россию в перипетии «активной славянской политики», он получит благоприятные условия для такого развития нынешнего контр-революционного союза верхов русского общества, которое будет означать перемещение политического центра тяжести от аграриев к капиталистам, от Крупенских к Крестовниковым.

Борясь одновременно и против продолжения Ляховской политики в Персии, и против «нео-славянства» Бобринских и Родичевых, социал-демократия тем самым борется за то, чтобы новый политический кризис, если к нему приведет Россию развитие «восточного вопроса», послужил исходным пунктом для такого народного движения, которое

единством организации всего российского пролетариата, без различия национальности, то мы можем только приветствовать лондонскую резолюцию, давшую возможность войти в общую партийную организацию товарищам из П. С. Д. без вынужденного отказа от основного принципа их политики в проф. союзах.

Поэтому, не отказываться от резолюции Стокгольмского и Лондонского съездов должны мы, а наоборот, выработать наиболее целесообразные способы их проведения в жизнь. Что это должно делаться не «с бацу», а «с большим тактом, с величайшей осторожностью» или, как выражается т. Ленин — «соблюдая необходимую осторожность и постепенность, не делая никаких порывистых и нетактичных шагов» — само собой понятно. Мы думаем только, что *«бестактное»* проведение в жизнь верных *принципов* менее вредит, чем *тактичное* осуществление *ошибочных* принципов. Но чтобы выработать *принципиально* правильную тактику социал-демократии в проф. союзах, надо не бояться решать все вопросы профессионального движения «под углом зрения интересов партии».

Резолюция, принятая Ц. К., становится на этот единственно правильный путь, и можно только радоваться, что она принята единогласно.

«Усиленная работа с.-д. в проф. движении, предписываемая всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лондонской и Штуттгартской резолюции, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности проф. союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с с.-д. партией.

Признание проф. союзов соц.-дем. должно быть результатом исключительно пропаганды и организации с.-д. внутри проф. союзов и не должно нарушать единства экономической борьбы пролетариата».

Трудно требовать «большего такта, большей осторожности!»

Но, может быть, практические директивы Ц. К. в этой области грозят нанести непоправимый ущерб проф. движению? Нам остается теперь рассмотреть «практические» соображения, выдвигаемые против резолюции.

III.

Сначала маленькая историческая справка. Вот что мы читаем у пресловутого профессора Святловского в его полуграмотном «научном» труде о «профес. движении в России». Расхвалив резолюцию Стокгольмского съезда, он продолжает: «К сожалению, уже с зимы 1906-7 года начинается поворот в нежелательную сторону гегемонии и партийности. Так под влиянием совершенно ошибочных и, быть может, случайных (!) мотивов, верховный коллектив партии решается объединить и *централизовать* соц.-дем. работу на местах». Дальше идет перепечатка циркуляра Ц. К. об организации «проф. комиссии при Ц. К.» Затем наш профессор продолжает: «Желание организовать «Профессиональную Комиссию» равно стремлению создать новый штаб без армии. Практически же этот циркуляр пока дал только прекрасный повод политической полиции обвинить соц.-дем. в новом «заговоре». Окончательным завершением отмеченного поворота является резолюция Лондонского съезда партии весною 1907 г.» *.

Итак, если верить г. Святловскому, меньшевистский Ц. К. «сыграл в руку тех, кто желал бы видеть распущение нынешних, не-

* В. Святловский, проф. движение в Рос. СПБ, 1907, стр. 379—381.

сделает невозможным лелеемое либерализмом превращение нынешней России в «великую Россию» на почве раздела власти между монархией и капиталист. буржуазией. Разоблачение истинного характера всех — и реакционных, и кадетских, — лозунгов внешней политики остается одной из важных задач нашей партии и нашей думской фракции.

[Л. Мартов.]

К вопросу о работе нашей партии в деревне.

I.

Никогда еще сельская работа не имела для революции такого большого значения и никогда еще почва для этой работы не была столь благодарна.

Эта почва все более и более разрыхляется даже там, где комья ее до сих пор плотно держались. Столыпин в союзе с октябристами обнажает всенародно в самых медвежьих углах то, о чем лишь говорила мертвая статистика на полках, да чему марксистская книга поучала. Закон 9-го ноября обостряет до последней крайности классовую борьбу в сельском обществе, *делая ее этим осознанной* обеими сторонами. Конец раз навсегда деревенскому «миру»! На одной стороне «столпы деревни» с сетями в руках, на другой «мелюзга», которую правительство загоняет кулаком в сети. На верху оформливающийся все более сельский предприниматель, внизу, на левом краю, отрясающее от себя последние клочки полей безземельное крестьянство. Даже, если «свободные», выделившиеся сельские кулаки пойдут на первых порах по пути сдачи в аренду своей земли, если все общественные основы хозяйства не двинутся вперед, и в этом случае старой утопической психологии крестьянства нанесен тяжкий удар. Восприятие идеи классового социализма безземельным и малоземельным крестьянством, прежде всего в его низах, идущих на заработки в отход, быстро подготовляется. Но нет сомнения, что, как ни неблагоприятны общие условия, кулачество, субсидируемое, с одной стороны, правительством, с другой, опасаясь неаккуратных платежей за аренду враждебными малоземельными соседями и поощряемое низкой заработной платой, начнет переходить к собственному ведению наемным трудом хозяйства. Развитие рельсовой сети тоже этому поможет. И местный сельский пролетариат, если он до сих пор не работал в помещичьих экономиях, найдет хоть отчасти приложение своему труду в батрацком хозяйстве зажиточных крестьян. А это откроет, даже в медвежьих углах, в экономически отсталых областях России широкую дорогу в деревню социал-демократической работе.

Здесь, здесь, в рядах этого пролетариата должна быть *база* нашей сельской работы!

II.

В чем же состоит, однако, сущность этой работы?

Насколько здесь трудно стать на правильную дорогу, показывает хотя бы пример юго-запада. Здесь типичное капиталистическое сельское хозяйство. Крестьянство глубоко расслоено. Работающих в экономиях более половины населения в большинстве сел. Мелкая аренда очень незначительна, но среднее крестьянство все-таки есть. Благодаря таким условиям, движение носило, естественно, характер сельских забастовок, иначе и не могло быть. Но вспыхнувшая совершенно стихийно *чисто-пролетарская* форма борьбы, как нечто еще мало понятое сельским *рабочим*, столкнулось с традиционным *мужицким* миропониманием, *с требованиями земли*. Это мужицкое понимание, точно бродило, поддерживало среднее крестьянство.

Задачей соц.-дем. организации — в данном случае «Спилки» — было отделить окончательно перед массой *пролетарскую* форму борьбы и ее требований от *крестьянских* требований. Этого можно было лучше всего достигнуть отдельной *профессиональной* организацией работающих в экономиях, сам факт существования которой проводил бы грань между рабочими и *не* рабочими элементами села. При такой постановке *классовое* социалистическое сознание само вырастало бы. Кажется все просто и ясно. Однако, «аграрный вопрос» настолько ослепил всех, что и спилковские местные организации, за исключением Сквиреко-Васильковского района, ставили во главу агитации среди *всей* сельской массы «землю». Когда же пришли забастовки, их стремились проводить и охватить в организацию не *пролетарскими* силами села, а всем сельским обществом. Даже Главный Комитет «Спилки» только во второй год революции стал в области сельской агитации и пропаганды на чисто пролетарскую дорогу [1]: — борьба за увеличение заработной платы, за 8 час. раб. день, человеческое обращение и т. д. Но в организационном отношении дело до сих пор не разрешено, и к созданию *профессиональной рабочей организации, которая заменила бы для пролетариата в его борьбе сельское общество*, до сих пор не приступлено**.

Но еще во много раз меньше социальдемократической сознательности выказал, напр., «Херсонский губернский союз сельских организаций». Здесь соц.-дем. прокламации, призывавшие к забастовкам, вместо использования движения в целях углубления пролетарского классового сознания ясной постановкой *рабочих* требований и установлением общности сельских забастовок со всем рабочим

* См. 3-ий № «Известий Украинского Союза», вышедший на миниографе осенью 1906 г. и листки Глав. Ком. за 1906 и 1907 гг.

** К этому призывает газета «Правда».

давно еще могучих, массовых проф. организаций». Действительно, в ответ на циркуляр Ц. К. последовал циркуляр департ. полиции от 10 мая 1907 г., в котором все губернаторы всей России предупреждались о том, что «в последнее время при Ц. К. соц.-дем. партии образована особая проф. комиссия для объединения и согласования работы соц.-дем. в проф. союзах», что, «вследствие особо напряженной деятельности соц.-дем., проф. союзы принимают *уже вполне определенный облик соц.-дем. организаций* и потому являются весьма опасными для государственного строя».

«Результатом этого циркуляра, — прибавляет с сожалением г. Святловский, основываясь на корреспонденции «Речи» из Нижнего Новгорода — явились обыски и аресты у многих членов проф. нижегородских организаций, воспрещение собраний и т. д.».

Но, объясняется ли это усиление репрессий роспуском второй Думы или как нибудь иначе, мы видим, что попытка организованного и организационного воздействия на проф. союзы со стороны Ц. К. ведет свое начало от Стокгольмского съезда. Констатирован рост проф. движения, циркуляр Ц. К. указывал членам партии на выдвигаемые этим ростом все новые и все более сложные задачи. «Хотя острый политический момент требует от партии массы сил и средств, русские соц.-дем. не только не прекращают своей работы в области экономической борьбы и профессиональной организации пролетариата, но, наоборот, усиливают ее, поддерживая славные традиции российской социал-демократии, которая, по справедливости, может считаться родоначальницей русского профес. движения». Констатируя далее, что эта работа соц.-дем. на местах не всегда носила единообразный характер, циркуляр Ц. К. видит одну из причин в том, что «единственным руководством могла служить лишь резолюция, принятая на объединительном конгрессе в Стокгольме, но она давала лишь общие принципы, которые на местах толковались различно». Поэтому Ц. К. пришел к заключению, что необходимо организовать особую Профес. Комиссию при Ц. К. «Собирание партийного опыта, *объединение и согласование работы соц.-дем. в проф. союзах*, подготовка материалов для решения отдельных вопросов проф. движения в согласии с общими задачами партии, критика и разработка законопроектов по рабочему законодательству и профессиональному праву — таковы главные задачи Проф. Комиссии»... В осуществлении этих задач Ц. К. видел главную гарантию, что «российская социал-демократия сумеет сообщить русскому проф. движению еще больший размах *и укрепить в нем сознание общих классовых задач всего рос. пролетариата*».

Итак, новый Ц. К. следует по пути, намеченному уже Ц. К., избранным на Стокгольмском съезде, т. е. меньшевистским.

Перейдем теперь к рассмотрению практических советов, даваемых Ц. К. относительно работы в профес. союзах. Крупный недостаток ее он видит в том, что профессиональные союзы «не успели в большинстве случаев создать сплоченные организационные ячейки *в отдельных предприятиях*». Без таких ячеек, по его мнению, нельзя ни построить устойчивые проф. союзы, ни руководить экономической борьбой пролетариата.

С этим взглядом трудно согласиться. Гораздо более крупным недостатком в деятельности проф. союзов являлось отсутствие сплоченного организационного ядра, к-рое фактически руководило бы ими. Увлекаясь идеей «широкого» рабочего движения, многие деятели проф. движения ставили на первый план *количественное* расширение числа членов проф. союза, забывая, что при первом

движением, единственной целью забастовок ставили:—*«выжить панов и забрать себе землю»*. Точь в точь как у эс-эров! Такой же характер, поскольку мне известно, носила работа соц.-дем. и в Воронежской губ., куда волна забастовок тоже докатилась.

Однако, как я уже сказал, в «Спилке» из всего первоначального хаоса наметились в конце концов правильные руководящие идеи работы. Вероятно, они народились и в других организациях. Но они ждут еще своего осуществления.

III.

Итак, партийным организациям следует прежде всего усвоить старую истину, что *основной базой* нашей сельской работы должно быть не крестьянство, а сельский пролетариат. Сколько бы организации ни внедряли в крестьянские головы необходимость отстаивания с.-д. *земельной* программы, от этого крестьянство ни на волос не приблизится к соц.-д-тии.

Приступая к организации сельского пролетариата, надо помнить, что условием успешности нашей работы является создание *профессиональной* организации для повседневного отстаивания сельскими рабочими их нужд, как наемников крупного или мелкого капитала. Ничто не проведет лучше в сознание сельских рабочих, тысячью нитей связанных со всем крестьянством, *их особого положения в деревне*, ничто не разъяснит им лучше сущность современного капиталистического общества и их братской связи с городскими рабочими, как эта мелкая каждодневная борьба за улучшение жизни, — борьба, во имя которой и во время которой и будет расти их особая *рабочая* сельская организация. Это общепризнанная истина в городе, которую однако приходится напоминать заново при сельской работе! Главный признак для приема в пролетарскую профессиональную организацию не абсолютная безземельность, а *продажа труда* на месте или в отходе помещикам, городским капиталистам или кулакам. Надо еще заметить, что по необходимости эта экономическая организация будет пока подпольной и вместе с тем политической, официально социал-демократической, ибо легальные профессион. организации сельских рабочих запрещены законом.

Но что же делать с теми собственно-крестьянскими элементами, которые примкнули к социал-демократии или чисто идейным путем, или тянутся к ней из простого революционного чувства, не разбираясь в программе? *По отношению к этим элементам надо поступать точно так же*: — объединять мелких арендаторов в особую профессиональную организацию во имя их нужд — понижения арендной платы, удлинения срока аренды и т. д. Среди самостоятельных мелких крестьян создавать такую же самостоятельную организацию, ставящую своей целью защиту от всевозможных притеснений помещиков и казны, завоевание от последних всяких уступок и т. д.

Развиваясь самостоятельно, все эти организации *не будут мешать прояснению сознания отдельных сельских групп*, а ведь в этом все дело. Но для борьбы за *общие* интересы они должны объединяться в одну центральную организацию. Польза построения такой федеративной организации убедительно иллюстрируется богатым примером Италии. Конечно, *непременным* условием вхождения двух граничащих с пролетариатом мелкобуржуазных групп в общую федеративную организацию должно быть признание принципа классовой борьбы, усвоение ими общего хода капиталистического развития, предполагающего постоянную неустойчивость мелкой собственности и мелкого хозяйства, и ведущего через классовую борьбу к отмене всякой частной собственности и установлению социализма. Где этого условия нет, мы будем, стоя своей сельской пролетарской группой обособленно, толкать остальную массу к подобной организации и направлять последнюю по наиболее близкому к пролетариату революционому пути.

Тут, понятно, нужна умелая пропаганда, устная и путем хорошего подбора библиотек. Этой пропаганде много поможет существование самостоятельной пролетарской сельской группы и усиливающаяся классовая борьба в самом сельском обществе. На почве этой борьбы и возможно прежде всего дружное выступление пролетарской и мелкокрестьянских групп на арене сельской общественной жизни. Поднятие на поверхность жизни всех мелких, но чрезвычайно больных, прячущихся в тени, вопросов сельской эксплоатации и угнетения придаст притягательную силу, живучесть и способность к развитию сельским организациям. Раз вызванное из застоя на свет движение неминуемо расширит свое русло и из обыденных мелочей поставит на очередь большие вопросы.

Я упомянул выше, что пролетарская организация в селе обречена пока на *нелегальное* существование. Это, однако, относится лишь к профессиональной организации, с ее боевыми, забастовочными задачами. На ряду с такой организацией вполне возможна легальная организация в форме *потребительных кооперативов*. Мелкобуржуазные организации, существуя тоже нелегально, как боевые учреждения для забастовочной и бойкотной борьбы, могут в то же время в виде подсобной легальной организации основывать кроме потребительных кооперативов сельско-хозяйственные и кредитные общества, проводя в них демократическое и кооперативное начало. Социал-демократия должна опровергать перед широкими массами ложное понятие о кооперации, как о всемогущем средстве, исцеляющем от всех социальных недугов. Но тем не менее она должна поддержать народившуюся среди сельских масс под всепробуждающим дуновением самой революции здоровую струю к самодеятельности. Если мы не понесем туда своих демократических принципов и пройдем мимо этих будничных, непривлекательных и серых самочинных починаний массы, характерных для данной эпохи, — они попадут вместе с группирующейся вокруг них массой под влияние либеральных и реакцион-

---

серьезном испытании «масса» отхлынет от союза. Там, где удавалось создать такое сплоченное *организационное ядро*, проф. союзы устояли против репрессий. Формальные рамки союза менялись, изменялось его название, его закрывали — и все-таки деятельность указанного ядра совершалась неуклонно: профес. союз действовал совершенно конспиративно.

Устройство такого сплоченного организационного ядра, — важности которого не станет, разумеется, отрицать и наш Ц. К. — и среде проф. союза предполагает, конечно, и группировку подходящих элементов в отдельных предприятиях, но эти ячейки должны быть всегда составною частью более крупного ядра, они должны состоять из доверенных лиц из профессионального союза. Главная задача состоит *в организации соц.-дем. внутри проф. союза*, а не как это предлагала московская областная конференция, в «организ. широких слоев рабочих вокруг *партийной ячейки данного предприятия*».

И Ц. К. поступил совершенно правильно, существенно изменив план московских большевиков.

Точно также нет никакой необходимости, в целях объединения и согласования соц.-дем. работы в проф. союзах, организовать непременно «проф. группы с.-д. *каждой профессии*, объединяющие *профессиональные* группы *отдельных предприятий*». И в области проф. организации *территориальный* принцип гарантирует в большей степени против *цеховых* * стремлений, чем организация по *заводам* или *предприятиям*.

Нельзя зато не согласиться, что «там, где полицейские репрессии совершенно разбили профессион. союзы и где исчерпаны все возможности для возобновления их на легальной почве, необходимо немедленно приступить к организации нелегальных проф. союзов». От «этой перспективы» не «отворачивается совершенно» и т. Мартов. И очень хорошо делает. *Легальных* союзов у нас еще нет и не было, за исключением разве черносотенных. Мало того. Петербургская практика показала, что при наличности известного *политического* подъема, «нелегальные» союзы развиваются не хуже «легальных», что всякий даже легализованный союз служит только юридической рамкой для «нелегального» союза, фактически являющегося главным руководителем всей проф. деятельности. И та же практика показала, что при усилении *политической* реакции, первой жертвой ее становятся именно легализованные союзы и, в особенности, те, которые не успели создать необходимый «конспиративный» аппарат.

* Необходимо, однако, отметить, что и Ц. К. высказывается против возврата к цеховой организации. В № 1 «С.-Д.» — Ц. О. партии, изданном в Петербурге, в редакционной статье «К организационным вопросам» находим следующие слова: «...В связи с проектом организации с.-д. внутри профес. союзов возникает вопрос о том, не грозит ли нам это возвратом к цеховой форме организации. Мы думаем, что нет, и полагаем, что опасения в данной области преувеличены. Наша территориальная форма организации несомненно должна быть и будет сохранена. Более или менее оформленная организация с.-д. в профес. союзах будет ее только дополнять. Опасность тем меньше, что и сами союзы у нас организуются, согласно лозунгу с.-д., не по цехам, а по предприятиям, т. е. и союзы кладут в основу боевую единицу — целую фабрику, целый завод и т. д.». Задача соц.-дем. и состоит в том, чтобы с помощью такого «конспи-

ных буржуазных партий и, вместо поддержки социалистической классовой борьбы, станут ей на пути. Это вполне подтверждается примером той же Италии, где клерикалы венецианской провинции, начав с организации кооперативов, захватили этим путем в свои руки и классовое движение сельских рабочих, в то время как в других провинциях Италии кооперативное движение всех видов, тесно связанное со всей социалистической пролетарской борьбой, приносит ей большие услуги. Излишне здесь говорить о необходимости использования с вышеназванной целью и всякого рода культурно-просветительных учреждений деревни и арены сельского и волостного общества.

Революция и последующие годы создали в селе глубокие симпатии к нашей партии. Контр-революция, в целях парализования этих симпатий, грубо разорвала на две непримиримые части крестьянское общество. Теперь социал-демократия должна использовать как одно, так и другое, для еще большего упрочения своего влияния в деревне и подготовки таким путем неотразимого могильщика всему существующему строю.

IV.

Я предвижу, что несмотря на все мои оговорки многие товарищи воскликнут: — сельский пролетариат-то пролетариатом, а *все-таки «земля» основной двигатель сельской революции*, и этот двигатель статья хочет похоронить!

Сказать так — это опять повторять огульные места. А против таких обобщений я и выступаю все время.

Мы уже видели выше, как в селе борются две тенденции, две психологии — молодая пролетарская и старая мужицкая. О третьей кулацкой, стоящей против двух первых, я не буду сейчас говорить. Обе психологии вырастают из конкретных условий существования двух групп. В борьбе этой победа остается только не всегда и не сразу за психологией группы, численно преобладающей. Пример — указанный выше юго-запад, где пролетариат численно давно преобладает, но где он, начав еще накануне революции свою борьбу *пролетарскими* средствами, лишь теперь начинает *осознавать* себя, как таковой, в противовес крестьянству. В то же время на юго-западе *среднее* крестьянство, подчиняясь обаянию силы средств борьбы пролетариата, все более ей сочувствует. На юге и в черноземном центре это порабощение пролетариата мужицкой идее гораздо больше, доходя до применения рабочими мужицких средств борьбы. Дальше — больше.

Наша задача содействовать всеми средствами победе пролетарской психологии. Что это значит? Значит прежде всего сделать *рабочую* борьбу в селе не только *по форме и требованиям* пролетарской, но и *сознательно* пролетарской, сделать сельского рабочего сознательным товарищем городского, сознательным членом всей пролетарской армии, тянущегося к последней, а не к идеалам крестьянства. Где пролетариат численно преобладает, он уже самим этим фактом легко и скоро может окончательно завладеть позицией в селе. Но и там, где он постепенно с юга и запада на северо-восток идет на убыль, он и здесь своей сплоченностью, идейной связью с движением сельских рабочих развитых районов и организационной связью с рабочей партией всей России может сильно влиять на мелкое крестьянство. Влияние это будет расти под действием пропаганды среди крестьян чисто *рабочих* средств борьбы: — забастовок арендаторов, бойкота крестьянами помещиков и кулаков и т. д. Эти боевые средства вместе с все большим разложением села и растущей в нем классовой борьбой будут рассеивать мужицкие предрассудки, расширять социальный горизонт мелкого крестьянства и все более спаивать кандидатов в пролетарии с действительными пролетариями.

Но все таки земля то, где земля?!

Земля... ее, конечно, мы развенчаем перед сельскими рабочими, как понятие обетованного рая. С этого, с пота, катящегося с рабочего чела, а не со сна о цветущей собственной ниве мы начнем. Вместо «земли» поставим впереди экспроприацию *всех* средств производства и социализм. Мы это и раньше делали, и в Прибалтийском крае да в области «Спилки» от этого сила движения лишь росла. Значит ли это, что мы скажем и крестьянам — бросьте думать о земле! Нет, но, опираясь на влияние сельских пролетарских групп, используя внутри-общинную борьбу и незаменимый опыт ежедневной *организованной* борьбы против помещиков и кулаков за насущные нужды, порождающей товарищеское чувство, мы будем и здесь доказывать несостоятельность мелкого производства в капиталистическом обществе и силу пролетарского социалистического идеала. Нет ничего утопичного в предположении, что в обрисованных условиях и неустойчивое мелкое крестьянство будет тоже становиться на нашу точку зрения.

Итак, раскрывая везде *необходимость* экспроприации земли, мы не будем только при этом *спускаться до мужицкого миропонимания*, а будем разъяснять ее связь со всем капиталистическим развитием и социалистической борьбой, будем указывать обреченность на смерть мелкого хозяйства и будущность крупного.

Затянутся события — мы уткнемся прямо в социальную революцию и своей работой ее подготовим. Наступит *завтра* вновь буржуазная революция — мы, во имя указанных принципов, будем отстаивать *не раздел земель, а оставление в заведывании муниципалитетов крупных хозяйств* там, где они уже есть, образование товарищеских крупных хозяйств при содействии и под контролем демократических земств там, где таких хозяйств теперь нет. Так или иначе, — в нашей сельской работе не будет той пропасти, которая создавалась теперешней ее постановкой, когда ее разграничили мужицко-демократическим периодом до победы буржуазной революции и пролетарским периодом после победы ее.

ративного» аппарата, создать в рамках всякого легализованного союза именно *«нелегальный»* союз. Деятели проф. движения вовсе не склонны идти по другому пути, как уверяет т. Мартов. Такая глупость, как «заменять закрытые союзы обществами взаимопомощи» им в голову не приходит. Старания их все время были направлены на то, чтобы использовать каждую «зацепку», дающую возможность открыто собираться «нелегальному» союзу. И неожиданным является предложение т. Мартова «прямо заявить, что легальное существование настолько важно для союзов, что ради него они вправе, как это, впрочем, и делают (?!) временно принижать свои боевые задачи». Знакомство с проф. прессой и резолюциями конференций проф. союзов показало бы т. Мартову, что такой совет со стороны партии прозвучал бы для проф. союзов очень странной мелодией. И шестой пункт резолюции Ц. К. формулирует только практику проф. движения (конечно, мы не говорим тут об исключениях): «Нелегальные союзы должны вести упорную борьбу за легальность, причем, легальное существование не должно принижать боевых задач проф. организации пролетариата».

Конечно, резолюция Ц. К. представляет только первый шаг по пути решения вопросов профессионального движения «под углом зрения интересов партии». Выработке «директив» должна еще предшествовать дискуссия в партийной прессе и в партийных организациях. И мы надеемся, что профессиональная комиссия при Ц. К. займется подготовкой материалов, необходимых для того, чтобы социал-демократы могли занять определенную позицию во всех внутренних вопросах профессионального движения.

Но кроме этой задачи, кроме непосредственного содействия проф. организации пролетариата, партия не должна забывать и о другой, не менее важной, задаче, если она хочет действительно «бороться против опасности расхождения между проф. и политической организацией». Кроме указанного «только одного верного способа», как думает т. Мартов, есть еще другой, не менее верный: партия всегда должна, без всяких оговорок, отстаивать «узкие», «классовые» требования пролетариата». Она не должна смущаться ламентациями и воплями о так называемых общенациональных задачах, перед которыми должны отступить на задний план узкие классовые интересы пролетариата. Наоборот. Именно «в атмосфере революционной эпохи», или в такие моменты, которые мы переживаем теперь, когда существующий «порядок» вызывает «всеобщее» негодование, когда протест может быть «всеобщим» только, когда он выражает требования пролетариата лишь в слабой степени, — социал-демократия должна особенно резко формулировать *его* требования. Всякое умаление их, с целью не портить всеобщего согласия, является не только изменой делу пролетариата. Задерживая развитие классового сознания пролетариата, оно в то же время является изменой интересам общественного развития. Кто завоевывает «свободы» для пролетариата, тот завоевывает их для *всего* народа. Поэтому, особенно резкое подчеркивание «узких» классовых интересов пролетариата в данный момент не только вообще является лучшей тактикой со стороны партии, отстаивающей интересы рабочего класса, но и лучше всего обеспечило бы за ней гегемонию среди тех масс, которые доходят до сознания своих классовых интересов путем медленной и упорной борьбы за свои непосредственные интересы. Она же представляет и самый верный способ, чтобы связать проф. союзы с социал-демократией.

[Д. Рязанов.]

V.

На последней общероссийской конференции партия вновь подчеркнула великое значение для торжества революции поддержки сельскими массами городского пролетариата. Но если это так, партия не может оставлять дальше вопрос в состоянии того хаоса, в каком он находился до сих пор.

Нужны немедленные меры на партийных верхах, со стороны Ц.К., ибо жизнь не ждет, а местные организации, предоставленные сами себе, не в силах сплошь и рядом справиться сами с вопросом. При Ц.К. должна быть немедленно образована особая постоянная комиссия по работе среди сельского пролетариата и граничащего с ним мелкого крестьянства, которая систематизировала бы накопленный за последние годы общероссийский опыт, использовала бы все печатные материалы, исследовала деятельность среди этих сельских слоев социал-демократии других стран, и на основании всех этих данных разработала общие принципы и практические детали нашей сельской работы применительно к отдельным областям России. Доклад этой комиссии должен быть представлен Центр. К-ом уже на ближайший партийный съезд. До принятия же съездом определенных руководящих принципов, Ц.К. должен дать сам при содействии упомянутой комиссии ряд общих указаний местным организациям.

Со своей стороны все местные организации, без различия фракций, должны притти дружно на помощь комиссии при Ц.К. Они должны раздобыть по возможности все подробные отчеты своих конференций и совещаний, где подымался вопрос о сельской работе, а также отчеты специальных сельских конференций. Они должны прислать самое подробное описание всей своей работы в деревне от начала ее возникновения и свои мнения об этой работе. Наконец, должны приступить к самому подробному выяснению местных общественно-экономических отношений внутри деревни и обстановке новейших мероприятий правительства, детальному изучению состояния сельского хозяйства в связи с землепользованием в их местности и подробному исследованию положения труда сельских рабочих и условий аренды и т. д. Это может быть сделано, как непосредственным личным наблюдением и изучением на местах, так и путем организационной анкеты и тщательным подбором печатного материала в газетах и журналах, докладах земским собраниям и других земских изданиях, а также книгах и брошюрах. Все эти сведения, столь необходимые для правильной и серьезной постановки работы на местах, должны быть вместе с тем доставлены в комиссию при Ц.К.

Наконец, громадное значение имеет систематическое и проводимое по известной программе и плану выступление нашей думской фракции в защиту сельского пролетариата в первую очередь, а затем и всей остальной крестьянской бедноты. В думских прениях по законопроекту 9 ноября наше с.-д. отношение к *сельскому пролетариату* очень слабо обрисовалось и в этом отношении речи с.-д. депутатов дают организациям на местах сравнительно мало материала. А между тем надо популяризировать даже само название «сельский пролетарий», которым с.-р. так пугают деревню. Соц.-дем. фракция должна использовать в этом отношении все проекты рабочего законодательства. Даже выступление с подобными предложениями в рабочей думской комиссии, сведения о которой печатаются в газетах, может принести свою пользу. А, например, правительственный законопроект о страховании рабочих, из которого исключен совершенно сельский пролетариат, *при ежегодных тысячных увечьях и смертях на сельских работах* и при громадном росте этого пролетариата благодаря закону 9 ноября, сам вопиет за себя. Богатый материал для агитации, как думской трибуны, так и на местах — агитации, могущей так сильно помочь сельским рабочим понять, что они частица единого пролетариата! Столь же полезно было бы в агитационном отношении немедленное внесение богато обоснованного фактами законопроекта об отмене запрещения профессиональных организаций и забастовок сельских рабочих.

Материалу масса, надо только поставить немедленно в порядок для всей партийной деятельности этот животрепещущий вопрос.

Жизнь ждет от нас дела!

Блсок *[М. Меленевский.]*

От редакции. Помещаем эту интересную статью как дискуссионную. Автор прав, по нашему мнению, особенно подчеркивая необходимость и важность чисто пролетарской работы в деревне и профессиональных организаций. Но он впадает иногда в крайности. Поскольку задачи *буржуазной* революции в России не решены, постольку на ряду с чисто пролетарской работой законна и необходима поддержка земельных «мужицких» требований, «мужицкой» революционной борьбы против всего помещичьего землевладения [10].

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Раскол в Голландской Социал-демократии.

В основе раскола голландской партии лежит то же самое противоречие, какое существует в социал-демократии всех стран, противоречие между марксизмом и ревизионизмом. Понять, почему наличность этих двух направлений, уживающихся в других странах в рамках одной партии, в Голландии привела к расколу, можно лишь при более близком знакомстве с особенностями голландских отношений. Чтобы дать сначала общую характеристику, не вдаваясь в частности, отметим, что в практической деятельности голландская партия все более сознательно становилась на путь ревизионизма, хотя это ревизионистское направление часто и принимало облик марксистского; ревизионистское большинство не желало терпеть критики своих действий со стороны марксистов, и старалось представить дело так, что их критика — ничто иное, как личные нападки, придирки и дрязги, и в заключение сделало попытку положить конец этой критике путем простого запрещения марксистского органа. Это повело за собой основание новой партии.

Такое развитие соц.-дем. рабочей партии в Голландии сложилось, благодаря экономическим, историческим и политическим условиям. Партия возникла в 1894 г., в момент, когда тогдашняя организация, с Ньювенхюнсом и Корнелиссом во главе, отвергла парламентаризм и решительно вступила на путь анархизма. В борьбе с анархизмом, новая партия невольно перегибала палку, усиленно подчеркивая необходимость парламентаризма и мелких постепенных реформ. Благодаря этому в партии с самого начала создавалась известная склонность к реформизму. Этому же содействовал и характер избирательного закона, введенного в 1896 г. Для тех, кто не платил определенных податей, т. е. для рабочих, избирательные права были связаны с определенной, различной для разных местностей, высотой заработной и квартирной платы, причем распределены избирательные права были так, что из городского пролетариата ими могли воспользоваться лишь высшие слои его, тогда как в деревне царило почти всеобщее избирательное право. Этот избирательный закон побудил соц.-дем. рабочую партию искать парламентских мандатов в деревне и ей пришлось поэтому опираться главным образом на мелкое крестьянство. Избирательный закон 1896 года существует и по сию пору, и социал-демократическая фракция и до сих пор является представительницей (исключение составляет лишь *один* третий Амстердамский округ) сельских избирательных округов, по большей части земледельческих.

Возникновение марксистской критики относится к 1901 г., когда т. Гортер на конгрессе внес предложение выбросить из аграрной программы пару фраз, стоявших в противоречии с нашим пониманием общественного развития; а именно, пункт, что уплата аренды должна производиться из чистого дохода, даваемого хозяйством, так что землевладелец тогда только получает что-либо, когда арендатор уже получил свою часть — требование это утопично и находится в противоречии с предпринимательским характером аренды. Затем — удаление пункта о наделении сельск. рабочих участками из общинной земли. Защищая этот пункт, Трульстра и Ван-Коль говорили: теориями не поможешь людям, умирающим с голода, а мы должны им помочь, если бы даже это побудило их мыслить в несоциалистическом направлении; с помощью нашей старой программы мы завоевали свои избирательные округа и должны поэтому держаться ее и впредь. После обсуждения этих спорных пунктов в

комиссии они были оба выброшены из программы. До сих пор это единственная победа, одержанная марксистами.

В 1902 г. происходила борьба по поводу вопроса о государственных субсидиях духовным школам. Это требование издавна выставлялось мелко-буржуазной клерикальной партией, к которой принадлежали еще многие рабочие. Высказываясь за субсидии в одной из резолюций, партейтаг надеялся легче перетянуть на свою сторону из клерикальной партии этих рабочих.

В 1903 г. железно-дорожная стачка дала повод к н-о вым столкновениям. Клерикальное правительство внесло реакционный закон; рабочие организации (проф. союзы, анархисты и соц.-дем. рабочая партия) образовали комитет обороны, который был уполномочен объявить в случае принятия закона, всеобщую стачку. В парламенте Трульстра старался разъединить либералов с клерикальной партией; не успев в этом, он, в качестве редактора Центрального Органа, не считаясь с мнением партии, стал вести агитацию против оборонительной стачки. Это выступление, нарушившее единство рабочих, подверглось резкой критике со стороны некоторых марксистов, и всеобщее неодобрение, которое встретила колеблющаяся позиция Трульстра в эту эпоху острой классовой борьбы, вскоре вынудило его уйти из редакции Центрального Органа.

Выборы 1905 г. дали ему случай взять реванш, когда резкий спор по поводу тактики при перебаллотировках, вызвал в широких рядах партии недовольство против марксистов. Более глубокая причина недовольства марксистами заключалась в том, что после падения реакционного правительства рабочие массы ожидали от сменившего его либерального министерства коренных реформ. Этот реформистский взгляд поддерживала парламентская фракция, особенно в лице своего вождя Трульстра; либеральное правительство зависело от поддержки соц.-дем. фракции, и фракция считала поэтому, что путем умелой парламентской тактики она сможет направить правительство на путь реформ. Чтобы получить свободу действия в этом направлении, оппортунистам необходимо было подорвать сначала влияние марксистов, и этим ослабить значение их будущей критики.

Эту цель и преследовал ряд резких нападок на «догматиков», нападок, с которыми выступил Трульстра сначала в Ц. О., а потом в объемистой брошюре «О партийном руководстве». Он изображает всю борьбу, как «борьбу из-за дирижерской палочки» в партии. Гортер, Роланд-Гольст и их друзья хотели-де вышибить его с руководящего поста. И в конце концов путем закулисных интриг им удалось-де не пустить его в редакцию, когда он опять захотел туда вступить. Если эти нападки на него, лишающие его работоспособности, будут продолжаться, он лучше совсем уйдет от работы.

Только подобная точка зрения, которую развивает тут Трульстра, и которая, судя по успеху, каковой он имел, широко распространена в партии, и дает ключ к событиям, имевшим место в голландской партии. Это исключительно парламентарская точка зрения, которая только в парламентской борьбе видит доподлинную социалистическую борьбу и только в парламентариях доподлинных борцов. Благодаря такой точке зрения, эти последние являются не обычными партийными работниками, а людьми, которые одни делают «настоящую» работу, доверенными лицами высшего ранга, «вождями», в противоположность к массе, которая занята тем, что их выбирает. Так как они для нас стараются, они имеют право требовать, чтобы им не мешали критикой и не бросали бы им палки под колеса. Политика — искусство, которое понимают только немногие политики по профессии.

Такая чисто буржуазная, характерная для ревизионизма, точка зрения на парламентаризм, всегда пропагандировалась в партии и высказывалась Трульстрой; она соответствует первоначальной стадии рабочего движения, когда масса чувствует себя еще недостаточно сильной; в особенности она соответствует земледельческому характеру движения. Этим объясняется, почему Трульстра в дебатах и в своей брошюре, нападая на марксистов, всегда вносит столько личного, сводит принципиальное различие во взглядах к личностям, все сводит на неуживчивость, честолюбие, видит в этом нападки на свою личную честь, натравливая, таким образом, своих приверженцев на своих критиков.

Брошюра появилась за пару недель до Утрехтского партейтага 1906 года, и прежде чем товарищи, подвергшиеся нападкам, могли с документами в руках доказать несостоятельность этих нападок на них, съезд принял рез., в которой он «констатирует», что часть партийных товарищей систематически заподазривается другой частью, возведшей себя в чин стражей чистоты принципов, подвергается обвинениям в ревизионизме, оппортунизме и пр., что такой образ действий нарушает мир в партии и не должен быть далее терпим.

Эта резолюция явилась первым ограничением права критики и демократического характера партии. Понятно, что в такой партии, как пролетарская, где необходима строгая дисциплина, т. е. подчинение меньшинства постановлениям, принятым большинством, необходим вместе с тем и самый строгий демократизм в форме ничем не стесняемой свободы меньшинства критиковать действия и мероприятия большинства. То, что этот принцип был нарушен в голландской партии, является следствием чисто-парламентаристской точки зрения большинства и его вождей.

В последующие годы, когда ревизионисты получили неоспоримое господство в Ц. О., в Ц. К. и, главное, безраздельное влияние на умы членов партии, отсутствие этого демократизма стало проявляться все сильнее. Марксистское меньшинство третировалось, как небольшая кучка ворчунов, которые намеренно выискивают разногласия, чтобы получить возможность критиковать; это, собственно говоря, плохие члены партии, и им надо во что бы то ни стало помешать стать когда-либо большинством в партии. Интересы партии отождествлялись с фракционными интересами ревизионистского большинства.

Марксистские лидеры пробовали в первый год после Утрехтского конгресса защищаться; всюду велись дебаты о марксизме и ревизионизме, но партия в своей массе все более и более восставала против вечной грызни. От имени марксистов, против брошюры Трульстры, написал брошюру Ван-Гёс, но на следующем съезде он позволил себя убедить не опубликовывать ее «в интересах партии». Этим на деле был положен конец влиянию этих старейших марксистов; отказавшись от обращения к массам, они сложили оружие.

Но одновременно с этим выдвинулось молодое поколение их учеников-практиков, которые принимали участие в рабочем движении больших городов. Осенью 1907 г. они основали еженедельный листок «Трибуну»[11], которая задалась целью познакомить рабочих с марксизмом. За короткое время своего существования она получила очень быстро около тысячи подписчиков. Путем неустанной критики печальных партийных отношений и ошибочных действий партии, она впервые давала рабочим понимание марксистской тактики и политики, но вместе с тем все более и более вызывала вражду ревизионистского большинства.

Это молодое марксистское течение в партии возникло глави. образом благодаря разразившемуся в 1907 г. экономическому кризису и тому более острому характеру, который приняла классовая борьба пролетариата повсюду в Европе со времени русской революции. К этому присоединились еще и политические условия Голландии. Слабое либеральное правительство ничего не осуществило, кроме враждебного рабочим закона о договоре о найме; оно пало, поводив некоторое время за нос социалистическую партию законопроектом об изменении конституции, законопроектом, открывавшим двери всеобщему избирательному праву. Партия становилась все более исключительно парламентаристской, центр тяжести видела в выборах, и поэтому для масс пролетариата крупных городов не имела притягательной силы. В 1908 г. число членов партии в трех наиболее крупных городах вместо того, чтобы подняться, *понизилось*, тогда как в деревне в самых мелких поселениях создавались все новые отделы партии.

Амстердамский отдел заявил даже, что Центр. Орг. ведется так, что не в состоянии удовлетворять потребностям социалистической пропаганды среди городских рабочих.

Эти обстоятельства объясняют, почему «Трибуна» завоевывала все большее влияние и почему партийное большинство должно было стремиться сломить это влияние, пока было еще не поздно. Поводом послужила резкая критика, которой подверглась в «Трибуне» речь Трульстры о кризисе и безработице, где он отступил от научного социализма. Эта критика послужила материалом для травли, и когда Ц. К. сначала хотел действовать примирительно, фракция сделала все, что могла, чтобы побудить партию принять крайнюю меру — запретить «Трибуну». Это и было сделано на специально для этой цели созванном в Девентере экстренном съезде.

Что дело дошло до этого, объясняется также тем, что вожакам партии удалось при помощи ловкого шахматного хода разделить марксистов: опасаясь, что все марксисты со своими последователями уйдут в случае запрещения «Трибуны», Ц. К. предложил издавать в качестве приложения к Ц. О. еженедельное «марксистское» приложение, которое должно было выходить вместо «Трибуны». «Марксистская» критика, под контролем и «в постоянном согласии» с ревизионистами, которых будут критиковать! Чтобы спасти единство, Роланд-Гольст и Вибо пошли на это; тогда только большинство решилось нанести удар. «Трибуна» была запрещена, и, в случае неподчинения, редактора ее подлежали исключению из партии. Тогда те со своими сторонниками (приблизительно около 400 чел.) основали новую Социал-Демократическую Партию.

Итак, основание новой партии частью марксистов вызвано не тем, что ревизионисты повели яркую ревизионистскую политику, напр. заключили блок, или что-либо подобное. Марксисты, будучи в меньшинстве, не собирались нарушать единство партии до тех пор, пока свобода критики давала им возможность влиять постепенно на взгляды членов партии. Они надеялись, что сам ход капиталистического развития и распространение их воззрений даст им со временем большинство. Когда эта возможность стала небезнадежна, ревизионисты захотели искусственно помешать ее осуществлению лишением марксистов права критики.

Интернациональное Бюро сделало попытку примирить стороны, предложив ввести одного из редакторов «Трибуны» в состав редакции еженедельного листка. Но так как вопрос имел совсем не личный характер и изменение состава редакции не имело ни малейшего отношения к признанию права критики в рядах Соц.-Дем. Раб. Партии, то новая партия, само собой, отклонила это предложение.

По какому пути пойдет дальнейшее развитие, — об этом сейчас еще нельзя сказать ничего определенного. Марксистская группа, оставшаяся в Соц.-Дем. Раб. Партии, лишенная своих наиболее энергичных элементов, еще менее, чем раньше, будет в состоянии удерживать партию от ревизионистской политики. Если, ввиду предстоящих этим летом выборов, им, может быть, и сделают кое-какие уступки, то долго они все же, вероятно, не выдержат и должны будут перейти в новую партию. Задача новой партии пробудить политическое сознание в рядах пролетариата больших городов, бывшего до сих пор в забросе. Когда эта задача будет выполнена, впервые создастся возможность социалистического единства, и тактику социал-демократии будет определять революционный пролетариат крупных промышленных центров.

Ант. Паннекук.

От ред. [12]. В последней книжке журнала германской соц.-дем. «Neue Zeit» [13], на поддержку голландских марксистов, образовавших новую партию, выступает К. Каутский. В своем ответе на открытое письмо к нему голландского с.-д. д-ра Bonger'a, изображающего дело так, будто исключены из партии не марксисты, а лишь маленькая группка сотрудников «Трибуны», и не за марксистскую критику, а за подрыв партии недоброжелательными нападками на парламентскую фракцию и большинство партии, — Каутский пишет:... «Соц. дем. партия Голландии не пошла еще так далеко, чтобы *принципиально* исключить *всех* марксистов. Она согласна терпеть *марксистов*, но *не терпит марксистской критики*. Она не решается делать себя настолько смешной, чтобы исключить марксистскую *теорию*, но за то хочет отрезать всякую возможность марксистского влияния на *практику* движения. Другого смысла исключение сторонников «Трибуны» иметь не может»...

Отметим также, что в последнем (майском) № «Le Socialisme» тов. Роланд-Гольст протестует против приложения к с.-д. партии Голландии эпитета «реформистский», ввиду того, что в ее рядах продолжает оставаться меньшинство марксистов.

ИЗ ПАРТИИ.

Из деятельности Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

За последнее время состоялся ряд заседаний нашего Ц. К. (суженного состава). Из могущих быть опубликованными решений приводим следующие:

Петербургским Комитетом поставлен был перед Ц. К. вопрос об отношении с.-д. к начинающей складываться отдельной организации женщин-работниц. Ц. К. высказался за допустимость такой отдельной организации в данный момент, но предложил рассматривать ее, как временную, переходную стадию к единой совместной организации рабочих и работниц.

Петербургским же Комитетом был поставлен вопрос о практическом проведении кампании в связи с законопроектом о страховании рабочих. Ц. К. дал на этот счет указания.

По вопросу о съезде фабрично-заводских врачей, Ц. К. принял единогласно следующую резолюцию: «Ц. К. считает участие представителей проф. союзов на съезде фабрично-заводских врачей допустимым. Ц. К. считает необходимым, чтобы от имени группы делегатов, стоящих на точке зрения с.-д. программы, было в начале съезда сделано заявление, в котором была бы: 1) охарактеризована политика правительства и капиталистов в рабочем вопросе вообще, в области фабричной гигиены и санитарии в частности; 2) указало, что рабочим не приходится ждать улучшения своего положения от инициативы данного съезда уже по одному тому, что исполнение его пожеланий зависит целиком от правит. и капиталистов и что только массовой борьбой рабочие могут добиться улучшения своего положения; 3) делегаты остаются на съезде, чтобы, выясняя действительные требования рабочих, тем самым вскрывать непримиримость интересов труда и капитала».

Постановлено выпустить первомайский листок с призывом к однодневной забастовке.

По вопросу о протесте против смертной казни постановлено выпустить воззвание с проектом самостоятельной резолюции для рабочих собраний и с предложением направлять эти резолюции в думскую с.-д. фракцию.

Много внимания уделено было на собраниях Ц. К. деятельности думской фракции. Между прочим стал вопрос о праве вето Ц. К. на решения фракции. Одним из членов Ц. К. предложено было прибегать к этому праву Ц. К. лишь в случаях *единогласного* постановления Ц. К. Это предложение отвергнуто всеми против одного.

Посланы делегаты Ц. К. для восстановления организации и устройства областной конференции на...

Целого ряда постановлений не сообщаем по конспиративным причинам.

Из деятельн. Ц. К. С.-Д. Латышского Края.

О работе в войске Ц. К. С.-Д. Л. Кр. полагает, что теперь возможная и необходимая работа в войске не может идти

дальше агитации и пропаганды. Специальные военные организации стали нецелесообразными. Однако, многое можно сделать распространением легальной и нелегальной литературы. Принята след. резол. «Ц. К. С.-Д. Л. Кр. рекомендует организациям выделять при районах коллективы (комиссии), задачей которых является поддержка сношений с солдатами, проживающими в территории данного района, доставлять им квартиры для устройства библиотек, как и доставлять им литературу и газеты».

Для установления *возможно более тесной связи* с массой организованных рабочих постановляется возможно чаще выпускать письма по всем организационным и др. вопросам.

Принято решение о продолжении *курсов для сельских пропагандистов*.

Разработаны практические указания об *условиях участия в легальных обществах*.

Издан ряд воззваний: «Ко всем сельским рабочим», «Ко всем гражданам Риги» (по вопросу о коммунальных выборах), К 1-му мая и др. Восстановлена также — несмотря на невероятные трудности — газета «Zihna». Вышли №№ 101, 102, 103 и 104.

Тезисы о протесте против смертной казни.

Исп. К-ии Пет. Ком. Р. Соц-Дем. Р. П.

1) Смертная казнь существует во всех буржуазных государствах, независимо от степени демократичности их политического строя (Англия, С.-Амер. Соед. Штаты, Франция, и др). Она является в буржуазном обществе одним из орудий борьбы господствующего класса против сил, угрожающих безопасности его существования. Буржуазия, пользуясь в своих целях правительственной властью, убивает отдельных членов общества («смертная казнь»). В целях распространения и усиления своего господства, экономического и политического, буржуазия организует и массовые убийства в форме войны, хищнической колонизаторской политики и массовых расстрелов восстающих против их господства угнетенных класссов общества.

2) Революционное движение последних лет в России, направленное против основ самодержавно крепостнического строя, временно разбито. Смертные казни, последовавшие за этим поражением революционного движения, являясь одним из средств ликвидации его, превратились в постоянное явление русской жизни. Борясь за сохранение деспотического строя во всей его неприкосновенности, правительство пользуется смертными казнями наряду с погромами, карательными экспедициями и расстрелами без комедии суда для уничтожения активных участников революционного движения и терроризации широких слоев населения.

Возводя в систему провокацию, оно стремится постоянно увеличивать число смертных казней, пользуясь ими и как поводом для продления режима исключительных положений.

3) Объясняя протест русских либералов против смертной казни специфическим характером наших смертных казней (пункт 2-й) и отмечая, что либералы являются обычно сторонниками войн — тех же убийств, с.-д-ия считает их попытку обосновать протест свой идеями гуманности явно лицемерной. Стремясь взять в свои руки организацию протеста, сведя его к бумажному протесту (собирание и опубликование в текущей прессе подписей протеста), либералы спекулируют на расширение своего влияния среди демократических слоев народа. Рабочие не могут принимать участия в собирании подписей, при котором пролетариат неизбежно становится в хвост либералов, фактически *сливая свой протест с протестом либералов*.

Протест в подобной форме с.д-ия считает принижающим революционную активность широких масс народа, не соответствующим ни в каком отношении борьбе с реакцией и потому не поддерживает его.

4) Как партия революционно-пролетарская с.-д-ия признает одним из методов борьбы уничтожение врагов народа в период восстании. Она не может выводить протест свой против смертных казней, исходя из принципа недопустимости всякого убийства.

Считая смертные казни нашего времени одним из проявлений дикого разгула реакции, с.-д-ия рассматривает борьбу с ними, как составную часть борьбы за низвержение самодержавия, резко *отделяя* тем самым протест пролетариата *от протеста либералов*.

5) Призывая товарищей разъяснять и распространять выработанные выше тезисы о смертной казни, И. К. конкретной формой протеста против смертной казни в России нашего времени предлагает обсуждение этого вопроса на всех собраниях, партийных групп, на собраниях профессион. союзов, клубов, школ и т. п. обществ; устройство по этому вопросу митингов, где то окажется возможным; и вообще широкую устную и письменную агитацию в духе предложенных выше тезисов.

Из Польши.

Нам присланы из русской Польши №№ 165 и 166 «Красного Знамени» (Червонный Штандар), органа П. С.-Д. Содержание № 165 от 17 марта: 1) Народовая демократия; 2) Общероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П.; 3) Так наз. «Революционная Фракция» П. П.-С.; 4) Три воззвания (критика двух воззваний «Револ. Фракции» и одного воззвания «левицы» П. П. С.); 5) Из Партии: хроника партийной деятельности Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.; из думской с.-д. фракции; 6) Некролог тов. Джапаридзе.

№ 166 от 23 апреля содержит: 1) Призыв ко всеобщей забастовке 1 мая; 2) 1 мая; 3) Азеф, Столыпин и Г. Дума; 4) Из деятельности с.-д. фракции в Гос. Думе; 5) Из профессионального движения; 6) Из Партии: резолюция Главного Правления П. С.-Д. по поводу пожелания Дымши и голосования с.-д. фракции; из деятельности организаций П. С.-Д.; общепартийные известия; 7) За решеткой (письма из тюрьмы); 8) Партийные издания; 9) Денежные отчеты; 10) Некролог т. Виктору Богдановичу.

№ 10 «Профессионального Союза» (Zwiazek Zawodowy), изд. профессиональной комиссии с.-д. союзов в Польше. Содержание: 1) Задачи проф. организаций в текущий момент; 2) Интересы проф. союзов в III Гос. Думе; 3) О положении горнорабочих в России; 4) Из-за границы: Экономический кризис и проф. союзы; 5) Из проф. движения: из фабрик и мастерских; 6) Из проф. организации.

В *Лодзи* вышел листок лодзинского комитета П. С.-Д. под заглавием «К борьбе против контр-революции фабрикантов», *в Варшаве* воззвание варшавского комитета и. з. «Г. Дмовский уходит».

Вышел № 3 с.-д. газеты «Правда».

***

Вышел № 1 газеты «Егорьевский Рабочий», орган одного из районов Моск. Окр. Комитета.

Первомайская агитация.

Судя по количеству уже полученных нами воззваний, местные организации развернули — несмотря на небывало тяжелые условия работы — значительную агитацию.

Ц. К. партии издал воззвание, разосланное по организациям и некоторыми из них перепечатанное.

П. К., несмотря на огромные провалы в связи с 1 мая, все же успел еще раз издать 1 майский листок.

Польская с.-д. прислала нам следующие воззвания: 1) Листок Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (в переводе на польский язык). 2) Воззв. Гл. Правл. П. С.-Д. 3) Гл. Пр. П. С.-Д. к солдатам (по русски). 4) Гл. Пр. П. С.-Д., по-немецки. 5) Варшавского Комитета. 6) Лодзинского комитета. 7) Ченстоховского к-та. 8) Домбровецкого к-та. 9) Белостокского к-та. 10) Правления с.-д. проф. союза рабочих мучного производства.

Ц. К. Бунда издан первомайский листок по-еврейски в количестве 20 000 экз. Ц. К. Латышской соц.-дем. издал первомайский листок в количестве 85 000 экз.

Все воззвания приглашают к однодневной забастовке или к устройству массовых собраний там, где забастовка невозможна.

О степени отзывчивости русских рабочих к идее первомайской демонстрации в нынешнем году, конечно, нельзя будет судить по *внешним* формам протеста, которые будут — в силу тяжелого положения — весьма скромными.

Несмотря на крупнейшие удары, наносимые полицейской рукой нашим организациям, действующим в такой небывало-тяжелой обстановке, последние, по имеющимся уже сейчас сведениям, выполнили и в этом году большую работу в деле приобщения русского пролетариата к идее международной солидарности пролетариата.

Убедительно просим все местные организации присылать все свои первомайские воззвания и сообщать о форме и размерах празднества в районе их деятельности.

РЕЗОЛЮЦИЯ Ижевского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

По обсуждении и детальном разборе вопроса о думской с.-д. фракции Иж. К. вынес следующую резолюцию, которую и постановил послать Вам: «Принимая во внимание: 1) что использование Думской трибуны в целях широкой агитации и пропаганды является в настоящий момент крайне важным для Р. С.-Д. Р. П. и 2) что соц.-дем. фракция почти во всех выступлениях прежних сессий проявила недостаточную революционность и недостаточную социалистическую выдержанность к-т полагает:

а) что отзыв фракции в настоящий момент сыграл бы лишь отрицательную роль;

б) что фракция во всех выступлениях должна руководствоваться постановлениями Ц. К. и резолюциями Лондонского съезда;

в) что фракция должна занять резко обособленную классовую позицию, противопоставляя ее, как «усмирительной» политике правительства, так и соглашательным тенденциям либеральной буржуазии;

г) что фракция должна заняться возможной внедумской работой и непосредственно связаться с широкими массами пролетариата и

д) что все партийные организации должны способствовать работе фракции путем доставления ей нужных материалов.

Из района Спилки.

Мы получили за подписью двух товарищей (М. и Е.) гектографированный «отчет о состоявшейся конференции организаций Украинского Союза Спилки Р. С.-Д. Р. П.» Согласно отчету, присутствовали след. организации: Гомель с районом, Шостка и Воронеж (сах. зав.), Кролевец с район., Бердичев, Житомир, Новгород — Волынск и Заграничная Гр. Спилки.

По поводу газеты «Правда»[14] были оглашены, согласно отчету, письма бывш. член. Гл. Ком. Спилки (т. П., «томящегося в холодных тундрах Сибири» и т. В., сидящего «в одной из царских тюрем»). Оба письма протестовали против нахождения в ред. газ. «Правда» (бывш. орг. Спилки) т. Троцкого, который «до 1906 г. все-таки примыкал и м-кам, а летом 1906 г. решительно примкнул к б-кам».

Приняты резолюции: о думск. с.-д. фр. («с.-д. фр. в III Г. Д. во всех своих выступлениях стоит на точке зрения с.-д. принципов и с честью несет врученное ей рабоч. кл. знамя») и о работе на местах. Далее выбран Гл. Ком., которому поручено издание областн. газеты: «Правда» газетой Спилки не признана.

На днях состоялось совещание представителей Волын. и Подольск. Район. (Укр. Союза «Спилки» Р. С.-Д. Р. П., на котором были прочитаны протоколы последней Конф. «Спилки» и выслушан доклад об этой конф. от делегата, присутствовавшего на ней. Главным вопросом, вызвавшим прения, был вопрос о нашем отношении к областному органу. По этому вопросу совещанием принята следующая резолюция, которую просим напечатать в партийной прессе.

РЕЗОЛЮЦИЯ:

Обсудив всесторонне вопрос о нашем отношении к областному органу «Спилки», мы на совещ. Вол. и Под. районов Укр. Союза Спилки Р. С.-Д. Р. П. постановили:

Принимая во внимание:

1) что местные организ. почти не были представлены на последней конфер. «Спилки», что фактически присутствовали с мест всего 4 делегата, представлявшие не районы, а отд. орг.;

2) что решение такого незначительного представительства, даже при наличности существующих теперь с.-д. орган. и групп в нашей области никоим образом не может считаться решением «Спилки», тем более, что один из присутствовавших делегатов категорически высказался против правоспособности этой конференции вообще и против скоропалительных выборов в особенности;

3) что наши организ. товарищи с восторгом встретили появление первого номера «Правды» и с нетерпением ждут следующих номеров, что доказывает способность этой газеты отвечать на запросы наших товарищей рабочих;

4) что наши орган. еще не вполне выяснили себе к какому течению примкнуть — к меньшевистскому или к большевистскому;

5) что в ред. «Правды» находятся товарищи, вполне знакомые с рабочим движением в области «Спилки» и наконец,

6) что современное положение дел требует особенного напряжения и сплочения всех наличных соц.-дем. сил для совместной работы, иначе никакая планомерная, хоть сколько-нибудь плодотворная работа в наших орган. невозможна.

Принимая все это во внимание, мы представители Вол. и Подольск. районов «Спилки» предлагаем Глав. Ком. и ред. «Правды» войти в сношения между собой, предлагаем Глав. Комитету кооптировать в свой состав всех работников «Спилки» из редак. «Правды» для издания областного органа так, чтоб старый состав редакц. не был в меньшинстве. В случае отклонения Глав. Комит. нашего предложения, предлагаем товарищам из старой редакц. «Правды» продолжать издавать «Правду» от имени Волын. и Под. районов «Спилки».

РЕЗОЛЮЦИЯ, вынесенная Подольск. Группой о последней общеспилков. конференц.: Принимая во внимание, что на конф. не были представлены все имеющиеся в «Спилке» орган. (ибо присутствовало всего 4 делег.), что конферен. не имела права считать себя законной и решить издавать областной орган от имени «Спилки», ибо такое же формальное право имела на то и ред. «Правды», мы не признаем Главн. Комит., не считаемся с его решениями, «Правду» же признаем своим органом и просим редакцию продолжать издавать ее в таком же направлении, какое господствовало в первом номере.

Подольская группа Р. С.-Д. Р. П.

Вопрос о партийном съезде в местных организациях.

Петербургский комитет высказался за необходимость съезда не позже осени нынешнего года. Представительство — 1 дел. на 150 членов партии. Условие — предварительный созыв еще одной общепартийной конференции.

Московский комитет — за желательность съезда не позже августа-сентября с. г. Норма: от 150 — 250 членов партии один делегат; свыше 250 — 1 на 200 членов. Организации, имеющие от 100 до 150 членов — посылают 1 делегата, если существуют непрерывно в течение года. К этому же мнению присоединилось и *совещание Центрального района.*

Вологодская группа предлагает созвать съезд не позднее осени.

Саратовский комитет предлагает созвать съезд летом. Норма 1 на 200 членов организации.

Ц. К. *Бунда* и *Гл. Пр.* С.-Д. Ц. П. *и Л.* обратились с опросом к местным организациям.

Воронеж. На вопросы Ц. К., поставленные им в сообщении о конференции, Воронежский комитет сообщает следующее:

1. Число членов организации определить с точностью невозможно, приблизительно же, основываясь на указанном ниже признаке, при настоящем упадке работы число членов не превышает 150 чел. с группами в округе.

2. Членом орг. В. К. считает всякого рабочего, принимающего программу партии, считающего себя соц.-дем. и сохраняющего тесную связь с организацией.

3. Съезд по мнению Воронежской организации необходим, но созыв его желателен не ранее конца лета, к осени, чтобы иметь время к нему достаточно подготовиться.

4. Норма представительства: — всякая организация, насчитывающая не менее 100 членов, имеет право на посылку делегата; организации, имеющие большее число членов, выбирают по расчету 1 на 200 членов организации.

5. Способы выборов предоставить разрешить местным организациям с тем, однако, непременным условием, что к участию в выборах допускаются лишь члены организации, принявшие участие в подготовительных собраниях.

6. Порядок дня нами намечен следующий:

1) Переживаемый политический момент и задачи партии; 2) Гос. Дума и с.-д. фракция в ней; 3) об отношении к земельной реформе; 4) об участии в органах местн. самоуправления; 5) о культурно-просветительной деятельности партии; 6) вопрос организационный; 7) прочее.

АНКЕТА НЕВСКОГО РАЙОНА СПБ. ОРГАНИЗАЦИИ ПО ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ ДАЛА СЛЕДУЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ:

1. Созыв съезда крайне желателен.

2. Членами организации считаются признающие программу партии и платящие членские взносы. По уважительным причинам Район. Конф. может освобождать от обязательности членских взносов тех или других тов., *работающих в организации*.

3. Срок созыва съезда желателен в августе текущего года.

4. Желательная норма представительства — один делегат на 200 член. партии. (Значительная часть ответов указывала норму — 1 делегат на 100 чел.).

5. Выборы желательны прямые.

Желательный порядок дня съезда:

1) Отчет Ц. К.; 2) отчет думской фракции; 3) отчеты местных организаций о положении работы; 4) современное политическое положение и задачи партии; 5) проф. союзы (камеры соглаш.; коллективный договор); 6) государственное страхование рабочих; 7) работа в кооперативах, клубах, школах и т. п. обществах и учреждениях; 8) работа в крестьянстве; 9) работа в армии; 10) организационные вопросы.

Напоминаем всем местным организациям о необходимости, согласно постановлению Ц. К., давать возможно скорее ответ на поставленные организациям в связи с предполагающимся партийным съездом вопросы.

Письмо в редакцию Ц. О.

Уважаемые товарищи!

В ответ на появившуюся в № 2 Ц. О. заметку по поводу протоколов совместных заседаний Загр. Бюро Ц. К. и Центр. Бюро Загр. Групп, просим Вас поместить следующее наше заявление: 1) Предложение об устройстве совместных заседаний исходило первоначально от членов З. Б. Ц. К., пожелавших ознакомиться со взглядами Ц. Б. З. Г., изложенными письменно и вполне оформленными, и представить в таком же виде свои; 2) Ц. Б., избранное на законном съезде загр. групп, есть законное партийное учреждение, независимо от отношения к нему З. Б. Ц. К.; состоявшееся совместное заседание было действительным заседанием двух коллегий — З. Б Ц. К. (2 чл.) и Ц. Б. (5 чл.) и название «протоколы совместных заседаний» соответствует действительности; 3) С нашей стороны при открытии совместных заседаний было предложено избрать для ведения протоколов 2-х секретарей, по 1 от каждой коллегии, но, к сожалению, З. Б. Ц. К. нашло это излишним, и секретарем был выбран член Ц. Б. т. С.; 4) Член З. Б. Ц. К. т. В. просил выдать ему выписку из протоколов, чем косвенно их признал; 5) Оспаривание З. Б. Ц. К. партийного характера протоколов, изданных Ц. Б., есть следствие непризнания им избранного съездом групп центра групп, а в этом, в свою очередь, проявляется непризнание им групп партийными организациями, имеющими право на созыв своих съездов и выбор своего центра.

Что касается обвинения в тенденциозности и искажении фактов, то оно лишено всякого основания. Ц. Б. может только приветствовать, если члены З. Б. Ц. К. отказываются от изложенных ими на совместных заседаниях взглядов, но, к сожалению, решения пленума Ц. К. показывают, что на заседаниях Ц. К. члены З. Б. Ц. К. занимали ту же позицию, как и во время переговоров с Ц. Б.

С товарищеским приветом

Центр. Бюро Загр. Гр. Р. С.-Д. Р. П.

Ответ З. Б. Ц. К.

Не вдаваясь в подробности печатаемого письма Базельского бюро, мы считаем нужным объяснить лишь следующее:

1. Ни партийная конференция, ни Ц. К., ни З. Б. Ц. К. не считают и не могут считать Базельского бюро, ни Заграничным Центральным Бюро, ни партийным учреждением вообще: это бюро выбрано *не на партийном*, а *на фракционном* съезде части групп содействия *без контроля партии* и **вопреки** постановления Ц. К.

2. *Никакого совместного заседания З. Б. Ц. К. и З. Ц. Б. не было*, было лишь следующее: ввиду выраженного некоторыми членами этой фракционной организации желания встать в нормальные отношения к Партии, некоторые члены Ц. К. сочли полезным в интересах групп содействия партии вступить с ними в переговоры, при чем, по признанию самих авторов письма в «протоколов», члены Ц.К.им заявили, что они считаются с ними лишь, как с отд. «частными лицами» или Базельским Бюро фракционной организации. Ввиду этого никакого совместного заседания двух партийных коллегий быть не могло и члены Ц. К., естественно, должны были отклонить продолжение о выборе секретарей и проч.

Тов. В., член З. Б. Ц.К. просил выписку не из протоколов «совместного заседания», а выписку из протоколов заседаний Базельского бюро, где значились условия, на которых отколовшиеся группы собирались вступить в мирные переговоры.

Появление печатного «протокола совместных заседаний З. Б. Ц. К. и З. Ц. Б.», тем более странно, что он выпущен в печать без проверки его и без утверждения его хотя бы одним из членов Ц. К., участвовавших в этих переговорах. Вряд ли можно претендовать на доверие к подобному документу, тем более, что в нем встречаются фактические неточности в изложении речей отдельных лиц, участвовавших в переговорах.

З. Б. Ц. К.

От ред. Даем место заявлению «Ц. Б. З. Г.» отнюдь не потому, что считаем его партийным учреждением. Таковым оно руководящими учреждениями партии не признается. Инцидент считаем исчерпанным и больше места ему не уделим.

ХРОНИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГ. *Василеостровский район.* Василеостровский район в данный момент представляет один из наиболее организованных районов Петербурга. Всех членов, находящихся в организации (т. е. платящих членские взносы или посещающих кружки, или ведущих ту или иную партийную работу), — около 200 чел., в том числе 7 интеллигентов: организаторы и пропагандисты. Руководящим коллективом является исполнительная комиссия из 6 чел., выбранная собранием районных представителей, дающим ей директивы по важнейшим вопросам. Районное собрание состоит из представителей заводских групп, а также организаторов и пропагандистов. В полном составе оно насчитывает около 30 челов. Собирается обыкновенно около 20 чел. Собирать его удается в среднем раз в месяц. Почти все рабочие, члены районного собрания, несут организаторскую работу в своих предприятиях. В качестве пропагандистов работают 6 интеллигентов (из них один полу-профессионал) и 3 рабоч. (из них один тоже полу-профессионал). Центр тяжести работы лежит в создании рабочей интеллигенции и агитации при помощи листков. Для выработки самостоятельных пропагандистов из рабочих организована пропагандистская школа. Ее задачи: дать передовым рабочим вполне оформленное с.-д. мировоззрение и приучить систематично излагать свои мысли на рабочих собраниях. Пока было одно собрание (школа организовалась недавно), на котором читался реферат: «Интеллигенция и социализм». На следующем собрании будет дискуссия по поводу прочитанного реферата. В школу входит около 20 человек. Интерес к ней у рабочих очень значительный. Кроме того, в патронном подрайоне — кружок высшего типа, в нем 15 чел. Было 3 собрания. Прочитаны рефераты: «Характер русской революции», «Столыпинские аграрные реформы», «Основные положения программы с.-р.». После рефератов следовали обширные дискуссии, в которых рабочие принимали самое энергичное участие. Имеется кружок по политической экономии. Низших и средних кружков — 8. Связи имеются с 30 предприятиями; на двух третях из них — более или менее оформленные группы, на некоторых также заводские к-ты. Сформировались

уже окончательно 2 подрайона: гаваньский и патронный с подрайонными комитетами. Думаем в ближайшем будущем вполне сорганизовать остальные два подрайона: центральный и голодаевский. Существуют библиотеки, как общерайонная (около 500 экз.), так и подрайонные: гаваньская 200 экз. и патронная тоже обширная и существующая несколько лет. Что касается литературной агитации, то пока выпущен листок (печатный тип.) о смертной казни с резолюцией. Предполагаем организовать широкую литературную агитацию по поводу 1-го мая. На днях распространили только что полученные № 42 «Пролетарий» и № 3 «Соц.-Дем.». В районе недавно открыт клуб, в котором нерядовые рабочие принимают деятельное участие. Т. т. меньшевики, имеющие в районе незначительную параллельную организацию, в последнее время начали усиленно настаивать на объединении, но пока еще оно окончательно не состоялось, хотя принципиально решено положительно.

Выборгский район. После полугодового застоя с.-д. работы в Выборгском районе, работа с половины января оживляется. Восстановлены связи с Сампсониевским подрайоном (с заводами: Нобеля, Парвиайнена, Лесснера, Эриксона); с Черноречинским подрайоном (заводы Мартенса, Кнабе, Струка); с Охтой (ряд ремесленных предприятий и Крейтон); в Полюстрове (орудийный завод); в ткацком подрайоне, с некоторыми предприятиями завязаны связи. В районе организован кружок высшего типа, два кружка среднего, намечается еще ряд кружков. На некоторых заводах имеются партийные заводские группы, хотя в небольшом количестве. Несколько раз собирались районные собрания. Выбрана районная исполнительная комиссия, которая выделила из себя организатора, пропагандиста и секретаря. Были организованы доклады о партийной конференции и о страховании рабочих. Получена и распространена литература: отчет о конференции, «Соц.-Дем.» № 3 и «Прол.» № 42.

Постановлено выпустить листки: призыв к организации, к рабочим завода Нобеля и об отношении к протесту против смертной казни.

Отсутствие работников тормозит работу, так как сами рабочие слишком заняты на заводах и не имеют времени для широкого участия в организациях.

Московский район. Собирается регулярно районная конференция в составе 10 — 12 членов. Были доклады об общерусской конференции и обсуждения по ним. На первом месте для Р. К. стоит вопрос об организ. и оформлении партийных групп по предприятиям и постановка пропаганды. Связи имеются почти со всеми фабриками и заводами района и могут быть расширены и организационно закреплены. Нужны только тов. работники и средства на наем квартир и пр. Особенно нужна литература, которой район почти не видит. Функционирует в районе небольшая, организованная комитетом библиотечка с количеством книг и брошюр до 500. Ведутся два кружка. Один организован комитетом и функционирует в форме кружка самообразования без непосредственного участия интеллигента. Другой кружок тт. мс-ков стоит совершенно в стороне от организации. В районе три отделения проф. союзов: металлистов, ножевенников и деревообделочников. Последний почти совсем распался и лишь в последнее время работа в нем начинает оживать. У первых двух дела в районе идут сравнительно недурно. Устраивались недавно общие собрания, привлекшие каждое до 150 чел.

Невский район. Текущую работу в районе ведет Испол. Комитет районной конференции. Конференция в составе 12 — 15 чел. собирается регулярно. Делались доклады об общерус. конференции и были прения по ним. По вопросу о партийном съезде II. К. была проведена анкета, результаты которой сообщим особо. Членские взносы в районе поступают регулярно в подрайонах Александровском и Семянниковском. В фабричном подрайоне производятся время от времени сборы на партию среди рабочих. Функционирует библиотека и кружок. Вновь подготовляется к выпуску номер районного листка, издавать который И. К. предполагает периодически.

С союзами отношения у организации — хорошие.

Ярославль. Работа после Рождества до средины февраля опять ослабла, отчасти вследствие праздничных перерывов (Рождество, масленица), отчасти за почти полной невозможностью преодолеть квартирные препятствия. С поста она вновь оживилась. Сейчас функционирует кружок низшего типа среди рабочих белильщиков; до Рождества был у нас кружок такого же типа (чел 12 — 15), но из него в новый вошла лишь часть рабочих, всего же теперь в нем чел. 8-10. На Карзинкинской фабрике есть надежда расширить работу: среди рабочих замечается повышение интереса к партийной работе, которую раньше не было возможности упрочить, вследствие запуганности весенними арестами, сопровождавшими празднование 50-летнего юбилея фабрики и освящение новой церкви. На предварительном собрании из 15 чел., по большей части старых членов организации, отошедших за последнее время от работы (на этом собрании обсуждался вопрос о том, как вести дальше работу), нашла оценку политика фабричной администрации, которая все лето соблазняла рабочих наградой на юбилейный праздник, а теперь, ссылаясь на убытки от операции лабаза, повысила цены на важнейшие продукты в фабричном лабазе, что равносильно понижению заработной платы, и, ссылаясь на неаккуратность рабочих, предупреждает о возможности расчета; летом были заказы, теперь их, повидимому, мало. Говорилось о недовольстве рабочих: просили администрацию выдавать квитанции для забора в кредит в лавках — администрация не согласилась на эту просьбу, противоречащую-де закону, но предложила недельную выдачу платы вместо двухнедельной; была идея о кооперативе, но не получила широкого распространения, в виду полной безнадежности осуществить его; создать легальный проф. союз нельзя, — попытка, сделанная весной прошлого года, кончилась неутверждением устава. Остается единственный путь — нелегальная партийная организация. Намечены два кружка: низшего типа (чел. 15-20) и высшего из старых членов партии (чел. 15-20). С помощью этих кружков мы и надеемся обновить организ. ячейки, бездействовавшие с сентября и оторвавшиеся от своих избирателей и рассеивавшиеся. На Норской мануфактуре, с которой есть связи, сознательные рабочие до того запуганы тамошними черносотенными *рабочими* организациями, что не решаются брать литературы: были случаи обыска черносотенцами возвращающихся из города рабочих, входящих в их союз. Вопрос о партийном съезде обсуждался в комит., но за отсутствием определенности в делах организации, пока вопрос отложен до обновления и пополнения организации. Листок к рабочим будет издан. «Пролетарий» № 43 и № 2 «Соц.-Дем.» получили.

Кинешма. Реакция, затягивающая все туже и туже петлю на горле российского населения, не проходит бесследно и для нас, провинциалов... Она сует свой нос во все проявления нашей жизни и заставляет нашу, еще совсем юную, организацию вновь лезть в подполье. Прошлое, с 1905 года по 1909-й, и для нас богато уроками. Втянутые в общее революционное движение массы кинешемского пролетариата имели невысокий уровень сознательности. Руководящие роли были сплошь в руках интеллигентов. Нынче не то. Интеллигенты частью сбежали, как только увидели, что борьба затягивается. У нас, где рабочих грамотных всего 20-25%, несознательный, темный рабочий мог лишь получить самые первоначальные сведения о своей главной цели, социализме, и о борьбе с абсолютизмом, загораживающим нашу дорогу. Пропаганда вглубь стояла очень плохо. Кроме общих мест в голове рабочего оставалось мало, а потому вполне понятен упадок энергии у тех, кто называет себя «сознательным». Приходится теперь при тяжелейшей обстановке наверстывать потерянное.

Количество рабочих только в городе и близ него насчитывается в 15 тысяч, не считая фабрик за 20-15 верст.

Под влиянием все новых и новых прижимок со стороны капиталистов растет вновь возбуждение, и организация не так быстро, но подвигается. Условия, конечно, сравнительно

с 1906-м годом, много изменились к худшему; нет уже тех народных клубов и профессиональных обществ, где не стесняясь можно было вести пропаганду с.-д. идей; вместо них у нас остался по прежнему лес с сугробами снега. Характер работы приходится изменить. Почти все ложится на самих рабочих. На развитие их самодеятельности — все надежды. Все внимание организации обращается на создание крепких рабочих центров на всех предприятиях и на их большее интеллектуальное развитие. В этом мы видим залог будущей победы.

На фабричном производстве и здесь замечается ненормальность. Рыночный застой вынуждает капиталистов сокращать производство, уменьшая количество рабочих дней. Так: на фабрике «Томна» не работали целиком все святки и масленую неделю, то же и в других местах. Но как бы в параллель замечается лихорадочность. На фабрике Коновалова вывесили перед масленицей объявление, что не будет работы до первой недели поста, но спустя несколько дней является хозяин и предлагает работать всю масленицу. Рабочие же согласились. На фабрике «Томна» ввели сверхурочные два часа с платой по 25 к. Создалось недовольство. Большинство протестовало, но на слева мастера: «кто не хочет работать — получи расчет», никто ничего не ответил и, хотя с недовольными лицами, но принялись за работу.

Приходится медленно, исподволь, прислушиваясь к частным неудовольствиям, шаг за шагом восстановлять организацию и приближать момент, когда рабочие станут вновь силой, как в славные дни 1905 года.

Вильно. Деньги нужны нам очень и очень, ибо пятый месяц локаут продолжается, однако рабочие не идут на уступки. Заводчиков-кожевенников поддерживают материально все заводчики г. Вильны, но им уже надоело давать деньги, и они ищут путей к рабочим-кожевенникам, чтобы помимо заводчиков вести переговоры. Виленских заводчиков всех отраслей объединил один вопрос: удлинение рабочего дня на один час. Кожевенники-рабочие постоянно работали при более коротком дне на 1 час против рабочих остальных отраслей. Сейчас же они желают провести у кожевенных рабочих 9-часовой рабочий день вместо 8-часового, значит в остальных отраслях, где сейчас 60% работает 9 часов, а 40% 10 часов, был бы, 10-часовой рабочий день — как видите, хорошо организован класс капиталистов! Но рабочий свое понимает, и все дружно идут против общего врага. Одна беда, что нет свободы обществ, слова и т. д., т. е. нет хоти бы европейской конституции. Мы бы им показали, как надо бороться с рабочими, и сейчас не даемся в обиду, — моральная победа всегда на нашей стороне; думаем, что и материальная скоро нам удастся, только бы этот период перелома пережить — тогда уже легче будет. Многие найдут на стороне работу, а для меньшинства сумеем собрать несколько грошей. Вот теперь деньги, и еще раз деньги нам нужны как можно скорее. Итак, просим вас поспешить с помощью. Вчера состоялось общее собрание рабочих-кожевенников; в приподнятом настроении, после 4 часов, принято решение единогласно: не итти ни на какие устунки. Но это не значит, чтобы не было штрейкбрехеров: всего насчитать можно до 40-60 на 1000 рабочих. Это ничтожество, но для провокации их хватает.

Съезд С.-Д П. Л. (Соц.-дем. Партии Литвы)*.

С 3 по 6 янв. 1909 г. происходил в России съезд С.-Д. П. Л., созванный Ц. К. В съезде принимали участие 16 чел. с решающим голосом: 1 редактор, 2 чл. Ц. К., 13 делегатов (Вильно, Гродно, Вилейка, Сувалки и Ковен. губерния) рабочих организаций. 4 делегата (из Ковны, Бреста и Белостока) не прибыли. Не прибыл также и представитель Р. С.-Д. Р. П. Из отчетов делегатов выяснилось, что повсюду партийная работа ослабела, а в некоторых местах и совсем заглохла. Все же удавалось в некоторых городах созывать массовки. Организац. собрания кой-где происходили регулярно. Настроение среди масс подымается, требования на литературу и пропагандистов растут; но интеллигенции вовсе нет и потому нет возможности удовлетворять требования. Среди крестьян подавленное настроение проходит; там ждут с огромным нетерпением приезда агитаторов. Регулярная работа среди крестьян велась только в Сувалкской губернии. Среди еврейского пролетариата работа очень слаба.

Литературная деятельность выразилась в следующем: до июля 1908 г. издавался легально еженедельник «zorja» на литовском языке, приняты меры к возобновлению. На польском языке издано 2 №№ «Голоса Рабочего» (Glos Robotnicky). Кроме того издано было несколько прокламаций, как Ц. К., так и Виленского комитета партии (По случаю 1 мая, о локауте и т. под.). На литовском языке издано за отчетный период 2 брошюрки, так что общее число изданий превышает 20.

Из резолюций съезда представляют интерес следующие:

I. О политическом моменте.

Принимая во внимание, что период варварской ликвидации революции жестокой реакцией, период господства чрезвычайных положений, военных судов и виселицы тяжелее всего отзывается на положении рабочего класса.

Принимая затем во внимание, что только сознательный пролетариат составляет силу, которая в состоянии успешно бороться с реакцией и завоевать для рабочего класса действительную свободу.

Съезд признает, что главной задачей нашей партии должна быть организация оборонительной борьбы против сомкнутых сил реакции и капитала и накопление революционной энергии для дальнейшей борьбы пролетариата.

II. О партийной работе в городах.

1) Съезд поручает членам партии принимать участие во всяких беспартийных организациях (как культурных,так и профессиональных) с целью воздействия на эти организации в духе с.-д., а также для образования среди них чисто партийных групп.

2) Съезд считает необходимым организовывать чисто партийные ячейки на фабриках, заводах и по ремеслам, обязывая всех членов групп регулярно оплачивать взносы.

3) Съезд поручает Ц. К. а) возобновить партийные организации в тех городах и округах, где таковые плохи, 2) объединить существующие организации путем объезда агентов Ц. К. и с помощью соответствующей литературы.

III. О работе в деревне.

Подтверждая резолюции VII съезда о работе в деревне, съезд поручает Ц. К. а) обратить серьезное внимание на то, чтобы резолюции были выполнены, б) деревенские организации должны обратить исключительное внимание на работу среди деревенского пролетариата.

IV. Об объединении с Р. С.-Д. Р. П.

Считая, что со стороны С.-Д. П. Л. сделано все с целью проведения в исполнение объединения с Р. С.-Д. Р. П., съезд поручает Ц. К. вести с Р. С.-Д. Р. П. дальнейшие переговоры,опираясь при этом на резолюции съезда и конференции (единогласно).

V. Об отношении к думской с.-д. фракции.

Современное политическое положение ставит перед депутатами с.-д. задачу использования думской трибуны для общих целей с.-д. движения и благодаря этому содействие агитационным и организационным задачам с.-д. партии.

2) Депутаты в своей парламентской деятельности обязаны придерживаться партийной программы и тактики и подчиняться директивам Ц. К.

3) Съезд поручает Ц. К. сорганизовать доставку депутатам фракции необходимых для ее работ материалов.

VI. Аграрный вопрос.

Отменена резолюция VII съезда по аграрному вопросу. Вопрос об аграрной программе остается открытым.

* Печатаем настоящий отчет в целях ознакомления тов. с литовской соц.-дем., об объединении с которой подымался вопрос на парт. конференции, при чем Ц. К. поручено ведение переговоров.

Ред.

В З. В. Ц. К. поступило:

Для Центр. Ком.:

От 2-й Парижской группы содействия (отчисление 90% доходов)	194.70
От Лиги руск. соц.-дем. в Америке	257.50
Из Лейпцига	17.30
От 2-й Льежской группы содействия	40.28
От 1-й Наненйской группы содействия	10.00
От 2-й » » »	21.00
Итого..	540.78

В пользу с.-д. депутатов-каторжан 2-ой Гос. Думы и их семейств:

От 2-й Парижск. гр. сод. (собрано на реферате)	9.60
От тов. Жоржа из Кетена	37.00
Итого..	46.60

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] «Katzenjammer» — похмельно-покаянное настроение.

[2] «Наша Газета» — выходила после прекращения «Столичной Почты» с марта 1908 г. в том же составе сотрудников (С. Прокопович, Кускова и др.). Была закрыта в том же году.

[3] Запрос о профессиональных союзах внесен социал-демократической фракцией в Думе 23 октября 1909 года.

[4] Tout court — коротко говоря.

[5] «Русская Мысль» (1880 — 1918) — ежемесячный журнал. Вначале носил славянофильский характер. В дальнейшем был органом либерально-народнической интеллигенции.

[6] Адиаферными (греческое слово) — безразличными.

[7] «Vive la guerre» — да здравствует война.

[8] par excellence — по преимуществу.

[9], [10], [12] Возможно, что эти примечания принадлежат перу Ленина.

[11] «Трибуна» — Газета голландских социалдемократов «левых» (Гортер, Паненук, Вайнкооп), исключенных из социал-демократической партии и основавших в 1909 г. лево-радикальную социалдемократическую партию.

[13] «Neue Zeit» («Новое Время») еженедельник германской социалдемократии. Выходил с 1883 — 1922 гг. под редакцией К. Каутского. Теоретический орган II Интернационала.

[14] «Правда» — орган троцкистов, издавалась сначала во Львове, потом в Вене с 16 (3) 1908 г. по 6 мая (23 апреля) 1912 года. Первоначально выходила как орган Украинской организации РСДРП «Спилка». В состав редакции вошли Троцкий, Басок-Меленевский, Крымский (Иоффе), Семковский и др. единомышленники Троцкого. С № 3 перестала существовать как орган «Спилки». В мае 1909 г. редакция добилась от ЦК признания ее партийной группой. Январский пленум ЦК, благодаря преобладанию на нем, в том числе и среди большевиков — участников пленума, примиренческих настроений, вопреки мнению Ленина постановил оказать венской «Правде» и материальную поддержку, установив о ней организационную связь и командировав в состав редакции своего представителя, Л. Каменева, настроенного тогда примиренчески. Под флагом мнимой «внефракционности» венская «Правда» фактически прикрывала ликвидаторство справа и не скрывала сочувствия к ликвидаторству слева, т. е к отзовизму, ультиматизму. С самого начала члены редакции препятствовали проведению в жизнь решений пленума Центрального комитета. На почве отказа редакции открыто выступить против ликвидаторов, отказавшихся войти в Русское бюро ЦК, против «Голоса Социал-Демократа,» выходившего вопреки решению январского пленума ЦК, против отзовистов и ультиматистов, — начались непрерывные конфликты и трения между редакцией и представителем ЦК, которые привели к разрыву и выходу Каменева из редакции в сентябре 1910 года. Продолжая попрежнему прикрываться «внефракционностью», «Правда» Троцкого, превратившаяся в «частное предприятие», продолжала ревностно защищать ликвидаторов, объявляла ликвидаторское ЗБЦК единственным общепартийным органом за границей. Венская «Правда» выступала против большевиков, вела кампанию против июньского совещания (1911 г.), называя его заговором, «заграничным кружком», выступила в качестве инициатора, вдохновителя и главного организатора беспринципного августовского антипартийного блока всех антибольшевистских элементов для борьбы против большевиков.

[15] По воспоминаниям т. Мицкевича-Капсукаса заметка о съезде написана т. Ф. Эйдукевичем (умер в 1926 году). Он был членом ЦК социалдемократии Литвы и участником съезда — корреспондировал в «Социалдемократ».

Цѣна 15 сант.

ПАРИЖ, Четверг 4/17 июня 1909 г.

№ 6

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

Контр-революция и буржуазия.

На арене третьей Думы, на городских выборах (недавнее обновление состава городских дум) и особенно на страницах октябристской и правой печати начинает, как будто, принимать конкретные очертания столкновение двух правящих сейчас групп. Для русских марксистов в этом столкновении нет ничего нового, ни, тем паче, неожиданного. Наличность двух струй в русской контрреволюции не могла остаться тайной для тех, кто не склонен был относить поражение первого периода революции за счет исключительно правительственных репрессий и кому мешал усвоить эту упрощенную точку зрения либералов и террористов марксистский метод анализа общественных отношений. Для политиков-марксистов контр-революция давала лишь дополнительную характеристику различных общественных групп, как они сложились в революции.

Ни блок крепостников-помещиков и промышленной буржуазии не мог ни в малой степени поколебать нашего взгляда на несомненно буржуазный характер российской революции, ни те трения между контрагентами, которые выражаются в том, что промышленная буржуазия *как будто* пытается оказать сопротивление наступлению «правых» не может изменить нашего представления о контрреволюционной роли этой буржуазии в русской буржуазной революции.

Но, вместе с тем, в известных слоях социал-демократии, наиболее поддавшихся расслабляющей атмосфере контрреволюции и общественного упадка, конкретный анализ общественных отношений уступает место голой схематизации. На этой почве в нашей среде начинает опять обнаруживать жизнь тот «иллюзионизм», о котором писал К. Каутский в 3 № «С.-Д-та». Схема — буржуазная революция под буржуазным флагом — приведена опять в действие и во имя этой схемы трения правых и октябристов под пером с.-д.-ских иллюзионистов грозят покрыть для них всю сложность современных отношений [1].

Ограничиться сведением пресловутого «полевения» к непререкаемому для марксиста факту неизбежного столкновения развивающихся буржуазных отношений с крепостнической политической надстройкой — это значит ничего не сказать. Более того: это значит обнаружить полное бессилие мысли как раз перед тем пунктом, с которого собственно должно начаться обсуждение конкретной политической обстановки и — в связи с ней — конкретных задач рабочего движения.

Что в основе русской революции лежит указанное противоречие буржуазного общества и крепостничества, что предварительное признание этой истины — есть единственный ключ к построению действительно-революционной тактики, этой истине ровно столько же лет, сколько русской социал-демократии. И открыть ее в 1909 году специально по поводу некоторого подобия перегруппировок в некотором подобии парламента, — отнюдь не значит еще проявить образец политической проницательности и политического реализма.

И действительно, русские социал-демократы могут свободно предоставить «Слову» быть в 1909 году пророком этой истины. Истина о несовместимости крепостничества и буржуазного хозяйства, аляповато перелицованная в доктрину о призвании русских промышленников к делу строительства новой России, может быть для идеологов национальной промышленности крупным теоретическим завоеванием и может казаться «Слову» совершенно достаточным идейным знаменем, с которым можно пуститься в русское политическое море.

Перевертывание на все лады той же истины в более демократической ее формулировке на страницах левых газет и в политических обзорах ежемесячников типа «Современного Мира» — с другой стороны — играет для последних роль той тихой идейной гавани, куда причалила потрепанная революционными бурями мысль демократической и рабочелюбивой интеллигенции. В эпоху пониженной политической активности в этой мысли об автоматическом столкновении буржуазных и крепостнических элементов она нашла желанную сень, под которой пряталось и сознание собственного бессилия и робкая надежда на лучшие времена.

Так в современной обстановке всяческое эксплоатированье истины о неизбежном столкновении октябризма и феодалов стало для одних признаком прогрессирующего политического самосознания, для других средством затенить собственную разочарованность и бессилие собственной мысли возвести в ранг «объективного разума истории». (См. «Голос С.-Д-та» № 13 ст. 7).

Революционная социал-демократия не может ограничиться констатированьем этого основного противоречия всей русск. жизни за последние полвека. Именно потому, что признание этого противоречия является ключем к пониманию всей жизни России, начиная с 60-х годов, что это противоречие лежит в основе предреволюционной и революционной эпохи в такой же мере, как и эпохи контрреволюции, — признание его легко превращается в шаблон. Этот шаблон, примененный более или менее искусно к любой эпохе, всегда оправдывает себя. То же случилось и с «полевением». Первые же признаки его легко были отнесены к указанному противоречию: противоречие, никем не отрицаемое не только в среде марксистов, но и в среде либералов, было этим «полевением» еще раз легко подтверждено, шаблон сам себя подтвердил... и оставалось сделать лишь давно уже заготовленные шаблонные выводы: левеющая буржуазия — признак буржуазной революции, буржуазная революция немыслима без полевевшей и ставшей во главе ее буржуазии. Все благополучно!..

Однако, есть же что-либо нового в русской контрреволюции и во взаимоотношении ее сил, кроме этого шаблона, вдруг объявленного для ради важности «разумом истории»? Несомненно!

Нова, прежде всего, та арена, на которой происходит столкновение «барчуков» Марковых и «купцов» Гучковых. Резко выделены, затем, и те границы, в пределах которых развертывается столкновение. Своеобразны поэтому и те объективные результаты, которые могут вытечь из этого столкновения.

После-революционная атмосфера, атмосфера, отличительными признаками которой даже на поверхностный взгляд является неизбежное *физическое* истребление революционного человеческого материала*, по существу

* Напомним для характеристики этой атмосферы, что успех контр-революционной «реформы» уже измеряется 5 000 виселиц и увеличением среднего числа ежедневного населения тюрем с 85 000 в 905 г. до 200 000 с лишком в 909 г. Население ссылки растет еще быстрее.

изменила процесс приспособления крепостнического и полицейского государства к современной форме хозяйственного развития общества. Быстрое приспособление — после революции стало задачей дня, оформилось в резко-очерченную и сознательно-поставленную задачу, бросило старую власть на поиски за той *общественной* силой, которая именно как таковая, как класс или группа помогла бы самодержавию справиться с этой задачей. Самодержавие нашло себе подобную опору во встречном течении из определенных слоев эксплоататорских классов. Переменились в непосредственной связи с пережитой революцией механизм приспособления, его методы и его размеры. Каждый шаг на пути к буржуазной монархии стал шагом контр-революционным, рассчитанным на преодоление революции в ее корнях, и результатом и условием каждого такого шага становится, как отмечено, непосредственное физическое истребление населения.

При таком положении нельзя ограничиться повторением, что крепостническое государство роет себе могилу, само насаждая своих могильщиков — буржуазные отношения. До сих пор оно ничего не *насадило*, кроме злобы и ненависти. *Этот* результат попыток по-казацки лихо проделать процесс уравновешенья «политики» и «экономики» констатируют все не чисто казацкие, все «деловые», «хозяйственные» участники похода. И максимум политического разумения этих элементов, максимум опыта, вынесенного ими из совместного похода, выражается в допускаемом ими утверждении, что казацкие методы, пожалуй, неспособны привести к желательному решению вопросов. Было бы слишком смело сказать, что среди октябристских элементов политический опыт дошел уже до подобной высоты. Но нет никакого сомнения, что в основе того процесса, который переживает теперь октябризм, лежит его выросшее недоверие в благополучный исход «реформаторских» потуг нынешней власти. В октябристской, мирнообновленческой печати, в органах наших промышленных организаций изо дня в день повторяются жалобы на то, что реформа не выходит.

И действительно самодержавие сделало с своей стороны все возможное, чтобы ясно продемонстрировать своему «хозяйственному» союзнику свою полную неспособность к созданию «нормальных» для буржуа условий эксплоатирования рабочих масс.

И вот октябристский орган выступает с жалобами на то, что закон 9 ноября способен лишь еще более сузить внутренний рынок, Гучков торжественно складывает всю вину за внешний «позор» на правительство, а октябристская фракция в целом объявляет «борьбу не на жизнь, а на смерть» правым.

Так в рамках контр-революционной системы развертывается соревнование двух политических групп за главенство.

Та острота, которую сейчас приобретает соревнование правых и «левых» и которая в целом ряде думских инцидентов, а особенно на страницах газет дошла до *видимости* прямого разрыва, та напряженность этой борьбы, которая громче всего заявляет о себе в октябристско-кадетских пророчествах об «урагане» в случае «одоления» правых, показывает до какой степени вырос в глазах этих групп вопрос о *методах* контр-революции. И эта острота, и эта напряженность, и эти ссылки на возможный «ураган» народной бури ясно указуют, что с этим вопросом об успешности реформы сверху уже связался и объективно и в сознании действующих групп вопрос об их жизни и смерти. А это лишь знаменует, что сам успех поставлен жизнью под большой знак вопроса. И в этом-то факте — подкладка взаимного ожесточения и метания. В такой момент, когда первые результаты контр-революцион. «реформы» вызывают разочарование и недовольство в капиталистической среде, думские столкновения правых и «левых» легко могут явиться косвенным отражением общего неустойчивого положения контр-революции. И легко можно видеть, что *темп* внутренней борьбы в контр-революции отражает степень этой неустойчивости.

И этим именно состоянием шансов контр-революции объясняется, почему пресловутое «полевение» руководящих кругов буржуазии почти целиком укладывается в борьбу за Столыпина, т. е. именно за одну из форм контр-революционного построения обновленной России. Необходима была вся та сила страха и ненависти к революции, которая внушена буржуазии 1905-6 годами, чтобы всю свою борьбу за главенство связать со Столыпиным. Формула «Слова», которое заявило, что отставка Столыпина знаменовала бы полное крушение пути реформы сверху и этим выдвинула бы «народный ураган», как единственный оставшийся способ разрешения всех вопросов, — эта формула говорит именно о том, что буржуазия, стоящая перед народным ураганом, охотно отдается в плен правым, и требует только, чтобы этот плен был прикрыт некоторым флером столыпинского «конституционализма».

Противоречивость положения, когда смутное недовольство результатами Столыпинских реформ не может избавить октябристов от отстаивания той же линии Столыпина, отражает лишь тот объективный факт, что контр-революционная буржуазия неизбежно становится рабом крепостнической и полицейско-самодержавной контр-революции. И эта формула «либо Столыпин, либо революция» — формула, которая охватывает все содержание политической жизни последних недель, — для буржуазии обозначает отнюдь не левение, а сознательную попытку примирения со своим порабощенным крепостникам положением, ибо и для октябризма ясно, что Столыпин неизбежно, а не случайно связан правыми и раб «правых». Это последнее настолько не тайна для октябристов, что сохранение Столыпина для них есть продолжение и закрепление того постоянного торга и соглашательства с правыми, которое составляет основу контр-революционного блока. Несмотря на всю внешность разрыва, на всю фразеологию, сохранение этого блока — есть очередная задача октябризма и все «полевение» выражает лишь ту *оборонительную* позицию, которую заняли октябристы, как только правые попытались перейти в наступление против основ этого блока. Нет ничего более естественного, как то, что на удочку либеральной фразеологии октябризма моментально попался милюковский либерализм, уже успевший подсчитать количество голосов октябристско-кадетского центра; всего естественнее, что «Слово» сугубо подчеркивало возможность примирения «враждующих братьев» кадетизма и октябризма, но нет ничего более обязательного для соц.-дем., как реалистический учет того обстоятельства, что защита основ контр-революционного блока есть действительная позиция «левеющего» октябризма.

История контр-революции, так же как история революции ясно показала, что для русской буржуазии немыслим другой путь к ее обетованному царству буржуазной монархии, кроме пути постепенного реформирования, более или менее медленного перерождения старых форм, перерождения, осуществляемого сверху и изнутри. А подобный путь — есть путь порабощения буржуазного развития интересам Марковых и Пуришкевичей, порабощения октябристов — «правым». Став на этот путь, надо, необходимо дойти до Столыпина, ибо Столыпин, — это только воплощение единственной, реально-возможной в России, реформы сверху. Остальное, кроме революции, утопия.

В этих пределах легко умещаются споры и соревнование правых и «левых», но за эти пределы не может выйти не только октябристская, но и кадетская мысль. И это — объективные границы «левения». Но в сейчас указанных границах — границах контр-революционной реформы сверху — борьба, соревнование и конкуренция правых — крепостнических и «левых», буржуазных элементов не только *мыслима* и допустима. Она *неизбежна* и составляет характернейший признак, объективное условие всякой реформы сверху. Не только исторические примеры, но мало-мальски внимательный анализ условий всякого постепенного приспособления старой власти к новым условиям существования общества показывает, что подобная борьба и рядом с этим лавирование старой власти между соперничающими элементами составляют «душу живу» подобного процесса. Построить поэтому *непосредственную* связь между внутренней борьбой различных элементов контр-революции и нарастанием революционного кризиса, в первой увидеть необходимое условие второго — позволи-

тельно только тем, кто, вопреки всему, отрицает всякое приспособление патриархалвной монархии к новым хозяйственным отношениям, кто характеристике и анализу этого процесса противопоставляет характеристику теперешнего самодержавия, как более крепостнического, чем оно было до революции.

И внимательное отношение к типу и характеру специально третьедумских столкновений, легко подтверждает их характеристику, как столкновений, присущих процессу развертывания системы реформ сверху и очень далеко отстоящих от той плоскости, где идет процесс нарождения кризиса революционного. Действительно, кроме отмеченной уже выше роковой черты этих трений, заключающейся в том, что ее ареной служит стремление «левых» к сохранению сегодняшней, Столыпинской формы контрреволюции, другим признаком этой борьбы является полное нежелание и полная объективная неспособность этих «левых» парализовать попытки правых какими-либо реальными мерами. «Высшая» политика, политика «сфер», закулисные интриги и в конце концов, на деле приспособление к правым (см. прения и голосования по бюджету народного просвещения, см. ст. в «Голосе Москвы», органе Гучкова и «левых» октябристов с расписываньем своей превалирующей над ролью правых ролью в подавления революции, голосования и расписывания, имевшие место в самый разгар борьбы с правыми) — вот единственные методы, находящиеся в руках «левеющих» союзников правых. Единственное реальное средство парализования правых — доступное отчасти сознанию, но совершенно выведенное из пределов политической игры «левых» — разрушение того фундамента, экономического и политического, на котором вырастает роль «правых», помещиков, находится вне допустимых средств борьбы. И не только потому, что подобное разрушение — обозначает революцию, — если бы действовал только этот мотив *можно было бы* при желании «недопустимость» сейчас отмеченную объяснить недостаточным еще развитием противоречий и видеть в этой «недопустимости» временную ограниченность, которая будет превзойдена развитием данной группы*.

Нет, недопустимость действительной борьбы с аграрием диктуется «левеющему» октябризму объективными условиями другого порядка. Посягнуть на экономический и политический фундамент силы крепостников для октябризма обозначало бы подрубить собственные основы. Их экономическое господство в деревне есть тот тормоз для развития чисто буржуазных отношений, который придает всему этому развитию наиболее выгодный для данного слоя буржуазии характер. Уничтожение этого тормоза обозначало бы не только уничтожение крепостнической кабалы, но и смену господства данной группы буржуазии другой, более развитой, более демократической. Так и в политической области радикальное уничтожение искусственно-созданной силы и влияния Марковых и Пуришкевичей, «барчуков» повело бы за собой гибель тех политических форм, в которых возможно господство «купцов» Гучковых.

Вот эта-то связанность и переплетенность интересов перед лицом радикальной чистки, вызывая соревнования и трения, диктует и те методы этой «борьбы», которые обозначают невозможность и неспособность к решительной борьбе. Здесь мы опять-таки у границ «левения».

Однако, эта форма «борьбы», которая не позволяет видеть в ней исходной точки действительного столкновения сил старого и нового общества — не должна заслонять от нас той важной истины, что в этих пределах и на этой арене буржуазным группам суждена — что дальше, то больше, быть может с перерывами и колебаниями, но в целом несомненная роль движущей силы всего процесса. В процессе контр-революционной реформы сверху буржуазии как класс призвана сыграть доминирующую роль, в том, конечно, предположении, что этот процесс не будет прерван вмешательством крестьянско-пролетарской революции.

Важно подчеркнуть, что *в этом* отношении роль движущей силы ей действительно по плечу. Но и только. В постоянных трениях, столкновениях и *компромиссах* с крепостниками октябристско-кадетская буржуазия будет отвоевывать, опираясь на экономический процесс, у последних определяющее значение в реформе сверху, но она не сможет выйти за пределы подобной реформы, неизбежно при таких условиях направленной против наиболее выгодного для масс типа развития бурж. отношений. Если за эти пределы выйдет развитие общественной жизни, ей будет отрезана эта роль движущей силы; она должна будет перейти к другим классам. Не трудно установить теперь объективное значение той формулы, которая утверждает роль буржуазии, как движущей силы предстоящего буржуазного преобразования. В силу выше развитых соображений, утверждая подобную роль буржуазии, эта формула утверждает вместе с тем не революционный характер этого «преобразования», т.е. именно такой тип развития буржуазных отношений в России, когда это развитие будет порабощено интересам крепостников-помещиков. Роль движущей силы суждена русской буржуазии лишь в процессе медленного, мучительного для народных масс процесса приспособления старой власти к новым общественным отношениям. С другой стороны в процессе подобного превращения патриархальной полицейщины в буржуазную монархию именно октябристско-кадетской буржуазии предстоит сыграть определяющую роль. И если бы России действительно предстоял *этот* именно путь, если бы он был возможен, мы имели бы реализацию указанной формулы. Возможность же *этого пути* в России *минимальна*. Мы видим так. образ., что было бы величайшей ошибкой принимать столкновение «правых» и «левых» в контр-революционном блоке за ту форму, из которой могут развиться столкновения революционные. Связанный с помещиком, поставленный под угрозу пролетарско-демократического движения, буржуа-октябрист не способен выбиться из под своего порабощения черносотенцу-помещику.

И чтоб буржуазное развитие пошло без порабощения его «курским зубрам» Марковым, нужно выступление *другого* буржуа, более сильного, более опирающегося на массы, выражающего *чисто*-буржуазный путь развития, т. е. выступление крестьянства, русской мелкой буржуазии, объективно поставленной в революционные условия борьбы с политической и экономической властью крепостничества. Социал-демократия должна при этих условиях строго различать движущую силу склоки Пуришкевича и Гучкова, неспособного на деле порвать с первым и лишь бессильно барахтающегося в объятиях Пуришкевича, и движущую силу революционного кризиса действительной борьбы с крепостничеством.

Смешать эти две различные «движущие силы», объявить движущей силой — буржуазию, это обозначало бы бессознательное подлаживание к октябризму. Из того, что есть объективные условия для буржуазного недовольства «засильем» правых, выводить для пролетариата тактическую директиву: «поддерживай буржуазию» — значило бы воспринять лозунг зависимости пролетариата от либералов. Нарастание трений между элементами контр-революции, обострение недовольства в буржуазной среде — обозначает наличность объективных условий неудачи и краха Столыпинского и *всяческого* контр-революционного реформаторства, — обозначает, что массам надо разъяснить *бессилие* буржуазии и *неспособность* ее самой сделать свое историческое дело. Наша задача — превратить стихийное недовольство масс, крах реформаторства в исходную точку сознательной борьбы масс за *революционный путь* буржуазного развития.

Перед задачей самовоспитания пролетариата к самостоятельной роли в предстоящей борьбе, повторение голых фраз о противоречивости интересов крепостников и промышленников является, поистине, только благонамеренной либеральной жвачкой.

[Л. Каменев.]

* На этой точке зрения стоит «Голос С.-Д-та», утверждающий в статье тов. Дана, что «только столкновение ее (октябристской буржуазии) с крепостниками сдвинет с места застоявшуюся политическую жизнь России» (№ 13, стр. 8).

Классы и партии в их отношении к религии и церкви.

Прения в Государственной Думе по вопросу о смете Синода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете Синода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется на лицо, но явно усиливается и организуется все больше. 16-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все стороны освещала бы со своей этической точки зрения»... «Что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?»... «Вина в тех, которые разделяют с вами» (т. е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они впервые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как нарождение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится — никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы, желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто моральные, этические цели, а теперь, гг., когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т. е. кадеты) «обвиняете нас в этом.»

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну: левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем: «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 13-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе: «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»... что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» недопустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями. «Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил еп. Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского (третьеиюньского, следует добавить) духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих (т. е церковных) преобразований должна исходить изнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям». (еп. Евлогий, 14-IV). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель»: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их (церковные средства) Гос. Контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведывание их из власти церковной к власти гражданской или государственной?»... «Церковные правила говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества». «Ныне стоит перед Вами (депутатами Думы) ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только — вернее, не столько — народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиновники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а *крепостники* в рясах. Защита феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья — вот суть политики большинства 3-ье-думского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (14. IV). Поп Машкевич громит *октябристский* доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь, на котором... действительные князья церкви — епископы — должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собственность и на права церкви и на ее достояние»... «Докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь со всеми ее хозяйственными функциями Г. Думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (14. IV).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целости и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью» в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 года, пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны, — не потому что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность массового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы, поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться *только* старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы Совет Объединенного Дворянства организовывал черные сотни и развертывал самую бесшабашную демагогию; надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третьедумский период русской контр-

революции характеризуются как раз тем, что эта организации реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочию, и российской соц.-дем. неоднократно придется теперь быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в особый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Октябристы и кадеты, выступавшие в 3-ей Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и так наз. прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 17-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т. е. отношение буржуазии вообще, вплоть до претендующих на звание демократов-кадетов, к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный — о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы» издается, как говорят, на средства старообрядцев) — заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только нападает на Синод и Обер-Прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о расходовании приходских сумм. Так же ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (16. IV), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает т. наз. «левый октябрист» Капустин: «Если мы обратимся к народной жизни, — восклицает он, — к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление — колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения»... «Чем заменить понятие греха, чем заменить указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это — печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом»...

Представитель контр-революционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чувствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классам «чиновниками в рясах», которые *понижают* авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглупления народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели, — более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглупления масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе, — вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов *целиком* стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от Народной Воли к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит *«ужасным»* (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-Меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача Церкви вечна, непреложна, и, значит, связывать Церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней *во имя того,* чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе Христовом — любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими словами» Караулова. Но такой насмешки далеко еще и далеко недостаточно. Надо было выяснить, — и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны, — что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглупление народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в стариве рядовой российский «батюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, г. г., возражает им устами Караулова контр-революционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее, — уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики, — только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и в особенности мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и Ко, как авторов сборника «Вехи»[1]. Но официальный оратор партии к.-д. в Гос. Думе, Караулов, превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и Ко. Что у Караулова и у Милюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве *только* за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи», и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно — откровенное *слово* и продолжая *делать* то самое *дело*, которое этому слову соответствует.

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немногое. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудовиками-крестьянами и трудовиками интеллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов на счет того, что союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но за то, когда он безхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, *а иногда спрашивают такое, что с трибуны я боюсь и говорить* (16. IV, стр. 2259 стен. отчета), — черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» — вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в 3-ей Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишить слова Рожкова (с.-д., к которым присоединились

некоторые трудовики, к.-д. и пр., подали протест против этого поступка председатели).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековьем. Кадеты — представители контр-революционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудовик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел сказать об отделении церкви от государства, как требовании «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллегента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой. В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что только идя за пролетариатом способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков, один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни одного гроша народных денег этим кровным врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространят его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

[Ленин.]

Весенняя думская сессия и социал-демократия.

III-я Госуд. Дума заканчивает первый этап своего существования в роли центра контр-революционных сил — этап, в течение которого ее монархистско-октябристское большинство проводило черносотенную политику вкупе и влюбе с правительством Столыпина. Надвигается момент перелома; полная гармония нарушена, нарушена не злой волей участников реакционного блока эксплотаторов, которые не желали бы лучшего, как увековечить договор, скрепленный в день 3 июня 1907 года. Она нарушена внутренней логикой противоречий, заложенных в основание этого договора, — непримиримостью самых минимальных интересов общественного развития и классовых, сословных и групповых интересов наиболее сильных и влиятельных элементов этого блока. Гармония нарушена, и звезда ее главного представителя — Столыпина — начинает меркнуть.

Престиж мага и чародея, воля которого может справиться со всеми историческими противоречиями, пошатнулся впервые после всесветного скандала с признанием австрийского захвата Боснии. Стало очевидно, что на мировом рынке не действует принудительный курс фиктивных политических ценностей, как не действует принудительный курс необеспеченных золотом ассигнаций. Это ослабление престижа Столыпина, разумеется, развязало руки не октябристской, не гучковской, словом, не более европейской и более буржуазной части реакционного третьеиюньского блока: в борьбе с революцией эта часть сама поставила всю свою ставку на Столыпина и связала свою политическую судьбу с судьбой этого дюжинного бюрократа. Напротив, поколебавшееся положение военно-полевого «успокоителя» разнуздало черносотенно-дворянскую, непримиримо-абсолютистскую половину контр-революционной клики, открыв перед ней перспективы ликвидации последних, неудобных для нее компромиссов, заключенных Столыпиным от ее имени с капиталистической реакцией. Вышли из тени «бывшие люди» и, насмехаясь над гневными филиппиками Гучковых, дали сражение Столыпину и победили его в передней Петергофского дворца после того, как он с большим трудом, казалось, одолел их в Государств. Совете. Неутверждением закона о штатах морского ведомства отбито притязание думского большинства передать в руки связанной с ним части бюрократии хотя бы слабый надзор за вооруженными силами страны.

Путь к власти.

Под таким заглавием появилась недавно последняя работа К. Каутского, которая немецкой социалистической печатью рассматривается, как событие в международной социалистической литературе. Работа эта является продолжением «Социальной Революции» того же автора и затрагивает столь «щекотливые» для господствующих классов темы, что даже в Германии, при сравнительной свободе печати, Каутскому пришлось считаться с «независящими обстоятельствами» и местами искать для выражения своих мыслей формы применительно к прокурору. Работа К. Каутского вместе с большим общеполитическим значением получит, конечно, и большое внутрипартийное значение. Она подводит итоги событиям последнего пятилетия с революцией в России, с пробуждением Востока, с перегруппировкой общественных сил в Германии, с успехами пролетариата в Австрии, с обострением классовой борьбы и успехами социализма в Англии и т. д.; она намечает перспективы дальнейшей борьбы революционного пролетариата и является, ввиду всего этого, заново формулированным и законченным изложением взглядов ортодоксальной соц.-демократии на современное положение; «платформой» — выражаясь в российских терминах — левого крыла партии. Вокруг новой работы Каутского уже закипает борьба между ортодоксами и ревизионистами, и эта борьба еще разрастется и даст возможность еще раз судить об обеих позициях, которые вновь обрисуются во всей полноте в применении к животрепещущим вопросам современности.

В нашем изложении мы остановимся только на некоторых из затрагиваемых Каутским вопросах.

В первую очередь Каутский останавливается на вопросе об оценке роли буржуазии и отношения к ней пролетариата.

Что Маркс и Энгельс совершенно верно наметили тенденции развития капиталистического строя, что они правильно указали путь международному пролетариату — через политическую власть к социализму, — что масса «пророчеств» Маркса и Энгельса — вопреки мнению оппортунистов всех стран — сбылись, это достаточно подтверждено ходом событий за 60 лет, протекших со времени появления Коммунистического Манифеста, это лучше всего иллюстрируется тем *фактом*, что всюду, где рабочее движение носит сколько-нибудь массовый и революционный характер, там оно *на деле* в общем и целом стоит на почве принципов, развитых Марксом и Энгельсом. Энгельс был совершенно прав — заметим мы от себя — когда в ответ на злорадные насмешки буржуазных экономистов по поводу того, что не со всей пунктуальностью сбылось, напр., его «предсказание» о количестве лет, через которое повторяется периодическое чередование экономических кризисов, коротко ответил этим господам: удивляться следует не тому, что одно из наших (с Марксом) предсказаний не сбылось, а скорее тому, что столь многие из них сбылись.

Но никто из ортодоксальных марксистов не отрицает того, что Маркс и Энгельс ошиблись в предсказании темпа развития капиталистического общества. Так, в 1847 году в Коммунистическом Манифесте Маркс и Энгельс заявили

С этого момента Столыпин уже борется не за свое собственное знамя, не за то, чем он выделялся из среды бюрократов, а исключительно за свое место у казенного пирога. Еще раз побежденный при попытке заставить Скалона «принять» сенаторскую ревизию его сатрапии, он смиренно проводит веления крайней правой при обсуждении в Гос. Совете предложения об упразднении польских представителей Зап. края и во время дебатов в Думе о гражданских правах священников, лишенных сана. Столыпин перестает быть министром компромисса между партией чистых абсолютистов и октябристами, он все более отрывается от последних. Октябристы же бессильно мечутся, пытаясь удержать за собой ускользающее благоволение недавнего диктатора и в то же время выискивая такой безобидный уголок, где они бы могли, не ускоряя неизбежного разрыва, еще раз развернуть свое продырявленное знамя, еще раз выступить в роли выражающих перед лицом бюрократии то «общественное мнение», которое поддержало контр-революцию 3-го июня.

На вопросе о правах старообрядцев герои 3-го июня должны были демонстрировать стране ту политику реформ, которая последует за «успокоением». Помимо этой цели октябристы и Столыпин должны были расплатиться с старообрядцами, выступившими во время революции в роли консервативной силы: с московским капиталистическим старообрядческим купечеством, ставленниками которого являются Гучковы, и с черносотенным старообрядческим мещанством, сыгравшим немалую роль в погромной эпопее. Но, пока октябристы творили эту манифестацию, положение резко изменилось. Крайняя правая и православное духовенство, перестав нуждаться в компромиссе, почувствовав под ногами твердую почву, над укреплением которой старались для них те же Столыпины и Гучковы, объявили неприкосновенным право православной церкви на лишение прав даже столь же, как и она реакционной, столь близкой к ней церкви старообрядческой. Столыпин, разумеется, тотчас же вновь перешел на сторону крайней правой. Партия октябристов не могла этого сделать, не совершая самоубийства, не упуская из под ног единственной сколько-нибудь прочной опоры среди избирателей. Гучкову удалось заставить голосовать против правительства большинство своей фракции. Но как бы для того, чтобы показать воочию, насколько этот успех призрачен, лидер в тот же день сложил с себя свое лидерство и тем дал толчок прямому разделению и распадению своей фракции *. Так вопрос о самой «безобидной», самой «благонадежной» не написанных на октябристском знамени «реформ» силой вещей стал тем камнем, о который споткнулась их партийная колымага. Бесполезное в практическом смысле (ибо Гос. Совет и корона, вероятно, не утвердят его), голосование Думы по старообрядческому вопросу развязывает руки Столыпину для дальнейших попыток удержаться у власти ценой более тесного союза с «камарильей» и Марковыми. Более, чем когда либо, представляется вероятным образование нового думского центра во главе с умеренно-правыми и уход из октябристской фракции направо доброй половины ее членов.

* В данный момент Гучков снова избран председателем фракции и распад фракции избегнут. Но уже начался ряд отпадений от нее вправо: Львов, Половцев, Черкасов, Гололобов.

В такой политической обстановке протекала в течение весенней думской сессии деятельность нашей фракции. Насколько она могла, она постаралась агитационно использовать происходящий перед ней процесс гниения контр-революционного блока, вскрыть перед избирателями все более разоблачающуюся сущность последнего и сорвать с него те фиговые листки, которыми его партизаны все еще стараются прикрыть его убогую наготу.

В прениях по поводу внесенного, наконец, думской комиссией первого законопроекта по рабочему вопросу — законопроекта о вознаграждении за увечья рабочих ведомств министерства финансов — наша фракция настойчиво добивалась распространения закона на *служащих* недомства и введения в него ответственности также и за профессиональные заболевания. В этом вопросе фракция заняла непримиримую позицию, отказываясь голосовать за законопроект, поскольку вопрос о профессиональных заболеваниях, согласно предложению думской комиссии, останется вне рассмотрения. Рабочие поймут эту непримиримость, против которой, по обыкновению, восстали к.-д., если примут во внимание, что думское большинство создает здесь прецедент, который ляжет в основание стоящих на очереди других законопроектов об ответственности и страховании. Достаточно было слышать откровенные заявления думских приказчиков капитала о недопустимости налагать на предпринимателей ответственность за профессиональные заболевания рабочих, чтобы видеть, что в этом случае комиссия, под предлогом отсутствия материалов похоронила, во исполнение велений капиталистических организаций, самый вопрос о профессиональных болезнях.

Обсуждение смет министерства народного просвещения и Синода послужило поводом для фракции разоблачить антикультурную и мракобесную политику Столыпинского правительства и тесно с ним связанной православной церкви. Тов. Белоусов воспользовался этим случаем для того, чтоб дважды выступить в защиту преследуемых и угнетаемых народных учителей — этого наиболее пролетарского слоя профессиональной интеллигенции, интересы которого и в России, как и повсюду, наиболее решительно может отстаивать

что предстоявшая Германии буржуазная революция может стать только *«непосредственной прелюдией пролетарской революции»*. Творцы научного социализма верно предсказали революцию в Германии, но они безусловно ошиблись насчет «непосредственной прелюдии».

Так, в 1885 году Энгельс в предисловии к брошюре Маркса о «Кельнском процессе коммунистов» предсказывал на ближайшее время европейское потрясение. Эти революционные потрясения чередуются с правильностью через каждые 15 — 18 лет — говорил Энгельс, указывая на события 1815, 1830, 1848 — 52, 1870 г. г. Это предсказание Энгельса, как мы знаем теперь, тоже не сбылось.

На чем же основаны были эти ошибочные предсказания — спрашивает Каутский. И отвечает словами из своей статьи, написанной еще более 10 лет тому назад в Neue Zeit (XVII, 2 стр. 45): оба раза *переоценена была* оппозиционность буржуазии. «Маркс и Энгельс долгое время ожидали, что мелкобуржуазная демократия, по крайней мере в начале революции, будет содействовать ей, как это было в революции 1848 года и даже в 1871 году в Париже. Когда политические вожди демократии и ее партии разрушили эти ожидания, мы, марксисты, все еще продолжали надеяться на то, что нам удастся привлечь значительные слои самих мелкобуржуазных и мелко-крестьянских масс к нашим революционным целям. Такая надежда — указывает Каутский — сквозит еще в одной из его собственных статей 1893 года, но еще более явное выражение она нашла себе у Энгельса в предисловии к «Классовой борьбе во Франции», 1895 г., в котором Энгельс писал: «Если дела пойдут так же и дальше, мы к концу столетия завоюем большую часть *средних слоев* общества, мелкое мещанство и мелкое крестьянство, и вырастем в решающую силу страны». Эта надежда Энгельса тоже не сбылась. Каутский по этому поводу замечает: «этот случай еще раз показывает, что надежды и «пророчества», высказываемые нами, марксистами, не оправдываются как раз тогда, когда мы переоцениваем революционность мелкой буржуазии».

Вопрос об отношении пролетариата к буржуазии (либеральной и демократической), о возможных блоках и соглашениях с ней, о росте или притуплении противоречий между ней и пролетариатом и т. д., издавна является центральным пунктом расхождений между революционными марксистами и ревизионистами во всех странах. И Каутский в настоящий момент считает важным подчеркнуть, что революционные марксисты в данном пункте были еще недостаточно «узки», недостаточно решительны, что даже Маркс с Энгельсом и даже наиболее верные их последователи, при всем своем строго отрицательном отношении ко всякого рода соглашениям, примирениям, приспособлениям к буржуазной демократии, все же смотрели на нее чересчур оптимистически, переоценивали ее.

За такую постановку вопроса Каутского и вообще ортодоксов, ревизионисты всех стран обвиняли в анархизме, в синдикализме и прочих смертных грехах. Даже представители правого крыла нашей российской соц.-демократии, которые, эмпирически, на деле, проводя линию ревизионизма в приложении к русским условиям, до сих пор озабочены были, по крайней мере, словесным соблюдением «догмы», — даже эти писатели прямой постановкой вопроса Каутским доведены до необходимости публично объявить наиболее выдающегося современного

лишь социал-демократия. Тов. Гегечкори, выступив для поддержки внесенной кадетами резолюции о наиболее вопиющих преступлениях ведомства Шварца, вскрыл всю двусмысленность и противоречивость тактики кадетской партии, которая, констатируя ультра-реакционный характер «просветительной» политики царизма, вслед за тем голосует за бюджет министерства. Тов. Сурков в своей, в высшей степени содержательной и сильной, речи о бюджете Синода решительно отстаивал демократический тезис об отделении церкви от государства — тезис, за который в нынешней Думе не выступают ни кадеты, ни трудовики, ограничивающиеся непринципиальной частичной критикой реакционной роли православной церкви и опускающиеся, в лице Карауловых и Розановых, до разговоров об «обновлении» этой проституирующейся церкви. Оратор вскрыл бесцеремонную алчность церкви, располагающей колоссальными богатствами и в то же время претендующей на постоянные субсидии из карманов плательщиков налогов. В ярких выражениях заклеймил он все более вырисовывающийся союз духовенства с бандитами союза русского народа. «Да, это они, смиренные голуби святейшего синода и им подведомственные отцы иереи, монахи... Илиодоры, Восторговы, Айвазовы, Антонии*, Гермогены, Серафимы, и им же имя легион, освятили и своим словом, и своим молчанием намыленную веревку, расстрелы, плахи, виселицы, палачей»...

Перед нашими депутатами стал тактический вопрос, вытекший из конфликта между думским большинством и представителями духовенства; последние восстали против скромной претензии думской комиссии распространить государственный контроль на суммы, отпускаемые церкви государством. Борясь против этой попытки, смиренные отцы самым наглым образом объявили не только свои особые капиталы, но и данные им казной суммы священной собственностью, не подлежащей ведению законодательных учреждений. Спор принял, таким образом, принципиальный характер борьбы между светским обществом, хотя бы в лице наиболее реакционных его элементов, и клерикальной ратью. Социал-демократия стоит на почве, принципиально исключающей вопрос о «контроле», как он был поставлен в Думе, ибо она требует прежде всего отмены всяких государственных подачек в пользу церкви. «Контроль» над церковными имуществами, который защищает она, сводится к описи этих имуществ для их конфискации. Но стоя перед вцепившимися друг в друга противниками — октябристским большинством и духовенством, — нарушившими на минуту свой добрый мир из-за вопроса о контроле над частью церковных доходов, она, конечно, заинтересована в том, чтобы имущие классы, раз они продолжают поддерживать государственную связь с церковью и дарить ей миллионы народных денег, не сваливали с себя ответственности за их расходование.

* N.-B.: те самые Антонии Почаевские, которые обмениваются с гг. Струве дружескими письмами по поводу «Вех».

В день 1 мая стар. стиля думская фракция сделала шаг, который несомненно встретит живейшее одобрение всех рабочих. Внеся срочный запрос о мерах, которыми администрация стремилась предотвратить майскую манифестацию, фракция получила возможность устами т. Кузнецова выразить протест против этих мер и, вместе с тем, призвать рабочий класс к празднованию 1-го мая вопреки всем препятствиям, чинимым правительством и капиталом. В последнем смысле думская демонстрация была бы много действительнее, если б запрос был внесен несколько ранее так, чтоб призыв с думской трибуны мог раздаться за несколько дней до первого мая и стать известным рабочим провинции.

При обсуждении мелких текущих законопроектов следует отметить выступления т. Суркова по поводу ассигновки на приобретение научных коллекций для эрмитажа, тов. Полетаева и Кузнецова — по поводу законопроекта о борьбе с торговцами живым товаром и Кузнецова же — об учреждении должности помощника варшавского ген.-губернатора. Сурков показал, как мало современное общество и, в частности, его нынешние опекуны — крепостники в России — заботится о приобщении народных масс к пользованию культурой, как русское правительство принимает все меры к тому, чтобы закрыть доступ «простонародью» в музеи и картинные галлереи. Кузнецов очень кстати сопоставил проект об учреждении новой должности «вешателя» в Варшаве с отказом Столыпина от сенаторской ревизии над вешателями, уже действующими в этом городе. Дебаты о борьбе с проституцией дали повод нашим товарищам лишний раз напомнить о безработице, толкающей женщин на улицы и обостряемой политикой правительства и третьей Думы и установить связь между проституцией и самыми основами современного строя. Пока существует этот строй, женщины нуждаются не в благожелательной опеке законодательства, а в предоставлении им политических прав, заявил т. Кузнецов.

В течение длившихся несколько дней дебатов о вероисповедной свободе с.-д. фракция, само собой разумеется, самым решительным образом отстаивала отмену стеснений, тяготеющих над старообрядцами. Ее выступления не прошли незаметными для самих заинтересованных, о чем свидетельствует полученная т. Белоусовым телеграмма, в которой выражается благодарность московской старообрядческой общины.

Ряд этих выступлений завершился двумя эпизодами, в которых

представителя ортодоксального марксизма, К. Каутского, синдикалистом. Так, тов. Л. Мартов в своей недавней статье «Реформизм в рабочем движении» (в сборнике «Вершины») пишет: «Прямолинейное представление об «изоляции пролетариата» должно было бы вести к *синдикалистским* (курсив Л. Мартова) выводам о конечном пункте рабочего движения, а не к тем, которые принимают Каутский и вообще «ортодоксы». Нетрудно было бы в творениях синдикалистских теоретиков найти этому подтверждение» (стр. 306). Как и Бернштейн, Фольмар, Мауернбрехер и другие представители правого крыла соц.-дем., т. Л. Мартов для борьбы с «синдикализмом» — Каутским тоже чувствует потребность опереться на К. Маркса. И т. Мартов для изобличения Каутского в синдикализме призывает на помощь «Коммунистический Манифест».

Только тогда, когда пролетариат составит большинство населения, можно будет говорить о перспективах социалистического переворота — поучал недавно Каутского Мауернбрехер и, «доказав» своеобразными цифрами, что до такого положения еще чрезвычайно далеко, праздновал легкую «победу» над Каутским, занимающимся-де революционной фразеологией. Только при полной изоляции капиталистической буржуазии может быть речь о диктатуре пролетариата поучает «синдикалиста» — Каутского т. Л. Мартов и ставит точку там, где начинается весь вопрос. Изоляция капиталистической буржуазии, конечно, является предпосылкой завершения социалистического переворота. Но это вовсе не значит, что переворот этот совершается пролетариатом *совместно* с буржуазной демократией, это вовсе не противоречит тому, что буржуазная демократия, пока и поскольку она существует как таковая, может вести и ведет самую яростную войну против пролетариата там и тогда, где и когда очередной задачей является непосредственная борьба за социализм. И мелкая буржуазия безусловно явилась бы значительным подспорьем для капиталистической буржуазии в ее борьбе с социалистическим пролетариатом, если бы... если бы мелкая буржуазия сама не пролетаризировалась все больше.

Вот как характеризует роль мелкой буржуазии тот самый «Коммунистический Манифест», который должен помочь т. Л. Мартову изобличить К. Каутского в синдикализме: «Средние слои, мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин, все они борются против буржуазии, во имя сохранения себя, как среднего сословия, от гибели. Они, поэтому, не революционны, а консервативны. Больше того, они реакционны, они стараются повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, и в этом случае они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, они оставляют свою собственную точку зрения, чтобы перейти на точку зрения пролетариата».

А выписанному выше месту предшествует следующее заявление Ком. Манифеста: «*Из всех классов, противостоящих* по сие время *буржуазии, только пролетариат* является единственно революционным классом. Остальные классы приходят в упадок и погибают с появлением крупной промышленности; пролетариат — ее родное детище». Желая опровергнуть Каутского, т. Л. Мартов нечаянно «опровергает» Маркса и Энгельса. При этом, он, конечно, не упускает случая заявить, что «ревизирует» Маркса

наша фракция могла рельефно оттенить отличие своей тактики и в данном вопросе от тактики всей «объединенной оппозиции», начинающейся с левых октябристов и кола и кончающейся трудовиками. В обоих случаях наша фракция подверглась обвинению в том, что отделилась от всей оппозиции и играла в руку правым. Последние потребовали поименного голосования законопроекта о веротерпимости. Оппозиция, опасаясь, что при открытом голосовании священники и друг. подобные элементы не посмеют голосовать за крамольный законопроект, высказалась против. От имени нашей фракции т. Гегечкори, напротив, заявил, что и в данном случае, как это было при прежних аналогичных по важности вопросах, она поддерживает требование поименного голосования. Мы не боимся, сказал оратор, ни доносов, ни травли. И, действительно, если демократ должен добиваться закрытого голосования для *избирателей*, то от *депутатов* он должен требовать той минимальной пригодности к исправлению своих обязанностей и той готовности отвечать за свои действия не только перед «властями», но и перед *избирателями*, которые требуются при открытом голосовании. Участвовать в приноравливании российского «парламента» к «подлости» существующего «самодержавно-конституционного строя», соц.-дем. не согласны. Всесторонняя ответственность депутата есть один из важных элементов политической свободы, и социал-демократия не может уклоняться от борьбы за реализацию этого элемента.

В тот же день лидеры «объединенной оппозиции», кадеты, имели другой повод обрушиться на «прямолинейность» соц.-дем. Последние внесли поправку к законопроекту, легализующую «вневероисповедное состояние», т. е. выход из одной из узаконенных церквей без перехода в какую-либо другую. Колоссальное политическое значение принятия этой поправки несомненно: признание «права на атеизм» в «православном государстве», как величают Россию правые, было бы первым действительным ударом историческому оффициальному ханжеству православия и нарождающемуся русск. клерикализму. Уход правых из заседания Думы ставил принятие поправки с.-д. в зависимость от поведения «объединенной оппозиции». Кадеты этого именно и испугались: принятие поправки о «вневероисповедном» состоянии сделало бы ультра-благонамеренный закон Гучкова радикальным, дискредитировало бы его в глазах благонамеренных кругов «общества». И кадеты со всей «объединенной оппозицией» голосовали против «права на атеизм», которое, по их же словам, логически вытекает из принципа свободы совести. Товарищи Гегечкори и Полетаев едко высмеяли формальные доводы, которыми гг. к.-д. мотивировали свое храброе отступление, и резко охарактеризовали жалкую тактику Милюкова и братии.

Последнее по времени выступление с.-д. фракции относится к дебатам по запросу о Союзе русского народа. По сообщению корреспондента Vorwärts'а, дебаты эти достигли кульминационного пункта во время речи Гегечкори, который, развивая мысль других ораторов оппозиции о связи союза дубровинских убийц с правительством, поставил прямо вопрос о русской *монархии*, как первоисточнике черносотенного разврата, и о «свержении монархии», как единственном средстве освобождения страны от Дубровиных. Призванный к порядку председателем, Гегечкори отказался взять обратно свои слова, заявив, что не скрывал никогда и не намерен скрывать своих республиканских убеждений. Заявление сделано было достаточно твердо, чтобы даже крайняя правая сочла бесполезным производить по этому поводу обычный для нее скандал.

Сделанный нами обзор выступлений думской фракции в послепасхальной сессии достаточно показывает, как многочисленны в жизни 3-й Думы случаи, которыми соц.-дем. может пользоваться для своей агитации, но он показывает и еще кое-что. Пессимисты предрекали нашей фракции в 3-й Думе жалкое положение группы, чувствующей свое бессилие и свою беспомощность среди сплошной массы яростных врагов. Действительность говорит обратное: социал-демократия, за которой — на что указывают преимущественно пессимисты — не стоит в данный момент реальная сила мобилизованного пролетариата, которая отделена от думского большинства глубокой бездной, — социал-демократия всего менее чувствует себя беспомощной в борьбе с черной стаей врагов. Самые скромные ее выступления, наименее яркие по форме заявления ее представителей проникнуты сознанием связи ее думской деятельности с предыдущей и будущей борьбой пролетариата на революционной арене, с теперешними попытками его передовых элементов возобновить прерванную нить открытого и организованного массового движения. И поскольку соц.-дем. в Думе это сознает, постольку на ее работе нет и не видно отпечатка угнетающего чувства бесполезности словесной борьбы в третьеиюньском, с позволения сказать, парламенте. Другое дело буржуазная оппозиция всех сортов, от кадетов и прогрессистов до трудовиков. Не покончив со своими иллюзиями относительно «органического», безболезненного развития из Столыпинской деспотии в «правовое государство», не питая веры во вне-думское, народное движение, принижая свою думскую оппозиционную борьбу до уровня октябристской «деловой политики», обращаясь в своих выступлениях к самим третьеиюньским победителям и пытаясь воздействовать на «государственный разум» менее черных из этой черной массы, буржуазная оппозиция должна постоянно ощущать себя в положении белки в колесе, должна испытывать сознание бесцельности и

никто иной, как Каутский... Тов. Л. Мартов по вопросу, издавна разделяющему ортодоксов и ревизионистов запада, занимает тут явно ревизионистскую позицию.

Усиленную пролетаризацию населения К. Каутский в своей новой работе еще раз иллюстрирует чрезвычайно убедительными цифрами относительно, напр., Германии. Следующая табличка показывает насколько население концентрируется в городах, уходя из деревни:

Год	Сельское население		Городское население	
	абсолютно	в проц.	абсолютно	в проц.
1871	26219352	63,9	14790798	36,1
1880	26513531	58,6	18720530	41,4
1890	26185241	53,0	23243229	47,0
1900	25734103	45,7	30633075	54,3
1905	25822481	42,6	34818797	57,4

Городское население чрезвычайно быстро растет за счет сельского.

В 1895 году (за перепись 1907 г. точных данных еще нет) в Германии мужчин, занятых в производстве и достигших возраста, дающего избирательные права, было 10 742 989 человек; из них лишь 4 172 269 вели самостоятельное производство, а 5 590 743 являлись наемными рабочими и служащими. А если еще принять во внимание, что из 3 144 977 предприятий 1 714 351 велись без наемных рабочих, самими хозяевами, — то выходит, что в 1895 году на $3^1/_2$ миллиона самостоятельных предпринимателей, заинтересованных в сохранении частной собственности на средства производства, мы имели в Германии свыше 6 миллионов пролетариев, заинтересованных в уничтожении частной собственности. И это из числа *избирателей!*

В 1882 г. всех избирателей было	9090381
» 1895 » их было	10628292

Из них в 1882 г. было рабочих 4744021, а в 1895 г. 5590743.

Не менее быстро идет и концентрация капитала, как доказывает Каутский рядом убедительнейших данных. В своей недавней статье в N. Z., где Каутский разъясняет т. Отто Бауэру некоторые недоразумения, в которые этот единомышленник Каутского впал по некоторым вопросам, затронутым в «Пути к власти», — Каутский приводит следующие данные о германской промышленности.

	Число предприятий	Число рабочих
1882	2560442	5933663
1895	2428173	8000503
1907	2326200	10852910
Уменьш.	234242	Увелич. 4919247

И в этом смысле, в смысле объективной подготовки производства к окончательному социализированию его, мы действительно имеем «врастание» в социалистический

бессмысленности — с своей точки зрения своей думской «работы». И именно наиболее беспринципная из оппозиционных групп — группа польского кола — после того, как на алтаре «парламентского» оппортунизма сожгла последние остатки своей политической чести — подошла уже вплотную к вопросу: не лучше ли вовсе уйти из Думы в ответ на новый плевок Столыпина и октябристов в вопросе о Холмской губернии? Именно политика «сотрудничества» с контр-революционным большинством логически ведет оппозицию к «отзовистскому» финалу.

Сравнительное положение буржуазной и пролетарской оппозиции отчетливо выяснилось во время политических прений об окончательном устранении из Думы Колюбакина и Косоротова. Кадеты и их союзники никак не могли выбрать между принципиальной позицией и позицией оппортунистического приспособления к уровню политического мышления реакционной шайки. Почему не следует выдать Колюбакина? Потому ли, что он осужден на основании ложных данных, или потому, что он осужден за акт политической пропаганды? Потому ли, что его осуждением *нарушены* «существующие законы», законы контр-революции, или потому, что его осуждение лишний раз подтвердило необходимость смести эти законы прежде, чем можно будет говорить о действительной политической свободе России. Кадеты и трудовики (Булат) беспомощно колебались между этими двумя постановками вопроса и, в конце концов, перенесли центр тяжести спора на вопрос о «правомерности» требования правительства. А в этом вопросе — увы! — объективная правота была не на их стороне: на той «почве права», на которую кадеты переносили вопрос, расположились самодержавными хозяевами и чувствуют себя, как дома, герои контр-революции. На этой почве судебные дома терпимости выносят обвинительные приговоры, центральный публичный дом — Сенат — «разъясняет» политические последствия этих приговоров, а «немеющие перед законом» — Чичиковы-Мейендорфы и даже Собакевичи-Пуришкевичи лишь регистрируют строго-юридические результаты формально-безупречных операций. Куда революционнее кадетских защитников Колюбакина оказался «дикий» гр. Урусов, заявивший просто: так как теперь началась полоса «разъяснений», от которых и мы (октябристы) можем пострадать, то не будем своими руками помогать разъяснителям.

Иною была позиция нашей фракции. Гегечкори показал, что, когда 3-я Дума еще неокончательно пала на колени перед крайней правой, она сама признала себя правомочной разбирать *по существу* вопрос о предъявленном к ней требовании выдачи того или иного депутата (первые прения о временном устранении Косоротова). Иными словами: тогда она еще пыталась, хотя бы в скромных пределах творить свое собственное право». Но, спрашивает Гегечкори, «Разве дело в этом?» Дума, созданная в результате государственного переворота, не имеет под собой «правовой» почвы и не может на нее опираться, и против ее контр-революционных преступлений надо апеллировать не к «почве права», а к «массе», которая, «чем скорее поймет кто сейчас стоит во главе власти, тем раньше положит конец вашему господству». «Здесь нет юридического вопроса, заявил Кузнецов, здесь вопрос силы и насилия». Правительство, обращаясь в 3-й Думе с просьбой исключить Косоротова, знало, что эта Дума — «отделение того департамента, откуда пришло постановление о привлечении Косоротова». Фракция и партия, заявил Кузнецов, берут на себя полную ответственность за то, что говорил Косоротов уральским рабочим и, в частности, за его слова о «серых шинелях», о том, что «дело освобождения рабочего класса не будет иметь успеха, пока ваши братья в серых шинелях будут в вас стрелять». Свою блестящую речь екатеринославский депутат закончил призывом к рабочим «прислушиваться к тому, что здесь (в Думе) делается». Тогда «нам не придется говорить пролетариату, что он должен делать». Товарищи Захаров и Воронин говорили в том же духе, выступая не в роли защитников Косоротова, а в роли обвинителей думского большинства. Ядовитый вопрос Захарова о том, привлечено ли к суду «немеющими перед законом» октябристами то лицо, которое «подписало акт 3-го июня», вызвало бурю негодования со стороны монархистов, добившихся лишения оратора слова. «Перед истинно-русскими держимордами, гордо сказал Воронин, я свои права и права своих товарищей защищать не буду и не желаю. Мы найдем и защитим их тогда, когда это будет возможно и при других условиях».

Два метода ведения думской борьбы с контр-революцией — метод либеральный и метод социал-демократический — иллюстрированы за два года существования 3-й Думы на сотнях типичных случаев. Теперь, когда внутреннее логическое развитие самой контр-революции привело к ликвидации первого столыпинско-октябристского фазиса контр-революции, когда крайние правые не знают, готовить ли им новое, расширенное и дополненное, издание 3-го июня или попытаться взять в свои руки думское большинство; когда октябристы колеблются, пожертвовать ли им последней тенью своей индивидуальности и спасти свое положение правительственных прихвостней ценою пожертвования Гучковым в пользу Балашова и Крупенского, или же попытаться мобилизовать «общественное мнение» буржуазных верхов, чтобы отстоять себя от поглощения крайней дворянской партией; когда кадеты сегодня уверяют, что, чем скорее падет фиктивная гегемония октябристов и выяснится открытое господство Пуришкевичей — тем лучше, а завтра начинают вновь заговаривать о возможности нового думского большинства из «полевевших» октябристов

строй. Ревизионисты — говорит наш автор — сами себе противоречат, отрицая наличность усиленной концентрации капитала, предусмотренной Марксом, и вместе с тем утверждая, что мы постепенно «врастаем» в социалистический строй. Если бы правы были ревизионисты в своем отрицании концентрации, мы имели бы не «врастание», а «отрастание» прочь, т. е. отдаление от социалистического строя.

Современное общество все больше разлагается на два непримиримо враждебных класса: буржуазию, в собственном смысле слова, и пролетариат. Разумеется, нельзя предположить, чтобы *к началу* социалистического переворота исчезли все без остатка промежуточные слои, вся мелкая городская и крестьянская буружазия. Огромная часть ее перейдет целиком в ряды пролетариата, а часть ее дойдет до такой степени эксплуатации ее крупным капиталом, что в силу своего социального положения во всяком случае перестанет быть активным противником пролетариата.

Пролетариат в борьбе за социализм может рассчитывать только на свои силы и должен бороться против всякого смешения рядов, против всяких попыток «смягчения» интересов, сближения с другими классами.

Это, конечно, не значит, что соц.-дем. не должны вести социалистической пропаганды среди угнетенных слоев из непролетарской среды, напр., среди мелкого крестьянства. «Если Энгельс в 1894 г. и я в 1895 г. — пишет Каутский — спорили против аграрной программы германск. с.-д., то не потому, что мы считали излишним завоевание симпатий крестьянства, а потому, что мы считали ошибочным определенный способ этого завоевания».

Такова точка зрения марксизма на задачи пролетариата в борьбе его за социализм.

Иные задачи стоят перед пролетариатом, еще не завоевавшим сколько-нибудь свободных условий для свободного развития классовой борьбы, перед пролетариатом, борющимся еще за политическую свободу, за демократию. Каутский все время оговаривается, что, напр., Россия, где пролетариат находится еще именно на этой стадии развития, представляет собой исключение.

Еще в своем предислонии к 7-му изданию Ком. Маниф. (1906 г.) Каутский пишет: «Теперь нигде не может быть речи о революционной буржуазии, кроме как, быть может, в России» (стр. 8 нем. изд.). И в своей новой работе («Путь к власти») Каутский тоже всюду оговаривает Россию, как страну, в которой происходит буржуазно-демократическая революция и в которой, поэтому, имеются на лицо революционные силы кроме пролетариата. Но Каутский не ограничился общей фразой о революционной буржуазии в России, он не остановился на шаблоне об «изоляции реакции», он не пришел к объединению пролетариата с буржуазией на общей платформе вроде «полновластной Думы», он не стал энтузиастом идеи «общенациональной оппозиции» *. Он сумел указать, *какая именно часть бур-*

* По адресу наших энтузиастов общенациональной оппозиции тов. Парвус недавно написал следующие прекрасные слова: «Во всех общественных движениях в России буржуазия до сих пор была в хвосте. Казалось бы, это должно наводить на мысли. Но вместо того, чтобы сделать из этого исторического факта политический вывод и проверить свой исходный пункт, обвиняют историю в беспорядочном образе действий и командуют другим общественным слоям уступить

и (конечно, поправевших) кадетов — в этот момент как нельзя более кстати нам представляется случай помочь демократическим слоям населения выяснить для себя итоги этого двухлетнего торжества контрреволюции. Мы говорим о предстоящих выборах по II курии гор. Петербурга — на место устраненного Колюбакина. Нам представляется случай нанести моральный удар господствующей шайке и в то же время противопоставить свои методы борьбы с этой шайкой тем методам, которыми боролась и борется партия, представленная Колюбакиным.

Выборы будут происходить в курии, лишь в незначительной доле состоящей из пролетариев. Но это не должно нас останавливать в попытке сделать из этих частных выборов повод для того, чтобы дать сражение под нашим собственным знаменем. Петербургские рабочие, не выступающие на этих выборах в роли избирателей, могут и должны выступить в роли *борющейся партии* и от нас зависит добиться, чтобы петербургские рабочие воспользовались этим случаем для своей политической мобилизации под нашим партийным знаменем. Тем самым предвыборная агитация охватит более широкие круги, чем те, которые не лишены прав по закону 3 июня.

Сосредоточение наших сил на подготовке к этой избирательной кампании не только оживит нашу работу вообще и придаст ей более широкий политич. размах, но и особенно будет способствовать той задаче сближения деятельности думской фракции с внедумской работой, для которой так мало еще сделано нами. В предвыборной агитации партия ознакомит массы со своей думской работой и разобьет индифферентизм к ней различных слоев трудящихся масс.

На общих выборах 1907 года, под непосредственным впечатлением ударов реакции, мы все же собрали вокруг имени своих кандидатов в Петербурге 4 000 с лишним голосов. Теперь, при интенсивной и сплоченной работе всех социал-демократов, мы можем рассчитывать на больший успех. Каждая сотня голосов, привлеченных в это подлое время к знамени революционного пролетариата, есть наша моральная победа над контр-революцией, есть залог будущих наших революционных побед. Партия скажет избирателям, что выбирая, на место Колюбакина, представителя пролетариата, они дадут наилучший ответ, как тем, кто выбрасывает из Думы представителей народа, так и тем, кто не умеет в Думе достойно бороться с героями 3 июня.

Петербургская партийная организация должна сейчас же, не откладывая дела в долгий ящик, начать подготовку к избирательной кампании, привлекая к ней все организованные элементы рабочего класса и стремясь использовать силы всех социал-демократов, по тем или другим причинам стоящих вне регулярной партийной работы.

ФИНЛЯНДИЯ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

(Письмо из Стокгольма).

В настоящий момент Финляндия снова переживает тяжелый политический кризис. После жалкой комедии с запросом по финляндским делам, разыгранной в прошлом году в Государствен. Думе октябристами и черносотенцами, г.г. Столыпин и Ко уже без всяких церемоний, совершенно откровенно ведут поход против «свободной» Финляндии. Из-за нескольких слов президента сейма Свинхувуди, осмелившегося при открытии новой сессии сейма почтительно указать на беззаконное и крайне вредное для страны вмешательство совета министров в дела Финляндии перед их докладом царю, — был распущен сейм и назначены новые выборы. Разумеется, это был только предлог для разгона демократического сейма. Но и всего этого мало для черносотенного правительства г. Столыпина; его провокаторская цель этим грубым насилием не была достигнута, и в Финляндии не произошло «беспорядков», которые дали бы повод отменить общее избирательное право или совершенно упразднить сейм. Поэтому Столыпин решил достигнуть этого окольным путем. Он изобретает «оригинальную» теорию о недействительности решений распущенных сеймов, т. е. другими словами, он сводит к нулю *всю* законодательную деятеланость в Финляндии, так как он объявил недействительными решения, принятые даже во время благополучно закончившейся сессии. По сеймовому уставу 1906 года депутаты выбираются на три сессии, следовательно, если бы г. Столыпину вздумалось разогнать сейм даже незадолго до окончания последней (третьей) сессии, то и тогда бы, по его теории, все решения сейма пошли на смарку. Эту «конституционную» философию он решил торжественно изложить в введении к аграрному закону, который царь в своей «неизреченной милости и заботе» о благе низших слоев финского народа решил в виде исключения утвердить. Этот закон, о котором мы подробнее говорили в

жуазии в России является революционной. И в этом отношении он тоже совершенно сошелся с представителями левого крыла нашей партии.

Уже в своих «Движущих силах» и ранее Каутский указывает со всей определенностью, что революционно-демократической силой, с которой русский пролетариат может и должен вместе осуществить буржуазную революцию, добившись максимального ее развития, является многомиллионное разоренное крестьянство, *экономически* заинтересованное в *революционном* решении аграрного вопроса, а тем самым и в демократической республике. Эту точку зрения К. Каутский проводил на протяжении всего первого этапа русской революции, и она же высказана в последней его работе со всей отчетливостью. Как и все марксисты, Каутский подчеркивает здесь, что в деле борьбы за социализм крестьянство не может быть союзником пролетариата: «Не надо забывать — пишет Каутский — что рабочий играет на рабочем рынке особую роль. Все другие (т. е. не-рабочие) выступают на рынке не только, как покупатели, но и как продавцы... Лишь рабочий является на мировом рынке только покупателем, а не продавцом продуктов... Несмотря на то, что рабочий производит все, а употребляет только незначительную

назад, чтобы выставлять линию. «Посторонитесь, господа, дайте место буржуа! Потише, ибо он пуглив. Поскромнее, ибо он благовоспитан. Без задору, ибо он не любит раздражаться, не упоминайте ему о материальных жертвах, ибо он не бескорыстен. И не толкайтесь вперед, ваше место позади!» Отступление оппозиции по всей линии называют объединением оппозиции». (Сб. Вершины, стр. 311).

часть произведенного, — на мировом рынке его точка зрения является точкой зрения потребителя, а не производителя... Отсюда его *антагонизм* по отношению к продавцам предметов потребления, *т. е. в том числе также к крестьянину*, поскольку последний выступает по отношению к рабочему в роли продавца».

В своих статьях против ревизиониста Мауернбрехера (в значительной своей части вошедших в новую данную работу Каутского) мы находим еще раз следующие, не оставляющие никаких сомнений насчет позиции Каутского, места по вопросу о роли классов в русской буржуазной революции: «Я указывал, или, если хотите, — предсказывал, что мы, немцы, не можем рассчитывать на массовое сочувствие крестьян и городской мелкой буржуазии, что мы должны, наоборот, быть готовы встретить с их стороны противодействие нашей борьбе (за социализм). То же самое можно сказать, напр., и о Франции и Австрии. *Относительно же стран с иной экономической организацией, как напр., Россия, я, наоборот, высказал уверенность, что рабочие не смогут там шагнуть вперед без тесного сотрудничества с крестьянами*». И далее: «Промышленный пролетариат России стал носителем русской революции, и *именно поэтому не приходится рассчитывать на поддержку революции буржуазией. Только в лице крестьянства* пролетариат России встречает класс, *не* находящийся с ним в экономическом противоречии и *не* могущий без революции достичь удовлетворительного социального положения»... «Теперь царское правительство само усиленно старается расширить круговор русского крестьянина за узкие пределы его родной деревни... А это в итоге и ведет к еще большему усилению недовольства

последнем письме, был проведен на сейме благодаря нашим финляндским товарищам, хотя буржуазная партия сильно изменила проект с.-д. Расчет г. Столыпина отличался чисто сатанинской «глубиной»: он, несомненно, надеялся либо заставить финляндский сенат придать своей противозаконной затее характер основного закона, либо достигнуть еще большего обострения партийной ненависти в Финляндии, что крайне невыгодно сейчас для русск. правительства. Впрочем, он, должно быть, надеялся одним ударом убить двух зайцев. Результаты его иезуитской тактики всем известны из наших легальных газет: сенат сначала отказался обнародовать 13 марта (н. с.) закон, который должен был бы войти в силу непременно уже 14-го марта, а вошел с представлением к царю. Когда же он получил новое приказание царя немедленно обнародовать закон, все пять сенаторов-конституционалистов хозяйственного департамента подали в отставку, старофинноманские же сенаторы с генерал-губернатором во главе при голосовании в сенате «одержали победу» над конституционалистами, и закон с «оригинальным» введением был обнародован несколько позже, чем было необходимо для торпарей (мелких арендаторов). В настоящее время вопрос о назначении новых сенаторов остается открытым, и, несомненно, несмотря на желания дипломатов оппортунистической старофинноманской партии (а также, по-видимому, и русских министров), разыгрывать перед сеймом комедию «коалиционного сената», новый финский сенат будет чисто старофинноманским с Даниельсоном во главе. Этот сенат будет во всю «спасать отечество» и путем всевозможных компромиссов старофинноманские «политики» составят новый кабинет, несмотря на то, что царь на-днях «оставил без последствий» как петицию сейма, так и представления сената об изменении введенного Столыпиным нового беззаконного порядка доклада царю финляндских дел, порядка, столь убийственного для Финляндии. Представители конституционных партий, надо полагать, теперь откажутся играть позорную роль союзников старофинноманских «спасителей отечества». Хотя и их тактика давно уже отличается близоруким и непростительным оппортунизмом.

Об этом, можно сказать, даже преступном оппортунизме финских «конституционных» властей, находящих поддержку со стороны буржуазных партий, красноречиво свидетельствует всем известная история с 10 эстонцами, официально, по крайней мере, арестованными и выданными русскому правительству *по инициативе гельсингфорсской полиции и нюландского губернатора*. В числе высланных на родину в качестве «беспаспортных бродяг» находился и известный эстонский общественный деятель — адвокат Темант, столь ненавистный немецким баронам за отстаивание интересов крестьян. *Поводом* к аресту его и нескольких интеллигентных эстонских рабочих послужила грубо подстроенная агентами русского правительства провокация, сводившаяся к нелепым слухам о предстоящем нападении на финляндский государственный банк. Эта возмутительная история навсегда останется черным пятном в истории финляндской «конституционной» бюрократии; они, подобно многочисленным прошлогодним подвигам выборгского губернатора, беспрекословно исполнявшим все предписания Драчевского и других русских палачей, только ускорят окончательную замену финляндской конституции бесконтрольным произволом креатур Столыпина, Пуришкевича и Ко!

Недаром снова ходят слухи о назначении на пост финляндского генерал-губернатора вместо слишком «гуманного» в глазах «Нового Времени» Бекмана, Меллер-Закомельского, известного «знатока» финляндского вопроса генерала Бородкина и других «активных» черносотенцев!

1-го мая (н. с.) предстоят новые сеймовые выборы. Неудивительно, что многие кандидаты разных партий отказались от кандидатуры и что нынешняя предвыборная кампания пока еще, по крайней мере, не отличается прежним оживлением. После двух разгонов сейма и новой блестящей столыпинской «теории» никто в Финляндии больше не возлагает особенных надежд на сейм. Несомненно, однако, что наши финляндские товарищи и на этот раз одержат блестящую победу. Число их депутатов скорее увеличится, чем уменьшится. Их победа красноречиво покажет нашим черносотенцам, что финляндский пролетариат и вообще демократич. часть финской нации осуждает политику компромиссов и что они не сдадутся без отчаянной борьбы. В этом отношении чрезвычайно важное значение имеет число голосов, которое получат на предстоящих выборах наши финляндские товарищи. Кроме того, они не допустят сейм пойти на какие-либо уступки г. Столыпину. Они, несомненно, не будут во что бы то ни

среди масс крестьянства *и толкает их на еще более тесный союз с городским пролетариатом*».

Намеченная здесь точка зрения на роль крестьянства и других слоев буржуазии в общем совершенно совпадает с той точкой зрения, которую отстаивает наша партия в лице ее большинства и которая нашла себе отражение, напр., и в резолюции последней общепартийной конференции.

За вышецитированные мысли К. Каутский, наряду с обвинением в синдикализме, безусловно заслужил обвинение со стороны нашего правого крыла в эс-эрстве, утопизме и пр., — обвинение, постоянно бросаемое большинству партии нашими оппортунистами.

Чрезвычайно поучительно, — в особенности для нас русских с.-д., переживающих современный момент, — то, что Каутский говорит о средствах, о формах революционной борьбы по «пути к власти». Каутский ставит вопрос: легально или нелегально? И решительно выбрасывает лозунг: ни легальность, ни нелегальность во что бы то ни стало. «Мы сознаем — пишет Каутский — что мы не можем по собственному желанию создавать те или другие исторические ситуации, а приспособлять свою тактику мы должны к ним». Было время, когда, напр., германской соц.-дем. исключительно «законная почва» была наиболее выгодной, и когда именно правящие классы всячески старались вытянуть ее на почву «революционности» (в полицейском смысле слова, т. е. на почву нелегальности, анти-законности). Никто иной, как Энгельс в 1895 году в своем известном предисловии к Марксовой «Классовой борьбе во Франции», указывая, насколько переменились условия с 1848 года, писал, что иногда именно соц.-дем., этим вечным бунтовщикам и революционерам, в определенном месте, в определенное время и при определенных условиях (в данном случае в Германии после падения исключительного закона) оказывается наиболее выгодным путь легальности, путь «законности». Это заявление Энгельса было подхвачено всеми оппортунистами и искажено до своей противоположности. И западно-европейские и русские ревизионисты на основании этого заявления Энгельса не раз пытались противопоставить «умеренного» Энгельса неумеренному Марксу и зачислить первого по штату легалистов во что бы то ни стало. Оппортунисты, извращая Энгельса, представляли дело так, будто Энгельс провозглашал легализм, как абсолютный принцип на все предбудущие времена, безотносительно к месту и данным условиям развития классовой борьбы, и будто у Энгельса этот путь законности вытекал из надежд на мирное безреволюционное развитие и безболезненное «врастание» в социалистический строй, хотя бы в той же Германии, о которой у Энгельса шла тогда речь.

Между тем Энгельс тогда же, в 1895 г., писал Каутскому по поводу упомянутого предисловия следующее: «*Мой текст предисловия значительно пострадал в результате цензурных опасений наших берлинских друзей*, но мне пришлось покориться условиям (Neue Zeit XXVII, 1, стр. 7, цензурные опасения вызваны были знаменитым законопроектом, прозванным Umsturzvorlage [3], внесенным в рейхстаг в 1894 г. и имевшим целью затруднить пропаганду с.-д.). А когда Vorwärts, движимый теми же цензурными соображениями, при перепечатке этого же урезанного предисловия передал его в сокращенном виде, выделивши только ту его часть, где говорилось о необходимости для

стало «спасать» сейм. Продолжительные рабочие конфликты, особенно конфликт рабочих по металлу с фабрикантами и страшная безработица, продолжавшаяся в Финляндии всю эту зиму, могут только способствовать увеличению шансов наших товарищей.

Пожелаем же Финляндии и товарищам еще большего успеха, чем в прошлых двух избирательных кампаниях.

От ред. Письмо это прислано до выборов в сейм, давших нашим товарищам еще большую победу, чем на прошлых выборах.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Почтовая забастовка во Франции.

Первая почтово-телеграфная забастовка, имевшая место за несколько недель до второй, только что закончившейся полным поражением, представляет собою крупное общественное явление. Она знаменовала вовлечение в движение части наемных служащих, которые, благодаря ряду гарантий и привилегий, связанных с их совершенно исключительным положением в мире труда, надолго еще, казалось, должны были оставаться в стороне от болезненных конвульсий, охвативших все общество.

Вторая забастовка уже благодаря одному тому факту, что кончилась неудачно, и ряду обстоятельств, ее сопровождавших, дает возможность вывести из нее серию уроков, которые, будучи приняты пролетариатом к сведению при дальнейшем его поведении, могут иметь для Франции крупные последствия. И поэтому эта вторая забастовка в той же мере, если еще не в большей, чем первая, является настоящим историческим событием.

Чтобы понять как следует все значение почтового кризиса и обстоятельства, сопровождавшие его развитие, необходимо прежде всего определить, к каким общественным слоям относятся элементы, вовлеченные в него.

Все бастовавшие должны быть отнесены к экономической категории чиновничества (постоянный заработок, обеспеченная пенсия), и лишь характер их работы приближает их более или менее к настоящему промышленному пролетариату.

Среди почтовых служащих существуют три категории:

1. Рабочие, как например, рабочие на телеграфных линиях. Это — такие же рабочие, как те, которые заняты в частных предприятиях.

2. Разъездные чиновники и почтальоны. Они занимают середину между рабочими и почтовыми чиновниками. Это не рабочие, но и не мелкая буржуазия. Их труд очень тяжел, но они держатся за свое место благодаря тому, что оно досталось им с большим трудом, лишь по особой протекции.

3. Наконец, почтовые чиновники, служащие в отделениях. Это уж настоящие чиновники. Они являются как бы арьергардом мелкой буржуазии. Все они прошли высшую ступень низшего образования, а многие из них получили и среднее образование. Общественный слой, из которого они рекрутируются, до сих пор считался, и с полным правом, наиболее отсталым и чуждым всякому современному общественному движению.

Надо отметить, что лишь парижские почтовые чиновники принимали участие в стачечном движении, а в провинции в него были вовлечены лишь рабочие, занятые на линиях, и разъездные чиновники, занимающиеся развозкой писем по железным дорогам по всей стране.

И тем не менее, поведение именно почтовых чиновников в Париже обеспечило успех первой стачки, а отпадение части их (служащих на центральном телеграфе) повело за собой неудачу второй.

Во время первой забастовки почтовые служащие имели под ногами прекрасную почву. Они протестовали против фаворитизма, против несправедливых и бесцельно-притеснительных мероприятий, они восстали против своего начальника, товарища министра, Симиана, которого все, не исключая и министра, считали неспособным и бестолково самовластным. Благодаря ему стачечники пользовались моральной и даже денежной поддержкой всего высшего персонала администрации почт. Общественное мнение, несмотря на то, что стачка наносила ущерб многочисленным интересам, было на стороне забастовщиков, и это не мало способствовало одержанной ими победе. По крайней мере, ее считали победой, хотя, по правде говоря, эта победа сводилась только к обещаниям. Правительство обещало не преследовать никого за стачку, отменить притеснительные циркуляры Симиана и добиться его отставки. Само собой, эти обещания не были вполне определенны, они были сделаны, особенно в отношении последнего пункта, в двусмысленных выражениях. Почтовые служащие сделали ошибку, поверив им.

Запасшись этим векселем, выданным на будущее, они взялись за работу и, к сожалению, взялись с такой стремительностью, которая обнаружила, с каким нетерпением они ждали окончания начатого

германских с.-д. легального пути, — Энгельс, возмущенный, в письме от 1 апреля, писал: «К моему удивлению я сегодня увидел в «Vorwärts'е» извлечение из моего предисловия, сделанное без моего ведома и преподнесенное в таком виде, что я выхожу каким-то жалким рабом законности во что бы то ни стало; чтобы ослабить это *позорное впечатление*, я тем более рад напечатать все предисловие в «Neue Zeit». Я выскажу свое мнение по этому поводу со всей категоричностью Либкнехту (тогдашнему редактору Vorwärts'а), а также и тем — кто бы они ни были — кто дал ему возможность так исказить мою позицию».

А чтобы убедиться, что Энгельс, настаивая на выгодности для германской с.-д. легального пути для той эпохи, и тогда ни на минуту не исходил из представлений ревизионистских кретинов о мирном «врастании», о ненужности катастроф, хотя бы для Германии и пр., достаточно указать на те же письма Энгельса и на его статью «О социализме в Германии», напечатанную в N. Z. всего за три года до предисловия, т. е. в 1892 г. В первых Энгельс, между прочим, писал в том же 1895 г: «...Вам предстоит, повидимому, год оживления... Возможны конфликт, роспуск рейхстага, государственный переворот... Возможно, что корона станет против рейхстага и последнему придется либо покориться, либо вступить в борьбу; тогда дело может пойти повеселее. ...Будь Германия романской страной, революционный конфликт был бы неизбежен* и т. д. А в упомянутой статье мы встречаем такие места: «Как часто господа буржуа советуют нам отказаться от применения революционных средств при *всех* условиях... К сожалению, мы не можем оказать господам буржуа этой любезности. Но это, однако, не мешает тому, что в *настоящий момент* не мы сойдем с «законного пути»... Законность теперь работает на нас и мы были бы дураками, если бы отказались от нее, пока дело обстоит так, как сейчас... Мы подождем: стреляйте первые, господа буржуа!... И нет сомнения, *они выстрелят* первые. В одно прекрасное утро они устанут смотреть на успехи социализма и прибегнут к «незаконному пути», к насилию». И тогда мы поборемся — заключает Энгельс.

Вот позиция Энгельса, к которой целиком присоединяется Каутский. На разных стадиях развития классовой борьбы соц.-дем. прибегает к разным формам деятельности. Применяя самые легальные, самые «законные» методы борьбы, революционная соц.-дем. остается верной себе, вносит революционно-соц.-дем. *содержание* в эту легальную работу; участвуя в самых мелких * повседневных конфликтах, она освещает каждую частность, каждую

* Все эти приведенные Каутским письма Энгельса настолько бьют по щекам господ ревизионистов, что один из них, скрывшийся за буквой S., в органе Kommunale Praxis[4] не устоял перед тем, чтобы бросить темный намек на то, что Каутский для торжества ортодоксии мог-де сделать некоторую фальсификацию в опубликованных им письмах Энгельса к нему. Этот благородный оппортунист получил в последней книжке Neue Zeit надлежащую отповедь от Каутского.

* Совершенно определенная точка зрения Каутского не мешает Кольбу и друг. ревизионистам обвинять его в том, что он совет-де пролетариат отказаться от будничной, мелкой, повседневной работы. В статье «Положительная работа и революция» (N. Z.) Каутский еще раз разъясняет свою точку зрения и выставляет совершенно правильный тезис, что и будничную, повседневную работу с наибольшим

ями движения. У них не хватило в этот момент ни настойчивости, ни проницательности. Если б они продержались еще пару дней, обещания стали бы действительностью, и застигнутое врасплох и выбитое из седла правительство уступило бы по всей линии.

Этот неудачный шаг поощрил правительство не считаться с данными обещаниями и дал ему надежду в ближайшем будущем отплатить как следует стачечникам, чтобы восстановить свой престиж сильного правительства, способного справиться с революцией.

Ибо вторая почтовая забастовка, надо прямо признать это, была желательна для правительства и была им подготовлена. Нарушением данного слова, а затем рядом провокаторских мер и дисциплинарных взысканий, оно вызвало почтовый пролетариат на безнадежную борьбу.

Правительство имело много оснований хотеть стачки, которая должна была — в силу данного состояния сил рабочих — сыграть ему только на руку.

Прежде всего оно имело в виду, как мы уже говорили выше, поднять в глазах буржуазного класса свой престиж, сильно поколебленный кажущимся успехом первой стачки, а также рядом непрерывных побед, одержанных социалистической партией во время недавних частичных выборов; но кроме того у него был еще и другой мотив, на который не было обращено должного внимания, — оно хотело на время по крайней мере отвлечь внимание публики от неслыханного скандала в морском ведомстве.

Несомненно, что почтовые служащие проявили бы большую предусмотрительность, если б терпели до последней возможности, давая накопляться дальнейшим провокаторским выходкам правительства. Пролетариат обязан по отношению к самому себе не вступать в борьбу, когда отсутствуют почти все условия, обеспечивающие успех. Вступать при таких условиях в борьбу значит итти на встречу поражению, а поражение, что бы ни говорили синдикалисты, не ведет само по себе к победе. Оно может служить, конечно, плодотворным уроком, но тем не менее оно означает реальную потерю времени и усилий.

Почтовые служащие не только начали борьбу, но начали ее в неудачно выбранный момент. Было, в самом деле, решено объявить стачку лишь после прений в палате. Эти прения, поднятые в понедельник, были отложены до четверга. Было бы благоразумно подождать. Почтовые служащие этого не сделали. В понедельник вечером они объявили стачку: они поступили так, следуя внушениям синдикалистов, провозглашающих себя антипарламентаристами. Насколько смешно было бы ждать от одного парламента социальной революции, настолько же ребячески наивно заявлять, как это делают синдикалисты, что парламентаризм — враг (слова Пато на одном из митингов почтово-служащих) и его следует поэтому игнорировать. Вдвойне противоречивое заявление, так как с врагом надо бороться, во-первых, а, во-вторых, кто же борется с врагом, игнорируя его. В стране с всеобщим избирательным правом, где все пролетарии могут проявить свое классовое сознание, используя свой избирательный бюллетень, все эти утверждения — пустая болтовня и демагогия.

Как бы то ни было, а синдикалисты являются в синдикатах лишь ничтожным меньшинством, а их методы действий, когда они пускаются в ход, отталкивают громадное большинство членов синдикатов и ведут всегда к поражению.

В данном случае, конечно, можно было наперед знать, что результат парламентских прений будет тот же, что и раньше. Это несомненно, но никто не станет отрицать, что если бы стачка была провозглашена после знаменитого заседания в четверг вечером, столь бурного, когда стены парламента впервые огласились пением «Интернационала» — пела парламентская социалистическая группа — энтузиазм почтовых служащих был бы несравненно сильнее. Число стачечников было бы значительнее и стачка, начавшаяся при более благоприятных условиях, развернулась бы с большими шансами на успех, тогда как, при данных обстоятельствах, в четверг вечером было уже ясно, что стачка осуждена на неудачу.

С самого начала парижские почтовые служащие сделали еще другую ошибку, преобразовав свой «Всеобщий Союз» в синдикат. Тут необходимо объяснение. Почтовые служащие не примыкают к громадной семье синдикатов, группирующихся во Всеобщую Конфедерацию Труда, они сорганизованы в ассоциацию, а не в синдикат. С практической точки зрения это не составляет никакой разницы, вопрос идет лишь о том, примыкать или не примыкать к Всеобщей Конфедерации Труда. Но по этому вопросу в среде почтовых служащих не было единства. Одна из причин этого носит чисто психологический характер, другая находится в зависимости от теперешней постановки Всеобщей Конфедерации Труда.

Мы указывали уже выше, что почтовые служащие в значительной своей части связаны бесчисленными нитями с мелкой буржуазией. Чувство тщеславия — смешное, конечно, но с ним приходится считаться, раз оно имеется на лицо особенно среди провинциалов. Несомненно с течением времени расстояние между почтово-служащими и пролетариями сблизилось бы. Время научило бы. С другой стороны, хотя синдикалисты и составляют меньшинство во Вс. Конф.

мелочь с точки зрения социализма и революции, превращает самые «законные» средства в самые революционные. От этой точки зрения марксизма так же далеко до мелкобуржуазного ревизионизма, как и до мелкобуржуазного анархизма.

Русская социал-демократия, конечно, имеет перед собой в настоящее время условия борьбы, существенно отличные от тех, которые были у наших немецких товарищей *после* падения исключ. закона о социалистах. Но тем не менее присмотреться к этой позиции Энгельса, попробовать ее понять далеко не мешало бы и русским оппортунистам и ликвидаторам из правого крыла и нашим оппортунистам — наизнанку (отзовистам и полуотзовистам).

Каутский заключает свою работу главой: «Новая эра революций». Речь идет здесь о революционных движениях на Востоке, которые автор в полной солидарности с мнением нашей последней партийной конфер. характеризует, как движения, «знаменующие собою создание национальных капиталистических государств» (см. резолюцию конф.). «Всюду в Азии и Африке распространяется дух восстания, и вместе с тем распространяется применение европейского вооружения, растет сопротивление европейской эксплуатации». Мы давно имели бы уже всеевропейскую войну, если бы этому не мешала все растущая сила международного пролетариата. Правящие классы давно отважились бы на войну, если бы перед ними не стояла неизбежная альтернатива вызвать этим революцию. Но державы идут навстречу такому моменту, когда «ружья сами начинают стрелять». И если в 1891 году Энгельс высказывал опасения насчет того, как бы война не привела пролетариат преждевременно к власти, то теперь положение сильно изменилось. По словам Каутского «пролетариат теперь настолько окреп, что он может смотреть на перспективу войны с большим спокойствием». Ибо «*о преждевременной* революции теперь не может быть речи». Преждевременным теперь может оказаться только мнимое, иллюзорное завоевание власти, т. е. получение этой власти пролетариатом *до* революции, а не действительное завоевание политической власти *путем* революции.

Международное положение обострено до чрезвычайности, клубок противоречий капиталистического общества все больше запутывается, обострение классовых противоречий растет. Соц.-дем. — по мнению Каутского — должна произвести чистку в собственных рядах, она должна освободиться от мелкобуржазных элементов, она должна с большей резкостью, чем когда бы то ни было, выступить против политики блоков и соглашений с буржуазией теперь, когда характеристика буржуазии, как «сплошной реакционной массы» находит себе действительное подтверждение.

Современные научные социалисты тем и отличаются от социалистов-утопистов, что они не ждут социализма от мирного «врастания», без политической борьбы. Они знают, что действительный путь к освобождению человечества, к социализму, — только один: это — путь завоевания политической власти пролетариатом, это диктатура пролетариата.

[Г. Зиновьев.]

«реальными» результатами и с наибольшими результатами для прояснения классового сознания пролетариата могут выполнять именно те с.-д., которые не утопают в крохоборчестве, которые и всякую мелкую «положительную» работу рассматривают под углом широких задач борьбы за социальную революцию. Рассматривая современную эпоху как «затишье перед бурей», Каутский тем не менее зовет рабочих с.-д. к самому энергичному участию в «положительной», будничной работе.

Труда, тем не менее они являются в ней хозяевами. Их антимилитаристические и антипарламентаристические заявления, их теории непосредственного действия, саботажа, «революционной гимнастики» превратили Конфедерацию в пугало для широких масс пролетариата, которые за действия и выходки, являющиеся делом рук лишь горсти фанатиков, делают ответственным само учреждение и сторонятся его. Тем сильнее это чувство у некоторых почтовых служащих, и так мало симпатизирующих Всеобщей Конф. Труда. Тактично ли было в момент, когда для удачного исхода стачки более всего нужны были согласованность и единение, предпринимать шаг, который должен был встревожить многих из почтовых служащих и возбудить их неудовольствие? Тем не менее парижские почтовые служащие, по настоянию нескольких синдикалистов, по обыкновению, полезших в воду, не спросясь броду, сделали этот шаг. Они заявили о преобразовании «Союза» в синдикат, продолжая в то же время оставаться «Союзом». Чисто платоническая, но тем не менее, опасная манифестация.

Итак, благодаря всем этим обстоятельствам, стачка началась при самых неблагоприятных условиях. Многие из служащих, истратив весь свой запас энергии во время первой стачки, оставались инертными; о другой стороны, многие, запуганные репрессиями правительства, массами увольнявшего стачечников, не присоединились к движению. Но самой главной причиной поражения было отпадение всего центрального телеграфа Парижа, который во время первой стачки вел себя образцово.

Руководители стачки, видя, что победа ускользает и, понимая, что почтовые служащие недостаточно организованы и недостаточно сознательны, чтобы быть предоставленным самим себе, обратились с призывом к другим корпорациям. Благодаря простому совпадению, в Париже в этот момент происходил конгресс железнодорожных служащих, являющихся одной из главных синдикальных организаций Франции. Был возбужден вопрос о всеобщей жел.-дор. забастовке и ее вотировали бы (но не привели в исполнение) под влиянием чувства энтузиазма, если бы главный секретарь синдиката, гражданин Герард (Guérard) не потребовал бы закрытия дверей для обсуждения вопроса и напоминания об уроках последней всеобщей железнодорожной забастовки. Мы должны заявить, что не знаем, что говорилось в этом закрытом заседании, но мы знаем, что представляла собой эта забастовка, бывшая несколько лет тому назад и явившаяся плачевным бедствием для рабочего класса. Провозглашена она была в минуту безумного энтузиазма собранием, как бы охваченным бредом, а когда наступил момент привести ее в исполнение, не нашлось для этого никого. Глава движения должен был капитулировать в виду такого поражения, и некоторые участники, оставшиеся верными до конца, помнят тяжелую сцену, когда в громадной почти пустой зале главный секретарь, подавленный тяжестью непоправимого поражения, заявил: Мы побеждены! и в речи, полной захватывающего волнения, говорил об ошибочности и безумии тактики, демонстрирующей бессилие. Синдикат, благодаря этой авантюре, потерял половину своего наличного состава, который восстановлен теперь после долгих лет усилий, и после продолжительного периода бессилия, но зато он вынес из этого поражения более правильное представление о синдикальном движении и о границах тех усилий, которые можно требовать от рабочего класса. Вот о чем, без сомнения, напомнил Герард Парижскому конгрессу в закрытом заседании, так как он и был тем самым секретарем, который несколько лет тому назад, в тот памятный день полной неудачи, должен был констатировать поражение. Референдум, который решено было произвести, но мог закончиться всеобщей забастовкой, когда на одном из митингов почтово-служащих Герард заявил, что союзный комитет жел.-дор. служащих, не дожидаясь результатов референдума, обсудит возможность немедленной всеобщей забастовки, это был не более, как педагогический прием, имевший целью придать мужество ослабевшей энергии почтовых служащих, повлиять на настроение не примкнувших к почтовой забастовке и напугать правительство, но никто из тех, кто знаком с современным состоянием рабочего движения, ни на минуту не мог усомниться в действительном значении этого заявления.

Обратившись с призывом к жел.-дорожникам, почтовые служащие обратились одновременно с воззванием и ко всему рабочему классу, организованному во Всеобщую Конфедерацию Труда. Это обращение являлось одновременно и признанием своего поражения, и отклонением от пути чисто проф. требований, по руслу которого шла до того времени забастовка, и вступлением на путь революционный.

На этот путь стачечники возлагали все свои великие надежды, но вместе с тем и страшились его больше всего. Они чувствовали, что для них не остается ничего более, как броситься в неизвестное, связанное с этой агитацией, но, бросаясь в это неизвестное, они готовы были уже втихомолку отойти. Кто знает психологию толпы и присутствовал на митинге, на котором был решен этот шаг, тот чувствовал какое-то тайное беспокойство в энтузиазме этой толпы, возбужденной до крайней степени ясным сознанием своего поражения и настроение которой искусственно подогревалось зажигательными речами синдикалистов, обещавших поддержку, оказать которую на деле они были не в состоянии. Лучшим доказательством этого служит то, что число стачечников продолжало уменьшаться беспрерывно и, когда Всеоб. Конф. Труда объявила всеобщую стачку, она делала это, чтобы поддержать забастовку, в которой не было уже забастовщиков.

Всеобщая забастовка потерпела самое жалкое поражение. Иначе и быть не могло при данном состоянии организации рабочего класса во Франции. Во всем Париже не набралось и двух тысяч стачечников. Надо думать, что эта всеобщая забастовка означает конец знаменитой революционной гимнастики, столь милой сердцу анархо-синдикалистов, конец их тактики и их методов действия. Отныне будут начинать с начала: прежде сорганизуются, а потом станут действовать.

С точки зрения политической данная ситуация чревата столь же важными последствиями. Мы уже отметили важность того факта, что часть чиновников, служащих по найму у правительства, вступила в подобного рода движение. Еще важнее, что стачечники пользовались не только сочувствием почтовых служащих, не примкнувших к стачке из страха, но и всей массы чиновничества. Поражение оставило в душе всех озлобление, тяжесть которого испытает на себе радикальная партия во время ближайших выборов, партия же социалистическая только выиграет. Радикалы вызвали во Франции всеобщее недовольство. Весьма возможно, что последует окончательный разгром партии. Ничего не будет удивительного, если предстоящие французские выборы ознаменуют собою одну из самых блестящих побед международного социализма.

Шарль-Дюма.

ИЗ ПАРТИИ.

Из жизни Бунда.

Первое, что бросается в глаза в районе деятельности Бунда, это — движение в пользу восстановления организации. Движение это, начавшееся еще в прошлом году, особенно усилилось к весне настоящего 1909 года.

В целом ряде городов — Двинске, Минске, Могилеве, Гродне, Бобруйске, Пинске, Бресте, Одессе, Риге и т. д., рабочие, почти везде без всякого содействия со стороны интеллигенции, устраивает собрания для обсуждения вопроса о постановке работы, восстановляют организации, организуют профессиональные комиссии для руководства экономической борьбой. Некоторое оживление мы видим и в Польше: напр., в Варшаве возникает группа рабочих для распространения бундовской литературы. Наиболее активное участие в движении принимают не старые работники, а молодые, не пережившие разочарований. Почти везде, в руководящие учреждения на ряду с частью «старых» входят свежие молодые элементы.

Почти везде первоосновой работы является экономическая область. На почве этой борьбы в рабочих массах вновь начинает пробуждаться интерес к партии. В этом отношении особенно поучителен пример Двинска. Устраивая нелегальный союз спичечных рабочих, товарищи рассчитывали, что туда войдут максимум 100 чел. Вошли за ничтожными исключениями почти все рабочие этой отрасли (275 чел.).

На учредительном собрании нелегального союза столяров было 60 чел., у красильщиков 30 ч. Есть и союз рабочих по коже, который провел несколько мелких стачек. В бюро каждого союза входит представитель организации Бунда.

То же явление замечается и в других городах: почти всюду местные товарищи считают экономическую борьбу той почвой, на которой легче всего подойти к массам. И факты показывают, что массы в этой области не боятся нелегальности.

В Бобруйске удалось завязать связи с отдельными цехами, устроить бюро у портных, коробочников, столяров. У столяров проведена стачка 40 чел. (главное требование — переход от поштучной платы на недельную — удовлетворено).

Из Гомеля сообщают о делегатском собрании портных, обсуждавшем вопрос о готовящемся локауте и решившем приступить к организации нелегального союза (неоднократные попытки устроить

легальный до сих пор окончились неудачей) и сбору денег. Нелегальный союз руководил и борьбой локаутированных кожевников Сморгони. Нелегальная же организация стояла во главе локаутированных портных в Одессе. А теперь нелегальная организация щетинщиков руководит борьбой рабочих против локаута во всей щетинной промышленности нашего края. В виду важности этой борьбы считаем необходимым сообщить о ней несколько деталей.

Всего бастует свыше 1000 чел. Главное требование фабрикантов — замена существующего уже 4 года 8-часового рабочего дня девяти и десятичасовым. Недавно состоялась конференция нелегального союза щетинщиков с участием двух представителей Ц. К. Бунда, решившая всеми силами отстаивать восьмичасовой рабочий день и выработавшая ряд мер для организации планомерного сопротивления. Настроение рабочих боевое. Отцы заявляют, что, пока у них будет хоть корка сухого хлеба, они не сдадутся.

Ц. К. Б. принят ряд мер для помощи бастующим: обратились и к проф. союзам Петербурга и Риги, выпущен отдельный циркуляр к организациям.

Констатируются некоторые признаки пробуждения интереса и к политическим вопросам, но крайней мере в некоторых слоях рабочих: напр., в Бобруйске рабочие буквально рвутся в устроенные организацией дискуссионные кружки. В Пинске в начале мая устроено было нелегальное собрание в 35 человек, где дискутировали на политические темы. По словам товарища, руководившего этим собранием, дискуссия обнаружила наличность живого интереса к общественным вопросам и довольно интенсивной работы мысли.

Оживление внесли и отчеты о январской всероссийской конференции, прочитанные членами Ц. К. в целом ряде городов. Собрания, на которых читались отчеты, были немногочисленны 10 — 25 чел. Но ко всем вопросам конференции был проявлен большой интерес.

Замечается и интерес к деятельности с.-д. фракции. В некоторых городах вынесены рабочими собраниями резолюции о необходимости связаться непосредственно с фракцией. В Пинске принята резолюция, выражающая пожелание, чтоб фракция издавала свой орган и вносила в Думу законопроекты по рабочему вопросу, не считаясь с приемлемостью их для третьей Думы.

Особое оживление внес нелегальный орган Ц. К. Бунда — «Ди штиме фун Бунд» («Голос Бунда»). Известие о том, что Ц. К. решил издавать орган, было встречено с большой радостью. Призыв Ц. К. о денежной помощи на издание органа встретил отклик и со стороны отдельных товарищей. Появление № вызвало энтузиазм. Отовсюду пишут, что спрос на него был очень велик. В ряде городов были проведены дискуссии на затронутые в органе темы. Выхода второго № ждут с нетерпением.

Усиление интереса к партии находит себе выражение в том, что из местных организаций в кассу Ц. К. начинают притекать некоторые денежные средства.

Кое-где возобновилось и издание прокламаций (Лодзь, Двинск). Некоторые организации переиздали листок Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. об анкете [6].

Первое мая (н. с.) в этом году выпало на субботу, когда еврейские рабочие и так не работают. По полученным пока сведениям кое-где были проведены собрания. В Бобруйске проведено собрание в 65 чел.; выступало несколько ораторов, принята резолюция об отчислении однодневного заработка в пользу Ц. К. Из Ковно пишут, что на бирже было в этот день весьма оживленно. Всюду была распространена прокламация Ц. К. Бунда (20 000 экз.). Затем было выпущено 2-ое издание (число экземпляров неизвестно). Одесский комитет переиздал ее на русском языке (2 000 экз.). Надо отметить, что по полученным сведениям почти все количество первомайских прокламаций распространено без жертв.

В заключение несколько слов о попытках использовать наличные легальные возможности. Кое-что в этом смысле удается делать в двух-трех рабочих вечерних школах, в которых преподавание оказывается возможным вести на еврейском языке (вообще этот язык не допускается). Под влиянием же бундовцев находятся и некоторые так наз. художественные кружки и другие просветительные общества. Вообще же надо сказать, что в этом отношении сделано пока еще мало: мешают главным образом полицейские репрессии, почти полное запрещение употребления еврейского языка, недостаток интеллигентских сил.

На одном из последних заседаний Ц. К. (сужен. состава) группа тов., издающих газету «Правда», утверждена в качестве партийной издательской группы.

* * *

В № 14 газеты «Гол. Соц.-Демокр.» напечатано следующее «Письмо в редакцию»:

«Дорогие товарищи!

Не откажите напечатать в ближайшем номере вашего издания это мое заявление, которым я хочу довести до сведения читателей, что: 1) я теперь *формально* выхожу из вашей редакционной коллегии, и 2) *фактически* не принимал участия в ее работах уже с декабря 1908 года.

Готовый к услугам *Г. Плеханов.*

Женева, 29 мая (нов. ст.) 1909 г.»

Редакционная коллегия «Г. С.-Д.» была утверждена Ц. К. в правах партийной группы в составе 5 товарищей, в том числе тов. Плеханов.

ХРОНИКА.

ПЕТЕРБУРГ. В тяжелом положении находится в настоящий момент некогда блестящая СПБ. организация. Начиная с 1907 года, дела шли все ниже и ниже под гору, то временно поправляясь, то вновь ухудшаясь. Достопамятная кампания «отзовизма» принесла организации огромный вред. Все время ведении этой «кампании» шел какой-то нелепый сумбур. Вся партийная организационная работа была заброшена... Везде только и делали, что дискутировали, притом в узких кружках специально подобранных людей. После Общерос. конфер. пошли доклады и опять дискуссии.., дискуссии без конца. К марту месяцу понемногу, наконец, все успокоилось. Руководство работой после провалов взяла на себя Врем. Исп. Ком. Не многое ей досталось в наследие от отзовистских кампаний! Организация была страшно подорвана. Всюду нелепые слухи о «провокациях». Чуть не ежедневно указывались признаки провокации; назывались имена. Дезорганизация была почти полная. В силу необходимости часть старых местных работников принуждена была временно устраниться впредь до реабилитации. Постановлением В. И. К. было рекомендовано товарищам привлекать всякого распускающего неосновательные и непроверенные слухи о провокации к партийному суду. Теперь кошмар этот, наконец, прошел.

Отзовизм потерпел крушение, и отдельные лица из этого течения пока мирно принялись за организационную работу в районах. Понемногу стали стихать и слухи о провокации и Вр. Ис. Ком. могла приняться за восстановление организации. Задача была не из легких. В некоторых районах дела стояли из рук вон плохо. Имеющиеся кружки некому вести. Интеллигентных сил нет. Во всей Петербургской организации не насчитывалось десятка самостоятельных работников. Организаторам приходилось, кроме общегородской работы, работать одновременно еще и в двух районах и проф. союзе. Конечно, при такой разбросанности и недостатке сил поставить серьезно организацию было чрезвычайно трудно. Между тем проф. союзы тоже требовали от партии руководителей, а взять таковых было неоткуда. Положение отчаянное. При таких условиях была проведена кампания протеста против смертной казни. Вр. Ис. Ком. выпустила и провела в партийных и беспартийных рабочих организациях тезисы о смертной казни, указывавшие на односторонность либеральных «протестов» и развивавшие взгляд революционной соц.-дем. на характер реакции вообще и на смертную казнь в частности.

Майская кампания велась при невероят. тяжелых услов. Листки провалились и не было положительно никакой возможности выпустить другие. Пришлось ограничиться выпуском листка на мимиографе, который печатался от имени И. К. в районных техниках. К счастью, мимиографы имеются почти во всех районах. Свирепство охранки перед маем припяло невиданные размеры. Все революционные

организации, кроме нашей, давно уже не существуют. Те силы охранки, которые раньше распределялись на с.-р., мак-тов, махаевцев и анарх-ов, теперь сосредоточены лишь на нас. Майская забостовка не удалась, бастовало несколько небольших фабрик и типографий. Митингов и массовок почти не было.

В общем жизнь требует коренного изменения как способов, так и характера работы. Нужно отрешиться от многих предрассудков и приспособиться к вполне подпольному существованию и использованию легальных возможностей. Быстро мелькнувшие «дни свобод» очень скоро приучили нас к легальным условиям работы, и, конечно, партия, достигшая за это время колоссальных размеров, с трудом приспособлялась к репрессиям и переходу на старое положение.

Организация ячеек везде, где есть связи, хотя бы на самом мелком предприятии, — требует большого количества партийных работников, — чего в настоящее время нет. Организационной задачей настоящего момента является — укрепиться наивозможно солиднее на крупных предприятиях. Конечно, из этого вовсе не следует, что нужно прекратить всякую работу в мелких предприятиях; наоборот, там, где есть на мелких предприятиях отдельные связи, их следует соединить в общую группу.

Руководящие партийные ячейки (комитет и т. п.) должны быть не громоздки, иначе они — не работоспособны.

Характер работы — пропаганда, вплоть до кружков высшего типа (школ), работа в легальных пролетарских организациях, политическое и социалистическое воспитание масс — все требует много сил, высокого уровня партийных работников, литературы, правильного получения и распространения партийной прессы, ее удобочитаемости. По всем этим пунктам дело пока обстоит из рук вон плохо.

Работников нет; остро ощущается недостаток в солидных пропагандистах, нет сил охватить те кружки, которые существуют, а между прочим рабочие так охотно идут в кружки. И необходимо отметить: к нам идут не только бывшие, в нашей партии раньше. Идут новые элементы. В Питере безусловно заметна обратная тяга к с.-д. от с.-ров, максималистов, чистых профессионалистов и т. п. Это — знамение времени. Его безусловно надо учесть. Легальные и полулегальные пролетарские организации требуют партийных руководителей, лекторов, а партийная организация должна отмалчиваться на эти требования, или отделываться неопределенными обещаниями.

Остро стоящий «финансовый вопрос» создает большие затруднения для приобретения и распространения нужной литературы. Партийная пресса получается в столь незначительном количестве, что часто не достигает до руководящих партийных ячеек, плохо отвечает на необходимые назревшие вопросы, или отвечает слишком поздно. Статьи по своей тяжеловесности далеко не всегда доступны рабочим. А при настоящем положении дел и полном отсутствии интеллигенции, главные кадры партийн. работников должны состоять и отчасти состоят уже из рабочих.

Определенно чувствуется необходимость создания местной газеты; но тут опять большое затруднение с финансовой стороны.

Просветительные об-ва, даже находящиеся в руках партийных рабочих или сочувствующих партии, за отсутствием партийных лекторов, принуждены приглашать ренизновистов, народников и т. п., вплоть до кадетов.

Положение пока не из блестящих: хотя в Питере и сейчас есть не одна тысяча рабочих соц.-демократов, хотя престиж соц.-демократии попрежнему чрезвычайно высок среди самых широких слоев рабочих, — организации до сих пор не могла настолько приспособиться к новой полосе контр-революции, чтобы организационно включить в свои руки хотя бы сколько-нибудь широкие слои рабочих соц.-демократов. Последняя задача стоит перед нами во всей своей силе.

Профессиональное движение в Москве.

В начале 1907 г. насчитывалось до 35 союзов, теперь их не больше 20-ти. Состояние союзов хорошо иллюстрируют следующие собранные нами данные:

Профессия	Число членов, исправн. платящ.		Средства союз. в руб.		Всех рабоч.
	В начале 1907 г.	В начале 1909 г.	В начале 1907 г.	В начале 1909 г.	Занят. в производстве.
Сапожники	785	60	200	45	10 000
Кошельевщики	249	280	150	120	500
Деревообделочн.	1 500	180	1 700	420	12 600
Портные	2 489	414	1 200	300	30 000
Чаеразвесочники (нелегальн.)	800	140	3 000	600	—
Официанты	2 618	1 000	18 000	10 000	20 000
Типографщики	7 000	500	7 100	49 493	14 000
Кожевенники	1 200	120	1 500	500	8 000
Повара	1 000	1 664	6 000	3 000	—
Текстильщ.	4 000	168	2 000	1 200	30 000
1-е Об-во Торг. Служащ.	400	500	550	12 000	40 000
Благор. метал.	1 296	150	645	200	7 000

Из 12 союзов только в союзах поваров, торговых служащих и кошельев. увеличивается число членов и это благодаря тому, что к 1-му О-ву Торг. Служ. присоединились мелкие О-ва взаимопомощи приказчиков, готовой обуви, счетов одов,в книжников и т. п.; кошельевщиков Москве насчитывается не более 500 ч. и в их производстве не заметен застой, напр. потребление ремней (поясов) настолько увеличилось за последние годы, что все мастерские завалены заказами; что же касается поваров, то в их союзе организованы повара более обеспеченные, ресторанов 1 и 2 разряд., куда последние не членов союза не допускают, 3-ий же разряд не поддается организации; в остальных же союзах заметны как убыль членов, так и уменьшение средств. И это весьма понятно. Во всех отраслях производства небывалый кризис и безработица. Работа во многих фабриках и заводах производится в неделю только 4 дня. Сравнительно с 1906 г. заработная плата упала почти везде на 20% — 50%, рабочий день удлинен. Вводятся штрафы и увольнения из-за пустяков. Месячных рабочих переводят на поштучную плату и т. д. Если ко всему этому прибавить борьбу с профес. рабочими союзами хорошо организованных союзов предпринимателей, число которых все больше и больше увеличивается, и полицейские репрессии, которые стремятся свести проф. борьбу рабочего класса к простой взаимопомощи, то нет ничего удивительного, что союзы рабочих переживают такой кризис.

Все эти условия вызывают индифферентное отношение широких рабочих масс к профес. союзам; огромное большинство более или менее сознательных рабочих, входящих в проф. союзы, высказывается теперь за полное единение проф. и политического движения рабочего класса. Но совершенно другой урок получили тов. м-ки в в особенности правое крыло меньшевизма — ликвидаторы. Ни наступательная, ни оборонительная борьба «в ближайшее время» не разрешается ими рабочему классу: от первой советуют ему отказаться, а для второй «готовиться». Рабочие понимают, что это не есть разрешение задач обостренной классовой борьбы пролетарита в проф. союзах, а отказ от разрешения так остро поставленного жизнью вопроса. Такая постановка вопроса равна сведению задач клас. борьбы к разговорам о взаимопомощи и культурно-просветительной деятельности. Да, очень плохими учениками жизни оказались тов. м-ки... Они, вместо того, чтобы притти к тем же выводам, к каким пришли рабочие, — объективно навязывают профес. союзам отказ от

классовой борьбы в настоящий момент. Мы не говорим, что в настоящее время наступательная экономическая борьба может иметь крупный непосредственный успех, но и не стоим за то, чтобы сложить «на некоторое время» оружие. Наступательная борьба при существующем положении вещей возможна только в очень немног. отдельных местностях и в отдельных отраслях промышленности и то только при условии тесной связи союзов с партией, при создании широких проф. организаций и изучении конкретных условий промышленности, в которой ожидается борьба рабочих с предпринимателем, — и подготовке этой борьбы, созданию этих условий надо уделить все силы; нас спросят: «а пока что?» — А пока наша задача — не откладывать оборонительную борьбу и проводить ее по мере возможности там, где условия позволяют. Всеми признано, что в общем и целом русская промышленность переживает большой кризис, но это еще не дает нам права утверждать, что в некоторых отдельных отраслях по разным причинам не может быть временного подъема. Для иллюстрации приведем тех же самых кошельевщиков, которые завалены заказами, или кожевенное производство Тилля, которое берет заказы военного ведомства, причем в некотор. отделениях длится работа до 10 — 11 час. вечера. Возможна ли и таких препятиях борьба? Нам кажется, что возможна, следовательно, мы не должны отказываться от борьбы, а очень осторожно и обдуманно, учтя все условия, обороняться от наступления капитала и тем *на деле* готовиться для наступательной борьбы.

Что же касается вопросов рабочего законодательства, то все мы считаем своей задачей выясвять пролетарским массам цель и значение выдвинутых нашей фракцией или правительством законопроектов по рабочему вопросу. Вопрос в том, как их выяснять? Тов. меньшевики и в этом случае оказались не на высоте положения. Они, на место программной критики и противопоставления правительственным законопроектам программы-минимум с.-д. партии, часто ставят вопрос по-крохоборчески и все современные «реформы сверху» рассматривают вне сколько-нибудь широкой перспективы. А с другой стороны, некоторые задачи, ограниченные легальные возможности м-ками до чрезвычайности раздуваются. Взять хотя бы так наз. смешанные комиссии, имеющие несомненно известное скромное значение в работе среди торгово-промышленного пролетариата. М-ки до того преувеличивают их значение, до того возводят их перед рабочими в перл создания, что в результате вызывают невольную реакцию равнодушия, и рабочие отворачиваются совсем от этого маленького, но нужного дела.

Казалось бы урок начала 1907 г. был достаточен для того, чтобы навсегда отказаться от преувеличенных надежд на «реальные» результаты смешанных комиссий, где капитал представлен вдвое больше, чем рабочие, где практикуется постоянное давление сверху. Но т. т. м-ки с этим опытом не считаются и продолжают размалевывать блага смешанных комиссий. Масса в недоумении, ибо никаких т. н. реальных результатов не видит. Сапожн. и кошельевщ. приняли резолюцию, вводящую агитацию за смеш. ком. в должные рамки и борющуюся против вредных преувеличений. Только часть торговых служащих разделяет вполне точку зрения м-ков на этот счет.

За последнее время в союзах явно сформировались два течения: одно — беречь союз во что бы то ни стало, другое — не отказываться от классовой политики в союзах, хоть даже оно приведет к закрытию. Первое течение преобладает в 5-ти союзах, а остальные союзы стоят на точке зрения второго течения. По этому вопросу был устроен ряд дискуссий, с помощью которых многие рабочие, примыкавшие к первому течению, выяснили себе всю несостоятельность лозунга «беречь» во что бы то ни стало, даже с точки зрения простого сохранения союзов. Рабочие из практики знают хорошо, что союзы, стремящиеся только «беречь» себя, умирают медленной и недостойной пролетарской организации смертью, поэтому стали отворачиваться от подобных лозунгов.

Господа московские ликвидаторы за последнее время усиленно лезут в союзы. Они надеялись с помощью профес. союзов втихомолку укрепить свою позицию в глазах масс. Они устраивали для союзов лекции о «Синей птице», доставали для рабочих дешевые билеты в Художественный театр, обучали рабочих грамоте и т. д., но ни единым словом не упоминали сами о своей политической физиономии. Когда, наконец, по настоянию партийных тов. удалось их в некоторых союзах вызвать на дискуссию и выяснить их ликвидаторскую физиономию, рабочие двух союзов отказались от каких бы то ни было их услуг.

Контрабандным путем они ведут еще работу в двух союзах и в двух кооперативах, и то лишь благодаря помощи партийных м-ков. По поводу ликвидаторской деятельности правого крыла меньшевизма союзами вынесен ряд резолюций (за резолюции голосовали и непартийные рабочие), в которых рабочие призываются бороться со всякого рода такими попытками. Соц.-дем. традиции настолько глубоко вкоренились в пролетарских массах, что не под силу ликвидаторам, этим мародерам русской революции, вытравить их.

Из Московской Окружной Организации.

С Николаевской жел. дороги.

Николаевский район имеет четыре фабричных пункта. 1) Близь ст. «Подсолнечная» (Ник. ж. д.) стеклянный завод и мануфактурная фабрика. Всего рабочих около 700. 2) В городе Клину — стеклянный завод, шелковая фабрика и кондитерская фабрика. 3) Недалеко от Клина — «Высоковская мануфактура» с 6 000 рабочих и 4) Близь станции «Завидово» (Ник. ж. д.) ковровая фабрика. С первым пунктом установить связи до сих пор не удалось; с наступлением весны есть надежды найти связи. В остальных трех пунктах существуют правильные организации — подрайоны. Количественно организации небольшие, но зимой не было возможности увеличивать их, т. к. для большой организации понадобились бы большие квартиры для собраний, а их находить очень трудно. С наступлением лета организации предполагается расширить. Собрания можно будет устраивать на открытом воздухе, как делалось всегда и раньше; что же касается рабочих, то в организацию они стали опять итти с большой охотой, т. к. они оправились от апатии и среди них заметно оживление интереса к судьбе партии. Чувствуется большая потребность в рабочей газете. После «Рабочего Знамени» литературы в районе никакой не поступало. Получены только два номера «Социал-демократа», этого, конечно, очень недостаточно. У рабочих есть большое желание поставить местную технику, но отсутствие средств не позволяет этого сделать в скором времени. Вообще — отсутствие средств есть главное препятствие к расширению работы. Будь в нашем распоряжении регулярно пятнадцать или даже десять руб., работа пошла бы очень правильно и усиленным темпом.

В каждом подрайоне были устроены собрания, на которых обсуждался опросный листок о съезде, присланный Ц. К. вместе с «Извещением о конференции»... Рабоч. общепартийный съезд признается необходимым и чем скорее, тем лучше. Высказано было общее пожелание, чтобы съезд был устроен в наступающее лето. Что касается нормы выборов, то рабочие высказались в том смысле, что от трехсот организованных, партийных рабочих должен быть один делегат. Партийность рабочих определяется 1-м пунктом устава партии, по которому «членом Р. С.-Д. Р. П. считается всякий а) признающий программу партии, б) состоящий в организации и в) делающий взнос в размере 1% с заработка».

Тюмень. Наша организация переживает теперь кризис вследствие последних провалов. Расскажем в кратких чертах о ее недавнем прошлом и настоящем. Тюмень — небольшой город с слабо развитой промышленностью, крупных заводов нет, на 2-х—3-х более крупных заводах занято по 200 — 300 рабочих, на остальных предприятиях занято от 40 — 60 чел. Зимою здесь больше рабочих, т. е. производится сезонная работа на верфях: строятся и ремонтируются пароходы и баржи. Всех рабочих, кроме ремеслен. и торгов. служащих, летом насчитывается до 2 000 чел., а зимою до 3 000 чел. Планомерная соц.-дем. работа началась здесь с 1906 г.; устраивались массовки, летучки, выпускались листки, кроме того распространялись уральские издания. Расцвета своего организация достигла в 1907 г. Вес-

ной перед открытием навигации комитет организовал судоходную забастовку, которая охватила всех судовых рабочих. Были выставлены требования, из которых большая часть была удовлетворена. Вследствие арестов во время забастовки, организация была разрушена, осталась лишь небольшая группа, которая время от времени выпускала на гектографе листки. Удалось наладить технику, которая, однако, вследствие провокации квартиро-хозяина, провалилась; после провала техники и эта группа перестала функционировать. Так дело тянулось до 1908 г. В 1908 г. приехали новые тов., которые созвали общеорганизационное собрание, на котором присутствовало чел. 18 — 20. Все, в том числе и рабочие, высказались в том смысле, что повести работу шире не удастся, что масса-де разочаровалась и т. п., что технику невозможно ставить, в виду невозможности широкой работы. Пришли к заключению, что надо организовать будущих работников, выбрали комитет и на этом разошлись. Начали связываться с предприятиями, созвали собрание из нескольких рабочих, но разных предприятий. На собрании решили организовать рабочий коллектив, в который вошли бы представители от всех предприятий. На первом собрании ком. присутствовало 5-6 представителей, вернее рабочих, просто приглашенных организатором; решили, что хотя колл. будет беспартийным, но он признает руководство Тюмен. ком. р. с.-д. р. п. и что листки кол. будут выходить под заголовком р. с.-д. р. п. Время от времени колл. выпускал листки на гектографе, затем удалось поставить технику и листки выпускались как ком., так и колл. На все экономические злобы местной и общерос. жизни рабочих колл. реагировал листками, которые расходились по рукам. Связи расширялись, листки ком. и колл., освещая нужды рабочих и более выдающиеся политические события, будили серую массу, подготовляя почву для создания более сплоченной организации. Местная организация все более и более распространяла свое влияние, назрела потребность в органе, и Тюм. колл. и ком. выпустили свой орган «Тюмен. Рабоч.», который еще больше укрепил влияние организации и сосредоточил вокруг нее внимание рабочих. С выходом каждого номера приходилось увеличивать количество экз., выпуска каждого номера рабочие ждали с нетерпением. Все время летом собирался коллект., устраивались массовки и летучки, не функционировали только кружки, вследствие отсутствия опытного организатора, который мог бы их наладить. Ежемесячно устраивались организационные собрания. В октябре, с приездом нового организатора удалось наладить кружки. В короткое время начали правильно функционировать 8 кружков, в том числе один высшего типа, да еще 3 кружка, которые собирались время от времени. Ежедневно собирались то кружки, то собрания. На январской общегородской конфер. было представлено 120 чел., всех же членов насчитывалось 180 чел., из них свыше 80 чел. входили в кружки. По подсчету организация издала и распространила за 10 месяцев своей работы свыше 35 000 листк., брошюр и газет, которых вышло 5 номеров; газета обслуживала Вятку, Вологду, Екатеринб. и Тобольск. Печатались также листки для Екатеринб. За все время работы удалось подготовить почву для восприятия с.-д. идей, но местная рабочая масса не могла еще выдвинуть из своей среды партийных работников. Велась также работа среди солдат. Кроме партийной организации при рабоч. кол. была организована нелегальная касса взаимопомощи с забаст. фондом. Начиная с января, после провокации бывшего здесь «организатора» Александра Левченко, он же Артем, по Кременчугу «Сашка Маляр», начались обыски и аресты. Провалилась техника и в связи с ее провалом арестовано много лиц. После провала техники продолжали выходить листки на гектографе, но работа в кружках временно остановилась. На последней конференции, состоявшейся в конце марта, было представлено 75 челов., всех же членов орг. числ. 120 чел., все они не могли принять участия в выборах на конфер. по разным причинам.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В течение нескольких месяцев уже распространяются в партийных кругах на мой счет всякого рода нелепые слухи — о выходе из партии, об агитации против партии, даже об интригах против партии и т. п. В виду того, что, как это недавно мне стало известно, эти слухи фигурировали даже на последней партийной конференции, я считаю необходимым сделать следующее категорическое заявление:

1) Никому о своем выходе из партии я не заявлял. И если в последнее время я не участвую в нелегальной деятельности партии, то это никому не дает еще права выключать меня из рядов партии.

2) Никакой агитации против партии ни среди соц.-дем. депутатов, ни на рабочих собраниях я не вел и не веду.

Слухи же в этом смысле на мой счет порождены, повидимому, *совершенно частным* разговором моим с одним из товарищей, большевиком, в котором я чисто теоретически говорил о возможной роли соц.-дем. фракции в данный момент, *если бы в состав ее входили наиболее выдающиеся деятели партии.*

Череванин.

Печатая письмо тов. Череванина, заключающее в себе опровержение того, что он проповедывал ликвидацию организаций Р. С.-Д. Р. П. и выражая свое удовольствие по поводу того, что он нашел нужным сделать это опровержение, редакция «Соц.-Дем.» считает нужным отметить, что на общепартийной конференции речь шла не о каком-то частном разговоре тов. Череванина с каким-то большевиком о будущих судьбах Р. С.-Д. Р. П. Один из делегатов Петербурга в официальном докладе говорил о собрании рабочих меньшевиков, на котором т. Череванин излагал свое отрицательное отношение к Р. С.-Д. Р. П. и заявил, что восстановление и укрепление ее организ. и не нужно, и вредно для дела пролетариата. Имя т. Череванина упоминалось на конференции и по другому поводу. Говоря о ликвидаторских стремлениях в широком, идейном, а не только организационном смысле этого слова, один оратор употребил слово «череванинщина». На протест со стороны тов. меньшевика по этому поводу было констатировано на конференции, что по поводу русской революции т. Череванин проводил такие взгляды, что редакция «Гол. Соц.-Дем.» принуждена была отречься в немецкой партийной печати от солидарности с такими взглядами [6].

Нас просят сообщить: СПБ. группой Р. С.-Д. Р. П. была послана за границу явка приблизительно следующего содержания: «Податель сего, тов. *Алексей*, состоит активным членом петербургской группы Р. С.-Д. Р. П. Просим оказать полное доверие и содействие». Формат ее приблизительно два с половиной вершка в квадрате, и слева в углу печать выборгского района. Письмо, содержавшее в себе эту явку, было перехвачено на русской границе властями и, таким образом, явкой этой может воспользоваться агент полиции. Обращаем на это внимание партийных тов. в России и за границей.

P. S. Печатая настоящее письмо, ред. отмечает, что никакой утвержденной «СПБ. группы Р. С.-Д. Р. П.» в СПБ. нет. Там действует только одна партийная организация — СПБ. Комитет.

Через месяц будут закончены печатанием и поступят в продажу «Протоколы Лондонского Съезда» (около 25 печатн. листов). Цена 5 фр. По предварительной подписке 4 фр. Подписка принимается редакцией Центр. Органа до 10 июля.

От ред. За недостатком места откладываются до след. № корресп. Из Подольск. района Спилки, Кулебацкого горного завода, Москвы Феодосии и друг.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Ссылка на статью Каутского — «К юбилею центрального органа германской социал-демократии» в № 3 «Социалдемократа» ошибочна: статья помещена в № 4 «Социалдемократа».

[2] «Вехи» — сборник статей, вышел в Москве весной 1909 года. В него вошли статьи Струве, Булгакова, Бердяева, Франка и др., отразившие идеологию контрреволюционного либерализма. Бывшие псевдо-марксисты, скатившиеся после революции 1905 г. к монархизму, в своих статьях подвергли оплеванию революцию 1905 г., называли красное знамя красной тряпкой.

Реакционная пресса с восторгом встретила этот сборник. Выход его послужил поводом для усиления и для новой ожесточенной травли революции и революционеров (см. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 217 — 223).

[3] Umsturzvorlage — разрушительный план.

[4] Kommunale Praxis — Коммунальная практика.

[5] Анкета о предполагаемом съезде см. № 2 «Социалдемократа», наст. изд., стр. 38).

[6] В январе 1907 г. Н. Череванин выпустил брошюру «Пролетариат в революции» с развернутой платформой ликвидаторства. Он дал в ней такую откровенно ликвидаторскую оценку роли пролетариата в революции, что даже редакция ликвидаторского «Голоса Социал-Демократа» вынуждена была отказаться от солидарности с ним. Это отречение было напечатано в газете «Vorwärts» после того, как Роланд-Гольст (голландская социал-демократка из леворадикального крыла) в предисловии к немецкому изданию брошюры не удержалась от выражения своего протеста против искажения марксизма и подмены его ревизионизмом. См. статьи Ленина «Голос Социал-Демократа» и «Череванин» и «Ликвидация ликвидаторства» (Соч., т. XIV, стр. 209—210, 104—110).

Поместив разъяснение в «Vorwärts'е», «Голос Социал-Демократа» однако не сопроводил разъяснениями ошибок Череванина на страницах своей же газеты для русских читателей.

Цѣна 25 сант.
Prix 25 cent.

ПАРИЖ, Суббота 8/21 августа 1909 г. № 7—8

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

К СОБЫТИЯМ В ИСПАНИИ.

Революционная волна, подмывающая и разрушающая остатки феодализма в отсталых странах, докатилась и до Испании. Взрыва возмущения по поводу колониальной авантюры в Марокко было достаточно, чтобы движение быстро переросло рамки отдельных военных бунтов и вылилось в форму народного восстания против квази-конституционного деспотизма. И как всегда и всюду в наше время, во главе движения пошел социалистический пролетариат и, как всегда и всюду, буржуазное правительство ответило беспощадным, чисто российским белым террором.

Интернациональное Социалистическое Бюро выпустило по поводу испанских событий манифест, из которого приводим следующие места:

«Колониальная политика капитализма снова породила прискорбные конфликты. В Марокко европейские солдаты дерутся с туземцами. В Испании рабочие восстали против войны, вся тяжесть которой падает на беднейшую часть населения.

Уже давно, впрочем, социалистические партии предвидели опасность положения, которое привело к нынешнему взрыву. 27 авг. 1907 г. интернациональный конгресс в Штутгарте единодушно вотировал резолюцию, разоблачающую мароккские предприятия Франции и Испании, источником которых служит финансовая спекуляция капитализма, и заклеймил постоянную практику буржуазии, проливающей кровь рабочих для своей выгоды. Этот же конгресс приглашал специально рабочих Франции и Испании энергично начать кампанию, чтобы остановить экспедиции в Марокко, которые угрожали и могут еще угрожать всей Европе самыми обширными конфликтами».

Отметив далее, какую широкую агитацию развили по этому поводу испанские социалисты, «Манифест» продолжает: «Вместо того, чтобы развить производительные силы Испании для того, чтобы удержать ужасную периодическую эмиграцию, на которую осуждены испанские пролетарии, вместо того, чтобы улучшить народное образование в тех слоях населения, где насчитывается 68% безграмотных; вместо того, чтобы уменьшать государственные налоги в стране, где бюджет культов поглощает более 50 млн. в год и где 60% государств. доходов идут на уплату договоров по воен. расходам, — правительство Мора продолжало, под эгидой интернациональной финансовой аристократии, политику авантюр, тем более удобную для него, что на пролетариате лежит вся денежная оплата и что он один расплачивается за нее своею кровью».

Указав затем, как все это неминуемо должно было привести и действительно привело к «мятежу почти стихийному», и как этот мятеж должен был «в стране паразитов — попов и монахов принять характер не только антикапиталистический и антимилитаристский, но и ясно выраженный антиклерикальный», Междун. Соц. Бюро приглашает все социалистические партии выразить солидарность борющемуся социалистическому пролетариату Испании. «Но наша солидарность не должна ограничиваться выражением на митингах наших чувств возмущения против палачей рабочего класса. Мужчины пали; женщины и дети убиты; жилища снесены пушечными ядрами. Наша моральная обязанность — притти на помощь жертвам и помочь нашим испанским товарищам расширить свое движение.

Для достижения этой цели, мы предлагаем вам создать фонд, суммы которого будут пересылаться в социалистическую рабочую партию Испании, которая и употребит их с наибольшей пользой для дела. Несколько времени тому назад наши друзья в Мадриде решили издавать ежедневную газету, чтобы лучше обеспечить пропаганду наших идей. Уже Бельгийская рабочая партия, памятуя о той денежной поддержке, которую оказала ей в ее начинаниях германская соц.-дем. партия, открыла подписку на эту цель. Мы надеемся, что этот пример найдет подражание. Мы сможем таким образом залечить несколько ран и мы дадим испанским социалистическим борцам оружие, необходимое им, чтобы еще более усилить их борьбу против капитализма».

Восстание в Испании в настоящий момент пока подавлено. Оно потоплено в крови наших испанских братьев-рабочих. Убитых, раненых, заточенных в тюрьмы — ужасающее количество. Выразим же свою солидарность с испанским пролетариатом, подавшим столь героический пример, и мы, пролетарии России! поддержим, как можем, побежденных победителей.

К итогам думской сессии.

В периодической печати еще и сейчас не закончено «подведение итогов» весенней сессии 3-ей Думы. Различные группы из контр-революционного думского большинства — со включением сюда, конечно, и партии «народной свободы» — спорят преимущественно о том, которой из них принадлежит большая заслуга в деле упрочения «обновленного» строя, иначе говоря — кто больше выслужился перед «обожаемым» монархом и Столыпиным, кто больше сделал в области *контр-революции*. Все эти группы в сущности довольны итогами «работы» контр-революционной Думы. Конечно, каждая из них с серьезнейшим видом доказывает, что только она может спасти Россию, каждая громит Думу за то, что не принята целиком тактика данной группы, каждая «от имени народа» выражает по этому поводу самое суровое неудовольствие прошлым и грозит всемирным потопом в будущем. Но в общем безусловно прав «Голос Москвы», который, подводя с своей стороны итоги сессии, говорит о «русском обществе» — т. е. именно об этих партиях контр-революционного большинства — что «улыбка играет на его устах»... Они довольны, все эти герои контр-революции и апостолы Романовской династии, — от Пуришкевича до Милюкова. Конечно, — всякий по своему. «Русское Знамя» находит, что «наличность в ней (в Г. Д.) безбожников, иноплеменников и иноверцев портит всю ее государственную работу». «Гол. Москвы» недоволен тем, что в Думе сидят и представители «чайных и харчевен». «Речь» жалуется на то, что кроме «ответственной оппозиции» и в самой Думе 3-го июня находятся люди, не видящие «ничего более подходящего, как борьбу с партией народной свободы». Каждая из этих групп «людей 3-го июня» недовольна друг другом, но больше всего все вместе недовольны «безбожниками» — социал-демократами. Взаимная грызня между этими состязающимися в законопослушности партиями часто достигала и в течение последней сессии высшей точки. И не мудрено: обуянные одним страхом — буржуазно-демократической революции пролетариата и

крестьянства, обязанные возможностью так или иначе хозяйничать в Гос. Думе одной дате — 3 июня, преследующие одну цель — доведение *контр*-революции до конца, — все эти партии расходятся в вопросе *о путях, о методах* достижения своей цели.

Чем, в самом деле, как не борьбой за различные методы контр-революции была вся взаимная борьба партий контрреволюционного большинства в течение всей истекшей сессии, — борьба острая, озлобленная, страстная, борьба за различные пути «успокоения» страны заполняет собою всю деятельность этих партий. Каждая из них предлагает свой метод, в соответствии с тем, что каждая из них представляет иной из господствующих классов или иные слои данного господствующего класса. Свалка реальных интересов, часто у этих групп взаимно противоречивых, при настоящей стадии развития класовой борьбы выражается в противопоставлении различных систем контр-революционной политики. Почти на каждый из крупных вопросов этой политики эти партии дают различные ответы, — различные и вместе с тем по существу родственные.

Встает, напр., вопрос об армии. Все черносотенно-октябристское-кадетское большинство, разумеется, единодушно расписывается в «преданности и уважении» этой «гордости России», все готовы взапуски поощрять русский милитаризм, все одинаково готовы «патриотически» целовать сапоги «героев» русской армии. Но одни (кадеты) *уже* поняли, что для того, чтобы армия могла успешно покорять «внутреннего» врага и давала надежды хотя бы в далеком будущем на некоторый прогресс в деле завоевания новых внешних рынков, необходима организация военного дела по образцу передовых европейских капиталистических стран. Они готовы «дать» (из *народного* кармана!) на армию и флот больше, нежели просят сами «заинтересованные ведомства», но — поставьте же дело так, чтобы в Японии «мы» не терпели поражений, чтобы мы могли тягаться со всякой «просвещенной» страной, чтобы мы вновь на деле стали «великой державой», т. е. чтобы наша «великодержавность» действительно стала фактом, а не один из сладких сновидений нашего г. П. Струве; поставьте дело так, чтобы в армию действительно не проникала «разрушительная» социалистическая пропаганда, чтобы не восставали в решительный момент целые эскадры, чтобы не приходилось бомбардировать свой собственный флот (как то было с черноморским флотом)! Для этого — не откажите оттеснить неспособных дворян белоручек от руководства армией, откажитесь от некоторых хотя бы пережитков старины и т. д. и т. п.! Делайте это не спеша, постепенно, мы подождем, мы готовы щадить вашу благородную приверженность к старине, мы проголосуем все требуемые вами кредиты, а вы выслушайте только наши смиренные «пожелания», ведь мы о вас же, о сохранении и упрочении монархии заботимся!..

Другие (октябристы) тоже уже отчасти поняли необходимость реформы армии. Им, однако, кажется, что предлагаемая кадетами «ломка» чересчур радикальна, что «опора государства» выполнит успешно свой «долг» (перед московскими фобрикантами и купечеством?) уже и в том случае, если реформа ограничится изъятием центральных функций из рук ничего не смыслящих в этом деле великих князей.

Третьи («правые») видят и в этом большую опасность. Им кажется, что лучшей гарантией благонадежности армии является именно сосредоточение этих функций в руках кровно связанных с монархией великих князей.

На фоне этих расхождений начинается великая «парламентская» битва, и при этом конкуренты, каждый по своему с полным основанием, считают, что именно тот, а не этот план ведет к действительному укреплению монархии и дает максимальные гарантии против народной революции.

Заходит ли речь о другом из «устоев» современного порядка — православной церкви, — мы видим то же. Кадетские ораторы также распростираются ниц перед институтом народного одурманивания, как черносотенные епископы и попы. Что этот институт дурмана необходим для поддержания монархии — в этом они нисколько не сомневаются, и именно поэтому они настаивают на возможно более *целесообразной* постановке дела. Надо, чтобы дурман вреподносился в надлежащей дозе, при надлежащей обстановочке, надлежаще обученными и приспособленными для сих дел людьми. Поэтому кадеты вместе с октябристами настаивают на «реформе», выдвигают ряд мер для поддержки «здоровых элементов православной церкви», как выражается «Голос Москвы». Они остаются *на одной почве* о явными черносотенцами, они спорят лишь о средствах, ибо «правым» предполагаемые «новшества» кажутся нецелесообразными, недостигающими цели и даже могущими ослабить контр-революцию в борьбе с народом.

Становится ли на очередь дня вопрос о шпионстве и провокаторстве (Азефовские прения) — статья не менее важная, чем православная церковь, — и все эти партии контр-революции опять-таки остаются на одной почве. Кадеты ни на минуту не сомневаются в пользе этого славного института, но... делайте же это, господа, умненько, устраивайтесь так, чтобы вас (или нас) не так часто ловили с поличным, чтобы разоблачения наших Азефов и Гартингов не наносили нам такого существенного коммерческого ущерба, и притом — нельзя ли вообще это как-нибудь «почище» устроить. Расхождение «ответственной оппозиции» о безответственной черной сотней в данном пункте заключается только в том, что последние — прямодушнее, что они и не пытаются отговариваться от полной своей ответственности за эти меры.

То же и в вопросах о тюрьмах и полиции. Кадеты дали согласие на все надлежащие ассигновки на эти «государственные учреждения». Нельзя ли устроиться только без нежелательных «злоупотреблений», т. е. без такого повального и наглого взяточничества в полицейских сферах, без такого — неудобного перед Европой — открыто разбойничьего сдирания кожи с заключенных в тюрьмах. Разногласия в среде думского большинства и тут, разумеется, отнюдь не принципиальные.

И даже при обсуждении бюджета — самый щекотливый момент для буржуазных парламентариев, ибо буржуазный избиратель тут-то и судит о достаточной деловитости и «серьезности» своего депутата, которому за это ведь и платится — даже при обсуждении бюджета среди главных групп контр-революционного думского большинства мы видели — за исключением отдельных моментов — только расхождения того же вышеочерченного масштаба. И здесь мы имели перед собой представителей различных слоев командующих классов, в политике *сходящихся* на очередной задаче — окончательной ликвидации ненавистной революции — спорящих лишь о частностях, деталях, юридических тонкостях и пр.

Нечего говорить о том, что, когда — наконец, после отчаянной волокиты, после всевозможных оттяжек — одним боком все же стал перед 3-ей Думой рабочий вопрос, — в ней нашлось огромное большинство, чтобы первый «рабочий» законопроект превратить в карикатуру и ухудшить его даже по сравнению с тем, что предложило правительство. И нечего добавлять, что наша «ответственная оппозиция» — кадеты — и здесь сделала все возможное, чтобы заслужить одобрение октябристов и обвинение в политическом лицемерии со стороны рабочих депутатов.

В области внешней политики группировка партий контрреволюционного большинства несколько иная только в том отношении, что господа кадеты стараются здесь во что бы то ни стало обменяться местами с черносотенцами и выказать еще больше «патриотического» пыла, чем эти последние. И — небезуспешно. В время «исторической» поездки депутатов в Англию и Францию лидеры кадет приобрели большие лавры по этой части. Примостившись на облучке победной колесницы Гучкова и Хомякова, господа кадеты своей ролью в этой поездке, своими ликованиями по поводу таких «национальных» торжеств, как открытие памятника Александру III или Полтавские торжества, своими восторженными взвизгиваниями по поводу поездки «конституционного» царя в Европу, кажется, уж всем, сомневавшимся на этот счет до сих пор, доказали, что к.-д. партия, несмотря на ее фразеологию, ничем существенным не отличается от простой монархической сволочи всех «цивилизованных» стран...

Бедная «ответственная оппозиция»! За все ее старания

ей платят, если не черной неблагодарностью, то во всяком случае не по заслугам. На каждое изредка бросаемое ласковое слово приходится по крайней мере десять пинков. Столыпинская газета «Россия», подводя итоги сессии, презрительно издевается над «делателями оппозиции», «тактикмейстерами» «истинно-законопослушными Маклаковыми» (Рос. №№ 1083, 84)*. Не в лучшем стиле — рядом с покровительственным трепанием по плечу: поправляетесь-мол, старайтесь дальше! — третируют их и октябристы. Столь «солидная» оппозиция, как кадетская, в оценке центрального органа октябристов, оказывается «легкомысленной». Всю заслугу «упрочения конституционного строя» этот орган приписывает «думскому центру», который еще к тому имеет то преимущество, что «никогда не стремился к расширению прав Думы» («Г. М.» 125). С якобы спокойной уверенностью говорят октябристы о том, что думский центр (т. е. октябристы) — этот «носитель коллективного разума (!) страны» — сам без помощи Милюковых добьется «постепенного осуществления» «серьезного конституционализма» и что из факта объединения с кадетами против правых для проведения законопроекта о старообрядцах кадетам не следует делать выводов на дальнейшее. А г. г. кадеты — у которых все подведение итогов сессии свелось к гаданию на кофейной гуще относительно того, что выйдет из новой перегруппировки**, как бы отбить Гучкова от лидера «упокойников» Балашева и т. д. — вынуждены были в «Речи» ответить октябристам на это комплиментом. «Дела» ваши лучше ваших «слов» — ответили кадеты своим патронам. И что старое вспоминать! Не пора ли забыть о наших старых прегрешениях — молит «Речь» — «разве не... Гучков стоял прежде за всеобщее избирательное право» («Речь» № 150). Но господа кадеты не унывают. «Мы все же имеем в Думе некоторое влияние» — пишет г. Милюков в своем отчете избирателям за последнюю сессию. Это влияние г. Милюков объясняет не только «специальными познаниями» к.-д. депутатов, но и... «нашим демократизмом»... Повествуя о деятельности главной думской комиссии — бюджетной — лидер к.-д. тает от умиления: «В бюджетной комиссии... и настроение очень дружное, и представители разных партий часто очень согласно голосуют и обсуждают вопросы». Конечно, г. Милюков не забывает, выступая перед демократическим избирателем — в его отчете перепечатаны доклады, сделанные им в собраниях избирателей Вас. Остр. и петербургских частей города Петербурга, — упомянуть и о «рабочих интересах» и «интересах всей русской демократии», защищаемых-де партией к.-д. (г. Милюков отстал бы от самого заурядного шулера либерализма, еслибы не сумел не только проситься в лакеи... то-бишь в «оппозицию Его Величества», но и втирать очки демократическому избирателю). Когда, однако, пришлось ответить на вопрос, как защищают г. г. кадеты интересы демократии, г. Милюкову ничего не осталось, как сказать: у нас есть манифест 17 октября, и «мы за эту бумагу держимся»...***

Так работали и так оценивают свою работу партии контр-революции. Одна только партия из имеющих в Думе свое представительство, партия пролетариата, остается на почве революции, и одной ей пришлось вести борьбу как против правительства, так и против всех этих партий.

* Вообще «итоги» «России» сводятся к отсутствию какого бы то ни было открытого мнения о работах Думы. На всякий случай господа из «России» оставляют себе свободные руки, прячась за фразу о том, что-де «впечатления современников являются материалом, во всех отношениях для историка безнадежным» («Рос.» № 1082).

** Для соц.-демократии такая перегруппировка не была неожиданностью. Наша партия еще на ноябрьской конференции 1907 года, тотчас же после выборов в III Думу, высказала то мнение, что правительство будет в Думе опираться на два большинства: октябристско-черносотенное и октябристско-кадетское, прибегая по мере надобности то к тому, то к другому. Для конференции также осталось вне сомнения, что *оба* эти большинства — контр-революционны.

*** См. недавно вышедшую брошюру г. Милюкова: «3-ья Гос. Дума и деятельность в ней фракции Народн. Своб., стр. 6, 7, 20, 18, 82.

Партия пролетариата никогда не возлагала надежд на то, что сама Госуд. Дума может разрешить стоящие перед страной коренные вопросы, что сама Дума может удовлетворить насущные нужды рабочего класса и революционного крестьянства. Ничего неожиданного в «работе» III Думы для с.-д. партии нет. И именно поэтому партия отвергает урезанный лозунг: «долой Думу», который может быть понятен только как оборотная сторона конституционных иллюзий, былых несбыточных надежд на то, что «вот приедет Дума», Дума удовлетворит наши нужды. Партия всей своей работой агитации и пропаганды — между прочим, и с думской трибуны — стремится привести *массы* к тому, чтобы они провозгласили и делом поддержали лозунг: *«долой самодержавие*, долой Думу», партия пропагандирует лозунг демократической республики и, в виду всего этого, отстаивает старую формулу во всей ее полноте и в ее развернутом виде. С.-дем. партия остается и в III Думе, чтобы и оттуда вести свою революционную и социалистическую агитацию. И она, подводя итоги последней сессии, может с полным правом констатировать, что и на этом посту один из ее отрядов кое-что сделал для выполнения задачи с.-д. просвещения масс. Несмотря на самые неблагоприятные условия работы, наша думская фракция по признанию всей партии сделала шаг вперед по сравнению с прошлым.

Ее травили все партии большинства (в том числе и «ответственная оппозиция»), ее за последнее время — с того момента, как она начала сколько-нибудь решительно выступать и против либералов — преследовала вся т. н. «прогрессивная» печать, на нее обрушивалось при всех удобных случаях правительство. Внимание со стороны правительства стоило уже нашей фракции одного депутата (тов. Косоротова) и кто знает — если рабочие России не свяжутся теснее со своими депутатами — не попытаются ли дальше наши доморощенные Бисмарки повторить попытку (неудачную) подлинного Бисмарка во время исключит. закона о социалистах изъять неугодных с.-д. депутатов путем простой административной высылки, или за «ungebührende Reden» («неподобающие речи») в самом парламенте...

Партия на своей последней конференции указала фракции на 3 главных недостатка ее прошлой деятельности: отсутствие широкой, доступной массам, проповеди социализма и революции и склонность к методу так-называемой «положительной работы», отсутствие борьбы против буржуазного либерализма, отсутствие внедумской работы в тех формах и размерах, какие сейчас доступны. Во всех этих трех областях фракцией за последнюю сессию кое-что — далеко не все и далеко не так хорошо, как это необходимо, — все же сделано. Фракция начала переходить к *агитационному* методу работы. Чисто социалистические речи во время обсуждения бюджета, рабочего вопроса, вопроса о религии, о проституции и пр. и пр. должны рассматриваться, только как начало в первой области. Выступления против к.-д. (в вопросе о первом «рабочем» законопроекте, — *против* которого фракция голосовала совершенно правильно, в — вопросе о бюджете, о старообрядцах и пр.) чересчур недостаточны. В этой области требования партии еще не выполнены в сколько-нибудь удовлетворительной степени. В своем отчете за *зимнюю* сессию (отчет этот был напечатан частью в некоторых провинциальных легальных газетах, но вообще получил очень небольшое распространение) с.-д. фракция констатировала у к.-д. «крен налево». Такая ошибочная оценка к.-д. не могла не влиять на тактику фракции. Ц. О. нашей партии (см. «С.-Д.» № 2) тогда же указал на эту ошибку фракции. Поведение к.-д. за нынешнюю сессию, как в Думе, так и вне Думы, можно быть уверенным, уж никому не даст возможности предположить у них «крен налево», и это должно придать тактике с.-д. фракции и отношению к ним должную выпрямленность.

В области «внедумских» выступлений необходимо отметить присутствие делегатов фракции на съезде фабрично-заводских врачей, на фельдшерском съезде и т. д. Надо ни в каком случае не пропускать хотя бы таких внедумских возможностей. Надо всеми силами добиваться тесной связи с партийными организациями, на которой

справедливо настаивают все товарищи без различия направлений.

С сожалением приходится констатировать, что фракция и до сих пор не сделала всего возможного, чтобы выступить с подробным письменным отчетом избирателям и социал-демократическим организациям. Это насущное дело должно быть во что бы то ни стало выполнено. А равно фракция должна непременно принять участие в избирательной кампании в С.-ПБ., если удастся — выступить со своим избирательным воззванием (как всегда делала немец. с.-д. фракция во врем. исключит. закона) и т. д. Запросы нашей фракции о гонениях против первомайского пролетарского праздника, о положении политических заключенных в тюрьмах, о провокации, о полковнике Ляхове (повторен нашими товарищами на последнем заседании Думы, перед роспуском), энергичная борьба при обсуждении «рабочего» законопроекта и пр., все это для дела с.-д. агитации имеет несомненно крупное значение.

Работе контр-революционных партий по укреплению монархии, по прикрытию самодержавия, по распылению и дезорганизации рабочих масс социал-демократия и внутри Думы противопоставляет работу по раскрытию истинного характера самодержавия, работу по организации и сплочению масс. Окончательный баланс подведет история. И в этой работе с.-д. одинока, эту работу она может выполнить лишь как *самостоятельная* классовая партия, в *борьбе* как против правительства и явных черносотенцев, *так и против контр-революционного либерализма*.

В этой своей борьбе она кроме пролетариата может рассчитывать главным образом на привлечение симпатий крестьянской бедноты вне Думы, и к этому должны направляться ее усилия. Вот — один из главных итогов истекшей сессии.

Работа фракции трудна, и без помощи всей партии она ее не выполнит. Задача фракции (и всей партии) заключается не только в том, чтобы подымать массы от частного к общему, от деталей к целой картине, не только в том, чтобы давать массам социалистический синтез и от серых будней приподымать их к принципиальной высоте (разумеется, это остается одной из главных задач), но и в том, чтобы защищать интересы рабочих в каждой обыденной мелочи. Чтобы втянуть индифферентные слои рабочих, чтобы связаться с ними, необходимо в особенности со всем вниманием отнестись к их повседневным экономическим, бытовым, профессиональным, культурным и т. д. нуждам, как бы «мелки» они ни были на первый взгляд. Все эти обыденные вопросы фракции необходимо ставить с точки зрения *насущных жизненных интересов широких рабочих масс*. Ни один сколько-нибудь волнующий рабочие умы случай не должен пройти без внимания и открытого выступления нашей фракции. Обвал дома Залемана, похоронивший несколько десятков рабочих и взволновавший весь рабочий Петербург, недавние новые катастрофы в Донецком бассейне, холера, дороговизна на предметы первой необходимости, преследовании против забастовщиков трамвайных служащих в С.-ПБ., невыдачи заработной платы рабочим на Уральских заводах и пр. и т. п. «мелкие» злобы дня должны занять в агитации нашей фракции (и партии) подобающее им место. Фракцией здесь должен был использован путь запросов и пр. Фракция должна стать действительным застрельщиком всей революционной демократии. Широким всенародным политическим обличением правящей клики должно быть уделено возможно больше внимания. Факты вроде противоречия с Гартингом должны быть использованы в запросах и речах самым полным и *принципиальным* образом.

И рядом с этим внесение программно-агитационных законопроектов — о 8-час. раб. дне, о свободе стачек, союзов, о страховании рабочих и проч. должно быть выполнено — как это сознается и самой фракцией — в возможно скором будущем.

Все это может быть выполнено только тогда, когда вся партия, когда рабочие круги ее приложат все старания к правильной постановке думской работы для надлежащего *революционно-социал-демократического* использования третье-июньского парламентаризма.

И партия сделает свое дело. А думская фракция, отделавшись от своих колебаний, очистившись от своих сомнительных элементов — нашу фракцию следует поздравить с избавлением от двух-трех таких депутатов-попутчиков[1], — поможет в этом нашей партии.

[Г. Зиновьев.]

Международный протест против царского нашествия на Европу.

Социалистические партии всех стран, уже давно отбросившие анархические нелепки, обыкновенно равнодушно смотрят на встречи высоких и высочайших особ, всякого рода и вида коронованных ков-

---

Затруднения внешние и внутренние.

1. *Империализм, как выход.*

Сыновей освобожденного французской революцией мужика Наполеон сделал участниками своих побед и своих грабежей. Он должен был опрокинуть и расшвырять старую рухлядь европейских тронов, прежде чем смог над трупом своей матери-революции воздвигнуть свой собственный солдатский трон.

Бисмарк ликвидировал национальную немецкую революцию, взяв на себя выполнение ее задачи. Для этого ему пришлось в 1866 г. разгромить Австрию, а в 1870 — Францию. Только после побед Пруссии он получил возможность приступить к объединению Германии — на солдатский, юнкерский, династический лад, — да и то лишь с привнесением такого корректива, как всеобщее избирательное право.

В смутные часы 1905 г. партии буржуазного порядка откровенно призывали русского поручика Бонапарта. Но он не появился. Зато они получили от судьбы в дар саратовского губернатора Столыпина, как перевод Бисмарка на язык нашей самобытной истории. У Бисмарка за спиной были победы при Садовой и Седане. У Столыпина — разгром при Мукдене и Цусиме. Бисмарк счел необходимым дать избирательные права народным массам. Столыпин начал с того, что обворовал уже завоеванные массами избирательные права. Да он и не мог иначе. Попробуй он «дать» всеобщее избирательное право, — и он получил бы парламент, в котором решающий голос принадлежал бы социал-демократии. Разогнав две Думы, Столыпин обнаружил, что умеет различать *мнимые* препятствия от *действительных*. Но выкроив третью Думу из социальных элементов контр-революции, Столыпин оказался перед действительными препятствиями — лицом к лицу. Совет объединенного дворянства, закулисный руководитель контр-революции, требовал полной политической реставрации и экономического status quo. Но надпись объединенного дворянства на царских векселях не могла иметь значения. Тут нужна была порука октябристской буржуазии. А эта требовала хотя бы бухгалтерского контроля над бюджетом и — расширения рынка. Антагонизм дворянского землевладения и торгово-промышленного капитала на основе неразрешенных задач революции сразу наложил на российского Бисмарка ручные и ножные кандалы. Теперь, когда звезда Столыпина явно на уклоне, прохвосты «Нового Времени», расчищавшие ему дорогу, обвиняют его в недостатке «творчества». Что Столыпин сделан не совсем из одного теста с Бисмарком, в этом мы не сомневались никогда. Однако же причины его несомненного банкротства лежат не в личной ограниченности этого дореволюционного губер-

споираторов против европейского мира и народных движений. Они знают, что при современном состоянии международных отношений, вопрос о войне и мире отнюдь не решается более или менее подпольными интригами императоров и их министров. С.-д. предоставляют Петушкиным и Ноздревым буржуазной прессы заглядывать в замочные щелки министерских кабинетов, подслушивать таинственные беседы власть имущих да нервно вздрагивать при малейшем шорохе в «высших сферах»: только крайнее обострение экономической борьбы «великих держав» — пример: Англия и Германия — может зажечь пожар войны. А для определения наличности этой причины точная статистика ввоза и вывоза гораздо поучительнее свидания императоров.

Исключение из этого общего правила представляет поездка русского царя «по Европам». Это своего рода преступление против общественной благопристойности, публичное издевательство над правами, то, что французы окрестили характерным названием: attentat à la pudeur (покушение против стыдливости). Поэтому вполне естественно, что международное бюро социалистических партий всего мира, лишь только узнало о поездке Николая Кровавого, поспешило выдать ему заграничный паспорт, где в виде особой приметы значится: коронованный убийца. Бюро приглашает социалистические партии тех стран, которым угрожает приезд царя, устроить ему достойную встречу.

Социалистические партии Швеции, Англии, Италии и Франции — царь решил сразу скомпрометировать своим посещением чуть ли не половину Европы — живо откликнулись на этот призыв в исполнение элементарного долга гостеприимства и — международной опрятности. Тов. Брантинг, впрочем, еще до получения этого приглашения, достойным образом протестовал в шведском парламенте против неожиданного царского нашествия.

Особенно ярко пока выдался протест английских социалистов всех оттенков *до небольшой доли честных буржуазных демократов* (сия последняя порода находится во всех странах в состоянии более или менее быстрого вымирания). Англия — классическое место убежища всевозможной политической эмиграции. Она справедливо считает своим долгом и честью приютить на своей гостеприимной почве и прогоревших коронованных особ, престолы которых, в виду какого-нибудь революционного инцидента, остались вакантными, и несчастных претендентов на оные, и анархистов — динамитных дел мастеров, и демократов, добровольно оставивших родную деспотию, и пр. и пр. Там нашли приют Наполеоны, Меттернихи, принцы Орлеанские, Мост и Маццини. Никому и в голову не приходит протестовать против этого естественного права на убежище изгнанников и павших в борьбе за свободу или за власть. Одному Николаю передовая Англия отказывает в гостеприимстве...

Никогда, может быть, чопорный и чинный английский парламент, отец европейских парламентов, не видал скандалов, подобных тем, которые были вызваны вестью об ожидаемом приезде «коронованного убийцы». Депутат Торп на открытом заседании назвал царя по имени: «зверем бесчеловечным». Лидер Независимой Рабочей Партии, Кейр Гарди, горячо и резко протестовал против надвигающегося позора. А в одном из последних заседаний палаты общин внесено было формально предложение уменьшить бюджетный кредит, как протест против чудовищного приезда. При этом разыгралась довольно характерная сценка. Ирландский депутат Диллон, ничего общего не имеющий с социализмом, произносит, между прочим, следующие слова: «Царь представляет правительственную систему, которая позорит цивилизованную Европу. Он приезжает в Англию с исключительной целью — вести переговоры о заключении займа. Гражданская война, которая вот уже несколько месяцев опустошает Персию, — результат поездки короля Эдуарда в Ревель. Если русская полиция будет продолжать практиковать свою систему за границей, парламент должен без колебания принять всеобщую воинскую повинность, предложенную лордом Робертсом». От имени рабочей партии говорил тов. Виктор Грейзон. Он заявляет свою солидарность с членами второй Думы, которых правительство послало на каторгу, а не с членами третьей Думы, недавно гостившими в Англии.

Как последовательный социалист, тов. Грейзон, недавно резко протестовавший против бесстыдного отношения английской буржуазии к безработным, напомнил при этом представителям капиталистической Англии и их собственные грехи: «Мы в Англии не убиваем, но мы даем умереть с голоду. Но как бы мы ни были сами плохи, мы не заслуживаем прикосновения этого *исключительного чудовища*».

Английские социалистические газеты печатают по поводу царского нашествия необычайно резкие статьи. В воскресенье, 25 июля, состоялся многотысячный митинг в Trafalgar Squar, где представители всех социалистических фракций, не исключая крайне умеренных и аккуратных Фабианцев, всеми силами протестовали против грозящего Англии позора. Эта не какая-нибудь ничтожная кучка людей. Рабочая партия в Англии считает своих членов миллионами. Народные *массы*, значит, шлют звонкую пощечину всероссийскому убийце.

Правительство английское растерялось. Оно как раз теперь занято фабрикацией тайного международного заговора против Германии. Ему для этого дорога царская дружба. Как всякое буржуазное правительство, оно заключает союзы не с народами, а с их угнетателями. Пред этим неожиданно резким протестом оно растерялось и не нашло ничего лучшего, как сослаться на ренегатскую речь ех-демократа Милюкова, некогда пресмыкавшегося у ног русских революционеров. Нельзя, мол, требовать от нас быть plus royaliste que le roi lui-même, другими словами, больше любить русскую свободу, чем кадетский вождь, представитель «Народной Свободы».

натора, а в безвыходных противоречиях контр-революционной России.

В восстаниях 1905 г. рабочие оказались не в силах повалить царизм, а кадетам не удалось в первых двух Думах заворожить его. Но элементарные потребности экономического развития остались, — приходилось искать других путей. Когда освобожденцы, завтрашние кадеты, старались примоститься к революции, или когда кадеты, вчерашние освобожденцы, отмежевывались от революции и протягивали монархии руку примирения, они выступали в обоих случаях, как представители и парламентеры всего буржуазного общества, как его рекогносцировочный отряд. По самому существу их роли им приходилось забегать вперед, искать путей, вынюхивать следы и в силу этого отрываться на время от тяжелых масс того буржуазного общества, которому они служили. В этом секрет их выборгского грехопадения, их мимолетной игры с красным петухом народного восстания, — чего им до сего дня не хотят простить их соседи справа. Во второй Думе кадеты со всей энергией выдвинули консервативные, собственнические тенденции своей программы и устранили все «промахи» своей перводумской политики. Поэтому и крах второй Думы имел для них более принципиальное значение. Они поставили пред собой самый вопрос о *методе*. Выход из тупика они нашли в *империализме*.

И в этом случае, как и раньше, кадеты лишь забежали вперед, как идеологические лазутчики буржуазного общества. Революционные методы «оздоровления» внутреннего рынка не оправдали себя. Плоды контр-революционного аграрного законодательства по 87 ст. утопают в смутной перспективе десятилетий. Между тем девятилетний почти непрерывный торгово-промышленный кризис требует немедленных героических мер — притока свежих капиталов из-за границы и расширения внешних рынков сбыта. Сильная власть, национальный престиж, энергичная дипломатия, боевая готовность, — эти идеи становятся в эпоху третьей Думы точками отправления кадетской оппозиции. И что же? Нелегальная партия, ошельмованная официальными и официозными публицистами, изгнанная по неблагонадежности из комиссии государственной обороны, кадетская партия становится лидером всех «патриотических» кампаний и похваляется тем, что не только октябристы, но и царские министры идут за ней по пути германофобских демонстраций и славянофильских оказательств. Империалистическое национальное единодушие и вместе с ним — выход из исторического тупика казались уже обеспеченными, когда события сурово призвали всю патриотическую банду к ответу. В русско-австрийском конфликте «новый метод» подвергся первому испытанию и потерпел позорный крах на глазах всего мира.

2. Сербский вопрос и русско-австрийский конфликт.

Для Сербии вопрос шел о самых основах ее существования. В хозяйственном и национальном отношении

Такое заявление делает честь осведомленности английского правительства. Никогда, однако, русская демократия — не говорим уже о соц.-дем. — не должна забыть этого неслыханно-позорного акта защиты вожаком кадетов убийцы членов его собственной партии, которая при всей своей преданности монархическому принципу осуждена в добавок царским правительством на *нелегальное* положение. Холоп Милюков побил рекорд холопства вырождающегося мирового мещанства.

Со всех концов Италии градом сыплются анти-царские революции, выражающие чувства отвращения и негодования по поводу приезда официального убийцы. Проектируется всеобщая стачка в день приезда Кровавого. Заметьте, что в Италии ныне господствуют реформисты, любящие пококетничать своей «государственностью». Некоторые из них прямо высказываются за необходимость союза с царским правительством — во имя будто бы «высших национальных» интересов. На последнем флорентийском конгрессе была умеренными социалистами типа Турати и Биссолати отвергнута резкая революция против царского приезда. Но с тех пор чаша переполнилась. Даже итальянские реформисты не могут спокойно переносить появления царя на итальянской почве. Вместе с социалистической партией против приезда царя протестуют рабочие профессиональные союзы. Десять лет тому назад итальянской социалистической партии под руководительством Энрико Ферри, тогда революционного социалиста, удалось, благодаря энергичной кампании, запретить царю въехать в страну. На этот раз ослабление тройственного союза, а может быть, и изменившаяся тактика партии не дали возможности достигнуть подобного результата. Но тем не менее антицарская демонстрация выходит грандиозная и тем более поучительная, что идет она из народных низов и отличается тем большей искренностью.

Социалистическая партия Франции тоже подняла голос протеста. В этой «союзной» стране, где преступления русского царизма систематически замалчиваются буржуазной пресой, на этот раз царскому приезду предшествовали особенные обстоятельства в виде огромного полицейского скандала. Мы говорим о разоблачении того факта, что представителем царя во главе иностранной полиции состоял осужденный *за провокацию* французским судом Ландезен, представленный русским правительством для получения ордена Почетного Легиона. Такое бесстыдство русского правительства возмутило все общественное мнение страны, уже давно, казалось, потерявшей, в лице своих господствующих классов, всякий стыд по отношению к русскому правительству, «другу и союзнику». Неужели, плакали буржуазные писаки, русское правительство не могло найти шпиона из «порядочных», а не навязать нам уголовного преступника, требуя для него вдобавок ордена Почетного Легиона, который, по закону, дается только за «особые заслуги» пред французской родиной?

Впервые французская буржуазная пресса заговорила о русских порядках, о похождениях русской полиции. Социалисты этим воспользовались. Жорес с парламентской трибуны протестовал против царской поездки во Францию. Он очень метко охарактеризовал ее, говоря о «корабле-призраке, носящем царя-убийцу и подкрадывающемся к европейским берегам, не осмеливаясь высадить на сушу своего пассажира». Социалисты потребовали уничтожения иностранной полит. полиции во Франции. Прав-ство, возмущенное бесцеремонностью русского царизма, согласилось. Палата *единогласно* приняла социалистическую резолюцию об уничтожении иностранной полиции. До сих пор русская полиция во Франции пользовалась *официальным* покровительством. Тайная русская полиция явно действовала во Франции, как в завоеванной стране. Теперь ее позорный промысел будет ей несколько затруднен, если только благородная буржуазная демократия не откажется от своего решения под давлением «высших» дипломатических соображений... Это легко может случиться. Прошлое ручается за будущее.

Партия обнародовала протест против приезда царя, подписанный всеми социалистическими депутатами и Административной Комиссией. В самом Шербурге, портовом городе, куда должен причалить «корабль-призрак», состоялся публичный митинг протеста. Подобные митинги состоялись и в Париже, и других городах. В некоторых местах состоялись и уличные демонстрации.

Но и в Швеции, и в Италии, и во Франции протестуют *одни* социалисты. Что же делает демократия? Куда делась славная демократическая традиция борьбы с абсолютизмом? Ведь для протеста против царизма достаточно одно чувство простой порядочности, чувство брезгливости, мешающее честному человеку подать руку убийце, обрызганному кровью. Ответ на этот вопрос даст на-днях теперешний министр-президент Бриан, бывший социалист, а ныне вожак буржуазной демократии. Десять лет тому назад он на публичных митингах протестовал против приезда царя во Францию, а теперь он должен жать руку петергофского палача и рассыпаться пред ним в любезностях.

Царская поездка по Европе — новое доказательство политического и нравственного вырождения буржуазного либерализма *всех* стран, *не исключая России*. Нет у этой ех-демократии ни стыда, ни совести, ни настоящего политического смысла. Чувство самосохранения в виду грозно наступающего рабочего класса задавило все остальное. Одни пролетарские сердца бьются в унисон общественному прогрессу. Одни пролетарии и примыкающие к ним борцы способны всей душой сочувствовать окровавленной России, всеми силами ненавидеть ее коронованного убийцу, главу буржуазно-дворянских паразитов.

Пролетариат России — если бы имел в настоящий момент малейшую возможность открытых выступлений — несомненно устроил бы грандиозную манифестацию солидарности с международным проле-

---

сербы находятся в таком положение, в каком итальянцы были до 1859 г., а немцы до эры Бисмарка. 8 — 10 миллионов душ сербо-хорватского племени рассеяны между собственно Сербией, Черногорией, Турцией (Новобазарский санджак и Македония), Австрией (Далмация и Истрия), Венгрией (Кроация и Славония) и Австро-Венгрией (Босния и Герцеговина). Собственно Сербия насчитывает всего 2,75 миллионов душ. Она отрезана от портов и с севера охвачена железным полукольцом австро-венгерских владений. Балканы, как рынок, для Сербии не существуют, так как земледельческое население полуострова не нуждается в продуктах сербского земледелия и животноводства. Таким образом ключ от всего сербского экспорта находится в руках австрийских и венгерских аграриев, которые по произволу преграждают сербской свинье выход на европейский рынок. Чисто-формальный акт «аннексии» Босни и Герцеговины вызвал бурное движение в Сербии именно потому, что *закрепил* для нее положение экономической безысходности. Национальным брожением стремились овладеть сербские политические дельцы, демагоги, высшее офицерство и династия, глава которой не столь давно прохо́дил школу патриотизма в игорных домах и ломбардах Швейцарии. Тем не менее в корне неправильной была в этот ответственный момент позиция венской Arbeiter Zeitung [8], которая за спиною вороватых демагогов и битых подевечниками «династов» не хотела видеть широких кругов сербского народа с их экономическими интересами и национальным воодушевлением, — тем более неправильной, что официальные «герои» встретили достаточный отпор со стороны сербской социал-демократии, единственный представитель которой в скупщине, т. Кацлерович, с благородным мужеством развивал свою точку зрения среди коалиционного рева всех политических партий Сербии.

Создание «Великой Сербии» мыслимо лишь в результате войны, из которой Австро-Венгрия вышла бы разбитой. Но борьба один на один с огромной военной державой, конечно, не по плечу маленькой Сербии. Она ищет помощи и озирается на Россию. Здесь-то и открывается поле для работы царской дипломатии и услуживающих ей политических партий. Столыпинская, октябристская и кадетская пресса пролдолжает отвратительную по дикости, лживому пафосу и блудливой трусости кампанию против австрийского «распития» славян. Извольский, тот самый, что в Бухлау дал предварительное согласие на аннексию, в феврале явно провоцирует Сербию на сопротивление своей подмигивающей уклончивостью. Маклаковы и Хомяковы, Стаховичи и Черен-Спиридовичи посылали уже по телеграфу целые корпуса русских добровольцев. Сербский наследник Георгий, воспитанник петербургского кадетского корпуса и родной брат корнета Коваленского по духу, «дурно-воспитанный мальчишка», по аттестации князя Мещерского, является в Петербург, приемлет лобзание от царя и славяно-братский поклон до земли от Иосифа Гессена, сербский политик Пашич привозит из Пе-

тариатом, протестующим против поездки в Европу коронованного палача. Манифестация в таких размерах для нас сейчас невозможна. Но она все же возможна в размерах и формах, и сейчас рабочим России доступных. Наши партийные организации должны немедленно поставить на очередь дня этот вопрос и сделать из него *агитационную кампанию. Пусть на собраниях, на митингах, в резолюциях, в открытых письмах, в адресах с собиранием подписей на фабриках и заводах, в листках, газетах и пр. сознательные рабочие выскажут солидарность с международным социалистическим пролетариатом*, пусть выскажут чувства, одушевляющие их в связи с выступлением рабочих всех стран против русского царя, пусть пошлют от имени возможно более широких пролетарских масс привет западно-европейским братьям и проклятие капиталистическому миру, способному даже в лице своих наиболее «передовых» представителей протянуть руку русскому царю... Пусть разоблачат нашу российскую черносотенную и «либеральную» печать, изображающую дело так, будто и подлинный народ тех стран, которые посетил царь, несказанно счастлив этим радостным событием, пусть пригвоздят эту печать, от имени «русского народа» выражающую радость и гордость своим царем.

Пусть и наша думская с.-д. фракция при первой возможности присоединит и свой голос — голос представителей российского пролетариата в контр-революционной Думе — к этому выражению международной пролетарской солидарности.

Центральный орган германской социал-демократии о перспективах дальнейшего хода развития политической жизни России.

(В Vorwärts'е за 9 июля 09 г. напечатана следующая небезинтересная редакционная передовая.)

В России наступили парламентские каникулы, и чувство разочарования Думой государственного переворота теперь всеобще. Действительно, ни в одной из областей деятельности Думе не удалось разрешить решительно ни одной из задач, волнующих население России. В бюджете ни малейшего улучшения. Заключенный на ростовщических условиях последней заем растрачен на цели непроизводительные; к новым хозяйственно-политическим мероприятиям, которые бы открыли дорогу экономическому обновлению страны, не было даже приступлено. В политической области, несмотря на существование Думы и бесцензурной печати, в неприкосновенности остаются чиновничий произвол и бесправие народа. Господствующая в Думе партия октябристов не делает и попытки положить конец такому положению вещей. Наоборот, она даже помогла правительству замазать по мере возможности скандальное дело Азефа и заявила свою солидарность с крестовым походом против народной школы. И против боевой организации дворянско-чиновничьей челяди октябристы осмелились выступать только тогда, когда организация эта, направляемая враждебной Столыпину кликой, начала выступать против Столыпина самого. Социальные реформы не двинуты ни на шаг вперед. После двухлетней работы рабочей комиссии, ее председатель, октябрист барон Тизенгаузен, объявил, что *социальная реформа зачумляет народную душу.*

Несмотря на все это, в русской печати ревностно дебатируется вопрос о том, левеет ли русская буржуазия. *Фактов* на-лицо почти нет. Можно бы указать на защиту октябристами свободы вероисповедания старообрядцев. Но надо принять в расчет, что старообрядцы — *влиятельная буржуазная группа* и октябристы боялись халатным отношением к делу по-нусту лишиться ее благоволения. Для того же, чтобы правильно судить о политическом развитии русской буржуазии, надо исследовать те условия, без осуществления которых для русской буржуазии невозможно дальнейшее хозяйственное развитие.

Русский *внутренний* рынок в настоящее время исчерпан. Попытки организовать вывоз продуктов промышленности до сих пор оставались безуспешными. Дипломатическое поражение в австро-сербском конфликте тоже, конечно, не посодействовало русской промышленности увеличить свое влияние на иностранных рынках. Не много бы изменило в таком положении вещей и завоевание Персии, до которого, впрочем, еще не близок путь.

Персия правда, обильна естественными богатствами (ими-то не бедна и Россия), но экономически страна расшатана в конец и покупательная ее способность слишком ничтожна, чтобы серьезно поддержать русский капитал. Вообще, с той поддержкой, какую оказывает русскому капиталу правительство, дело обстоит довольно своеобразно. Правительство шлет генерала Снарского в Персию, оно пытается посредством дутой шумихи в австро-сербском конфликте поднять свой собственный престиж за границей,

тербурга заверение, что Россия «во всяком случае не признает аннексии». На угрозу австрийского ультиматума сербские офицеры отвечают готовностью драться до так называемой последней капли крови, а кронпринц Георгий становится во главе «легиона смерти». Правительственное сообщение от 22 февраля (н. ст.) выражает уверенность, что Сербия не останется изолированной. «Русский гипноз» владеет безраздельно правящими кругами Сербии. Ее правительство до последней степени напрягает силы и средства страны, тратит миллионы на боевые припасы, держит резервы под ружьем...

С своей стороны правительства Австрии и Венгрии обнаруживают полную готовность итти до конца; могущественное промышленное развитие последнего десятилетия заложило и здесь предпосылки боевого империализма, а Балканы по отношению к Австро-Венгрии лежат по линии наименьшего сопротивления. В конце февраля Австрия ликвидировала свои счеты с турецким правительством по поводу «аннексии», бойкот австрийских товаров в Турции прекратился, так что австрийское правительство увидело свои руки развязанными для расправы над Сербией. В случае, если последняя не прекратит мобилизации, Австрия грозит — карательной экспедицией. И — такова логика империализма! — когда на горизонте обрисовались большие события, те, в результате которых изменяются границы старых государств и создаются новые государственные тела; когда на очередь встал вопрос о применении к «делу» тех самых пушек, штыков и солдат, которых правительство получает через посредство парламента, — как австрийская монархия сочла своевременным отправить представителей нации по домам, чтоб без всяких помех перейти от разговоров к «настоящему» делу. В разбойничьих пещерах банков, а не в парламентах решались в эти дни судьбы народов и взвешивалась их кровь. Австро-Венгрия спешно ставит на военную ногу несколько корпусов и направляет их на дунайскую границу. Развязка близилась со дня на день.

В начале марта Англия, Франция, Германия и Италия предприняли посреднический акт в Белграде. Никто из них не хотел войны. И так как война была немыслима без поддержки Сербии Россией, то ключ от всей позиции неожиданно очутился в руках царской дипломатии (через несколько дней этот ключ оказался, как увидим, негодной воровской отмычкой). Россия формально присоединилась к «посредническому акту», но сделала это таким образом, чтоб подзадорить Сербию к дальнейшему сопротивлению. 6-го марта Австрия пригрозила окончательно запереть с 1 апреля границу для сербского скота. Но Сербия не унималась. В то время, как Гучков по поручению начал в Думе защищать «непопулярную» тактику отступления, сербский официоз напоминал, что царь обещал кронпринцу защищать Сербию до последних кровавых последствий. На ультимативные австрийские представления сербское правительство отвечало уклончиво и продолжало мобилизацию всех военных сил. «Мир уже умер, — писал 24-го марта официоз венгерского

а посредством аграрной реформы создать внутренний рынок. Но в самой Персии даже окончательный успех еще под знаком вопроса, между тем как поражение в Европе было несомненным и явным. Что же касается аграрной реформы, то действие ее скажется очень и очень не скоро, если предположить даже, что политические основы, на которых зиждется эта реформа, не будут раньше в корне изменены взрывом, подготовляющимся в грозовой атмосфере международных конфликтов и внутреннего гниения страны. Нельзя забывать при этом, что в роли представителя буржуазных интересов правительство ограничено собственной своею природой. Это все еще старое бюрократическое правительство, которое в огне революции приняло поддержку дворянства и буржуазии и стало, таким образом, правительством дворянско-буржуазно-чиновничьим, причем каждому из этих элементов выпала весьма неравная доля влияния. Между тем как бюрократия и дворянство состоят друг с другом в тесном родстве, буржуазия и дворянство враждебны друг другу. Правительство вынуждено защищать интересы буржуазии, потому что иначе оно не могло бы победить революцию, и потому еще, что в 20 веке оно не может существовать без капиталистического фундамента. Но каждый раз, когда интересы буржуазии вступают в конфликт с дворянскими или бюрократическими интересами, внутри самого правительства начинается борьба отдельных клик — и исход этой борьбы во всех почти случаях плачевен для буржуазии. Понятно, что шансы буржуазного развития таким образом ухудшаются, в чем уже ныне буржуазия дает себе отчет. Вопреки бесхарактерности русской буржуазии, которая в этом отношении ничуть не лучше германской, все же дело может дойти до борьбы между буржуазией, с одной стороны, и дворянством, а значит, и бюрократией, с другой. Не вдаваясь в пророчества относительно форм, в каких проявится этот конфликт, все же возможно предусмотреть наперед, какие цели поставит себе буржуазия и каков будет результат борьбы.

Буржуазия будет стремиться к тому, чтобы приобресть непосредственное влияние на правительство и заставить его, таким образом, служить своим интересам. Но она остережется при этом предоставить какие-либо права народу, ибо не что ведь иное, как страх перед народом, бросил ее в объятия правительства. И по той, именно, причине, что она не может апеллировать к народу, так малы шансы ее победы в борьбе с дворянством. Дворянство учитывает этот слабый пункт противника; оно прекрасно понимает, что буржуазия может ныне начать с ним борьбу, потому что пролетариат обессилен и придавлен. Но допустим, что буржуазия одерживает частичную победу. Она окажется тогда пред двумя перспективами: либо создать условия экономического подъема посредством мелочной «обновительной работы», либо добыть себе эти условия на пути военных авантюр. В первом случае развитие России пошло бы вперед черепашьим шагом, и пролетариату пришлось бы бороться при условиях самых тяжелых; во втором — банкротство окрашенного в буржуазный цвет царизма обеспечено вполне.

Таковы перспективы развития России; с одной стороны, полнейший застой, гниение, которое ранее или позже неизбежно привело бы к взрыву; с другой стороны, либо постепенное развитие (случай все же наименее вероятный), либо националистический военный эксперимент с неизбежным и полным крушением в результате. Первая перспектива осуществится в том случае, если несостоятельность буржуазии окажется безусловной, если буржуазия, скрестив на груди руки, вместе с царизмом станет простой созерцательницей этого процесса гниения или же будет побеждена в борьбе с дворянскими и бюрократическими элементами. Если бы буржуазия вышла победительницей из борьбы с дворянством, открылась бы перспектива вторая. Ни в каком случае, ни в первом, ни во втором, буржуазия не стала бы носительницей революции. В случае застоя (наш первый случай) революция в России стала бы возможна только тогда, когда пролетариат вновь соберется с силами, получит поддержку пролетаризированных аграрн. реформой крестьян и наново предпримет революционную борьбу. В втором случае, при медленном постепенном развитии после победы буржуазии над дворянством, единственным фактором демократизация России опять же была бы лишь борьба рабочего класса. Ну, а в том случае, если буржуазная победа над дворянством привела бы Россию на поле битвы, тогда и подавно спасти страну от окончательной гибели могла бы только революция рабочего класса.

Таким образом, ясно, что вопрос о возможных путях развития буржуазии для социал-демократии может быть лишь вопросом о том, в каких условиях рабочему классу придется вновь итти в бой. Это не праздный вопрос, ибо без анализа этих условий рабочий класс не может вести сознательной политики. Вредоносной иллюзией было бы думать, что полевением буржуазии может быть решена задача демократизации России. Нет, эта задача остается

министерства, — только ему не хотят еще это сказать». Но в тот же день вечером сербский министр иностранных дел получил от Извольского телеграфное извещение, что в случае войны *Сербия останется изолированной*. 25-го марта весь мир облетает весть, что царская дипломатия без всяких оговорок признает аннексию, отказывая Сербии в каких бы то ни было правах на компенсацию — даже в экономической области. А еще через день втравленная в авантюру и позорно преданная, в конец истощенная и перегруженная долгами Сербия уже приступила к разоружению. В довершение всего 1-го апреля, когда истек торговый договор, торжествующая австро-венгерская аграрная свинья опустила шлагбаум под самым носом у своей обездоленной сербской сестры.

3. Дипломатическая Цусима и политические партии.

Фиаско царской дипломатии было беспримерно по своему позору. «Престиж» сразу пошел к черту. На физиономии государственных людей 3-го июня оказался багровый след пятерни, и «потерпевшие» (кадеты в том числе!) любезно разъяснили, что это отпечаток берлинской руки. Виноватым в дипломатической Цусиме (в стиле Небогатова, а не Рожденственского!) оказалось, по разъяснению «Голоса Москвы», «давление, оказанное кн. Бюловым и, быть может, самим императором-Вильгельмом в Петербурге, *давление, похожее на угрозу...*» (№ 63). Из Берлина запросили: до какого предела думает итти петербургское правительство? и намерено ли оно извлечь меч? На прямой вопрос в Петербурге вынуждены были ответить: «нет, — ибо у нас... нет меча». Это признание было сделано громко, отчетливо, выразительно — и хотя оно лишь констатировало очевидный факт, впечатление от него получалось ошеломляющее. Где же ваша армия? спросили октябристы. Разбита в Манчжурии? Но с 1904 года прошло пять лет. За это время правительство ежегодно тратило на армию 425 мил. руб. и вливало в ее ряды 450 тысяч новобранцев. Это значит свыше 2 мил. душ и 2 миллиардов рублей! Где же результаты этих сказочных затрат? Октябристская пресса, вторя Гучкову, с остервенением набросилась на «гнусный режим кумовства и протекций» и на интендантское воровство, но она умолчала о главном. Она не сказала, что армия, противопоставленная народу и развращенная победами над ним, всегда оказывается в военном смысле ничтожной величиной. Она умолчала об этом, ибо не она ли пела хвалы Дубасову, покорителю Москвы.

Капитуляция пред Австрией и предательство Сербии в ее руки ставили крест на активной балканской политике России. Приходилось на долго отложить попечение о захвате единоверных балканских рынков для московской текстильной индустрии. Но вместе с тем под знак вопроса становились самые основы комбинации 3-го июня. Армия нужна царскому правительству для того, чтобы держать

за пролетариатом; он до сих пор стоял в авангарде, он же останется носителем революции и впредь.

Поэтому соц.-дем. должна, конечно, внимательно наблюдать развитие буржуазии, но собственные свои надежды она может связывать только с борьбой рабочего класса. Важнейшая задача ее — работа воспитания и организации рабочего класса. Только на этом пути она приобретет силу полностью использовать могущие наступить благоприятные обстоятельства. Как ни ужасны условия, в которых рабочий класс действует ныне, можно все-таки констатировать известное улучшение. Упадок духа, порожденный победой контр-революции и безработицей, начинает, повидимому, проходить, как то недавно показала забастовка трех тысяч трамвайных рабочих в Петербурге.

В тех легальных рабочих организациях, которые выжили под ударами реакции, замечается вновь оживление, проявившееся особенно ясно на московском съезде фабрично-заводских врачей. Этот съезд и ряд других признаков показали, что рассеянные по легальным организациям члены партии сплачиваются вновь вокруг нелегальной с.-д. организации, чтобы установить таким способом связь между рабочей массой и социал-демократией. Такое сплочение двинет вперед дальнейшее развитие партии и даст думской соц.-дем. фракции, работавшей до сих пор почти без всякой поддержки со стороны масс, ценную опору в деле осуществления ее задач. Уже сейчас можно констатировать, что дело в этом отношении улучшилось. За последнее время позиция фракции в дебатах о религиозной свободе нашла одобрение всей партии. Стало ясно, насколько права была партия, когда без разговоров отвергла отозвание фракции. Борьба партийного большинства и с путанниками, которые угрожали ослабить партию своим отказом от использования легальных возможностей, и с трусливыми элементами, выдвигающими всякие юридические соображения, следуя которым партия весьма чувствительно бы понизила свою наступательную и оборонительную силу, эта борьба отчетливо доказала, что российский рабочий класс, *под условием обеспечения собственной самостоятельности*, готов использовать все факторы развития и пойдет таким образом по пути, на котором пролетариату России окажется по плечу всякое стечение обстоятельств.

Б. «Революционная Мысль» против «революционной окрошки».

Кризис в партии с.-р., обнаруженный делом Азефа, привел в настоящий момент к выходу из ее состава «левых» элементов, объявляющих в № 5 «Револ. Мысли» об образовании «Союза левых социалистов-революционеров». «Мы расходимся», заявляют авторы письма в редакцию упомянутого органа, «с партией соц.-рев. по принципиальным вопросам». Эти принциниальные расхождения, по их же показаниям, сводятся к недовольству организационным централизмом, недовольству «марксистскими тенденциями, внедренными в оффициальную программу с.-р-ов» и к требованию иной постановки вопроса о терроре.

Партия с.-р-ов, таким образом, переживает со времени начала падения революционной волны третий организационный кризис или раскол. Народные социалисты, максималисты и теперь «левые социалисты-революционеры» — таковы продукты этих процессов распада первоначального партийного организма. С известным правом сюда можно было бы отнести и «трудовиков», часть которых была вскормлена в лоне той же с.-р. партии.

Процессы распада, сказали мы... Оффициальные представители партии с такой характеристикой не согласятся. В этом процессе выделения из партии разнородных элементов они склонны видеть «процесс спайки, общепартийной ориентировки». Так выражается Б. Т.-К., автор статьи «По поводу III-й конференции», помещенной в № 11 «Изв. Обл. Загр. Ком.».

«Наша партия всегда страдала двумя основными недостатками: сложившись, как единое целое, во время идейной гегемонии среди русской интеллигенции марксизма и окрепши уже в самый разгар революционного движения, она подбиралась, во 1-х, часто по отрицательному признаку — «не социал-демократ!» и, во-вторых, что греха-то таить, под наши знамена, более яркие и красивые, шли нередко по темпераменту».

Затем уже, в ходе самой революции, началась неизбежная «дифференциация». Автор находит этот процесс развития вполне естественным. «У нас, ведь, нет «немецких» учителей, нам надо самим искать разрешения жгучих вопросов борьбы, надо самим каждую с.-д. книжку о социалистическом движении на Западе

под штыком крестьян и рабочих. Это так. Но если тот же штык не способен побудить сербскую бабу наряжаться в московские ситцы, то стоит ли игра свеч? Армия в конце концов не для карьеры дворянских недорослей, «армия есть великая рабочая сила», разъяснял «Голос Москвы»: она должна обеспечивать прогрессивное поступление барышей. И оставляя далеко позади себя кадетскую певать, октябристский официоз грозил: «Ни одна нация не способна бесконечно оставаться верной тому (читай монархии), что дает ей только позор, унижение и разорение. Обманутая в своих лучших верованиях, страшная в своем необузданном гневе, она предъявит виновникам национального позора длинный список их грехов и потребует от них ответа» (№ 62). Так дипломатическое поражение подготовляло элементы думского конфликта между патриотизмом «хлопчатобумажным» и патриотизмом «барчуков».

С другой стороны — как это на первый взгляд ни странно! — дипломатический крах влил новую энергию в черносотенно-дворянские сердца. Не ясно ли в самом деле, что отныне конституционный декорум не нужен никому: получать международные оплеухи царизм сумеет и без парламентского резонанса. В августейшем подполье назревала мысль о новом государственном перевороте. Долой третью Думу с ее октябристским большинством! И долой Столыпина, связавшего себя с третьей Думой!

В этой «тревожной» атмосфере открылась весенняя сессия Гос. Думы. Конфликт висел в воздухе, ибо ни у одной из сторон не хватило мужества довести дело до открытого разрыва. Шаг вперед — шаг назад! По второстепенному вопросу, неожиданно получившему в этих условиях «принципиальное» значение (штаты морского генерального штаба), Николай II нанес Думе и министерству жестокий удар. Курского погромного горлана Маркова 2-го царь удостаивает личной аудиенции. И в то же время в рескрипте, отвергающем принятый Думою столыпинский законопроект, говорится о «полном Моем доверии» к деятельности совета министров и о незыблемости «установленного Мною государственного строя». Таким образом, с этой стороны пока что все оставалось по-старому.

Октябристы издали в апреле боевой документ. Он свидетельствует об «обострившемся за последнее время взаимоотношении политических партий», провозглашает манифест 17 октября «величайшим актом всего царствования» и выражает «чувства глубокого негодования» по поводу планов нового государственного переворота. А дальше?.. Еще до открытия сессии октябрист Еропкин напоминал в «Новом Времени» своей партии, что она «представляет собой интересы *владельческих* классов населения»; что избирательный закон 3-го июня издан в интересах этих последних; что с переходом октябристов в оппозицию «третью Думу пришлось бы распустить, как и две первые»; что раскол в среде владельческих классов «разрушил бы самый оплот всего нашего социального государственного

интерпретировать, а не просто переводить, как это делают социал-демократы».

Словом, возблагодарим еще раз господа бога за то, что сотворил нас не такими, как сей мытарь и грешник марксист. Было время, когда эту молитву с.-р-ы произносили по поводу того, что у мытарей и грешников раскол следует за расколом, у нас же — с.-р-ов — в рамки партии вмещается целая гамма направлений. Теперь та же молитва годится для того, чтобы объяснить ту странность, что с.-д-ия, несмотря на свои внутренние разногласия, сохраняет формальное единство, тогда как у с.-р-ов один «оттенок» за другим вынужден уходить из партии. На все случаи, воистину, пригодна эта молитва!

Первоначальной разнородностью составных элементов партии, думает Б. Т.-К., обусловлена неизбежность всех этих отколов. В этом объяснении есть часть истины, но не вся истина. Ибо в *социальном отношении* состав партии с.-р. был весьма однороден, характеризуясь колоссальным преобладанием элементов интеллигентской демократии. Наш автор и сам говорит лишь о разнородности *идейной*, когда указывает на объединение по отрицательному, чисто-идейному признаку («не-социал-демократ»). И каждый из последовательных отколов, пережитых партией с.-р-ов, не сопровождался выделением особого социального слоя, который, созрев для самостоятельного политического бытия, почувствовал бы потребность вылупиться из общей организации. Никто, в самом деле, не скажет, чтобы «народные социалисты» выразили стихию движения «трудового» крестьянства, чтобы максималисты своей «социализацией фабрик» ответили на запросы шедшей за с.-р-ами части пролетариата или чтобы нынешние «левые» с.-р-ы явились преимущественными выразителями стремлений революционной и демократической интеллигенции. Напротив, все эти три отколовшиеся группы сохранили ту же самую социальную основу, которая отличает и партию с.-р-ов: все они, как и она, остаются и останутся интеллигентскими группами, пытающимися партийно существовать, не примыкая к движению определенного класса или — что то же — стремясь выразить «синтез» различных и, по историческому своему значению, разнородных классовых движений. В этом смысле — увы! увы! — и после расколов они все продолжают, хочет того Б. Т.-К. или нет, объединяться «отрицательным признаком: «не социал-демократ», и «не либерал», то есть, продолжает, каждая на свой манер, выражать бунт интеллигентской «критически-мыслящей личности» против объективного хода вещей, навязывающего этой личности необходимость занять определенную позицию в реальной борьбе классов.

Поэтому было бы справедливее сказать, что не в *разнородности* составных элементов партии таился зародыш позднейших расколов, а, напротив, именно в их относительной *однородности*, в том, что все эти, идейно-разнородные, элементы одинаково представляли собой неустойчивую «междуклассовую» среду, не связанную постоянными узами с прочными общественными классами.

Но если Б. Т.-К. указывает на разнородность составных элементов партии, то его противник, автор статьи «Политический переворот и экономическая революция», помещенной в органе «левых», отмечает, как причину всех злоключений партии с.-р., *эклектизм* ее мировоззрения. По характеристике этого компетентного свидетеля, «официальная духовная пища социалистов-революционеров» есть не что иное, как «революционная окрошка из догмы, критики и пережитков, из месенианизма и активизма Лаврова, из экономического материализма, младенческого лепета о классовой борьбе и антимарксизма, эклектическая смесь архаического народничества, бунтарства, обрывков народовольчества, неимоверного количества ингредиентов социал-демократизма, где каждый плюс нейтрализуется, компенсируется, портится целой армией минусов».

Эклектизм с.-р-ского мировоззрения был неизбежным результатом переходного характера той эпохи в развитии демократической интеллигенции, в которую оно зародилось и окрепло, — эпохи, когда *уже* складывались, но *еще* не оформились, не нашли своего ясного политического выражения самодеятельные движения экономически-производительных классов общества; когда, поэтому, интеллигенции сама еще отчасти черпала свой революционный энтузиазм в отсутствии массовых движений, в политической аморфности масс, отчасти же улавливала признаки грядущего появления этих масс на исторической арене и бессознательно шла им навстречу, приспособляя к их запросам свои лозунги и программные формулы. Опыт революции постольку и привел к банкротству это эклектическое мировоззрение, поскольку обнаруживал «никчемность» с.-р-ой партии в завязавшейся открытой борьбе классов, поскольку вскрывал противоречивое положение самих с.-ров, вынужденных, чтобы только удержаться на поверхности, выдвигать попеременно то один, то другой из взаимно-противоречивых элементов своей программы и так-

строя». Вряд ли, впрочем, люди Гучкова нуждались в этом грубом напоминании из дружеских уст. Они и без того умеют свой «необузданный гнев», которым «Голос Москвы» грозил «виновникам национального позора», вводить в лойальнейшее русло сотрудничества в потаенной комиссии государственной обороны.

Кадеты сделали вид, что собираются в конфликте октябристов с крайней правой играть роль смеющегося третьего. Но смех замер у них в горле как только стало казаться, что события грозят принять серьезный оборот. Переход октябристов в оппозицию? Октябристско-кадетский блок? Отставка Столыпина и разгон третьей Думы? — А дальше что? — «Путь к народу лежит через нас», лепетали они парализованным от страха языком («Речь», 5 мая). — Не лгите, — отвечал им чей-то незримый голос: путь к народу лежит поверх ваших ограниченных либеральных голов!

4. *Персидская неудача.*

Вопрос о занятии Персии русскими войсками ставился, насколько можно понять, еще на прошлогодних дипломатических совещаниях, подготовлявших аннексию Боснии и провозглашение болгарской независимости. Царская дипломатия, однако, долго колебалась, пускала пробные шары и отступала, опасаясь связать себе руки для требования «компенсации» на Балканах. Но тут ее успехи казались как мы видели, очень скромными. Она предала[4] Сербию, капитулировала пред Австрией и, заступившись за Болгарию, скинула в пользу Турции со счетов несколько десятков миллионов рублей. Это была прямая контрибуция, уплаченная царизмом младотурецкой революции поднявшей государственное значение страны.

Не успели финансисты сбалансировать счеты, как в Константинополе вспыхнуло бурное движение солдат, пошедшее на пользу контр-революции. Европейская дипломатия и ее пресса снова были застигнуты врасплох. Австрийский официоз «Neue Freie Presse»[5] делал предположение, что восстание произведено на английские деньги. Французская Liberté[6] не сомневалась, что расходы по мятежу уплачены берлинским казначейством. А «Новое Время» твердо знало, что в карманах турецких бунтовщиков бренчали австрийские кроны. Для «руководящих» политиков и публицистов внутренняя логика массовых движений — книга за семью печатями. Они отказываются *принять* задним числом там, где можно было *предвидеть* *.

* За полгода до апрельской контр-революции мы писали: «Нет ничего невероятного в том, что — подобно тому, как интересы буржуазной «Нации» нашли свое выражение через посредство офицерского корпуса, — так нужды крестьянства проявятся чрез посредство солдатской массы. При этих условиях игнорирование крестьянского вопроса со стороны партии, опирающейся на офицерство, может оказаться роковым для судьбы парламентской Турции». См. «Пролетарий», № 38.

тики; вынужденных в 1904 году вступать в блок с русскими либеральными и польскими реакционными помещиками, а в 1905 году раздувать аграрно-террористическое движение против помещиков; вынужденных в начале 1907 года, перед решительной победой контр-революции, приспособлять свою думскую тактику к тактике ка-дет, а в конце того же года, после этой победы, «срывать» попытку социал-демократии снова мобилизировать силы рабочего класса и на выборах в третью Думу; вынужденных, вопреки своей теории, постановлять о прекращении террора в период, когда массовые движения еще не прекращались, еще имели под собою почву, и постановлять о возобновлении террора, когда самою же партией констатировано, что рассчитывать на массовые движения не приходится; вынужденных сегодня поддерживать аграрную программу трудовиков, идущую в разрез с требованием «социализации», а на завтра выступать против этой программы с своим собственным проектом аграрной реформы.

По мере того, как в ходе революции вскрывались эти противоречия, от партии с.-р-ов отщеплялись группы, тяготившиеся режимом «революционной окрошки» и пытавшиеся выделить для собственного питания один какой-нибудь из входивших в эту окрошку ингредиентов. Народные социалисты сварили свою кашу из социально-реакционных * и политически-оппортунистских элементов; максималисты состряпали спартанскую похлебку из социально-революционного утопизма и бунтарских тенденций партии; теперь друзья г. Липина из «Революционной Мысли» хотят выцедить из с.-р-овства «чистое вино» бланкизма и терроризма, свободную от всяких примесей марксизма идеологию «инициативного меньшинства». Но выделение из партии чистых народников, последовательных утопистов и крайних террористов, если и делает ее идейно более однородной, то нисколько не ослабляет остроты противоречий, разъедающих ее, остающееся эклектическим, мировоззрение; ибо оно не сопровождается приближением самой партии к реальности классовой борьбы. Автор цитированной нами статьи в в «Известиях», Б. Т.-К., в этом отношении проявляет непозволительный оптимизм, когда говорит о том, что заграничная конференция (на которой произошел первый бой с «левыми») пыталась обосновать тактику «на реальном учете русской действительности», что для ее большинства «революция не осталась голой абстракцией, а приняла вполне конкретные, реальные формы борьбы классов». Этим словам в действительности не соответствует принятая конференцией резолюция «по переживаемому моменту». В начале этой резолюции сначала декретируется, что русская революция «носит не только политический, но и (!!) ясно выраженный социальный характер»; далее поясняется, что «в ряду задач социального преобразования первое место занимает вопрос аграрный, формулированный Партией С.-Р., как переход земли в уравнительное пользование трудового народа». Характер революции определен этими двумя тезисами. Таким образом, сущность русского аграрного *вопроса* определяется тем, какой *ответ* дает на него партия с.-р. На основе такого своеобразного определения, резолюция по части «реального учета русской действительности» может представить лишь грубое деление нации на «экономически привеллегированные классы», с одной стороны, и «трудовой народ», с другой, т. е. точь в точь такое деление, которое по Марксу характеризовало вульгарных демократов 1848 г. Как и полагается вульгарным демократам, авторы резолюции видят, что данная революция «ставит вопрос отчасти (!!) о самом существовании экономически-привиллегированных классов», причем, само собой разумеется, не делается попытки ни дать действительно объективный анализ того, какие классовые интересы и *как* отражаются в современном политическом режиме, ни формулировать происшедшую в этом отношении за последние годы эволюцию. Зато мы имеем объяснение «временного поражения революции» тем, что «трудовой народ, вследствие недостаточной организованности и сознательности, мог выставить лишь свой авангард — революционную интеллигенцию и городской пролетариат; крестьянство же в массе или принимало косвенное участие в борьбе или вело борьбу недостаточно сплоченно и сознательно», — объяснение, опять-таки буквально повторяющее те, какими во все времена отделывались вульгарные демократы после поражения революции; объяснение, наивно игнорирующее реальные противоречия самой революции, противоречия классовых интересов, игравших в ней роль, и классовых движений, составлявших ее содержание; объяснение, неспособное, поэтому, открыть *необходимость* данного поражения революции в тех самых условиях, которые сделали необходимым ее возникновение; не могущее бросить хотя бы самый слабый свет на те условия, которые, в конце концов, сделают необходимым

* Идея опеки «демократического» государства над крестьянином.

Но они никогда не отказываются *использовать*. И вот в то время, как младотурецкое офицерство собирает вокруг себя верные ему войска и ведет их на Константинополь, петербургское правительство вплотную принимается за Персию. Оно наводняет прессу множеством телеграмм о будущих зверствах персидских революционеров и, вынужденное приспособляться к планам своего английского партнера, подталкиваемое жадностью и сдерживаемое трусостью, оно мечется из стороны в сторону, ставит персидскому правительству ультиматумы, не дожидаясь ответа, отдает приказания о вступлении русских войск в Персию и тут же эти приказания отменяет (21 апреля н. ст.). Рука об руку с Англией царское правительство — поистине зрелище для богов олимпийских! — требует от шаха восстановление конституции и амнистии для всех революционеров. Оно справедливо решает про себя, что подготовлять ли оккупацию страны под лозунгом: *за меджелис* или *за шаха* — разница небольшая. «Еще и еще раз повторяем, — умоляет «Речь»: нам нельзя завязать наши силы в Тавризе, когда все наше внимание должно быть обращено на Босфор». Но тщетно! В конце апреля отряд генерала Снарского: четыре эскадрона казаков, две конные баттареи, три батальона пехоты и одна саперная рота, всего 2600 ч., вступает в Персию. При этом в особой ноте иностранным кабинетам царское правительство обязуется отозвать отряд, «как только в Тавризе водворится порядок». Между тем младотурки выходят победителями из борьбы, низлагают султана, возводят на трон другого и восстановляют в стране конституционный порядок мечем военной диктатуры. Надежда на то, что турецкая контр-революция откроет на Балканах новый период всеобщего хаоса и прикует к Балканам внимание всех европейских держав, оказалась тщетной, — и царское правительство проявляет в Персии жалкую нерешительность; его экспедиция ограничивается отдельными экспериментами разнузданного произвола, в общем же остается бессильной свидетельницей гражданской войны. Она вызывает к себе враждебность реакции, злейшую враждебность обманутых надежд и патриотическую ненависть всех элементов революции. Эти последние в Персии, как и в Турции, могут быть распределены на две группы. С одной стороны, передовые слои слагающейся буржуазной «нации» (интеллигенция, купечество, ремесленники), которые ведут борьбу против сословного и династического господства каджаров, против хищной теократии и засилья европейцев, их лозунг — централизованное персидское государство по европейским образцам. С другой стороны, идет борьба патриархально-варварских провинций, кочующих племен и орд против посягающего на них государства с его фиском и бюрократией. В этом сочетании виден результат того огромного внешнего давления, путем которого Азия насильственно втискивается в новые условия исторической жизни; разные ступени социального развития при этом искусственно сближаются и порождают комбинацию таких движений, которые в Европе были отделены одно от другого

продолжение революционного процесса и разрешение выдвинутых революцией задач. Права, поэтому, «Рев. Мысль», когда настаивает на недоказанности того самого тезиса, согласно которому побежденная революция победит только потому, что нужды и потребности, вызвавшие ее, остались неудовлетворенными: «Рев. Мысль» права, поскольку имеет дело с отвлеченной и догматической аргументацией, образчик которой дан в резолюции с.-рской конференции; и она не права, когда эту *каррикатуру* на марксистский, классовый анализ условий поражения революции и условий ее победы выдает или принимает за подлинник; когда от недоказанности и недоказуемости абстрактных положений вульгарных демократов умозаключает к невозможности методом материалистического анализа определить линию грядущего общественного развития.

Социал-демократы тоже ставят себе целью путем «учета действительности» открыть условия будущей победы революции. Но они, худо ли, хорошо ли, подвергают эту действительность материалистическому анализу, точно определяют ее экономический характер, тенденции ее развития и выражение этих тенденций в взаимоотношениях классов. Поэтому, марксист говорит определенно о *буржуазно-капиталистическом* развитии России, не мирящемся надолго с сохранением варварских общественных форм, в то время, как с.-р-ы в той же резолюции удовлетворяются заявлением, что «задачи, выдвинутые революцией.., властно требуют своего разрешения, так как это является необходимым условием *развития страны*» (курс. наш) — очевидно, развития страны к «уравнительному землепользованию трудового народа»? Исходя из представления о буржуазно-капиталистическом развитии, по пути которого движется не со вчерашнего дня Россия, марксист анализирует взаимное положение конкретных классов буржуазного общества и старается определить, при наличности каких условий никогда не прерывающаяся борьба классов должна будет снова принять форму народной революции. А соц.-рев., разделив общество на «привилегированных» и «народ», выводит имманентную необходимость революции из простого факта глубокой противоположности интересов этих двух категорий.

Полное отсутствие действительного классового анализа с особенной силой сказывается там, где с.-р-ы говорят о крестьянстве. Последнее и в резолюциях конференции, и в резолюциях последовавшего за ней Совета Партии, все время трактуется (с прибавкой эпитета: «трудовое»), как нечто единое. Немудрено, что практические директивы в области деревенской работы носят совершенно отвлеченный характер: «обострение и расширение повседневной работы на местах во всех ее формах, не расходящихся с основными принципами нашей программы и тактики, в целях вызвать массовое движение и подъем, которые могли бы (!) привести к социальному перевороту»; «воспитание масс в повседневной борьбе, направляемой в сторону развития их классовой сознательности и организованности» и т. д. в том же духе. Каким образом «повседневная борьба», ведущаяся в данный момент в деревне одними «трудовыми» крестьянами за раздел общинных земель, другими — за их сохраненне во власти мира, должна быть направляема к развитию «классовой сознательности» тех и других (сознательности, понимаемой в смысле «социализации») — остается тайной авторов резолюции.

Как известно, главным пунктом, по которому произошло расхождение между «левыми» и «правыми», является старый вопрос о терроре. По мнению «левых», партия, благодаря пагубным марксистским влияниям, притупила это орудие «инициативного меньшинства».

По мнению Б. Т.-К., партия решительно отмежевалась от «любителей упрощенных схем», от представителей «абстрактного трактования революции и от изыскания методов, пригодных как в России, так и в Македонии, Парагвае и т. д.», от тех, кто рассматривает «революционное движение как техническую задачу».

На деле чорт оказался менее страшным, чем его малевали и враги, и друзья. «Резолюция по террору», принятая конференцией, своим эклектизмом может удовлетворить самого любвеобильного из профессиональных «объединителей»; нынешняя позиция партии по вопросу о терроре выражена настолько неопределенно, что трудно понять, почему бы самым «левым» из ультра-террористов не примириться с нею.

Посмотрите, в самом деле, на этот образчик политической мудрости.

Кто сказал, что развращенные марксизмом с.-р-ы перестали признавать роль «инициативного меньшинства»? Клевета!

«Конференция находит... 2) что террористическая борьба, являясь одним из проявлений боевой активности инициативного меньшинства...»

А кто сказал, что с.-р-ы склонны сводить революцию к поединку террориста с самодержавием? Клевета! Террористическая борьба, продолжает резолюция,

---

веками. Перевес при этом остается, конечно, за центростремительными тенденциями новой государственности: беспомощным при всей своей подчас свирепости взрывам свободолюбивых номадов знамя дает революционный национализм. Внутренние противоречия этой комбинации так или иначе найдут еще себе выход наружу, но пока что она сообщила персидской революции большую силу упорства. Русская политика в течение последних двух лет сводилась не столько к тому, чтобы защищать шахский деспотизм, сколько к тому, чтоб не дать окончательной победы ни одной стороне и поддерживать таким образом непрерывный хаос, как необходимую предпосылку окончательного расчленения страны. Во то время, как Снарский разоружал тавризских революционеров и налагал контрибуцию на Саттар-хана, а русско-английская дипломатия прививала шаху конституционные убеждения, революционные силы стягивались к Казвину для похода на Тегеран. Тщетно британский и русский поверенные разъясняли мятежникам, что их выступление «мешает восстановлению конституции» и потому является «крайне неуместным», — националисты и бахтиары с удвоенной энергией выполняли свой план. Тогда из Петербурга отдают кавказскому наместнику приказ: двинуть из Баку через Энзели к Казвину второй отряд, размером около 2000 чел. Слишком поздно! скрежещет зубами «Новое Время». Промигали турецкую революцию и балканские затруднения, промигали константинопольскую контрреволюцию, не нашли ни удобного времени, ни удобного повода, чтоб покончить с шахом, со всеми этими фидаями и бахтиарами, а за одно с самостоятельностью Персии. Теперь события развиваются на виду у всех английскому правительству приходится считаться с общественным мнением демократическаго избирателя, а русскому правительству — с мнением английского... Слишком поздно! В середине июля (н. ст.) революционеры берут Тегеран, шах укрывается в русском посольстве, откуда собирается на южный берег Крыма: из-под защиты Ляхова — под высокую руку Думбадзе.

5. Империализм и наши задачи.

Оккупация Персии должна была послужить реваншем за балканский провал. Что персы в отличие от сербов не пишут кириллицей и повинны в шиитской ереси, на это Цинделю, Крестовникову и Гучкову в конце концов в высокой степени наплевать. Если кадеты своему «протесту» против персидской авантюры старались придать принципиальный славянофильский характер, то лишь для того, чтобы прикрыть свои опасения за ее успех. С своей стороны они сделали все, что могли, чтоб примирить английское общественное мнение с политикой царизма и таким путем облегчить расчленение Персии. Вместе с октябристами кадетские депутаты подписали протест против манифеста английской рабочей партии, который приветствовал «представителей русского народа»,

«имеет значение не самодовлеющего поединка революционеров с правительством, но авангардного столкновения, связанного с массовым движением, имеющим тенденцию вылиться в вооруженном восстании и строго сообразованного с интересами этого восстания».

Кто сказал, что в терроре нет ни грана специально социалистического содержания? Клевета!

«Только такая постановка террористической борьбы соответствует нашему взгляду на самодержавие, как на диктаторскую форму господства тройственного реакционного союза — дворянства, бюрократии и крупной буржуазии». «Только такая постановка террора соответствует нашему пониманию социального содержания грядущего политического переворота и той роли, которая принадлежит в нем силам трудовых масс».

Теперь уже партия окончательно реабилитирована от подозрения в наклонности к «единоборству». И одним духом после приведенной мотивировки резолюция делает следующий вывод «в применении к настоящему моменту и переживаемому партией кризису».

1) «В настоящий момент торжества контр-революции и свирепых правительственных репрессий сдавленное недовольство масс, не находящее себе выхода в открытых выступлениях, с особенною силой выдвигает на очередь задачу борьбы революционного меньшинства с оружием в руках».

Читатель не ожидал этого вывода? Он думал, что «авангардное столкновение, связанное с массовым движением» в мотивированной части к чему-нибудь обязывает в части заключительной? Наивный читатель! Слова никогда ни к чему не обязывали. А фразы о терроре, как авангардном столкновении, связанном с народным восстанием, всегда были и оставались в устах русских террористов «словами, словами и словами». И велика заслуга «левых» с.-р-ов, решившихся ныне восстать против традиционной партийной двойной бухгалтерии и заявить прямо и открыто *.

«Русскую революцию» *необходимо сделать* (курсив подлинника)... Выполнение политического переворота силами партии, как инициативного меньшинства, опирающегося на все имеющиеся активные силы масс... только героические акты, только предсмертная песнь борцов за бессмертные идеалы может поднять передовые отряды масс и вдохновить их на бой... В руках русских революционеров судьба России... тот фитиль от порохового погреба, взрывом которого только и могут быть сдвинуты ушедшие вглубь народного океана революционные волны. Не произойдет этого взрыва... и настанет мертвый штиль надолго не только в России, но, вероятно, и во всем мире (!)».

«Левые» с.-р-ы восстали против «марксизма», мешающего партии с.-р-ов развить все свои революционные возможности. Они не видят, что именно этот «марксизм», то есть это самоограничение утопизма известной эклектической примесью элементов научного социализма, позволяло партии с.-р. вообще существовать в период открытой борьбы классов. Освобождаясь от этой примеси «левые» с самого начала выступают в таком шутовском наряде самой архаической, примитивной «ткачевщины», что опасность быть соблазненными новой партией может грозить только самым зеленым гимназистам и самым непроницаемым из завзятых с.-р-ских «боевиков». «Нет граней возможного, нет пределов достижимого» — эти гордые слова первого программного выступления «Союза левых», долженствующие объяснить их презрение к «минимальным» программам, останутся символом беспредельности того самомнения профессиональных заговорщиков, которое является лишь отражением безнадежного политического и идейного бессилия.

Повидимому «левым», если их существование не будет совершенно эфемерным, предстоит играть роль «илотов», демонстрирующих для общей пользы вред опьянения интеллигентской фразой.

Партия с.-р., конечно, хорошо сделала (если это от нее зависело), давши «левым» возможность предстать перед публикой в натуральном виде. Но отщеплением «левых» вовсе не решается кризис, симптомом которого оно явилось. Как и после откола эн-эсов и максималистов, миросозерцание партии остается не более устойчивым, чем было ранее. Ибо для эклектических смесей не существует определенной пропорции, в которой разнородные ингредиенты могли бы образовать химически однородную массу. А при таком условии только случай, только совпадение индивидуальных моментов объясняет то, почему, скажем, г. В. Чернов довольствуется 1 частицей марксизма на 10 частиц народничества и почему тому же Б. Т.-К. на то же количество требуется никак не менее двух частиц марксизма; почему Б. Т.-К. божится «классовой точкой зрения» в то самое время, как В. Чернов в «теоретическом»

* «Рев. Мысль», № 5, стр. 83.

а царю отказывал в гостеприимстве английских народных масс. Кадетские лидеры вместе с октябристскими объявили себя возмущенными «нанесенным (им) оскорблением», — и пред лицом европейской демократии солидаризировались с «нашим Государем». В огромной книге, посвященной нравственному распутству европейского либерализма, это событие останется, как одна из самых отвратительных страниц. Дело российской социал-демократии — сорвать последние остатки демократического грима с этих бесстыдных либеральных рож и показать их европейской пролетарской демократии во всей их византийской наготе!

Но и другие задачи вырастают пред российской социалдемократией из империалистического союза царизма и буржуазных партий. Судьба Персии на весах истории еще не взвешена и не решена. Русские отряды еще не покинули Тегерана и Тавриза. Они еще ждут своего часа. И этот час может наступить скоро. В тот момент, когда мы пишем эти строки, над Балканами сплошной тучей висит призрак греко-турецкой войны. История снова хочет посмеяться кровавым смехом над заверениями коронованных тупиц, которые в своих заздравных тостах дают ей миролюбивые директивы, а в свои рукопожатия вкладывают гарантии спокойного развития. Движимая логикой военно-революционной диктатуры Турция ищет воинских побед. Если война разразится, она поставит на карту судьбу новой Турции, для которой поражение означало бы крах нового режима, а победа окончательно упрочила бы военную олигархию и тем проложила бы путь турецкому бонапартизму. Вместе с тем война снова развернет весь свиток балканских вопросов и сосредоточит на них внимание и силы европейских держав. Такое положение было бы как нельзя более благоприятно для заплечных мастеров «нашего Государя» и для тех партий, которые заодно с ними и с ним. Для Персии это положение означало бы смерть.

Зорко следить за развитием международных отношений. Вскрывать их связь с игрой политических партий внутри страны. Давать общественному мнению социалистического пролетариата ясное и отчетливое выражение. Объединять политическую агитацию в массах и объединять политические выступления масс. Неутомимо организовать партию в ожидании великих событий. Таковы наши задачи.

И внутреннее развитие страны, и международное положение ставит пред Россией альтернативу: *империализм или революция?* Предпосылки успешного империализма минимальны. От социалистического пролетариата в значительный мере зависит уничтожить их совсем.

Наш лозунг: против империализма — за революцию!

Н. Троцкий.

исследовании * тщится доказать, что самое понятие класса более или менее проблематично и что борьба классов всего лучше может быть понята, как «частный вид борьбы за индивидуальность», благодаря чему «социологические выводы экономических исследований Маркса приводят нас к исходному пункту социологии Н. К. Михайловского».

Так как на вкус и цвет товарища нет и не всякому дано обладать в отношении эклектических неудобоваримостей «чугунным» желудком В. Чернова (этот все переварит!), то нет основания ожидать, что после ухода «левых» в партии сможет на сколько-нибудь долгое время установиться какой-нибудь «средний» взгляд на надлежащую пропорцию, в которой должна готовиться, по выражению «Рев. Мысли», «революционная окрошка» партийного миросозерцания. Предстоит, очевидно, новые уклонения и новые отколы. Спаять партию и удержать от распада может только решительный разрыв с идеализмом и утопизмом, только действительный переход на почву классовой борьбы. А на этой почве оставаться социалистами можно только, примыкая к движению пролетариата.

В России, до дна потрясенной великою революцией, сделавшей уже значительный шаг вперед от до-революционной аморфности, неопределенности социальных отношений, мыслимо только одно социалистическое движение, пролетарское, лишь одна революционно-социалистическая теория — марксистская.

* «Рус. Богатство» V, 1909.

О проекте выделения Холмского Края.

Рассматривая законопроект о Холмской губернии, предложенный правительством Госуд. Думе, Главное Правление Социал-демократии Польши и Литвы приходит к следующим заключениям:

I.

Политика «объединенного» правительства Столыпина-Роговича и националистической части так называемого общества с «союзом русского народа» во главе, стремящихся обосновать свой законопроект ссылками на «историческое право» России на Холмскую Русь со времен Владимира Св. и необходимостью обеспечения интересов православного населения в Холмском крае от полонизации и католизации, является неслыханным по своему откровенному цинизму и в то же время превратной лживости, актом произвола по отношению к нескольким сотням тысяч населения польской национальности к вящей славе самодержавия, православия и национальной русской самобытности — тех трех основ, на которых и поныне держится правительственный режим в России. Отсекая совершенно механически, насильственным путем часть Царства Польского, которое, в силу данных исторических условий развития, образует определенное культурно-экономическое целое — правительство контр-революции доказывает лишний раз, что оно органически неспособно отрешиться от того крепостнического взгляда, в силу которого обширнейшее в свете государство со 140-миллионным населением составляет лишь неотъемлемую собственность его коронованных и некоронованных властелинов, вполне вольных распоряжаться его жизнью и судьбами по своему благоусмотрению. Неуклонно проводя и без того в Царстве Польском варварскую политику обрусения, правительство однако не удовлетворено еще этим и ставит ныне население Холмского края, относительно национального гнета и религиозных преследований, в совершенно исключительное положение — даже по сравнению с другими частями Ц. Польского. Отдавая многотысячное польско-католическое и русинское, приверженное к старому униатскому исповеданию, население на поток и разграбление черносотенной шайке Илиодоров Царицынских, Антониев Волынских, Евлогиев Холмских и объединенных с ними, алчущих новой наживы, истинно-русских бюрократов и генералов-помещиков вроде Нолькенов и Казнаковых, правительство Столыпина и III Думы положило начало такой оргии шовинизма и травли «инородцев», на какую не решалось даже правительство Александра III и Победоносцева.

II.

Ввиду того, что законопроект о Холмской губернии обосновывается со стороны правительства заботой об экономических, культурных и религиозных интересах православного и русского населения в Холмском крае, мы, протестуя самым решительным образом против лицемерной меры правительства, будто бы направленной к этой цели, заявляем следующее:

Социал-демократия не может рассматривать вопрос о выделении нескольких уездов из Царства Польского и образовании из них Холмской губ., в качестве составной части киевского генерал-губернаторства, ни как вопрос исторического права — поляков или русских, — ни равным образом, как вопрос о территориальной собственности той или другой нации. Административное перераспределение областей и мест с нашей точки зрения имеет значение лишь постольку, поскольку им затрагиваются интересы трудящихся слоев населения или же — ввиду того, что социал-демократия борется с гнетом и эксплоатацией во *всех* их формах — постольку, поскольку оно связано с созданием привилегий для одной части населения и ставит другую часть в исключительное, угнетенное положение. С другой стороны, социал-демократия борется за создание и сохранение самых благоприятных условий для свободного и успешного культурного развития. Исходя из этого, мы требуем сохранения административного объединения в одно целое территорий, составные части которых, как это имеет место по отношению к Царству Польскому, связаны и объединены исторически общим им экономическим и культурным развитием. В пределах такого административного объединенного целого, экономические, культурные, религиозные — вообще все интересы какой бы то ни было части населения — могут быть обеспечены только в том случае, если на почве общих истинно-демократических основ государственного строя данному населению предоставлена будет возможность заботиться самому о своих интересах — как в области местных нужд, так и в тех сферах, которые не затрагиваются интересами государства. Согласно с этим, единственными гарантиями для обеспечения интересов населения Холмского края являются *демократически-республиканские учреждения* во всем государстве, обеспечивающие в частности Царству Польскому *автономию*, населению же всего государства и в частности национальным и вероисповедным меньшинствам отдельных областей *следующие основные права*: а) полную гражданскую свободу (свободу союзов, собраний, печати и слова), б) полное равноправие национальностей, обставленное необходимыми полными и общественно-правовыми гарантиями, в) полную свободу совести с устранением какого-бы то ни было вмешательства государства в дела учреждений, служащих к удовлетворению религиозных нужд населения, г) широкое местное: общинное, городское и областное самоуправление населения во всех делах, не имеющих общегосударственного значения.

III.

По отношению к политике Польского Кола, как официального представительства польских буржуазных классов в Думе, мы констатируем следующее:

Ожесточенно борясь и подавляя революцию, укрепляя таким образом самодержавие и впоследствии контр-революцию, — это воплощение объединенного духовно-политического господства одичавшего мракобесия православного попа, разнузданности озверевшего хулигана и крепостнической реакционности дворянского зубра, политическое представительство польской буржуазии, в лице партии Народной Демократии с Польским Коло во главе, само деятельно подготовляло и собственными же руками создавало новую почву для политики национального гнета вообще и для законопроекта о Холмской губернии в частности.

Вполне отдавая себе отчет — как это явствует из декларации Коло по поводу внесения законопроекта о Холмской губ. — в том, что правительство стремится «не только к продолжению, но и к яркому усилению политики гнета и преследований» по отношению к Польше, Коло еще недавно — всего несколько недель и даже несколько дней тому назад — вотировало правительству бюджет всех его министерств — министерств Цусимы, Мукдена и карательных экспедиций, министерств судебной гильотины и народного одурачивания, вотировало ему в свое время заграничный заем, увеличение контингента рекрутов, голосовало против признания неотложности отмены смертной казни, одним словом, деятельно поддерживало всю систему произвола, насилия и необузданной реакции, составляющих содержание нынешнего правительственного режима и черносотенной Думы.

Констатируя, что Польское Коло своей общей политикой не только топтало в грязь достоинство польского народа, но само собственными руками поддерживало и укрепляло ту антипольскую политику национального угнетения, против которой оно теперь «протестует» в своей декларации, мы клеймим и ставим Польское

Коло вместе с Народовой Демократией, политику которой оно проводит, к позорному столбу — наравне с правительством Столыпина и его черносотенными подпорами — ибо, подобно тому, как последние подчиняют интересы всей России интересам кучки крепостников помещиков и представителей крупного капитала, точно так же Коло и Народной Демократией принесены и ежедневно приносятся в жертву интересы культурного развития Польши узким и эгоистическим классовым интересам польской буржуазии.

На очереди.

(Письмо из Петербурга).

Соц.-дем. фракции в Гос. Думе приходилось при разрешении различных вопросов, при выработке различных законопроектов сталкиваться за прошедшие две сессии с целым рядом затруднений чисто *принципиального* свойства. Возникали вопросы, на которые вовсе не было ответа в нашей программе-минимум, даже такие вопросы, которые трудно поддавались разрешению на основании существующей программы. Многое приходилось разрешать на свой риск. Это вызывало дебаты, тормозило работу. Наша заграничная печать, к сожалению, мало внимания уделяла таким вопросам, интересуясь больше тактикой фракции. В легальной печати трудно было обсуждать эти вопросы, так как в нашем распоряжении нет соответствующих органов. Подводя на своих последних заседаниях итоги своей деятельности за 2 сессии и намечая план работ в будущем, с.-д. фракция предложила одному из сведущих лиц представить доклад об этих затруднениях, связанных с существующей программой-минимум. Доклад этот подвергся обсуждению на пленарном собрании фракции и был намечен ряд пунктов, которые желательно было бы изменить или дополнить в нашей программе. Пункты эти мы приводим ниже. Они будут сообщены организациям официально с.-д. фракцией. Здесь мы хотели бы иллюстрировать на отдельных пунктах те методы, которыми руководствовалась фракция, предлагая широким партийным кругам поднять дискуссию по различным вопросам нашей программы.

Программа-минимум не есть нечто постоянное, неизменяемое. Условия изменяются, возникает целый ряд новых жизненных вопросов, равно как многие сходят со сцены (круговая порука, выкупные платежи и т. д.). Первый вопрос, на который натолкнулась фракция, это был вопрос об общине. Нужен ли свободный выдел с землей или без, и если с землей, то кому принадлежит решающий голос: каждому ли выходящему из общины или же общине как коллективу. Далее возник вопрос о личной или семейной собственности на землю. Это вызвало дебаты. Были выработаны тезисы, которые были приняты с.-д. фракцией. Однако, остается открытым вопрос, приемлемы ли эти тезисы для партии. Мнения по этому вопросу в аграрн. комиссии разделились. И это вопрос не фракционный, т. к. и противникам тезисов принадлежат одинаково как больш. так и меньш., как национализаторы, так муниципализаторы, равно как и защитниками этих тезисов явились представители различных взглядов на нашу аграрн. программу. Уже из этого явствует особая серьезность вопроса, которому фракция уделяла очень много времени в первой сессии. Несмотря на принятие Думой закона 9 нояб., вопрос об общине для нас не кончен. Он стоит в связи с аграрн. законопроектом. Внесение такового в Думу вопрос решенный. Это считала нужным сделать и фракция 2-й Думы. Но вот новая трудность. Несмотря на то, что в аграрной комиссии в прошлом году работало большинство партийных специалистов по аграрному вопросу, не нашлось ни одного человека, который взял бы на себя выработку такого законопроекта. И это потому, что не было в комиссии *ни одного* последователя муниципализации. Были национализаторы, апрограммисты с разделом как тактической мерой, разделисты, национализаторы в связи с муниципализацией, но, повторяю, муниципализаторов *не было*. И единственно к чему пришли, это — сделать предложение П. М., автору муниципализации, приготовить законопроект.

Но, если с думской трибуны муниципализация и защищалась в силу партийной дисциплины, то в комиссии и в пленарных собраниях довольно определенно высказывались пожелания о необходимости пересмотра аграрной программы. *Настоятельно* рекомендуем *поднять этот вопрос заблаговременно в нашей печати и подготовить таким образом почву для изменения этой программы на ближайшем съезде. Далее идут вопросы о сервитутном и чиншевом праве.* И по этим вопросам приходилось выступать и принимать решения. Следует их рассмотреть, вынести определенный взгляд. Положение на Урале выдвинуло вопрос *о посессионном праве* и о том, как быть с *недрами земли* (вопрос о горной свободе). У нас по этому пункту ни слова в программе. Возник еще вопрос: можем ли мы требовать *передачи частных предприятий в казну*. Это в связи с кризисом и сильнейшей безработицей, которую переживает население Урала. Что касается рабочего вопроса, то предлагается внести ряд законопроектов в будущую сессию. *Вопрос о страховании* рабочих вызвал в соответственной нашей комиссии длинные дебаты. Были выработаны тезисы (куда входит страхование от безработицы и т. д.). Эти тезисы желательно подробно обсудить в заграничной печати (даже такой частный вопрос, как праздничный отдых, т. е. следует ли фиксировать определенный день или просто требовать 42-час. непрерывного отдыха, очень интересует фракцию). Интересуют широкие рабочие круги вопрос о кооперациях, о *фабричной инспекции* (те начала, которые наложены в программе, не достаточны), больничные кассы, жилищный вопрос и т. п.

Что касается местного суда, то на основании программы трудно разрешить, как быть с местными *гражданскими* судьями, как их «выбирать», когда нужны специалисты. Далее нужен *ли личный или коллегиальный* суд и т. п.

Но особенно больной вопрос, это — вопрос *окраинный*, вопрос *национальный. Это особенно волнует фракцию.* Уход Кузьмо, Гайдарова — связан отчасти с этими вопросами. Нужно конкретизировать наши взгляды, полнее определить наши понятия *«национальное самоопределение»*, вопрос о национальном представительстве в местных учреждениях (пропорциональное представительство и т. п.).

Наконец, фракция выразила особое пожелание, чтобы вопрос *бюджетный*, т. е. при каких условиях допустимо вотировать за бюджет по народному образованию, за ассигновки на продовольственные нужды и вообще на культурные цели, чтобы этот вопрос был *детально* разработан.

Пункты:

1) *Вопрос аграрный*: а) Община. Выход с землей или без земли. Личная и семейная собственность. Тезисы. в) Аграрный законопроект: национализация, муниципализация, раздел; с) О сервитутах, чиншевом владении, д) О посессионном праве, е) О недрах земли.

2) *Вопрос рабочий*: а) страхование (тезисы страхования), страхование от безработицы, фабричный инспекторат, кооперации, жилищный вопрос.

3) *Судебный вопрос*: а) местный суд, гражданские судьи, личное и коллегиальное начало.

4) Детализация *национального* самоопределения. Автономия. Местное самоуправление на *окраинах* со смешанным населением в связи с национальным представительством.

А. Чужнов.

От ред. Вопрос о необходимости некоторой детализации и некоторых изменений в нашей программе-минимум (в частности — в отделе специально рабочих требований) поднят был также в рабочей делегации недавнего съезда фабрично-заводских врачей.

Редакция охотно уделит место на страницах Ц. О. дискуссии по этим вопросам.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Финансовая реформа в Германии.

В Германии только что закончилась позорным фиаско одна политическая кампания правительства. Последствия этого поражения еще долго будут сказываться в политической жизни страны, и по этой причине данный инцидент заслуживает большого внимания.

Дело шло о том, чтобы поправить финансы; уже целый ряд лет финансы страны находятся в безнадежном состоянии, что видно из одного того факта, что уже много лет бюджет оказывается возможным сводить только при помощи займов. В течение последнего пятилетия пришлось сделать следующие займы: в 1904 году — 100 миллионов марок, в 1905 г. — 324 миллиона, в 1906 г. — 258 миллионов, в 1907 г. — 254 милл., в 1908 г. — 261 миллион. Причиною такого состояния финансов являются расходы на милитаризм, которые растут с особенно головокружительной быстротой с момента восшествия на престол Вильгельма II. В 1888 г. расходы на армию и флот

равнялись 657 миллион. мар., а к 1908 году эти расходы, возрастая с каждым годом, достигли 1 400 миллионов марок. Дальнейшей причиной являются расходы на колонии; эти расходы в течение того же промежутка возросли с 12 миллионов до 62 миллион. марок. Эта финансовая политика дефицитов привела к колоссальному росту государственной задолженности: в 1888 г. она равнялась 721 мил. марока, в 1908 г. — 3 900 мил. марок *; одни проценты по государственным долгам равны ежегодно сумме в 150 мил. марок. И, чтобы выйти из этого стесненного положения, правительство решило прибегнуть к «реформе», которая заключается, конечно, не в сокращении расходов, а сводится просто к тому, чтобы выжать из населения больше денег. Было решено увеличить налоги на сумму ежегодно в 500 мил. марок. И это — в то время, как налоги и пошлины без того в последнем году равны были уже 1 258 мил. марок! Одним ударом решено было взять еще 500 миллионов!

Со времени последних выборов правительство опиралось на неестественный союз консерваторов с либералами. Между тем, один из пунктов программы части либералов — свободомыслящих — высказывается против косвенных налогов. Но правительство было убеждено, что, несмотря на это, эти герои преспокойно проголосуют за новое повышение косвенных налогов. Но, чтобы облегчить им публичную измену их собственной программе, правительство предложило взять лишь 400 миллионов путем косвенных налогов (главным образом на пиво, табак и водку) и 100 мил. путем введения прямого налога (на наследства). Господа либералы на это охотно согласились бы, но тут воспротивились консерваторы: им очень не по душе оказались налоги на наследства, так как эти налоги, естественно, падали бы за имущие классы.

Таким образом, на первый план выдвинулся вопрос о налогах на наследства, и в течение полугода борьба велась именно вокруг этого пункта, при чем на этом вопросе разорвался либерально-консервативный блок. Имперский канцлер, князь Бюлов, настолько связал себя выступлением за эти налоги на наследства, что, после того, как большинство рейхстага отвергло этот проект налогов, ему пришлось подать в отставку. Это новое большинство рейхстага составилось из консерваторов, центра (партия католиков) и фракции поляков.

Чрезвычайно характерно, что эти три партии могли так тесно сойтись. Интересы их часто бывают совершенно противоположны. Консервативные юнкера являются заядлыми врагами поляков. Резкие политические разногласия имеют место и между консерваторами, с одной стороны, и центром — с другой: консерваторы защищают преследования католицизма и кроме того борются против центра, потому что последний ради уловления рабочих, часто старается окружить себя фальшивым ореолом демократизма. Но тем не менее, одна общая черта связывает и объединяет все эти партии: все они находятся под влиянием крупного землевладения.

Консерваторы являются партией прусского юнкерства, польская фракция состоит преимущественно из шляхтичей, центр представляет частью интересы крупного землевладения в католической Западной Германии. Проектировавшаяся «реформа» между прочим касалась налогов на спирт, а система этих налогов в Германии такова, что крупные землевладельцы в качестве спирто-заводчиков получают сверх-прибыль, имея возможность — благодаря налоговой системе — продавать спирт по цене несравненно более высокой, чем то обусловливается издержками производства и налогами. Чтобы сохранить во всей полноте эту старую систему, эти три партии и заключили союз. Забыта была вся религиозная, вся национальная вражда. Общие интересы в области отравления народа спиртом объединили юнкера-протестанта, попа-католика и поляка-шляхтича, и все они простерли друг другу братские объятия.

Достигнувши единства в данном пункте, это реакционное большинство затем беспощадно провело проектированное повышение косвенных налогов и между прочим изобрело еще некоторые новые налоги, которые отчасти должны затронуть промышленный капитал, но совершенно не лягут ни малейшей тяжестью на крупное землевладение. Повышены были налоги на пиво, табак, водку, пошлины на кофе и чай, далее вновь введен налог на спички и на электрические и газовые лампы.

Система косвенных налогов в Германии — эта система, кстати, рабски копируется и России — особенно тяжело давит народные массы тем, что дает возможность производителю возлагать на потребителя тяготы, далеко превосходящие налоги. Это — прежде всего пошлины на зерновой хлеб; пошлины эти приносят государственной казне до 250 мил. марок, но они удорожают и хлеб, производимый *внутри* страны. Благодаря этому удорожанию, потребители вынуждены переплачивать на хлебе, производимом внутри страны, около *миллиарда марок* (по сравнению с ценами на мировом рынке), и этот миллиард утекает в кассы крупных землевладельцев. Точно так же обстоит дело и с налогами. Налоги на пиво, напр., теперь повышаются в такой мере, чтобы они принесли государству на 100 мил. марок больше, чем до сих пор. Но вместе с тем большинство рейхстага решило сделать невозможным возникновение новых пивоваренных заводов, приняв обязательство для ново-возникающих заводов платить налогов на 50% больше. И таким образом возникает теперь частная монополия пивоварен. В результате пивоварни подымут цены на пиво гораздо выше, чем то составляют налоги: новые налоги удорожают пиво на $2^1/_2$ пфеннига на литр, а синдикат пивоварен намеревается поднять цены по 10 пфеннигов на литр. В Германии потребляется ежегодно около 7 300 миллионов литров пива, и, таким образом, на потребителей теперь возлагается новый налог в 730 миллионов марок в год; из этой суммы государство получит лишь 100 мил. марок, тогда как остальные 630 миллионов пойдут в карманы владельцев пивоварен и пивных лавок. То же относится, разумеется, и к налогам на спирт и спички. Новые косвенные налоги возлагают на плечи народных масс новых 400 миллионов марок, что составляет на человека в среднем 6,6 марок, а удорожание продуктов частными монополиями приводит к обременению населения по крайней мере новым миллиардом марок, т. е. по 16,6 марок на человека.

Совершенно ясно, что такая эксплоатация потребителя вызывает сильнейшее брожение в широких массах населения. Самый индифферентный рабочий полон озлобления по этому поводу. Соц.-демократия должна, конечно, счесть своим долгом использовать это справедливое возмущение масс для пропаганды против милитаризма, обусловившего повышение налогов, и против реакционных партий, не останавливающихся перед таким наглым выжиманием налогов из трудящихся масс.

Поведение с.-д. фракции рейхстага во всей этой борьбе вызывает различную оценку, и в партийной печати германских товарищей по этому поводу уже возникла полемика. Карл Каутский в Neue Zeit (№ 24, 21 мая 1909 г.) указал на то, что было бы безусловной ошибкой, если бы с.-д. при этой «реформе» голосовали за прямые налоги. Ибо представители пролетариата должны отвергать и прямые налоги, раз эти последние служат целям милитаризма. Фракция же, наоборот, во втором чтении голосовала за налоги на наследства, хотя она при этом дала понять, что при третьем, окончательном чтении она будет голосовать *против*. Это голосование было тактическим шахматным ходом, при помощи которого некоторые товарищи надеялись провалить всю «реформу» и принудить правительство к роспуску рейхстага и к назначению новых выборов. Это не удалось, и неудача эта показала только, насколько такие парламентские эксперименты опасны для революционной партии. Своим поведением фракция содействовала тому, что все время перед общественным мнением на первом плане оставалась свара между либералами и консерваторами из-за налога на наследства, между тем как для пролетариата эта свара имела совершенно подчиненное значение, по сравнению с вводимыми новыми чудовищными косвенными налогами. В результате получилась большая путаница, и партия во всей этой кампании выступала вне стен парламента далеко не со всей той энергией и ясностью, которые мы привыкли видеть у немецкой социал-демократии.

Ясная позиция партии под старым испытанным лозунгом: «этому правительству — ни одной копейки и ни одного солдата!» дала бы возможность партийной агитации принести несравненно лучшие результаты. А так рабочие массы остались праздными созерцателями парламентской игры... Фракция, имея перед собой сплоченное реакционное большинство, не прибегла и к решительной обструкции в парламенте — прием, который заставляет парламентское большинство в борьбе отвоевывать каждый параграф и тем самым усиливает внимание масс вне парламента и тому, что происходит внутри него. Вместо этого с.-д. фракция сама, так сказать, признала пре-

* Сумма эта кажется не столь большой в сравнении с задолженностью других государств; однако, необходимо иметь в виду, что, кроме этих общегосударственных долгов, отдельные государства имеют еще свои собственные долги. Так задолженность Пруссии равна 8 миллиардам марок, Баварии — около двух миллиардов, Саксонии — 1 миллиард и т. д. Вместе вся задолженность страны равна 17 миллиардам марок.

Заметим еще что займы отдельных государств делались преимущественно на производительные цели — прибыльные жел.-дор. и т. д., — тогда как общегосударственные займы делались почти исключительно для покрытия дефицитов.

восходство противника и ограничилась пассивным сопротивлением. Позиция фракции во всей этой борьбе несомненно будет еще предметом полемики внутри партии.

Сейчас же пред партией стоит со всей неотложностью задача — использовать в интересах с.-д. пропаганды и агитации все то возбуждение, которое — как мы уже указывали — охватывает все более широкие слои населения.

И. Карский [Ю. Мархлевский].

Партийный кризис в Англии.

Бывают кризисы в социалистическом движении, которых, несмотря на их временно-дезорганизующее действие, невозможно со стороны не приветствовать. К числу таких принадлежит кризис, через который проходит в настоящий момент английская «независимая рабочая партия». Как известно, эта партия — оппортунистическая, заведомо отрицающая, как в теории, так — и это еще важнее — на практике все основоположения марксизма. Она и основана была в 1893 г. в конкуренцию социал-демократической федерации (ныне партии) для пропаганды среди рабочих «истинно-английского» социализма. В последнее время, однако, она играла крупную роль, благодаря участию в блоке с трэд-юнионами, давшему ей возможность провести в парламент больше дюжины членов, в то время как с.-д. партия не имеет там ни одного. Ее вожди, особенно, Кир Харди и Макдональд, пользовались большим влиянием в рабочих, да и в буржуазных кругах, и даже за границей на них постепенно стали посматривать, как на истинных представителей английского социалистического движения.

И вот, в этой преуспевающей партии как-то внезапно разразился кризис: упомянутые двое вождей и еще двое других, включая редактора партийного органа «Labour Leader» [1] демонстративно ушли из национального совета партии, заявив, что они не могут дольше руководить ее делами. Вначале публика думала, что здесь произошло какое-то недоразумение. Но на вакантные посты совета уже идут выборы, редакция уже передана в другие руки, а выбывшие вожди скромно заняли свои места в числе рядовых членов. Можно даже подумать, что и самый кризис окончился. Тем не менее в партии все еще продолжается сильное брожение и никому не приходит в голову считать настоящее положение дел, при котором наиболее популярные и опытные вожди разыгрывают из себя Цинциннатов, нормальным.

Что же такое произошло? Произошло нечто очень интересное. В рядах независимцев поднялось возмущение против тактики вождей — возмущение, недостаточно еще сильное, чтобы повести за собой полное преобразование партии, но достаточно сильное, чтобы вожди почувствовали себя не у места. В основе этого тактического спора лежит вопрос об отношении к блоку с трэд-юнионами, — к так называемой рабочей партии. Какое должно быть положение и какова задача социалистической партии в таком блоке? Когда-то, в самом начале возникновения блока, девять лет тому назад, по этому вопросу шел спор между с.-д. и независимцами. Первые говорили, что обязанность социалистов в трэд-юнионской среде должна заключаться в прививании и прояснении социалистического сознания. Английский пролетариат представляет из себя не аморфную, а организованную массу, которая к тому же не раз уже выступала, даже коллективно, на путь политической борьбы. Чего ему недоставало и недостает — это социалистического сознания, и на пробуждении и развитии его должны сосредоточиться силы социалистов в блоке. Независимцы не были с этим согласны. Внесение социализма в блок, утверждали они, произведет раскол в среде, все еще пропитанной буржуазными, т. е. либеральными и консервативными воззрениями. Главное— это привлечь в ряды нового движения все трэд-юнионские элементы, для чего необходимо оставить все партийные программы и лозунги и ограничиться одним лозунгом ««рабочизма». Остальное уже приложится само собой и постепенно. Так как соц.-дем. не могла согласиться на такую постановку вопроса и вместе с тем была слишком слаба, чтобы бороться с нею с надеждой на успех, то она ушла из блока. Независимцы же остались и принялись ревностно применять свою тактику.

Теперь этот самый спор возник и обострился в среде самих независимцев. Случилось то, что историк «Упадка и разрушения Римской Империи» говорил по поводу внесения в христианство языческих церемоний и учений: «Епископы, даже из наиболее приличных, уговорили себя, что невежественная деревенщина тем охотнее откажется от языческих суеверий, если найдет нечто сходное с ними и могущее их заменить на лоне христианства. Менее, чем в одно столетие, религия Константина окончательно завоевала Римскую Империю, но сами победители незаметно были побеждены чарами своих побежденных соперников». Так произошло и с независимцами. Задавшись целью заполонить трэд-юнионскую массу — или, скорее, вождей ее—путем удаления из своей программы всего того, что могло бы ее «оттолкнуть», они, действительно, как будто собрали ее вокруг себя, но при этом сами уподобились ей и растеряли свой социализм. Вышло так, как предвидели «сектанты» с.-д. Классовая рабочая партия действительно образовалась, но во-первых, не благодаря хитроумной тактике независимцев, а благодаря гонениям на трэд-юнионы и, вообще, обострению в Англии классовой борьбы, а во-вторых, эта партия, как две капли воды похожа на левое крыло либералов, или на либеральную партию, когда она в оппозиции. Не имея еще до сих пор собственной программы — программа, по мнению независимцев, даже состоя из требований, ежегодно выдвигаемых съездами трэд-юнионов, может повести к расколу, — рабочая партия, или, скорее, фракция, так как партии в собственном смысле нет, плетется в хвосте либералов, робко выдвигая тут и там свои требования и тут же беря их обратно, но тем решительнее выступая в защиту мероприятий правительства, которое знает, как держать на поводу своих оруженосцев крошками и отбросами так называемых социальных реформ. Вносит ли правительство проект об учреждении бюро труда или камер соглашения по установлению норм заработной платы в отраслях индустрии, где господствует домашний труд, — проект, который еще бог весть, когда будет осуществлен, если он будет осуществлен вообще, — и рабочая фракция с трудом переводит дух от восторга, и спешит взять обратно свои собственные законопроекты, выработанные на эти предметы. А то случается так, что в стране народ стонет от безработицы и требует безотлагательных мер к смягчению нужды, а правительство вносит закон об уменьшении числа кабаков, и рабочая фракция проводит дни и недели в парламенте, усердно разрабатывая параграфы билля. И депутаты независимцев проделывают всю эту комедию, боясь своим протестом нарушить гармонию блока и потерять на следующих выборах свои парламентские мандаты. Без сомнения, иные из них, вроде самого Кир Харди, все еще продолжают верить в целесообразность этой тактики и убеждены, что именно этим путем они приведут массы к социализму. Но эти простаки — только орудие в руках других, несравненно более умных, которые успели отлично освоиться с положением и, если не метят в министерство, то научились ценить прелести и выгоды парламентского мандата.

Вот против этого-то положения, в каком постепенно очутилась их партия, возмутились молодые элементы в рядах независимцев. Нужно заметить, что положение это создано, главным образом, лидерами, а не массой, которая именно за последние несколько лет значительно подвинулась влево. Однако, это передвижение не зашло еще так далеко, чтобы создать резкий антогонизм между обеими сторонами, но оно все же достаточно заметно, чтобы резко оттенить и без того неправильную тактику независимцев. Последние в весьма значительном меньшинстве теперь убедились, что эта тактика не только привела к фактическому уничтожению всего того социализма, с каким их партия первоначально выступила, но не имеет даже оправдания с оппортунистической точки зрения. В июле 1907 г. независимцы одного округа осмелились, вопреки инструкциям своих главарей и при полном почти бойкоте их, выставить на дополнительных выборах чисто

социалистическую, а не просто «рабочую», кандидатуру некоего Грейсона. И что же? Рабочие избиратели перепугались? Ничуть не бывало. Хотя против Грейсона стояли два кандидата от обеих буржуазных партий, хотя всем было известно, что не только рабочий блок, но и собственная партия его бойкотирует, он все-таки одержал победу и прошел в парламент. Зачем же еще скрывать свое знамя, отказываться от проведения социалистических кандидатур и бояться действовать в парламенте, как надлежит социалистическим представителям пролетариата?

На этой почве в партии независимцев и сложилась весьма энергичная оппозиция. Она так же решительно отвергает марксизм, как и сами вожди, но она по крайней мере понимает, что партия должна вести социалистическую агитацию и действовать в духе своей социалистической программы, или она перестает существовать совсем. На годичном съезде партии на пасхальной неделе и произошла схватка между нею и вождями. Спорные вопросы были поставлены не ребром, а косвенно, по поводу положения Грейсона, который, будучи членом партии, отказывается войти с нею в рабочий блок и несколько раз, как в самом парламенте, так и вне его, выступал публично против официальных вождей. По одним из этих вопросов «правительство» одержало победу, хотя и не блестящую, но по вопросу о том, может ли Грейсон состоять еще в списках партийных агитаторов, оппозиция собрала большинство голосов. Вожди поняли, что дело их проиграно, и тут же подали в отставку. Устрашенный съезд, с самоотвержением, достойным лучшего дела, попробовал было взять вотум обратно, но результат голосования оказался далеко не единодушным, и Макдональд со своими коллегами остались при своем решении.

Так назрел и разрешился кризис в независимой рабочей партии. Социал-демократия оказалась правой в своем первоначальном прогнозе событий и в своей последующей критике. Теперь молодежи в независимой партии остается доделать начатое дело до конца. Если ей удастся в самом деле изменить тактику своей партии и представителей ее в рабочем блоке так, чтобы социал-демократия больше не встречала с ее стороны обструкции, тогда и последняя войдет в блок и наступит конец тому ненормальному положению, при котором авангарду пролетариата приходится стоять отдельно от его общего движения.

Ф. Ротштейн.

ИЗ ПАРТИИ.

IV конференция соц.-дем-ии Латыш. Края.

Прошел уже целый год с III конф. с.-д.-ии Лат. Края и 6 месяцев со времени лат. съезда. За это время успело во внутренней жизни организации выдвинуться много вопросов, которые потребовали разрешения.

Потому Ц. К. С.-Д. Л. Кр. и созвал в начале июня очередную конференцию С.-Д. Л. Кр. со следующ. порядком дня: 1) Доклад Ц. К. и местных организаций, 2) Организационный вопрос, 3) Вопрос пропаганды и агитации, 4) Съезд Р. С.-Д. Р. П., 5) Отчет о деятельности с.-д. фракции в Государственной Думе, 6) Финансовое положение партии и 7) Вопрос о заграничных группах.

Как видно, в порядке дня не значатся особенно острые общеполитич. вопросы, за исключением вопроса о фракции в Госуд. Думе, и вся деятельность конференции относилась к внутренней жизни партии.

Вопросы организации и пропаганды занимают теперь главное место, так как нынешняя политическая жизнь слишком бледна — и дает мало материала для политической самодеятельности масс.

Конференция заседала 3 дня, за исключением некоторых перерывов; в ней принимали участие 23 члена, из которых 8 имели решающий голос (последние были избраны по двухстепенному способу выборов — по 1 делегату на каждые 500 членов). Рига дала 5 делегатов, Лифляндск. район Мален — 2; район Виндавский — 1 дел. — с решающими голосами.

В качестве гостей с совещательными голосами явились 15: из Риги — 5; район Мален — 1; Митавский — 1, 5 членов Ц. К. и один представитель с.-д. фракции Госуд. Думы.

Резолюция об организац. вопросе.

Конференция С.-Д. Лат. Кр. признает, что необходимо сохранить демократический принцип и что всего более целесообразно организоваться в кружках по районам, причем кружки образуют союзы в предприятиях, как это уже проведено в большинстве случаев.

Тем рабочим, которые постоянно меняют место деятельности, рекомендуется организоваться по ремеслам *.

Резолюция об агитации и пропаганде.

Обсудив вопрос о том, как лучше всего поставить в организации и массах пропаганду и агитацию, конференция признает:

1. Что более широкие массы товарищей должны стремиться достичь самообразования легальным путем, причем нелегальной организации и нелегальным собраниям должны быть предоставлены те теоретические и тактические вопросы, которых нельзя обсуждать легальным путем.

2. Что должно стремиться развить те зачатки самодеятельности в области пропаганды и агитации, которые обнаруживаются в широких массах, а потому должно привлечь к центральным учреждениям лучшие силы и целесообразно использовать их для воспитания хороших партийных работников из широких партийных масс посредством курсов, собраний и литературной деятельности.

II ч. рез. О письменной пропаганде и агитации.

Признавая важное значение легальных и нелегальных изданий для развития классового самосознания пролетариата, конф. С.-Д. Л. Кр. приглашает местные организации и вообще всех товарищей содействовать соответствующим учреждениям:

1) идейно, присылая с мест статьи и корреспонденции, 2) материально, присылая заблаговременно деньги за изданную литературу.

Резолюция по вопросу о всероссийском партийном съезде.

I. Принимая во внимание организационное и финансовое состояние местных организаций, которое не дает им возможности выбирать из своей среды делегатов, конференция Соц.-Дем. Лат. Кр. признает в настоящий момент созыв съезда невозможным и предлагает отложить его на неопределенное время.

II. В случае, если большинство Р. С.-Д. Р. П. выскажется за немедленный созыв съезда, конфер. С.-Д. Л. Кр. предлагает выбирать по делегату на 500 членов (и по одному на 300 чл. там, где организация функционирует уже не менее одного года). Выборы должны быть 2-степенные, и мандаты следует доверять не заграничным товарищам, а лишь тем т-ам, которые работают непосредственно в российских организациях.

III. Конференция С.-Д. Л. Кр. предлагает Ц. К. С.-Д. Лат. Кр. использовать все свое влияние на Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., чтобы побудить его, Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., к тому, чтобы он содействовал укреплению организаций на местах посредством созыва областных конференций и съездов и посредством укрепления связей между Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и организациями на местах, с одной стороны, и между ним и Ц. К. С.-Д. Л. Кр. — с другой.

Резолюция по вопросу о деятельности с.-д. фракции в Гос. Думе.

Выслушав доклад товарища, *очень* осведомленного, о деятельности фракции,

конференция С.-Д. Л. Кр. признает деятельность соц.-дем. фракции в общем правильной и *необходимой для партии* и приглашает с.-д. фракцию защищать и впредь в III Госуд. Думе интересы проле-

* Среди гостей с совещ. голосами существовало направление, которое высказалось против демократического принципа и которое требовало уничтожения кружков и оставления в силе лишь союзов. Дальнейшие дебаты касались альтернативы: или кружки, или союзы, и в конце концов принята вышеупомянутая резолюция, причем все делегаты с решающими голосами высказались за вышеупомянутую резолюцию единогласно.

тариата и выражать его нужды, опираясь на тактику революционной с.-д-ии;

кроме того, указывая на недостаточно тесные связи между с.-д. фракцией и местными партийными организациями,

конфер. С.-Д. Л. Кр. *приглашает*, с одной стороны, фракцию связаться теснейшим образом с организациями на местах (посредством извещений, отчетов, непосредственного участия и т. д.), с другой стороны, конфер. *приглашает* местные организации осведомлять товарищей и широкие массы о деятельности с.-д. фракции (перепечатывать речи, имеющие общеполитический характер, обсуждать выступления с.-д. фракции на собраниях товарищей и в организ. учреждениях и т. д.) и посылать во фракцию отзывы с мест о ее выступлениях и разный материал о событиях и явлениях на местах.

Резолюция о заграничных группах.

В вопросе о загр. группах конфер. С.-Д. Л. Кр. признает действия Ц. К. С.-Д. Л. Кр. правильными и согласными с объединительным уставом Стокгольмского съезда и приглашает заграничных товарищей строго придерживаться тезисов, формулированных в письме Ц. К. С.-Д. Л. Кр. (в № 104 «Zihna»).

Резол. о финансовом вопросе.

Указывая на скверное финансовое положение местных организаций, конфер. С.-Д. Л. Кр. обращает внимание местных организаций на необходимость привлечь к членским взносам всех членов и приглашает организ. учреждения уплачивать регулярно Ц. К. обусловленные уставом %%, а также за получаемую литературу. Кроме того, конференция обращает внимание местных орг. учреждений на необходимость издавать регулярно и заблаговременно ежемесячные отчеты о доходах и расходах организаций, а также вести счет распространяемой литературе.

Нами получен № 106 газеты «Zihna», органа С.-Д. Латышск. Края. Получен также № 19 газ. «Борьба» (на русск. языке), органа Ц. К. С.-Д. Латышского Края. Содержание его: 1) Красный призрак и черные тени; 2) Из русской жизни; 3) Казарма; 4) Нужна железная метла!

В передовой статье дается оценка всех действующих в 3-ей Думе партий. Охарактеризовав деятельность открытых контр-революционеров, газета пишет: ... «Таковы методы ликвидации революции русского правительства и помещиков. Но есть более тонкие методы ликвидации революции: их рекомендует партия конституционных демократов. Не раз предлагали они черносотенной Думе свой путь ликвидации, доказывали, что метод правительства и думского большинства не дает никаких гарантий от того зла, которое именуется революцией»... Рядом превосходных выдержек из кадетских речей в 3-ей Думе газета подтверждает совершенно правильное положение о том, что к.-д. тоже целиком стоят на почве контр-революции и спорят с явными черносотенцами лишь о средствах достижения общей им с правыми цели.

Оценивая деятельность нашей думской с.-д. фракции, латышские тов. пишут: с.-д. депутаты «уже осваиваются со стоящими перед ними задачами — с разоблачениями контр-революционной политики большинства и кадетов»... Черносотенцы вопят о том, что с.-д. превращают Думу в «левый митинг». Да, именно «левый митинг» — пишет «Борьба». «Наша партия и пошла с той целью в Думу, чтобы с ее трибуны говорить массам об их нуждах, развивать классовое самосознание пролетариата, разъяснять требования нашей программы... Пусть правые смеются над их «простецкими» речами, не социал-демократам заниматься в этой черносотенной Думе государственной работой и ударяться в казуистику, они должны говорить просто и ясно, чтобы их массы понимали».

Далее следуют цитаты из удачных речей наших депутатов, тех самых речей (тов. Белоусова и др.), которые были отмечены нашим Ц. О.

На-днях вышел на латышском языке первый номер «Sozialdemokratijas Wehstnesis» (*Вестник Социал-демократии*), издание заграничного комитета социал-демократии латышского края.

Содержание: 1. К товарищам читателям. 2. Наши задачи. 3. О деятельности Госуд. Думы и нашей фракции. 4. Путешествие Николая за границей. 5. Фельетон Бл.: о российской революции. 6. III конференция Социал-Демократии Латышского края. 7. Из партии. 8. Некрологи. 9. Хроника: корреспонденции из Риги, Либавы, Митавы, Виндавы. 10. Кассовый отчет Загр. Комитета С.-Д. Л. Кр. Цена 35 сантимов.

Адрес: Imprimerie D. Brismée, rue de la Prevoté 11/13 Bruxelles. «Sozialdemokratijas Wehstnesis».

Орган ведется в духе партийного большинства.

Вышел в Варшаве № 167 «*Червонного Штандара*» (15 мая). *Содержание*: Бюджет и Гос. Дума. Первое мая у нас и за границей. Предложение Дымши и позор социал-патриотов. VI-ой съезд П. С.-Д. и «левица» П. П. С. Из партии: работы Главного Правления П. С.-Д.; из варшавской организации; из ченстоховской организации. Вышло воззвание варшавского комитета по поводу выбора депутата в Гос. Думу на место г. Дмовского.

Вышел № *168* «*Червон. Штандара*». Содержание: С.-Д-тия и контр-революц. по отношению к Польше. По делу о выделении Холмского края. Польское Коло и бюджет. Виселицы и синдикаты. Из професс. движения. Из Партии. *№ 169* «*Черв. Шт*». Рабочее дело в черносотенной Думе. После снятия военного положения в Лодзи. Эконом. террор. Из проф. движения. Из Партии. *Вышел также № 10 журнала* «Zwiazek Zawodowy» («*Проф. Союз*», *издание Центр. Комиссии с.-д. проф. союзов*).

Совещание большевиков.[8]

Недавно вышло приложением к № 46 газеты СПБ. и Моск. Комитетов партии «*Пролетарий*» сообщение о состоявшемся совещании большевиков (расширенной редакции «Пролетария»). На нем присутствовало: 5 членов Ц. К. партии (б-ки), 4 редактора газ. «Прол.», 1 представитель б-ков СПБ., 1 — б-ков центральной России, 1 — б-ков Урала.

Опубликованы следующие главные резолюции: 1) об отзовизме и ультиматизме (совещание огромным большинством высказалось в том смысле, что большевизм «ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом»); 2) о богостроительских тенденциях в с.-д. (совещание высказалось за необходимость самой решительной борьбы с этими извращениями марксизма); 3) о задачах б-ков в партии (сов. высказалось за необходимость рядом с решительной борьбой против ревизионизма и ликвидаторства — сближения с партийным большинством сторонников намечающегося партийного и готового бороться с ликвидаторством течения среди раскалывающегося правого крыла партии; 4) о школе в N. N.* (совещание констатировало, что «под видом школы создается центр новой откалывающейся от б-ков фракции», что школа эта находится в руках богостроителей, отзовистов и ультиматистов и что большевики за эту школу никакой ответственности не весут).

Принята еще пространная резолюция о значении думской работы с.-д. в ряду других отраслей партийной деятельности, в общем совпадающая с точкой зрения последней общепартийной конференции.

Далее принят ряд менее важных решений *.

Петербург. *Организационный устав Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.*

1. Идейным и практическим руководителем гор. Петербурга является Петербург. Комитет Р. С.-Д. Р. П.
2. Представители в П. К. выбираются Испол. Комиссиями районов.

   Примечание. Там, где это неудобно по организационным соображениям, выбирают районные комитеты.
3. П. К. выбирает Исп. Ком. из 3-х человек.
4. Исп. Ком. имеет право кооптации 2-х членов.
5. П. К. собирается не реже одного раза в три недели.
6. Экстренные собрания П. К. созываются по требованию одной трети членов П. К.

   Прим. П. К. собирается также по инициативе Исп. Ком.

---

* *От ред*. В одном из следующих номеров Ц. О. будет дана оценка работ данного совещания.[10]

7. Срок существования П. К. 6 месяцев.
8. В случае ареста П. К. функции его переходят к Исп. Комитету, который и организует выборы в новый П. К.
9. Районы в своей организационной деятельности автономны.

МОСКВА.

Нормальный устав фракции с.-д. членов проф. союза *.

§ 1. Фракция организуется в целях влияния на деятельность общества в духе программы и тактики Р. С.-Д. Р. П.

§ 2. В целях этого: 1) на общих собраниях членов фракции обсуждаются все вопросы, касающиеся деятельности общества, 2) обсуждаются все вопросы партийной и вообще политической жизни, 3) делаются доклады о деятельности партийных коллективов.

СОСТАВ ФРАКЦИИ.

§ 3. Членом фракции признается всякий член общества, принимающий программу и тактику Росс. С.-Д. Р. П. и подчиняющийся организационному уставу фракции.

§ 4. Члены фракции, не платящие взносы в партийную организацию, делают 1% отчисления в кассу фракции.

§ 5. Каждый член фракции обязан подчиняться партийной дисциплине и постановлениям общего собрания и бюро фракции.

ОБЩИЕ СОБРАНИЯ.

§ 6. Общие собрания членов фракции созываются Бюро фракции.

§ 7. Все вопросы на общих собраниях фракции решаются простым большинством голосов.

БЮРО ФРАКЦИИ.

§ 8. Бюро фракции избирается на общих собраниях в количестве 8-ми человек.

§ 9. Для связи с партией Бюро фракции избирает из своей среды 1-го представителя в партийно-проф. группу.

§ 10. Бюро фракции есть исполнительный орган.

Примечание: В исключительных случаях Бюро фракции может самолично решать те или иные вопросы, причем общее собрание может опротестовать эти решения.

§ 11. Все вопросы на собрании Бюро решаются простым большинством голосов.

§ 12. Бюро избирает из своей среды секретаря и казначея.

ПОРЯДОК ПРИНЯТИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ:

§ 13. Вновь вступившие члены утверждаются Бюро фракции.

§ 14. Члены фракции могут быть исключаемы из ее состава только по постановлению общего собрания.

---

* *От ред.* Настоящий проект нормального устава выработан в Москве. Печатаем его, как интересный первый опыт в этой области. Ц. К. нашей партии в своей известной (*единогласно принятой*) резолюции о професс. союзах уже давно указал на необходимость организации с.-д. ячеек во всех профессиональных рабочих организациях. Последняя общепарт. конференция также подчеркнула необходимость организации этих с.-д. партийных ячеек во всех рабочих организациях. Пользуясь случаем, чтобы еще раз напомнить товарищам об этой неотложной задаче, обращаем внимание на первый опыт уже и юридического оформления той проблемы, которую надо, конечно, решить *прежде всего фактически* в тех местах, где она еще по тем или другим обстоятельствам не выполнена.

ХРОНИКА.

Петербург. Переизбранный Пет. комитет собирался уже несколько раз. П. К. были заслушаны доклады И. К. и — с мест, обсужден «организационный устав П. К.», вопрос о трамвайной забастовке и о плане работы. Утверждена И. К. и рассмотрено несколько заявлений.

Из доклада И. К. было видно, в какой обстановке, исключительно тяжелой, приходилось вести работу. Общеполитический гнет и усиленнейшая система провокации значительно тормозили ее работу. Несмотря на все это, И. К. организовала созыв П. К. и рассмотрела следующие вопросы: 1) следственные дела; 2) о смертной казни; 3) о созыве съезда; 4) о проф. союзах; 5) об инциденте на В. О. и прочие мелкие вопросы. Вынесенные П. К. решения подтвердили постановление И. К.: 1) следственные дела продолжать, рассматривая все заявления, касающиеся провокации, и невиновных реабилитировать. 2) Тезисы И. К. были возвращены Ц. К. обратно на пересмотр. П. К. не нашел серьезных данных для изменения и утвердил тезисы И. К. о смертной казни; 3) решение вопроса о съезде П. К. отложил на ближайшее время; 4-ое постановление опубликовать пока невозможно; 5) отказ тт. В. О.-ских большевиков от соединения с меньшевиками вызвал такую резолюцию: «слить организации, как параллельно-автономные, не допустимо. Это значило бы оформлять раскол. Ставить препятствия для тт. м.-ков, желающих работать, не должно»*; 6) по вопросу о трамвайной забастовке вынесено постановление выпустить листок к трамвайщикам.

Петербург. (*Московский район*). В нашем районе подготовка к празднику 1-го мая шла при крайне затруднительных условиях. Все первомайские листки были провалены. Массовок устроить накануне праздника нельзя было, ибо по всем углам и дворам нашего района шныряли полиция и шпионы. Районный комитет решил напрячь все усилия к тому, чтобы вести первомайскую агитацию и энергично звать товарищей бастовать в день первого мая. Были попытки устройства митингов около ворот заводов по окончании работ, но эти попытки не увенчались успехом, ибо полицейские стражники сторожили все время ворота зав. Но если не удалось устроить больших митингов, то зато мелкие массовки нам все-таки удалось организовать. И несмотря на провалы всех листков, нам все-таки удалось выпустить листок с призывом к забастовке в количестве 1000 экз. Несмотря на все гонения политической своры, в нашем районе бастовало около 1 500 человек: бастовали: завод Речкина 1 000 человек, Талана, Павлова и типография «Просвещение». Где полицейские условия не позволяли бастовать, там рабочие отметили день первого мая другим путем, а именно: добровольным отказом от дневной и полуденной зар. платы. На сапожной фабрике, в трамвайном парке и др. в день первого мая были произведены отчисления в пользу арестованных и организации. Так был отмечен у нас день первого мая. Потом началось организационное укрепление. Стали восстановлять и расширять связи, создались заводские комитеты, кружки, техника, словом, организация значительно окрепла. Но когда мы захотели внести живую струю для *внутреннего* укрепления организации, то здесь мы встретились с одним затруднением, устранить которое мы еще и до сих пор не умеем. Живая струя соц.-дем. организации — постоянная и никогда несмолкаемая с.-д. пропаганда. Только при такой пропаганде организация никогда не умрет и деятельность ее будет всегда оживлена. Кружки низшего типа проводят сами рабочие.

---

* *От ред.* Мы не знаем подробностей инцидента на Вас. Остр., но не можем не подчеркнуть, что петербургским товарищам уже давно пора отказаться от «параллельно-автономных» организаций и добиться *единой* сплоченной организации Р. С.-Д. Р. П. в Петербурге с Пет. комитетом во главе.

Но в организации требуются кружки высшего типа. Кто будет с ними заниматься? Интеллигенция? Но ее след давно простыл... Нет пропагандистов. Но этого еще мало. Нет той литературы, не только периодической, но и вообще той с.-д. литературы которая нужна сейчас*. Но для сознательных рабочих дело организации слишком дорого, и все эти крупные пробелы наш район старается загладить. Мы устроили школу для выработки пропагандистов, будущих работников организации. Форма занятий этой школы такова: выбирается один товарищ, которому и поручается делать доклад на определенную тему, причем указывается на необходимую литературу, по которой он должен готовиться. Когда он прочитывает доклад, возникают прении и, таким образом, докладчику делается своего рода экзаменационное испытание. Так обстоит у нас в районе дело с пропагандой. Несмотря на то, что в других районах т. т. ме-ки не примыкают к нелегальной работе, у нас они дружно работают вместе. Это объясняется тем, что у т. т. ме-ков нашего района отсутствует ликвидаторская тенденция, они — партийные меньшевики. В других районах у м-ков преобладает течение легалистов. Но раскол среди них очевиден. Так, напр., недавно со всех районов собралось совещание их рабочих, которое в принципе признало большинством необходимость существования нелегальной организации. Решаются другие вопросы в духе вполне партийном. А в районах договаривают о слиянии. Так что есть надежда, что в близком будущем нашей П. Организации удастся в конце концов объединить всех партийных рабочих и отрезать окончательно полукадетских легалистов. У нас в районе имеется рабочий клуб. Лекции читаются марксистские. Этот клуб образования рабочим очень полезен.

Имеются в нашем районе отделения различных проф. союзов. Во все эти учреждения входят передовые районные рабочие. Если в легальных учреждениях работа не так оживлена, то в нелегальной организации чем дальше, тем больше замечается оживление. Устраиваются организационные собрания. На сапожной фабрике была массовка, на которой присутствовало 80 человек. Выступали рабочие, указывали на положение рабоч. класса, на наступление капитала, и энергично призывали организовываться. Затем состоялось расширенное собрание районного комитета, где был заслушан доклад представит. П. К. выб. от район. Собрание прошло очень оживленно, обсуждался только что выработанный П. К-ом устав.

Происходят еще мелкие собрания агитационного характера. Приглашен депутат нашей фракции Г. Думы для доклада о ее деятельности. Наш район. комит. имеет четыре подрайона: обводный, металлический, сапожный и кожевенный. Во всех подрайонах функционируют сейчас организационные ячейки и на заводах заводские комитеты. Членские взносы поступают туго, ибо заработная плата очень низка, и наши товарищи еще состоят членами проф. союзов и клубов образования, где они также должны платить чл. взносы. Есть у нас и нелегальная библиотека при Р. К.

Рабочий Р.

Москва. *(Замоскворецкий район).*

Сильно расстроилась было в Замоскворечье работа вследствие провалов. Нарушилось правильное течение жизни районной организации. Замоскворечье лишилось многих своих лучших представителей. Это большая невзгода. В последнее время в Замоскворечье руководили ходом работы сами рабочие. Изредка интеллигенты несли роль их помощников. Замоскворечье было ранее одним из цветущих в москов. орг. районов. Правильно функционировало большинство подрайонных комитетов. В других подрайонах по мере особой надобности (первомайск. кампания, обсуждение вопросов о проф-союзах и т. д.) они создавались периодически. Число организованных доходило до 250-300. Рабочие проявляли живой интерес к вопросам партийной политики. Подвергали критике действия, как р. к., так и М. К. Вносили запросы, обращались за разъяснениями в запутанных вопросах, в случаях столкновения с предпринимателями. В середине зимы была хорошо налажена кружковая работа. Число кружков, в которых велась систематическая пропаганда, доходило до 25. Что было недостатком в нашей работе, так это отсутствие более или менее достаточного числа опытных пропагандистов. Хотя проп. коллегия одно время состояла из 10 чел., все-таки ей часто бывало не под силу удовлетворить предъявляемого к ней спроса на кружки. Большим местом часто оказывался квартир. вопрос, но все же он, в конце концов, улаживался (устройство «коммун», квартирование у «своего» хозяина и т. д. и т. п.). В прошедшую зиму рабочие, уже затронутые прежней парт. работой, занялись углублением своего миросозерцания. Посещали всевозможные курсы, лекции, интересовались вопросами политической экономии, культурного развития и т. д. На ликвидаторство всегда смотрели косо. Рабочие привыкли смотреть на соц.-дем., как на выразительницу их классовых интересов. Даже не организован. рабочие часто обращались к партийной организации за разъяснениями, как смотрит партия на тот или другой вопрос, на то или другое политическое выступление (кадетский протест против смертной казни, проф. союзы, съезд фабрич. врачей и т. д.). 2 — 3 забастовки, проведенные в Замоскворечье, прошли под контролем район. ком. и при его участии. Имеющаяся в районе техника давала возможность выпускать от времени до времени листки по вопросам особенно острого характера. Район. ком. облегчал рабочим приобретение книг по дешевым ценам.

Лета мы ждали с нетерпением. Надеялись поставить работу на широкую ногу. Но тут нам нанесен был удар арестами. Сейчас работа тем не менее восстановляется и скоро опять пойдет полным ходом. Многие смущаются своей неопытностью, недостаточной подготовленностью. Но все-таки место выбывших из нашего строя будет заступлено другими, новыми тов. Время и жизнь — хорошие учителя. Одно можно констатировать, что корни соц.-дем. в Замосквор. вросли прочно. Будущее покажет, как обильны будут плоды теперешней необычайно тяжелой кропотливой работы.

Итак, тт., вперед! Будем крепко держать знамя нашей великой пролетарской борьбы! Организуйтесь, товарищи! — вот ваш неизменный клич.

Москва. *Бутырский район.* Недавно состоялось, после очень большого промежутка времени, собрание бутырского районного комитета — 10 решающих (из них 2 организатора) и 4 совещательных (1 организатор) голосов. Явились представители следующих предприятий: Лемана, Миусского парка, Брестских мастерских, Перлова, Сухаревских портных, Платошникова и Дробильного завода; отсутствовали выбранные в районное собрание от Кокушкина и Реномэ. Заслушано было заявление тов. портного из Замоскворечья о большом стремлении к организации, в виду особенно тяжелых условий труда — 16-часовой рабочий день, ничтожная зараб. плата. Товарищ просил обратить внимание организации на это, — т. к. Сухаревский район портных один из самых главных.

Из докладов с мест выяснилось, что за неимением квартир работа вширь развиваться не могла, хотя и есть уже составленные кружки на Брестских мастерских, Миусск. парке, у Перлова и Лемана. Из опросов выяснилось, что удастся составить по небольшому кружку у Кокушкина и у Сухаревских портных. В общем же выяснилось, что понижению интереса к организации сильно способствуют большая безработица и полицейские стеснения; но в последнее время вновь заметно усиление интереса к организации, что видно уже из того хотя бы, что после такого большого перерыва удалось созвать р. с.

Чтобы район был полнее представлен в М. К., было выбрано тайным голосованием два члена М. К., но контрольная комиссия в виду того, что по принятому всей организацией плану от Бутырского района выбирается всего один представитель, не могла этого числа (двое) утвердить, и один из товарищей отказался. Общее убеждение собравшихся было, что М. К. необходимо создать из рабочих по преимуществу, т. к. интеллигенция, стоя вдали от рабочих, не может достаточно выражать их стремления и желания, да интеллигенция и сама в последнее время покинула организацию.

Затем были произведены довыборы 3-х человек в р. к. от Тверского подрайона, всего же в районном комитете 11 человек со всех подрайонов. Была выбрана исп. комиссия

*Я говорю о той литературе, которая бы освещала и выясняла современное политическое, экономическое и общественное состояние России.

района, которой поручено выпустить листок к рабочим с призывом к организации. Было сделано также краткое сообщение о положении дел в М. К., но этот вопрос был отложен обсуждением, т. к. Бутырский район в последнее время не имел представителя в М. К. и доклад не был полон. Остальные вопросы были за недостатком времени отложены.

ЯРОСЛАВЛЬ. Посылаем вам отчет о состоянии организации и ответы на вопросы Ц. К. о съезде. Только на этих днях удалось придать им окончательную формулировку. Вы знаете, что делалось у нас зимой: весьма мало. Более или менее удовлетворительная работа началась с конца апреля. 1 мая прошло незаметно; перепечатанный на гектографе листок Ц. К. (в сокращенном виде) был выпущен всего в 100 экземплярах; за несколько дней перед 1 мая и в самый день 1 мая (по окончании работы) были две массовки по 25 — 30 человек. Благодаря им было внесено некоторое оживление в работу и создалась возможность приступить к обновлению и оформлению организ., до тех пор полуоформленной. С оформлением этим приходилось спешить, кроме всего, во-первых, чтобы не запаздывать с ответом на опросный листок Ц. К., во-вторых, чтобы успеть обсудить на новой городской конференции порядок дня предстоящей областной конференции Ц. Р. Для выбора представителей на городскую конференцию было устроено 6 заводских собраний, в которые вошло 75 человек. Здесь были сделаны доклады о резолюциях всероссийской конференции и в связи с ними затронуты важнейшие вопросы, поставленные в порядок дня областной конференции. (Последняя, к сожалению, до сих пор не могла состояться.) Основные положения резол. о современном моменте не вызывали возражений; затронут был и вопрос о «полевении» буржуазии: последние события политической жизни (вопрос об отставке Столыпина, голосования октябристов по вероисповедным вопросам и др.) оценивались не столько как полевение буржуазии, сколько как ослабление союза реакционных сил, не дающее пролетариату оснований предполагать, что это ослабление может дойти до разрыва этого союза; такая оценка тоже не возбуждала возражений. Единичные возражения «ультиматистского» характера высказывались лишь при обсуждении резолюции о думской фракции и отзовизме. Вопрос о направлении работы — в легальную или нелегальную сторону — имел здесь лишь теоретический интерес, так как легальная организация здесь невозможна.

На этих же собраниях были произведены выборы представителей на городскую конференцию; прежняя норма (1 от 15) была уменьшена (1 от 5), так как рассчитывать на особенно широкий захват работы не было оснований и в то же время было желательно, чтобы конференция не была малолюдной, тем более, что ей предстояло обсудить порядок дня областной конференции и анкетный листок Ц. К. о съезде. Конфер. состоялась в конце мая в числе 13 ч. (из 15 выбранных). Выбран городской комитет из 5 чл. и 3 кандидата к ним. Оставляя пока решения конференции по вопросам порядка дня областной конференции, общий смысл которых совпадает с упомянутыми докладами на заводских собраниях, сообщаем решение о съезде. По вопросу о съезде: 1) число членов организации 70-80 человек; 2) признак членства — участие в собраниях, выбиравших представителей на городскую конференцию (единогласно). Большинство, почти все из этих 70-80 чел., не вносили до сих пор членских взносов, но почти все являются членами старой организации, лишь временно отошедшими от нее вследствие неблагоприятных условий работы; 3) желательно назначить съезд осенью (в августе-сентябре, как думает московская организация) лишь в том случае, а) если на местах в последнее время организации улучшились и достигли достаточно солидных размеров (размеры ярославской организации считались при этом удовлетворяющими этому условию, так как дела, можно надеяться, скоро еще больше поправятся; б) если летом предвидятся условия, благоприятные для работы и предсъездовской агитации; в) если Ц. К. в состоянии взять на себя почти все (не менее $^{2}/_{3}$) расходы по созыву съезда. Если этих условий нет, то целесообразней назначить на тот же срок всероссийскую конференцию. Этот пункт принят единогласно; возбудил разногласия лишь вопрос о том, что считать средней достаточно широкой организацией: за то, чтобы считать такую организацию в 75-100 чел. голосовало 8, 4— имелись в виду, конечно, провинциальные организации — считали достаточным, цифру 50, 1 воздержался; 4) По вопросу о норме представительства, конференция считает приемлемой норму, предлагаемую московской организацией: 1 делегата посылают организации а) с 150-250 ч. и б) с 100-150 ч., если существует непрерывно не меньше двух последних лет; большие посылают одного от 250, меньшие соединяются с другими. Принято 11-ю против 1-го, при одном воздержавшемся. Один, голосовавший против, считал нецелесообразным вводить условие о существовании в течение двух последних лет и предлагал цифры, более благоприятные для мелких организаций: организации с 100 ч. посылают одного делегата; с 200 — двух; свыше 200 — по одному на 400 чел.; 5) выборы должны быть двух-степенные; принято 8 против 4; последние голосовали в пользу прямых выборов; один воздержался; 6) желательно внести в порядок дня следующие вопросы: а) текущий момент, б) фракция и отзовизм, в) аграрный вопрос (не в смысле пересмотра аграрной программы, а в смысле оценки аграрного законодательства, Гос. Думы и правительства), г) направление работы и ликвидаторство: д) профессиональные союзы и кооперативы; вопрос о последних особенно важен в виду намерения правых и правительства заняться кооператорской деятельностью среди пролетариата.

Кулебацкий Горный завод. (*Нижегор. губ.*). За последнее время наше захолустье переживает тяжелые времена. Прежде всего — бесконечные расчеты и сбавки расценки не менее чем на 50 проц., как бич, повисли над рабочим. А затем пошла «экономия» и на культурных потребностях: в Кулебаках существовал клуб служащих и «Народный дом», содержавшиеся заводск. управлением. Стараниями местных владык оба учреждения сведены к нулю и принуждены закрыться.

Но еще неожиданнее и непонятнее для нас необыкновенное внимание, которым нас дарит полиция и жандармерия. Еще в конце января, в ночь на 30-ое, в таком поселке, как Кулебаки, было *35 обысков*. В середине же марта была генеральная облава на завод, какой не помнят старожилы. В наше скромное захолустье приехали 2 ротмистра, исправник с помощником, банда стражников, сотня казаков и полиция. Набег был совершен на самый завод в глухую полночь во время отдыха рабочих. Всех рабочих обыскали и начали тщательно осматривать станки и ящики, которые тут же взламывались. Результаты — ничтожные. Найдено в бандажном цеху под машиной с сотню брошюр и с десяток по одной во всем заводе. Через день были обыски в Нар. Доме и клубе, причем в последнем арестовано книг рубл. на 200. Арестуют без разбора и массами отправляют в Ордатовскую тюрьму: так например, увезли одного рабочего, совершенно неграмотного, который даже не знал своего рабочего номера и зарубал его крестом зубилом. Организация здесь работала всю зиму слабо. С центрами парт. она связана плохо. Работников интеллигентных уже давным-давно не видела. Но усилиями самих рабочих (К. Организ. состоит только из рабочих) работа все-таки велась и ведется. На последние события орг. ответила выпуском 2 листков. Одного — непосредственно на другой день после повального обыска, а второго — еще через неделю.

Вологда. Несмотря на восстановление под именем Исполнительной Комиссии руководящего коллектива группою, там, где партийная работа должна бы, кажется, сосредоточиться, главным образом, в жел.-дор. мастерских и депо, — не возобновляется вот уже почти год никакой правильной организационной ячейки. Среди ж.-д. по-прежнему остается два-три чел., желающих что-нибудь делать. Но дело сводится исключительно к агитации и поддержанию профес. союза (нелег.). Листки выходят в большинстве случаев от группы в целом, и иногда от ж.-д. района и проф. союза. Жел.-дор. администрация и жандармерия после распространения в мастерских каждого листка рвет и мечет, и всячески старается терроризировать рабочих. После выпуска листка от ж.-д. профес. союза и потом отчета этого союза был произведен ряд арестов среди рабочих (17 чел.) Аресты были неудачны — взята была публика, не имеющая отношения к союзу; пришлось всех выпустить. Но этот арест нагнал на многих страх, и в ж.-д. мастерск. создалась целая кампания, которая поставила себе целью не допускать появления листков. Начальство вменило это в обязанность и мастерам и бригадирам и жандармам. Установилась отчаянная слежка за рабочими, которых подозревают в неблагонадежности. Начались поиски «машинки» (мимеографа и пишущей машины). Все это было безрезультатно. Листки продолжали выходить и распространяться в мастерских. Усиленная слежка продолжается. Продолжается и воинственное настроение кампании противнико-

крамолы. Нужно, впрочем, сказать, что настроение большинства рабочих не на стороне этой кампании, большинство озлоблено на администрацию и на эти преследования крамолы. Но озлобление пассивное. За последний месяц было выпущено группой два первомайских листка — один 18 апреля, другой 1 мая. 1-ое мая этот выпуск повлек за собой арест одного молодого рабочего в ж.-д. мастерских, к методам и распространению их совершенно непричастного. Арестовали по ложному доносу сторожа. Кружков пока на ж. д. не ведется. Нелегальной литературы крайне мало. «Прол.», «С.-Д.», «Гол. С.-Дем.» и «Правда» получаются, но, как прежде, по 1, по 2 экз. на все три района организации (город, депо и мастерские). Рабочие усиленно требуют популярной рабочей газеты, и так как «Правда» до некоторой степени может удовлетворять этот запрос, то особенно требуют ее. Ц. К. хорошо бы сделал, если бы организовал доставку сюда литературы. Этим можно бы много помочь восстановлению работы на ж. д. и в городе.

В городе (ремесленники и приказчики) еще больший спрос на партийную, особенно популярную газету, и еще большая неудовлетворенность в этом отношении. Партийная жизнь там несколько живее, собираются организационные ячейки (два подрайона), распространяются листки, выпускаемые группой, и нелегальные газеты. Кружков в последнее время не существует. Летом, надо думать, возобновятся. В городе есть несколько энергичных рабочих и приказчиков, которые не складывают рук и поэтому организационная деятельность никогда не замирает совсем.

В существующих там профессиональных союзах наблюдается некоторая жизнь. Союзы (столяров, приказчиков и типогр. рабочих) стараются так или иначе служить развитию сознания своих членов; разрешают всякие конфликты между рабочими и хозяевами в различных мастерских; за последнее время во всех союзах предпринимается анкета по выяснению положения занятых в каждой профессии; рассматривались законопроекты по рабочему вопросу, внесенные в Госуд. Думу. Была мысль вынести обсуждение этих законопроектов на общие собрания; она еще не осуществлена. Существует Ц. Б. профессиональных союзов и группа с.-д., работающих в проф. союзах. Единственным сравнительно крупным конфликтом между хозяевами и рабочими за последнее время является конфликт в механической столярной мастерской (около 30 рабочих) кадета Ильина. «Либеральный» предприниматель, г. Ильин, решил ввести у себя вместо 9-часового — 10-часовой рабочий день, уволить всех учеников (они у него на поденной плате — 40 коп. в день) и уменьшить рабочую плату работающим поденно (уменьшение доходит до 9 руб. в месяц). Когда он официально объявил об этом, рабочие мириться с нововведениями не захотели и решили бастовать, если предварительные переговоры ни к чему не приведут.

В результате переговоров на-днях в мастерской Ильина началась забастовка. Бастуют все рабочие. Настроение твердое.

Партийная группа откликается на эту забастовку листком с призывом ко всем вологодским рабочим оказать поддержку ильинским рабочим в их борьбе за 9-час. рабочий день.

САМАРА. Здесь собрали немного денег и посылаем Вам за газету. С удовольствием сообщаем, что под влиянием наших партийных газет настроение стало бодрее. Публика рабочая теснее соединяется. Можно, сказать живет от одного номера нелегальной газеты до другого, как в 1904 г.

Все здесь было разбито. Хотели в марте открыть профессион. союз булочники, но выбран. учредителям полицеймейстер Критский отказал даже в собрании — «опять за политику — вон!» Кадеты засели в народном университете и «культурничают». Рабоч. публика — потому что мало интересуется моралью Ницше и поэзией Гаршина и потому что дорого — на лекции не ходит. Теперь строительн. общество послало в вар. университ. делегата. То же делает и общество взаимопомощи книгопечатников. У нас мелькает идея о рабочем клубе, по совершенное незнание практики рабоч. клубов, их целей — пока задерживает дело. Связи с центрами и с другими городами порваны; есть человек тридцать более активных из сознательных рабочих. Они имеют большое влияние. Есть связи, но кто и для чего их будет пользовать? Нужен организатор, пропагандист — дело пошло бы. Но это — платоническое пока желание. В городе много административно-ссыльных частью рабочих, частью интеллигентов. Организации нет — явок не было. А тут всюду провалы, ну и эта высланная публика от нас в стороне, за весьма редкими исключениями. В тюрьме скверный режим. Красн. Крест влачит жалкое существование. Житье высланных — не поддается описанию. 2-дневн. голодовки — явление обыкновенное. Из Сибири публика начинает «плыть», но плывет мимо нас, в центры. Между прочим — раньше наш город был перевалочным пунктом, здесь останавливались многие.

Первое мая не работали все типографии и две мельницы. Рабочим типографии октябристск. «Голоса Самары» в виде наказания отменен бесплатн. завтрак и прекращены навсегда выдачи платы авансом.

Феодосия. Работа здесь, можно сказать, не прекращалась, но шла черепашьим шагом. Сейчас, с возникновением работы в Керчи и друг. гор. Крыма, здесь также ожили. Удалось собрать товарищей и был выбран комитет, который ведет работу только в кружках. Дальше этого сейчас пойти невозможно, ибо много связей утеряно и людей нет. Заведены сношения с близ лежащими городами. Сильный недостаток в литературе. Все тов. члены организации составляют обще-организационное собрание. Собрание устраиваются редко, вследствие технических условий, не чаще 1 раза в месяц. Обсуждались вопросы об отношении к думской фракции. Решено протестовать против плана отзыва ее. Обсуждались также вопросы о современном моменте и задачах партии и др. Резолюции будут присланы. Существуют два проф. союза: союз фармацевтов и приказчиков. Работа в них идет вяло. В скором времени предполагается выпустить листок.

БАКУ.

В своем воззвании по поводу убийства инженера Борисова и нашумевшего собрания инженеров, Бакинский комитет нашей партии пишет:

«Они заговорили. Шайка подхалимов, наемников капитала с высшим образованием и тысячными окладами под влиянием убийства Борисова заволновались и, собравшись 30 мая в зале технического общества, излили свои затаенные мысли, свои заветные мечты.

Эти «друзья» рабочих сбросили маски и, как дикие звери, в один голос завопили: «распни, распни его! Он, сознательный рабочий, виноват, рабочие коммиссии, проф. союзы, рабочая интеллигенция — вот наши враги. Войну им! Искоренить, выбросить, доносить, доносить и доносить на них!»

«Они, эти господа, создавшие из Баку гнойную яму грязи, крови, воровства и разврата, они, идущие из-за легкой наживы на всевозможные преступления, они, в ревностном усердии перед золотым тельцом прибегающие к диким азиатским мерам борьбы и расправы с рабочими, они, пускающие в ход на каждом шагу из жалкой трусости перед рабочими: обман, лживые обещания, которые никогда не исполняют, — они осмелились обвинить сознательных рабочих, они осмелились наброситься с руганью и угрозами на руководителей рабочих, — заводские коммиссии, проф. союзы.

Жалкие рабы! Трусливые продажные души!

Они забыли, что многие из них обязаны жизнью сознательным рабочим и их руководителям, они забыли, что в 1905 году и после, если кто хоть что-нибудь сделал для искоренения варварских приемов борьбы, то это были не они, не правительство и жандармы, а сознательные рабочие и проф. союзы. Только последние одерживали доведенные до крайности насилием и эксплоатацией темные массы, только последние учили их планомерной борьбе.

Высокообразованные, умные гг. инженеры хотят уверить рабочих, тех рабочих, которые их видят каждый день на промыслах, которые переносят от них столько унижения и оскорбления, которых они варварски угнетают, эксплоатируют и обманывают на каждом шагу, — их они хотят уверить, что истинными друзьями рабочих являются именно они — гг. инженеры. А руководители рабочих, сознательные товарищи, те, кто из-за общего пролетарского дела жертвует всем — семьей, положением, спокойствием, свободой и жизнью, — никто иной, как самые злейшие враги пролетариата. Жалкие глупые обманщики! Неужели вы думаете, что хоть на одну минуту поверят вам?

Нет! Идите к Мартынову, идите к жандармам, вместе с ними ставьте виселицы, наполняйте тюрьмы и доносите». «Вам не удастся уверить рабочих, что виновниками смерти Борисова являются сознательные рабочие и организации пролетариата. Они ясно сознают, как и вы сами, гг. инженеры, в глубине души, что вы, прежде всего, повинны и в этой смерти, и во многих других. Вы — убийцы Борисова! Вся ваша жизнь, наполненная погоней за золотом, грабежом и развратом, ваше поведение, ваши приемы борьбы с рабочими — кулачная расправа, обман, насилие, ваши преследования сознательных рабочих и борьба с пролетарскими организациями — вот основная причина, убийств».

«Товарищи, мы — сознательные рабочие рады откровенности гг. инженеров. Нам объявили открыто войну».

«Наши средства в этой войне не доносы, не убийства, а организация рабочих масс, сплочение их под красным знаменем социал-демократии, приучение к планомерной классовой борьбе.

Никакие вопли Пуришкевичей, Марковых, гг. инженеров и проч. и проч. не испугают нас. Нас рассудит история и мы знаем, что суд этот близок. Две враждебные силы снова начинают сходиться. На одной стороне самодержавие со своими слугами, дворянство и буржуазия со своими прихлебателями и наемниками, на другой пролетариат и революционное крестьянство. Решительный бой не за горами, и мы верим, пушками и пулеметами, карательными экспедициями и казнями, погромами и расстрелами самодержавию не удастся еще раз сломить восставшего народа».

«А в настоящее время мы, сознательные рабочие, вместе со всем пролетариатом с презрением отвернемся от этих непрошенных друзей и хладнокровно и спокойно будем продолжать нашу пролетарскую классовую борьбу, вплоть до последней победы, вплоть до водворения на земле светлого царства социализма».

Баку. (По поводу убийства инженера Борисова и собрания инженеров, обсуждавшего этот факт).

Частным совещанием собрания уполномоченных от 20-ти фирм в количестве 101-го человека принята следующая резолюция:

Относясь глубоко отрицательно к факту, обсуждавшемуся на собрании инженеров и техников и считая, что убийство Борисова является фактом нежелательным и противоречащим всей тактике рабочих партий, Собрание Уполномоченных выражает свое глубокое негодование по поводу речей гг. инженеров и техников, поскольку вся сущность их является чистейшей клеветой и провокационным вымыслом в целях дискредитировать в глазах как правительства, так и всего культурного общества рабочие массы и их представительские учреждения — союзы и партии — и прикрыть такой характеристикой свою беззастенчивость в проведении хищнической политики по отношению к эксплоатируемому классу.

Предупреждая товарищей рабочих о провокационном характере выступления инженеров и техников, Собрание Уполномоченных призывает бакинский пролетариат не поддаваться на провокацию и продолжать свое дело объединения всех рабочих вокруг своих союзов и партий.

P. S. Настоящая резолюция отпечатана и распространена в Баку Бакинским Комитетом нашей партии.

Из Подольского района «Спилки». У нас, повидимому, начинает оживляться работа после долгого перерыва. Еще в декабре состоялось большое собрание в селе К., о котором мы уже писали в «Правде». В первых числах апреля состоялась после долгих приготовлений конференция подольск. организаций и 6 деревень — всего 15 человек. К сожалению, конференция представляла небольшой сравнительно район: мало средств и людей для разъездов и восстановления растерянных связей. Но ведь трудно только начало, а в дальнейшем надеемся вновь расширить район нашего влияния.

Наша конференция явилась как бы учредительным собранием возрождающейся парт. организации. Порядок дня конференции был следующий:

1) отчеты с мест: экономич. полож. и проч.
2) вопросы организац.: о литературе, кассе.
3) о священниках.
4) 1 мая.
5) доклад об общерусской конференции.
6) выборы.

Отчеты с мест были в общем однородны. Настроение во всех представленных деревнях, да и во всем нашем округе, далеко не мирное. Имеется большое стремление к организации. Организ. тем не менее существуют лишь в немногих селах (в селе X. до 40 организов. сельских рабоч.); из представленных сел в многих были сильные организации и кассы в былые революционные годы, но они разбиты арестами. Где сохранилась или возродилась организация, там существуют и кассы и библиотеки. Большой спрос на «Правду» и на нелегальщину вообще. Об экономич. положении деревни конференция выяснила следующее: деревня за последние годы расслоилась; цены на землю сильно поднялись (более 390 руб. десятина, год — два назад — 150). Крестьяне, купившие землю, поправели, на общем же настроении это сказалось мало; подавляющее большинство наших деревень — пролетарское. Работают на бураках, в экономиях и заводах. Жалованье годовым в экономиях 60 р. в среднем, кое-где поднимается до 100 и спускается до 30 р. в год. Рабочий день летом с восхода до заката солнца, т. е. 14 — 16 час.; поденная плата в среднем 30 коп. К весне забастовок не ждут, но есть надежда на время жатвы. По второму из стоявших в порядке дня вопросов конференц. решила: 1) поддерживать всеми силами «Правду», 2) обратить усиленное внимание на организацию касс. У нас и не поднимается вопрос о легальных профессиональных союзах. Где уже нам легализоваться, если закон запрещает стачки сельских рабочих. Чего ждать от почтенного сословия губернаторов, исправников и пр.? С другой стороны, у нас не приходится проводить грани между нелег. стачечной организ. и организ. партийной с.-д. Других партий нет, а члены нашей партии являются главными деятелями экономич. борьбы. Поэтому решено организовывать одну кассу, из которой назначен определенный проц. на партийные нужды в собственном смысле этого слова (литературу, разъезды и проч.), а остальная часть в стачечный фонд. Злобой дня почти во всех деревнях является бессовестное обирание населения попами. Но об этом до след. письма, где сообщим и о способах, которым собирается этот налог и имена сборщиков. После речей о 1 мая и доклада об общерусской конференции нашей партии, конференция выбрала комитет Под. Орг. Р. Соц.-Дем. Р. П. в составе 5 чел., из коих 3 — сельских рабочих. На этом закончились работы нашей конференции. О дальнейших работах будем писать.

Из района «Бунда».

Победа щетинщиков подняла настроение в районе Бунда. Четырех месячная упорная борьба щетинщиков против локаута, сочувствие которое эта борьба встретила среди еврейских и нееврейских рабочих, посильная помощь, притекавшая, как из России, так и из-за границы, показывают, что рабочие массы стряхивают с себя апатию и берутся опять за свое старое испытанное оружие. За последнее время можно констатировать ряд побед еврейских рабочих на экономической почве в некоторых пунктах деятельности Бунда.

Нам сообщают: в *Межиречье*, где локаута не было, все щетинщики добились повышения заработной платы на 30 — 40% (в этом размере год тому назад плата была понижена); в *Вильне* был объявлен локаут механическим сапожникам и рабочие вышли победителями; в *Минске* механические рабочие выставили требование о повышении заработной платы; хозяева немедленно удовлетворили это требование, так что до стачки дело не дошло.

В *Гомеле* нашей организации пришлось организовать стачку извозчиков. Стачка была вызвана желанием фабрикантов увеличить рабочий день на 1 ч. Бастовали 2 фабрики (всего в Гомеле 4) — около 40 человек. Стояли 5 дней и выиграли. После этой стачки удалось организовать союз всех извозчиков, куда входят чел. 70. Удалось также возобновить союз строительных рабочих.

Двинский профес. союз (нелегальный, находящийся под руководством Бунда) работниц, занятых в изготовлении верхнего дамского платья, выпустил листок ко всем работницам этой профессии. Листок рисует положение профессии за последнее время. Благодаря всеобщей реакции должен был прекратить свое существование легальный союз в Двинске, равнодушие работниц препятствовало существованию и нелегального союза. Хозяева, пользуясь слабостью, неорганизованностью работниц, отнимают у последних одну уступку за

другой и за малейшее сопротивление грозят им локаутами. Но несмотря на все трудности, удалось организовать нелегальный союз, бюро которого уже успело уладить некоторые конфликты между хозяевами и работницами. Но работу сильно тормозит равнодушное отношение работниц к делам союза. Указывая на тяжелые условия труда, которые существуют в профессии, листок призывает всех работниц вступить в союз и организовать сопротивление ненасытным аппетитам хозяев, и для правильной постановки работы предлагает: 1) регулярно платить членские взносы, 2) обращаться в бюро со всеми вопросами, касающимися профессии, 3) помогать союзу в проведении всех постановлений бюро.

В *Варшаве* состоялись от 6 до 19 июля 4 собрания. Принят целый ряд решений о работе.

Лодзинский Комитет Бунда выпустил денежный отчет за последние месяцы. В политическую кассу поступило 233 руб. 24 коп., за нелегальную литературу 24 р. 50 коп., за легальную 48 руб. 95 коп., в пользу пресс-фонда 31 р. 83 к. в пользу арестованных и ссыльных 300 руб. 5 к. 1-ое мая комитетом был выпущен листок.

Из тюрьмы.

В застенке.

С 1906 г. революция пошла на убыль. Темные силы реакции грозной хмарой нависли над Россией, охватывая мертвою петлею все живое, действенное, жаждущее разорвать путы двуглавого орла. В своем поступательном движении реакция не знает пределов, не знает границ. Правительство беспощадно расправляется со своими политическими врагами и прежде всего оно проявляет всю изобретательность мести над пленными, томящимися по тюрьмам. Здесь оно не знает удержу своим кровожадным страстям, здесь царит полнейший произвол, здесь господство административного кулака, широкий простор розги по лишенным прав. Секут здоровых, секут больных и физически и нравственно, секут за дело (с точки зрения «закона») и секут без всякого повода. Розга для каторжан стала излюбленным наказанием чиновных тюремщиков, продажных рабов российского престола. Атмосфера тюремной жизни убийственна и с каждым почти днем ухудшается. Трудно предвидеть до какой еще степени изощренности придирок и издевательств над личностью пойдут наемники-палачи, эти подлые, жалкие лакеи, за четвертной билет готовые служить и «нашим» и «вашим».

С разгоном первой Гос. Думы началась уже эпоха «прижима» и процветает по настоящее время. Еще в прошлом году она развернулась пышным букетом. В результате жизнь стала настолько гнусна и безотрадна, что многие, даже сильные натуры, ищут спасения в самоубийстве. Дать полную картину тюремного быта последних лет в данное время представляется затруднительным — это заняло бы очень и очень много места, а я пишу из тюрьмы. Поэтому я ограничусь двумя примерами, иллюстрирующими вышеизложенное, и опишу происшествие, разыгравшееся 28 марта текущего года в Москов. Центр. Пересыльной тюрьме.

В начале прошлого года уголовный В., освобожденный под залог до суда, сменился своим именем с Б. (тоже уголовным), которому угрожало более серьезное наказание. Б. под именем В. был освобожден, а когда администрация тюрьмы спохватилась и увидала свою оплошность, то просто на просто выместила злобу на В. Его призвали в кабинет начальника, где он подвергся ругательствам, а для полноты «вразумления», сам начальник А. Кудряшев и фельдфебель Соловьев избили его — били даже сапогами — и потом отправили в карцер.

Тов. Смольянинов (с.-д., матрос), получив 15 лет каторги за кронштадтское восстание, и в тюрьме не остался спокоен при виде глумления над личностью, протестовал и других побуждал к тому же. За «плохое поведение» он был с общей переведен в изолированную одиночку, но здесь ему ежеминутно пришлось подвергаться издевательству со стороны старшего и взводных и за всякую «грубость» платиться карцером. За год с небольшим он провел в темном карцере более 200 суток. Доведенный до отчаяния, он в карцере, когда ему принесли хлеб и воду, ударил надзирателя чайником по голове, за что был предан военно-окружному суду. Началось дело о покушении. При допросе на вопрос следователя — зачем он это сделал? — ответил: *так* жить больше не могу, хочу, чтобы меня повесили. (В последнее время у Смольянинова проявлялись признаки ненормальности). Военный суд проявил высокую степень гуманности — уважил желание тов. Смольянинова — приговорил его к смертной казни.

Раньше администрация могла сажать в карцер на срок не более недели, но осенью прошлого года разрешено заключать в карцер до месяца.

В марте месяце этого года в Бутырскую тюрьму был переведен из Харькова помощником начальника Сердюков. В тюремном мире он уже был известен с хорошей стороны: в Харькове он производил избиения и расстреливал заключенных, а до Харькова, еще где-то, кажется, в Сибири отличался в этом направлении. В Бутырской тюрьме отделением каторжан заведует Дружинин — ярый поклонник розги и любитель кулачного массажа. И вот Дружинину был дан в помощники Сердюков и они занялись водворением мира и спокойствия. Всякое непочтение к начальству стало жестоно наказываться.

По словам одного из чинов администрации, Сердюков в первые три недели своего пребывания в Бутырках выпорол 15 чел. каторжан, причем порка сопровождается еще издевательством во время нравоучений и т. п. Порят за проступки, за которые раньше наказывали карцером, а одного каторжанина, напр., выпороли за то, что отказался ответить на предложенные администрацией вопросы провокационного характера. Количество розог дается: как минимум 25, максимум пока выше 75 не было.

Сопутствующая Сердюкова слава и столь блестящее начало деятельности в Бутырках побудило одного из каторжан решиться на покушение. 28 марта, на вечерней поверке, несколько человек каторжан камеры № 5 заявили Сердюкову, что им не выдают простынь. — «И без них обойдетесь» — тоном презрения ответил тот. Константин Базильчук (анархист, имел 20 лет каторги) увидел, что момент очень удобный для выполнения задуманного. Он подошел к Сердюкову и заговорил с ним также о простынях, а когда тот стал распространяться, что не такие уже важные господа... и т. п., Базильчук выхватил нож и ударил его в грудь. Нож попал в портупею и скользнул по мундиру. Вторичный удар был также неудачным — прорезана манжета и оцарапана рука оказалась. Сердюков пытался было схватить нападавшего, но Базильчук повалил его на пол — завязалась борьба. Надзиратели, стоя в дверях, растерялись; каторжане стояли в стороне; из них никто не знал о замысле Базильчука. Вырвавшись из под Базильчука, Сердюков выскочил в коридор, захлопнув дверь камеры. Оправившись и придя в себя, тюремщики распахнули дверь и начали стрелять в камеру (по другой версии тюремщики не выбегали в коридор).

По первому выстрелу Базильчук отделился в сторону от сотоварищей, а все каторжане легли на пол. Стреляли сам Сердюков и старший надзиратель Илюшин; сделано было больше 10 выстрелов. В результате — один убит, трое ранено, в том числе и Базильчук. Учинив расправу, убийцы удалились. Убитый и двое раненых были перенесены в больницу, а потом пришли за Базильчуком, которого потащили в карцер. По дороге надзиратели стали его бить кулаками, ручками револьверов и сапогами и, как мне передал «*свой*» надзиратель, Базильчук был убит, не будучи еще доведен до карцера. Врачи констатировали «самоотравление». Все это стало известным нам (сидящим в следственном корпусе) на другой день. Зная что такое тюремные врачи (в прошлом году летом отравилась Успенская — по делу «оппозиции» по причинам личного характера, а с другой стороны, все ухудшающегося режима, и врачи признали разрыв сердца. Прокурор настоял тогда на вскрытии и было обнаружено самоотравление), мы передали на волю, чтоб обратились к прокурору и настояли бы на вскрытии, указывая, что Базильчук убит тюремщиками. Но прокурор отказался что-либо предпринять на том основании, что ему нужны *данные* для этого. Так и схоронили его, как самоотравившегося. Через некоторое время в камеру № 5 явился Дружинин и, указывая на трех каторжан, заявил — «вы убийцы и вы будете повешены, это говорю вам *я*, Дружинин». Эти трое переведены в одиночку и ждут решения своей участи.

Москва. Бутырская тюрьма. Май 1909 года.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В виду помещения ред. «Г. С.-Д.» в № 15 письма тов. Дана[11] по поводу изд. Прот. Лонд. Съезда, в каковом письме он старается подорвать доверие к этому партийному изданию, З. Б Ц. К. считает нужным довести до сведения партии следующие чисто фактич. данные:

1. Протоколы съезда, согласно постановлению пленума Ц. К-та, издаются З. Б. Ц. К.

2. Как заявляет и сам т. Дан «вся редакцион. работа по изданию протоколов была благополучно закончена представителями 5 фракций (м-ки, б-ки, поляки, бундовцы и латыши)».

3. Проток. к-ия, закончив всю редакц. работу, поручила т. Г. (предст. поляков) и т. Дану технич. подготовку к печати, причем имелась в виду, как это видно из протоколов заседания самой ред. к-сии, только попытка сокращения мандатных прений (на основе соглашения обеих фракций) и конспиративное обозначение кличек делегатов. Но на последнем заседании Проток. К-сии тов. Дан ультимативно заявил, что он отказывается от участия в этой работе, если к-сия не внесет в протоколы такого примечания о выборах в Ц. К., какого нет в протокольных материалах и которое сводится к субъектив. характеристике выборов в Ц. К., бывших на съезде тайными. Так как внести такое произвольное толкование тайных выборов Протокольн. К-сия, собравшаяся в полном составе, не решилась, т. Дан из к-сии ушел (в единственном числе). А протокольная к-сия, считая неудобным вносить даже технич. изменения в протоколы при отсутствии единогласия, постановила: сдать протоколы *без всяких изменений и сокращений* З-му Б-о Ц. К. для напечатания. В таком виде протоколы на-днях появятся в печати в издании З. Б. Ц. К.

С тов. приветом
Загр. Бюро Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.

Ввиду того, что в русской партийной печати (см. «Гол. Соц.-Дем.» № 15) уже проникли разные сведения о происшедшем недоразумении между Ц. К. С.-Д. Лат. Кр. и ее Загр. Комитетом по поводу участия одного из членов последнего на созванном Ц. К. Р. С.-Д. П. совещании представителей Ц. Комитетов Партии и национальных организаций [12] по вопросу об объединении заграничных групп, просим редакцию Ц. О. напечатать следующее наше *заявление*, посланное нами Ц. К. С.-Д. Л. Кр. с просьбой напечатать его в ближайшем номере нашего Ц. О. «Zihna». Заявление это следующего содержания:

«Заграничный Комитет С.-Д. Лат. Края на своем заседании 15/IV [13] с. г., обсудив письма Ц. К. С.-Д. Лат. Кр. к заграничным группам пришел к тому, *единогласно* принятому, решению, что высказанный в упомянутом письме Ц. К. С.-Д. Л. Кр. т-у Ш. упрек, будто он на совещании представителей Ц. К. К-тов партии и национальных организаций отстаивал свои личные взгляды, но не точку зрения III съезда и Ц. К. С.-Д. Л. К., относительно вопроса об объединении заграничных групп, *совершенно не заслуженный*, как и косвенный упрек Загр. К-ту, который делегировал т. Ш. на это совещание: смысл принятой III съездом Лат. Соц.-Дем. резолюции по вопросу об объединении заграничных групп, которая гласит:

«Выслушав доклады Ц. К. и З. К. — съезд поручает Ц. К. разрешить вопрос об объединении заграничн. групп, не отступая от устава, принятого на Стокгольмском съезде»,

и смысл примечания, сделанного Ц. К. к этой резолюции в письме к З. К. и гласящего:

«т. е. съезд ничего не имеет против объединения, если оно только проводится с соблюдением устава, принятого на Стокгольмском съезде»,

совершенно не противоречит смыслу принятых на мартовском совещании резолюций, не высказывающих ничего другого, как необходимость объединения загр. групп с оставлением национальным организациям той автономии, которая предоставлена им Стокгольмским съездом и поэтому и личные взгляды т. Ш., подавшего свой голос за эти резолюции, в этом случае не могут не быть также взглядами Ц. К. и III съезда С.-Д. Лат. Края».

Заграничн. Комитет С.-Д. Л. Кр.

Решимость тов. Дана, отважившегося перенести в печать вопрос о его роли в комиссии по изданию протоколов Лондонского съезда, побуждает меня просить редакцию уделить несколько строк для того, чтобы показать, как и в этом маленьком партийном деле тов. Дан и его ближайшие единомышленники не смогли не занять позиции борьбы *против* партии и ее учреждений.

Из сравнительно далекого прошлого комиссии достаточно будет в интересах экономии места рассказать *два только факта*: 1) Когда во время повальных обысков в России погибла значительная часть обработанных протоколов и пришлось сызнова проделывать эту работу за границей, тов. Дан, пользуясь «благоприятными» обстоятельствами (гл. об. тем, что Ц. К. *не мог* собраться), поставил ультиматум: либо комиссия будет решать все дела квалифицированным (желательным тов. Дану) большинством, либо м-ки сорвут комиссию. К этому ультиматуму присоединился, к сожалению, и *тогдашний* представитель Бунда. Большинство комиссии вынуждено было, под угрозой срыва протоколов, принять ультиматум, который, конечно, был отменен Ц. К., как только последний смог собраться. 2) Другой представитель м-ков (новоявленный меньшевик, тов. Залевский) всячески тормозил работу комиссии, стараясь во что бы то ни стало вызвать конфликт, чтобы сорвать комиссию, заявляя о намерении своем вытащить в печати свои собственные записи вместо съездовских протоколов и вообще вел себя так, что *вся комиссия (в том числе новый представитель Бунда*; этот бундист принадлежит к антиликвидаторскому крылу) *против него одного* приняла специальную резолюцию, заявляющую, что: аутентичными протоколами являются только утвержденные проток. комиссией; все же остальное, могущее кем-либо быть опубликованным, должно рассматриваться, *как сочинение отдельных лиц*. Надеюсь, что этих двух фактов пока хватит.

Работа комиссии приходила к концу. Но тов. Дан (вновь сменивший т. Заленского) никак не мог усидеть до конца в *партийном* учреждении. Не в полном составе (отсутствовал т. Латыш) и благодаря ошибочному голосованию тогдашнего представителя б-ков [14] (он был впоследствии сменен, как сменялись не раз и представители других фракций) было принято решение *дать комментарий* от комиссии к той части протоколов, которая трактует о выборах Ц. К. *Тогда же я* заявил, что это решение — *незаконно*, что комиссия *не имеет никакого права* давать от себя комментарии к протоколам, что она не может делать *авторских* примечаний к ним и что, в виду всего этого, я буду добиваться пересмотра комиссией этого решения. Я тем более считал необходимым добиться пересмотра, что решение комиссии было не только *формально* незаконно, но по существу *искажало факты*. При выборах Ц. К. на Лонд. съезде м-ки, как известно, составили список кандидатов, спекулировавший на одну «нефракционную» кандидатуру [15], чтобы привлечь несколько голосов сторонников этой кандидатуры. Эта спекуляция м-кам отчасти и удалась. Ясное дело, что если уж пояснять выборы, то комиссия не могла бы обойти молчанием и этого *основного* факта. При той же редакции, которую предложил тов. Дан, об этом умалчивалось и этим *искажалась* картина выборов. Единственно правильным, по моему мнению, было — *никаких* комментарий от комиссии не давать и *предоставить самим протоколам говорить о том, что было на съезде*. К этому моему мнению, *на более полном собрании* комиссии *(на нем присутствовали все 5 представителей)* и присоединилось в конце концов *большинство комиссии*. Совершенно ясно, что всякая коллегия, *в особенности в более полном составе*, имеет несомненное право и обязанность пересматривать свои собственные решения, если находит это нужным в интересах вверенного ей партией дела. Совершенно естественно так же, что тов. Дан, когда ему не удалось навязать большинству желаний меньшинства, покинул партийную коллегию. Не обычно только то, что тов. Дан сам счел нужным поведать об этом в печати, представив, конечно, дело в неверном свете и тем вызвав на восстановление в печати же истинного положения дела.

Т. Дан по поводу своего выхода из прот. ком. считает еще уместным распространяться о недостаточном беспристрастии нашего Ц. К. к м-кам вообще и в частности к м-кам ц.-кистам, которых Ц. К. трактует-де, как «граждан вторичного класса». Пафос т. Дана по этому поводу лучше всего характеризуется тем опять-таки *фактом (на конференции и в Ц. К. установленным неопровержимо)*, что никто иной, как т. Дан с м-ками ц.-кистами, пользуясь «благоприятной» ситуацией (арестом нескольких членов Ц. К. б-ков [16]) сделали не очень давно *попытку сорвать самый Ц. К*...

Довольно об этом. Дело издания протоколов Лондонского съезда — как и вся теперь партийная работа — выполняется гл. об. силами и средствами большевиков, *вопреки* препятствиям и борьбе против партии со стороны меньшевиков толка т. Ф. Дана.

Член протокольной комиссии *Г.*

[Г. Зиновьев.]

Дорогие товарищи!

В виду некоторых неточностей, допущенных «совещанием представителей Волынских и Подольских районов Украинского Союза Р. С.-Д. Р. П.» в своей резолюции (№ 5 С.-Д.), просим Вас уделить нам немного места для следующих фактических поправок:

1) На последней общеспилковской конференции были представлены *все* существующие организации. Только 2 делегата Подольской группы и 1 делегат от Полтавы не попали на съезд в силу полицейских

условий (см. отчет конфер. Спилки). Однако, Полтавский комитет после конференции целиком присоединился к решениям конференции.

2) Обе существующие в Волынской губернии организации (Т. и Н — В.) на конференции были представлены. В Житомире *до* Спилковской конференции состоялась общегородская конференция, принявшая ряд резолюций, аналогичных резолюциям, принятым общеспилковской конференцией. Таким образом, о каких «*представителях* Волынского района» идет речь, мы не понимаем.

3) Что касается делегата, «категорически» якобы «высказывавшегося против правоспособности этой конференции вообще».., то мы должны заявить, что такого делегата на конференции не было. Только делегат Бердичевской организации, *голосовавший за все резолюции*, воздержался в одном случае от голосования, именно, когда речь шла о «Правде». Свое воздержание он мотивировал тем, что он сам давал полномочие на издание «Правды» (см. протон. конфер.).

4) Четвертый пункт резолюции: «...наши организации еще не вполне выяснили себе к какому течению примкнуть: к меньшевистскому или к *большевистскому*», так же грешит неточностью.

Как видно из принятых на местах резолюций, имеющихся в архиве Гл. К. Спилки, *все* организации определенно стоят на м-ской точке зрения. Исключением является только Винницкая организация (Подольская группа), не примкнувшая до сих пор ни к одному течению.

С товарищеским приветом
По поручению Главной Комиссии Спилки *Антон*.

Всеобщая забастовка в Швеции.

В Швеции разыгрывается в настоящий момент грандиозная классовая война рабочих против объединенного капитала, заслуживающая самого серьезного внимания и изучения со стороны международного пролетариата. Оставляя подробную оценку этого крупнейшего явления в области рабочего движения последнего года до след. номера, дадим сейчас лишь самые краткие фактические сведения об этой борьбе. Шведской соц.-демократической партии вместе с профессиональными союзами (в Швеции — как во всей Скандинавии — профес. союзы *самым тесным* организационным образом связаны с с.-д. партией) удалось сделать значительные завоевания в экономич. области. Теперь крепко объединенные предприниматели делают попытку добиться значительного сокращения заработной платы в ряде отраслей промышленности и отнять у рабочих (и их организаций) завоеванное ими право участия в выработке условий труда на фабриках и заводах. В виду сопротивления рабочих, предприниматели прибегли к локауту, распространенному теперь на 80 тысяч рабочих. Рабочие ответили объявлением всеобщей забастовки, которая уже сейчас привлекла свыше 300 тысяч рабочих.

Обе стороны готовятся к решительной борьбе. Буржуазия объявила «отечество в опасности». Признавая себя недостаточно защищенной обычной полицией и пр., она решила прибегнуть к такой экстраординарной мере, как организация своей собственной буржуазной гвардии, которая вербует своих солдат даже из «самых высших» кругов «общества».

С другой стороны, и рабочие мобилизуют свои силы. У шведских рабочих крепкая организация. Из 530 тысяч рабочих, занятых в промышленности, торговле и на жел. дор., организованных 230 тысяч. Огромным, исключительным влиянием пользуется социал-демократия. Один за другим присоединяются теперь рабочие союзы к забастовке. К ней изъявили согласие примкнуть и рабочие муниципальных предприятий (электричество, газ и пр.), стала часть железных дорог, так что страна может остаться без света и т. д. Буржуазные круги, в панике, запасаются съестными припасами и пр. на время забастовки. С своей стороны и рабочие газеты в последний день перед забастовкой обратились к рабочим с призывом запасаться предметами первой необходимости: «сегодня последняя получка перед забастовкой» — пишут товарищи. «Рабочие, не покупайте водки, пива и т. п. ненужных вещей! Покупайте хлеб или муку! Хлеб легко сохраняется, а хлебом, водой и солью можно жить — пока мы не добьемся победы!»...

Союз работодателей вступил в соглашение с 16 банками насчет 8-миллионного кредита для покрытия убытков по забастовке.

Рабочие организации выступили с оффициальным заявлением, что в виду всех мер, принятых против рабочих, они не ручаются за сохранение порядка.

Рабочие Норвегии постановили отчислить в пользу шведских товарищей 40 тысяч крон в неделю. Щедрую поддержку дают рабочие Дании. Помощь оказали и рабочие Германии. Уже сейчас ими послано шведским товарищам свыше 150 тыс. марок. Попытка правящей клики Германии помешать немецк. раб. производить сборы не удалась. Сборы объявлены во Франции, Бельгии, Англии и т. д. Рабочий класс Швеции вправе рассчитывать на самое горячее сочувствие и самую единодушную поддержку со стороны рабочих всех стран. *Откликнутся, мы уверены, и рабочие России. Их партийные организации, их профес. союзы сделают все, что в силах, чтобы помочь шведским рабочим морально и материально.*

Чем бы ни кончилась борьба рабочего класса Швеции — победой или поражением, — ее значение будет огромно для социалистического интернационала.

Суммы, поступившие в З. Б. Ц. К. до 10 августа и не отмеченные в вышедших №№ Центр. Орг. (см. №№ 2 и 5).

Для Ц. К.:

От 2-й Нансийской гр. сод. — 15 фр., от 2-й Парижской группы сод. — 235 фр., от Елизаветпортск. (в Америке) — 128 фр. 75 с.' из Лейпцига — 7 фр. 30 с., от Базельск. гр. — 7 фр., из С.-Ремо — 1 фр., от 2-й Льежск. гр. сод. 300 фр. от нее же (чрез т. Петра) 4 фр., от т. Мар. в возврат взятых для следств. к-ени — 50 фр. от 2-й Парижск. гр. (с предприятия т. Отцова) — 400 фр., от Бернского Объед. К-та представителей местных групп Бунда, Р. С.-Д. Р. П., С.-Д. Ц. П. и Л. и С.-Д. Лат. Края — 54 фр., от гр. Р. С.-Д. Р. П. в Чикаго — 515 фр.. от гр. сод. в М. — 24 фр. 56 с., от 2-й Цюрихской гр. — 20 фр., из Констанцы 33 фр. 50 с., от Елизабетпортск. гр. (в Америке) — 51 фр. 50 с., от 2-й Нансийской гр. 17 фр. 70 с., от Arbeiter-Ring'a в Нью-Иорке — 285 фр. 80 с., от 2-й Венской гр. (75% отчисл.) — 21 фр. 65 с., от гр. сод. в Г. — 200 фр., от гр. сод. в Ш. 18 фр. 40 с.
Итого 2 390 фр. 16 с.
Всего с прежде поименованными 6 176 фр. 41 с.

В пользу с.-д. депутатов 2-й Госуд. Думы:

От объединен. Бюро Цюрихск. гр. Бунда, С.-Д. Лат. Края, П С.-Д., б-ков и м-ков — 65 фр. 85 с., от 2-й Парижской гр. сод. — 39 фр. 05 с., от нее же — 29 фр., от нее же — 10 фр. 05 сант., от раб. с.-д. кружка в Цюрихе — 60 фр., от с.-д. организаций в Льеже (собранные на празднике 1-е мая) — 55 фр. 50 с. (последние 2 поступления по ошибке не были отмечены в 7-м письме З. Б. Ц. К.).
Итого 245 фр. 45 с.
Всего с прежде поступившими 376 фр. 20 с.

Для ссыльно-поселенцев и каторжан:

От эмигр. кассы в М. — 50 фр., от нее же — 50 фр. — с.
Итого 100 фр. — с.

ОТЧЕТ КАССЫ

Харьк. Комитета Р. С.-Д. Р. П. за январь 1909 г.

ПРИХОД:

Кр. Кр. за дек. 5 р.; Кр. Кр. 53 р. 50 к.; Лит. Уч. 2 р. 10 к.; Ж. Д. района 2 р. 64 к.; от Г. 10 р.; от Т. 1 р.; от П. 3 р.; от К. Ш. 50 к.; от Кр. 5 р.; от Естеств. 5 р.; от А. 5 р.; от В. 5 р.; Итого 97 р.; От прошлого месяца 88 р. 5 к.; Всего 185 р. 79 к.; Осталось в кассе 47 р. 79 к.

РАСХОД:

Тов. Кн. 3 р.; на д. в Од. 7 р.; тов. из Баку 3 р.; тов. из Екат. 14 р.; т. Н. 11 р.; Секретар. 10 р.; За литер. 2 р. 50 к.; на гект. 5 р.; на техп. 78 р.; Мелк. расх. 9 р. 50 к. Итого 138 р.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ

РОГОЖСКОГО РАЙОНА Моск. Орг.

ПРИХОД:

За декабрь. Остаток с ноября 3 руб. 75 к. Интелл. гр. 18 р. Чл. вз. Перепуд. 60 к. Депо К.ж. д. 5 р. Через М. 13 р. 40 к. Рабоч. вз. депо К. ж. д. 3 р. 21 к. Рабоч. вз. деп. 5 к. Чепелевецкий 15 к. Рабоч. вз. 30 к.

Итого 45 — 78 к.

За январь. Остаток с декаб. 9 р. 82 к. Интел. гр. 18 р. Членские вз. Гужоп. 45 к. Депо чл. вз. 5 р. 40 к. Чл. вз. Фишер. 1 р. 35 к. Рабочее вз. Кузнец. 50 к. Рабоч. вз. Перепуд. 1 р. 87 к. Рабоч. вз. Гужон. 42 к. Раб. вз. Депо К. 3р. 21. к. Раб. вз. Ниж. 50 к. Книги Перепуд. 1 р. 34 к. Книги Гужон. 1 р. 30 коп. Книги Депо 99 к. Книги 54 коп. Откр. 45 к.

Итого 45 — 15 к.

РАСХОД:

За декабрь. Алексей 32 р. 40 к. Техника 1 р. 40 к. Секретарь 2 р. 16 к.

Итого 35 р. 96 к. Остаток 9 р. 82 к.

За январь. Содерж. работник. 41 р. 37 к. Секретар. 3 р. 51 к. Библиотек. 27 к.

Итого 45 р. 15 к.

Полтавский комитет Р. С.-Д. Р. П., на основании целого ряда фактов, объявляет *агентом-провокатором* Николая Ивановича МАНЬКО, известного в широких рабочих кругах под именем *Николая* и *Тимофея*. Он — бывший железнодорожный служащий, привлекался по громкому делу о «забастовочном комитете на Х. Н. Ж. Д.», принимал активное участие в революционном движении 1905 г., пользовался большим доверием рабочих и неоднократно избирался в ответственные партийные органы. Манько выше среднего роста, шатен, лет 28 — 29.

Вышли из печати и поступили в продажу «ПРОТОКОЛЫ ЛОНДОНСКОГО СЪЕЗДА Рос. Соц-Дем. Рабочей Партии» (том в 485 стр. убористой печати)

Цена 5 франков.

Книга находится на складе в экспедиции Центрального органа.

Заграничное Бюро Ц.К. просит товарищей принять деятельное участие в распространении ПРОТОКОЛОВ.

Адрес экспедиции и редакции для сношений из-за границы:
D. KOTLIARENKO, Avenue d'Orléans 110, PARIS XIV.

Адрес Заграничного Бюро Центр. Комитета тот же с припиской «для З. Б. Ц. К».

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1] Депутаты III Государственной думы, отошедшие от социалдемократической фракции, — Чиликин, Гайдаров, Кузьмо.

[2] — быть большим монархистом, чем сам король.

[3] «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета») — как ежедневный орган выходит с 1 января 1895 г. — газета австро-марксистов, ЦО австрийской социалдемократии. Основана и редактировалась Викторсм Адлером почти до самой его смерти, до 1918 года. В настоящее время — главный орган австрийского социал-фашизма, злейший враг СССР.

[4] Здесь, повидимому, опечатка. Надо читать «предела».

[5] «Neue Freie Presse» («Новая Свободная Печать») — венская буржуазно-либеральная газета — самый распространенный орган крупной буржуазии, биржевиков, издается с 1861 г. по настоящее время; выходит двумя изданиями (утреннее и вечернее).

[6] «Liberté» («Свобода) — полицейски-фашистская, бульварная газета, издающаяся в Париже.

[7] «Labour Leader» («Рабочий Вождь») — еженедельник, — орган независимой рабочей партии. Основан в 1893 г. при ближайшем участии Кейр-Гарди. В настоящее время вместо него, как орган ЦК Независимой рабочей партии, выходит «New-Leader» («Новый Вождь»).

[8] Совещание расширенной редакции «Пролетария» состоялось в Париже с 4 по 13 июля (21 — 30 июня). Состав совещания был следующий: члены редакции — Ленин, Зиновьев, Каменев, Богданов; представители местных большевистских организаций — Томский (Петербург), Шулятиков (Москва), Накоряков (Урал); члены ЦК партии — Дубровинский, Гольденберг, Рыков, Таратута и Марат. В центре внимания совещания стоял вопрос о разногласиях о редакторами-ультиматистами. После того, как были приняты основные принципиальные резолюции, А. Богданов заявил, что считает их незаконными и не будет им подчиняться. Совещание вынесло резолюцию о том, что снимает с себя ответственность за политическую деятельность Богданова, который тем самым поставил себя за пределы Большевистского центра (см. статью Ленина: «Совещание расширенной редакции «Пролетария», Соч., т. XIV, стр. 85 — 103).

[9] Школа в NN — пропагандистско-агитаторская школа для рабочих на о. Капри. Организация этой школы с самого начала шла помимо Большевистского центра и несмотря на протесты редакции «Пролетария», была попыткой создать новый идейно-организационный центр новой фракции (группы отзовистов-ультиматистов). Отношение Ленина к Каприйской школе отражено в резолюции расширенной редакции «Пролетария», помещенной в № 46 «Пролетария» и приложении к нему (см. также Соч. Ленина,т. XIV, стр. 102. См. по поводу Школы на Капри следующие статьи Ленина: Соч., т. XIV: «Письмо к организаторам Каприйской партийной Школы», стр. 116 — 117, «Письмо ученикам Каприйской партийной школы», стр. 118 — 123, «По поводу открытого письма Исполнительной комиссии Московского окружного комитета», стр. 124, «Позорный провал» стр. 195 — 196». В инициативную группу по организации школы вошли Богданов, Алексинский, Луначарский, Горький, Н. Е. Вилонов. Она была открыта в сентябре 1909 г., несмотря на протесты редакции «Пролетария». В ноябре 1909 г. в Каприйской школе произошел раскол: школьный совет исключил пять сторонников Большевистского центра, которые отправились в Париж, где в большевистской партийной школе проходили учебу под руководством Ленина и других большевиков.

[10] Статей или заметок о совещании «Расширенной редакции «Пролетария» в дальнейших номерах не встречается.

[11] Письмо Дана в «Голосе Социал-Демократа» № 15 по поводу издания протоколов Лондонского съезда. Дан в комиссии настаивал на том, чтобы в протоколах отметить наличие двух списков кандидатов в ЦК, фигурировавших па Лондонском съезде. Один из меньшевиков, бундистов и части латышей, другой — большевиков, остальной части латышей и поляков. Комиссия раз приняла этот пункт, затем по

инициативе большевика его пересмотрела. Дан придрался к этому, вышел из комиссии и сложил с себя ответственность за действия большинства протокольной Комиссии. Это была та же линия торможения, проводившаяся меньшевиками по отношению к партийным предприятиям.

[12] Речь идет о совещании, состоявшемся в марте 1909 года. От ЗБЦК принимали участие Марат (Шанцер) и Виктор (Таратута), от ЦК Бунда — Ионов и В. (?), от ЦК польских социалдемократов Варский, от ЦК социалдемократии Латышского края — Шварц (Элиас). По вопросу об объединении заграничных групп было принято всеми, кроме бундовцев, такое предложение: Сохраняя бюджетную автономию национальных групп и их автономию в своих внутренних делах, все существующие в каждом отдельном пункте группы содействия партии и национальные социалдемократические группы объединяются в единую группу с общим бюро, общими областными и центральными бюро и общими съездами. Бундовцы были против объединения, отстаивали федералистический принцип.

[13] Центральный комитет социалдемократии Латышского края, в котором к тому времени преобладали меньшевики, обратился с письмом к заграничным группам с обвинением ЦК партии в нарушении принятого на Стокгольмском съезде устава объединения, в стремлении «механически подавить одну фракцию другой». Письмо это было напечатано в № 104 «Zihna». Ответ был дан ЗБЦК в 7-м письме ЗБЦК ко всем группам содействия партии, посланном также в Латышский ЦО «Zihna».

[14] Здесь речь идет об Алексинском.

[15] Имеется в виду т. Данишевский (Герман), который в то время считал себя «внефракционным» социалдемократом.

[16] Имеются в виду аресты большевиков членов ЦК в марте 1908 г.: Гольденберга (Мешковский), Рожкова и Зиновьева.

Gaza 25 cent.
PRIX 25 cent.

ПАРИЖ, Суббота 31/13 ноября 1909 г. № 9

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

Царь против финского народа.

Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III-ей Думы начали новый поход против Финляндии. Уничтожение конституции, которою защищены права финляндцев от произвола русских самодержцев, уравнение Финляндии с прочей Россией в бесправии исключительных положений — вот цель этого похода, начало которому положено царским указом о решении вопроса о воинской повинности помимо сейма и назначением новых сенаторов из числа русских чиновников. Праздным было бы останавливаться на разборе тех доводов, которыми разбойники и шулера пытаются доказать законность и справедливость требований, предъявленных Финляндии под угрозой миллиона штыков. Суть дела не в этих доводах, а в цели, которая преследуется. В лице демократической и свободной Финляндии царское правительство и его сподвижники хотят уничтожить последний след *народных* завоеваний 1905 года. А потому — о деле всего русского народа идет речь в эти дни, когда казачьи полки и артиллерийские баттареи спешно занимают городские центры Финляндии.

Русская революция, поддержанная финляндцами, заставила царя разжать пальцы, которыми он в течение нескольких лет сжимал горло финляндского народа. Царь, желавший распространить свое самодержавие на Финляндию, конституции которой клялись его предки и он сам, должен был признать не только изгнание с финляндской земли палачей бобриковцев и отмену всех своих незаконных указов, но и введение в Финляндии всеобщего и равного избирательного права. Подавив русскую революцию, царь принимается за старое, но с той разницей, что теперь он чувствует за собою поддержку не только старой гвардии, своих наемных шпионов и казнокрадов, но и той своры имущих, которая во главе с Крупенскими и Гучковыми, совместно выступает в III-ей Думе от имени русского народа.

Все благоприятствует разбойничьему предприятию. Революционное движение в России страшно ослаблено и забота о нем не отвлечет коронованного изверга от облюбованной добычи. Западно-европейская буржуазия, некогда посылавшая царю адреса с просьбой оставить в покое Финляндию, не шевельнет пальцем о палец, чтобы остановить бандитов. Ведь ей только-что *поручились* за честность и «конституционность» намерений царя те люди, которые в те времена призывали Европу осудить царскую политику в Финляндии. Именующие себя «представителями русской интеллигенции» и «представителями русского народа», кадетские вожди торжественно заверили европейскую буржуазию, что они, а вместе с ними и народ русский, — *солидарны с царем*. Русские либералы приняли все меры к тому, чтобы Европа также безучастно отнеслась к новым набегам двуглавого хищника на Финляндию, как она отнеслась к его экскурсиям против свободной Персии.

Свободная Персия собственными усилиями дала отпор царизму. Финляндский народ — и впереди его финляндский пролетариат — готовит твердый отпор наследникам Бобрикова.

Финляндский пролетариат сознает, что ему придется вести борьбу в крайне тяжелых условиях. Он знает, что западно-европейская буржуазия, кокетничающая с самодержавием, не станет вмешиваться; что русское имущее общество, частью подкупленное Столыпинской политикой, частью развращенное кадетской ложью, не окажет Финляндии той нравственной поддержки, которую она имела до 1905 года; что наглость русского правительства необычайно возросла с тех пор, как ему удалось нанести удар революционной армии в самой России.

Но финляндский пролетариат также знает, что политическая борьба не решается одним сражением, что она подчас требует долголетних упорных усилий и что побеждает, в конце концов, тот, за кого сила исторического развития. Свобода Финляндии восторжествует, потому что без нее немыслима свобода России, а без торжества дела свободы в России немыслимо экономическое развитие последней.

Финляндский пролетариат знает также, по славному опыту, как вести долгую, упорную революционную борьбу за свободу, рассчитанную на то, чтобы утомить, дезорганизовать, опозорить гнусного врага, пока обстоятельства позволят нанести ему решительный удар.

Вместе с тем, пролетариат Финляндии знает, что с первых же шагов своей новой борьбы он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, *весь свой долг*.

Соц.-дем. фракция сейма послала депутацию к с.-д. фракции III Думы, чтобы сообща обсудить план борьбы с насильниками. С высоты думской трибуны наши депутаты поднимут свой голос, как уже делали в прошлом году, чтобы заклеймить царское правительство и сорвать маску с его лицемерных союзников в Думе. Пусть же все с.-д. организации и все рабочие приложат все усилия, чтобы голос наших депутатов в Таврич. дворце не звучал одиноко, чтобы враги русской и финляндской свободы видели, что весь русский пролетариат солидарен с финляндским народом. Долг товарищей на местах использовать все представляющиеся возможности, чтобы манифестировать отношение российского пролетариата к финляндскому вопросу. Начиная с обращений к русской и финской с.-дем. фракциям и продолжая более активными формами протеста, партия найдет достаточно способов нарушить то позорное молчание, среди которого русская контр-революция терзает тело финского народа.

За дело всероссийской свободы ведется борьба в Финляндии. Какие бы горькие минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготовляя его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 г. и что пытался продолжать в славные дни Кронштадта и Свеаборга.

(Ленин.)

Осенняя избирательная кампания [1].

Частичные выборы в Госуд. Думу, происшедшие в 4 избирательных округах, привели к завоеванию либералами 2 мест: одно отнято ими в бою у октябристов, дру-

гое — взято без боя у социал-демократов. Об этой второй «победе» — в уфимском губернском собрании, где место исключенного из Думы рабочего-социал-демократа Косоротова было передано прогрессисту-землевладельцу Харитонову, — кадетская печать предпочла не распространяться слишком много. И не мудрено. Ибо если место, освободившееся после ареста рабочего депутата, без всяких церемоний было предоставлено партийными выборщиками либеральному землевладельцу, — какой характер приобретал демагогический прием кадетских ораторов и публицистов, утверждавших, что избиратели обязаны непременно сохранить за товарищем Колюбакина по партии место, ставшее вакантным вследствие правительственного насилия?

Два других места — петербургское и одесское — партия «народной свободы» сохранила за собою. Таким образом, либерализм вышел из частных выборов победителем по всей линии. Небольшое численное увеличение кадетских мест в Думе не имеет, разумеется, практического значения. Но велико для кадет морально-политическое значение того факта, что им удалось нанести серьезный удар октябризму в самом центре последнего, в Москве, столице Гучкова.

Кадетская пресса не обманулась в смысле победы, одержанной в I-ой курии г. Москвы. Мы завоевываем великорусскую крупную буржуазию — такова основная нота торжествующих песен «Речи». Сам неизменно-«идеалистически» настроенный г-н Ф. Родичев сумел схватить эту весьма практическую сторону совершившегося в Москве события. Октябристская партия, в свою очередь, позаботилась о том, чтобы этот смысл ее поражения и кадетской победы был всем ясен. Октябристская печать так именно и ставила вопрос перед выборами: с кем пойдет великорусская крупная буржуазия? *.

Поражение Гучковцев показало, что не пропали даром труды кадетских прогрессистов и политиков, устраивавших известные совещания «людей науки и промышленности» и иные попытки пропаганды в среде крупной буржуазии.

Надо отдать справедливость кадетской прессе: она не решается категорически утверждать, что крупная буржуазия становится *кадетской*. Сама «Речь» оговаривается, что подавшие голос за ее кандидата, купцы не являются, конечно, кадетами. Мы поясним: они, конечно, не принимают ни социально-реформаторских и демократических требований, входящих в официальную программу к.-д., ни ее мелкобуржуазной, якобы «над-классовой» официальной идеологии, перенятой от старого земского либерализма и «освобожденства». Буржуазия, выбиравшая в 1907 г. Плевако, а в 1909 избиравшая г. Щепкина, осталась сама собою, не изменила своей классовой природе. Она начинает, напротив, уходить от октябристов потому, что последние изменили своему обещанию добиваться доли политической власти для буржуазии. И она начинает приближаться к ка-детам ровно постольку, поскольку ка-деты с 1907 года сознательно идут навстречу ей, крупной буржуазии, отказываясь от своей программы и меняя свою тактику везде, где они приходят в столкновение с классовыми интересами или даже только политическими предрассудками крупного и среднего промышленного буржуа. По мере того, как ослабело действие паники, овладевшей всеми имущими классами в 1905 году, неизбежно должно было проникать в сознание самой буржуазии понимание всей невыгодности, недостаточности для нее той сделки, которую в 1907 году заключили ее октябристские представители с черносотенным дворянством и которая поставила буржуаз. в III Думе в положение более или менее бессильного придатка к союзу аграриев и бюрократии. Крупная буржуазия начинает предъявлять к уплате политич. векселя, выданные ей героями 3-го июня, и выдает доверенность на взыскание по этим векселям кадетским политикам, достаточно показавшим что умеют охранять интересы буржуазии даже и тогда, когда эта доверенность находится в других руках.

Выборы в Москве явились довольно чувствительным ударом не только для октябристской партии, но и для поддерживаемого ею правительства Столыпина. Вся избирательная кампания велась октябристами под флагом: за или против Столыпина? И купеческая Москва ответила: против — конечно, против в пределах «оппозиции Его Величества». Таков результат «успокоительной» политики 3 лет: как только желательное «успокоение» кажется уже достигнутым, выясняется, что среди самих успокоителей не может установиться прочного согласия. В современной России нет объективных условий, которые позволили бы буржуазии обеспечить себе обладание действительною властью на основе обуздания пролетариата и демократии.

Рост оппозиционности среди имущих избирателей ясно виден из следующих цифр:

Кадеты получили:

	в 1907 г.		в 1909 г.
в Москве	42%	всех голосов	52%
в Одессе	52%	»	58%

Октябристы получили:

в Москве	55%	»	$38^1/_2$%
в Одессе	16,8%	»	—

Союзники получили:

в Москве	3%	»	9%
в Одессе	30%	»	$37^1/_2$

Эти же цифры свидетельствуют о том, что, вместе с уходом части октябристских голосов влево (к к.-д.), другая их часть отходит вправо — к Союзу рус. нар. В пределах имущих классов, следовательно, межеумочная партия классового компромисса тает за счет определенных классовых партий — реакционно-дворянской и либерально-буржуазной. Это значит, что борьба классов развивается, что классовые противоречия обостряются внутри имущих слоев нации, что общее знамя контр-революции, под которым старые и новые, крепостнические и буржуазные слои имущих объединились против пролетариата и демократии в 1905—7 гг., не может прикрыть этих противоречий, не может прикрыть именно потому, что революция не снесла всех устоев крепостнического строя и не открыла пути для свободного развития буржуазных отношений.

Получив в Москве свидетельство о буржуазной благонадежности, кадеты в Петербурге устояли против натиска пролетариата и демократии. Попрежнему, прямые выборы в более демократической части избирателей столицы дали им большинство, и большинство относительно возросшее с последних общих выборов (48—51%). Кадетская печать видит в этом факте свидетельство того, что «народ» остается за партией «народной свободы».

Вывод этот нисколько не убедителен. Прирост голосов, полученных кадетской партией с 1907 года (в процентах), не поглощает даже всей убыли октябристских голосов: процент первых возрос на 3, процент вторых упал на $3^1/_2$ ($19^1/_2$—16). Между тем, и Союз русского народа также потерпел убыль в $1^1/_2$% ($6^1/_2$—5). По аналогии с московскими выборами есть полное основание предполагать, что разочаровавшийся октябристский избиратель идет к ка-де — от партии мнимого компромисса, к партии, искренно вожделеющей компромисса. Центр тяжести кадетской партии и во II курии отодвинулся *вправо* — к более буржуазным, имущим элементам этой разношерстной курии. Ее неимущие, более левые элементы неудовлетворены кадетизмом. 19% всех голосов, поданные за с.-д. кандидата при современных условиях и вынужденном абсентеизме части избирателей-пролетариев (благодаря назначению выборов на будний день), ярко свидетельствуют о непрочности положения «оппозиции его величества» среди демократических избирателей.

* На октябристском съезде делегат Чистяков так и выразился: московские выборы показали, что крупная буржуазия подалась влево.

С.-д. кандидат, поддержанный народническими партиями, собрал на 1% более голосов, чем было подано за социалдемократических и демократических кандидатов *вместе* в 1907 году (тогда 18, теперь 19%). Это небольшое само по себе приращение должно быть признано серьезной победой, если принять во внимание, что это было первое значительное политическое выступление партий перед народом после контр-революционного разгрома 1907 года и что это выступление для с.-д. совершалось при таких внешних условиях, в каких нигде и ни одной партии еще не приходилось выступать на выборах.

В течение периода времени от государственного переворота 1907 г. до последних петербургских выборов контрреволюционное правительство так свирено и систематически преследовало пролетариат и его организации и до такой степени успело обескровить его авангард, что оно уже могло позволить себе роскошь не принимать против социал-демократии «экстренных» репрессий по случаю выборов. Кадетская пресса воспользовалась этим, чтобы делать намеки на то, что правительство терпит с.-д. из желания провалить к.-д. кандидата. Обыск, произведенный сейчас же после выборов в ред. «Нового Дня»[3] показал, что правительство очень быстро оценило значение $4^1/_2$ тысяч голос., поданных за нашего кандидата, и что оно более, чем неприятно изумлено иллюстрированной выборами живучестью так основательно «похороненной» русской социал-демократии.

О мнимом покровительстве «левым» со стороны правительства и его дворни очень много говорилось во время последней избирательной кампании. Присяжный клеветник и лгун кадетской партии — г. Изгоев — прямо намекал на какое-то соглашение между социал-демократией и «канцелярией Крыжановского»[3]. Вся избирательная агитация к.-д. партии была построена на уверении избирателей в том, что для правительства «сильнее кадета зверя нет» и что, поэтому, подача голосов за социал-демократа есть косвенная поддержка правительства. В сущности, это означало, что русская либеральная партия, на плечах рабочего класса вышедшая из своего политического небытия 80-х и 90-х г. г., дерзает ныне отрицать самое право пролетариата на образование особой политической партии, требует, чтобы пролетариат и мелкая буржуазия шли в политической сфере в хвосте имущей оппозиции. Это требование, разумеется, предъявляется во имя «борьбы с реакцией». Но не иначе, как во имя этой борьбы, требование, чтобы пролетариат слепо шел за буржуазией, предъявлялось и зап.-европейскими либеральными партиями, когда им приходилось иметь дело с попытками пролетариата завоевать себе самостоятельную политическую позицию.

Западно-европейский либерализм так усиленно заботился о «борьбе с реакцией», что в отместку за нежелание пролетариата отказаться во имя этой борьбы от политической самостоятельности, вступал *в сделку* с реакцией для подавления пролетариата. Русские кадеты проявили ту же самую беззаветность в заботах о «борьбе с реакцией»: под шумок Изгоевских и Милюковских клевет о союзе между с.-д. и реакцией, кадетская пресса неукоснительно выторговывала себе октябристские голоса на случай возможной перебаллотировки между Кутлером и Н. Д. Соколовым.

В виду того, что с самого начала избирательной кампании в Петербурге безусловная безнадежность союзвической и октябристской кандидатур была всем ясна, весь политический интерес выборной борьбы свелся именно к этому вопросу о притязаниях пролетариата на самостоятельное политическое бытие и — тем самым — на борьбу за его политическое влияние на средние, промежуточные слои городской демократии. Кадеты хорошо поняли это положение, когда, условно допуская смысл существования «рабочей партии» в английской форме, пытались доказать демократической мелкой буржуазии, что ее интересы не могут быть представлены с.-д. кандидатурой, и что народнические группы, высказавшиеся за безоговорочную поддержку партийного кандидата с.-д., не руководились никакими серьезными основаниями, кроме желания уколоть к.-д. за их недостаточный радикализм.

С особенной энергией кадетская печать доказывала приказчикам, что они — не пролетарии и что, следовательно, им незачем поддерживать рабочую партию.

Результаты выборов, во всяком случае, показали, что своей цели к.-д. партия не достигла и что вокормленная русской революцией идея самостоятельной с.-д. рабочей партии, как главного борца за свободу, пустила достаточно глубокие корни в пролетарских и смежных с пролетариатом массах. Учитывая эту мораль выборов, «Речь» пишет об относительном приросте с.-д., как о «важном симптоме», и обещает, что к.-д. партии будет считаться с этим симптомом.

Факт живучести наших идей и престижа нашей партии в массах не должен, конечно, убаюкивать нас и соблазнять к тому, чтобы почить на лаврах морального успеха, одержанного нами в Петербурге. Выборы показали, что нас нельзя *уничтожить политически*. Но они еще раз показали, что общая волна уныния и разочарования, охватившая Россию в результате Столыпинской контр-револ., не прошла бесследно мимо рабочего класса. Процент пришедших 20 сентября к избирательным урнам был чрезвычайно мал. Вместо 45 000 голосов, поданных в 1907 г., ныне подано только $25^1/_2$ тысяч. И значительное количество воздержавшихся приходится на приказчиков, рабочих и других неимущих избирателей. Долг соц.-дем. вновь пробудить в этих утомленных массах интерес к «политике» и готовность принять участие в политической борьбе. Жюль Гэд говорил когда-то синдикалистам, что рабочий, не готовый пойти на выборы по призыву своей партии, не готов и к тому, чтобы совершить революцию. Приказчик, внутренне не доверяющий либералу, но еще отдающий ему голос на том основании, что, авось, в этой дрянной Думе эти дрянные политики выторгуют «хоть шерсти клок», — такой приказчик еще не созрел для того, чтобы принять сознательное участие в борьбе за наши революционные цели. Политические выборы имеют то значение, что подводят итоги нашей повседневной работе по просвещению политического сознания масс. Абсолютно незначительное количество — 4 600 голосов, поданных за тов. Соколова на выборах, ярко свидетельствует о том, что за последние годы мы недостаточно энергично работали над этим просвещением.

Мы все еще недостаточно знакомим массы с тем, что делалось в Думе, с тем, что делала в ней наша фракция; мы недостаточно заботились об освещении перед массами деятельности контр-революционного правительства и поддерживающих его и им поддерживаемых реакционных партий. Мы недостаточно старались о том, чтобы ознакомить широкие круги пролетариата с выступлениями передовых рабочих групп на различных общественных съездах и заинтересовать в этих выступлениях более широкие массы. А между тем, именно эти выступления, проникнутые с.-д. духом, и речи с.-д. депутатов в Думе были, по всей вероятности, тем главным фактором, который поддерживает среди части петербургских избирателей в эти тусклые годы воспоминание о нашей партии и убеждение в том, что она, вопреки уверениям врагов, не умерла и не умирает.

Убеждение в том, что 3-я Государственная Дума составляет важный политический центр для ближайшего периода, воспринято большинством нашей партии и нашло свое выражение в ряде резолюций. Но из этого положения не всегда умеют сделать надлежащие тактические выводы. Из № 48-49 «Пролетария»[4] известно, как в петербургской партийной организации пытались с самого начала избирательной кампании *ограничить* ее размах, *ослабить* энергию избирательной агитации. Правда, соответствующее решение было взято назад под давлением партийных же кругов, но часть энергии товарищей, как это слишком часто бывает, пришлось затратить на борьбу с «ультиматистскими» предрассудками вместо того, чтобы быть затраченной на с.-д. агитацию во время выборов. И это обстоятельство несомненно не могло отразиться благоприятно на ходе самой кампании. Неподготовленность социал-демократии сказалась в ней во многих отношениях.

Прежде всего приходится указать на чисто организационные дефекты. Письменная агитация ограничилась

только использованием одной еженедельной газеты, причем последняя распространялась слишком недостаточно. Ни легальных, ни нелегальных листков с призывом голосовать за партийного кандидата не было выпущено *. Не было, повидимому, принято достаточно мер к подготовке ораторов для избират. собр. О систематич. обходе квартир избирателей, как это делается у к.-д., также ничего не слышно. А, между тем, в этом направлении можно и должно было использовать ту помощь народнических интеллигентских групп, которая так счастливо досталась нам на этот раз. Вообще же, надо заметить, что, хотя, напр., в «Соц.-Дем.» вопрос о подготовке к данной избирательной кампании был поднят уже давно, но практически в Петербурге стали думать о ней лишь в самую последнюю минуту.

Переходя к содержанию агитации, нельзя умолчать, что выступления ораторов на избирательных собраниях оставляли желать лучшего. То же придется сказать и о литературной кампании в «Новом Дне». И если отвлечься от тех несовершенств, которые вызваны именно дефектами организационной стороны, то придется признать, что в основе неудовлетворительности агитации лежало некоторое неумение использовать то благоприятное положение, в которое поставило социал-демократию присоединение к ее кандидатуре народнических групп.

Дело в том, что фактически избирательная агитация чересчур сбивалась подчас на «беспартийно-демократический» тон. Вполне справедливо постоянно подчеркивалось фактическое объединение демократии вокруг с.-д. кандидата: объединять вокруг своего знамени всю революционную демократию наша партия должна в борьбе со старым порядком и с контр-революционными поползновениями либерализма. Указанный тон агитации давался тем, что в ней чересчур преобладающее место занимало именно то, что объединяет все левые партии в противоположность умеренному либерализму — в данном случае, недоверие и отрицание кадетского политического шахер-махерства. Ибо *положительное* содержание наших демократических стремлений и таковых же стремлений мелкобуржуазной демократии далеко не однородно, поскольку вытекает из различных классовых позиций. Идя по линии наименьшего сопротивления, наши товарищи до известной степени ограничивали себя *борьбой с кадетским извращением* демократической политики и мало заботились о том, чтобы пропагандировать *нашу* линию демократической политики, *толкающей вперед* мелкобуржуазную оппозицию и опирающейся на организацию пролетарских сил вне Думы. Словом, наши агитаторы часто впадали в тон Мякотина и Водовозова, слишком честных и достаточно радикальных, чтобы не восстать против кадетской пародии на оппозицию, но неспособных ничем, кроме общих демократических фраз, обосновать свой радикализм. Между тем, дело шло именно о том, чтобы, пользуясь поддержкой Водовозовых и Мякотиных и разоблачая с их помощью фальшивый демократизм кадетов, развить свою точку зрения на задачи и методы борьбы за политическое освобождение, чтобы убедить избирателей не только в негодности кадет в роли оппозиции, но и в *необходимости* для дела политического освобождения сильной с.-д. рабочей партии. Само собой разумеется, что, направив агитацию в это русло, мы должны были бы, насколько позволяли условия, внести в нее элементы пропаганды социализма, ведя борьбу с к.-д. и правительством не только на почве вопросов политического устройства, но и на почве основных вопросов борьбы классов в современном обществе.

Вялая политическая жизнь наших дней не дает нам много случаев для того, чтобы развернуть вширь и вглубь с.-д. агитацию. Тем обязательнее не упускать ни одного из таких случаев. На примере партии с.-р. мы могли снова видеть, к чему ведет игнорирование или непонимание действительной обстановки, в которой совершается ныне процесс мобилизации общественных сил и, следовательно, накопления элементов для новых битв. Партия с.-р., верная своему бойкотизму, осталась в стороне от избирательной кампании. Ослабив этим левую непролетарскую демократию, она сделала возможным и, пожалуй, неизбежным для нар. социалистов и трудовиков простое присоединение к с.-д. кандидатуре. Это обстоятельство пошло, конечно, нам на пользу, и все плоды морального фиаско к.-д. во время избирательной кампании достались, в конце концов, нам. Но эти плоды были бы более обильными, если бы, предоставив с.-рам запутываться в логике своего бойкотизма, мы сами более последовательно развили бы логику нашего активного участия в повседневной политической жизни и не давали бы себя застичь врасплох в идейном и в организационном смысле всякий раз, как жизнь требует от нас напряжения всей нашей энергии.

Петербургская избирательная кампания показала, что внутренняя эволюция 3-ей Думы неуклонно создает благоприятные условия для возрождения с.-д., как авангардной активной политической силы, и что в рамках самого третьеиюньского режима мы можем найти некоторые *точки опоры* для такого возрождения. Этот урок не должен пропасть даром для партии. Ни бешенство контр-революции, ни иезуитизм либералов не могут вытравить из русской жизни *потребности* в с.-д. партии, как единственном последовательном до конца борце за свободу. Надо, следовательно, не дожидаясь будущего подъема, настойчиво работать над сплочением с.-д. ядра русского пролетариата в силу, способную всегда и при всяких условиях активно заявить свою классовую волю, широко развернуть свою партийную агитацию.

* Мы видели лишь один листок Выборгского района, написанный очень непопулярно и малодоступный широким массам избирателей. Не выступила с воззванием, к сожалению, и думская фракция, которая могла и должна была это сделать.

К съезду по борьбе с пьянством.

В С.-ПБ. с 28 декабря до 6 января состоится *первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством*. В порядке дня его в числе других стоят вопросы: экономические условия быта (влияние капитал. строя и аграрных условий); взаимодействие пьянства и нищеты; санитарно-гигиенические условия жизни; связь алкоголизма с профес. занятиями; алкоголизм и трудоспособность рабочих масс и т. п. На этот съезд могут, несмотря на полицейские рогатки, получить доступ и организованные рабочие. И, разумеется, долг наших с.-д. организаций — воспользоваться этой возможностью, помочь передовым рабочим организовать свое представительство на этом съезде и возможно лучше подготовиться к выступлениям на нем. Профессиональные союзы в Петербурге кое-что уже делают в этом направлении. В только что полученном нами письме из С.-ПБ. нам пишут: «Ц. Б. профес. союзов (учреждение нелегальное) постановило принять участие в съезде борьбы с пьянством и выбрало своего делегата. На этот съезд уже решили послать своих делегатов союзов около 10. (Придется найти «обход» последнего «разъяснения», возбраняющего союзам участвовать в съездах). На съезде будет представлен ряд обстоятельных докладов. С этой целью решено произвести анкету о степени распространения алкоголизма среди питерских рабочих. Происходят доклады и обсуждение среди рабочих»...

Вместе с тем в другом письме нам сообщают, что из некоторых районов С.-ПБ. организации раздаются голоса против участия в съезде. Нам пишут, что в трех районах против участия высказывается чуть ли не большинство... От имени партии мы должны решительно протестовать против попыток помешать использованию съезда в интересах с.-д. агитации и пропаганды. Партия вправе *требовать* от своих отдельных организаций и членов, чтобы только что решенные ею вопросы, касающиеся определенных *действий*, не перерешались отдельными группами. Наша последняя партийная конференция высказалась вполне определенно о «легальных возможностях». Кто не проводит ее директив, тот на деле ликвидирует решения партии. Когда шел вопрос об участии в съезде фабр.-зав.

врачей, против решений партии пошли только московские отзовисты-ультиматисты. Их агитация была сурово осуждена всей партийной печатью и отвергнута передовыми рабочими.

Теперь петербургские отзовисты и ультиматисты, которых не раз уже усовещевали, которым не раз уже напоминали об их *обязанности* выполнять лояльно партийные решения, которых не раз призывали к порядку с.-д. рабочие в Петербурге, опять тормозят партийную работу. Все местные с.-д., все партийцы с.-д. должны положить конец этому невозможному положению вещей.

При сколько-нибудь солидной и партийной подготовке, как показал тот же съезд фабр.-зав. врачей, мы можем достичь солидных агитационно-пропагандистских результатов, разбить козни либеральных социал-реформаторов и воспользоваться трибуной буржуазного съезда для наших целей, для целей классового противопоставления рабочих буржуазии на открытой арене. Не воспользоваться хотя бы скромной возможностью в этой области было бы преступлением. Частные вопросы об алкоголизме мы должны связать с нашими общими целями и задачами. Социал-демократии есть что сказать по тем вопросам, которые будут обсуждаться на предстоящем съезде. Достаточно напомнить, что герман. соц.-дем. на одном из последних съездов поставила вопрос об алкоголизме особым пунктом порядка дня и уделила ему немало внимания. Лишь при *организованном* участии партии в подготовительной работе, рабочие на съезде смогут, в противовес буржуазным пошлякам и реформистским Маниловым, сказать свое *социалистическое* слово. Лишь энергичное участие партийных организаций в этой работе гарантирует от перспективы увидеть в роли представителей легальных рабочих организаций — *ликвидаторов*. Кто мешает этой работе наших организаций, *тот помогает ликвидаторам!* Пусть помнят это товарищи и пусть сделают надлежащие практические выводы.

Мы призываем *все* с.-д. организации принять деятельнейшее участие в подготовке рабочих к использованию предстоящего съезда. Провинциальные организации также должны приложить все усилия, чтобы послать своих делегатов. Последние могут принять участие просто, как отдельные деятели проф. движения, или несколько делегатов могут быть формально проведены от одной какой-нибудь легальной организации, существующей хотя бы только номинально.

Времени осталось немного. Необходимо действовать.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

Издыхающий дельфин.

Среди либеральной и даже части социалистической публики английский бюджет вызвал необычайно много толков. Говорят, что с этим бюджетом английский либерализм возродился, точно феникс из пепла. Другие идут дальше и узревают в бюджете мощное орудие социального, — чуть ли не социалистического прогресса, и истолковывают его как симптом начавшегося в Англии процесса «врастания» в социалистический строй. В самой Англии голоса настроены на такой же лад. Консерваторы, с лордом Розбери, бывшим либеральным премьером и преемником Гладстона, во главе самым решительным образом осудили бюджет как «революционный и социалистический». Либералы, отрицая это, однако, величают бюджет «народным» и «демократическим» и призывают на поддержку его пролетарские массы, как наиболее заинтересованный в нем общественный элемент. Сама рабочая партия, предводимая социалистами из «независимцев», борется за осуществление бюджета и видит в нем источник всяческих благ для пролетариата. «Народ», заявляет председатель парламентской рабочей фракции Хендерсон на публичной демонстрации горных рабочих, «народ создает ценности, а Ллойд Джордж (министр финансов) в своем бюджете, — а за ним стоит единодушно вся рабочая фракция — провозгласил принцип, что народ должен получать часть того, что он создает. Это самый народный и демократический бюджет, который когда-либо вносился в парламент». Кир Харди, идейный руководитель рабочей партии и Нестор национального социализма независимцев заходит еще дальше и на собрании в Бирмингаме заявляет: «Отчего это загорелись так сердце и воображение народа Англии из-за бюджета? Оттого, что в нем таится обещание вырвать Англию из-под проклятия нищеты и смести ее причины... Рабочую партию иногда критикуют — и именно социалистические члены ее — за то, что она поддерживает бюджет. Рабочая партия не поддерживает либеральной партии, она поддерживает бюджет... зная, что это — первый шаг к осуществлению ее идеала, а именно, постепенного поглощения обществом для потребления обществом же всех незаработанных доходов, проистекают ли они из земли или из капитала».

Как читатель видит, о бюджете говорят в самой Англии словно бы им возвещалось какое-то новое евангелие для народа, а за границей, в том числе и у нас в России, носятся звучные отголоски и ждут, какова-то будет судьба его. Одна только зловредная социал-демократия Англии, с присущей ей нетерпимостью и догматизмом, отказывается видеть новое благовещение и жестоко осуждает рабочих

Что делать?

(Уроки исключительного закона).

Даже при потрясениях гораздо меньшего масштаба, чем пережитые нашей страной за последнее пятилетие, даже при гораздо менее крупных поворотах политического развития, чем те, которыми огорошивал нас ход русской революции и контр-революции, — рабочим партиям других стран не раз приходилось переживать состояния разброда, столбняка и замешательства, иногда длившиеся не один год. И нет ничего удивительного в том, что партия рабочего класса России — страны, только что пережившей состояние необычайно высокого революционного подъема и вслед за тем ввергнутой в пучину неслыханно жестокой и кровавой контр-революции,— еще не окончательно оправилась от тех неслыханно тяжелых ударов, которые нанесены ей, как передовому отряду всей революционной армии, соединенными силами всей контр-революционной коалиции.

Будущего историка нашей партии нисколько не удивит то обстоятельство, что даже в 1909 году не вся наша социал-демократия освоилась с новым положением, и твердую почву под ногами чувствовала лишь наиболее передовая ее часть. Но от этого, конечно, вовсе не легче в настоящий момент нашей партии, как организации *действия*, вынужденной признать, что не для всех ее частей выяснены, не всеми ее частями правильно разрешены кардинальные вопросы: *«что делать?» «как делать?»* — в настоящей новой обстановке.

Эти вопросы еще и по сей час являются злободневными для партии, продолжающей ощупывать путь, оценивать положение и — естественно — искать исторических параллелей в развитии рабочего движения других стран. Право использования опыта борьбы, побед и поражений наших западно-европейских братьев мы купили себе дорогой ценой: ценой опоздания нашего собственного движения и развития нашей собственной страны на десятки и десятки лет. И мы действительно обязаны этот опыт усвоить и использовать самым полным образом.

Уже сравнительно давно в нашей литературе делаются попытки провести параллель между положением германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов и нашим положением. Попытки эти нельзя не признать совершенно законными, поскольку значительные черты сходства между тем и другим положением действительно существуют. Было бы, разумеется, чрезвычайно ошибочно думать, что сходство здесь совершенно полное. Взяв за исходную точку такое ошибочное предположение, неизбежно притти к самым роковым ошибкам в выводах. Если в Германии в конце 70-х годов — когда издан был исключительный закон — задачи буржуазного развития были в известной мере решены (хотя и на юнкерско-бисмарковский лад), — то это далеко нельзя,

6 СОЦИАЛДЕМОКРАТ № 9

вождей за их увлечение самой обыденной жульнической мерой либерализма. По ее мнению, нынешний бюджет — такая же простая буржуазно-фискальная мера, как и все бюджеты до него, и те черты его, которые в нем новы, только рассчитаны на обман рабочей публики. Постараемся и мы разобраться в этом знаменитом бюджете, насколько позволяют размеры небольшой статьи.

Англии, как и Германии и многим другим «великим» державам, пришлось в этом году считаться с крупным бюджетным дефицитом: расходов, согласно утвержденным парламентом ассигновкам, набралось свыше чем на 1,641 миллион руб., а доходов, если считать лишь старые источники, предвиделось всего на 1,483 мил. руб. Если бы этот дефицит был только одновременный — напр., по случаю экономического кризиса, сильно понизившего потребление масс, и потому поступление пошлин и акцизов, — то его можно было бы покрыть краткосрочным займом. Так делала, наприм., Германия в предпоследние два года. Но в том-то и беда, что этот дефицит грозил стать хроническим, так как он произошел благодаря усилению расходов на вооружение и новым расходам на социальные реформы. В 1909-10 г., напр., английское правительство потребовало себе до 160 милл. руб. новых ассигновок на морские сооружения (восемь новых Дредноутов) и свыше 80 милл. на пенсии престарелым, согласно проведенному в прошлом году законодательному акту. Эти новые реформы будут несомненно повторяться и в будущем, и стало быть, для покрытия их надобны новые и постоянные ресурсы. Где же их достать? Консерваторы — они же протекционисты, — которые нарочито создали в начале года маринистскую панику и вогнали храброе либеральное правительство в 160-миллион. новый расход на новые суда, злорадно указывали: видите, при системе свободной торговли вы не справитесь с своим дефицитом; нужно при помощи ввозных пошлин расширить систему косвенных налогов, и тогда будет достаточно средств и на «национальную оборону» и на благодеяния рабочему классу. Либералы отвечали: нет, мы и при свободной торговле справимся с нашей финансовой задачей, и тем докажем вам, что Англия в протекционизме не нуждается. И действительно, в начале апреля с. г. молодой министр финансов Ллойд Джордж внес бюджет, который блистательно с точки зрения фритрэдеров разрешил задачу. Вот что он предложил: увеличение акциза на спирт и спиртовые изделия — 16 мил. рубл., увеличение акциза на табак — 19 мил. руб., патенты на продажу хмельных напитков — 26 мил. руб. и налог на автомобили и бензин для автомобилей — 6 мил., — итого, 57 мил. руб. косвенных налогов. Дальше идут прямые налоги: увеличение налогов на наследства — 28 500 000 руб., увеличение и преобразование подоходного налога — 35 000 000 руб. и новые налоги на землю — 5 мил. руб., — итого 35 мил. рублей. Вместе с косвенными налогами это составило 142 мил. руб., а так как дефицит равнялся 157 мил, да еще намечались экстренные расходы в размере 3 500 000 на бюро труда, сооружение новых магистральных дорог и шоссе и производство земельной оценки, то Ллойд Джордж предполагает взять еще 30 мил. из амортизационного фонда на погашение государственного долга.

Такова вкратце была предполагавшаяся финансовая реформа. За время своего шестимесячного мытарства в палате общин и ее комиссии, она подверглась значительным частным изменениям, но в принципе она осталась той же. Что же она из себя представляет? По сравнению с нашим русским и даже германским и французским бюджетами, бюджет Ллойд Джорджа — сущая демократия. В то время, как германская финансовая «реформа» июля 1909 г. покрывает четыре пятых 250-миллионного дефицита косвенными налогами на предметы перв. необход., вроде чая, кофе, сахара, спичек, табаку, спиртных напитков и др., и в то время как Франция вот уже несколько лет пока не может провести подоходного налога и так же тяжко тужится над налогом на наследства, Ллойд Джордж с легкостью престидижитатора [5] увеличивает на большие суммы налоги на доходы и наследства и сваливает большую половину нового налогового бремени на имущие классы вообще. За это, пожалуй, Ллойд Джорджу можно было воздать некоторую дань уважения, если бы... если бы Англия была Германией или Францией. Но в том-то и дело, что в Англия условия иные, чем в Германии, Франции или России. В Англии уж и до Ллойд Джорджа бюджеты устанавливались так, что около половины бремени падало на имущие классы в виде прямых налогов, а затем либералы вот уже 30 лет как обещают народу освободить «завтрак» от всяких налогов, а вместо того они ему теперь подбавили новых косвенных налогов почти на 70 миллионов. Чем же тут можно похвалиться? Ясно, что ни особенной «демократии», ни особенного «рабочелюбия» г. Ллойд Джордж своим бюджетом не проявил.

Но тут вот иной казус вышел: среди прямых налогов значатся новые земельные налоги: налог в 20 проц. прироста земельной ценности, налог в 10 проц. прибыли, получаемой землевладельцем по окончании срока аренды (обыкновенно в виде построек и улучшений, производимых арендатором), и налог приблизительно в $^1/_5$ проц. капитальной ценности не культивируемой земли и неразрабатываемых минералов (в окончательной фазе добываемых из недр минералов). Всего-то эти разнообразные налоги имеют дать в совокупности 4 мил. руб., — цифру совершенно ничтожную по сравнению с 1 000-миллионным доходом, получаемым землевладельцами из земли в виде ренты. Казалось бы чего тут беспокоиться и кричать точно при грабеже? Но во-первых, эти налоги могут и, вероятно, будут расти, а во-вторых, английская поземельная аристократия несравненно более чутко относится к своим интересам, нежели английские рабочие. И вот, вместо того, чтобы великодушно сказать: ты берешь с рабочего 70 мил., бери с нас 5 мил., английск. лэндлорды завопили: экспроприация, революция, социализм! Слыша это и другие слои имущих классов, главным образом биржевики и кабатчики, тоже при-

---

конечно, сказать о России первого десятилетия 20 века. Если там на очереди стояли *реформы*, то у нас стоит во всей своей неизбежности *революция*. Если там в то время уже создан был сравнительно многочисленный слой «крепкого» крестьянства — опора порядка и монархии, — то у нас эта цель еще только поставлена наиболее дальновидной частью правящих классов и еще далеко не достигнута. Если там блок между юнкерством и либеральной буржуазией на основе бисмарковской монархии был уже совершившимся фактом и имел уже прочные исторические традиции, — то у нас он еще только в процессе образования.

Наше положение объективно гораздо революционнее: мы гораздо ближе к недавним годам высочайшего народного движения, избороздившего всю страну, всколыхнувшего все слои общества, у нас существует огромная, многомиллионная потенциально революционно-демократическая сила — неимущее крестьянство и т. д. и т. п.

В связи с этим и положение германской социал-демократии в эпоху исключительного закона — при всех многочисленных чертах сходства — во многих отношениях значительно отличается от положения нашей партии. Германская социал-демократия переходила к эре исключительного закона *от* 10 — 15 лет *открытого и сравнительно* свободного существования рабочего движения, не то — у нас. Германской с.-д. на первом ее съезде после изд. искл. зак. (Виден) пришлось вычеркнуть слово «законными» из того тезиса ее программы, который говорил, что партия добивается осуществления своих целей «всеми *законными* средствами». — У нас ничего подобного нет и в помине. Лишенный возможности открытого существования его партии, рабочий класс Германии не был лишен всеобщего избирательного права, мы же награждены избирательной системой 3-го июня. При всей тяжести репрессий, обрушенных на германских рабочих исключительным законом, эти репрессии кажутся игрушкой в сравнении с режимом виселицы и пытки, всей своею силой давящим на рабочий класс России, и т. д. и т. п.

И тем не менее параллель между положением с.-д. в ту и другую эпоху может быть проведена с большой пользой для дела. И тем не менее из этого сопоставления можно вынести целый ряд даже непосредственно-практических чрезвычайно полезных уроков для нашего рабочего движения и нашей социал-демократии.

Учесть опыт какого-нибудь движения для рабочей партии, однако, не может означать попросту повторить это движение от первой до последней буквы. Тем менее это значит — заимствовать у такого движения только его *слабые* стороны, только его *несовершенства*, обусловленные как раз самыми неблагоприятными чертами внешней обстановки, внутренней неуверенностью, колебаниями и т. д. А между тем, одна часть нашей партии, к сожалению, ставит дело именно так... Оба основных течения в Р.С.-Д. Р.П. признают, что в настоящий момент мы во многом должны стать на тот путь, который проложен германской

нялись кричать о грабеже и, наконец, протекционисты, составляющие ныне фактически консервативную партию, воспряли духом и загремели против свободной торговли, как источника всех бед.

Если бы дело ограничивалось одними этими землевладельчески-протекционистскими нападками на бюджет, то всем, даже нашим кадетам и ревизионистам, было бы ясно, что весь этот спор в сущности лишь спор двух буржуазных партий из-за таможенной политики. Но английские либералы издавна отличаются мудростью змия, и чтобы завербовать на свою сторону массы, они придали своему фритредерскому бюджету совсем особенный социальный смысл. Бюджет, видите ли — в особенности его земельные параграфы — не есть уже просто финансовая мера; — это мера социальная, утверждающая принцип, что общественно создаваемая ценность должна принадлежать обществу же! Это было сущее откровение. До сих пор облагали налогами доходы наследств и капитал и не подозревали, что это делается в силу принципа, что общественно-создаваемая ценность принадлежит обществу; а теперь обложили незначительным налогом на земельн. прирост ценности, и либералы сразу нашли, что этим «конфискуется» в пользу «общества» (общ. морских вооружений!) общественное богатство. Ужасно это показалось радикальным вождям рабочей партии, и позабыв или не зная, что те же принципы — по отношению к ренте, конечно, — выдвигались уже либералами 60-70 лет тому назад, когда Кобдэн и его братия морочили рабочую массу своей фритредерской агитацией и доказывали, что свободная торговля не простая штука, а Иисус Христос, — рабочая партия ринулась на поддержку бюджета. Бюджет вдруг стал центром борьбы не то за «новый либерализм», не то за социализм, о чем корреспонденты континентальных газет, включая лондонск. корреспондента Vorwärts'a, не преминули оповестить широкую европейскую публику.

Но и этим дело еще не окончилось. Не будучи в силах в качестве меньшинства провалить бюджет в палате общин, — а буржуазная оппозиция по бюджетному вопросу умеет при случае выступать гораздо решительнее, нежели наша ревизионистская братия, — консерваторы-протекционисты грозятся палатой лордов, и либералы, которые вот уже 80 лет позволяют этой палате по первостепеннейшим вопросам заявлять свой решительный протест и проваливать законопроекты народных представителей, внезапно почувствовали необыкновенный прилив нежности к демократии и подняли знамя мятежа против «наследственных законодателей». Опять рабочая и буржуазная демократия преисполнились страшным энтузиазмом. *Законного* права лордов отвергнуть бюджет оспаривать никто не может; все бюджетные прерогативы общин покоятся лишь на резолюции, принятой ими же самими, но не принятой лордами и не перешедшей в законодательный акт. Никто также не оспаривает того, что либеральные угрозы лордам слышатся вот уже по меньшей мере 25 лет, и не только из этого ничего не вышло, но совершенно наоборот: большая часть ныне существующих и прежде существовавших перств была создана именно либералами. Курьезнее всего, что в самом этом споре либералы не поколебались пригласить себе на помощь короля, тем доказывая, как горячо они преданы делу демократической конституции. Несмотря на это, борьба против палаты лордов стала боевым кличем и рабочей партии, и вся европейская «демократия» от Милюкова до Жореса преисполнена глубоким восторгом...

После вышесказанного мне незачем уверять читателя, что вся эта кутерьма вокруг бюджета и палаты лордов — простая Spiegelpecterei[6], как это называют немцы. Реальна в этой игре лишь борьба за протекционный принцип, а все прочее рассчитано лишь на обман масс. Что при этом либералы здорово обожглись, не подлежит теперь сомнению. Желая спасти свой партийный престиж и дело свободы торговли радикальным бюджетом, либералы, прежде всего, успели оттолкнуть от себя те буржуазные слои, на которые они до сих пор опирались. Если — рассуждают эти слои — свободную торговлю можно спасти лишь тем, что нас будут облагать усиленными налогами, то, пожалуй, лучше всего перейти к протекционистам. Они, действительно, валом валят теперь в протекционистский лагерь. Взамен этих буржуазных элементов либералы, правда, обрели рабочую массу. Но эта поддержка ненадежна. Удовлетворить эту массу они, конечно, не могут, и уже наперекор своим лидерам массы начинают все громче спрашивать: да что же такое в этом бюджете, что мы из-за него должны поддерживать либералов? Несмотря на внешнее сходство с положением 40-х гг., рабочая масс все-таки не дастся в продолжительный плен либералам, а это значит, что последние, оттолкнув от себя буржуазию (а чем больше они будут заигрывать с рабоч., тем больше отпадывать будет последняя), не приобретут и рабочих и попадут живьем в руки консерваторам, точно раки на мели. Не поможет либералам и мнимый поход против палаты лордов. На что-либо решительное они неспособны, хотя уже потому, что без этого драгоценного учреждения им не на кого будет сваливать вину за несостоявшиеся реформы, которые были обещаны избирателям. Кроме того, и либералы не меньше, чем консерваторы, знают, что во все более обостряющейся борьбе с пролетариатом палате лордов, как и короне, суждено играть выдающуюся роль, и уничтожать такое оружие или хотя бы даже притуплять его им было бы не след. А если так, если в последний момент, хотя бы даже лорды отвергли бюджет, либералы спасуют перед своей задачей, тем они оттолкнут от себя рабочую массу, которая питается либеральными иллюзиями, и торжеству либерализма наступит решительный конец. Так или иначе, либералы в этой шумихе слов и угроз наверное потеряют, и «новый» либерализм окажется и последней фазой его. Тот, кто знаком с Англией не по одним лишь отрывкам буржуаз. печати, знает, что нынешняя «яркость» английского либерализма есть лишь игра красок, подобная той, которая, по словам китоловов, происходит на теле дельфина, когда он издыхает.

Ф. Ротштейн.

социал-демократией времен исключительного закона. Оба наших основных течения претендуют представлять опыт германской социал-демократии указанной эпохи, оба признают, что нам следует теперь научиться «говорить по-немецки». Но то из них, которое на последнем этапе своего развития весьма тесно связало свою судьбу с «новейшим» течением, получившим название *ликвидаторства*, понимает этот «разговор по-немецки» совершенно своеобразно и в сущности добивается того, чтобы мы «говорили» непременно... на *очень плохом* немецком языке.

Известно, что, когда двое говорят одно и то же, это не всегда одно и то же.

Это побуждает нас с особой тщательностью присмотреться к работе германской социал-демократии в эпоху исключительного закона, тем более, что это даст чрезвычайно поучительный материал и для освещения позиции другого «новейшего» течения в российской социал-демократии — отзовизма-ультиматизма, — по существу тоже весьма родственного ликвидаторству.

* * *

Что делала тогда германская социал-демократия, по отношению к которой враг поставил себе ту же цель, которую ставят себе теперь по отношению к нам союзные силы российской контр-революции, т. е. — загнать в подполье, стереть с лица земли, как политическую представительницу рабочего класса, уничтожить, как самостоятельную силу, *как рабочую партию?* — Германская социал-демократия выдвинула тогда *на первый план* — *задачи агитации*. Она всеми силами рвалась *к массам*, в самую «гущу жизни», она старалась на всех изгибах общественной жизни остаться на посту и, прежде всего, на всех стадиях развития *рабочего движения* быть *с ним* и *впереди него*. Как только прошло первое замешательство от нанесенного удара — ниже мы увидим, что это замешательство продолжалось довольно долго, — германская социал-демократия в лучшей своей части поняла, что в *этом* заключается *центральная* задача. Не дать противнику оторвать с.-дем. от того рабочего движения, которое происходит в *данный* момент, не дать превратить себя в секту и вместе с тем — не дать противнику оскопить соц. дем., не дать ему вырвать ее резко-классовое жало, *не дать ему растворить соц.-дем. в беспартийном, неоформленном рабочем движении*. Так стояла задача перед германской соц.-демократией.

Классовая социал-демократическая агитация — к этому направились все усилия передовой части герм. соц.-демократии. И она сумела решить эту задачу. Ни одно сколько-нибудь крупное общественное движение не проходило без участия и воздействия соц.-демократии. Нечего и говорить о том, что выборы в рейхстаг и — после некоторых колебаний — в муниципалитеты бывали используемы социал-демократией для самой широкой классовой агитации с выступлением против всяких компромиссов с буржуазными

Наша избирательная кампания.

Письмо из Петербурга.

Последнюю избирательную кампанию пришлось вести при особенно неблагоприятно сложившихся условиях. Мы уже не говорим о нашем военно-полицейском режиме, прелести которого давно всем известны. При таком режиме, при чрезвычайной охране, говорить о свободной предвыборной агитации — да еще с.-д. — смешно. Но эти тяжелые для нас общие политические условия усложнились еще целым рядом других неблагоприятных моментов. Предвыборную кампанию пришлось вести в мертвый сезон. Питер обычно съезжается довольно поздно, в этом году же съезд сильно опоздал в виду позднего лета. Партийная жизнь, как известно, летом затихает. Фракция с.-д. в Думе не работает и большинство партийных работников, группирующихся около нее, тоже отсутствуют из Питера. Затихает жизнь и в проф. союзах и особенно в рабочих клубах. Если прибавить к этому политическую апатию широких слоев городского населения и известный индифферентизм к Думе 3-го июня даже среди наиболее сознательных рабочих, то станет ясным, что начинать кампанию приходилось при далеко невеселых обстоятельствах. В широких кругах царила уверенность, что выборы пройдут незаметно, что никакой борьбы партий не будет, а кадеты были вполне уверены, что тихо без всяких хлопот им удастся провести своего кандидата. Однако, эти ожидания не оправдались, избирательная кампания прошла оживленно, подняла настроение городской демократии и рабочих масс, борьба велась так, что менее, чем когда-либо можно было до последнего момента предсказать точно группировку голосов. И это оживление предвыборной кампании, это обострение партийной борьбы, это поднятие настроения масс следует всецело приписать предвыборной агитации с.-д. (Можно даже сказать, что оживление выборов в Петербурге передалось в Москву и отразилось на выборах и в Москве; печать последней приняла живое участие и в петербургской кампании).

Когда было объявлено о дне выборов, нами в *обычном* порядке была выдвинута с.-д. кандидатура Н. Д. Соколова. Вопрос о выставлении собственного кандидата ни на минуту не вызывал сомнений, необходимость самостоятельного выступления на выборах была понятна и по этому поводу не было споров в партийных кругах. П. К. решил принять участие в предвыборной кампании. Его резолюции известны партийным кругам и нам незачем на них останавливаться.

Известную холодность к выборам П. К. проявил лишь в начале, но по мере того, как борьба разгоралась, и его отношение изменилось.

В обычном порядке была организована центральная избирательная комиссия, в которую вошли представители клубов и проф. союзов. Одновременно была начата нами кампания в печати. Кадеты начали с того, что пустили слух, будто бы трудовики и н. с. решили подавать голоса за кандидата к.-д. Вслед за этим был пущен слух, что состоялось собрание из представителей всех оппозиционных партий, на котором представители с.-д. заявили, что подадут голоса за к.-д., если будет назначен левый кандидат этой партии. Этот слух был немедленно опровергнут нами. По поручению нашего центрального учреждения была помещена хроникерская заметка в «Речи», где заявлялось, что никакого собрания с представителями с.-д. не было. Вместе с тем подтверждалась правильность заметки, появившейся за несколько дней перед тем в газетах, что при всех условиях выставляется самостоятельная с.-д. кандидатура Н. Д. Соколова. Вскоре после этого и трудовики опровергли пущенный на счет их слух. В центр. избирательной комиссии было решено предложить некоторым с.-д. литераторам использовать выходившую беспартийную газету «Новый День». Но газета эта, выпустившая до того 4 №№, как раз в это время прекратила свое существование из-за отсутствия средств. С 5 № накануне самого выхода его она была передана в «новые» руки. В этом №. однако, можно было использовать лишь первую страницу для избират. целей. Это и было сделано. Следующие номера выходили уже под новой редакцией.

Уже появление 5 № вызвало сильнейшую тревогу в кадетской печати. Для них это было громом из ясного неба. Они увидели, что с.-д. намерены вести с ними решительную борьбу. За газетной полемикой товарищи, надеюсь, следили, и нам незачем здесь говорить о ней. Ниже мы остановимся на ней лишь постольку, поскольку она освещает план нашей кампании, так как этот план подвергается критике в некоторых партийных кругах. Вскоре после объявления кандидатуры Соколова, начались со стороны трудовиков и н. с. попытки к заключению блока, различного рода соглашений с нами. Сначала это носило частный характер. Представители этих групп в частных разговорах с нашими официальными представителями выставляли, напр., условием голосования за с.-д. кандидата признание им известных обязательств по отношению к

партиями и т. п. Нечего говорить и о том, что для этих же целей революционная социал-демократия Германии считала нужным использовать — и использовала — самое пребывание в этих учреждениях соц.-дем. депутатов в агитационных и организационных целях *. Особое внимание уделялось всем внепарламентским движениям. Возникает ли под влиянием «христианско-социалистической» партии антисемитическое движение — соц.-демократия вмешивается в события и на взрыв антисемитизма отвечает кипучей письменной и устной агитацией с.-д. идей и разоблачением классовой подкладки антисемитизма. Ставится ли на очередь вопрос о страховании рабочих — социал-демократия развертывает по этому поводу огромную кампанию в стране, разоблачая бонапартистскую сущность бисмарковского заигрывания с рабочими и ограниченность буржуазного социал-реформаторства. Возникает ли среди деятелей профессионального движения течение в пользу подачи *Бисмарку* петиции с требованием широкой законодательной охраны труда, с.д-ия вмешивается, ставит движение на классовый путь, заставляет вожаков его (Эвальд и др.) занять принципиальную позицию, добивается того, что петиция — вопреки контр-агитации христианских социалистов — направляется не к Бисмарку, а к с.-дем. фракции рейхстага, что на самостоятельном законопроекте об охране труда, внесенном соц.-дем. фракцией, собирается полмиллиона подписей рабочих *. Возникает ли буржуазное женское движение, социал-демократия отделяет работниц и развивает свою агитацию. Становится ли на очередь вопрос о правительственных шпионах и провокаторах — этих «Nicht Gentlemans» (не-джентльмены), по выражению министра вн. дел Путткамера, которыми правительство щедро снабжало всякую с.-д. организацию, всякий рабочий кружок,— социал-демократия подымает широкую разоблачительную кампанию, до дна всколыхивающую самые широкие демократические массы. Тот или другой новый налог, ложащийся бременем на народные массы, тот или другой предательский шаг либеральной буржуазии служат исходным пунктом для широкой агитационной кампании. Всякое сколько-нибудь значительное экономическое движение не проходит без серьезного влияния соц.-демократии. Возникает ли бойкот владельцев пивоваренных заводов, стачка булочников и т. п., — соц.-де-

---

* ...«центр тяжести в деятельности парл. фракции должен лежать в *критической и агитационной* работе»... «Но следует делать себе никаких иллюзий насчет «положительной работы» в парламенте при современных условиях» — так гласила резолюция С.-Галленского съезда партии о деятельности в рейхстаге. (См. прот. С.-Гал. съезда, стр. 19 и др.).

* См. *Ф. Меринг*: «История Герм. Соц.-Д-ии, т. IV, и *Э. Бернштейн*: «Рабочее движение в Берлине», т. II, нем. изд,

народнич. группам. Эти обязательства, говорили они, не выходят за пределы с.-д. программы; они, таким образом, приемлемы для с.-д.; более того, они свяжут сильнее с.-д. кандидата. На этом им не без юмора отвечали, что им нечего беспокоиться, так как и без всяких народнич. обязательств с.-д. кандидат будет следовать в Думе с.-д. программе, иначе он будет исключен из партии... О каком блоке с вами может быть речь, говорили ваши представители им, когда у вас и кандидата-то своего нет... На своих собраниях н. с. и трудовики решили сначала поддерживать Соколова. Однако, трудовики несколько раз перерешали вопрос. Они все старались добиться, чтобы Соколов выступил, как общий кандидат. Но им было категорически заявлено, что с.-д. никсим образом на это не пойдет, что мы идем на выборы самостоятельно, а они могут, если хотят, нас поддержать, никаких условий мы не принимаем. На состоявшемся, в конце концов, оффициальном собрании из представителей о.-д., трудовиков, н. с. и эс-эрствующих членов общества «Земля и Воля» вопрос об объединенной кандидатуре горячо дебатировали. Представители с.-д. решительно заявили, что идут на выборы одни. Трудовики закатывали настоящие митинговые речи, упрекали с.-д. и в твердокаменности, и в самомнении, и прочих грехах. Они требовали резолюцию о нашем с ними *объединении*. Мы соглашались лишь на резолюции, где говорится об их *присоединении*. Н. с. заявили, что согласны с нами и что будут во всяком случае поддерживать с.-д. кандидата, не имея собственного. За нашу резолюцию выразил готовность голосовать один из эс-эрствующих (их было двое), но он воздержался от голосования, потому что другой его товарищ решил воздержаться. Такое отношение эс-эрствующих членов «Земля и Воля» заслуживает внимания: известно их прежнее бойкотистское отношение к 3-ей Думе. Теперь о бойкотизме не было речи. Трудовики на этом собрании не пришли ни к какому решению и лишь на другом своем собрании окончательно постановили голосовать за нашего кандидата, не ставя никаких условий. Это было для нас несомненной моральной победой. Соц.-д-ия становилась таким образом гегемоном всей организованной демократии.

Организовавшаяся ораторская коллегия имела несколько заседаний, но этой коллегии не пришлось развернуть своих сил, так как собраний по правилам 4 марта не было разрешено (заявления были поданы). На избирательных собраниях наших и кадетских могли выступать лишь избиратели. Кроме Соколова выступали Неведомский, Веселовский, Ермолаев, сочувствующие с.-д. присяж. повер. Волвкенштейн и приказчик Соломонов, «избирательствующие» два-три рабочих из клубов, тов. Николай и др. Поддержку оказали нам Мякотин и Водовозов *. Недостатка в ораторах мы не ощущали, хотя лучшие силы и не могли выступать; наши ораторы усердно посещали кадетские собрания, готовые всякую минуту дать отпор.

Наша избирательная кампания нанесла сильный удар *отзовизму*. Он ничем себя не проявил. Рабочие круги сильно интересовались ходом этой кампании. На *отдельных крупных заводах:* Лесснера, Трубочном, Хаймовича, С.-Галли и др. состоялись собрания, на которых было постановлено принять участие в выборной агитации, а всем имеющим избирательное право итти непременно к урнам. На заводе Лесснера был сделан специально опрос рабочих и выяснилось, что правом голоса владеют 32; они обязались подать свои голоса за с.-д. В *профессиональных* союзах на делегат. собраниях также обсуждалась платформа с.-д.; и союзы решили агитировать за Соколова и напечатать в своих органах соответствующие избирательные статьи: в органе печатников, в «Единстве», «Проф. Вестнике». Горячо отозвались *рабочие клубы* с межклубной комиссией во главе. Благодаря рабочим клубам и союзам нашей избират. комиссии и удалось распространить 20 000 бюллетеней, что имеет, как известно, громадное значение для выборов. Вследствие наших полицейских условий рассылку бюллетеней приходится делать по почте. Но это требует больших средств. А у нас денег было очень мало. (Те времена, когда буржуазия охотно давала деньги нам, прошли безвозвратно). И мы можем смело сказать, что будь у нас еще какая-нибудь тысяча рублей мы бы собрали на выборах на добрую тысячу голосов больше. В то время как кадеты прямо-таки забрасывали избирателей и неизбирателей бюллетенями и воззваниями по почте, нам пришлось действовать кустарным способом: бюллетени распространялись по рукам. И это было сделано рабочими. 20 000 бюллетеней были напечатаны еще в 10 № «Нового Дня», но этот номер был конфискован в количестве 12 000 экземпляров.

Несмотря на недостаток средств, нами было организовано 6 собраний в различных районах города: в Гавани,

* В общем же поддержка народнических партий была слабая. Инициативы они никакой не проявили, денежной помощи не оказывали, бюллетеней распространили очень мало (какую-нибудь тысячу). Некоторое значение имели письма Анненского и интервью с их лидерами, помещенные в «Нов. Дне». Накануне выборов трудовики выпустили литографированное воззвание, содержание которого помещено в 10 № «Нов. Дня».

мократия, *как таковая, как партия*, а не в лице только отдельных с.-д., принимает в этих движениях самое энергичное участие *. Самый закон против социалистов служит постоянным предметом систематической агитации с.-д. Каждая высылка видного деятеля партии часто служит поводом для антиправительственной демонстрации на улице, на вокзале и т. п. Каждое собрание политических противников используется для демонстрации в пользу с.-д. и против режима. Каждый год устраиваются манифестации в связи с годовщиной смерти Лассаля и т. д. Каждая группа высылаемых за с.-д. деятельность из своего родного города старается обратиться с прощальным агитационным воззванием к остающимся, очень часто со своими воззваниями обращаются к массам по тому или другому поводу с.-д. депутаты.

Самым важным орудием письменной агитации является нелегальная листовка. Бернштейн приводит в своей книге о рабочем движении в Берлине нумерацию нелегальных листков с.-д. города Берлина. Она достигает очень высокой цифры — до 200. Лишь позднее после перемены курса Бисмарком, соц.-дем. местами получают возможность издавать легальные газеты, говорящие, конечно, весьма осторожным языком. Огромную роль играет нелегальный Ц. О. партии «Социал-демократ» [7], издававшийся за границей (сначала в Цюрихе, а затем в Лондоне) и ввозившийся в Германию в огромном количестве, главным образом, благодаря усилиям самих рабочих. В тех случаях, когда невозможны легальные собрания — а они очень долго были невозможны — устраиваются нелегальные и т. д. и т. п.

* См. указан. книгу *Бернштейна*.

И вот в самых кратких чертах цифровые итоги этой работы с.-д. в эпоху исключит. закона:

За время исключит. закона с.-д-ия имела 3 общих избирательных кампании (не считая частных выборов): в 1881. 1884 и 1887 г.г. За с.-д. подано голосов в 1881 — 311961. в 1884 — 549990, в 1887 г. — 763128. В выборы, предшествовавшие изданию исключит. закона (1878 г.), за с.-д. было подано 437158 голосов, т. е. на 125 тысяч голосов больше, чем на перв. выбор. после издания его. Социалдемократия имела округов с числом голосов:

	в 1881 г.	1884 г.	1887 г.
от $2^1/_2$ — 5 тыс.	20	30	40
» 5 — $7^1/_2$ »	13	18	15
» $7^1/_2$ — 10 »	5	8	16
» 10 — 15 »	4	8	9
свыше 15 »	0	3	8

на Выборгской стороне, в доме Нобеля, на Калашниковской бирже, в Соляном городке. За исключением первого собрания у Нобеля (100 ч.), все другие были многолюднее (в Гавани 200, в остальных по 600-700 человек). Преобладали на наших собраниях приказчики и рабочие. Настроение было приподнятое. Такое же настроение было и на кадетских собраниях. По общему утверждению избиратели и на кадетских собраниях обнаружили настроение куда левее кадетского.

Наша избирательная тактика была все время *наступательная*. Кадеты сначала, повидимому, думали сделать бюджетный вопрос центром кампании; Кутлер выставлялся как необходимый в Думе бухгалтер. Мы повели наступление на эту позицию и кадеты очень скоро ее бросили, сознавая свою слабость с этой стороны. Бой разгорелся вокруг вопроса об их поездке в Лондон. К.-д. решили принять этот бой, выставляя себя борцами за настоящую конституцию. Но и здесь они потерпели поражение. Их конституционная иллюзия была разоблачена. Кадеты сами должны были признать, что полемика на собраниях и в печати против их поездки внесла сильное смятение в их ряды, что эти ряды дрогнули было, как выразилась «Речь». Кутлеру пришлось здесь сделать уступку, признать ошибочность этой поездки. Третья позиция, на которую нам пришлось сделать наступление, это был приказчичий вопрос. Приказчики, как известно, представляют значительный контингент избирателей. Кадеты всячески старались привлечь их на свою сторону, доказывали различие их интересов от таковых пролетариата, взывали к их мелкобуржуазному чувству. И в печати и на собраниях мы старались им выяснить их классовую позицию, необходимость для них голосовать за с.-д. Мы вместе с тем показывали им, как заботятся о них кадеты в Думе. Тов. Полетаев выступил с разоблачениями в печати. Это заставило кадетов мобилизовать все свои силы для отражения удара *. Моральная победа и здесь осталась за нами, хотя приказчики в большинстве своем голосовали за к.-д. Но тут причина — мелкобуржуазный характер наших крупных приказчиков. Даже агитировавший за нас приказчик Соломонов оказался импрессионистом и дал повод кадетам пустить, накануне выборов, слух, что приказчики решили голосовать за них. В последние дни избират. кампании кадеты пустили в ход черносотенный маневр: они прибегли к средству запугивания обывателей кровавым призраком революции. Нам был брошен провокационный вызов. Наши не испугались. Наши ораторы на собраниях в ответ кадетам широко развернули социалистическое знамя, пошли с открытым забралом, выдвинули наши заветные лозунги 1905—1906 годов. Это был самый интересный момент кампании. Избиратели даже на кадетских собраниях устраивали нашим ораторам сочувственные манифестации, а на наших встречали кадетских лидеров свистками. И в избирательном № «Нового Дня» было широко развернуто международное знамя пролетариата, знамя с.-д.

Некоторые меньшевики приписывают этому открытому социалистическому выступлению последних дней то, что мы собрали меньшее количество голосов, чем можно было ожидать по ходу всей кампании. Это, мол, напугало избирателей. Эти товарищи склонны были приписать провозглашение нашими ораторами наших традиционных лозунгов давлению извне, в частности заграничных б-ких сфер. Но это неверно. Направление, которое приняла последние дни кампания, было продиктовано самим ходом вещей. И нам меньше всего приходится об этом жалеть. Не для сбора голосов мы шли в кампанию, а для агитации за нашу программу, за наши лозунги.

Видный лидер меньшевиков в письме к одному из редакторов «Нов. Дня» (меньшевику) назвал направление, принятое газетой против кадетов, «б-ким кадетоедством». Такой взгляд не разделяется здешними м-ками. Была борьба с кадетами, была борьба между нами и ими из-за гегемонии над организованной демократией. С октябристами нам нечего было спорить, еще меньше с черносотенцами. Работая над постоянным разоблачением перед массами закоснелой реакционности и крепостнического характера нашего правительства и Думского большинства, мы считали задачей момента разоблачение перед широкими слоями и контр-революционности кадетов. Мы старались показать, что и они — люди 3 июня, мы старались выяснить их позорную позицию в современном «реформаторстве сверху» самодержавной бюрократии и дворянско-буржуазной Думы. Мы старались выяснить,

* Неприятным было разоблачение Некрасова, что наш Егоров голосовал вместе с кадетами за 280 дней [1]* в комиссии, разбиравшей приказч. законопроект. Спрошенный нами Егоров сказал, что он это сделал, посоветовавшись с Прокоповичем и еще 1 ревизион., так как рабоч. комис. при фракции этот вопрос тогда еще не обсуждала. Эта ком. постановила требовать 300 дней, что и было сделано Кузнецовым, тогда же Егоров отказался от своего прежнего голосования. Ох, уж эти наши ревизионисты, куда ни вмешаются, везде напортят!

Из каждой сотни избирателей за с.-дию подано:

	в 1881 г.	1884 г.	1887 г.
от 0,1 — до 10%	в 113 округ.	131 округ.	155 окр.
» 10 » 20	» 18 »	25 »	42 »
» 20 » 30	» 19 »	26 »	26 »
» 30 » 40	» 15 »	15 »	20 »
» 40 » 50	» 8 »	12 »	10 »
свыше 50%	» 0 »	9 »	6 » *

На первых выборах после падения исключительного закона число голосов сразу поднялось выше миллиона. На этих выборах партия получила 1 427 298 голосов. На послед. выб. пер. изд. закона, как мы указ., 437 158 гол. Партия имела перед изданием закона 42 газеты.

» » после падения » 60 »

Профес. союзы имели перед изд. зак. 50 000 член. и 14 газ.

» » » после пад. » 200 000 » 41 » **

А между тем и профес. союзы (самостоятельные, т. е. на деле соц.-демократические) подверглись тоже безжалостным гонениям. По статистике известного с.-д. Гейба, опубликованной в книге Шмеле, к концу 1877 года, т. е. незадолго до изд. исключ. закона, в Германии насчитывалось 30 союзов с 49055 членами. Один Берлин насчитывал 28 местных отделений. Германия знала уже *крупные* союзы: табачн. рабочих 8100 членов, печатников — 5500 членов, металлистов — 4000 член. С изданием исключит. закона все эти союзы были закрыты — осталось 1 — 2 союза *. Рядом с этим началось усиленное покровительство буржуазным Гирш-Дункеровским союзам и союзам «Христианским». И тем не менее с.-д. профессиональные союзы не только выжили, но разрослись и укрепились.

Таковы вкратце итоги за это время, и одним из самых важных этих итогов является, разумеется, *низвержение исключительного закона* силами *исключительно* пролетариата и его партии.

Обратимся сейчас к самому важному для нас вопросу: *как* германская соц.-демократия делала только-что описанное дело? В нашей партии — да не в одной нашей — уже не раз под внешней оболочкой якобы чисто организационных вопросов ставились вопросы в сущности о самих *основах* всей нашей деятельности и даже иногда о самом существовании нашей партии. Так и теперь под видом обсуждения вопроса о значении нелегальной орга-

* См. «Рабочая библиотека», ст. И. Фишера, 1893 г., 10 книжка, стр. 11-17 (нем. изд.).

** См. *Меринг*, История Герм. С.-Д., т. IV, стр. 347.

* См. *И. Шмеле*, «Профес. союзы Германии со времени изд. исключит. закона», т. 1, стр. 56-57 нем. изд.

что они из оппозиции превратились в прихвостней правительства и октябристов, что они изменили делу демократии, делу истинной оппозиции, что они туманят головы конституционными иллюзиями и вместо того, чтобы звать на борьбу низы, они молятся «верхам», они сеют апатию, проповедуют оппортунизм, приснособлепие, примирение с настоящим политическим status quo. И мы думаем, что как революц. е.-д. мы обязаны были это делать, а не следовать к.-д. тактике дипломатизирования с избирателем. Местные работники (не хуже загран. критиков) сознавали, что хорошо было бы подробно развить перед массами нашу программу, наши политические требования, выяснить им конкретно наши блажайшие задачи. По мере сил мы это и делали и в печати, и на собраниях. Здесь уместным будет заявить, что «Речь» лжет, когда в № от 29 сентября (12 октября) в передовой статье, посвященной победе кадетов в Москве, пишет, что даже кандидат соц.-дем. обещал вотировать за школы и даже... за избирательной закон с пониженным цензом. Мы старались всячески освещать все важнейшие вопросы с нашей точки зрения. Но нужно помнить те условия, в каких мы находимся.

Собраний по правил. 4 марта не было, и наши лучшие теоретические силы не могли выступить.

Правда, в нашем распоряжении была газета. Но здесь прежде всего приходилось считаться с цензурными условиями. А затем, что можно было уместить на стр. еженодельной газеты, когда в первую голову нужно было хоть раз в неделю ответить на те потоки лжи, которые изливала ежедневная кадетская печать по нашему адресу. И если мы подведем итоги проведенной кампании, то придется признать, что мы вышли из нее с честью. Если принять во внимание сильнейший недостаток в средствах, что сильно тормозило все дело, если вспомнить все те внешние и внутрен. неблагоприятные условия, в каких нам пришлось вести борьбу, то придется признать, что мы имеем все основания быть довольными результатами кампании.

Результаты выборов известны, и нам незачем на них останавливаться. Наш кандидат получил 4,7 тысяч голосов при 24,2 тысяч голосовавших, что составляет 19,3% всего числа голосов. На выборах 1907 г. Соколов получил 5,2 тысяч при 44,8 тысяч голосовавших, т. е. 11,7%. Итак, увеличение на 7,6%. Если принять во внимание, что за нашего кандидата голосовали все левые партии, которые (вместе с е.-д.) собрали на прошлых выборах 18,5% всех голосов, то и тогда окажется увеличение почти на 1%. И это относительное увеличение было получено несмотря на то, что выборы были в будни, что рабочие, бойко пировавшие "прошлые выборы, лишены были возможности голосовать теперь, что полиция не доставила 24 тыс. повесток наиболее демократичным избирателям. Выборы показали, что с.-д. владеет прочной позицией среди городской демократии и что бешеная вакханалия торжествующей реакции последних лет не в силах была выбить ее из этой позиции. Выборная кампания в С.-ПБ. и успех соц-демократич. агитации служат показателем, что дух революции не погас, что накопляется постепенно потенциальная энергия, что нынешнее политическое затишье не есть тишина кладбища, а затишье перед бурей, которая не долго заставит себя ждать и которая вырвет с корнем все остатки самодержавно-крепостнического режима и доведет дело демократической революции у нас до конца.

А. Ч. [А. Чухнов.]

ХРОНИКА.

Москва. *Состояние работы в Лефортовском районе.*

До последнего провала работа двигалась вперед. Хотя работники часто сменялись и всегда их было в высшей степени недостаточно, но все-таки до пасхи велись кружки высшего типа, еженедельно были собрания. Р. ком. собир. ежемесячно, несмотря на квартирный кризис, собирался районный союз, проводились также довольно часто заводские собрания, особенно с наступлением весны, когда можно было перебраться на бесплатные квартиры. Была бы полная возможность развернуть работу довольно широко, если бы были на лицо пропагандисты и агитаторы, т. к., в связи с повсеместным наступлением капитала, настроение рабочих приподнятое и кроме того имеется сколько угодно связей; часто некоторые предприятия настойчиво по нескольку недель ищут возможности связаться с организацией. Не упоминаем здесь о недостатке организаторов потому, что с чисто организационной работой, при значительной сознательности и энергичности районного коллектива при нужде можно было бы справиться и одному профессионалу, но, повторяем, без

низации в такую эпоху, как ныне нами переживаемая, в сущности обсуждается вопрос о дальнейшем существовании старой Р. С.-Д. Р. П., сохранения *ее* традиций, *ее* идейного и организационного багажа и т. д.

Одна соц.-дем. газета («Гол. Соц.-Дем.» № 16-17) еще недавно выдвинула утверждение, будто именно лучшая часть германской соц.-дем. (во главе с Бебелем и Либкнехтом) избрала в эпоху исключит. закона как раз тот путь, который называют ликвидаторством и которому, в общем и целом, покровительствует названная газета. Посмотрим же, как обстояло дело в действительности.

Когда на германских товарищей обрушился громом поразивший их исключительный закон, в их рядах — мы указывали уже выше — действительно *на первых порах* воцарился сильный разброд. Достаточно сказать, что Гамбургский центральный избирательный комитет, по существу являвшийся центральным комитетом партии вообще и имевший в числе своих членов много лучших партийных сил, до того растерялся перед лицом исключительного закона, что *сам себя распустил* *, исходя из того предположения, что никакая оформленная организация невозможна при исключительном законе. Часть партийных организаций — как выяснилось на первом после изд. закона нелегальном съезде партии в Видене — поняла этот шаг партийного правления, как простую диверсию перед начальством, и обрушила на это правление самую резкую критику, когда узнала, что этот шаг сделан в серьез *. Больше года партия оставалась без всякого центра до тех пор, пока таковым фактически стал комитет помощи высланным и арестованным, в который вошли Бебель, Либкнехт, Газенклевер и др. Здесь мы имеем перед собой факт чрезвычайной, небывалой растерянности, подобной которой у нас, напр., не было и в помине. Нашим крайним партийным пессимистам не мешало бы сопоставить этот факт крайней растерянности, прямой сдачи позиции — с последовавшим уже очень скоро подъемом и расцветом деятельности герм. с.-д., как только она мужественно и твердо стала на верный путь. А тем, кто уверяет, что Бебель и Либкнехт были ликвидаторами, надо ответить прямо и без обиняков: хотят ли они подражать именно *в этом* германским товарищам, или использованием опыта они считают *избежание* этих ошибок и этих зигзагов *слабости*? Другой пример с нелегальной печатью. Германским товарищам, чтобы признать необходимость издания за границей нелегального Ц. О. партии, понадобилось целый год на размышления, а раньше, чем *вся* партия сознала всю важность этого дела и приложила все усилия, чтобы действительно решить трудную задачу хорошей постановки

* См. *Эд. Бернштейн*, Рабоч. движ. в Берлине, т. II, стр. 2, немец. изд.

* См. Протоколы Виденского съезда, 21-25, нем. изд.

пропагандистов и агитаторов работа успешно итти не может.

После провала положение района таково: во всем районе в 17 заводских ячейках заключен 191 рабочий — члены партии; критерием партийности принято посещение разного рода организационных собраний и уплата членских взносов. По отдельным подрайонам они распределяются так:

1) в *Вагонно-техническом* — в четырех предприятиях 58 ч., 2) в *Ронталеровском* — в семи — 93 ч., 3) в *Семеновском* — в двух — 15 ч. и в 4) в *Благушинском* — в четырех — 25 ч. Р. С. и Р. К. собираются попрежнему регулярно, проведена недавно 1 массовка (53 ч.), другая не состоялась из-за дождя. Критический момент, переживаемый нашей организацией, оживил самодеятельность рабочих: был выпущен листок с призывом к старым работникам, стоящим сейчас по разным причинам вне организации, снова войти в работу; был пополнен Р. К. новыми работниками, наконец начинает образоваться из рабочих районная пропагандистская группа. В общем — если бы было побольше сил — работа могла бы пойти хорошо.

Вызывает недовольство рабочих, которым приходится вести практическую работу, то обстоятельство, что в партийных органах нет руководящих статей по текущим вопросам, между тем как последнее время жизнь выдвигает чуть не каждый день вопросы первостепенной важности, которые необходимо осветить рабочим. Должны отметить также стремление законспирировать центральные учреждения так, чтобы они не подвергались чуть не ежедневным провалам, что особенно стало заметно после последнего провала. Представителю от района во Вр. Исп. Ком. дан был императивный мандат поддерживать и содействовать одному важному начинанию в этом направлении. На Р. С. постановлено было настаивать на том, чтобы выборы в новый М. К. производились не на общегородской конференции, а из состава Р. К.

Москва. *(Из Бутырского района).*

С наступлением весны и лета работа в Бутырском р-не несколько оживилась, стало фукционировать несколько новых ячеек, которым раньше по разным условиям трудно было собираться. По последнему подсчету Р. К., всех организованных (в строгом смысле слова) в р-не 89 человек; распределяются они по 12 предприятиям.

Членские взносы поступают туго. Объясняется это тем, что некоторые предприятия (платочники, дробильный, Реноме) недавно вошли в организацию, другие же находятся в скверном экономич. положении (Леман, Сит., Портные). Это же тяжелое экономическое положение затрудняет организацию в некоторых предприятиях. Так у портных работа до 8-9 вечера, а в праздники торговля разносная у Сухаревой башни до 2-3 час. дня. У Брестцев безработица, в одном цехе работают 8 дней в месяц. Самыми прочными ячейками являются: Подстанция, Кокушкины, Перловцы, Платошники, Дробильный. Здесь бывают собрания раз в неделю — $1^1/_2$. На собраниях помимо внутрипарт. дел читались некоторые доклады на темы: дем. республика, проф. движение, материалистическое понимание истории, социализм и капитализм. Остальные предприятия ограничиваются присылкой делегатов на Р. К., Р. собрания и распространением литературы. В районе имеется один высшего типа кружок (8 чел.), в котором занимающиеся сами готовят и читают рефераты. Касса р-на в плохом положении: район имеет долгов 35 руб., но получить пока не может. Пока в кассе около 100 р. Образовалась небольшая районная библиотека. Техника в р-не отсутствует, а вместе с тем и р-ная литература; есть только гектограф. Печальным является отсутствие квартир; пока это не наносит особенного ущерба, но в будущем грозит подорвать работу. В общем район можно назвать отсталым, а процент организованных очень низким.

Из решений Москов. Окруж. Комитета.

Из числа решений, принятых на одном из последних заседаний Москов. Окружного Комитета, сообщаем нижеследующие:

О партийном съезде. Большинство находило, что партийный съезд необходим для оживления работы на местах и для правильной ее постановки; другие считали, что съезд будет продуктивен только тогда, когда будут упрочены организации на местах.

Большинством против одного, оставшегося при особом мнении, вынесена резолюция:

«Окр. Ком. присоединяется к пожеланию большевистского совещания о скорейшем созыве партийного съезда». Мнение представителя Нижегородского района: «Впредь до упрочения организаций на местах созывать партийный съезд было бы нецелесообразно».

за границей и распространения в стране нелегального Ц. О., — прошло *несколько лет* *. Действительно, были среди герман. с.-д. товарищи — и среди них были такие люди, как Ауэр, — которые думали обойтись одной «приспособляющейся» легальной печатью, которая вместо социализма говорила бы об «идее справедливости» и т. п. Хотят ли наши товарищи, защищающие ликвидаторов, подражать немцам в этом? Пусть скажут открыто. Далее — у герм. товарищей за время исключит. закона роль Ц. К. партии действительно во многом исполняла парламентская фракция (N. B. составившаяся в результате выборов на основе всеобщ. избират. права и имевшая в своих рядах виднейших вождей партии). Хотят ли наши товарищи, столь склонные к *плохому* «немецкому языку», и *здесь* просто повторить немецких товарищей? Или — еще пример: когда в 1886 году Бисмарк привлек к суду и посадил в тюрьму депутатов Ауэра, Бебеля и др. за официальную связь с нелегальным «Социал-демократом», — парл. фракция сочла нужным в интересах партии заявить открыто, что между ней и «Социал-демократом» — официальным органом партии — связи нет*. Это была одна из несомненных ошибок Бебеля, Либкнехта и др., — одна из тех ошибок, за которые их неоднократно осуждал Ф. Энгельс (ср. его переписку с Зорге). Либкнехт и Бебель остались вождями революционной соц.-дем., *вопреки* этим ошибкам. И наши товарищи, не желающие отделиться от ликвидаторов, должны сказать прямо, хотят ли они повторить эти ошибки, *их возводить в линию*, или заимствовать у немцев то, что получилось хорошего, *несмотря* на такие ошибки?..

Каково же оказалось интересующее нас построение организации у германск. товарищей времен исключительного закона *после* исправления всех этих ошибок, *после* того, как развал и деморализация — результат растерянности после удара — миновали? Посмотрим на местную организацию и возьмем для этого Берлин. Берлинская организ., несомненно, признавалась образцом. Если у берлинцев — особенно в начале 80-х годов — были разно-

* А вот что говорил через 13 лет, *после* учета опыта исключительного закона, Бебель на Эрфуртском съезде: «Если бы мы не имели нелегального «Социал-демократа», если бы не имели нефальсифицированной партийной литературы — которую мы, благодаря геройскому самопожертвованию тов., распространяли очень широко, — тогда правительство в высокой степени (in hohem Grade) достигло бы того, чего оно добивалось исключительным законом: духовного вырождения (Geistige Versimpelung) с.-д. партии». (Проток. Эрф. конгр. 280-281).

* См. *Бернштейн*, указ. сочин., стр. 180-200. Конфликт этот между парламентской фракцией в Ц. О. — заметим в скобках — разрешен был партией в пользу нелегального Ц. О.

О местном органе. «Обсудив вопрос об издании местного партийного органа, М. О. К. пришел к заключению, что всего целесообразнее было бы издавать его совместно с М. К. и О. Б. Ц. Р.

М. О. К. предлагает М. К. и О. Б. Ц. Р. составить редакцию местного органа из равного числа представителей от каждой из названных организаций и принять совместно меры к скорейшему выпуску газеты. (Принято единогласно).

Организационный вопрос. Разрешен был целый ряд технических задач, сводящихся к тому, чтобы обеспечить преемственность работы Окружной организации, застраховать ее от перерывов после частичных провалов и поставить в тесную связь районы между собою. Решения по конспиративным условиям оглашены быть не могут.

О большевистской конференции. М. О. К. всецело присоединяется к резолюции, вынесенной совещанием расширенной редакции «Пролетария» по вопросу о большевистской конференции.

С.-Петербург. *(Выборгский район).*

Положение дел в Выборгском районе улучшилось.

После долговременного отсутствия с.-д. организации, — о котором своевременно сообщалось в корреспонденции — работа наладилась; завязано много новых связей с различными предприятиями, организованы кружки. Сорганизованы заново подрайоны и выбран районный К-т.

В районе недавно обсуждалась политика русского правительства в Персии, признано необходимым вести широкую агитацию в пользу протеста от рабочих против этой политики.

С грустью приходится отметить, что недостаток пропагандистов и агитаторов сильно дает себя чувствовать, и многие благие пожелания приходится откладывать в дальний ящик.

Рабочие уже привыкли к мысли, что помощи извне ожидать неоткуда, и в районе организовалась коллегия пропагандистов и агитаторов из самих тт. рабочих, но на подготовку их настолько, чтоб они могли выступать самостоятельно, нужно, конечно, время.

Н. А.

ОДЕССА. До 1908 года в Одессе велась правильная партийная работа. Конец ей положен был провалом. Хотя остатки комитета продолжали существовать, но работы никакой не велось. Это был период наиболее глубокого упадка, разброда и апатии. Осенью была сделана попытка возобновить партийную работу: созвана была конференция, которая в первую голову поставила и решила вопрос о немедленном восстановлении нелегальной организации. Но прошло еще три месяца, пока это решение было приведено в исполнение. В конце 1908 г. одновременно возникают в Одессе две соц.-дем. организации: Одесский Комитет и Пересыпская Группа. Между ними вскоре установились обостренные отношения, повелшие к дрязгам и дезорганизации. В основе же этих обостренных отношений лежали разногласия, характер которых выяснится из дальнейшего. С обеих сторон делались попытки объединиться, но всегда неудачно. О. К., восстановив нелегальную организацию почти исключительно в Городском районе, начал выпускать листки. (Первый листок — призыв к организации, второй листок — о выборах в городскую думу.) В листке по поводу выборов в городскую Думу разоблачаются деяния одесских думских черносотенцев и подчеркивается их тесная связь с общей политикой реакционного правительства. В качестве лозунгов выставлено: долой самодержавие! да здравствует городское самоуправление, выбранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования! Этот листок вызвал резкую критику со стороны Пересып. Группы. Она указывала, что гораздо лучше было бы выпустить листок по другому поводу, что если уже выпускать листок о выборах в городскую думу, то необходимо было выставить в нем лозунг: учредительное собрание. В том же виде, в каком листок выпущен, он не является с.-д *. Указание на то, что можно было выбрать для листка тему получше, может быть, и справедливо. К первому мая одесский комитет выпустил листок (перепечатка листка Ц. К.). В мае месяце среди моряков и береговых рабочих началось глухое брожение, поднялись разговоры о восстановлении «регистрации», которая играла такую видную роль в движении моряков и портовых рабочих. Некто Ф. за свой страх и риск начал вести агитацию за то, чтобы представители моряков пошли к Толмачеву ходатайствовать о восстановлении регистрации. Депутация

* *От ред.* Мы получили этот листок и должны сказать, что никаких *принципиальных* ошибок в нем не видим.

гласия с партийным большинством насчет *политической* позиции, — то в смысле силы, крепости, устойчивости организации, берлинская организация всегда рассматривалась, как украшение и гордость партии.

Высшим законодательным органом берлинской организации было учреждение, носившее на партийном жаргоне название «corpora» (тело, корпус, организм). Это учреждение вполне совпадает с нашими междурайонными общегородскими конференциями. Оно составлялось из делегатов, выбираемых с.-д. член. партии от каждого округа или района. В экстрен. случаях, напр., при выставлении кандидатов в рейхстаг, при проведении крупных выступлений и т. д., состав «corpora» достигал 300 человек и выше (регулярный состав — 80 человек). Нечего говорить о том, что *учреждение это существовало нелегально.* Его собрания часто происходили при столь неблагоприятных внешних условиях, что после возвращения с одного такого собрания, происходившего темной ночью в глуши, трое товарищей утонули в разлившейся реке, через которую приходилось переправляться. (Эта трагическая гибель, между прочим, подняла на ноги весь рабочий Берлин; погибшим по подписке был поставлен памятник и т. д.). Руководящим исполнительным органом был «Берлинский Центральный С.-Д. Комитет» (то же, что наш местный комитет), состоявший из 6-10 лиц, делегатов от «доверенных лиц» «der Innere», т. е. районов, или по-нашему, районных конференций. Конечно, и эти учреждения функционировали *нелегально**. Нелегальная организация чрезвычайно ценила разделение труда и имела подсобные органы со специальными функциями. Напр., распространение литературы было делом особых партийных групп на каждой фабрике, каждом заводе. В книге Бернштейна один из участников движения (тов. Гуго Эрнст) подробно описывает этот процесс распространения нелегальной партийной литературы (стр. 258 и др.). И когда читаешь описание того, как в течение получаса по всему Берлину по мановению «Комитета» распространяется больше 150 тыс. нелегальных листков, то думаешь: вот в чем действительно следует подражать немецким товарищам.

А внешние условия существования нелегальной организации были также чрезвычайно трудны. Правительство

* Кстати, те же товарищи, которые теперь не решаются отделиться от ликвидаторов, недавно подняли большой шум в печати по поводу того, что в одном СПБ. легальн. рабоч. союзе полицией было обнаружено с.-д. нелегальное предприятие (печатание листков). Интересно отметить, что «Берлинский Центральный Комитет» — за которым полиция всегда гналась по пятам — был арестован тоже в легальном рабочем учреждении: в рабочем кооперативе. И это бывало с очень многими с.-д. нелегальными предприятиями. (См. *Бернштейн*, указ. соч., стр. 220 и др.). Конечно, с.-д. больше всех других должны оберегать легальные рабочие учреждения, но отсюда до филистерского «сбережения во что бы то ни стало» — дистанция огромного размера...

была послана. Пер. Гр. обвиняла Од. К. в том, что Ф. вел свою агитацию по поручению и с ведома Ком. По поводу этого обвинения была для расследовании даже назначена комиссия. Пер. Гр. отказалась позвать свидетелей, которые подтвердили бы ее обвинение. Финал этой истории найдете в протоколах общегородской конференции, состоявшейся 21 июня, которые высылаются. Там же найдете отчет Ком. о его работе и о положении дел к середине июня.

Брожение среди моряков и в порту дало к-ту возможность завязать широкие связи в порту и приняться за устройство нелегальной регистрации. Дело пошло быстро. Уже к середине июня имелось до 200 человек, платищих регулярно взносы, имевших членские билеты, были заведены правильные книги, издан листок и начата была анкета о забастовке (анкетные листки прилагаются; между прочим и листок артели Союза Русск. Нар.). К сожалению большая часть анкетного материала погибла. Некоторые результаты анкеты приводятся во 2 отчете Одесс. Ком.

Пересынская группа за всю эту превосходную кампанию выставила по адр. Од. К. ряд обвинений: 1) участие в регистрации, которое будто бы принципиально недопустимо для с.-д-ии; 2) Од. К. образовал сначала проф. союз (регистрацию), а потом партийную группу внутри его. На основ. реш. общегр. конференции, следует-де поступать наоборот; 3) Вся эта работа — культуртрегерская.

В настоящее время положение таково. В *Гор. районе* работа больше всего страдает от недостатка работников. Связи всюду имеются обширнейшие, влияние партии чрезвычайно велико и при небольших усилиях опытный работник мог бы быстро создать большую организацию. То же замечается и в других районах. В Перес. р. имеется группа и один пропаган. кружок, в котором регулярно излагается программа партии. В Дальницком р. работа началась недавно, и развитие ее задерживается отсутствием пропагандистов. Образовалось 4 кружка и можно создать еще кружки, но некому вести занятия. Организована библиотека (500 названий). Каталоги раздаются по заводам. Районы еще не вполне оформлены.

В Ц. Б. входят представители нескольких еще не легализованных союзов. Большинство Ц. Б., которое, понятно, нелегально, — с.-д. На собрании Ц. Б. высказывались (с.-р-ами) взгляды, что нелегальные союзы всегда при современных условиях удобнее, чем легальные. Последние не могут смело действовать, п. ч. боятся за свое существование. Это — особая разновидность отзовизма. В отзовистах — Перес. группы и Дальн. р. Все же они в меньшинстве. Существующий здесь раскол (вызванный раскольническим поведением отзовистов) скоро устранится, т. к. отзовисты ставят вопрос об объединении в зависимость от решения Ц. К.

Тр.

ИЗ ПАРТИИ.

Из Польши.

Самым радостным явлением в жизни нашей польской партийной организации является несомненно регулярное, ежемесячное появление «Червонного Штандара». В конце 1906 г., благодаря случайной провокации, были провалены одновременно две больших хорошо оборудованных тайных типографии. Тем не менее «Червонный Штандар» вскоре стал опять выходить часто в Варшаве, где печатается непрерывно уже с конца 1905 года. В конце декабря великого года, после закрытия легальной с.-д. газеты «Трибуна Людова» *(Народная Трибуна)*, ее заменил сразу нелегальный «Червон. Штанд.», который несколько недель выходил ежедневно, потом 2 — 3 раза в неделю, а в последние два года, по крайней мере, раз в месяц, иногда чаще. На нем, конечно, отражались все бедствия партии, иногда он редактировался хуже, иногда лучше. Но после последнего IV съезда П. С. Д., ее главное Правление приложило все усилия к тому, чтобы ее нелегально выходящий орган отвечал своим задачам, и междурайонная конференция Варшавы 6 июня т. г. признала, что «Чер. Шт.» теперь более доступен для рабочих масс и по содержанию весьма интересен.

Надо иметь в виду крайне тяжелые полицейские условия в Польше, чтобы оценить значение регулярного появления в крае «Чер. Шт.», как самого главного организующего звена. Даже такие весьма ограниченные полулегальные и легальные методы организации партии, какие возможны в самой России, в Польше все еще принадлежат к области мечтаний, если иметь в виду не только процесс чисто идейный, а и процесс оформленной организации. Разновидная просветительная деятельность находится целиком в руках буржуазных элементов, рабочие и работницы не могут здесь играть другой роли,

---

Бисмарка-Путткамера, так же, как наше правительство Столыпина, всюду пустило заразу провокации. «Ни одно почти рабочее учреждение не обходилось без провокатора в 80-е годы» — пишет участник событий т. *Макс Цахау* (стр. 218). А преследования и репрессии, хотя и далеко отстающие от тех скорпионов, которым подвержены мы теперь, все же были чрезвычайно чувствительны. За один 1878-79 год было закрыто 217 рабочих союзов и обществ, 5 рабочих касс, 127 периодических изданий*. А приблизительные итоги за все время исключительного закона таковы: 1600 лет тюрьмы, 900 чел. высланных, закрытие 352 союзов, запрещение 1229 периодических и непериодических изданий**.

В других городах Германии построение организации было иным — в зависимости от местных условий. Копенгагенский съезд — 2-ой после изд. исключительного закона, апрель 1883 г., — разрешил местным организациям автономно выбирать те формы организации, котор. соответствуют конкретным условиям данного района***. Но всюду работа с.-д. руководства, договариванье до конца в области агитации и т. д. — происходило *нелегально*.

На всех трех съездах партии, имевших место за время исключит. закона (Виден, Копенгаген, Ст.-Гален) и заседавших в смысле внешних условий в совершенно «русской» обстановке (см. в протоколах описания того, как делегаты спали на соломе вповалку несколько дней, чтобы не выходить из дому, на Виденском съезде, или как датское правительство выгоняло Копенгагенский съезд, или как во время С.-Галленского съезда чуть ли не каждого делегата сопровождал в Швейцарию шпион), — представлены были кроме парламентской фракции, только *нелегальные* с.-д. организации и группы, производившие выборы своих делегатов, конечно, *нелегально*, слушавшие отчеты о съезде *нелегально* и т. д. Поручая руководство партией своей парламентской фракции, эти нелегальные съезды вместе с тем поручали фракции *кооптировать* для разных функций нечленов фракции, т. е. в большинстве случаев — деятелей нелегального движения.

«Партийная организация возобновлена — пишет со слов посетившего его Либкнехта К. Маркс в письме к Зорге от 5 ноября 1880 г. — *что могло быть сделано только тайным путем*, т. е. «тайно» постольку, поскольку дело касается полиции (курс. наш) *... «все внимание партийных товарищей концентрировалось на борьбе с полицией», — сообщает Карл Каутский, давая краткий очерк существования с.-д. во время исключительного закона**. «Во время

* См. *Шиппель*, S.-D. Reichstags-Handbuch, стр. 1040.
** *Шиппель*, Handbuch, стр. 1050-1051.
*** *Проток.* Копенгагенск. съезда, стр. 24.

* См. переписку с Зорге, стр. 190 русск. пер.
** См. его интересную статью-предисловие в «General-register der Neuen Zeit», стр. VII.

кроме роли пассивных слушателей. Попробуй они взять хоть часть этого дела в свои руки, чтобы таким образом найти легальную возможность для какой-нибудь просто рабоч., а не социалистической организации — на них обрушились бы не только охранники, но и польские «демократические» просветители. Кооперативное движение находится почти всецело в руках так. наз. «Христианской демократии» или вообще в руках мелкобуржуазных реакционных элементов. Действительно же пролетарские организации ни на одном поприще общественной жизни не могут действовать даже полулегально (исключая пару фактов, о которых здесь говорить не приходится). Одни только «христианские» союзы, ирсдводимые ксендзами, живут беспрепятственно. Даже националистические ироф. союзы рабочих, т. наз. «польские», открыто восстающие против классовой борьбы, не могут свободно действовать и часто подвергаются преследованиям. Остальные легальные союзы или перестали существовать или влачат самое жалкое существование, избегая даже тени классовой борьбы, чтобы спастись от ареста и закрытия. До чего доводит стремление к легальности во что бы то ни стало, можно видеть из следующего примера. В Лодзи в революционное время ленточники при помощи с.-д. проф. союза добились повышения платы на 50% и 9-час. рабоч. дня. Теперь фабриканты решили ввести 10-час. рабочий день и одновременно понизить плату. Рабочие перенесли вопрос о предстоящей борьбе в легальный проф. союз ленточников. На собрании союза решили, что может возникнуть стачка, которая приведет к арестам и закрытию союза. Чтобы избежать этого, решили подать три ирошения: жандармскому генералу, полицеймейстеру и Казнакову. Когда же вопрос этот опять стал на другом собрании союза, последний решил им вовсе не заниматься, а перейти к вопросу об устройстве... союзного оркестра! Не удивительно, что легальные союзы замирают в Польше сами, если власти не наносят им смертельного удара. Понятно и то, что среди рабочих постоянно проявляется стремление к экономическому террору, которому противодействуют лишь нелегальные с.-д. союзы. Впрочем, уже довольно давно стали вовсе отказывать в регистрации новым легальным союзам, не отрицающим открыто классовой борьбы, не примыкающим к «польским» или «христианским» союзам.

Несмотря на это, классовая борьба рабочих в Польше не теряет своей живучести, благодаря чему не теряют ее и партийные организации и нелегальные с.-д. проф. союзы. Районные и междурайонные собрания партии, как и профессион. организаций, происходят довольно регулярно особенно в Варшаве, затем в Ченстохове, Домброве, Лодзи и других фабричных местностях. Кроме вопросов внутрипартийных и организационных, главным пунктом агитации является деятельность Г. Думы в связи с выступлениями с.-д. фракции и Польского Коло. Чтобы содействовать этой агитации и дать ей направление, Главное Правление само принимает резолюции по важнейшим для агитации в Польше вопросам (напр., по поводу «пожелания» г. Дымши, Холмского Края) или печатает в «Чер. Шт.» тезисы для агитации (как напр., в последнем 171 № — тезисы о деятельности Гос. Думы в области рабочего законодательства и т. д. за 2 последних года), которые дают местным организациям инициативу и облегчают им ведение агитации.

С конца прошлого года оживилась деятельность некоторых нелегальных с.-д. проф. союзов и начался опять приток денег в их кассы. Особенную живучесть проявляет союз рабочих мучного производства (на конференции Варшавского его отдела в июле т. г. представлено около 300 членов, платящих регулярно взносы; в отчете за время от 1 апр. до 1-го августа значится доход: остаток 382,64 руб., вступительных 19 р., членские взносы 501,40 руб., членские книжки 2,70 руб.), рабочих кожевенников (242 члена в марте) и нескольких других меньших союзов. Но особенно ярко проявилась живучесть с.-д. проф. движения в грандиозном по стойкости рабочих локауте каменщиков в Варшаве.

В революционные годы с.-д. союз каменщиков был одни из самых сильных союзов. Каменщики добились 8-час. рабочего дня и удержали его вопреки огромному застою в этой профессии. Теперь предприниматели, в виду оживления дел и спешности работ, решили посредством локаута ввести 9-час. рабочий день, рассчитывая, что истощенные долгой безработицей каменщики сразу сдадутся. Еще до локаута, узнав о предстоящем натиске предпринимателей, с.-д. союз выпустил воззвание о призывом оказать сопротивление. «Чер. Шт.» после объявления локаута призывал к сбору денег. Предприниматели начали кампанию в прессе. Им от имени рабочих отвечал в той же легальной прессе легальный союз каменщиков, число членов которого нам неизвестно. Конечно, члены правления этого союза были арестованы. Но когда орган «польских» союзов стал нападать на легальный не «польский» союз за то, что он «самовольно» говорит и выступает от имени всех рабочих каменщиков, последний заявил в той же легальной прессе, что он действовал в полном согласии с другим союзом каменщиков, который по свидетельству авторов этого заявления насчитывает 1200 членов. Этот

законов против социалистов — пишет тот же К. Каутский в № 66 «*Искры*»* в той же самой статье, которую недавно пытались использовать с целью обелить ликвидаторов, — мы старались вводить в наши организации тех только, в ком они нуждались, кто работал над изданием, присмотром и распространением литературы, кто занимался добыванием и расходованием денежных средств, устройством демонстраций и т. п. Нецелесообразно было, наоборот, принимать в организацию людей, которые не должны были регулярно в ней работать, которые лишь, по мере надобности, поддерживали партию денежными средствами, личными услугами или участием в демонстрациях. Конечно, мы старались, по возможности, организовать и эти элементы в проф. союзы, в певческие ферейны и т. п. В России это все, конечно, невозможно. (*Было* невозможно. Статья Каутского писана в 1904 году, больше 5 лет тому назад). Но и у нас в *действительную тайную партийную организацию* эти сравнительно широкие организации не входили». Из этой цитаты ясно одно: «действительная партийная организация» была у герман. с.-д. эпохи исключит. закона *тайной*, и соц.-дем. руководство движением принадлежало именно этой организации, — что так не по душе у нас в России ликвидаторам и нашим товарищам, не решившимся еще окончательно отмежеваться от ликвидаторов. *Нелегальная* местная организация, разветвленная по всем фабрикам и заводам, с местным руководящим *нелегальным* центром, с *нелегальными* съездами, с *нелегальным* Ц. О., которому на всех трех съездах уделено было очень много внимания и который играл огромную роль в деле идейного руководства партией, — с *полулегальным* Ц. К. — такова схема организац. нем. тов. во время исключ. закона.

Нелегальная организация герман. с.-дем., как отмечает и Каутский в только что выписанной цитате, опиралась на легальные рабочие организации. Несмотря на все репрессии, усилиями соц.-дем. создавались *проф. союзы*, которые часто, чтобы избежать закрытия, обходили закон тем, что боевые функции (стачки и пр.) передавали формально в руки особых — номинально независимых от союзов — Lohn und Streikkommissionen (стачечные комиссии) и т. п. Создавались по инициативе и при помощи соц.-дем. рабочие клубы, певческие общества, читальни, школы, рабочие общества избирателей (Bezirkvereinen der arbeitenden Classen), союзы коммунального благоустройства (Vereine kommunaler Angelegenheiten), даже свободный народный театр и т. д. Больничные кассы, в которых уже в 1885 году состояло 874 207 член.*, были использованы самым полным образом. В области пропаганды были использованы «легальные возможности» для издания чисто-теоретического (и потому более терпимого для правительства) легального журнала — «Neue Zeit». Несмотря на все репрессии, несмотря на угрозы,

* См. Меринг, т. IV.

же «другой» союз не зарегистрован. И локаут был сломан стойкостью рабочих. Предприниматели проиграли сражение.

В заключение несколько слов по поводу одной бойкотистской позиции газеты «Голос Соц.-Дем.» в связи с польскими делами.

Учащаяся польская молодежь бойкотирует высшие учебные заведения в Польше. Польские студенты с.-д. уже в прошлом году начали пропаганду против этого бойкота, как потерявшего всякое значение в борьбе за польскую школу. На той же точке зрения стояла и стоит П. С.-Д. В июле т. г. съехались в Галиции польские студенты, чтобы решить вопрос о бойкоте. Единогласно решили бойкот продолжать, и чтобы не оставалось никакого сомнения насчет значения этого решения, не имеющего при современной обстановке ничего общего с революционной борьбой вообще, ни с действительной борьбой за польскую школу, большинство съезда придало своему решению явно реакционный характер, отказавшись выразить порицание Польскому Коло за его голосование за резолюцию октябриста г-на фон-Анрепа по вопросу о духе школьного образования. «Выдающееся по цельности мировоззрения, политическому воспитанию и непримиримости меньшинство — из левицы П. П. С.» (см. «Г. С.-Д.» № 16 — 17) голосовало также за бойкот и предложило свою резолюцию, полную противоречий и неслыханной идейной *трусости*. Эту резолюцию читатель найдет в «Г. С.-Д.» и вполне убедится, до чего доходит «цельность мировоззрения, политическое воспитание и непримиримость» левицовцев. Но «Голосу С.-Д.» нужно всегда доказывать, что левица П. П. С. есть прекрасная с.-д. партия, и поэтому, не дождавшись того, что скажет сама левица, «Голос» закончил статью еще одним гимном: «Что же касается Левицы П. П. С., то съезд воочию доказал, что не только ее рабочие, не только ее Ц. К., но и учащаяся молодежь, примыкающая к ней, стоит на вполне определенной точке зрения революционной с.-д.».

Но вот вышел № 218 «Работника»[12], органа левицы. К разочарованию «Голоса», оказывается, что левица и в этом вопросе поилелась за П. С.-Д. и в этом номере не только не проронила ни одного слова восхищения по поводу «цельности мировоззрения, политического воспитания и непримиримости» своих студентов, но прямо высказалась *против бойкота*...

Из Латышского Края.

На латышско-эстонский край контр-революция обрушилась особенно свирепо. Нигде так «успешно» не действовала виселица и пуля, казацкая нагайка и этапный конвой, как именно в этом культурнейшем уголке России. И более всего несомненно пострадала наша с.-д. организация. Но самодержавие не уничтожило ее, деятельность нашей партии не была прервана даже на короткий срок. И в настоящее время она оправилась уже от многих ударов. Число членов нашей организации уменьшилось на $^{2}/_{3}$: теперь вместо прежних 15 000 в рядах с.-д. Латыш. Края числится 5 000; из них 3 000 в городах и около 2 000 в деревнях. Ц. К., выбранный на 3-ем съезде, продолжает действовать в России. Ц. О. не перестает выходить, хотя бывают, конечно, перерывы вследствие провалов: со времени 3-го съезда (осень 1908 г.) вышло 6 номеров газеты «Циня» и 3 номера «Бюллетеня Ц. К.». В течение первых четырех месяцев этого года выпущено 230 000 экз. разных печатных произведений, в том числе первомайские прокламации в количестве 35 тысяч экз. Из деятельности Ц. К. можем отметить участие в коммунальной политике, составление проекта коммунальной программы и проекта распределения податей в сельских обществах, организацию и созыв конференций (городских и сельских), возобновление деятельности нескольких разрушенных местных организаций, участие в проф. и прочих легальных обществах и, наконец, устройство IV конференции с.-д. нашего края (в июне текущего года). В этой деятельности Ц. К. были несомненные промахи и принципиальные ошибки, но их теперь здесь разбирать не место и не время.

Уцелела организация потому, главным образом, что она носила и носит чисто пролетарский характер. Сравните нашу с.-д., хотя бы с пресловутым латышским «Союзом», с этой кучкой революционно-настроенных интеллигентов, которая претендовала на название политической организации, хвасталась (между прочим в русских с.-р. органах) своими «десятками тысяч» членов, — теперь им самим пришлось открыто признать (на конференции «работников союза», летом текущего года), что никакой организации у них не осталось (в сущности и не было никогда, за исключением, пожалуй, дней свободы).

Из деятельности местных организаций С.-Д. Латыш. Края приведем следующие сведения.

Рига. В Риге самая крупная организация. В ней теперь числится (на посл. конференции было представлено) 2 500 членов, распределяющихся по 5 районам. Руководящий орган — общегородская конференция, которая собирается раз в полтора месяца. Представители на конференцию выбираются по одному на 150 членов. На ней выбирается Рижский Комитет. Он руководит текущей работой и прово-

постоянно, как Домоклов меч, висевшие над головами этих рабочих ячеек, — они сыграли очень значительную роль в деле организации рабочего класса и в деле борьбы за низвержение исключит. закона. Но это именно потому, что они работали в полном единении с нелегальной с.-дем. организацией, а не против нее... У нас в России политическая обстановка контр-революции создает для таких легальных рабочих ячеек гораздо более неблагоприятную атмосферу полной неуверенности в завтрашнем дне, чудовищных насилий и репрессий. В России существуют целые огромные районы, где до сих пор нельзя и мечтать о каких бы то ни было легальн. раб. организ. Наши «легальные возможности» гораздо более случайны, частичны, гораздо менее гарантированы. Достаточно указать, напр., на участие наших проф. союз. в различных съездах. Участие это имело огромное значение для наших союзов, и с.-д. в свою очередь справедливо высоко ценили его. Теперь, после особенно удачного выступления с.-д. рабочий группы на съезде фабрич.-завод. врачей, участие это запрещено союзам, и нашим рабочим организациям придется искать новых путей *обхода* этого запрещения.

В силу всей нашей обстановки крепкая нелегальная рабочая организация для нас еще неизмеримо более необходима, чем для герм. с.-д. эпохи исключит. закона.

Нет никакого сомнения, что наши политические условия несравненно труднее, но история показала, что при наличности сколько-нибудь крупного передового слоя самодеятельных и классово-воспитанных рабочих, при наличности среди широких масс рабочих общей атмосферы сочувствия с.-д. идеям вообще и идее самостоятельной рабочей организации, — никакими репрессиями невозможно задавить стремления рабочих к открытой организации. Открытая ор-ция выльется в ту или другую форму, но она будет существовать. В этом отношении чрезвычайно интересна история рабочего движения в Австрии. Там еще в 70-х годах на рабочие организации обрушивались репрессии, не уступающие нашим. За принадлежность к с.-д-ии там несколько лиц в 1870 г. были присуждены к *5 и 6 годам* тюрьмы; за подачу петиции о необходимости широкого рабочего законодательства делегаты некоторых *легальных* проф. союзов и рабочих обществ присуждены были к *10-ти месяцам* тюрьмы, причем тем и другим прибавили еще *полное лишение пищи по одному дню в месяц* (даже у нас «суд» до этого пока не додумался)*. И тем не менее легальные и полулегальные рабочие организации продолжали существовать, несмотря на каторжный режим. Они нашли соответствующие формы: напр., трактиры сыграли там в этом деле огромную роль. Каждый цех имел свой трактир,

* См. Ю. Дейтч, История проф. движ. в Австрии, стр. 64 и др., нем. изд. Об уроках австр. рабоч. движения мы поговорим подробнее в особой статье.

дит в жизнь решения конференции. В нем участвует 1 член Ц. К. Пропагандой руководит городская коллегия пропагандистов (9-12 тт.). На ряду с ней существуют районные коллегии, состоящие почти исключительно из рабочих. Кроме того в Рижской организации работают 4 профессионала (3 латышей и 1 литовец). Бюджет рижской организации составляет 300-400 руб. в месяц, которые собираются исключительно из членских взносов. Рижский Комитет вносит в Ц. К. ежемесячно 150-200 рублей. В Рижской организации расходится ежемесячено 2 500 экз. газеты «Циня», каждой латышской прокламации 25-30 тыс. экз. В мае, напр., было созвано 4-5 массовок из организованных членов. Количество участников 40-100. За последнее время главный интерес сосредоточивался на следующих вопросах: местное самоуправление (в связи с выборами), организационные вопросы, пропаганда, политический момент и созыв партийного съезда. К первомайской забастовке Р. К. не призывал, считая ее неосуществимой. Прокламаций было распространено много, в разных местах вывешивались красные флаги (около 15). Вечером на Александровской улице была устроена небольшая демонстрация.

Резолюция против легалистов уже появилась в русской печати.

Митава. Прошлой осенью митавская организация начала работать особенно энергично. Митавский комитет хотел создавать даже свой печатный орган, была устроена типография, первый номер был уже набран, но вследствие провокации все провалилось. Были произведены массовые аресты, разъехалось много товарищей, в том числе вся пропагандистская коллегия. Этот удар расстроил ор-цию. Деревенские ор-ции лишились объединяющего центра. Роль последнего перешла на время к Баускскому району (в гор. Бауск).

К весне деятельность ор-ции была восстановлена. В апреле была созвана конференция. Присутствовало 10 представителей. Из докладов выяснилось, что ор-ция сильно пострадала, в ней осталось только 250 тов. Работе препятствует несоблюдение конспирации и провокация. По вопросу о съезде Партии Митавская конференция высказалась за его скорый созыв, причем в выборах должны участвовать только активные члены, выполняющие все партийные обязанности, выборы должны быть двустепенные, делегаты должны выбираться по 1 на 300 членов. Был выбран комитет из 5 членов. — В мае тоже была созвана конференция. Первого мая во всех районах, как в городе, так и в деревне, были вывешены красные флаги. — «Циня» расходится в количестве 250 экземпляров.

Виндава. После страшных провалов виндавская организация одно время прекратила всякую деятельность. Она восстановлена прошлой зимой (в дек.). К началу июня в ней считалось 60 членов. 1 мая (по новому ст.) были распространены прокламации и созвана массовка, которая закончилась пением революционных песен. Первого же мая по ст. ст. были вывешены флаги на могилах зверски убитых (в дек. 1905) членов виндавского комитета. Флаги были сняты полицией *только 5 мая*. Организационная деятельность разрастается. Комитет продолжает издавать гектографированный орган «Труд».

Либава. Здесь, кажется, орг-ия пострадала больше, чем в других местах. Число членов упало до 150-200. Городская конференция не собирается. Работой руководит Либ. комитет. «Циня» расходится в 200 экз. — Особенно печально обстоит дела в организационном смысле в деревне в окрестностях Либавы.

Деревенские организации. Энергичнее всего ведется работа в *Маленском* районе (окраина на границе с Витебской губ.). В ор-ции числится 400 членов. Регулярно происходят конференции, советы и кружковые собрания. Члены участвуют в легальных обществах. Организация содержит одного профессионального работника. — Осенью 1908 удалось провести много товарищей в сходы волостных выборных. Они в своей деятельности руководствуются указаниями организации. Был выработан проект распределения податей. Весною тек. года были устроены курсы пропагандистов, на которых участвовало 18 тов. Члены Маленской орг. заводят связи с латышами так наз. «Инфлянтии» (несколько уездов Витебской губ., населенных латышами). Отмечают, что в Инфлянтии много дворохозяев примыкает к социал-демократии.

В *Центральном* районе тоже восстановлена орг-ия. В ней теперь 150 чл., и она все разрастается. Издается собственный гектографированный орган.

Мадленская орг-ия (в Рижском уезде) работает без перерывов. В ней свыше 150 членов. Состав чисто пролетарский.

В *Тукум-Тальсенской* Ор-ции (в Курляндской губ.) после провалов в прошлом году деятельность прекратилась. В декабре орг-ия была восстановлена. На конференции деревенских работников 1 января она уже была представлена своим делегатом. В ней 80 членов.

Латыш.

Голос Бунда.

Мы только что получили изданный нелегально в России № 2 газеты «Голос Бунда», на евр. языке (сентябрь, 09 г. орган Центрального Комитета Бунда). Содержание № (в нем 26 страниц) следующее: Неотложная задача. — Перспективы и задачи. В. М. — К вопросу о нашей работе. Ю. Дина. — О характере нашей теперешней работы. Р — л. — Коронованный палач в гостях у европейских правителей. — Из рабочего движения в России: Э. — Из партийной жизни (содержание 3-х циркуляров Ц. К. Бунда. Об общепартийном съезде. О совещании большевиков. Отзовизм и ультиматизм. О ле-

---

где вершил все свои дела и где он оказывался совершенно неуловимым для полиции *.

Если бы наша российская социал-демократия не поняла и не учла этого, если бы она со всей серьезностью не отнеслась в нынешнюю эпоху к этим открытым рабочим организациям, такая ошибка действительно могла бы стать роковой. Но этого нет. Есть только извращение этой идеи на двух крайних полюсах партии, в двух маленьких, бессильных в смысле определения линии партии, группках: у ликвидаторов, желающих *растворить* с.-д. партию в бесформенных рабочих организациях и тем самым ликвидировать программу, тактику и традицию, и у ликвидаторов наизнанку — отзовистов-ультиматистов, желающих совершенно игнорировать открытые рабочие организации и тем бессознательно ведущих к отрыву партии с данного конкретного рабоч. движения наших дней. Внутрипартийные события последнего времени — лучшая порука тому, что «тактика» тех и других так и останется делом бессильных кружков.

Наша партия, как таковая, т. е. как организационное целое, может и должна воспользоваться в этой области опытом герм. тов. в эпоху исключит. закона. Но воспользоваться опытом опять-таки не значит рабски повторить. Мы старались сорганизовать широкие рабочие слои, сочувствующие соц.-дем., в проф. союзы, певческие общества, клубы и пр. — писал Каутский в вышецитированной статье. Мы к этому прибавляем: *внутри* этих проф. союзов мы стараемся сорганизовать тех рабочих, которые являются определенными с.-д., из них мы стремимся создать определенную партийную ячейку, которая была бы связана с нашей нелегальной партией *организационно*, которая вела бы работу в этих открытых организациях в определенном с.-д. направлении, как организованная группа, работающая под контролем своей классовой партии. Что наша партия должна принять деятельное участие в легальных рабочих организациях — для партийного большинства не подлежит ни малейшему сомнению. Весь вопрос, *как* работать в них. В единогласно принятой резолюции Ц. К. нашей партии о профессиональных союзах партия, как целое, дала определенные указания и прочно стала на определенный путь. Партийная оппозиция (или обе «оппозиции») должна дать свой *определенный* ответ на этот счет, что ею до сих пор, к сожалению, не сделано...

Известные черты сходства в положении германской с.-д. в эпоху исключ. закона и нашей партии в переживаемую ныне полосу породили и значительное сходство во внутрипартийной политической группировке. Германская соц.-дем. имела тогда тоже две «оппозиции». Одну составляла «оппозиция справа» — «парламентарные» социалисты,

* Нам сообщают о подобной же роли таких трактиров в одном из крупных южных городов, где контр-революция справляет наиболее шумно свое торжество, но где сатрапы оказываются совершенно бессильны в борьбе с новыми рабочими «цитаделями».

гальных возможностях). — О партийном съезде. — Хроника. У щетинщиков: а) локаут; в) стачка в Межиречье. — Корреспонденции из: Двинска, Бобруйска, Пинска, Варшавы, Вильно, Минска, Одессы, Ковны, Бреста, Риги, Могилева, Гомеля, Гродно, Витебска, Могилева, Лодзи, Кишинева. — Ответ «Работнику» (орган Р. Р. S. «левицы»). Некрологи: С. Сороко (Гриша столяр). Гершон Равребе («Курский»). О помощи жертвам революционного движения. — Приветствие Ц. К. Бунда шведскому пролетариату. — Заявления Ц. К. Бунда. Денежный отчет Ц. К. Бунда (от мая 1908 г. до июля 1909 г.).

Как и в первом номере, газета вновь посвящает много места вопросу о задачах партии в настоящий момент. Второй номер еще раз явственно показывает, что и в Бунде борются сейчас те же течения, что и в русской части партии: ликвидаторство и партийность. Наиболее интересной является статья т. *Ю. Дина*: «К вопросу о нашей работе». Автор страстно отстаивает позицию партийного большинства против ликвидаторов из Бунда и в особенности против ликвидаторов из русск. ме-ов, у которых, по словам автора, «за последнее время обнаруживается совершенно ясно тенденция все больше эмансипироваться от партии, ликвидировать ее». «*Все для партии, все посредством партии!*» — этими прекрасными словами заканчивается эта статья, написанная несомненно с точки зрения подлинного революционного соц.-дем. Другая статья на ту же тему подписана: Р—л. Последний старается занять среднюю позицию между т. Ю. Дином и М. Абр., крайним правым бундовцем, полуликвидаторская статья которого была помещена в 1 № «Голоса Бунда» и перепечатана в заграничных «Откликах Бунда»[13]. В том. Р—л пытается утверждать, что в Бунде таких ликвидаторов, как в русск. правом крыле нет, и что среди еврейск. с.-д. существуют только частные разногласия, причем некоторые из этих разногласий (как напр., по вопросу о нелегальн. орг.) основаны-де на простом «недоразумении». Чтобы прикрасить свою позицию, т. Р—л предпринимает героическую попытку столкнуть т. Ю. Дина и других партийцев-бундовцев с недавним большевистским совещанием и его резолюциями о партийном строительстве и легальных возможностях — попытка безнадежная потому, что в этих вопросах между бундовцами, выразителями мнений которых является т. Ю. Дин, и большевиками, насколько можно судить по писаниям тех и других, существует полная солидарность в основном.

С интересной статьей т. Ю. Дина, заслуживающей внимания всей партии, и с борьбой течений внутри Бунда вообще мы подробно ознакомим читателей в следующем номере.

В Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Уважаемые товарищи!

С 20 чисел января т. г. у нас в Московской организации поднялась агитация за устройство партийной школы. Эта идея нами рабочими была встречена очень сочувственно, и мы в районных коллегиях весьма горячо взялись за обсуждение ее. Из писем товарищей, агитировавших за школу, было ясно нам одно: их желание придти на помощь нам рабочим теми теоретическими силами и средствами, какие имелись в их распоряжении. Из лекторов называли имена *всех* видных теоретиков. По окончании агитационного периода, когда всем нам выяснилась окончательно возможность иметь партийную школу, приехал т. Михаил, работавший раньше в Москве, и предложил организовать выборы в школу, по одному товарищу от района. Выборная кампания велась на почве во 1) утверждения школы Областным Бюро М. Ц. П. Р. (*тогдашнего* состава) и во 2) на убеждении, что школа является высшим учреждением пропагандистского типа, поставившим себе целью дать теоретические знания партийным рабочим. Современный момент в программе отнесен был на конец занятий, с мотивировкой, что это сделано, чтобы увичтожить какие бы то ни было подозрения против школы во фракционности. Посылая нас сюда, организации дали нам наказ: освещать перед ними положение дел в школе и по окончании занятий вернуться на работу. Более двух месяцев мы работали в школе и в течение этого времени, а особенно на 3 месяце убедились, что намеченные комитетом школы и нашими организациями лектора отказываются читать лекции, одни по недостатку времени, другие, считая, что школа фракционна. Последнее заявление, между прочим, сделал и т. Рязанов. Видные вожди б-ков и м-ков, как тов. Ленин и т. Мартов, не могли читать лекций потому, что школа находится далеко от места их работы и от центра партийной жизни. Мы не будем здесь разбирать, почему инициаторы школы, взявшие на себя ответственность за организацию той части дела, которая приходилась на заграницу, поставили школу в такое положение, которое *объективно* не позволило партийным теоретикам и практикам принять в ней участие — такой разбор должны сделать наши организации. Мы же лишь констатируем факт, что из всех лекторов здесь читают только Максимов, Луначарский, Горький, Алексинский и «историк» Лядов (последний, между прочим, не выставлялся ни в одном из списков лекторов, предложенных организациями). В начале открытия школа

относительно которых Энгельс писал, что с падением исключительного закона они немедленно вылетят из партии, если не откажутся от своих мелкобуржуазных тенденций (см. переписку с Зорге), и о которых Бебель на Ст.-Галленском съезде партии сказал, что их чрезмерная склонность к «законодательной работе» могла бы даже вызвать раскол в партии»*. Другую составляла «оппозиция слева», те элементы, которые позднее сложились в группу «молодых» и были исключены из партии на Эрфуртском съезде 1891 года. (Их главари были Вильденберг, Вернер, Вилле, Ауэрбах, Ганс Мюллер и др. Часть «молодых», спустя 11 лет, по их просьбе, вновь была принята в партию). Эти сделали себе «платформу» из отношения к парламентаризму. Их предшественники под предводительством Моста и Гассельмана еще в самом начале исключ. закона вели агитацию за «отзыв» Бебеля, Либкнехта и др. депутатов (известен на этот счет ряд берлинских и др. резолюций). Мост очень скоро открыто перешел на сторону анархизма. Гассельман провозгласил с трибуны (он был депутатом), что «теперь не время для парламентской болтовни, а время для дела» и после этого сбежал из Германии, стал на время игрушкой в руках правительственных провокаторов, а затем канул в Лету. «Молодые» пробовали остаться в среде социал-демократии, но занять в ней более р-р-революционную позицию. Партия, благодаря парламентаризму, стала-де нереволюционной и мелкобуржуазной * — утверждали «молодые», цепляясь за Энгельса и искажая мнения последнего. «Молодые» вообще не прочь были изобразить, что они ближе к Марксу и Энгельсу, нежели партия в целом. Но Энгельс ответил на это резким третированием их, как «кучки зарвавшихся студентов». Несмотря на это, некоторые их них продолжали быть искренно уверенными в том, что именно они верны учению Маркса-Энгельса. То, что Энгельс говорил условно, эти

* *Протоколы* С.-Галленского съезда, стр. 13-14.

* См. книжку *Ганса Мюллера:* Классовая борьба внутри соц.-дем., стр. 20-22, см. речи Вернера в *протоколах* съезда *в Галле*, стр. 98, Ауэрбаха в протоколах Эрфуртского съезда и т. п. Обычно «молодые» оперировали отдельными действительными, а чаще мнимыми ошибками парламентской фракции. Зингер-де сказал, что «надо поддерживать правительство», Бебель апеллировал к патриотизму, Кайзер был за покровительственные пошлины и т. д. и т. п. Революционные с.-дем., конечно, вполне признавали необходимость деловой критики фракции. «Мы вполне признаем право партии подвергать фракцию самой резкой критике, мы принимаем от нее и императивный мандат»... — говорил Зингер на С.-Галленском съезде (Прот. С.-Гал. Съезда). Это же не раз подчеркивал Энгельс. Революцион. с.-д. отрицали лишь те выводы, которые делались из этого «молодыми», — выводы, которые, по нашему, могли бы быть названы: «отзыв» или «ультиматум».

выпустила листок, под которым мы все подписались, и где говорилось, что школа преследует чисто партийные цели и не связывает себя ни с одним фракционным течением. В конце 3-го месяца ясно обнаружилось, что в школе организовалась фракция, специально работающая над платформой. Правда, не на лекциях в школе, а в свободное от занятий время. Обойти молчанием этот факт в своих отчетах мы, рабочие, не могли и в последних письмах сообщили в расш. ред. «Прол.»[14] и в пославшие нас организации все, что знали.

На последнем собрании 30-31 октября н. с. Совет школы предъявил нам ультиматум: во 1-х, чтобы мы назвали ложными те выводы, которые сделала из наших писем редакция «Прол.», во 2-х, чтобы мы приняли, что отчеты школы составляются объективно, и в 3-х, чтобы мы заявили, что платформа разрабатывается по инициативе слушателей. Свой ультиматум Сов. школы подкрепил угрозой *нашего исключения из школы*, т. е. мы исключаемся в том случае, если не подпишемся под предъявленным заявлением. На это мы ответили следующим: 1) При посылке писем в расш. ред. «Прол.», а также в местные организации мы руководствовались директивами пославших нас организаций, ясно и определенно заявивших, во 1-х, требование иметь от нас отчеты, возможно полнее освещающие школьные работы, во 2-х, обязавших нас считать идейным руководителем расш. ред. «Прол.» и, в 3-х, точно указавших нам, что мы посылаемся в партийную школу за получением теоретической подготовки. 2) Если теперь, после отдельного оттиска из № 50 «Прол.», Совет школы считает нас виновниками тех выводов, которые сделал из наших писем «Прол.», и ставит на основании этого своего мнения вопрос о необходимости вышибить нас из школы, то мы с своей стороны должны заявить следующее: 1) Целью нашего коллективного письма было одно лишь желание выяснить расшир. ред. «Прол.» и пославшим нас организациям, что группа слушателей (7 чел.) и лектора стали на путь отступлений от прямых задач школы, намеченных ею раньше, в период ее организации. Фактами, обосновывающими это наше мнение, мы считаем, с одной стороны: все время проводимую систематически борьбу против идейного руководителя б-ских организаций России — редакции «Пролетария», которая (борьба) выразилась в ряде нападок и прямых клевет, подрывающих престиж руководящей организации, а с другой — работу группы слушателей и состава лекторов над платформой. Все это вместе взятое мешает, по-нашему, спокойному ходу дел и препятствует школьным теоретическим работам, ради которых мы только и присланы сюда. 2) Ответственность за выводы ред. «Прол.» из наших писем мы взять на себя не можем. Мы отвечаем перед партией только за свои сообщения — не больше, а во всех своих сообщениях мы *никогда* не заявляли организациям, а также ред. «Прол.» о фракционном направлении *лекций*. Наоборот, мы признавали и признаем полезным и необходимым для нас все *знания*, котор. получаются из лекций лекторов школы. 3) Мы, как личности, после нанесенных нам оскорблений на собр. Совета Школы, не могли бы продолжать оставаться в школе, но, как члены орг., обязанные подчиняться их директивам, мы остаемся в школе и слушаем лекции впредь до получения извещения от организаций их решения о дальнейшем поведении». Приняв это подписанное нами заявление, Сов. Школы *постановил исключить нас из школы*. Последнее постановление Совета мы решили обжаловать в Ц. К., и в виду этого решения мы теперь спрашиваем Вас, товарищи, какое преступление мы сделали для того, чтобы Сов. Шк. имел право положить на нас позорное клеймо исключенных из партийной школы, из учреждения, специально предназначенного, по директивам наших организаций, давать теоретические знания? Где те проступки, за которые мы могли бы быть лишены возможности учиться в пропагандистской школе? Неужели мы виноваты в том, что правдиво давали отчеты о своих действиях и жизни школы? С каких это пор, товарищи, нас, рабочих, стали гнать из партийно-просветительных учреждений лишь за то, что мы исполняли партийную дисциплину по отношению к пославшим нас организациям и их руководящим органам? Дальше, товарищи, войдите в наше положение и определите, насколько оно хорошо и удобно. Нас посылали учиться организации и мы затратили массу партийной энергии прежде чем добрались до школы; здесь мы очутились в положении ссыльных, совершенно оторванных от действующих заграничных центральных организаций. Единственная наша надежда была получить знания и приехать на место работниками. С этой надеждой мы жили здесь, на маленьком проклятом, полным темных дел, острове и работали, а теперь жестокое решение «партийно-бесконтрольного Совета» выбрасывает нас из школы и говорит нам: вся наша энергия потрачена даром; ваши организации ошиблись, посылая вас в школу, ибо здесь не школа, а место фабрикации новых фракционеров. Да, может быть, мы ошиблись; но неужели нашу мнимую ошибку нельзя было исправить другим путем, неужели нам нельзя было дать дослушать курс лекций и дождаться решения нашими

«революционеры» превращали в *безусловное*, то, что он говорил об отдельных ошибках отдельных депутатов, они возводили в теорию. «Du gleichst den Geist, den du begreifst, nicht mir (ты похож на свое собственное представление обо мне, а не на меня самого) с юмором ответил Фр. Энгельс «молодым» словами поэта.

Рядом с этими двумя оппозиционными течениями тяжелые условия существования с.-д. партии вызвали много мелких отщеплений и переходную ступень от правого крыла к прямому ренегатству некоторых ранее видных членов партии (Кернер и Финн, позднее бывший депутат Фирек и некоторые др.).

Всем этим мелким ручейкам и бессильным группкам противостояла *партия* в собственном смысле слова, — хребет германск. соц.-дем. Вождями этой революционно-социал-демократической *партии* были Бебель, Либкнехт, Зингер, которые пользовались ценными указаниями Маркса и после его смерти, в особенности, Энгельса. На всех съездах партии за это время — от Видена до Галле и Эрфурта — Бебелю, Либкнехту, Зингеру приходится воевать *на два фронта:* против «парламентаристов», салонных с.-д. и не в меру ретивых сторонников «самоограничения» с.-д. лозунгов — с одной стороны, и «молодых» и их предшественников — с другой. Война против первых не мешала им считаться с реальной обстановкой и делать уступки «духу времени». Война против последних не мешала им сохранить принципиальную чистоту и широту революционного размаха. В этом смысле Бебель был совершенно прав, когда писал Энгельсу: «Alter, du und ich, wir sind die einzigen «Jungen» in der Partei!». («Старина, ты да я, мы единственные действительно «молодые» в нашей партии!»).

И это основное течение партии вывело германский пролетариат на широкую дорогу открытой, массовой борьбы, принципиально выдержанной тактики и политики. Носителями именно этого течения были те десятки и сотни практических вождей-рабочих, которых в гораздо большем числе, чем наша партия, подготовила герм. с.-д. в период своего открытого существования. С изданием исключит. зак. интеллигенция бежала из партии, по выражению Каутского (см. упомян. предисловие), «как от чумы». Передовые рабочие взвалили всю тяжесть практической работы на свою спину и выковали всю классовую партию, вопреки всем невзгодам, вопреки всем чудовищным препятствиям.

* * *

Мы закончили наш очерк развития герм. с.-д. в эпоху исключит. закона. Какие уроки вытекают из него до нас? Какой ответ в применении к нашим условиям должны мы дать на вопрос: *что делать?* — Прежде всего научиться *агитировать* и в настоящую тяжелую полосу жизни нашей страны. *Планомерной, политической и экономической с.-д. агитации*, для начала хотя бы в скромных размерах, — вот чего нам больше всего нехватает теперь. Ближе к

организациями вопроса о том, что нам делать. Мы предлагали организационный путь для решения вопроса, его отвергли и учинили над нами и нашими организациями насилие.

У нас остается последнее организационное средство, это обращение с просьбой решить дело к Вам, товарищи, к Цент. Ком-ту Р. С.-Д. Р. Партии.

Просим настоящее заявление напечатать в Центр. Орг. Партии.

Посланные от Моск. Окр. Орг. *Пахом и Аля Алексинский.*
Москва, Сокольничий район *Староеер.*
Москва, Пресне-Хамовнический район *Василий.*
От Орловской областной орг. *Фома.*
Солидарен с заявлением товарищей *Михаил.*

1) *От ред.* По поводу последней подписи считаем нужным отметить, что тов. Михаил был одним из инициаторов «школы» и практическим ее организатором. Он был одним из двух лиц, подписавших первое воззвание о школе [18].

Севериан Джугели.

НЕКРОЛОГ.

6-го августа (по ст. ст.) в тифлисском Метехском Замке, после 3-4-дневной болезни, скончался депутат от тифлисской губернии во 2-й Гос. Думе, тов. Севериан Джугели, член нашей партии. Он был арестован последний раз вместе с другими в Тифлисе, в редакционной каморке — «Чвени-Азри [16] («Наша Мысль») 5 мая н. г. Самодержавные палачи собирались его, как скрывающегося депутата с.-д. фракции 2-й Гос. Думы, препроводить в Петербург на заклание пред «высшим» имперским судом... Но судьба судила иное... Мрачный Метехский замок проглотил и тов. Севериана, как 6 лет тому назад (1903 г.)— его близкого друга, т. *Ладо Кецховели*, основателя первой с.-д. нелегальной газеты на груз. языке — «Брдзола» [17] («Борьба») и первой партийной типографии на Кавказе... Правда, последнего сразила пуля отуманенного невежеством и злобой часового... А Севериан скончался «мирно», «спокойно»...

Ему не довелось, как и многим и многим нашим собратьям-революционерам, жить и бороться более нормальной продолжительности жизни современного человека... Ему было не более 35 лет от роду. Но жизнь во всех отношениях симпатичного Севериана достаточно богата, чтобы оставить по себе светлую память в рабочем классе.

Тов. Севериан родился в 1874 г. в селе Чхари, Шорапанского уезда, Кутаисской губ. Первоначальное образование получил в родном селе... Затем, по окончании в 1891 году Кутаисского духовного училища, поступил в Тифлис. Духовную Семинарию, откуда был уволен в 1893 г., как один из руководителей невиданной до того по своей продолжительности и выдержанности (— продолжалась забастовка 8-9 месяцев — с конца 1893 — до начала сентября 1894 г.) ученической забастовки.

В этот период, т. е. будучи еще учеником семинарии, Севериан, занимаясь самообразованием, попадает в один из первых марксистских кружков... Получив первое знакомство с марксизмом в кружке, он самостоятельными занятиями успевает скоро усвоить это учение довольно основательно... С 1895 г. он является одним из очень ограниченного тогда количества пионеров марксизма на Кавказе. Он много содействует вышеупомянутому т. Кецховели в его работе по организации первой нелегальной техники и первой нелегальной с.-д. газеты на Кавказе. Потом, через много лет, он пишет о нем, по предложению Кавк. Союзн. Комитета партии, брошюру, изданную нелегально на 3-х языках. Легально он сотрудничает в грузин. марксистском органе «Квали» [19]. Первый раз арестован в 1902 г., и после 6-месячного сидения до суда освобожден. Чрезвычайно слабый, почти больной, он едет на отдых на родину... Но проведав о I съезде Кавказск. с.-д. Союза и первых попытках организации партийных комитетов в Кутаисе и Гурии, он переезжает в Кутаис и вместе с пишущим эти строки работает в области организации. Так он едет вместе с ним в Батум по делу партийных организаций в Гурии, Батуме, Мингрелии и проч.

В 1903 г. — в конце его — его вместе с другими товарищами высылают — по делу 1902 года — на три года в Сибирь, откуда, за сокращением срока, по манифесту, он возвращается в Тифлис в 1905 г. — летом.

Обремененный семьей, он не покидает партийн. работы... Примкнув к фракции «меньшинства», он с того времени работает в местной организации, участвуя на местных и областных конференциях и съездах вплоть до избрания его в депутаты от Тифлис. губ. во 2-ую Гос. Думу. Участвовал он и на Лондонском общепартийном съезде 1907 г.

По природе скромный и молчаливый, он больше приспособлен был к работе пропагандиста литератора, чем оратора и агитатора.

массам, с ними спаять нашу организацию, научиться делать широкую, систематическую агитационную кампанию и из путешествия царя по Европе, и из законопроектов о страховании рабочих; и из поездки депутатов в Лондон, и из гонений на профессиональные союзы; и из кровавой волны смертных казней, и из локаута кожевенников в Виленской губернии; и из восстания в Каталонии, и из Рыковской катастрофы; и из принятия закона 9 ноября, и из безработицы; и из 9 января, и из 1 мая; и из утверждения расходов на армию, и из стротельной катастрофы в С.-П. Б.; и из законопроекта с.-д. фракции о 8-часовом рабочем дне, и из съезда фабрично-заводских врачей; и из стачки трамвайщиков, и из съезда объединенного дворянства; и из гонений против Финляндии, и из съезда против борьбы с пьянством... Надо втягивать* в эти агитацион. ками., надо расширять и углублять их, надо переносить их на открытую, но возможности, легальную арену. Надо от частного итти к целому, надо бороться за принципиальную выдержанность этих кампаний с тем большей настойчивостью, что, как показал уже опыт, многие склонны полагать, будто в таких «мелочах» нет места «ортодоксальной» выдержанности.

В области организации несравненно более тяжелые условия заставляют нас добиваться более оформленной, более крепкой нелегальной организации. Укрепить старую нелегальную организацию, приспособить ее окончательно к новым условиям существования; добиться того, чтоб на всех фабриках и заводах мы имели дееспособные партийные рабочие группы; окончательно втянуть в организацию и сроднить с нею лучшие, марксистские и действительно партийные элементы, работающие в легальных рабочих ор-ях, *без различия фракций*, сделать так, чтобы в каждой легальн. раб. организ. беспартийные рабочие видели не отдельных одиночек с.-д. — или, что еще не искоренено окончательно: одиночек, называющих себя с.-д. и на деле борющихся *против с.-д. партии*, — а *с.-д. коллективы*, чувствующие связь с с.-д. партией, говорящие от ее имени, ответственные за нее и перед ней, выступающие в проф. союзе при каждой экономической забастовке, в каждом практическом шаге, в рабочем клубе, кооперативе, обществе избирателей, певческом и музыкальном кружке, *как организованная ячейка Р. С.-Д. Р. Партии*... Лишь в этом случае мы создадим сильную с.-д. организацию рабочего класса, подготовим его к новым битвам и перейдем от обороны к наступлению!

Широкая планомерная политическая и экономическая агитация!

Крепкая нелегальная с.-д. организация, живущая жизнью масс, только об их потребностях и злобах дня помышляющая, имеющая — в виде оформленных партийных ячеек — свои опорные пункты во всех открытых и полуоткрытых партийных организациях!

Остальное приложится! *[Г. Зиновьев.]*

[8] «Искра» — руководящий орган российской социалдемократии в период 1900 — 1903 годов. Основанная по инициативе Ленина, которому в газете принадлежала роль идейного руководителя и организатора, «Искра» начала выходить в 1900 г. в Мюнхене. С апреля 1902 г. издание «Искры» переходит в Лондон. С самого начала внутри редакции «Искры» выявился ряд разногласий по вопросам построения программы, аграрно-крестьянскому вопросу, диктатуре пролетариата и другим, выявивших оппортунистическую позицию Плеханова и других членов редакции, поддерживавших его. Эти разногласия привели к расколу на большинство и меньшинство на II съезде партии. Ленинская или старая «Искра» была не только литературным предприятием — она являлась одновременно и организующим центром по созданию большевистской партии. Отстаивая революционный марксизм и ведя непримиримую борьбу со всеми видами оппортунизма в рядах социалдемократии и с народничеством, «Искра» проделала в то время, под руководством Ленина, громадную работу, приведшую к оформлению большевизма в 1903 году.

При ближайшем участии и под руководством Ленина вышли первые 51 номер. Номер 52 вышел под единоличной редакцией Г. Плеханова, вскоре кооптировавшего в состав редакции Мартова, Аксельрода, Потресова и Засулич. С № 53 «Искра», хотя формально выходила как ЦО партии, на самом деле была уже органом меньшевиков; выходила до октября 1905 года.

[9] Здесь пропущено слово: массы.

[10] 280 дней — норма исчисления пенсии для торговых служащих, предложенная кадетами в Государственной думе; социалдемократическая фракция предлагала 300 дней.

[11] Здесь, повидимому, опечатка: нужно читать: «бойко голосовавшие».

[12] «Работник» — нелегальный орган ППС. Издавался с 1894 г. до конца 1906 года. В 1906 г. после раскола ППС на «правицу» и «левицу» обе партии издавали газеты под тем же названием. Орган левицы занимал в годы реакции позицию, близкую к меньшевикам. Перед войной 1914 г. издание «Работника» было прекращено.

[13] «Отклики Бунда» — непериодический орган Заграничного комитета Бунда, выходил в Женеве — с марта 1909 г. по февраль 1911 года. Всего вышло пять номеров. По своей политической линии это издание было подголоском ликвидаторского «Голоса Социал-Демократа».

[14] Слушатели — ленинцы (Панкратов, Романов, Козырев, Люшвин и Н. Вилонов) послали в редакцию «Пролетария» письменный протест против поведения лекторов, в котором заявили, что считают невозможным свое дальнейшее пребывание в такой школе, где открыто группируются «кадры» максимовцев (т. е. богдановцев) и уже началась выработка программы. Редакция «Пролетария» выпустила этот протест вместе с письмом И. И. Панкратова и статьей Ленина «Позорный провал» (Соч., т. XIV, стр. 195 — 196) отдельным оттиском из 50 номера «Пролетария», который вызвал в школе настоящую бурю. Было созвано экстренное собрание школьного совета, на котором богдановцы потребовали от ленинцев отказа от протеста; последние на это не согласились и внесли письменное заявление, в котором утверждали, что группа учеников и все лекторы ведут фракционную работу. В результате пять ленинцев, вместе с Н. Е. Вилоновым, были исключены из школы и в первой половине ноября отправились в Париж (см. примечание 9 к № 7 — 8 «Социал-Демократа»).

В Приложении к № 50 «Пролетария» (ноябрь 1909 г.) был напечатан отчет исключенных учеников о Каприйской школе (Отчет о школе в NN) и большая статья Н. Е. Вилонова «О платформе отзовистов ультиматистов».

[15] См. некролог: «Никифор Ефремович Вилонов» — № 14 «Социал-Демократа».

[16] «Чвени Азри» — меньшевистский орган, выходил в Тифлисе в 1909 г. (29 апреля — 20 июня). Всего вышло 43 №№ на грузинском языке. После небольшого перерыва вышло с 1 июля еще девять номеров (№ 44 — 52).

[17] Брдзола («Борьба») — первая нелегальная социалдемократическая газета (на грузинском языке), основанная Ладо Кецховели. Вышло только три номера. Издавалась в Баку в 1901 — 1902 годах.

[18] «Квали» («Борозда») — еженедельная меньшевистская газета на грузинском языке, основанная Г. Церетели в 1893 году. С января 1898 г. «Квали» переходит в руки радикальной грузинской интеллигенции, марксиствующего общества Месамедисистов. Редакторами были меньшевики Н. Жордания и Топуридзе. Газета издавалась легально и была закрыта в административном порядке в 1904 году.

Ответственный редактор Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Техническая редакция В. БРЮХАЧЕВ, И. ГАЛАКТИОНОВ.
Книга сдана в набор 10/VI 1932 г. Подписана к печати 22/VIII 1933 г. Партиздат № 1445/м. Тираж 5375. Ленгорлит № 22231. Заказ № 123
Бумага 62×94 см. 24 печ. лист. (1.040.890 тип. знак. на 1 бум. лист). Бумажных листов 12. Вышла в свет — сентябрь 1933 г.

2-я типография „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26.

